У 376/338
-О-С-Д-Л

...тека Г. И. ДОЛГОВА.

ТВЕРЬ.

Библіотека убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ обращаться съ книгами аккуратно и бережно, не писать на нихъ замѣтокъ, для обмѣна присылать книги непремѣнно заверну...ми. Книгъ изорванныхъ и испачканныхъ, съ вырванными листами и картинами библіотека не принимаетъ и вычитаетъ ихъ стоимость изъ залога. Во избѣжаніе недоразумѣній, предлагается г.г. подписчикамъ осматривать книги при полученіи ихъ изъ библіотеки.

Библіотека Г. И. ДОЛГОВА.

И 376/338

ТВЕРЬ.

Библіотека убѣдительно проситъ г.г. подписчиковъ обращаться съ книгами аккуратно и бережно, не писать на нихъ замѣтокъ, для обмѣна присылать книги непремѣнно завернутыми. Книгъ изорванныхъ и испачканныхъ, съ вырванными листами и картинами библіотека не принимаетъ и вычитаетъ ихъ стоимость изъ залога. **Во избѣжаніе недоразумѣній, предлагается г.г. подписчикамъ осматривать книги при полученіи ихъ изъ библіотеки.**

24 ф
Б-92.8-
Т.О.С.Д.П.

О СОВРЕМЕННЫХЪ ДУХОВНЫХЪ ПОТРЕБНОСТЯХЪ

И 376/338
ф 1-79
14887

МЫСЛИ И ЖИЗНИ,

ОСОБЕННО РУССКОЙ.

КНИГА ВЪ ЦѢЛОСТИ.

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ СТАТЕЙ

А. Бухарева.

№ 1229

И Іудеи требуютъ чудесъ, и Еллины ищутъ мудрости; а мы проповѣдуемъ Христа Распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе; для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ и Еллиновъ, Христа Божію силу и Божію премудрость. *1 Кор. I, 22—24.*

Они будутъ вести брань съ Агнцемъ, и Агнецъ побѣдитъ ихъ; ибо онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей; и тѣ, которые съ Нимъ, суть званные и избранные и вѣрные. *Апок. XVII, 14.*

Лицемѣры! лице земли и неба распознавать умѣете; какъ же времени сего не узнаете? *Лук. XII, 56.*

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МАМУХИНА.
1865.

Дозволено С. Петербургскою Духовною Цензурою, 31 Августа 1864 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
19441-46

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА.

По мнѣнію многихъ, только тотъ распознаетъ свою современность и служитъ удовлетворенію истинныхъ ея потребностей, кто угадываетъ и умѣетъ дѣлать все такое, къ чему современники неудержимо стремятся, чего ищутъ или ожидаютъ они сознательно или только инстинктивно, что̀ готовы охотно принять. А напротивъ, и съ горячностію или съ самоотверженіемъ служащій какой бы ни было мысли и дѣлу, отъ которыхъ современники большею частію отворачиваются, причисляется многими только къ энтузіастамъ-мечтателямъ. Бываютъ времена, въ которыя это и вѣрно такъ. Вотъ, напримѣръ, Константинъ Великій провозгласилъ Христіанство господствующимъ въ Римской Имперіи именно въ такое время, когда все къ тому было готово и всѣ того только и ожидали. Юліанъ, усиливавшійся тогда поднять упадшее язычество, не понималъ своего времени; отступничество его составляло жалкую службу не только губительной, по своей лживости, но и совсѣмъ уже несбыточной мечтѣ.

Но бываютъ и другія времена, истинныя потребности которыхъ ясно сознаются и живо ощущаются только избранными, хотя бы разъясненіе и удовлетвореніе этихъ потребностей предлагалось всѣмъ открыто. Въ такія времена большинство современниковъ обыкновенно или съ тупымъ непониманіемъ и невниманіемъ, или даже съ ожесточенною враждою относятся къ разъясненію и

удовлетворенію самыхъ неотступныхъ и настоятельныхъ современныхъ потребностей. Это — времена трудныхъ и тяжелыхъ духовныхъ посѣвовъ, отъ которыхъ уже будущее только можетъ весело и безъ тяжкихъ трудовъ собирать плоды. Такъ, это же самое Христіанство, которое при Равноапостольномъ Константинѣ явилось въ славѣ своего торжества и господства надъ міромъ, первоначально открылось и распространялось въ мірѣ въ такое время, когда оно большинству современниковъ казалось—однимъ, и это чтителямъ истиннаго Бога—Іудеямъ, *соблазномъ*, а другимъ,—язычникамъ, и именно искателямъ и поклонникамъ мудрости, *безуміемъ*. Только избранные, любящіе истину до готовности жертвовать для нея собою, умѣли во *Христѣ распятомъ* за грѣшный міръ узнавать и принимать вседержавную *Божію силу* и всеобъемлющую *Божію премудрость*, принесшую спасеніе міру, который заблуждалъ и гибнулъ въ то время уже равно и въ іудействѣ и въ язычествѣ.

За чѣмъ же говорю это?—Не болѣе, какъ въ ободреніе для себя и вмѣстѣ въ нелишнее предупрежденіе для моихъ читателей. Если нѣкоторые стараются и нынѣ обратить въ соблазнъ для себя и другихъ „принципъ (какъ они глумливо выражаются) Агнца Божія“ или слово о Христѣ распятомъ за грѣшный и заблуждающій міръ, а большинство другихъ остается безъучастнымъ и невнимательнымъ къ такому слову, занимаясь своими дѣлами и принципами: то это еще не составляетъ признака мечтательности и тщеты усилій служить слову крестному (1 Кор. I, 18) тѣмъ, чтобы, для раскрытія предъ міромъ жизненнаго свѣта Православія и для истиннаго удовлетворенія современныхъ нашихъ потребностей, проводить

начала Христовой истины и благодати и во всякія мірскія области жизни и знанія, руководясь въ этомъ человѣколюбивымъ духомъ Самаго, нисшедшаго въ міръ и вземлющаго грѣхи міра, Агнца Божія—Христа. Этой задачѣ посвящены всѣ, предлагаемыя здѣсь, статьи. Любящимъ истину предлежитъ вникать въ дѣло истины безъ пристрастія и пренебреженія, равно преступныхъ въ этомъ священномъ для всѣхъ дѣлѣ, отъ котораго зависятъ всѣ свѣтлыя надежды жизни настоящей и будущей. Непринимающіе же любви къ истинѣ обречены уже за это словомъ Божіимъ (2 Сол. II, 10—12) на такое наказаніе, чтобы не понимать и не принимать истины, а вѣрить и слѣдовать лжи или ея направленію.

Предлагаемыя статьи раздѣляются на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ содержатся „Разговоры“. Основаніемъ ихъ служили частію дѣйствительные разговоры, какіе приводилось мнѣ имѣть съ разными личностями. Во второмъ выпускѣ заключаются „Статьи, касающіяся нашей литературы духовной и свѣтской“. Въ современной литературѣ нерѣдко у насъ затронутъ какой либо важный вопросъ, да такъ его и оставятъ или обратятъ въ предметъ *личныхъ* перетолковъ и споровъ. Подобные случаи я и бралъ въ предметъ своихъ статей, на сколько это могло относиться къ объясненной выше ихъ задачѣ.

Авторъ.

I.

РАЗГОВОРЪ.

По поводу предначертаній преобразованія русскаго судопроизводства, о движеніи русской мысли по вопросу о взаимномъ отношеніи между свѣтскимъ и духовнымъ.

Обстоятельства сблизили меня съ однимъ достойнымъ священникомъ. Я привыкъ дѣлиться съ нимъ всякимъ сильнымъ впечатлѣніемъ и всякою дѣльною мыслію, желая бесѣдою съ нимъ, какъ съ своею совѣстію, повѣрить себя и направить къ лучшему свой образъ мыслей и дѣйствій. Когда опубликованы были предначертанія Правительства о преобразованіи у насъ судопроизводства, я поспѣшилъ къ этому любимому и уважаемому мною человѣку подѣлиться своею радостью о такомъ, желанномъ всѣми добрыми и разсудительными русскими, преобразованіи.

— Батюшка, батюшка, говорилъ я, не скрывая своего восторга. Конецъ теперь взяткамъ и взяточникамъ! Конецъ этому крючкотворству, растягивающему дѣло до безконечности, подобно какъ иной недобросовѣстный лекарь старается протянуть и пустую болѣзнь богатаго паціента, имѣя въ виду опустошеніе его кошелька! Мы теперь приравниваемся съ Англіей и Франціей въ самомъ общенародномъ добрѣ, какое есть въ этихъ земляхъ. И у насъ будетъ судопроизводство гласное, открытое для всего народа! Таланты, образованіе, стремленіе послужить общественному благу, все это, что при бюрократическомъ порядкѣ обыкновенно остается безъ полнаго примѣненія къ дѣлу и даже большею частію потухаетъ, едва успѣетъ хорошо засвѣтиться въ молодомъ человѣкѣ,—все это теперь пойдетъ въ

дѣло, въ живой оборотъ на пользу матушки нашей — Россіи. Есть, батюшка за что вамъ возблагодарить Создателя предъ святымъ Его престоломъ!

— Именно, именно такъ, отвѣчалъ священникъ также съ живою радостію, свѣтящеюся въ его глазахъ и слышною въ его словахъ. Богъ, любя Россію, далъ ей такого добраго, такого смѣлаго и твердаго въ добрыхъ преобразованіяхъ Государя.

— Только бы, примолвилъ я отъ себя, и намъ далъ Господь покрѣпче упрочить за собою то добро, которое Царь строитъ и готовитъ для насъ.

Говоря это, я имѣлъ въ виду вызвать священника сейчасъ же къ разсужденію о предметѣ, принесшемъ и ему, какъ мнѣ, радость о благѣ отечества. Но, къ моему удивленію, отецъ Іоаннъ (это его имя) посмотрѣлъ на меня какъ-то грустно и отозвался на мои слова слишкомъ общо.

— Извѣстно, что, для устройства и прочнаго дѣйствія добраго порядка въ судопроизводствѣ, надо намъ любить правду и вооружаться, пожалуй, общественнымъ мнѣніемъ противъ неразумія и низостей неправды.

— Такъ, батюшка, замѣтилъ я, это ужъ само-собою разумѣется. Позвольте однакожъ прямо сказать вамъ, что эта мысль ваша не слишкомъ-то много возвышается надъ тѣми «общими мѣстами», которыхъ вы такъ не любите, въ которыхъ и я, подъ вашимъ именно вліяніемъ, признаю уже крайнюю недостаточность и ветхость для того, чтобы полагать ихъ въ прочное основаніе какого-бы ни было добра. Видите, я не пропускаю вашихъ рѣчей мимо ушей; ваши мысли глубоко западаютъ въ мою душу. Я привыкъ о многомъ мыслить и даже выражаться по вашему.

— Что-же? Неужели вамъ угодно, спросилъ меня отецъ Іоаннъ, чтобы я пустился разсуждать съ вами, откуда намъ брать мировыхъ судей въ иныхъ средахъ нашего отечества, или куда дѣвать многихъ изъ служащихъ при нынѣшнемъ порядкѣ судопроизводства, которые, съ совершеніемъ преобразованія, окажутся лишними? На рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ, на устройство и развитіе новаго порядка судопроизводства съ

такою проницательностію, чтобы это преобразованіе обошлось сколько можно легче и спокойнѣе для всѣхъ классовъ общества, начиная съ приказно-служебнаго при прежнемъ порядкѣ судопроизводства,—на все это есть особенные люди, имѣющіе прямое къ тому призваніе. Мое духовное дѣло—служить молитвою и благодатію таинствъ собственно тому, чтобы и въ этихъ людяхъ, призванныхъ Царемъ къ обсужденію и полному развитію новаго порядка въ судопроизводствѣ, былъ духомъ своей благодати и истины самъ Христосъ Господь, просвѣщалъ ихъ разумѣніе, направлялъ волю ихъ къ лучшему.

— Но, мой добрый батюшка, возразилъ и я, съ вашихъ-же словъ, которыя слышать я (безъ лести говорю) вмѣняю себѣ въ истинное счастіе, скажу вамъ, что вы обязаны служить благодатному въ гражданствѣ дѣлу не только молитвою и благодатію таинствъ, какъ вы сейчасъ сказали, но и словомъ истины. Какъ мы, свѣтскіе, дадимъ въ себѣ, въ своемъ духѣ и мысляхъ, покойное мѣсто нашему Господу и Спасителю, если не будемъ знать (знать не по «общимъ мѣстамъ»), какъ Его принять по тому или другому дѣлу свѣтскому и гражданскому? Я очень хорошо помню, какъ вы сами изъяснили мнѣ слова Равноапостольнаго Царя Константина, сказанныя имъ Епископамъ: «вы—Епископы во внутреннихъ дѣлахъ Церкви, а я (Епископъ-же) во внѣшнихъ». Когда, именно по поводу этихъ словъ, я напомнилъ вамъ, что Наполеонъ I-й никакъ не хотѣлъ согласиться съ теоріею папизма, будто іерархія и во главѣ ея Папа составляютъ *душу*, а гражданскіе власти и порядки *тѣло*, одушевляемое и правимое этою душею, то вы взяли сейчасъ же сторону Наполеона. Вы говорили, что нашъ Господь и Спаситель, въ Которомъ наша истина и жизнь, хочетъ принадлежать разумѣнію и сердцу и гражданскихъ дѣятелей (да и всѣхъ людей) не менѣе, какъ церковной іерархіи, которая именно этому и призвана послужить благодатію священства своего; вы представляли мнѣ, что на внутреннее усвоеніе себѣ Христа живою мыслію и волею права у всѣхъ вѣрующихъ равны и всѣмъ общи, что въ этомъ отношеніи даже *нѣтъ полъ мужескій и женскій*, или отъ мужчины не разнится и женщина, когда по-

слѣдняя даже рѣшительно отчуждена отъ самой возможности доступа къ іерархическому служенію. Глава и душа наша, общая вѣрующему гражданству съ церковною іерархіею, говорили вы, есть одинъ и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а мы, и свѣтскіе и духовные, составляемъ благодатное тѣло Его единаго; мы разнимся взаимно, отнюдь не какъ душа и тѣло, а только какъ разные члены и разные органы одного общаго Христова тѣла. Въ тѣлахъ внѣшнихъ или гражданскихъ, говорили вы—и я никогда не забуду этихъ безцѣнныхъ вашихъ словъ—можно и должно православному разумѣть и усвоять Христа такъ-же внутренно и глубоко, какъ и въ прямыхъ духовныхъ или внутренно-церковныхъ дѣлахъ; въ жизни православно-гражданской, говорили вы, надо непремѣнно проводить силу и свѣтъ Христовой истины и благодати, если не хотимъ упасть въ своемъ гражданствѣ до уровня съ гражданствомъ невѣрныхъ, напр., магометанъ или язычниковъ, которые тоже заботятся и умѣютъ устроять у себя, по возможности, разные добрые порядки. Вѣдь это ваши рѣчи? Поэтому, повторю вамъ, вы обязаны разъяснить намъ, какъ намъ, по тому или другому дѣлу или вопросу гражданской жизни, усвоить или *пріобрѣсть* самого человѣколюбиваго нашего Господа, какъ намъ привести въ ту или другую (особенно вновь возникающую) отрасль нашей общественной жизни человѣколюбивую Его истину и благодать?

Высказывая эти мысли съ жаромъ, я примѣчалъ, какъ разгорался огонь и свѣтъ въ глазахъ моего досточтимаго собесѣдника. Но когда я кончилъ и ждалъ живаго духовнаго слова на вопросъ о судопроизводствѣ, отецъ Іоаннъ словно ушелъ отъ меня въ себя и на мою задушевную рѣчь отвѣчалъ опять уклончиво:

— Но, дорогой мой, разъясните мнѣ сами напередъ, какъ мнѣ, при требуемомъ вами разъясненіи того, что относится къ гражданскимъ дѣламъ, избѣгнуть непрошеннаго вмѣшательства въ дѣла чужія; научите меня, покрайней-мѣрѣ, какъ избѣгнуть мнѣ (говорю отъ лица вообще человѣка духовнаго) нареканія въ этомъ вмѣшательствѣ? Я имѣю крайнюю нужду въ подоб-

номъ ученіи. Есть у насъ печальныя явленія, въ объясненіи которыхъ позвольте мнѣ употребить одно сравненіе, по наружности не очень благовидное, но въ сущности хорошо идущее къ дѣлу. Вы знаете, что когда человѣкъ отучается или успѣетъ отучиться отъ страшной болѣзни запоя, то онъ избѣгаетъ самой улицы и селенія, гдѣ находится питейный домъ, который становится ему ненавистнымъ; онъ съ отвращеніемъ и какимъ-то испугомъ бѣжитъ отъ всякаго виннаго запаха. Такъ и міръ, испытавъ или дознавъ изъ исторіи, сколько горя надѣлало ему на западѣ духовное противоправное вмѣшательство въ гражданскія дѣла, сдѣлался до болѣзненности опасливымъ со стороны всего, что сколько нибудь отзывается этимъ вмѣшательствомъ. Вотъ у насъ въ Россіи развѣ совсѣмъ слѣпой не замѣтитъ въ народномъ духѣ самой внутренней и господствующей струны—религіозной. Отчего-же свѣтская образованность, при полномъ уже сознаніи и убѣжденіи въ необходимости вести дѣло мысли и образованія на общенародной почвѣ, избѣгаетъ и какъ-будто пугается поднимать и рѣшать разные вопросы жизни и мысли въ связи съ вопросами религіозными? Не отъ болѣзненнаго ли опасенія духовныхъ вмѣшательствъ,— не отъ пугливости ли, возбужденной западнымъ клерикальнымъ преобладаніемъ надъ общественнымъ духомъ и мыслію?.. Рады бы мы сказать что-нибудь духовное по вопросу о преобразованіи у насъ судопроизводства, вопросу, касающемуся всенароднаго нашего состава; я увѣренъ, что для православнаго нашего народа всякое дѣло, всякой вопросъ преобразованія, необходимо окрестить Христовою истиною и благодатію, чтобы этотъ вопросъ и дѣло преобразованія привились къ живому народному духу. Но какъ, при этомъ, не затронуть болѣзненной чувствительности нашего міра къ духовному вмѣшательству, разрѣшающейся у многихъ какою-то нетерпимостію или совершеннымъ пренебреженіемъ ко всему духовному? Съ другой стороны грозитъ и еще иная опасность духовному лицу за его внимательность къ тому, что совершается въ мірѣ. Испытавъ также или дознавъ изъ исторіи, какъ много христіанъ, увлекаемыхъ въ своихъ мысляхъ и жизни водоворотомъ міра, потерпѣли совер-

шенное кораблекрушеніе вѣры, нѣкоторые у насъ готовы отнести къ вѣроотступничеству всякое участливое вниманіе, особенно въ духовномъ лицѣ, къ дѣламъ и вопросамъ міра. Въ этомъ отношеніи обыкновенно бываютъ у насъ тѣмъ безпощаднѣе къ другимъ, чѣмъ болѣе сами уступали духу мірскому. Какъ избѣжать и этой опасности со стороны ругателей?

— Эхъ, батюшка, батюшка, съ грустью заговорилъ я. Неужели и вы малодушно хотите измѣнить духу (который сами же вы любите разъяснять), духу Того, Кто снизошелъ къ намъ труждающимся и обремененнымъ въ мірѣ съ своей пренебесной высоты? Погибать что ли намъ въ нашей мірской низменности, если истина Христа не будетъ и въ нее проведена?.. И все это изъ-за людей, какъ вы справедливо говорите, *запойныхъ*, изъ-за ихъ пугливости и отвращенія ко всему, что напоминаетъ имъ страшную ихъ болѣзнь!!? Нѣтъ, нѣтъ! Если кто, дѣйствительно, хочетъ идти по духу Спасителя нашего и Господа, сошедшаго за грѣшныхъ и заблуждающихъ до смерти крестной, низшедшаго и во адъ, для освобожденія отъ его узъ грѣшнаго человѣчества, и возшедшаго на небеса уже съ земнымъ, человѣческимъ естествомъ (вѣдь это ваши-же, слышанныя и затверженныя мною, слова), тотъ ужъ не долженъ пятиться ни отъ какой мнимой или дѣйствительной опасности. Вотъ что, батюшка! Но вы навѣрное только испытываете меня; вы серьезно не можете имѣть тѣхъ опасеній, которыя высказываете. Когда вы, по крестьянскому вопросу, изъясняли мнѣ, что въ этомъ дѣлѣ, въ порядокъ гражданства проводится благодать, давая намъ и въ этой области право быть свободными чадами Божіими, что Правительство и помѣщики, съ христіанскимъ человѣколюбіемъ, признали и въ гражданствѣ эти права свободныхъ Божіихъ дѣтей за крестьянами, и крестьяне приняли отъ Правительства и помѣщиковъ даръ Христова именно человѣколюбія—быть и въ земномъ порядкѣ свободными сынами Отца небеснаго: то за такое разъясненіе, какъ хотите, невозможно серьезно опасаться ни нареканія въ духовномъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла, ни пересудовъ и клеветъ объ измѣнѣ предъ вѣрою. Такъ и по вопросу о преобразованіи судопроизводства я

жду и ищу отъ васъ такого-же духовнаго разъясненія, въ чемъ именно состоитъ благодатное значеніе этого дѣла, или какъ, и въ этомъ дѣлѣ, православный русскій народъ могъ-бы пріобрѣтать и усвоять себѣ Господа.

По мѣрѣ того, какъ я развивалъ предъ отцомъ Іоанномъ эти мысли, отъ него-же мною усвоенныя, лицо его болѣе и болѣе свѣтлѣлось не то отъ радости, не то отъ умиленія, неизъяснимаго для меня; наконецъ двѣ чистыя и крупныя капли слезъ выкатились изъ его глазъ. И вотъ, что онъ началъ мнѣ говорить:

— Благодарю васъ, безцѣнный мой! Вы своими рѣчами ободрили и утѣшили меня въ моихъ тяжелыхъ думахъ. Мнѣ и самому, не скрою отъ васъ, крѣпко хотѣлось говорить съ вами и о благодатномъ значеніи судопроизводства, какъ люблю съ вами говорить и о всякихъ другихъ предметахъ. Но, при размышленіи объ этомъ предметѣ, началъ я слѣдить движеніе русской мысли по великому вопросу о взаимномъ соотношеніи и соприкосновеніи духовнаго и мірскаго. Невольно поднялись у меня грустныя и тяжелыя мысли, которыя я только отчасти высказалъ вамъ и отъ которыхъ я пріунылъ-было далеко не на шутку. Вы знаете, что прямо по вопросу объ отношеніи между духовнымъ и мірскимъ у насъ почти ничего не говорится въ печати. Свѣтская письменность старается, по возможности, обѣгать духовные предметы и вопросы (*), а то буде начнетъ оскорблять ихъ; духовная же письменность привыкла говорить объ отношеніи между духовнымъ и свѣтскимъ слишкомъ общо, а иногда и односторонне или также оскорбительно (**). Въ жизни нашей обыкновенно или большею частію бываетъ такъ, что, если кто пойдетъ по благочестію и займется духовнымъ, онъ ужъ по возможности отворачивается отъ земнаго и мірскаго, и если кто занимается мірскимъ, то ужъ отдается и духу мірскому,

(*) Радъ бываешь встрѣтить что-нибудь въ „Днѣ“, и хотя изрѣдка въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но все же слишкомъ одинокимъ въ свѣтской литературѣ остается „Сынъ Отечества“, слѣдящій за движеніемъ духовной мысли и жизни довольно постоянно.

(**) Напримѣръ „Домашняя Бесѣда“.

отдаляясь отъ Христова. Въ области знанія и образованія тоже.— Но не отдаляюсь-ли я все отъ заданнаго вами вопроса о судопроизводствѣ?

— Нѣтъ, батюшка! отозвался я. Скажите, ради Бога, что особенно безотраднаго нашли вы въ движеніи нашей мысли, касательно взаимнаго отношенія между свѣтскимъ и духовнымъ? Вѣдь, если китайская стѣна будетъ у насъ раздѣлять то и другое, то, очевидно, ни къ чему не поведутъ всякія наши разсужденія о томъ, какъ, въ благодатномъ духѣ, повести намъ судопроизводство ли, или другое мірское дѣло.

— Въ этомъ-то и бѣда наша, заговорилъ опять священникъ. Что вы тутъ подѣлаете, если одни у насъ, какъ-будто *видя не видятъ*, что ничего неосвященнаго и неосвѣщеннаго Христомъ никакъ не можетъ привиться къ религіозному корню народнаго нашего духа (и это доказывается наглядно уже болѣе, вежели полтораста лѣтъ нашей народной жизни), а другіе тоже, какъ-будто *видя не видятъ*, что православно-религіозное условливается не отчужденіемъ отъ внѣшне-мірскаго, а собственно воззрѣніемъ ума и сердца къ Самому Господу, мыслями и расположеніями въ духѣ Его снисхожденія къ намъ на землю (какъ вы сейчасъ объ этомъ говорили)?! О первыхъ вы сами прекрасно знаете, какъ они, забравшись на верхушку того или другаго своего литературнаго муравейника, или воза съ сѣномъ своего журнальнаго тщеславія, чѣмъ-либо потѣшеннаго, воображаютъ себѣ, что ворочаютъ всѣмъ русскимъ міромъ, который однако, совсѣмъ помимо ихъ, занятъ своими дѣлами и затрудненіями, радостями и страданіями; а имъ, дѣйствительно, не трудно было-бы имѣть могущественное столько же, сколько благодѣтельное вліяніе на этотъ міръ, если-бы они не проходили своимъ вниманіемъ и уваженіемъ мимо главной его пружины,—именно религіозной. Они, подобно дѣтямъ, которыя, по пословицѣ, «ожглись на молокѣ и дуютъ на воду холодную», боятся въ религіозной области встрѣтиться съ мистическимъ; они не хотятъ разобрать, что ложное въ мистическомъ есть именно мечтательность, пренебрегающая дѣйствительнымъ изъ-за мечтательно-представляемыхъ таинъ. Они признаютъ, что и сами

они всюду окружены неизбѣжною тайною, подъ которою состоитъ сущность всего существующаго и происходящаго въ мірѣ, но знать не хотятъ, что эта ихъ мистичность несравненно темнѣе таинъ благодати. Вѣдь благодать даетъ знать (съ достаточными притомъ убѣжденіями въ истинѣ этого), что сущность или тайна всего сущаго и бывающаго состоитъ въ дѣйствующей и совершающейся во всемъ мысли и воли Отца, раскрываемой Его Сыномъ, въ силѣ и направленіи Св. Духа, Духа истины, жизни и всякаго блага, и притомъ не недоступной и намъ грѣшнымъ людямъ ради вочеловѣченія и смерти за грѣшныхъ того же Сына Божія во плоти. Но хотятъ лучше оставаться съ невѣдомой тайной бытія, чѣмъ съ открываемою,—эти странные въ своемъ родѣ мистики! Ну, какъ себѣ хотятъ, только произвольная ихъ несостоятельность предъ истиною видна сколько изъ того, что для собственнаго ихъ разума, безъ Христа Бога Слова, остаются необъясненными въ своемъ основаніи и существенномъ значеніи, и потому неоправданными, неосмысленными, самые его (разума) законы и требованія и слѣдовательно тѣмъ болѣе всѣ его измышленія и воззрѣнія, столько и изъ того что Христосъ Богъ Слово, какъ верховное основаніе для разума и для всего, оправдалъ себя предъ людьми чрезъ неотразимо ощутимую небесную чистоту и святость, властительную жизненность и трезвую свѣтоносность своего ученія, чрезъ исторію, съ наглядною ясностію свидѣтельствующую о всемірномъ значеніи Христіанства, чрезъ непрерывающіяся до нынѣ факты всемощности и всевѣденія Христа, какъ насящаго и объемлющаго всяческая. Болѣе не буду на этотъ разъ говорить о странной и жалкой невнимательности этихъ людей къ религіи, которая, по православному смыслу, всевозможно отвращая людей отъ духовнаго зла, не даетъ однако смущаться и ожесточаться отъ этого зла, какъ вынесеннаго самимъ Благомъ нашимъ—Христомъ, и которая обнимаетъ всякое добро—гуманность, пользу, благородное наслажденіе также, какъ и строгую правду и истину, потому что все это составляетъ полноту благодати Сына человѣческаго, какимъ сталъ за насъ Сынъ Божій, Единосущный съ Своимъ Отцомъ. Но мнѣ хочется сказать вамъ нѣ-

сколько словъ о другихъ, о ревнующихъ за религію, въ которыхъ иногда не менѣе этого страннаго ослѣпленія или невниманія къ существу религіознаго дѣла, какъ и въ первыхъ.

Я спѣшилъ просить любимаго мною о. Іоанна разсказать, что онъ знаетъ объ этомъ по опыту или изъ другаго такой же достовѣрности источника. Онъ продолжалъ:

— Это есть у насъ и въ жизни и въ литературѣ. Вотъ вамъ извѣстные мнѣ факты изъ жизни. Начальница одной женской общины сама мнѣ разсказывала, какъ у ней двѣ или три послушницы, останавливаясь только на буквѣ, а не входя въ самый духъ *Житій Святыхъ*, вздумали уйдти въ лѣсъ для непрестанной молитвы и поста въ совершенномъ удаленіи отъ людей и міра, какъ онѣ скитались по бездорожнымъ мѣстамъ и какъ наконецъ нашли ихъ совсѣмъ почти одичавшими. Ясно, какъ нашимъ ревнителямъ и ревнительницамъ строгой жизни необходимо входить въ самый Христовъ духъ, одушевлявшій Святыхъ, духъ не отвращенія отъ людей, а человѣколюбія и самопожертвованія за людей. А то къ моему покойному дядѣ, когда онъ былъ ректоромъ В. Семинаріи, приходитъ однажды ученикъ—мой товарищъ,—и проситъ, какъ у Аввы, благословенія тоже уйдти куда-либо въ безлюдное мѣсто, какъ древніе пустынники. Но дядя (какъ я благодарилъ тогда за него Бога!) растолковалъ моему товарищу, что этотъ затеплившійся въ немъ огонекъ любви къ Спасителю пусть онъ бережетъ и поддерживаетъ въ себѣ, проходя свое ученическое поприще, слушая и изучая свои школьные уроки. «Вотъ у насъ (такъ говорилъ мой дядя молодому человѣку высшаго уже въ семинаріи класса) много наставниковъ; а ты смотри своимъ духомъ къ одному истинному наставнику и учителю—Христу (Матѳ. XXIII,8—10), Котораго только орудіями для ученія тебя истинѣ—служатъ всѣ твои наставники, и Который духомъ своимъ всегда съ вѣрующими и внимающими Ему. У насъ много разныхъ учебныхъ предметовъ,—ты читаешь разныя книги: но ни одинъ учебный предметъ, ни одна книга не выходитъ своимъ содержаніемъ изъ области дѣйствительнаго или возможнаго; но все дѣйствительное, какъ знаешь, *вся Тѣмъ*, именно Богомъ Словомъ,

бышя и безъ Него ничтоже быть, еже быть,—внѣ Его ничего и невозможно. Слѣди же и изучай во всѣхъ учебныхъ предметахъ и книгахъ, не въ однихъ богословскихъ и духовныхъ, но и во всѣхъ прочихъ, изучай собственно мысль и волю человѣколюбиваго нашего Господа, *носящаго всяческая глаголомъ силы своея,* самые грѣхи и вины міра вземлющаго и понесшаго на Себѣ. Выдерживай это всегда и вездѣ, въ какомъ-бы кто направленіи и духѣ ни училъ тебя, какую бы книгу ты ни читалъ. Выдержишь это: вотъ и будешь подвижникъ, въ которомъ Антоній Великій (къ мысли котораго едва приближались лучшіе ученики его—святые подвижники) не откажется признать своего ученика и приснаго сына». Сѣмя пало на добрую землю; мой товарищъ пошелъ съ этимъ направленіемъ и незримо ни для кого продолжаетъ, уже въ службѣ, восходить съ одной степени на другую своего подвижничества, свѣтя своимъ братьямъ и сестрамъ въ мірѣ свѣтомъ Христовымъ. Но покойный мой дядя съ своими, высказанными мною, воззрѣніями и правилами былъ столько одинокимъ въ своемъ кругу, что, когда я сталъ его понимать, мнѣ иногда до слезъ было жалко его въ сиротскомъ одиночествѣ, которое было истиннымъ, виднымъ въ тайнѣ только Отцу Небесному, монашескимъ аскетизмомъ мысли и духа. А то вотъ еще, на памяти моей, замѣчательный фактъ, разсказанный мнѣ также монахомъ—инспекторомъ той же В. семинаріи: у него былъ напятой изъ грамотныхъ крестьянъ келейникъ, который однажды и приходитъ къ нему просить для чтенія какой-либо книги; монахъ даетъ одну изъ книгъ *Четіи-Минеи.* Что-же? Крестьянинъ чуть не съ воплемъ вотъ какія повелъ рѣчи: «Нѣтъ, нѣтъ, батюшка; мнѣ ужъ за эти книги досталось, когда я еще съ молоду, начитавшись ихъ, отшатнулся отъ всѣхъ, пустился странствовать и скитаться, попадался и въ общество раскольниковъ; но меня, раба Божія, наконецъ поймали, воротили домой, да били, били какъ будто бѣглаго; такъ мнѣ дайте другую книгу, чтобы такая *дурь* (собственное его выраженіе) *мнѣ не лѣзла въ голову!* Неужели подобный фактъ не вопіетъ о необходимости такъ раскрывать живой духъ и силу нашихъ церковныхъ книгъ, чтобы человѣкъ, въ которомъ

сколько-нибудь затеплится Божія искра, не пускался на что-либо такое, что̀ послѣ и самъ онъ назоветъ *дурью*, а проводилъ бы Божій свѣтъ въ порядкѣ дѣйствительной жизни, въ союзѣ любви съ другими людьми? Не забуду еще случая, какъ на моей родинѣ одинъ мужикъ, не успѣвъ убрать сѣна прежде дождя, полившагося изъ страшной тучи съ грозою и вихремъ, заговорилъ: вотъ ужъ подлинно, по Писанію, *небо* (разумѣя покрытое тучею небо) *безъ ума мечъ носитъ!?* Это, изволите видѣть, такъ онъ понялъ мысль Св. Апостола Павла о гражданскомъ начальствѣ, что оно для *злое творящихъ* страшно, потому что не напрасно носитъ мечъ правосудія (Рим. XIII, 4). Неужели было-бы преступленіе для чтеца, если бы онъ, читая изъ апостола въ церкви, съумѣлъ это мѣсто: *не бо безъ ума мечь носитъ*, сказать толковѣе для простыхъ, хотя-бы напр., такъ: «ибо (власть) не всуе мечъ носитъ»? Такъ-то бываетъ въ жизни у насъ, держащихъ, кажется, сторону Христова дѣла: у многихъ какъ будто вовсе нѣтъ заботы о такомъ поставленіи Божіей истины на видъ, чтобы она не оставалась подъ спудомъ осязаемаго невѣжества, а свѣтила благодатнымъ здравомысліемъ во всякія среды жизни. Не въ осужденіе кому-либо говорю это, а только слѣжу настроеніе нашей мысли по этому предмету.

— Неужели подобное есть и въ литературѣ духовной? спросилъ я.

— Тоже, какъ присмотришься, есть и въ нашей литературѣ духовной, продолжалъ о. Іоаннъ. Искренняя мысль о чемъ-бы то ни было высказывается всего болѣе ненамѣренно, когда, напримѣръ, она высказывается по какому-либо стороннему предмету; тутъ никакая благовидность не замаскируетъ задушевной мысли. Вотъ почему пробнымъ камнемъ того, какъ у насъ идетъ духовная мысль по вопросу объ отношеніи между мірскимъ и церковнымъ, служитъ для меня современный вопросъ о свѣтской власти Папы, сколько его касается наша духовная литература. Какъ у насъ рѣшаютъ этотъ послѣдній вопросъ? Одинъ противъ западной мысли, что свѣтская власть необходима для свободы и независимости церковной іерархіи, вооружится тою святою истиною, что свобода и независимость іерар-

хическая есть собственно духовная, условливаемая не внѣшними, матеріальными способами; а затѣмъ самъ-же вопреки этой самой истинѣ станетъ утверждать, что отнятіе у Папы внѣшнихъ или матеріальныхъ способовъ власти свѣтской—этотъ чисто внѣшній же способъ будетъ однимъ изъ существенныхъ условій къ возстановленію западной Церкви въ истинно-благодатное ея значеніе (*). Другой будетъ исторически слѣдить, какъ возникала и утверждалась свѣтская власть Римскаго Архіерея, и дойдетъ до такого заключенія, что эта власть есть будто бы необходимый результатъ событій, а между-тѣмъ въ оправданіе этого самъ-же, въ своемъ изслѣдованіи (**), покажетъ, что Римскій Іерархъ и вмѣстѣ гражданская власть на западѣ (въ критическій для нихъ моментъ исторіи), *сами* избрали и рѣшили для себя на будущее время свой нечестный предъ Христовою правды путь, когда первый утвердилъ и освятилъ противозаконное хищеніе властительныхъ правъ у законновладычествующей династіи (Каролингами у Меровинговъ), а другая, въ благодарность за эту противодуховную услугу, завоевала въ пользу Іерарха Римскаго и упрочила за нимъ права свѣтскаго владычества (Пипинъ). Что это за противорѣчія? Почему православные изслѣдователи не останавливаются прямо и рѣшительно на томъ, что существенное зло и ложь папства—состоитъ не во внѣшнихъ средствахъ и правахъ (***), а въ отсутствіи у папской іерархіи прямаго направленія къ самому главенствующему надъ Церковію Христу и Его правдѣ, въ отсутствіи Христова духа, *не отъ міра сего*, того именно духа, по которому Господь всегда внималъ всеправой волѣ Своего небеснаго Отца, жертвуя въ то же время Собою за грѣховныя вины міра. Развѣ трудно понять, что если-бы и Папа, вразумленный православіемъ и ставъ въ духовный уровень съ Православными Святителями, послѣдовалъ этому Христову духу, сущему не отъ

(*) См. въ „Странникѣ“ письмо о. протоіерея Васильева къ Гизо.

(**) См. въ январской и февральской книжкахъ „Трудовъ Кіевской дух. академіи“ статью „О происхожденіи свѣтской власти папы“, 1862 года

(***) Матеріальные или вообще внѣшніе способы и лишеніе ихъ могутъ-быть обращены и на добро и на зло, судя по доброму или злому духовному настроенію самаго человѣка.

міра сего, то или онъ самъ отказался бы отъ своего внѣшняго владычества, чтобы не преобладать надъ чадами Божіими, или сами подвластные его не захотѣли бы, можетъ-быть, ни за какія блага промѣнять власти своего отца, сознавая и чувствуя въ немъ уже живой отблескъ благоволенія небеснаго Отца (и въ этомъ послѣднемъ случаѣ Православіе, конечно, не осуждало-бы его властительства)? Но нѣтъ!! Почему-то хотятъ представить свѣтское или мірское само по себѣ несовмѣстнымъ съ духовнымъ, не догадываясь, что этимъ уже не противъ папства ратуютъ, а для самихъ православныхъ, ко вреду и мірянъ и духовныхъ, постанляютъ какую-то непроходимую китайскую стѣну, или преграду, между свѣтскимъ и духовнымъ.

— Признаюсь вамъ, батюшка, замѣтилъ я, что мнѣ и въ голову бы не пришло, какъ это мы, благонамѣренно, но недальновидно, ратуя противъ папства, можемъ обижать самихъ себя и вредить дѣлу Православія.

— Таковъ пока характеръ и движеніе нашей мысли по этимъ предметамъ, заговорилъ снова о. Іоаннъ (*). И что всего жалче, наша мысль сильно упрямится выходить на прямую дорогу. Вотъ, напр., сама благодать Божія не перестаетъ торжественно проявлять себя для насъ именно въ снисхожденіи своемъ къ нуждамъ и недугамъ нашей жизни, даже физической, какъ это бываетъ именно въ чудесныхъ исцѣленіяхъ болѣзней и въ другихъ чрезвычайныхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ. Вѣдь, это прямые уроки отъ Самаго Вседержителя, что Духомъ Его осѣняется наше земное странствованіе и съ своей внѣшнежизненной стороны, а не въ одномъ только церковно-духовномъ. Да чудеса и бываютъ совсѣмъ не какъ явленія, противорѣчащія всегдашнему порядку вещей; напротивъ это суть только наиболѣе

(*) Само-собой разумѣется, что есть и отрадныя исключенія изъ этого. Такова, напр., превосходная статья въ сентябрьской книжкѣ „Трудовъ Кіевской дух. академіи“: „объ отношеніи между духовною и свѣтскою литературою“ Здѣсь ясно, какъ день, раскрывается, что въ возникновеніи ложнаго и враждебнаго отношенія къ Христіанству, въ литературѣ, много виноваты люди, старающіеся укрѣпить и узаконить непримиримость духовнаго и свѣтскаго: „одна крайность по закону реакціи раждаетъ другую. Отрицаніе гуманизма во имя Христіанства предполагаетъ собою возможность отрицанія Христіанства во имя гуманизма“ (слова эти изъ означенной статьи).

открытыя проявленія Того, Кто и всегда *носитъ всяческая глаголомъ силы своея.* То, что и въ обыкновенномъ теченіи вещей совершается, только болѣе или менѣе *въ тайнѣ*,—это самое въ чудѣ является открыто: именно въ чудѣ открыто заявляетъ Себя или напоминаетъ о Себѣ всевластная и вседержительная мысль и воля Того, безъ Котораго, и въ самомъ обыкновенномъ порядкѣ вещей, не падаютъ и волосъ съ головы и воробей съ воздушной высоты. Но и въ этомъ у насъ мысль отказывается давать себѣ отчетъ, могущій способствовать дѣлу мира между свѣтскимъ и духовнымъ, земнымъ и благодатнымъ: куда намъ, говорятъ, соваться въ это съ своимъ умомъ?! Нужды нѣтъ, что чрезъ это мы, не возбуждая въ себѣ живой духовной внимательности къ потребностямъ и недугамъ земной жизни, а заботясь о нихъ съ одной чисто-плотской стороны, закоснѣваемъ въ направленіи, противномъ духу и смыслу самыхъ чрезвычайныхъ проявленій благодатныхъ. А то бываетъ у насъ вотъ какъ. Знаемъ, что Христосъ Богъ Слово есть свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, что, при любви и вѣрности къ этому свѣтѣнію Христову, человѣкъ уже идетъ и наконецъ приходитъ къ самому Свѣту—Христу (Іоан. III. 21), что если онъ отдѣляется отъ Христа или коснитъ придти къ Нему, уже вполнѣ открытому для насъ, то это значитъ, что онъ не имѣетъ надлежащей любви и вѣрности къ Христову свѣтѣнію въ самой духовной своей природѣ, или перетолковываетъ и затемняетъ самъ для себя это свѣтѣніе, въ чемъ и вся бѣда для того человѣка. Эту бѣду и надо-бы одну поставлять на видъ, не смѣшивая съ нею благодати Христова свѣтѣнія въ самой природѣ нашей. Знаемъ мы это или должны-бы знать, и однакоже утверждаемъ несостоятельность предъ истиною вообще «естественной религіи» (*) подводя подъ этотъ приговоръ, за одно съ человѣческою невнимательностію и невѣрностію къ Христову свѣтѣнію, и благодать самаго этого

(*) Названіе естественной религіи не точно,—въ томъ именно отношеніи, что свѣтѣніе Христово въ духовной природѣ относится все таки не къ самой природѣ, а къ Христовой благодати (хотя-бы только предваряющей, какъ Богословы выражаются, признавая впрочемъ благодать существенно единою).

свѣтѣнія, хотя въ послѣднемъ можно примѣчать свѣтоносный духъ Христовой тайны съ самыхъ даже глубокихъ или сокровенныхъ ея сторонъ,—этотъ духъ Агнца, *посылаемый во всю землю* (Апок. V, 6). Нужды нѣтъ, что чрезъ это въ естественной области мы не отличаемъ отъ самаго нашего естества порчи и омраченія этого естества, не отличаемъ остатковъ или предначатія благодатнаго свѣта отъ человѣческой темноты, а чрезъ это, вмѣсто привлеченія ко Христу, только отталкиваемъ отъ него тѣхъ, которые слѣдуютъ свѣту Его же, и справедливо оскорбляются за отрицаніе или пониженіе состоятельности этого благодатнаго свѣта предъ истиною. И такимъ образомъ сколько земнаго и мірскаго, уже объемлемаго предварительнымъ или предначинательнымъ Христовымъ озареніемъ, оставляемъ мы для себя во мракѣ и значеніи плотскихъ только порядковъ вмѣсто полнаго и совершеннаго просвѣщенія всего этого Христовою истиною и благодатію? Равно, съ другой стороны, сколько идей или понятій и правилъ собственно Христовой истины отдѣляемъ отъ нея, вводя ихъ въ кругъ, такъ-называемой, естественной религіи.

— Вы зорко и тонко слѣдите за нашею русскою мыслію,— воскликнулъ я съ увлеченіемъ!

— На первыхъ порахъ борьбы вѣры противъ невѣрія, неразумно мечтавшаго опереться на Христовомъ же свѣтѣніи въ нашемъ духѣ,—продолжалъ священникъ,—еще можно было употреблять подобные пріемы, отрицать или понижать это Христово въ природѣ свѣтѣніе. Такъ, въ первомъ пылу битвы, особенно въ ночное время, смѣшиваютъ иногда съ непріятелемъ и своихъ. Но продолжать такой образъ войны и впослѣдствіи разумно-ли? Посмотрите, какія печальныя и даже ужасныя происходятъ отъ этого слѣдствія. Вотъ мы знаемъ о той благодати Божіей, что Сынъ Божій сталъ человѣкомъ, подчиненнымъ условіямъ порядковъ не только духовно-церковнаго, но и физическаго, и семейнаго, и гражданскаго, явившимся соотвѣтственно условіямъ и характеру своего времени, и все это ради всего человѣчества, вины и немощи котораго Онъ также вынесъ на себѣ. Знаемъ, что потому духъ и сила этой благодати и

дѣйствуетъ въ человѣчествѣ всѣхъ временъ соотвѣтственно ихъ характеру и условіямъ, свѣтя всякому человѣку, грядущему въ міръ, безъ подавленія своего свѣта всяческою человѣческою тьмою. Знаемъ, что именно ветхозавѣтное человѣчество, неимѣвшее еще пріемлемости къ самому существу благодати, сама же благодать приготовляла и вела, согласно его пріемлемости, болѣе или менѣе чувственно-образными способами къ полному своему свѣту, предъявляясь такъ не только въ избранной части рода человѣческаго, но посясь своимъ духовнымъ вѣяніемъ и надъ духомъ всякаго народа и человѣка, а новозавѣтное человѣчество ведетъ къ болѣе и болѣе существенному уразумѣнію и усвоенію своего свѣта, съ проведеніемъ его во всѣ среды, не только духовно-церковныя, но и гражданскія, семейныя, и физическія, условіямъ которой подчинялся ради насъ Спаситель. Что-же изъ такой благодати дѣлаемъ мы, грѣшные и заблуждающіе люди? Когда одни не хотятъ углѣдить и въ области естественнаго дѣйствующей и проявляющейся благодати, какъ образно и предначинательно въ ветхозавѣтныя времена, такъ существенно и духовно въ новозавѣтныя времена, — то другіе не хотятъ къ благодати и относить проявленій ея же духа, а напротивъ представляютъ, что Самъ, исполненный благодати и истины, Христосъ почерпалъ свои идеи или истину будтобы изъ прежнихъ его же благодатныхъ, предварительныхъ проявленій, а на послѣдующія времена оставилъ будто бы людямъ упреждать и Его Самаго, или, яснѣе и точнѣе Его будто-бы, овладѣвать истиною для проведенія ея во всякія человѣческія среды. Вы—не правда-ли—читали книжку Лорана «О Христіанствѣ», въ которой развиваются эти послѣднія мысли? спросилъ меня о. Іоаннъ.

Я сказалъ, что знакомъ съ этимъ сочиненіемъ и крайне раздраженъ перетолкованіемъ въ немъ Христіанства. Отецъ Іоаннъ отвѣчалъ:

— Есть, конечно, въ этомъ сочиненіи многое, на что можетъ справедливо гнѣваться вѣра. Но вмѣсто гнѣва не лучшели бы вѣрующему, кто можетъ, озаботиться—поставить на видъ во всей чистотѣ тотъ свѣтъ истины, который въ этомъ сочи-

неніи перемѣшанъ съ ложью? Чтобы понять вамъ мою мысль, прослѣдимъ развитіе мыслей въ этомъ сочиненіи, не по внѣшнему ихъ порядку въ книгѣ, а по внутренней ихъ связи. Въ ветхозавѣтномъ человѣчествѣ сочинитель этой книжки видитъ управляющее начало въ матеріальности и грубой силѣ; были у разныхъ народовъ, особенно у евреевъ, одни только зародыши лучшаго, которые и развились Христомъ, черпавшимъ будто бы изъ источниковъ этихъ разнообразныхъ зародышей въ древнихъ религіозныхъ и философскихъ сектахъ. Истинѣ, содержащейся въ Православіи, не трудно оправдать и выяснить, что̀ есть справедливаго въ сказанномъ, отбросивъ произвольное и ложное. Да! Въ матеріальномъ и чувственномъ, вообще въ видимомъ, въ которомъ выразились и осуществились творческія мысли Всевышняго Отца личнымъ Его Словомъ, ветхозавѣтный человѣкъ слишкомъ еще живо ощущалъ духовную силу, которая однако, при испорченномъ состояніи человѣка и міра, съ продолженіемъ времени болѣе и болѣе ослаблялась въ своей духовной жизненности, какъ и человѣкъ все слабѣе ощущалъ это духовное; и такимъ образомъ чувственное болѣе и болѣе оставалось въ своей матеріальной грубости, поражая только уже своею внѣшнею силою. Но соотвѣтственно тому духовно-благодатное на-столько открывалось уже прямо въ своей духовности, на-сколько истощалась или закрывалась духовная жизненность въ чувственно-образномъ. Въ этомъ и состоялъ порядокъ истиннаго прогресса ветхозавѣтной жизни не только у избраннаго народа, но и у языческихъ народовъ. Поясним̀ъ это примѣромъ, на которомъ и кстати намъ остановиться для особаго интереса истины. Ощущая духовно-благодатное значеніе мыслей Отца Небеснаго, осуществленныхъ въ видимыхъ предметахъ самаго *ястія* и *питія*, ветхозавѣтный человѣкъ могъ и успѣвалъ и за чувственной манной или изведенной изъ камня водой вкушать *брашно духовное*, пить *питіе духовное* отъ Самаго Божественнаго Источника жизни Христа (1 Кор. X., 3, 4.). Такая благодать, предначинательно и образно проявляясь въ избранномъ народѣ, носилась своимъ духомъ и на всемъ человѣчествѣ, просвѣщая всякаго человѣка, грядущаго въ міръ,

и въ мракахъ, облегавшихъ міръ и человѣка въ самомъ язычествѣ: и вотъ почему въ буддизмѣ, при особенномъ напряженіи мысли у маговъ, явилась идея о напоеніи Божественною жизнію чрезъ простое питіе (*). Есть дѣйствительное отношеніе этой идеи къ христіанскому таинству Евхаристіи, на-сколько свѣтъ благодати, существенно-раскрытой въ этомъ таинствѣ, предъявлялся въ ветхомъ завѣтѣ и свѣтилъ самому язычеству, не объемлемо тьмою послѣдняго. (Въ ветхомъ завѣтѣ, дѣйствительно, были зародыши новозавѣтнаго, на сколько въ первомъ предъявлялась новозавѣтная благодать и истина). Не выяснивъ этого какъ слѣдуетъ, Лоранъ догадывается, что Господь почерпалъ свое ученіе изъ буддизма! Изволите видѣть, что мысль книжки «О Христіанствѣ», сколько есть въ ней истины, можетъ быть нами удержана, но также можетъ быть и выяснена и вмѣстѣ очищена отъ страшной лжи, съ которою она перемѣшена. Истина есть неискоренимое насажденіе Самаго Отца небеснаго, въ чемъ бы она ни оказалась. Далѣе, въ той-же книжкѣ говорится о дѣлѣ Господа Іисуса, что Онъ развилъ зародыши ветхозавѣтные, черпая однако Самъ изъ нихъ-же: такъ растеніе и съ цвѣтомъ и плодами развивается не иначе, какъ изъ своего зерна или сѣмени. И здѣсь истина тоже перемѣшена съ ложью, почему и въ развитіи сказанныхъ мыслей о дѣлѣ Христовомъ приняты за факты совсѣмъ произвольныя вещи, напр., будто-бы Господь былъ собственно нравственнымъ учителемъ, а догматы во имя Его явились уже будто-бы впослѣдствіи, чему рѣшительно противорѣчитъ евангельская исторія во всѣхъ четырехъ своихъ видахъ, то истина, что Господь нашъ раскрылъ въ самомъ существѣ все, что̀ завито было въ чувственной образности и только отчасти предначинало разъясняться въ ветхомъ завѣтѣ, что̀ было похоже только на зародышъ новаго завѣта; но Онъ раскрылъ это не такъ, чтобы Самъ черпалъ изъ источниковъ до-христіанскихъ, изъ этихъ

(*) Скажетъ ли кто, что самый духъ лжи, дѣйствовавшій въ язычествѣ, могъ поддѣлываться къ свѣту Божіей истины.—Что же? Сочиненная ложь пусть и остается ложью, а то, къ чему поддѣлывалась она, есть Божія истина, свѣтившаяся людямъ необъемлемо сочиненною ложью.

предварительныхъ откровеній и предощущеній Его же благодати, но такъ, что выяснилъ и осуществилъ тайну послѣднихъ, будучи Самъ Божественнымъ источникомъ для нихъ, обладателемъ и существеннымъ предметомъ ихъ тайны, какъ Агнецъ Божій, заколенный въ мысли Божіей уже отъ сложенія міра и потому какъ устремляющійся духомъ своей благодати, чрезъ все продолженіе ветхаго завѣта, къ своему боговочеловѣченію и развивающій въ человѣчествѣ пріемлемость къ такой благодати. То самое, что, по изъясненію той-же книжки «О Христіанствѣ», Христосъ раскрылъ и осуществилъ не только откровенія еврейскія, но предощущенія и прочихъ религій, напр., буддизма и гаданія философскихъ сектъ, это и свидѣтельствуетъ, что Онъ носилъ въ Себѣ тайну всего лучшаго въ древнемъ мірѣ и почерпалъ истину Самъ въ Себѣ: разумна-ли мысль, что свѣтило дня, озаряющее всю нашу вселенную, заимствовалось у разныхъ своихъ отраженій? Снисхожденіе Господа до принятія человѣчества и до подчиненія въ немъ всѣмъ человѣческимъ условіямъ, до соотвѣтствія и условіямъ самаго времени, въ которомъ Онъ явился, это снисхожденіе, составляющее славу Божественной Его любви къ человѣку, обращать въ поводъ къ Его униженію неблагодарно и неблагородно!

— Очень благодаренъ я вамъ, батюшка, сказалъ я отъ всего сердца, за разъясненіе значенія этой книжки въ отношеніи къ истинѣ! Признаюсь вамъ, что раздраженный перетолкованіемъ Христіанства въ этой книжкѣ, я уже на ряду съ ложью не хотѣлъ и знать самой истины, свѣтъ которой, какъ вы разъяснили, видѣнъ же свѣтящимся и во тьмѣ произвольныхъ толковъ и ложныхъ догадокъ этого сочиненія.

— Это у насъ дѣлается всего чаще и обыкновеннѣе, а вѣдь тутъ, съ обвиненіемъ заблуждающихъ, и мы становимся виноваты предъ истиною, не замѣчая уже ея въ томъ видѣ, какъ она снисходитъ до свѣтѣнія въ самой тьмѣ и тьма не объемлетъ ея свѣта, подобно какъ и заблуждающіе не замѣчаютъ высоты снисхожденія Христова въ нашъ грѣшный міръ ради насъ грѣшныхъ и погибающихъ. Но продолжимъ слѣдить внутреннее развитіе мыслей сочиненія «О Христіанствѣ»; дальнѣй-

шее прямо относится къ главной нашей рѣчи о проведеніи истины и благодати Христовой въ среды земнаго и гражданскаго. По образу мыслей, выраженному въ этомъ сочиненіи, Христіанство, развиваясь въ отрицаніяхъ преобладанія грубой силы древняго міра, допустило будто-бы односторонность спиритуализма, пренебрегающаго бытъ и нужды человѣка на землѣ. Въ устраненіи этой односторонности, въ возведеніи и земнаго человѣческаго быта къ идеалу духовнаго совершенства, выраженному Христіанствомъ для земнаго человѣческаго быта и жизни будто-бы также только въ зародышахъ, и состоитъ задача нашего времени и надежда будущаго, приготовленная впрочемъ для насъ борѣніями среднихъ вѣковъ, совершавшимися въ области здѣшняго человѣческаго быта, въ соперничествѣ двухъ господствующихъ сторонъ нашего быта: духовной и граждан ской. Опять и въ этихъ мысляхъ ложь перемѣшана съ истиною. То истина, что существо христіанскаго совершенства, по ученію Христа и Его Апостоловъ и Св. Отцевъ, состоитъ не только въ благодатной по Христу любви всѣхъ и каждаго къ Богу и въ Немъ ко всѣмъ и каждому, но и въ стремленіи къ грядущему Божію царству вѣчной жизни. Но какъ для открытія намъ благодати такого совершенства и назначенія человѣчества *подобаше Христу* (Лук. XXIV, 46.) низойти на землю, принять наше человѣческое естество и въ этомъ естествѣ снизойти до принятія и вынесенія бремени всѣхъ бѣдствій человѣчества, сосредоточенныхъ въ смерти, и вознестись отъ земли на небо уже съ земнымъ нашимъ естествомъ: такъ и усвоить эту благодать для достиженія совершенства и назначенія нашего можно и должно намъ не иначе, какъ входя въ духъ снисхожденія Христова въ нашъ міръ подъ всѣ условія жизни не только духовно-церковной, но и физической, и домашней, и гражданской, и восхожденія Его на небо уже съ воспріятымъ человѣчествомъ, т. е., проводя Христову истину и благодать во всѣ среды земнаго міра и быта и тѣмъ возвышая все человѣческое до самаго неба надъ губительствомъ и безпорядкомъ лжи и вообще зла. Церковь на Соборахъ разъясняла и опредѣляла основоположенія для этого, открытыя уже Самимъ Христомъ: именно, она ука-

зывала на Его Божество, снизшедшее дѣйствіемъ Божественнаго Духа до единоличнаго союза съ человѣчествомъ, · съ сохраненіемъ природы послѣдняго съ его силами, волею и дѣйствіями въ самомъ такомъ его союзѣ съ всесовершеннымъ божествомъ, и все это ради насъ человѣковъ, т. е., для того, чтобы все наше человѣческое со всѣми его сторонами отъ разума до тѣлесности, равно въ обоихъ полахъ и во всѣхъ средахъ жизни, спаслось или достигло совершенства, ему назначеннаго, возглавясь въ Богочеловѣкѣ. Видите, духовное совершенство въ истинномъ Христіанствѣ чуждо той односторонности западнаго спиритуализма, чтобы оставить и пренебречь земный человѣческій бытъ.

— Но чтожъ такое, возразилъ я, монашество съ своимъ отреченіемъ отъ міра?

— Но и монашество въ книжкѣ «О Христіанствѣ», отвѣчалъ отецъ Іоаннъ, трактуется не иначе, какъ судя по одностороннимъ его явленіямъ, а не по православнымъ. Монашество есть соревнованіе Ангеламъ, которые посылаются и движутся Христовымъ человѣколюбіемъ на служеніе спасенію людей на землѣ; потому монахъ, отрекаясь собственно отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской—отъ этихъ стихій растлѣнности мірской, не отрекается отъ дѣла служенія спасенію людей въ мірѣ семъ, напротивъ равноангельно стремится быть духовнымъ стражемъ спасенія людей, совмѣщающаго въ себѣ все лучшее на всѣхъ ихъ путяхъ. Сравните, для объясненія здѣсь дѣла, монашество напримѣръ съ служеніемъ наукѣ или просвѣщеніемъ. Наука должна имѣть самое разностороннее приложеніе къ жизни и дѣйствительности, но вѣрность такому направленію просвѣщенія и наиболѣе глубокое занятіе наукою блюдется и развивается особенно въ кабинетномъ уединеніи ученыхъ. Такъ и духъ благодати и истины, для осѣненія имъ всякой земной среды, обыкъ блюстися и раскрываться особенно въ духовномъ уединеніи людей, соревнующихъ жизни и человѣколюбію безплотныхъ служителей нашего спасенія.

— Такъ, такъ, батюшка! сказалъ я. Но я теперь совершенно недоумѣваю, изъ-за чего же въ книжкѣ «О Христіан-

ствѣ» такъ превратно истолкованъ духъ Христіанства вообще и духъ монашества особенно? Духъ истиннаго Христіанства, какъ вы разъясняете мнѣ, и ведетъ именно къ тому, чтобы проводить его во все человѣческое, во всѣ среды человѣческаго быта, къ чему стремится направить и мысль и жизнь современную и самъ авторъ сочиненія «О Христіанствѣ»; духъ и назначеніе монашества состоитъ въ томъ, чтобы быть равноангельской стражей, служащей охраненію и утвержденію человѣчества въ свѣтѣ Христовой истины и благодати, свѣтящемся на все человѣческое и въ земномъ бытѣ человѣческомъ. Изъза чего же въ этой книжкѣ приписывается Христіанству и въ немъ монашеству односторонность спиритуализма, пренебрегающаго человѣческимъ бытомъ? Это для меня тѣмъ непонятнѣе, что на этомъ самомъ и держится главная фальшь Лорана, будто Христіанство уже изжило свою жизненность и теперь надо человѣчеству заняться уже наиболѣе самымъ земнымъ бытомъ, отъ котораго Христіанство отрѣшало человѣка.

— Лоранъ знаетъ Христіанство, отвѣчалъ священникъ, испорченное уже неправославіемъ; и о самыхъ святыхъ источникахъ Христіанства, какъ Священное Писаніе и вѣрные ему Святые Отцы, онъ судитъ не съ православной точки зрѣнія, какъ ему вовсе неизвѣстной. Поэтому все и представлялось ему въ особомъ, невѣрномъ, свѣтѣ, и онъ составилъ о Христіанствѣ свое особенное воззрѣніе, перемѣшавшее истину съ ложью. Онъ не замѣчалъ въ духѣ истиннаго Христіанства того самаго, чего особенно самому ему хотѣлось и къ чему онъ направлялъ свои изслѣдованія,—стройнаго примѣненія христіанскихъ началъ любви и разумнаго единства ко всѣмъ средамъ и порядкамъ человѣческаго быта. Раскрывайте въ мысли и жизни духъ схожденія Христова на землю: и вы откроете въ Христіанствѣ бездну жизненности, могущей благодатно оживить все земное человѣческое, мало еще и початой въ этомъ отношеніи. Потомуто и тяжело на душѣ, что владѣющіе православіемъ, которымъ не трудно стать на такую прямую точку воззрѣнія на вещи, одни мало заботятся выяснить для себя и другихъ истину, другіе совсѣмъ почти не дорожатъ домашнимъ выясненіемъ истины,

по навыку увлекаясь только чужимъ, какъ будто ожидая, пока имъ чужіе не укажутъ, какое сокровище находится у нихъ дома. «Дѣти мы, дѣти» (скажу словами Бѣлинскаго)! Вотъ чуждый намъ сочинитель книжки «о Хрістіанствѣ» прекрасно и вѣрно слѣдитъ, какъ въ западномъ Христіанствѣ (которое онъ принимаетъ за представительное всего вообще Христіанства) борьбою между властію гражданскою и духовною вырабатывались зародыши нынѣшнихъ политическихъ и экономическихъ стремленій, опирающихся на началахъ единства и любви, которыя провозглашены для міра Христомъ. Но онъ, естественно, не останавливается на томъ, да и знать пока не можетъ того, что на восточной половинѣ Христіанства, тамъ, гдѣ есть гражданская независимость и свобода, именно въ нашей Православной Руси—вся политика и экономія, весь нашъ бытъ во все продолженіе нашей старины, построивался на человѣколюбивыхъ началахъ Христовой благодати и истины, только еще дѣлалось это съ дѣтскою безотчетностію и неразвитостію, неизбѣжно грубоватою болѣе или менѣе. Онъ не поставляетъ на видъ, да и еще не можетъ пока имѣть и самъ въ виду, что при оказавшейся опасности для Руси, отъ своей безотчетности и неразвитости, впасть въ односторонность спиритуализма, пренебрегающаго земнымъ и, съ самовозносливымъ пренебреженіемъ къ другимъ, уединяющагося отъ нихъ, Россія крѣпкою рукою Промысла, воздѣйствовавшаго чрезъ нашего крутаго преобразователя Петра, поставлена въ неразрывную связь съ другими, болѣе развитыми народами, и введена на поприще разработки всего бытоваго на землѣ, всего человѣческаго, и подвигнута притомъ на этотъ путь съ сохраненіемъ всей чистоты и силы началъ православнаго или истиннаго Христіанства. Выясни себѣ это авторъ книжки «О Христіанствѣ», тогда онъ вмѣсто того, чтобы неразумно и напрасно мечтать о послѣдующемъ ходѣ человѣчества, простирающемся уже далѣе Христіанства (въ чемъ, впрочемъ, есть доля правды именно по отношенію къ *западному* Христіанству, которое авторъ одно и имѣлъ въ своемъ главномъ и живомъ виду), съ торжествомъ возгласилъ бы, что въ самомъ Христіанствѣ, если его понимать и держать въ истинномъ

и живомъ смыслѣ (т. е. православно), содержатся начала къ дальнѣйшему развитію въ духѣ разумнаго единства и любви, проводимомъ во всѣ среды человѣческаго земнаго быта, и что не только христіанскій западъ бореніями средневѣковыми, но и христіанскій востокъ своею жизнію и судьбою уже приготовленъ отъ Промысла ко вступленію въ общій и дружный, желанный для всего міра, дальнѣйшій ходъ по обновленному, или освобожденному отъ ветхостей лжи и мертвой рутины, пути. Но мы и сами не успѣваемся отчетливымъ разумѣніемъ и живымъ чувствомъ проникнуть въ Божій свѣтъ, содержащійся въ Православіи, и другимъ не даемъ входить въ этотъ чудный свѣтъ жизни, назначенный для всего человѣчества и простирающійся на все человѣческое. Вѣдь, если съ ключами разумѣнія, содержащимися въ Православіи, ни сами не пойдемъ, ни другимъ не оставимъ доступа во внутренность храма истины, то мы подлежимъ Христову грозному за это приговору: *горе вамъ... яко взясте ключъ разумѣнія: сами не внидосте, и входящимъ возбранисте* (Лук. XI, 52). И не въ наказаніе-ли за это совершается у насъ та бѣда, что одни вдаются по всевозможнымъ распутіямъ нехристіанскихъ воззрѣній, а другіе все болѣе и болѣе входятъ въ несчастную односторонность и косность западнаго спиритуализма, забывающаго любовь Господа къ міру, низведшую Его въ этотъ самый міръ для его спасенія—не просто изъ общества равноангеловъ, а съ небесныхъ обителей всѣхъ Святыхъ Ангеловъ, движущую и всѣ сонмы самыхъ Ангеловъ на служеніе спасенію міра. Подумайте, что за невѣрность и небрежность къ человѣколюбивой истинѣ и ангелы, неустоявшіе въ ней, не пощажены, и Божій народъ, измѣнившій ея духу ради мертвыхъ формъ, отринутъ, и православный нѣкогда западъ, незамѣтно и постепенно терявшій силу Православія, оставленъ наконецъ въ заблужденіяхъ неправославія.

Я повѣсилъ голову въ тяжеломъ раздумьи. О. Іоаннъ, послѣ двухъ-трехъ минутъ самоуглубленнаго размышленія, продолжалъ:

— Вотъ все это, дорогой мой, у меня и поднялось на душѣ! все это мною и передумалось по поводу желаннаго преобразованія судопроизводства: невольно приходила мнѣ мысль, будетъ

ли и когда будетъ у насъ это духовное преобразованіе, по которому и все земное мы стали-бъ разумѣть по Христу, всѣ гражданскіе порядки были-бы нами и понимаемы и сознательно выдерживаемы въ силѣ и смыслѣ благодатныхъ порядковъ (ибо какъ-же мы православные, и въ этой области, выйдемъ изъ-подъ Евангельскаго упрека: *не и язычницы-ли тожде творятъ?*). Обратился я къ движенію нашей русской мысли посмотрѣть, на сколько она приближается къ этой свѣтлой духовной эпохѣ, когда у насъ все лучшее, заимствованное у западной Европы, увѣнчалось и освятилось благодатію, и когда, такимъ образомъ, дѣло общечеловѣческое шло-бы и у насъ впередъ ко благу не только нашему, но и запада и востока, чтобы *всѣмъ* намъ наконецъ *быть едино*, какъ молился о насъ самъ Спаситель (Іоан. XVII, 21). И увидѣлъ я такой сумракъ въ нашей русской мысли по вопросу объ отношеніи между гражданскимъ и церковнымъ, мірскимъ и духовнымъ, что и Богъ вѣсть когда мы выбьемся къ свѣту Божію. Я не скрывалъ отъ васъ невольной слезы радости, замѣтивъ въ васъ живое и неудержимое стремленіе къ духовной отчетливости. Не скрою и того, что въ уединенныхъ моихъ тяжелыхъ думахъ я плакалъ, какъ ребенокъ, отъ представленія, чего мы, православные, лишаемъ себя и другихъ чрезъ свои односторонности или чрезъ лѣность и нехотѣнье отчетливо выяснить себѣ Христову истину по вопросу объ отношеніи между свѣтскимъ и духовнымъ,—по этому великому вопросу, изъ-за котораго столько пролито и доселѣ проливается крови. Эти сумраки и полумраки въ нашей мысли, скажу вамъ, болѣе меня пугаютъ и обезнадеживаютъ, чѣмъ полный и открытый мракъ: въ послѣднемъ, при открытіи свѣта, ничего нѣтъ, за чѣмъ бы погнался человѣкъ, а въ полумракахъ или въ борешіяхъ свѣта съ тьмою обыкновенно бываетъ, что полусвѣтъ и отстаивается, какъ совершенный свѣтъ, особенно при обращеніи этого въ навыкъ и рутину. «Никто, сказалъ Спаситель, пивши старое, не захочетъ молодаго; ибо говоритъ: старое лучше». (Лук. V, 39).

— Но, добрый батюшка, все-же вы скажите мнѣ не «общими только мѣстами», какъ и въ судопроизводствѣ надо пріобрѣтать

и усвоять себѣ нашего Господа—единственную нашу истину и правду. Вѣдь, что мы доселѣ ни говорили, говорили по поводу этого вопроса, хотя за самый этотъ вопросъ еще и не брались. Надо-же рѣшить и его,—говорилъ я.

— Еще-бы не надо? сказалъ съ улыбкою любви и радости достойный священникъ. Я себя-бы обидѣлъ и лишилъ самой сладкой радости, самой питательной пищи, еслибы такой внимательности и сочувствію отказалъ въ словѣ отъ искренняго разумѣнія и сердца; вы знаете, что это слово вамъ меня-же перваго ободряетъ и укрѣпляетъ, подобно какъ крестьянинъ-хозяинъ не нарадуется, если у него есть, что и куда посѣять въ благопріятное время. Да и наши рѣчи, какія мы вели доселѣ, уравнивали намъ только путь къ тому, чтобы удобнѣе и разумумнѣе взяться за рѣшеніе того вопроса, по поводу котораго шли эти рѣчи. Да, безцѣнный мой! Далъ-бы Богъ нашей мысли сколько можно свѣтлѣе сознать, что и вообще нерацiонально, и особенно въ отношеніи къ нашему духу непредусмотрительно и неразсудительно, въ чемъ-бы то ни было, обходить существенную, основную въ человѣчествѣ сторону и господствующую въ нашемъ народѣ силу, именно религію или православіе въ самой его жизненности. Далъ-бы Господь намъ домыслиться, что мірское, свѣтское, гражданское, житейское, можетъ, судя по своему духу, быть и отъ міра сего, общаго и язычникамъ и магометанамъ, можетъ быть и выше этой духовной низменности, слишкомъ унизительной и обидной для православныхъ христіанъ, что, потому, и въ области мірскаго и свѣтскаго можно и надо православному проводить свѣтъ и силу Христовой истины и благодати, выдерживая эту нужную и спасительную для міра стражбу даже до подвижническаго характера и духа. Вотъ Апостолъ Павелъ самъ же училъ Словомъ Божіимъ, что власть и языческаго Правительства *отъ Бога*, однако съ силою внушалъ христіанамъ обращаться, именно въ житейскихъ судебныхъ дѣлахъ, не къ невѣрнымъ судамъ, а къ суду своихъ собратій по Христу, считая низкимъ для христіанъ стоять по судопроизводству въ уровнѣ съ язычниками (1 Кор. VI, 1—6.). Далъ-бы намъ Царь Небесный понять, что разумная отчетли-

вость вѣры нужна для выясненія и употребленія самыхъ сокровищъ благодатныхъ, для дознанія и удержанія духа и направленія самыхъ благодатныхъ проявленій, въ которыхъ благодать Христова не престаетъ снисходить до своего чуднаго соучастія къ нуждамъ и недугамъ нашей земной жизни, даже физической, далъ-бы Господь намъ пробудиться къ живой и отчетливой мысли вѣры, отъ тяжелаго сна лѣнивой или своекорыстно страшливой нашей косности. Далъ-бы намъ Создатель и въ естественной области Христово свѣтѣніе относить уже къ Его благодати и истинѣ (которой именно оно и принадлежитъ и силу которой даетъ оно отчасти и сознавать, а наиболѣе ощущать), а несостоятельность предъ истиною видѣть собственно въ нашей, отъ прирожденнаго грѣха, разумѣется, происходящей нелюбви или невѣрности этому свѣтѣнію, въ нашемъ затемнѣніи и перетолкованіи его: *всяко дѣлаяй злая* въ мысли и сердцѣ или во внѣшней жизни—вотъ именно кто *не приходитъ ко свѣту, творяй же истину,* вѣрный ей умомъ и волею, насколько кому она открыта, такой уже *грядетъ ко свѣту*, говоритъ самъ истинный Свѣтъ нашъ въ объясненіе вѣры въ Него однихъ и невѣрія въ другихъ (Іоан. III, 18—21.). Надо намъ брать предосторожность, чтобы напрасно и ко вреду не расходиться съ другими, на-сколько они вѣрны Христову же свѣтѣнію правды въ судахъ-ли, въ литературѣ-ли; надо ратовать собственно только противъ невѣрностей предъ истиною и правдою, кому-бы онѣ ни принадлежали въ словѣ-ли, въ дѣлѣ-ли: чрезъ это сколько-бы привлекали мы однихъ къ Самому Христу во всякихъ областяхъ, не исключая и граждански-судебной, столько-бы не давали и другимъ закрывать свою невѣрность Христу суровою личиною и мертвою только буквою правды, распугивающею и отталкивающею отъ Христа людей во всякихъ средахъ, особенно свѣтскихъ и житейскихъ. Все это, видите, необходимо требуется для такого благодатнаго разумѣнія и веденія судопроизводства, *да* и въ этомъ (по Апостольскому слову, которое вы хорошо запомнили) *Христа пріобрящемъ* (Фил. III, 8).

— Въ чемъ же состоитъ такое благословенное разумѣніе и

исполненіе судопроизводства? На такомъ своемъ вопросѣ продолжалъ я настаивать.

— Примемся теперь и за самый этотъ вопросъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ Іоаннъ. Большаго-то труда и нелужно для рѣшенія этого вопроса Мы вѣрующіе, православные; а когда такъ, то *правда* наша есть уже Самъ Христосъ и Спаситель нашъ, *правда* какъ въ томъ (положительномъ) отношеніи, что вся сила всякаго добра, жизнь и душа всякой добродѣтели и всякаго частнаго добраго или праваго дѣла содержится для насъ въ Самомъ Христѣ, Котораго мы, по Его благодати, и должны воспринимать себѣ при совершеніи всякаго дѣла правды, такъ и въ томъ (отрицательномъ) отношеніи, что Онъ, Агнецъ Божій, взялъ и вынесъ на Себѣ всѣ и всякія вины и неправды міра и мы въ немъ имѣемъ и должны усвоять себѣ и другимъ заглажденіе нашихъ неправдъ, умилостивленіе Отца небеснаго къ намъ, какъ къ прощенымъ отъ Него и Ему уже любезнымъ Его дѣтямъ. Такъ это?

— Всеконечно такъ, отозвался я, а иначе мы не вѣровали бы во Христа или вѣровали бы неправославно.

— Сдѣлайте теперь только примѣненіе этой великой истины къ дѣлу судопроизводства, и именно открытаго и гласнаго Это примѣненіе и сдѣлать-то легко. Вѣдь, Господь нашъ Самъ ради насъ подлежалъ суду какъ закрытому въ судилищахъ синедріона (духовнаго) и преторіи (свѣтской), такъ и открыто-гласному предъ всѣмъ народомъ на лиѳостротонѣ, гдѣ и состоялся наконецъ рѣшительный приговоръ о Его распятіи (замѣтьте здѣсь, скажу мимоходомъ, что ни закрытость, ни гласность сами по себѣ еще не представляютъ ничего твердаго и вѣрнаго ни *противъ*, ни *за* правоту суда). Такому суду Господь подвергнулъ Себя, вѣдь, за насъ, за всякаго человѣка, не исключая никакого преступника, никого изъ судимыхъ на нашихъ судилищахъ; слѣдовательно, духъ совершившагося надъ Нимъ судопроизводства носится и надъ судами и судопроизводствомъ кого бы то ни было. Господь нашъ, на судѣ-то своемъ и послѣдовавшемъ здѣсь осужденіи и потомъ исполненіи судебнаго приговора крестною Его смертію, и явился окончательно и вполнѣ нашею Правдою,

заглаждающею наши вины и неправды, совершающею дѣло безпредѣльнаго и святѣйшаго человѣколюбія, до безконечности ради насъ самоотверженнаго и выполнившаго въ нашу пользу всѣ требованія правоты безъ тѣни послабленія неправдамъ и беззаконіямъ. Итакъ... да дѣлайте ужъ сами нужное заключеніе.

— Говорите, говорите, батюшка, промолвилъ я, чуть переводя дыханіе отъ нетерпѣливаго желанія выслушать самую *суть* дѣла.

Отецъ Іоаннъ продолжалъ съ торжественною важностію:

— Какъ мировые судьи и другіе служители правосудія (въ какомъ порядкѣ это установится въ новомъ судопроизводствѣ), такъ и сторонніе зрители и слушатели судопроизводительнаго дѣла оказываются на великой, взаимно другъ-другомъ поддерживаемой, стражѣ, чтобы не проглядѣть, не выдать, не осудить самой правды, которая вся во Христѣ, чтобы не отринуть, не продать, не осудить *второе* Самаго Христа, единственную нашу правду, а въ Немъ и всеблагостную любовь къ намъ Отца нашего небеснаго, простирающуюся къ намъ благодатію Св. Духа, только-бы мы сами принимали это вѣрою и вѣрностію правдѣ. Это вообще! По отношенію-же къ правымъ и виноватымъ на судѣ, стража гласнаго судопроизводства, на которую съ судьями и производителями суда возводится и все общество, получаетъ особенную силу и выразительность.

— Продолжайте, продолжайте, вымолвилъ я во время краткой паузы моего собесѣдника.

— Во-первыхъ, заговорилъ онъ,—что касается судебнаго дознанія и оправданія правыхъ, признающимъ силу всякой правоты въ Самомъ Господѣ нашемъ—производителямъ и свидѣтелямъ суда—предстоитъ духовно, именно, Самъ Христосъ Господь съ правомъ своей собственной правды, и такъ говоритъ своею благодатію душамъ ихъ: «оправдайте Меня Самаго въ лицѣ праваго, подсуднаго вашему судопроизводству; судьи—изощрите все ваше безпристрастіе и проницательность, чтобы и вы, вѣрующіе въ Меня, не вмѣнили Меня всеправаго со злодѣями и преступниками—въ лицѣ Моего меньшаго брата и члена моего, въ лицѣ просто человѣка, за котораго сталъ Я Самъ

человѣкомъ;—зрители и слушатели—своимъ участіемъ и силою вѣры въ Мое присутствіе помогите вашимъ собратьямъ дознать и отстоять правоту собственно Мою въ лицѣ невиннаго подсудимаго. Мой Отецъ за такую вашу любовь ко Мнѣ возлюбитъ васъ и *къ вамъ приидемъ и обитель* у васъ *сотворимъ* (Іоан. XIV, 23): вотъ каковъ будетъ у васъ храмъ правосудія». Во вторыхъ, что касается и до виновныхъ и преступныхъ, человѣколюбивый Искупитель нашъ взялъ и вполнѣ вынесъ и ихъ вины съ грѣховными винами всего міра; поэтому земное правосудіе должно послужить прямо тому, чтобы и эти бѣдные и несчастные усвоили хотя сколько-нибудь такую благодать Божественнаго Человѣколюбца—чрезъ самое дознаніе и правое осужденіе ихъ преступленія, чтобы они хотя сколько-нибудь сообщились человѣколюбивому духу Христовыхъ страданій—чрезъ самое, болѣе или менѣе страдальческое для нихъ, исполненіе судебнаго надъ ними приговора. Истина Христова внушаетъ въ этомъ отношеніи каждому производителю и свидѣтелю судопроизводства такой благодатный урокъ: «поревнуйте и посодѣйствуйте, чтобы и по отношенію къ осуждаемымъ преступникамъ не напрасно пролита была кровь вашего, общаго съ ними, Спасителя и Господа. Не ведите и не наблюдайте дѣла дознанія и осужденія преступниковъ—съ чорствымъ духомъ равнодушія, или одного только негодованія на преступленіе, или простаго только любопытства и любознанія. Напротивъ, незримо и неслышно ни для кого изъ людей, въ тайнѣ духа вашего, видной Отцу небесному, возжигайте въ себѣ молитвенную вѣру, что и за разбойниковъ и всякихъ уголовныхъ преступниковъ умеръ Искупитель нашъ; вводите себя въ то настроеніе и заботу любви, чтобы не далъ Господь преступнику ускользнуть притворствомъ или другими кознями отъ правосудія, вводящаго его именно въ соучастіе очищающей всякую нашу неправду Христовой правды, а далъ-бы ему, въ самомъ открытіи и осужденіи его виновности, совершить, такъ сказать, публичную эпитимію вѣры въ Умершаго за всѣ наши вины и преступленія. Тогда храмъ пелицепріятнаго и строгаго правосудія будетъ храмомъ очищающей и исправляющей преступниковъ и злодѣевъ Христовой любви и

благодати». Видите, заключилъ священникъ, какъ щедръ и милостивъ къ намъ Господь во всемъ, если хотимъ узнавать и принимать Святую Его истину и благодать. Вотъ какъ по новому завѣту,—*суда Божій есть.*

— Истинно, отецъ мой! сказалъ я, тронутый. Такъ вотъ въ какомъ духѣ должно быть наше новое судопроизводство, чтобы, дѣйствительно, исчезли судебное лихоимство и взятки, чтобы это великое преобразованіе послужило къ оживленію и просвѣщенію нашего народнаго духа; чтобы заимствованное изъ другихъ просвѣщенныхъ странъ уже совершеннымъ и освященнымъ вошло въ самую сердцевину нашей народной жизни; чтобы талантамъ и образованности открылось поприще для живой дѣятельности правды и добра, на благословеніе и благоустройство всего народнаго состава, не исключая никакой невѣжественной среды, не исключая самихъ судимыхъ и осуждаемыхъ преступниковъ. Благодарю васъ, добрый мой батюшка!

— Но не забудьте, сказалъ отецъ Іоаннъ снова съ грустною задумчивостію: пока русская мысль и жизнь не проснется для выясненія и практическаго примѣненія великой истины о проведеніи благодатнаго и духовнаго и въ свѣтское и гражданское, земля обѣтованная еще у насъ впереди и мы продолжаемъ свое странствованіе по каменистой Аравіи. Надо намъ всеусильно подвизаться молитвою и словомъ, чтобы нашимъ Моисеемъ былъ самъ Господь, дѣйствуя Своею святою и человѣколюбивою истиною и благодатію на духъ нашего правительства и народа.

— Господь-то, сказалъ я, ужъ непремѣнно доведетъ насъ и до земли обѣтованной, до озаренія и оживленія нашего земнаго небесною Его благодатію и истиною. Только страшно, если и нашему поколѣнію въ его большинствѣ придется измереть въ пустынѣ Аравійской, предоставивъ войти въ землю благодати уже новому, лучшему поколѣнію.

— Въ томъ-то и бѣда наша, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что эта страшная опасность, дѣйствительно, грозитъ нашему поколѣнію, а мы и знать этого не хотимъ. А между тѣмъ иго Христово, къ которому мы такъ невнимательны, и благо и легко для насъ!

Ну, хоть взять тоже дѣло судопроизводства, обновляемаго у насъ. Мнѣ хочется прибавить къ сказанному нѣсколько словъ о дѣлѣ нашихъ будущихъ *адвокатовъ, присяжныхъ* и *судьи*, какъ прекрасно и не трудно было бы имъ, если захотятъ они, вести каждому свое дѣло со Христомъ. Вы знаете, что Господь, во время самаго Своего распятія на Крестѣ, возгласилъ предъ всѣми о своихъ врагахъ и убійцахъ: «Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, что̀ дѣлаютъ» (Лук. XXIII, 34). Видите, это Онъ ходатайствуетъ предъ правдою Своего Отца за преступныхъ виновниковъ насильственной и позорной Своей смерти. Не слава ли для адвокатовъ, и трудно ли имъ, при защищеніи своихъ кліентовъ, внутренно держаться вѣчнаго Ходатая всѣхъ людей и одушевляться въ своихъ мысляхъ, словахъ и движеніяхъ человѣколюбивымъ Его духомъ? Это даже и въ томъ случаѣ, когда бы защищаемые были преступны или когда бы ихъ преступность и была выводима наружу адвокатомъ. Вѣдь и Господь Своимъ ходатайственнымъ словомъ не закрылъ преступности Своихъ убійцъ. Слово: *отпусти*, „прости *имъ*,“ необходимо предполагаетъ ту истину, что они виноваты. Поэтому и присяжнымъ въ ихъ разсужденіяхъ и рѣшеніи, виноватъ ли, или нѣтъ, подсудимый, что препятствуетъ держаться также самаго Господа и по Его благодати вести свое дѣло предъ самимъ Отцемъ небеснымъ, предавая Его благости и правду правыхъ и виновность преступныхъ? Наконецъ, вспомнивъ слова Христовы: «Отецъ и не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну» (Іоан. V, 22), мы можемъ въ такомъ же воззваніи Христовомъ: *Отче! отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*, услышать приговоръ христоубійцамъ еще не къ отверженію, а къ долготерпѣливому возбужденію и ожиданію ихъ раскаянія. Итакъ и судьѣ, произносящему приговоръ о подсудимомъ, Господь дастъ блаженную возможность совершать это дѣло не безъ Него, а съ Его человѣколюбивымъ и спасительнымъ для людей духомъ. Вѣдь все, что ни дѣлалъ Господь, должно по своему духу и спасительной силѣ служить первообразомъ и основаніемъ для насъ въ нашихъ дѣлахъ!—Остановитесь притомъ благоговѣйнымъ вашимъ вниманіемъ на этихъ словахъ: «*не вѣдятъ, что*

творятъ, не знаютъ что̀ дѣлаютъ». Извѣстно, какое тяжелое чувство возбуждается человѣческими пороками и преступленіями, какъ опытами и зрѣлищемъ ихъ ослабляется живая связь съ людьми, подкапывается и отравляется любовь и сочувствіе къ нимъ. Извѣстно и то, какъ много жалости и участія къ себѣ возбуждаютъ даже порочные и преступные люди, когда открывается или имѣется въ виду, что собственно отъ ихъ невѣжества, отъ недоразумѣній, отъ глупыхъ и темныхъ понятій произошли ихъ пороки и проступки, что эти люди, совершая свои возмутительныя по преступности дѣла и предаваясь чорнымъ, жестокимъ движеніямъ, сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ. Человѣколюбивый Спаситель нашъ внушаетъ Своимъ примѣромъ и духомъ именно такое направленіе при обсужденіи человѣческихъ проступковъ и преступленій, чтобы смотрѣть болѣе на невѣденіе и неразуміе преступниковъ, чѣмъ на нравственную ихъ растлѣнность. Кто можетъ быть преступнѣе христоубійцъ? Сколько преступнаго въ злобѣ и зависти ко Христу начальниковъ іудейскихъ, въ чорной неблагодарности къ Нему народа и проч. и проч.! И какъ, казалось бы, христоубійственнымъ Іудеямъ не узнать Господа изъ небеснаго достоинства Его ученія, изъ пророчествъ о Немъ, изъ чрезвычайнаго обилія благодѣтельныхъ людямъ Его чудесъ? Но, несмотря на все это, Господь указуетъ не на духовную растлѣнность ихъ, а на ихъ невѣденіе. Видѣлъ Онъ, милосердый Человѣколюбецъ, какъ жосткія и вмѣстѣ самообольщенныя понятія современнаго Ему іудейства, подобно мрачнымъ облакамъ, закрыли отъ большинства избраннаго народа и ихъ вождей солнечное сіяніе Его истины и благодати, а язычники, Пилатъ и римскіе воины, ослѣплены были своимъ многовѣковымъ язычествомъ и потому не умѣли взглянуть прямо на истину; и вотъ несчастные грѣшники распинали Господа славы, сами не зная, что̀ дѣлали. На это и указуетъ Спаситель міра, умоляя Своего Отца простить такихъ, по видимому рѣшительно недостойныхъ ни малѣйшей пощады и милованія, преступниковъ, каковы христоубійцы. Такому Христову направленію и должно слѣдовать наше будущее гласное или открытое судопроизводство, чтобы пред-

ставленія и разоблаченія человѣческихъ преступленій и пороковъ не изсушали, а напротивъ поддерживали въ духѣ народномъ разумное сочувствіе и состраданіе и къ преступному человѣчеству.

— Дай-то, Господи, такую благодать нашему обществу и народу, сказалъ я.

II.

РАЗГОВОРЪ.

(Послѣ предварительнаго очерка нѣкоторыхъ церковныхъ поученій) о проведеніи въ разныя мірскія или бытовыя, житейскія среды благодатныхъ началъ.

Люблю я и пользуюсь всякимъ удобнымъ случаемъ—бывать за богослуженіемъ, совершаемымъ досточтимымъ моимъ батюшкою о. Іоанномъ, и слушать живыя, назидательныя его поученія, которыя онъ сказываетъ безъ тетрадокъ и вообще безъ искуственныхъ приготовленій. Пришлось мнѣ осенью 1862 г. быть въ его приходской церкви въ такой праздничный день, когда, по распоряженію начальства, о. Іоаннъ долженъ былъ читать въ церкви, «послѣ божественной службы», Высочайшій Манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, который долженъ быть произведенъ въ слѣдующемъ году, спустя восемь лѣтъ послѣ послѣдняго набора. Досточтимый священникъ, сказавъ обычный по совершеніи литургіи отпустъ и держа въ правой рукѣ животворящій Христовъ Крестъ, (къ Которому обыкновенно «прикладываются» прихожане послѣ богослуженія), самъ прочиталъ весь, довольно пространный, Манифестъ.

Признаюсь, что при господствующемъ у насъ, въ дѣйствительной жизни и въ образѣ мыслей большинства, разобщеніи между духовно-церковнымъ и мірскимъ, какъ-то странно для моихъ ушей звучали въ храмѣ Божіемъ слова о составѣ рекрутскаго присутствія, о возрастѣ по годамъ и объ измѣреніи аршиномъ роста рекрутовъ, о введеніи ихъ въ рекрутское присутствіе не въ обнаженномъ видѣ, какъ прежде, а въ сорочкѣ, —о «сложеніи со счетовъ» нѣкоторыхъ повинностей, и проч.

и проч. Но о Іоаннъ читалъ Царское слово обо всемъ этомъ съ цвѣтущимъ и даже словно торжествующимъ лицемъ, и видно было, что ему особенно по сердцу было чтеніе въ церкви Божіей Манифеста о рекрутствѣ. Я ожидалъ, что онъ подѣлится съ прихожанами своею мыслію, одушевлявшею его тогда. Я не ошибся. Прочитавъ Манифестъ, о. Іоаннъ обратился къ народу съ своимъ пастырскимъ словомъ.

Прежде нежели скажу о содержаніи этого слова, хотѣлось бы мнѣ объяснить, какъ обыкновенно говоритъ о. Іоаннъ свое церковное слово. Я уже сказалъ, что онъ говоритъ безъ тетрадокъ и приготовленій. Но то значитъ это, что онъ говоритъ безъ предварительнаго размышленія о предметѣ своего поученія: напротивъ, зрѣлая и отчетливая обдуманность выражается въ его свободномъ словѣ, давая ему владѣть и раскрывать свой, избранный для слова, предметъ, съ какой стороны только ему захочется или заблагоразсудится. Онъ говоритъ, смотря прямо и проницательно въ глаза своихъ слушателей, обращаясь то въ одну, то въ другую сторону; не ускользнетъ отъ него ни тусклый и тупой взглядъ непониманія, ни разсѣянность невниманія, ни озабоченность сторонними предметами. Замѣтивъ то или другое на которой нибудь сторонѣ своихъ слушателей, онъ сейчасъ, не сводя глазъ съ этихъ слушателей, употребитъ всевозможныя объяснительныя сравненія духовныхъ истинъ и станетъ съ живымъ разнообразіемъ повторять сказанное, пока не овладѣетъ вниманіемъ слушателей и въ ихъ оживленныхъ глазахъ не замѣтитъ, что они понимаютъ его. Въ понимающихъ его старается онъ предупреждать всякую тѣнь или сумракъ недоумѣнія о чемъ либо, или неубѣжденности во глубинѣ ихъ души; въ этомъ случаѣ онъ спѣшитъ поставлять самаго себя въ состояніе невѣденія или затрудненія выразумѣть то или другое, чтобы, ставъ за одно или сообща съ своими слушателями и взявъ на себя тяготу ихъ недоумѣній или умственной косности, тѣмъ удобнѣе поднять ихъ къ свѣту разумѣнія и убѣжденія въ истинѣ. Главная же духовная его особенность въ дѣлѣ проповѣди та, что онъ, проповѣдуя, сколько своимъ слушателямъ внушаетъ и часто напоминаетъ внимать единственному Учи-

телю сердецъ Самому Господу, столько и самъ примѣтно, съ благоговѣніемъ предстоитъ духомъ своимъ Тому же *единому* Божественному Наставнику, Который Самъ бесѣдуетъ благодатно съ умами и сердцами поучаемыхъ.

Такимъ-то именно образомъ о. Іоаннъ и началъ говорить въ церкви, по прочтеніи Манифеста о рекрутствѣ. Какъ теперь слышу первыя его слова: «вотъ, православные, не напрасно я говорю, что вѣрующимъ въ Господа Іисуса надо и простыя, мірскія дѣла дѣлать не иначе, какъ служа или работая Самому Господу. Вѣдь рекрутчина—дѣло мірское, а вотъ она, по распоряженію православныхъ нашихъ властей, провозглашается въ Божіей церкви, гдѣ прославляются и провозглашаются дѣла собственно Божіи. Видно, и рекрутскій наборъ, и рекрутское присутствіе принадлежатъ къ дѣламъ и порядкамъ Божіей державы, спасающей насъ своею благодатію; поэтому только, прилично и умѣстно говорить о рекрутчинѣ въ Божіемъ храмѣ, находясь въ которомъ *на небеси стояти мнимъ*, по выраженію церковной пѣсни. И въ самомъ дѣлѣ...» Затѣмъ проповѣдникъ сталъ развивать такія мысли, что *власть и держава* или *царство и слава* существенно составляютъ принадлежность или вѣчную собственность *Отца и Сына и Св. Духа* (какъ слышимъ въ особенно торжественныхъ церковныхъ возгласахъ); что, если мы, по своей грѣховности достойны грознаго, даже карательнаго управленія Божественнаго и уже никакъ не достойны такой благодати, которая входила-бы съ своею животворностію и въ наши мірскія дѣла, то Единосущный, всю любовь Своего Отца со всею полнотою жизненныхъ силъ Св. Духа носящій и проявляющій въ Себѣ, Сынъ Божій содѣлался ради насъ, грѣшныхъ, Сыномъ человѣческимъ и въ Своемъ человѣчествѣ умеръ всесвятый, какъ-бы виновный за наши и всемірныя вины, и вотъ чрезъ это простеръ и на насъ грѣшныхъ животворящую въ силѣ Св. Духа любовь Своего Отца; что въ особенности Онъ, ради всего человѣчества явясь среди богоправимаго израильскаго гражданства обѣтованнымъ Царемъ благодати и умерши крестною смертію, какъ нестерпимый уголовный преступникъ и притомъ изъ рабовъ, усвоилъ чрезъ это Своей благодати все

тѣло гражданства отъ головы, какова верховная царская власть, до самыхъ низкихъ и послѣднихъ членовъ, каковы караемые закономъ преступники; что только слѣдуетъ намъ своею послушною и дѣятельною вѣрою принимать и усвоять себѣ такую благодать... Идя далѣе, въ своемъ словѣ о. Іоаннъ представлялъ своимъ слушателямъ, что если и гражданствомъ православновѣрующихъ правитъ, въ существѣ дѣла, держава Божіей Благодати и если именно Господомъ православный нашъ Царь самодержавно царствуетъ, то и все правительство Царя, всѣ правительственныя у насъ присутствія, слѣд. и рекрутское присутствіе, служатъ Всевышней державѣ, проявляя владычество надъ всѣмъ нашего Господа и Его благодати; что, потому, и войско, въ которое набираются рекруты, служитъ охраною, защитою и силою царства такого, которое и съ самимъ его Царемъ и правительствомъ незримо держитъ и правитъ Самъ Господь Вседержитель и Спаситель нашъ: православные солдаты—это слуги не просто Царя земнаго, но и Царя царствующихъ. «Все это внушаемъ вамъ, православнымъ, продолжалъ православный священникъ, не такъ, какъ бывало и еще продолжается у западныхъ или римскихъ христіанъ—у латинъ, измѣнившихъ православной вѣрѣ: главный ихъ архіерей, а за нимъ и всѣ подчиненные ему пастыри, также напоминаютъ царямъ и царствамъ о державѣ Божіей, ими правящей, но, подъ предлогомъ этой державы Вышняго, усиливаются сами властвовать надъ Божіимъ достояніемъ—христіанами. Мы же говоримъ вамъ о владычествѣ и надъ гражданствомъ Самаго нашего Господа—Главы для всего небеснаго и земнаго и умоляемъ васъ, въ вашихъ мірскихъ дѣлахъ и порядкахъ служитъ прямо Ему Самому, въ служеніи Которому самые херувимы и серафимы полагаютъ всю свою честь и славу; мы, служители церкви Божіей, не вмѣшиваемся въ ваши дѣла, а только служимъ тому, чтобы благодать властительства надъ вами *Самаго* Господа Іисуса и въ Немъ Отца Его, Отца свѣтовъ и щедротъ и всякаго утѣшенія, свѣтила вамъ во всемъ, значитъ—и въ рекрутчинѣ, и руководила васъ ко всему доброму.» Наконецъ пастырь и началъ убѣждать сельское общество своего прихода, чтобы они, зная о

Господней милости и благодати, завѣдывающей и правящей у предающихся Господу и мірскими дѣлами, исполняли дѣло рекрутства честно и свято предъ Самимъ Богомъ—Вседержителемъ и Спасителемъ нашимъ;—убѣждалъ родителей и всѣхъ близкихъ къ тѣмъ, кому выпадаетъ доля рекрутская, чтобы они нероптали и не жаловались на избраніе дорогаго имъ человѣка въ великую и славную службу не просто только Царю земному, но и Самому Царю небесному, Которымъ Царь нашъ царствуетъ;—убѣждалъ и тѣхъ, кому выпадетъ жребій этой великой службы, или кто самъ будетъ вызываться на нее, не безчестить ея чѣмъ-бы то ни было, а проходить службу царскую, какъ служеніе Самому Господу. Въ подтвержденіе этого, проповѣдникъ указывалъ на то, что Св. Апостолъ Павелъ тѣхъ, которые «вѣрою побѣждали царства, были крѣпки на войнѣ, прогоняя полки чужихъ» ставитъ въ одинъ рядъ съ тѣми подвижниками, которые ради Бога скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли» (Евр. XI, 33—38). Потомъ еще разсказывалъ пастырь, какъ именно препод. Сергій, когда у него просилъ благословенія и молитвъ великій князь Димитрій Донской на битву съ Мамаемъ, отрядилъ въ великокняжеское войско двоихъ изъ своего духовнаго воинства—изъ монашествующей братіи. «Что это значитъ? говорилъ пастырь. Не въ міръ ли возвращалъ великій подвижникъ тѣхъ, которые отреклись отъ міра? Этого не могъ сдѣлать Преподобный Отецъ нашъ. Чтоже онъ сдѣлалъ? Видно, онъ смотрѣлъ и на земное православное и христолюбивое воинство, какъ на служащихъ тому же Господу, Которому служитъ и духовное иноческое воинство; и вотъ изъ этого послѣдняго онъ посылаетъ двоихъ братій въ ряды воинскіе, какъ бы только изъ одного монастыря въ другой. Видите, что и въ воинской службѣ служа, въ сущности дѣла, самому Господу, православный достигаетъ живаго и внутренняго сообщества съ равноангельнымъ чиномъ, находящимся, при вѣрности своему званію, въ благодатномъ общеніи съ самими Святыми Ангелами. Вотъ къ какому достоинству и службѣ выбираются и пойдутъ рекруты, если сами не осрамятъ своего призванія, а напротивъ будутъ служить по

православному. Займитесь же, православные, дѣломъ рекрутскаго набора, какъ дѣломъ Божіимъ!» Такъ окончилъ свое слово о Іоаннъ; прихожане слушали его въ глубокой тишинѣ, съ свѣтящеюся въ ихъ взорахъ какою-то умиленною радостію, помышляя, конечно, о томъ, что съ такою благодатью призираетъ Господь и на ихъ мірскую долю и дѣла. Я, разумѣется, уже совсѣмъ иначе теперь смотрѣлъ на чтеніе Манифеста о рекрутчинѣ въ церкви Божіей: для провозглашенія Царскаго слова о рекрутскомъ наборѣ, какъ о. Іоаннъ протолковалъ намъ смыслъ послѣдняго, приличнѣе мѣста и найти нельзя кромѣ Божьяго храма.

Пока о. Іоаннъ заканчивалъ свои дѣла въ церкви, я прогуливался около двухъ прекрасныхъ прудовъ, находящихся между лугомъ съ одной стороны и селеніемъ съ другой. Мнѣ само собою припомнилось и другое поученіе о. Іоанна, которое онъ сказалъ во время сбора подушныхъ оброковъ въ его приходѣ; мнѣ тогда также случилось быть въ его приходской церкви. На тѣхъ-же коренныхъ основаніяхъ, которыя раскрыты въ выше очерченной мною проповѣди о. Іоанна, онъ училъ своихъ прихожанъ, чтобы они, внося свои оброки куда слѣдуетъ, мысль и чувство, эти глаза своего духа, поднимали выше, именно къ Тому Самому, отъ Кого поставлены всѣ власти. Кѣмъ Царіе царствуютъ и Кто, для доступности къ намъ плотянымъ и грѣшнымъ людямъ во всемъ нашемъ человѣческомъ къ очищенію всего отъ яда и скверны грѣха, будучи Богомъ—*плоть бысть* и сталъ совершеннымъ человѣкомъ и всѣ наши грѣховныя вины вынесъ на Себѣ до непостижимаго для насъ состоянія—оставленія отъ Своего Отца, до смерти. «Такъ и при простой отдачѣ денежнаго оброка», говорилъ о. Іоаннъ своимъ прихожанамъ, «будете служить и самымъ оброкомъ выражать сыновнюю преданность и послушаніе Самому Отцу нашему небесному, Сына Своего давшему намъ, человѣкамъ, поставившему Его на землѣ и въ самомъ гражданскомъ быту, такъ что Сынъ Божій ради насъ, именно въ благодать къ нашему гражданскому быту, и родился и умеръ подъ державою Кесаря. Чтобы намъ лучше замѣтить, для усвоенія себѣ, такую къ намъ благодать, Господь

при самомъ рожденіи благоволилъ быть записаннымъ въ общенародную перепись, которая была тоже, что наша, такъ называемая, *ревизія* или ревизская перепись, по которой вы платите свой подушный оброкъ. Смотрите же, православные, такъ платите оброкъ, *да Христа пріобрящете* (Фил. III) и въ этомъ дѣлѣ, изъявляя чрезъ оброкъ свою сыновнюю подвластность Самому Отцу небесному, Который, ради вочеловѣченія Своего Сына, проявляетъ благодать Своего Всевышняго Отечества во всѣхъ нашихъ высшихъ, или начальникахъ, начиная отъ Царя до нашихъ родителей. Славно для насъ и оброкъ платить, въ лицѣ православнаго Правительства Самому Всевышнему Царю и Господу нашему. Такъ будемъ снискивать и благословеніе на нашу земную жизнь, на земное наше отечество съ нашимъ Царемъ, и вмѣстѣ спасеніе и вѣчную нашу жизнь. Платить оброкъ — для всѣхъ одно и тоже, но есть безконечная разница, если ты, платя оброкъ, не будешь въ этомъ разниться, напримѣръ, отъ татарина или другаго невѣрнаго, тоже платящаго оброкъ, или если ты, платя тотъ же оброкъ, будешь чрезъ это исполнять сыновнее дѣло предъ Самимъ Отцемъ небеснымъ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки » Я тогда же записалъ это заключеніе проповѣди, пришедшейся мнѣ такъ по сердцу. Вспомнилась мнѣ и еще, слышанная мною, проповѣдь моего досточтимѣйшаго отца Іоанна. Онъ говорилъ эту проповѣдь именно въ Ѳомино воскресенье—первое воскресенье послѣ Святой недѣли, имѣя въ виду, что въ слѣдъ затѣмъ у однихъ начнутся полевыя работы, а другіе изъ его прихожанъ пойдутъ снова на заработки по разнымъ мѣстамъ, откуда собрались домой «на Святую». Пастырь внушалъ тѣмъ и другимъ работать, на полѣ ли или за какимъ ремесломъ, Самому Всеблагостному Всевышнему нашему Хозяину–Господу, Который всегда съ нами. «Работаешь-ли ты на полѣ?» говорилъ о. Іоаннъ, «помни и почаще думай, что это раскинувшееся надъ нами небо, эта обрабатываемая тобою земля, всѣ на ней растенія и сѣмена, все, что ты ни садишь или сѣешь, этотъ свѣжій воздухъ, которымъ ты съ утра до вечера дышешь подъ открытымъ небомъ, и ты самъ со всѣми и всѣмъ, кто и что у тебя есть, все состав–

ляетъ собственность и дѣло рукъ нашего Господа и Отца. Или работаешь ты въ мастерской? Весь матеріалъ, надъ которымъ ты трудишься, твои руки, твои товарищи, твой хозяинъ—все это находится въ верховномъ владѣніи и завѣдываніи Отца нашего небеснаго. Свою собственность, Свои дары отечески Онъ поручилъ тебѣ въ сыновнее распоряженіе и употребленіе, разумѣется (и это тебѣ не надо забывать ни на минуту) все по той благодати, что возлюбленный и единосущный Сынъ Его содѣлался Сыномъ человѣческимъ и жилъ на землѣ, пользуясь и плодами земледѣлія, напримѣръ—хлѣбомъ насущнымъ, и издѣліями ремесла, напримѣръ—жилищемъ и одеждою». При этомъ о. Іоаннъ, съ особеннымъ утѣшеніемъ и радостію о Божіей благодати къ людямъ рабочимъ, обратилъ вниманіе своихъ слушателей на то, что Христосъ Господь, для жилища Своего въ частной Своей жизни и для попеченія особенно о Своемъ дѣтствѣ, избралъ домъ и усердіе человѣка рабочаго—*тектона* или, по русски, плотника Іосифа, который удостоился быть обручникомъ Матери Божіей. «Вѣдь это, говорилъ радующійся о Богѣ своемъ священникъ это все, Его,—вѣдь это все благодать къ намъ Бога нашего! Это благодать особенно на тебѣ, человѣкъ рабочій, чтобы ты работалъ свою работу для Самаго Господа, столько тебя возлюбившаго, что онъ захотѣлъ и жить у человѣка рабочаго, какъ у Своего названнаго отца; а частная Его жизнь, проводимая Имъ сначала у плотника Іосифа, а по его смерти у его дѣтей, продолжалась до тридцати лѣтъ, тогда какъ всенародно совершалъ Онъ свое дѣло только три года съ половиною. Не жалуйся-же на низкость твоей рабочей доли, столько благословенной снисхожденіемъ къ ней Господа. Да и Его Самого, Господа нашего, не даромъ называли самые, по просту сказать, земляки Его,—тоже *тектономъ* или плотникомъ, какъ сказуетъ Евангелистъ Маркъ. Вѣдь духъ и сила того, что совершилъ для насъ Господь, простирается на всѣхъ людей, на всѣ времена, и дѣется въ насъ самимъ Духомъ Святымъ. Плотничество—дѣло рабочее; если Господь хоть сколько нибудь касался его, то это благодать для всякаго рабочаго дѣла. Только самъ ты, православный, за своимъ трудомъ работай Гос-

поду и съ Господомъ; помни Его, содѣлавшагося для тебя человѣкомъ, столько возлюбившимъ притомъ рабочую долю, и трудись по волѣ Его, какъ истиннаго твоего Хозяина. Тогда и дѣло твое, хоть-бы самое чернорабочее, благопоспѣшится не только для здѣшней жизни, но принесетъ плодъ и для будущей вѣчной». Незабвенныя для меня слова! Вспомнилъ я и еще поученіе о. Іоанна, сказанное новобрачнымъ послѣ ихъ вѣнчанія. Онъ наставлялъ ихъ, чтобы они имѣли въ живомъ вниманіи и виду своей вѣры благодатное отображеніе въ ихъ союзѣ—союза Божественной любви между Господомъ и Церковію, того союза, въ которомъ Господь пожертвовалъ Собою для Церкви, и Церковь *не тому себѣ живетъ, но живетъ въ ней Христосъ* Господь; убѣждалъ мужа—не опускать, изъ вида своей вѣры, отображенія Христовой Церкви въ своей женѣ, а послѣднюю—отображенія Христова въ своемъ мужѣ. «Тогда и ваше хозяйство, говорилъ добрый пастырь, будетъ подобно зеркалу отображать то, что дѣлается по домостроительству Христову въ Церкви: только все, что ни дѣлалъ бы ты, мужъ, для своей жены, дѣлай для нея, какъ для живаго образа Христовой Церкви, а ты, жена, все дѣлай и устроивай для мужа какъ для живаго образа Христова. Такой взаимный другъ на друга взглядъ вѣры и любви не труденъ, а напротивъ составляетъ для васъ именно благое и легкое иго Христово. Когда Господь благословитъ васъ дѣтьми, помните и крѣпко держите въ мысли, что, по благодати Христіанства, ваши дѣти будутъ не просто только вашими, а и дѣтьми Самаго Отца небеснаго, потому также всякое попеченіе о нихъ, всякое дѣло для нихъ исполняйте какъ не только для вашихъ дѣтей, а какъ для дѣтей Божіихъ, вамъ врученныхъ на сохраненіе и возращеніе въ духѣ любви Отца небеснаго».

Все это мнѣ припомнилось, и я смотрѣлъ на расходящійся изъ церкви народъ истинно какъ на новаго благодатнаго Израиля, на народъ Божій, живущій во всемъ подъ благоволеніемъ всеблагостнаго Отца небеснаго, ради великой благодати Его Сына, содѣлавшагося Сыномъ человѣческимъ для человѣковъ. И свѣтло было у меня на душѣ. Мнѣ думалось: какъ бы скоро духъ

народный возбудился у насъ къ истинному просвѣщенію и къ самодѣятельности во всемъ добромъ и полезномъ, еслибы направленіе и духъ о. Іоанна былъ общій ему съ большинствомъ пастырей, еслибы церковныя поученія говорились не по заготовленнымъ на цѣлый годъ темамъ, чѣмъ занимаются иные духовные журналы, а по живымъ и насущнымъ потребностямъ самой жизни, главное—еслибы въ народѣ оживлять великую мысль о возглавленіи всего земнаго, какъ и небеснаго, въ Самомъ Христѣ и въ почивающей въ Немъ любви Самаго Отца небеснаго, простирающейся на все человѣческое къ освященію и оживотворенію всего Самимъ Св. Духомъ!..

Увидѣвъ и церковнослужителей, выходящихъ изъ церкви, я поспѣшилъ къ о. Іоанну. Въ своихъ думахъ я не примѣтилъ, какъ онъ вышелъ изъ церкви; только пришедши въ его домъ, я нашелъ его здѣсь уже за чаемъ, разливаемымъ матушкою попадьею; у нихъ сидѣлъ еще гость—купецъ ближайшаго городка, пріѣхавшій сюда по своимъ дѣламъ. О. Іоаннъ и купецъ толковали что-то о торговлѣ, какъ я замѣтилъ изъ рѣчи о рубляхъ и копѣйкахъ, еще слышанной при моемъ входѣ въ комнату. Общество, по внимательности къ новому гостю, занялось на время выраженіемъ ему радушныхъ привѣтовъ; тутъ же познакомили со мною почтеннаго купца. Помѣстясь на предложенномъ мнѣ стулѣ и принимая чашку съ чаемъ отъ хозяйки, я не вытерпѣлъ, чтобы не высказать нѣсколько задушевныхъ словъ благодарности о. Іоанну за его проповѣдь, освѣтившую для меня самыя простыя вещи, какъ будто новымъ свѣтомъ Божія слова. Зная, что батюшка не охотникъ до подобныхъ рѣчей, я оговорился, что благодарность моя относится, конечно, къ единственному нашему Учителю, напоминанія о Которомъ я такъ часто слышалъ отъ о. Іоанна.

— Вотъ это дѣло, отозвался онъ сейчасъ же на послѣднія мои слова. И мнѣ самому, во время самой рѣчи о томъ, какъ благодать въ самыхъ простыхъ вещахъ близка къ намъ и отечески или матерински занимается нами, сама собою приходитъ благодарность нашему Благодѣтелю Господу.

Замѣчу здѣсь кстати, что, тогда какъ при рѣчи о Господѣ

у другихъ людей, какъ-то невольно вытягиваются лица и принимаютъ какое-то натянутое, искуственно важное выраженіе (какъ будто рѣчь идетъ о чемъ-то пугающемъ, къ чему мысль и не привычна и не расположена),—изъ устъ о. Іоанна рѣчь о Господѣ слышится какъ именно добрая и самая близкая къ намъ рѣчь; лица слушателей свѣтлѣютъ сами собою.

— Да, батюшка! заговорилъ купецъ съ легкимъ вздохомъ, не теряя однако свѣтлаго выраженія въ лицѣ. Вотъ и рекрутство—дѣло Божіе: пойдутъ рекрутики, словно въ Божій монастырь, на службу Божію. А вотъ наше грѣшное—торговое дѣло: только и знаемъ, что аршинъ, да фунтовики, али тамъ гири пудовыя, а пуще всего рубли съ копѣйками. Экая грѣшная наша доля!

— Полно гнѣвить своего Отца Всеблагостнаго, сказалъ о. Іоаннъ, будто торговые люди у Него не дѣти, будто Сынъ Его только для другихъ людей, а и не для нихъ, сталъ Сыномъ человѣческимъ. Подумайте-ка еще, что, когда возлюбленный Сынъ Отца небеснаго сталъ и Сыномъ человѣческимъ—Сыномъ собственно Матери-Дѣвы, и это единственно для насъ человѣковъ или, такъ сказать, въ пользу *нашу*, то чрезъ это Онъ далъ намъ не только всеблагаго, всещедраго Отца—въ Самомъ Своемъ небесномъ Отцѣ, но и благую, сострадательную Мать—въ Своей Пресвятой Матери. Видишь ли,—въ Господѣ Іисусѣ открыты намъ, человѣкамъ, для всякой нашей доли, значитъ и для доли торговой, открыты всѣ щедроты, вся любовь всевышняго Отца къ избавленію нашему отъ грѣха и гибели; да, кромѣ того, для нашихъ немощей, для нашей ребяческой слабости, и глупости, есть материнская поддержка и заступленіе въ Самой Пресвятой Богородицѣ... Только бы мы не отвергали, а хоть по дѣтски присвояли себѣ эту великую благодать на всѣ наши человѣческія жребіи и дѣла, для возвышенія ихъ отъ грѣховной бездны: Матерь Божія младенчествующій въ насъ духъ Своего Сына сохранитъ и возратитъ въ мѣру полнаго возраста Христова. Это ужъ Ея материнское дѣло, исполненное Ею въ отношеніи къ лицу Самаго Господа, но имѣющее неоскудѣвающую силу и для Его сообщниковъ—православныхъ христіанъ. Вѣдь, все истинно доброе въ насъ—въ солдатѣ, въ

купцѣ ли, въ священникѣ ли, или ученомъ человѣкѣ—все это Христово, все это отъ благостнаго духа Сына Ея; Матерь ужъ навѣрное не откажется отъ Своего Сына и духа Его въ насъ. Не правда ли?

— Что и говорить объ этомъ, отвѣчалъ купецъ. У насъ, грѣшныхъ, только и надежда вся на Мать—Пресвятую Богородицу.

— И это вѣрная, необманчивая надежда, продолжалъ о. Іоаннъ,—для тѣхъ, кто не отвергаетъ, а старается усвоить себѣ и своей долѣ благодать Ея Сына, содѣлавшагося для насъ человѣкомъ отъ Нея самой.

— Какъ же я на свою купеческую долю буду присвоять благодать Господню? спросилъ купецъ.

— Какъ? Небольшая мудрость—протянуть руку, да принять даръ, если онъ дается. Кому вы продаете свой товаръ? Вѣдь почти все православнымъ? (Купецъ сдѣлалъ подтвердительный знакъ головою). Но православные—сообщники Христовы отъ самаго крещенія, а во Христѣ они—дѣти всевышняго Его Отца; сообщные Господу—они по Немъ и дѣти Пречистой Его Матери. Такъ ли? Да если кто и неправославный или невѣрный, напримѣръ еврей или татаринъ, идетъ въ вашу лавку,—каждый изъ нихъ все же есть человѣкъ, а Господь нашъ сталъ человѣкомъ для всякаго человѣка, да именно взыскать грѣшныхъ и погибающихъ приходилъ Онъ въ міръ и здѣсь за нихъ принялъ крестную смерть. Потому и въ отношеніи къ неправославному или невѣрному человѣку благодать Господня тайно внушаетъ каждому изъ насъ: не пренебреги, не отвергни его,—за него еще стоитъ Самъ Господь собственнымъ Своимъ лицемъ, какъ содѣлавшійся за всякаго человѣкомъ.—Ну такъ, государь мой, покупаете-ли вы товаръ для вашей лавки? Вамъ и надо ужъ всенепремѣнно держать въ умѣ и сердцѣ, что это вы хотите служить въ нуждахъ и требованіяхъ Христовымъ соучастникамъ, дѣтямъ Божіимъ, Материнскимъ любимцамъ Пресвят. Богородицы, вообще такимъ, за которыхъ предъ небомъ и землею, предъ Самимъ Отцемъ Своимъ заступается Самъ Господь Своимъ человѣчествомъ, Своими крестными язвами. Вотъ, молъ, на чью потребу я запасаю то или другое, что тамъ приходится

закупить для лавки: съ такими мыслями и чувствами вы и будете закупать товаръ добрый, прочный, а Господь эту честность и усердіе ваше ради Его сообщниковъ и собратій приметъ уже Себѣ Самому, по собственному Его слову: «Что сдѣлали единому изъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сдѣлали, (Матѳ. XXV, 40)». Такъ потомъ, когда будете и продавать, — лишь только кто вошелъ въ вашу лавку—одинъ или многіе, помните и держите на умѣ, что, молъ, это—все дѣти нашего небеснаго-Отца, что изъ-за нихъ смотритъ на меня и вмѣнитъ Себѣ Самому безобидную продажу Самъ Господь, ставшій за насъ Сыномъ человѣческимъ, что Матерь Его порадуется, если вы не будете терять изъ виду, въ вашихъ покупателяхъ, дорогихъ для Нея любимцевъ и братій Сына Ея—нашего Спасителя. И будете, такимъ образомъ, и вы въ вашей лавкѣ и торговлѣ совершать службу Божію въ благословеніе на землѣ и въ вѣчное спасеніе на небѣ.

Купецъ слушалъ съ умиленіемъ; глаза матушки попадьи свѣтились тихимъ огнемъ живаго вниманія къ рѣчамъ мужа. Я себя чувствовалъ какъ въ церкви Божіей, когда молитвенное благодатное напитіе осѣнитъ душу. Священникъ продолжалъ:

— Не то, чтобы я шелъ и противъ вашихъ законныхъ барышей. Нѣтъ! Нашъ Всевышній Отецъ не обижаетъ дѣтей, работающихъ Ему: только прежде всего и за купеческимъ дѣломъ имѣйте въ виду благодать Его, *ищите прежде царствія Божія, и сія вся,* что относится къ движенію и прибыткамъ капиталовъ; *приложатся вамъ.*

— Насъ, батюшка, шибко заѣла вотъ эта зараза—запрашивать въ три дорога и болѣе.—Оно, конечно, дѣло извѣстное всѣмъ; почитай—никто, развѣ малыя дѣти да уже слишкомъ простоватый какой человѣкъ, уважитъ наши запросы; мы запросимъ втрое, а намъ даютъ цѣну меньше, чѣмъ стоитъ покупка. Ну и пойдетъ у насъ торгъ со споромъ, упреками, и въ иной разъ просто съ бранью. Тутъ божишься, клянешься! Насилу дѣло сойдется на томъ, что вещь продашь только только что не за обидную для себя самого цѣну. Ну, а въ иной разъ, коли попадетъ покупатель совѣстливый или надоѣстъ ему кри-

чать съ торгашемъ, такъ и обидѣлъ этого человѣка: продашь за цѣну, которой вещь далеко не стоитъ. Вотъ грѣхи какіе! По вашему, батюшка, и на торгу царство небесное, а у насъ настоящій Вавилонъ...

— Въ томъ-то и дѣло, говоритъ о. Іоаннъ, выбирай любое: либо благодать Божію, эту силу истинно небеснаго царства, либо Вавилонъ, который неминуемо пропадетъ, сгоритъ (Апок. XVIII, 8). Долго-ли намъ, православнымъ, новому Божію Израилю, быть въ плѣну Вавилонскомъ? И мучимся мы, какъ какіе колодники въ нашемъ Вавилонѣ, изъ самой безрасчетной, можно сказать, глупости. Судите сами. Вѣдь такихъ торгашей, какъ вы сами ихъ описали, всякій внутренно презираетъ, а иногда и клянутъ жестокими клятвами, когда откроютъ обманъ. Да и барышъ, какъ сами тоже вы сказываете, или не превышаетъ настоящей цѣны, только оскверняется грѣхомъ, или соединенъ съ обидой для особенно совѣстливыхъ и простодушныхъ людей и потому тяжело ложится на совѣсти. А потеря-то какая! Простой торгашъ своею торговлею исправлялъ бы службу именно Божію, по потребамъ чадъ Божіихъ, меньшихъ братій Христовыхъ; изъ-за каждаго человѣка покупателя онъ очами духа своего, именно мыслію и сердцемъ, смотрѣлъ-бы къ Самому Господу, Который за этого человѣка Самъ содѣлался Сыномъ человѣческимъ; Матерь Божія матерински охраняла-бы, какъ свое любимое чадо, такого торговца среди всяческой суеты въ торговомъ его дѣлѣ. Да и Ангеламъ было-бы радостно и дивно смотрѣть, какъ въ простой куплѣ и продажѣ пускалъ бы человѣкъ въ оборотъ таланты Христовой благодати, спасительной для здѣшней и будущей жизни. И все это теряется или мѣняется на вавилонскіе беззаконные обманы, кличи и другіе безпорядки. Экой расчетъ, а еще у людей расчетливыхъ—у купцовъ!

— Какъ однако завели бы вы добрый вашъ порядокъ на мѣсто нашего?—спросилъ купецъ.

— Это ваше дѣло, вамъ виднѣе это, сказалъ священникъ. Но если-бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я напередъ продажи всякаго товара расчелъ бы предъ Самимъ Господомъ нашимъ, Который не только всегда съ нами по вездѣприсутствію Своего

Божества, но и не вмѣняетъ въ униженіе для Себя входить въ наши человѣческія дѣла по благодати Своего вочеловѣченія (О, помните, ради Бога, что Господь не только есть истинный Богъ нашъ, но и сталъ ради насъ, людей, человѣкомъ—въ этомъ и содержится благодать!),—такъ, предъ Самимъ человѣколюбивымъ нашимъ Господомъ я расчелъ бы за сколько именно безобидно, и для меня и для покупателей, можно мнѣ продавать мой товаръ; назначилъ бы я такимъ образомъ законный, справедливый барышъ для себя, какъ даръ мнѣ отъ Самого Господа за мои труды; а за тѣмъ и повелъ бы торговлю, назначая прямую цѣну безъ всякихъ лишнихъ запросовъ. Знаю, что мнѣ будетъ не рѣдко предстоять, особенно на первыхъ порахъ, искушеніе или соблазнъ взять лишнее, особенно съ простыхъ или совѣстливыхъ людей: буду, съ помощію Божіею, крѣпко стоять противъ соблазна. Знаю, что покупатели, по навыку, будутъ назначать мнѣ совершенно несходныя цѣны, будутъ торговаться со мною и, не видя сбавки цѣны, пойдутъ отъ меня прочь въ другія лавки: Христосъ съ ними,—я мысленно пожелаю имъ, Христовымъ сообщникамъ, всякаго желаемаго ими блага отъ щедротъ Отца Небеснаго,—вѣдь и другіе торговцы тоже волею или неволею служатъ потребамъ Божіихъ людей. Богъ дастъ, узнаетъ-же по немногу народъ, что я его не хочу обманывать, что продаю безобидно и по правдѣ. Вѣдь у нашего народа есть тонкое чутье на то, кто сходнѣе и прочнѣе продастъ товаръ. Ни одинъ честный торговецъ не пожалуется, чтобы его лавку обходили покупатели за его честность. Вотъ такъ-то бы я, по милости Божіей, и завелъ бы у себя въ торговлѣ порядокъ служенія Самому Господу, Самому Отцу небесному, давшему всѣмъ намъ Сына Своего. Дѣло-то, кажется, не слишкомъ хитрое, да и не слишкомъ тяжелое, не подвижническое?

— Да и не безъ труда, отозвался купецъ, вдумываясь въ сказанное о. Іоанномъ.

— Еще бы? возразилъ послѣдній. Получили-бы вы царство, да безъ всякаго труда. Впрочемъ главная-то трудность, по правдѣ сказать, состоитъ въ недостаткѣ нашей любви къ Господу и къ Его благодати: для любящихъ Его *иго* Его всегда *благо*

и бремя Его всегда *легко есть*, по вѣрному Его-же слову (Мѳ. XI, 30).

— Вотъ наше женское дѣло, вмѣшалась въ разговоръ хозяйка, убирая со стола самоваръ съ чайными чашками, только и знаемъ долю Марѳы: хлопотать и суетиться о всякой всячинѣ домашней. Добрая часть Маріи—слушать слово Господне—не всегда удобна и для жены священника. Что-же сказать о другихъ? Вотъ, напр., Павелъ Николаевичъ (имя купца) и въ лавкѣ будетъ какъ на службѣ Божіей. Ну, а супруга-то его, добрая Надежда Сергѣевна, хлопочи себѣ дома въ разныхъ мелкихъ суетахъ, какъ и я сегодня—не пришлось сходить и въ церковь Божію изъ-за домашнихъ хлопотъ, а, кажется, и рада бы, и такъ близко; а купчихѣ или другой женщинѣ, конечно, еще суетливѣе, чѣмъ попадьѣ.

Я догадался, что матушка уже умѣла держаться доброй части Маріиной, а говорила это главнымъ образомъ изъ участья къ своей сестрѣ-женщинѣ. О. Іоаннъ слушалъ ея слова съ любовію и, какъ мнѣ казалось, съ благодарностію, что она въ серьёзномъ разговорѣ его съ купцемъ, напомнила имъ обоимъ чрезвычайно важный предметъ — долю женскую. Я еще болѣе навострилъ уши; мнѣ хотѣлось, на этотъ разъ, только слушать.

— Всѣ эти запросы о той или другой человѣческой долѣ, о мужской или женской, заговорилъ о. Іоаннъ, меня, признаюсь вамъ, только вызываютъ къ новой благодарности за неистощимую благодать Господню къ намъ грѣшнымъ людямъ. *Нѣсть полъ мужескій и женскій*, сказалъ Апостолъ, *по всяческая и во всѣхъ Христосъ;* и женщина, за одно и наравнѣ съ мужчиною, можетъ и должна пріобрѣтать и усвоять себѣ Христову благодать, разумѣть и принимать въ сердце Христову истину. Права на пріобрѣтеніе Христа равны у женщины съ мужчиною.

— Однакожъ, батюшка, возразилъ купецъ, женщина въ Писаніи поставляется все-же ниже мужчины; да и въ Святой алтарь ей нѣтъ входа; да и отцы святые, поди-тко, какъ честятъ ихъ сестру.

Жосткое выраженіе стараго русскаго времени, въ отношеніи къ женщинѣ, слышалось въ словахъ купца. Что-то, думалъ я про себя, скажетъ на это батюшка-отецъ Іоаннъ?

— Да, есть въ Св. Писаніи мѣста, сталъ говорить онъ, могущія вести къ мысли о возвышеніи мужчины предъ женщиною, если даже остановиться намъ и на одномъ новомъ завѣтѣ. Такъ тотъ-же Св. Ап. Павелъ, который сказалъ о такомъ же безразличіи во Христѣ мужчины и женщины, какъ безразличны и равны между собою вѣрующіе во Христа Іудеи и Еллины, говоритъ, что «мужчина есть образъ и слава Божія, а жена есть слава мужа. Ибо не мужъ отъ жены, а жена отъ мужа, и не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа (1. Кор. XI, 7—9)»; что «учить женѣ не позволительно, ни властвовать надъ мужемъ: ибо прежде сотворенъ Адамъ, а потомъ Ева, и не Адамъ обольщенъ, но жена обольстившись произвела преступленіе (1 Тим. II, 12—14)»; что въ особенности, въ супружескихъ отношеніяхъ, мужу, какъ главѣ жены и образу Христа, внушается любить жену, какъ свое тѣло, а жена, какъ образъ Христовой Церкви и управляемое главою тѣло, поставляется въ отношеніе къ мужу не просто любви, но повиновенія и страха (Еф. V, 22—33).

— Какъ-же вы выдержите, батюшка, всю силу словъ Апостола о равноправности во Христѣ мужчины и женщины и согласите съ этими словами указанныя вами мѣста у того-же Апостола? Такимъ вопросомъ ввязался и я въ общій разговоръ, желая услышать отъ о. Іоанна какъ-можно болѣе по вопросу о женщинѣ.

Тутъ послышался изъ другой комнаты плачъ ребенка. Хозяйка должна была идти къ своему ребенку, хотя съ любовію къ нему явно боролось въ ней желаніе послушать любимыхъ рѣчей мужа. Замѣтивъ это, онъ успокоилъ ее, что послѣ разскажетъ ей, что не успѣетъ она выслушать.

— Непремѣнно такъ, подтвердилъ и я, потому что мы именно матушкѣ обязаны этимъ важнымъ вопросомъ о «женскомъ дѣлѣ».

— Мнѣ-бы тоже надо, сказалъ купецъ, идти по своему дѣлу, но чтобы и мнѣ было что сказать женѣ о женскомъ дѣлѣ, отложу пока свое дѣло.

— А развѣ не наше дѣло, замѣтилъ священникъ, узнавать

пстину Христову для себя и для жены? Но обратимся къ предмету нашей рѣчи. Чтобы намъ понять Апостола, говорящаго о безразличіи во Христѣ мужчины, и женщины, а въ другихъ мѣстахъ возвышающаго мужчину надъ женщиною, войдемъ въ боговдохновенное его разсужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ равныхъ членовъ въ Христовомъ тѣлѣ Церкви. Вѣдь Апостолъ говоритъ о безразличіи во Христѣ мужчины и женщины въ томъ самомъ отношеніи и смыслѣ, въ какомъ говоритъ о безразличіи во Христѣ вообще вѣрующихъ: это безразличіе таково, что всѣ заодно сообщны Христу и всѣ равно могутъ и должны болѣе и болѣе усвоять себѣ Христа и его Духа, но каждый—по своему. Прочитаемъ вотъ самыя слова Апостола: всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса; всѣ вы во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба ни свободнаго; нѣтъ мужчины и женщины: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ (Гал. III, 26—28). Очевидно, эти слова сходны съ слѣдующими словами того-же Апостола: «всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, Іудеи или язычники, рабы или свободные, и всѣ напоены однимъ Духомъ (1 Кор. XII, 13).» Но не то это значитъ,—такое разсужденіе внушаетъ намъ здѣсь Апостолъ,—чтобы все тѣло Церкви и составляло только одинъ членъ; нѣтъ, не таково единство или безразличіе во Христѣ вѣрующихъ: «тѣло не изъ одного члена, но изъ многихъ (ст. 14)». Но и множественность членовъ тѣла, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое устройство, назначеніе и дѣло, не даетъ поводовъ къ возвышенію однихъ надъ другими; «напротивъ того, говоритъ Апостолъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе, и которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о нихъ болѣе прилагаемъ попеченія; и неблагообразные у насъ болѣе покрываются украшеніями... Богъ уравновѣсилъ тѣло, менѣе совершенному давъ болѣе чести, чтобы не было раздѣленія въ тѣлѣ (ст. 22—25)». Примѣнимъ-же теперь это общее Апостольское разсужденіе къ частному вопросу о мужчинѣ и женщинѣ. Мужчина и женщина равно сообщны Спасителю нашему Христу и равно могутъ и должны болѣе и болѣе усвоять себѣ Его, но тотъ и

другая—*по своему*. Это точно также, какъ напримѣръ рука или нога, глазъ или ухо, должны выдерживать—каждый членъ свое дѣло и назначеніе, или какъ напримѣръ я и вы (сказалъ о. Іоаннъ обращаясь къ купцу) и вы (обращаясь ко мнѣ) должны каждый въ *своемъ* дѣлѣ и *по своему* доказать вѣрность Христу, *да Христа пріобрящемъ*. Отъ доброй воли самаго мужчины и самой женщины зависитъ возвышаться или упадать, успѣвать или не успѣвать въ этомъ пріобрѣтеніи себѣ Христа, также точно какъ тоже зависитъ отъ доброй воли каждаго изъ васъ. Только, повторяю, для этого самаго пріобрѣтенія Христа тотъ и другая должны выдерживать и исполнять свое дѣло и назначеніе по своему, какъ особые члены. И если, въ этомъ отношеніи Писаніе такъ или иначе возвышаетъ мужчину надъ женщиною, это уже не иначе, какъ въ смыслѣ того Апостольскаго разсужденія, что слабѣйшее въ тѣлѣ не менѣе нужно и что менѣе совершенному Богъ даетъ не менѣе, а еще даже, въ какомъ либо отношеніи, болѣе чести, разумѣя именно эту истинную честь усвоенія себѣ Христа въ свое спасеніе и общее благо.

— Разъясните, батюшка, намъ это пообстоятельнѣе, просилъ я. Сдѣлайте такую божескую милость, особенно для меня, вторилъ мнѣ купецъ, вѣдь, я человѣкъ ученый на мѣдныя только деньги.

Тутъ вошла хозяйка съ ребенкомъ на рукахъ, который и протягивалъ къ отцу свои ручонки; священникъ поцѣловалъ и благословилъ свое дитя. Хозяйка пригласила общество въ небольшую другую комнату, гдѣ предложена была изъ сельскихъ свѣжихъ и простыхъ запасовъ закуска съ бутылкой домашней наливки. Съ легкимъ удовлетвореніемъ аппетита нашъ разговоръ продолжался.

— Мы только вотъ до чего договорились, сказалъ о. Іоаннъ женѣ: мужчинѣ и женщинѣ за одно дано усвоять себѣ Спасителя, въ Которомъ все наше доброе и истинно дорогое и достолюбезное; существо дѣла у нихъ общее, одно и тоже у обоихъ, но каждый изъ нихъ долженъ дѣлать это болѣе или менѣе *по своему*, какъ каждый членъ въ тѣлѣ имѣетъ свое

особое дѣло и назначеніе. Вотъ, напримѣръ, я, какъ мужчина, притомъ священникъ, изъясняю моимъ дорогимъ гостямъ ученіе Слова Божія, чтобы мнѣ пріобрѣсти себѣ единаго учителя Христа и вмѣстѣ послужить собратьямъ въ разумѣніи и усвоеніи Его истины. Но тебя, какъ женщину—мать, позвалъ къ себѣ ребенокъ своимъ плачемъ; и ты, какъ женщина — христіанка, бросилась къ ребенку съ мыслію и сердечнымъ чувствомъ, что и онъ, несмыслящій еще ничего, младенецъ, есть чадо Самаго Отца небеснаго, любезное Ему ради Его Сына, если не болѣе, то и не менѣе насъ; а по этому случаю, какъ жена—помощница священника, ты вспомнила или должна была вспомнить и другихъ духовныхъ младенцевъ, несмыслящихъ ничего почти въ Христовой истинѣ по невѣжеству, по непониманію, по неслышанію, и съ материнскимъ о собственномъ ребенкѣ вздохомъ должна соединить вздохъ къ Господу и объ этихъ духовныхъ младенцахъ. Скажите-же, чѣмъ такая женщина ниже или менѣе, чѣмъ я, мужчина, и притомъ священникъ, усвоитъ себѣ нашего Сладчайшаго Спасителя? Не поддержитъ-ли она и своего главу—мужчину въ этомъ дѣлѣ? Не напомнитъ-ли ему особенно той, обличающей самовозносливое іудейское почиваніе на законѣ Божіемъ, истины, что и всѣ-то мы — маленькіе дѣти, за которыми материнская ухаживаетъ Божія благодать? Или вотъ, когда я служилъ нынѣ Божественную литургію, а жена моя, за невозможностію быть въ храмѣ Божіемъ, занималась хозяйскимъ домашнимъ дѣломъ не съ Маѳѳиной суетливостію и молвою помысловъ и сердечныхъ движеній, но съ Маріинымъ вниманіемъ къ выраженнымъ и осуществленнымъ во всемъ, за что ни бралась рука ея, мыслямъ и дарамъ Христа Бога Слова, безъ Котораго *ничтоже бысть, еже бысть,* и еще, можетъ быть, предъ такою всещедрою любовію нашего Всевышняго Отца вспомнила и другихъ, не бывшихъ тоже въ храмѣ Божіемъ, и не за себя только, а и за нихъ заедино вздохнула предъ Богомъ, когда задостойный звонъ возвѣстилъ о минутѣ преложенія простаго хлѣба и вина въ ходатайственную за весь міръ жертву самаго тѣла и крови Господа нашего. Боже нашъ, Боже нашъ! Можетъ быть и я, недостойный служитель алтаря, былъ духомъ

своимъ не только не ближе, а еще и дальше отъ благодати того, что совершалось при моемъ же служеніи... Такъ-то вотъ Богъ уравновѣсилъ тѣло, менѣе совершенному (въ одномъ отношеніи), давъ болѣе чести (въ другомъ отношеніи).

О. Іоаннъ былъ глубоко тронутъ; у жены его, наклонившейся къ ребенку съ поцѣлуями, я примѣтилъ слезы, канувшія на улыбающагося малютку.

— Что про васъ и говорить, сказалъ купецъ, ваше святое дѣло. Вотъ, какъ намъ съ женою устроиться, по нашему купечеству-то?

— Да такъ же, какъ и мнѣ съ попадьей, дай Господи, устроиться. Когда вы будете въ своей лавкѣ служить Отцу небесному по разнымъ потребамъ Его дѣтей, ваша сожительница пусть занимается домашнимъ хозяйствомъ, не забывая о Всевышнемъ Хозяинѣ — Господѣ нашемъ, Котораго образомъ вы служите для своей жены; и въ своемъ хозяйствѣ она будетъ служить Самому Господу. Заботясь о дѣтяхъ—большихъ и малыхъ, объ ихъ одеждѣ, обуви, пищѣ, наблюдая за ихъ ученьемъ, не давая имъ зашаливаться, лаская или наказывая ихъ, пусть помнитъ всегда, что они, еще въ крещеніи сдѣлавшись сообщниками Самаго Христа Сына Божія, стали поэтому дѣтьми Самаго Отца небеснаго; пусть и поручаетъ ихъ прямо Ему — всеблагому нашему Отцу, пусть отдаетъ ихъ своимъ сердцемъ материнскому попеченію Матери Божіей, говоря ей въ сердечной мольбѣ: «Сама, Царица небесная, сохрани въ этихъ птенцахъ залогъ жизни Сына Твоего». Съ прислугой, какую нанимаете для чорныхъ работъ, пусть обращается она, содержа въ своей мысли то, что прислуга, молъ, не дальше, а пожалуй, еще ближе насъ грѣшныхъ къ Господу, приходившему въ нашъ міръ не для того, чтобы Ему служили, а чтобы Онъ Самъ послужилъ и положилъ душу Свою за грѣшныхъ. Родныхъ, знакомыхъ пусть она принимаетъ и угощаетъ тоже, какъ родныхъ не просто по плоти, а по одному общему нашему небесному Отцу, какъ знаемыхъ и любезныхъ по Христу, общему нашему Спасителю и Господу; съ такими же расположеніями и мыслями пусть и сама пользуется гостепріимствомъ другихъ. Такъ-то въ

самыхъ и простыхъ и обыденныхъ вещахъ не менѣе васъ и ваша купчиха будетъ служить Самому нашему Создателю и Спасителю. Не говорю ужъ о томъ, что, когда случится подать милостыню или оказать помощь нуждающимся, — чѣмъ заняться удобнѣе женѣ вашей, нежели вамъ въ лавкѣ,—пусть помышляетъ она такъ: «не я благодѣтельствую, а Господь удостоилъ меня той милости, что посѣтилъ меня и принялъ мой даръ». Такъ и пойдетъ у васъ обоихъ за-едино служба Господу и въ вашемъ купеческомъ быту, такъ же какъ и въ другомъ самомъ священномъ быту.

Эти мысли о. Іоаннъ продолжалъ развивать и объяснять, приговаривая объ обычныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ житейскихъ: «все будетъ у васъ тоже, что и завсегда, да не то; не будетъ грѣховнымъ или плотскимъ, каково все безъ Христа, а будетъ духовнымъ и осѣненнымъ благодатію, каково все со Христомъ. И ваша супруга послужитъ этому по своему не менѣе, а въ иномъ отношеніи и болѣе, чѣмъ вы сами, Павелъ Николаичъ!» Купецъ сказалъ наконецъ съ благодарностію, что онъ понимаетъ это и постарается передать своей Надеждѣ Сергѣевнѣ.

— Благодарю и я васъ, батюшка, съ своей стороны, сказалъ при этомъ я. Но позвольте мнѣ признаться передъ вами прямо, что я удовлетворенъ вашими рѣчами только въ половину. Вы объяснили, какъ и женщина, въ своемъ женскомъ жребіѣ или «женскомъ дѣлѣ», какъ матушка выразилась, можетъ и должна не менѣе, а въ иномъ отношеніи еще и болѣе мужчины, послужить тому общему нашему дѣлу, *да Христа пріобрящемъ*, какъ вы выражаетесь словомъ Апостольскимъ. Но надо же выяснить намъ и то, въ какомъ это смыслѣ женщина такъ иногда умаляется въ Писаніи предъ мужчиною, что послѣдній есть слава Самаго Бога, а женщина только слава мужа; что мужу во всякомъ случаѣ приписывается главенство надъ женою, а послѣдней внушается въ отношеніи къ мужу только повиновеніе со страхомъ что женщинѣ у насъ даже и доступа нѣтъ къ священнѣйшему мѣсту Божія храма. Пока этого не разъясните, все еще остается мѣсто такимъ мыслямъ, какія выражены въ книжкѣ о «Христіанствѣ», о которой мы уже говорили

какъ-то съ вами: я разумѣю тѣ именно фальшивыя мысли, не зародыши-ли только лучшаго, въ отношеніи и къ вопросу о женщинѣ, содержатся въ Христіанствѣ, которое однако еще будто-бы не освободилось вполнѣ отъ односторонностей древняго міра, особенно восточнаго, столько унижавшаго женщину. Простите, прибавилъ я, если я бесѣду нашу склоняю къ дѣлу мысли и учености; но вѣдь дѣло мысли неразрывно съ дѣломъ жизни.

— Ну и спасибо вамъ отъ души, сказалъ о. Іоаннъ съ улыбкою, что вы не дозволяете намъ остановиться на полудорогѣ въ разъясненіи дѣла. Такъ-то, возлюбленный мой Павелъ Николаевичъ, продолжалъ священникъ, обращаясь къ купцу, премудро устроено Спасителемъ, что въ тѣлѣ Его Церкви есть и такіе члены, которыхъ дѣло—ученость и мысль, а не одни священники, да купцы и другіе простые прихожане. Вотъ мы съ вами и рады были бы остановиться на томъ, что и женщинѣ, умаляемой иногда въ Писаніи предъ мужчиною, не менѣе послѣдняго дано усвоять себѣ Спасителя нашего; мы и забыли, что сами же, по поводу этого умаленія женщины предъ мужчиною, возносимся надъ нею и пренебрегаемъ ее. Да! Не разобравши этого дѣла вполнѣ, а только въ половину, мы вѣдь, и дѣйствительно, въ самой жизни все таки будемъ духовно пренебрегать женщиной: ты, молъ, только слава мужа, а я образъ и слава самаго Бога; я голова надъ тобою; тебѣ и въ святый алтарь нѣтъ ходу... Вотъ ученый человѣкъ и напоминаетъ намъ это, чтобы мы не удовлетворялись разъясненіемъ этого дѣла только въ половину. Благодаримъ ученаго человѣка за нужное содѣйствіе общему нашему дѣлу!

— Точно, сказалъ и купецъ, это что-то невразумительно, что жена слава мужу, а мужъ образъ и слава Самаго Бога. Коли за едино они у Господа, какъ же они такъ разнятся?

— Что въ женщинѣ, при самомъ созданіи, сталъ говорить о. Іоаннъ, положено сіять славѣ образа и подобія Божія такъ-же, какъ и въ мужчинѣ, это прямо высказано въ Словѣ Божіемъ. *И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. I, 27): очевидно, что

мужу и женѣ одинако усвояется человѣчество, а съ нимъ и бытіе именно по образу Божію. Поэтому слова Павловы, что мужъ образъ и слава Божія, а жена слава мужа, не могутъ значить того, что женщина чужда славы образа Божія. Что-же значатъ эти слова? Они обозначаютъ собственно то, въ какое отношеніе между собою поставлены мужескій и женскій полъ, или какое назначеніе и служеніе опредѣлено тому и другому полу въ общемъ составѣ церковномъ. Сказать тоже самое, имѣя въ виду единство и общность для мужчины и женщины дѣла—усвоенія Христа, можно еще и такъ. показанными словами Апостолъ выражаетъ, какъ именно *по своему-то* долженъ пріобрѣтать себѣ Господа мужчина и какъ женщина. и какъ они въ этомъ дѣлѣ должны относиться другъ къ другу. Въ усвоеніи себѣ Христа, въ сообщеніи и сообразованіи съ Нимъ—Существеннымъ Образомъ и сіяніемъ Отца, мужчинѣ принадлежитъ по преимуществу духовная *самодѣятельность*, которую онъ въ этомъ дѣлѣ и долженъ выдерживать по отношенію къ женщинѣ: онъ долженъ оказываться прямо, какъ *образъ и слава Божія сей*. Женщинѣ же въ томъ же дѣлѣ сообразованія и общенія съ Господомъ или усвоенія Его принадлежитъ по преимуществу сердечная *воспріимчивость*, которая и должна составлять, по этому дѣлу, отличіе ея въ отношеніи къ самодѣятельности мужчины: сіяніе образа Божія должно раскрываться въ ней, какъ уже въ *славѣ мужа*. Судя по такому Апостольскому воззрѣнію на мужчину и женщину понятно, что, если мужчина, твердо выдерживающій свое самодѣятельное достоинство *образа и славы Божіей* или неуклонно взирающій и идущій къ существенному образу и сіянію славы Божіей—къ Господу Іисусу, поведетъ за собою къ тому же и воспріимчивую женщину, поддержитъ немощную, вразумитъ увлеченную къ сустѣ, то и женщина, съ живою и теплою воспріимчивостію, взирая къ Тому же сіянію славы Отца небеснаго — Господу, и особенно, какъ *слава мужа*, не опуская изъ виду отраженій Его въ самодѣятельности мужской, можетъ чрезъ это поддерживать и укрѣплять въ Господѣ достойнаго мужчину, поднимать къ Нему падшаго, возгрѣвать отраженія Его въ мужчинѣ недостойномъ.

Видите-ли—и мужчина, какъ *образъ и слава Божія*, и женщина, какъ *слава мужа*—могутъ равно совершать прекрасныя дѣла. Только бы, при всякомъ отношеніи и обращеніи къ мужчинѣ, женщина своею живою и воспріимчивою душею имѣла въ неотступномъ виду отображеніе въ мужчинѣ славы и величія Божія, или вообще образа Божія (пусть она и побуждается къ этому тѣмъ представленіемъ, что не мужъ изъ жены, а жена взята изъ мужа и сотворена для него), тогда она чрезъ свое вліяніе совершала бы дивныя вещи столько же для возбужденія и возвышенія мужчины, сколько и для развитія собственнаго нравственнаго достоинства. Вотъ какой *славой мужу* назначено быть женщинѣ въ Христіанствѣ!

— Теперь ясно, замѣтилъ я, что мужчинѣ чрезъ названіе его образомъ и славою Божіею, а жены славою мужа, не дается ни малѣйшаго повода къ пренебреженію женщины или къ надменному превозношенію надъ нею. Но что скажете объ Апостольскомъ недозволеніи женщинѣ не только властительства надъ мужемъ, а и учительства?

— Да то же, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что только бы женщина понимала и признавала за мужчинами властительство и учительство не иначе, какъ истинно по Христіански, именно такъ, чтобы, учась у церковнаго учителя, внимать собственно Самому Единому Нашему Учителю Христу, и, повинуясь власти, подчиняться духомъ тоже Самому Господу, Которому принадлежитъ всякая власть: тогда она сколько будетъ сохранять собственную нравственную независимость и достоинство, подчиняясь и слѣдуя только Самому Господу, столько же, чрезъ это, будетъ возвышать къ Нему-же и поддерживать въ Его благодати самое властительство и учительство мужчины. Этотъ прекрасный путь, согласный съ женскою воспріимчивостью, и открываетъ Апостолъ для женщины, не давая мѣста претензіямъ ея на властительство и учительство. И пусть утверждается женщина на этомъ пути, сдерживая противные этому порывы и притязанія тѣми представленіями, что первенство по самому тварному бытію принадлежитъ не ей, а мужчинѣ, что отъ нея, напротивъ, а не отъ мужчины, произошелъ въ мірѣ грѣхъ: эти представленія слу-

жать, по мысли Апостола, не къ униженію женщины, а къ остереженію отъ униженія, къ удержанію ее въ истинномъ достоинствѣ, сколько ей самой свойственномъ, столько благотворномъ и для мужчины. Кстати здѣсь сказать и о запрещеніи женщинамъ входа въ алтарь. Алтарь—главное мѣсто важнѣйшихъ Церковныхъ священнодѣйствій; изъ людей здѣсь мѣсто собственно только для священнослужащихъ: по строгому церковному порядку (ибо нашъ Богъ не есть Богъ нестроенія, а мира и порядка во всемъ), въ алтарь не слѣдовало бы входить, безъ крайней нужды, и вообще неосвященнымъ для церковнаго служенія лицамъ. Поэтому недоступность алтаря для женщины означаетъ именно недоступность для женщины священнослужительскихъ степеней, или охраненіе Святыни отъ оскорбленія немощію неосвященныхъ. Но скажете, что эта недоступность Церковнаго священнослуженія для женщины, выражаемая недоступностію для нея алтаря, и есть прямое доказательство существенной низости женщины предъ мужчиною? Нѣтъ: это только выражаетъ несвойственность женщинѣ всего заправляющаго, требующаго преимущественно твердой самостоятельности и самодѣятельности,—чего у нея (говоримъ объ общности пола женскаго, а не объ исключеніяхъ) нѣтъ по самой природѣ. Но тѣмъ не менѣе женщина можетъ входить въ силу священнослуженія Церковнаго и усвоять себѣ духъ благодати, дѣйствующей въ священнослужащихъ,—можетъ никакъ не менѣе этихъ послѣднихъ, а, пожалуй, если станетъ ея вѣры и вѣрности Господу, можетъ и далеко упреждать ихъ самихъ: высочайшій примѣръ этого представляетъ намъ Матерь Божія, успѣвшая въ несравненной степени упредить, въ усвоеніи себѣ благодати служенія Господу, и ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ служителей алтаря. Скажете опять, что это примѣръ—безпримѣрный. Но тѣмъ не менѣе духу Матери Божіей должны послѣдовать души всѣхъ вѣрующихъ, по Слову Божію: *приведутся Царю дѣвы во слѣдъ Ея* (Псал. XLIV) и еще: *кто мати Моя,* спросилъ Господь и, внушая всѣмъ соревновать духу Его единой Матери, Самъ же на свой вопросъ отвѣтилъ: *сіи суть, слышащіи Слово Божіе.* (Мѳ. XII, 46—49). И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ

женщину, которая, находясь при самомъ торжественномъ Богослуженіи, при видѣ діаконовъ смотритъ душою къ Господу, помогающему Своею благодатію чрезъ эти освященные свои сосуды и предстоящимъ и священнослужащимъ выдерживать живой благодатный чинъ служенія, *поклоненіе Отцу духомъ и истиною* (Іоан. IV, 24); при видѣ священниковъ взираетъ сердцемъ къ Самому небесному *Іерею во вѣки*, Который, чрезъ эти свои орудія, Самъ однако же Собою приводитъ вѣрныхъ къ Своему Отцу и низводитъ имъ дары Его любви, изливающейся Духомъ Святымъ въ сердце пріемлющихъ, къ ихъ оживленію и просвѣщенію; при видѣ Архіерея, возвышается духомъ къ прошедшему небеса Божественному Архіерею съ Своимъ воспріятымъ и пострадавшимъ за насъ человѣчествомъ, вышедшему на себѣ бремя всѣхъ нашихъ грѣховъ, недуговъ и всякихъ тяжелыхъ нуждъ и бѣдъ, ходатайствующему предъ Отцемъ Своимъ за все человѣческое объ очищеніи и спасеніи его отъ всякаго зла и губительства,—и именно дѣйствующему и проявляющему такую благодать Свою въ избранномъ сосудѣ Своего Архіерейства; при видѣ и слышаніи всего порядка священнодѣйствія и молитвеннаго славословія въ пѣснопѣніяхъ и чтеніяхъ слышитъ духъ служенія всѣхъ Ангеловъ и Святыхъ предъ Господомъ Вседержителемъ и Агнцемъ, ощущаетъ благодать поклоненія Господу всего міра, *всѣхъ колѣнъ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, исповѣданія отъ всякаго языка* (Филип. II, 10), *хвалы отъ всякаго дыханія* (Псал. CL, 6), *отъ всякаго созданія, еже есть на небеси и на земли, и подъ землею и на морѣ*, отъ *всего* (Апок. V, 13)... Такая женщина, сознательно ли или только, чрезъ безсознательную воспріимчивость своего сердца ощущающая и усвояющая себѣ такую благодать священнослуженія,—скажите—чѣмъ духовно ниже кого бы то ни было? Кто изъ священнослужащихъ могъ бы возноситься надъ нею, не имѣющею доступа къ алтарю, когда самъ поддерживается такою воспріимчивою къ благодати вѣрою?

Мы всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ; только ребенокъ на рукахъ матери выводилъ себѣ своимъ младенческимъ голоскомъ разныя ноты, поглядывая на насъ или тормоша ручонками

свою мать, которая разнымъ образомъ ласкала его. Но вотъ въ физіономіи купца выступаютъ какія-то жесткія черты.

— Все же, примѣрно, батюшка, сказалъ онъ наконецъ, мужъ—голова надъ женою. *Жена да боится своего мужа*, хоть будь она разсвятая?...

Примѣтно было впрочемъ, что этотъ русскій человѣкъ не просто только жалѣлъ разстаться съ своимъ нѣкоторымъ деспотизмомъ надъ женщиной, но вмѣстѣ и безпокоился здравымъ смысломъ, опасаясь безтолочи въ томъ случаѣ, если баба, молъ, подниметъ голову надъ мужемъ. Эта послѣдняя мысль безъ словъ выступала рѣзко на нахмуренномъ его лицѣ.

— Не безпокойтесь, Павелъ Николаевичъ, говорилъ о. Іоаннъ, съ улыбкой обращаясь къ купцу. Главенства вашего надъ Надеждой Сергѣевной я не потрясаю нисколько. Слово Божіе непреложно: «жены своимъ мужьямъ повинуйтеся, какъ Господу, потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ Глава Церкви и вмѣстѣ Спаситель тѣла. Но какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ (Ефес. V. 22—24)». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и лучше бы еще прежде того, какъ станемъ настаивать на обязанности женъ нашихъ въ отношеніи къ намъ, поставимъ тверже и яснѣе на видъ собственныя наши обязанности въ отношеніи къ женамъ. Вотъ что далѣе читаемъ въ Словѣ Божіемъ: «мужья любите женъ своихъ, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь и Самаго Себя предалъ за нее... чтобы она была свята и непорочна. Такъ мужья должны любить своихъ женъ, какъ свои тѣла... Никто никогда не имѣлъ ненависти къ плоти своей, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь Церковь; потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его» (ст. 25—30). Господь такъ полюбилъ свою Церковь, состоящую изъ насъ вѣрующихъ, что снизошелъ до принятія нашего естества и въ этомъ отношеніи до нѣкотораго уровня съ нами, еще ниже—до вмѣненія со злодѣями, позорно казнимыми; Онъ возвысилъ насъ до открытія намъ всей полноты Своего Божества, «чтобы намъ исполниться всею полнотою Божіею» (III, 19.), и въ этотъ отношеніи возвысилъ насъ до нѣкотораго уровня съ Собою. Да! «Богъ, будучи богатъ милостію,

по великой Своей любви, какою насъ возлюбилъ, и мертвыхъ насъ по преступленіямъ оживотворилъ со Христомъ и съ Нимъ воскресилъ и посадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ» (II, 4—6.). Ну, а что мы предъ Господомъ? Ну, есть ли хоть какое сравненіе пренебесной высоты нашего Господа надъ нами съ вашею высотою надъ женой вашей—трепещущій за свое главенство Павелъ Николаевичъ?!

— Что и говорить объ этомъ, сказалъ купецъ, вспыхнувъ краскою стыда. Мы предъ Господомъ, что червяки.

— Меньше, нежели червяки, продолжалъ священникъ. «Весь міръ предъ Нимъ ничто, менѣе, нежели ничто», говоритъ вдохновенный Самимъ Богомъ Исаія. А вотъ мы содѣлались, по Его любви къ намъ, «членами тѣла Его отъ плоти Его и отъ костей Его», какъ говоритъ Апостолъ; мы сообщны Его жизни, тѣла, крови, а въ будущемъ, и Его славы, такъ же какъ и Онъ сообщился всего нашего естества, нашей здѣшней жизни и даже смерти. Вотъ какъ Господь проявляетъ свое главенство надъ возлюбленною своею Церковію! Духъ этой самой самоотверженной любви Христовой къ Церкви и долженъ усвоять мужъ въ отношеніи къ своей женѣ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню.* Имѣй, глава жены, такое христоподражательное самопожертвованіе любви къ ней, чтобы тебѣ, и въ отношеніи къ ея немощамъ (не говорю уже о ея достоинствахъ), ставить себя въ уровень съ нею, въ соучастіе немощей ея, какъ твоихъ собственныхъ, а въ отношеніи къ собственному твоему достоинству (не касаюсь уже недостатковъ твоихъ) ставить ее въ уровень съ собою, въ сообщеніе твоего достоинства, какъ ея собственнаго. Вѣдь именно такъ Христосъ и возлюбилъ Свою Церковь! Такъ ли мы, неся образъ Христа, выдерживаемъ свое мужинно главенство надъ женами?! Дай Богъ, намъ мужьямъ усвоить себѣ Христа чрезъ вѣрное сообразованіе съ Нимъ въ исполненіи нашихъ обязанностей въ отношеніи къ своимъ женамъ! Теперь выяснимъ себѣ поточнѣе обязанности жены къ своему мужу. Жена, какъ образъ Христовой Церкви, должна сообщаться и сообразоваться духу того преданнаго повиновенія Церкви Христу,

по которому она (какъ выразился о себѣ одинъ изъ наилучшихъ ея членовъ), *не ктому себѣ живетъ, но живетъ* въ ней *Христосъ*, такъ что она вся только *вѣрою живетъ во Сына Божія, возлюбившаго ее* и *предавшаго Себе* за нее (Гал. II, 20.). Потому и боязнь, которою *жена да боится своего мужа*, есть по Апостольской мысли не что иное, какъ свободный (а не рабскій какой) страхъ самой любви женской, какъ-бы ей не унизить и не оскорбить, даннаго ей въ мужѣ, благодатнаго отображенія Самаго великаго нашего Господа, столько возлюбившаго насъ и близкаго намъ во всемъ Своею благодатію; эта боязнь есть сама любовь, благоговѣйно ощущающая въ мужѣ отсвѣтъ Христа и трепещущая за достоинство и чистоту этого высшаго отсвѣта.

— Да вѣдь такъ-то бояться бабы не смыслятъ, сказалъ купецъ и рукой махнулъ (при чемъ хозяйка дома только тихонько усмѣхнулась).

— А много-ли мы смыслимъ любить то жену такъ, какъ любитъ Господь Церковь? да и много ли, если по совѣсти сказать, думаемъ-то мы о томъ, чтобы наша любовь къ женѣ была сообразна съ любовью Господа къ Церкви? Да и есть ли у насъ, мужей, хоть сколько нибудь заботы объ очищеніи и возвышеніи нашей любви къ женамъ чрезъ благодатное пастроеніе ея именно по духу Христовой любви къ Церкви (о. Іоаннъ еще нѣсколько разъ повторилъ эту мысль въ объяснительныхъ для купца выраженіяхъ)? Мудрено-ли, что благодать брака, не возбуждаемая живымъ вниманіемъ вѣры нашей, пренебрегаемая до совершенной безпечности нашей выяснять ее и пользоваться ею, — мудрено ли, что она въ насъ какъ бы засыпаетъ и остается закрытою для насъ по многимъ отношеніямъ! Вотъ мы ужъ до чего дошли: намъ не безъ труда уже и разсуждать объ этомъ предметѣ. Одни, вооружаясь безъ разума этимъ словомъ: *жена да боится мужа*, — держатъ женъ какъ крѣпостныхъ какихъ; другіе, чувствуя, что это не ладно, безъ разума же кричатъ противъ самаго Апостольскаго внушенія боязни жены къ мужу, какъ противъ какой азіятчины, и хотѣли бы совсѣмъ освободить жену отъ мужнина главенства. Ну, — имѣй мужъ и жена, — имѣй въ

неопустительномъ виду отображеніе въ своемъ супружескомъ союзѣ Божественнаго союза Христа съ Церковію,—не опускай, жена, изъ своего виду живаго Христова образа въ своемъ мужѣ, а мужъ—усматривай въ женѣ образъ Христова же благодатнаго тѣла—Церкви: тогда смыслили бы, умѣли бы не только жены бояться, какъ бы не обезчестить Христову, такъ сказать, икону—въ лицѣ своихъ мужей, но и мужья не затруднились-бы, съ своимъ главенствомъ, по слову Ап. Петра, *воздавать честь и немощнѣйшему сосуду женскому*, «какъ сонаслѣдницамъ животворной благодати» (1 Петр. III, 7). Вѣдь только нехристи не боятся безчестить Святыя иконы.

Купецъ понурилъ голову, промолвивъ: «потонули мы въ грѣхахъ, да въ глупости необразованной». Я видѣлъ, что этотъ русскій человѣкъ затронутъ былъ за живое.

— Только бы мы сами не захотѣли топиться, сказалъ священникъ—по немножку еще можемъ добраться до берега. Продолжимъ рѣчь объ обязанности повиновенія жены къ мужу. «Жены, говоритъ Апостолъ, своимъ мужьямъ повинуйтеся какъ Господу» Смѣло можно сказать, что развѣ грубый до несмысленности человѣкъ вздумалъ бы, на основаніи этого Апостольскаго наставленія, говорить своей женѣ въ родѣ слѣдующаго: «Знаешь ли, кто я для тебя? Ты меня и мое желаніе, мою волю должна ставить для себя выше всего; сказано, вишь: жены повинуйтеся своимъ мужьямъ какъ Господу». Но если бы въ домашнемъ быту и явился такой новый папа для жены своей, представляющей образъ Церкви, то самъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ, что это его выраженіе о повиновеніи или служеніи «какъ Господу», «какъ Христу», означаетъ совсѣмъ не то, чтобы, страшнымъ и вмѣстѣ глупымъ въ этомъ случаѣ человѣкоугодничествомъ, служить собственно *человѣку какъ Богу*, но то, чтобы, въ своихъ отношеніяхъ службы или повиновенія, смотрѣть духомъ къ *Самому Господу Богу* и служить или повиноваться Ему Самому, Христу Богу нашему: «Рабы, говоритъ Апостолъ, будьте послушны господамъ своимъ... какъ Христу», и за тѣмъ прибавляетъ: «не... какъ человѣкоугодники, но какъ рабы именно Христовы, исполняя волю (прямо) Божію

отъ души» (Еф. VI, 5, 6.). Ясно здѣсь, что служеніе или послушаніе «какъ Христу» означаетъ то, чтобы слуги въ отношеніи къ господамъ, были слугами собственно Христовыми, исполняющими въ духѣ своемъ волю Самаго Бога. Такъ же точно и повиновеніе женъ мужьямъ какъ Господу означаетъ именно то, чтобы жена, въ своемъ отношеніи къ мужу, возвышалась духомъ и сердцемъ, какъ слѣдуетъ предъ иконою Господа, къ Самому Господу, повинуясь именно Его благодати. Вотъ какъ надо намъ настроить повиновеніе женъ мужьямъ, и будетъ оно не рабствомъ, а прекраснымъ и живымъ благодатнымъ явленіемъ.

— О, батюшка, батюшка! сказалъ купецъ, словно въ безвыходномъ какомъ положеніи. Да доберемся ли мы когда нибудь до такой благодати?

— Непремѣнно, сказалъ о. Іоаннъ, если только мы выйдемъ изъ своего духовнаго усыпленія, то жидовскаго, покоящагося самодовольно, и съ осужденіемъ другихъ, на буквѣ Божія закона, то языческаго, влающагося всякимъ вѣтромъ нехристіанскихъ воззрѣній. Неужели не выйдетъ изъ своего обморока, не оживится въ насъ наше Христіанство (разумѣю не Христіанство само въ себѣ, всегда живое и животворное, но наше отношеніе въ Христіанству)?! И знаете-ли что? По моему мнѣнію, женщина-то, о которой мы столько говорили, и призвана послужить, во многомъ, оживленію въ насъ Христіанства. Чтобы объяснить вамъ мою мысль, напомню вамъ древнее сказаніе объ одномъ Преподобномъ Великомъ Отцѣ. Входя въ городъ, онъ молилъ внутренно Бога, чтобы Онъ ему послалъ нужное назиданіе въ городѣ. И вотъ случилось, что встрѣчается съ нимъ женщина; дерзкій взглядъ ея обнаружилъ вольное ея поведеніе. Она смотрѣла прямо въ глаза Преподобнаго, который поэтому тоже прямо замѣтилъ ей, зачѣмъ она такъ безстыдно смотритъ на пустынника. Она отвѣчаетъ, что ей—женщинѣ и слѣдуетъ смотрѣть на мужчину, отъ котораго она взята при сотвореніи, а ему слѣдуетъ смотрѣть въ землю, отъ которой онъ взятъ. Святый Пустынникъ возблагодарилъ Бога за назиданіе, нечаянно ему посланное. Такъ-то и мнѣ думается, не послужитъ ли и

нынѣ женщина (если будетъ поддерживать ее въ благодати чрезъ проводимое и въ жизнь признаніе за женщиною общаго и равнаго съ нами права «сонаслѣдницы благодати»), не послужитъ ли она выясненію, оживленію и развитію того направленія для образа мыслей и жизни, для самой вѣры и благочестія, чтобы не забывать и не пренебрегать намъ земли, изъ которой мы взяты при созданіи, чтобы, безъ гордой и мечтательной идеальности или духовнаго самовозношенія, и земное оживлять и освящать сіяніемъ славы Отчей, Христовою истиною и благодатію, такъ какъ самъ, взятый изъ земли, человѣкъ оживленъ дыханіемъ Божіимъ и введенъ въ живую сообразность и сообщность съ Сыномъ Божіимъ, Единосущнымъ Своему Отцу. . Вотъ и Преподобный древній подвижникъ нашелся только благодарить Господа, когда женщина, казавшаяся ему безстыдною, указала ему смотрѣть (конечно—не одними только чувственными очами) въ землю, изъ которой онъ взятъ. Да! Начни, мужъ, купецъ-ли ты или ученый, начни въ своемъ семейственномъ быту и твердо (какъ слѣдуетъ *мужу*) держи тотъ добрый православный порядокъ, чтобы и смотрѣть на жену свою этими внѣшними глазами, или только мыслію и думою, не иначе, какъ на живой образъ Христова благодатнаго тѣла—Святой Церкви. Сбился ли съ этого Святаго порядка и упалъ въ грязь, поднимайся опять къ благодати, чтобы разумѣть и видѣть въ женѣ образъ Христова тѣла—Церкви. Пожалуй, скажу еще болѣе, чтобы проще и доступнѣе было для насъ держаться этого порядка. Вотъ вы, Павелъ Николаевичъ, имѣете особенную вѣру и упованіе къ Пресв. Богородицѣ. А знаете ли, родной мой, еще въ ветхомъ завѣтѣ и притомъ уже падшая и осужденная жена поставлена въ благодатное значеніе образа Матери побѣдоноснаго надъ зміемъ сѣмени—Христа Бога: «Сѣмя жены, сказано было змію, обольстившему жену, которая одна и была тогда на лицо,—сѣмя жены сотретъ твою главу.» Итакъ чтобы вамъ удобнѣе было выдерживать воззрѣніе на жену, какъ на образъ Христова тѣла—Церкви, поднимайте очи вашего ума и сердца къ Самой Пресв. Богородицѣ, полной представительницѣ Святой Церкви (почему и въ Писаніи образъ Церкви

соединяется во единъ съ образомъ Матери нашего Господа, напр. въ XLIV псалмѣ и въ Апок. XII, 1, 5). Противъ всякихъ помысловъ вооружитесь тою молитвенною мыслію: «есть, молъ, Св. иконы Матери Божіей не только благолѣпныя и въ золотыхъ ризахъ, но и суздальскаго маранья, есть иконы совсѣмъ почти почернѣлыя и поврежденныя отъ времени, отъ пыли, отъ небрежности нашей. Но Царица небесная не отвергнетъ прибѣгающихъ къ ней предъ какой-бы то ни было по виду ея иконой, которая ради Святѣйшаго ея лика все таки остается Святою. Такъ ужъ коли въ Писаніи женщина, служащая образомъ матери нашей Св. Церкви, поставлена вмѣстѣ въ образъ и Пресв. Богородицы,—благодатной по Христу Матери всѣхъ насъ Его сообщниковъ, представляющей для насъ вживѣ и въ совершенствѣ Святую Церковь: то что мнѣ до того, почернѣла ли, въ пыли ли, повредилась ли отъ чего эта живая икона Благодатной? Вѣдь я, предъ этой иконою, смотрю духомъ къ благодати Самой Заступницы грѣшныхъ, Которую Самъ Господь отобразилъ въ этихъ нерукотворенныхъ иконахъ—немощныхъ женскихъ сосудахъ. Выдерживай, мужъ, такой взглядъ вѣры, хоть бы только на свою жену: вѣрно слово—и это говорю вамъ съ собственныхъ опытовъ—жена поможетъ тебѣ, въ твоихъ земныхъ дѣлахъ, быть сообразною и сообщною Самому Господу головою дома и всего хозяйства. Вѣдь, ей, по самой природѣ, принадлежитъ особенная сердечная воспріимчивость, которая чутьемъ ощущаетъ сущность дѣла, прежде всякаго точнаго объ этомъ понятія; а поэтому въ порядкѣ вещей, чтобы, пока въ наше общее сознаніе еще не вошло направленіе проводить и во всѣхъ средахъ земнаго и мірскаго Христову истину и благодать, это направленіе ощутилось сначала живымъ чутьемъ воспріимчивости женской (*). Пока женщина пусть смягчаетъ жосткую духовность однихъ и возвышаетъ временную положительность другихъ.

(*) Отъ этого свойства женской воспріимчивости—ощущать истину прежде точнаго сознанія объ ней, происходятъ такія явленія въ семейной и общественной жизни: когда мужчина становится слишкомъ положительнымъ, тяжело наклоннымъ только къ осязательнымъ опытамъ, женщина тонко чувствуетъ эту его односторонность и инстинктивно противодѣйствуетъ ей противоположнымъ

Я слушалъ эту живую домашнюю, такъ сказать, проповѣдь съ разгоравшимся сердцемъ. Сладко мнѣ было слушать это. Но, признаюсь, эта сладость отравлялась для меня, невольно овладѣвающею мною, мыслію: когда это у насъ будетъ, когда въ духѣ народномъ возбудятся и выяснятся такія живыя и святыя воззрѣнія?! Духовная письменность, при всемъ умноженіи духовныхъ журналовъ, доселѣ не успѣла поднять или поддержать подобные вопросы, съ которыхъ и надо бы именно начинать во всѣхъ заботахъ объ улучшеніяхъ внѣшняго духовнаго быта, духовнаго образованія и т. п. Вѣдь невелика находка, думалъ я, въ чемъ нибудь и возвысить вещественную сторону земнаго, не озаботясь напередъ о выясненіи и упроченіи за этою стороною Христовой благодати, открытой всему человѣчеству и для всего человѣческаго къ спасенію его отъ скверны и лжи грѣха... Но этого у насъ едва касаются, и то такъ слегка, въ общихъ, большею частію, мѣстахъ; а тамъ какой нибудь ратоборецъ направленія, прямо противнаго раскрываемому о. Іоанномъ воззрѣнію, съ торжествомъ провозглашаетъ, что чуть не весь міръ отъ дворцовъ до хижинъ сочувствуетъ его обскурантизму, издѣвающемуся надъ усиліями и опытами проводить Христову истину во всѣ среды жизни, направить движенія современности къ свѣту и жизни Православія. Свѣтская-же письменность и журналистика, за немногими исключеніями, и то большею частію не свободными отъ односторонностей, совсѣмъ почти закрываетъ глаза отъ наблюденія за столь существенною въ нашемъ народномъ духѣ пружиною—православной религіозности. Самъ о. Іоаннъ нерѣдко съ сердечною грустію, а иногда съ негодованіемъ, поставлялъ мнѣ это на видъ. Тяжелая дума зараждалась

настроеніемъ; а когда мужчина слишкомъ заидеальничаетъ, въ отвѣтъ этой односторонности, женщина инстинктивно становится положительною. Поэтому Бокль съ своею теоріею, будто мужчина преимущественно —*индуктивъ*, а женщина—*дедуктивъ*, правъ только въ отношеніи къ себѣ самому. Отъ самъ лично отличался направленіемъ соображать и обобщать опытныя данныя (индуктивнымъ направленіемъ). Потому было въ порядкѣ вещей, чтобы въ отношеніи къ нему женщина (наприм. мать) явилась противодѣйствующею экспериментальной его односторонности ощущеніемъ высшихъ идей (дедуктивностію). Бокль свой собственный опытъ принялъ ошибочно за общій законъ: это ужъ его односторонность — принимать по наведенію слишкомъ частное за всеобщее.

на душѣ: да полно ужъ, намъ ли русскимъ дано или назначено послужить Церкви и міру чрезъ такое раскрытіе благодати Православія, чтобы имъ все было освѣщено? Способны ли мы къ этому по нашему какому-то странному характеру, по этому нашему несчастному свойству—владѣть сокровищемъ вселенскимъ и первымъ-же не хотѣть знать и выяснять этого общечеловѣческаго его значенія? Всѣ эти мысли, накипѣвшія у меня, я и высказалъ о. Іоанну. Между тѣмъ какъ его малютка на рукахъ матери уже спалъ давно; и мать, охраняя младенческій сонъ, бережно встала и пошла въ другую комнату къ колыбели.

— Видите, какъ мать бережетъ покой и сонъ своего ребенка, сказалъ о. Іоаннъ. Мысль общественная, свѣтская и духовная, дастъ примѣтить въ себѣ много свѣжаго, много задатковъ лучшаго по всѣмъ частямъ знанія и жизни; и если она не обнаруживаетъ въ себѣ той зрѣлости, чтобы выработать себѣ общее живое и именно православное возрѣніе и направленіе по свѣтской и духовной части, надо поберечь нѣжный еще возрастъ благородной, благодатно-свободной мысли. Признаюсь вамъ, это впрочемъ вы и сами замѣчали во мнѣ, что часто тяжело, до глубокаго уныній тяжело и горько мнѣ бываетъ отъ тугаго возраста нашей общественной мысли. Но стараюсь успокоивать себя тѣмъ именно представленіемъ, что если Православная Церковь есть истинная мать, то духу ея свойственно и матерински щадить, беречь и даже лелѣять младенчество своихъ дѣтей.

— Да чѣмъ вы завѣрите, возразилъ я, что это младенчество не такое, въ которое впадаетъ иногда старикъ отъ дряхлости? Вѣдь мы прожили ужъ тысячу лѣтъ. Подобное нашему ребячество замѣчалось, напр., въ Божіемъ народѣ во время земной жизни Христовой и Апостоловъ. Самъ Спаситель уподоблялъ Своихъ современниковъ маленькимъ своенравнымъ ребятамъ, которымъ ничѣмъ не угодишь, ни удаляясь отъ веселаго настроенія, ни умѣряя мрачной строгости: станетъ предъ ними строго говорить не фанатикъ-ревнитель, а дѣйствительный строгій подвижникъ и великій постникъ Іоаннъ Креститель, скажутъ о немъ, что въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго, что это словно бѣсъ, который ни ѣстъ, ни пьетъ; предложитъ имъ

Самъ Спаситель радостную и человѣколюбивую вѣсть милости и благодати къ грѣшнымъ и погибающимъ, провозгласилъ. Его ядцею и винопійцею, другомъ равныхъ язычникамъ мытарей, сообщникомъ беззаконниковъ (Мо. XI, 16—19.). Мы очень похожи на этихъ современниковъ Спасителя, впавшихъ въ ребячество отъ духовной дряхлости.

— Я различаю, отвѣчалъ священникъ, младенчество слабаго, нѣжнаго малолѣтства отъ ребячества дряхлости, судя по прямымъ признакамъ или жизненности, только малосознательной и неразвитой, или мертвящихъ началъ. Вотъ, напр., нѣсколько лѣтъ назадъ, около времени коронаціи Государя, кто-то издалъ картину, изображающую благосостояніе Россіи. На картинѣ сверху изображены символическія лица и предметы Святой Вѣры нашей, или Православія, а внизу представлены взятые изъ языческой миѳологіи символы же правосудія, просвѣщенія народнаго, мореплаванія и т. под. Помню, какъ у насъ ревнители возопіяли тогда всюду, гдѣ ни появлялась картина, противъ неприличія и даже соблазна—смѣшивать духовное съ мірскимъ, Православіе съ язычествомъ. Но они бѣдные не догадались, что вѣдь у насъ, и дѣйствительно, усердіе къ Вѣрѣ и благочестію впадаетъ, по господствующему направленію своему, въ высь, недосягаемой мірскому и пренебрегающей земнымъ—человѣческимъ; а поэтому земной-то и мірской бытъ и идетъ—себѣ и развивается, въ дѣйствительной-то жизни, по невозводимымъ ко Христу идеямъ, правиламъ и часто страстямъ своекорыстія, надмѣнія, суетности и т. д., что́ все вѣрнѣе и представить нельзя, какъ въ миѳахъ и образахъ язычества. Истинной-то, разумной, словомъ — живой ревности къ Православію и общественному благу слѣдовало бы примѣтить назидательную вѣрность картины, слѣдовало-бы воскипѣть горячимъ духомъ противъ односторонностей направленія, какъ въ самомъ благочестіи многихъ, такъ и въ земномъ нашемъ бытѣ, т. е., слѣдовало-бы духомъ вѣры направляться или съ высоты-то заоблачной сходить въ житейскую-то низменность, чѣмъ однимъ только и можетъ эта низменность подняться надъ духомъ язычества, обращаясь уже въ благодатное поприще свободнаго служенія Христу и въ дѣлахъ

общественнаго суда и правды, и въ просвѣщеніи народномъ, въ движеніи народнаго богатства и производительности, во всѣхъ родахъ службы и проч. и проч. Но начатки этихъ жизненныхъ мыслей или движеній только и выразились тогда въ томъ одномъ что русская мысль и искусство пошлись-же, хотя только инстинктивно или безъ всякаго прямаго намѣренія,—ощутить и возпроизвесть въ картинѣ дѣйствительное положеніе Россіи, состоящее въ этомъ злополучномъ раздвоеніи у нашего большинства, между мыслію и жизнію вѣры и мыслію и жизнію бытовыми, въ самовозношеніи первыхъ и униженіи чуть не до язычества послѣднихъ у многихъ, многихъ Русскихъ. Вотъ это проявленіе жизненности, еще слабой до безсознательности, я и отношу къ младенчеству нѣжнаго малолѣтства, а неразуміе мертвящей ревности, при всей наружной ея благовидности, къ ребячеству одряхлѣнія.

Купецъ съ живымъ любопытствомъ слушалъ и распрашивалъ объ этой картинѣ, покачивая отъ удовольствія головою. О. Іоаннъ продолжалъ, при этомъ, толковать ему свою мысль, въ приложеніи къ простому купеческому быту, какъ и тутъ—вверху душеспасенье, Святыя иконы съ горящими лампадами, а внизу,—язычество съ своимъ богомъ мамоны, богомъ своекорыстія и обмановъ. «Ну, вотъ если это самое изобразить на картинѣ, говорилъ о. Іоаннъ, и вы возревновали-бы противъ того, какъ это попали на одну картину и Святыя иконы и скверное божество мамоны,—это, молъ, соблазнъ, нечестіе и проч.; хорошали была-бы эта ваша ревность? Нѣтъ; она была бы не по разуму и мертвая фарисейская ревность. Разумная-то и живая ревность повела бы васъ къ такимъ мыслямъ, что, молъ, вотъ и на картинѣ благодать не ладится съ языческимъ мамономъ;—дай-ко я, вмѣсто мамона, и въ неизменности своего торговаго дѣла буду служить Отцу небесному, усматривая въ моихъ покупателяхъ именно Его дѣтей, общниковъ Сына Его Господа нашего Іисуса Христа,—дай-ко я буду чтить Св. иконы свѣчками и лампадами и въ житейскомъ и домашнемъ быту—именно смотря на всякаго человѣка, какъ на живой Божій образъ или икону, и особливо на свою жену, какъ на образъ Христова

благодатнаго тѣла Церкви, какъ на живописанную Словомъ Божіимъ и въ падшей женщинѣ икону Заступницы грѣшныхъ—Радости всего міра—Пресв. Богородицы». Купецъ только весело кивалъ головою въ знакъ живаго вниманія и согласія. Видно было, что объяснительное сравненіе съ картиною было особенно близко къ его мысли и сердцу. Но когда о. Іоаннъ покончилъ съ купцомъ, я опять взялся за свое.

— Разсказъ вашъ о картинѣ, говорилъ я священнику, только подтверждаетъ сказанное мною: нами одолѣваетъ не столько малолѣтство, сколько ребячество дряхлости. Въ художникѣ, писавшемъ картину, нельзя во-все отрицать той возможности, что сознательно-то водила его кистью своекорыстная спекуляція, которая ужъ отнимаетъ жизнь и у замѣченнаго вами въ немъ малаго запасца жизненности.

— Положимъ, что и такъ, отвѣчалъ священникъ. Но и въ тѣхъ, которые нашли соблазнъ и нечестіе въ картинѣ, такъ просто и хорошо дающей замѣтить, что разобщеніе духовнаго съ мірскимъ, или бытовымъ,—житейскимъ въ господствующемъ у насъ образѣ мыслей и жизни, есть крайне неладное дѣло или состояніе, — и въ нихъ нельзя же совершенно отрицать возможности лучшаго въ будущемъ. Вѣдь и эти ревнители могутъ же быть когда нибудь наведены и на здравую ревность противъ самаго раздѣленія у насъ между духовнымъ и мірскимъ или бытовымъ житейскимъ, унижающаго послѣднее до язычества и портящаго первое фарисейскимъ самовозношеніемъ надъ человѣческимъ,—этимъ самовозношеніемъ за облака, противнымъ и духу снисхожденія Господня до вочеловѣченія и до жизни и смерти на земли ради именно грѣшныхъ и погибающихъ, — противнымъ и духу превознесенія Господня на небеса хотя уже съ обоженнымъ, но нашимъ-же человѣческимъ естествомъ. Впрочемъ не скрываю отъ васъ того, что подобными возможностями лучшаго, въ будущемъ, я утѣшаю не только васъ, но и себя самаго противъ невольнаго уныній отъ того, что̀ есть въ настоящемъ. Отрыгнуть же когда нибудь въ нашей мысли и жизни тѣ жизненные задатки, которые можно открывать въ самыхъ безъискусственныхъ и даже грубыхъ выраженіяхъ на-

шего народнаго духа. Вотъ, напр., въ изданномъ г. Аѳанасьевымъ собраніи простонародныхъ сказаній и повѣрій есть такія, дѣтскія конечно, сказанія, въ которыхъ рѣзко выражена народная мысль, что направленіе Святаго служенія Богу, самое пріятное Богу и Церкви, есть именно живое соучастіе въ земныхъ нуждахъ и затрудненіяхъ самаго низменнаго житейскаго быта. Вспомните то, ребяческое конечно по образу представленія, сказаніе, въ которомъ рѣшается или объясняется, почему Святителю Николаю празднуется два раза въ каждый годъ, а преподобному Кассіану (память его 29 февраля) чрезъ три года одинъ разъ въ году (именно въ високосномъ): мужикъ, по простонародному сказанію, завязилъ тяжелый возъ въ грязи, и Препод. Кассіанъ, боясь замарать райскую свою одежду, только пожалѣлъ бѣднякa, а Святитель Николай взялся помогать мужику— вытаскивать возъ и лошадь изъ болотной грязи... Вотъ почему, по народному понятію, столько уважается въ Церкви и славится у Бога Святитель Николай! Грубо, а выразительно высказывается здѣсь народная мысль о томъ, какое наилучшее направленіе въ благочестіи и святости. Даже, по моему мнѣнію, и Препод. Кассіанъ не унижается простонароднымъ сказаніемъ. Въ этомъ сказаніи слышится народное чутье, что, если мы, изъ самолюбиваго опасенія замараться въ мірскихъ грязяхъ, упорствуемъ въ безучастности къ труждающимся и обремененнымъ собратьямъ въ разныхъ земныхъ средахъ,— то Угодники Божіи, одушевляясь, особенно въ небесной своей жизни, духомъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, не только соучаствуютъ и помогаютъ нуждамъ и бѣдамъ земнаго быта, какъ Святитель Николай, но на себя же самихъ предъ Богомъ принимаютъ вину и нашей жосткой безучастности къ собратьямъ, какъ Препод. Кассіанъ (по общенародному сказанію). Это духовное чутье народа особенно ясно видно въ другомъ общенародномъ сказаніи, выражающемъ великую мысль о томъ, что ревность, нечеловѣколюбиво вооружающаяся противъ земнаго и житейскаго, якобы недостойнаго духовной и благодатной высоты, падаетъ этою своею жестокостію прямо на само духовное и Христово, какъ простирающееся своею очистительною животворностію на все человѣческое. Вотъ

это сказаніе: Св. Пророкъ Илія хочетъ наказать мужика (этого грязнаго погруженнаго въ земной бытъ міряшша) посланіемъ града на его поле, покрытое созрѣвающимъ хлѣбомъ; но Святитель Николай, предупреждая объ этомъ мужика, устроятъ такъ, что послѣдній перепродаетъ свое поле священнику (служителю духа Благодати)—и градъ опустошаетъ собственность уже не мужицкаго, а духовнаго хозяйства; и это нѣсколько разъ повторялось. Народъ нашъ любитъ и чтитъ память Пророка Иліи не менѣе Святителя Николая; и потому нельзя сомнѣваться, что въ приведенномъ сказаніи высказывается именно то народное чутье, что, коли люди новаго завѣта останавливаются на ветхозавѣтной безпощадной ревности, то ветхозавѣтный Великій Ревнитель, вошедшій въ небесной своей жизни уже въ духъ Христовой ревности, на Себѣ вымѣстившей зло мірское, самъ на себя принимаетъ и непремѣнно вынесетъ предъ Богомъ вину жестокой и неразумной ревности Христіанъ (даже еще Православныхъ), которая поражаетъ не зло міра, а человѣка, искупленнаго кровію Богочеловѣка, и опустошаетъ или стѣсняетъ поле человѣколюбивой благодати Христовой... Не ужели же, добрый братъ мой, — сказалъ наконецъ священникъ мнѣ съ брызнувшими изъ его глазъ слезами,—такія сѣмена народной мысли и духа, всѣянныя еще въ дѣтствѣ народномъ, не разовьются когда нибудь до цвѣтовъ отчетливаго знанія во всѣхъ его отрасляхъ и до плодовъ жизни во всѣхъ ея средахъ, когда за это стоитъ сама благодать Божія и ходатайствуютъ съ Христовой любовію всѣ Святые!

Вскорѣ мы разстались съ досточтимымъ нашимъ о. Іоанномъ.

III.

РАЗГОВОРЪ.

О затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ въ примѣненіи къ мірскому благодатныхъ началъ и о потребности въ этомъ примѣненіи, особенно въ наше время.

Былъ въ приходской церкви о. Іоанна престольный праздникъ. Обстоятельства не дозволили мнѣ поспѣть въ его село ко времени

богослуженія; я увидѣлся съ о. Іоанномъ уже часовъ около четырехъ по полудни, когда онъ, окончивъ служеніе праздничныхъ молебновъ по домамъ своихъ сельскихъ прихожанъ, пилъ вечерній чай въ своемъ семействѣ съ немногими близкими родными своей жены (самъ онъ былъ родомъ изъ другой губерніи, роднымъ съ его стороны было слишкомъ далеко до его приходскаго села). Послѣ чаю, о. Іоаннъ предложилъ мнѣ прогулку около прекрасныхъ большихъ прудовъ села, хотя жена его и представляла ему, что онъ ужъ слишкомъ утомленъ для прогулки, что лучше было-бы бесѣдовать дома; примѣтно было, что и ей хотѣлось слышать разговоры, какіе обыкновенно заводились между нами. Мужъ ея только указалъ ей на веселящійся въ селѣ народъ, примолвивъ: «вѣдь ребенокъ, думаю, нуждается въ материнскомъ присмотрѣ»; хозяйка только улыбнулась и ужъ не стала насъ удерживать. Мнѣ сладко было примѣтить въ пастырѣ, что онъ раздѣлитъ материнскую заботливость Церкви о духовныхъ своихъ дѣтяхъ и среди народнаго веселья, а жена его, какъ дѣйствительная помощница такого мужа, живо сочувствуетъ ему въ этомъ.

Ясный и теплый, хотя и осенній, день склонялся къ вечеру. Мы, какъ будто по взаимному предварительному согласію, дали себѣ въ безмолвіи полюбоваться прекраснымъ видомъ празднующаго и весело шумящаго села, господствующихъ надъ нимъ двухъ храмовъ Божіихъ—стараго деревяннаго (хорошо впрочемъ поддерживаемаго) и новаго каменнаго трехпрестольнаго, потомъ нехитраго и не слишкомъ обширнаго, но красиво, весело высматривающаго, помѣщичьяго дома и наконецъ большихъ двухъ прудовъ, отражающихъ въ себѣ и крестьянскія избы, и церкви Божіи съ помѣщичьимъ домомъ. Отрадно и пріятно было не для одного тѣла, но и для духа, дышать свѣжимъ здоровымъ воздухомъ. Въ природѣ было тихо; небо чистое.

Надо сказать, что это было дней только восемь послѣ серьезнаго разговора, прежде мною описаннаго. Я крѣпко былъ занятъ предметомъ этого разговора; обдумавъ все, слышанное мною въ этомъ разговорѣ, я остановился на нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ или вопросахъ, которые и рѣшился, при первомъ удоб-

номъ случаѣ, предложить о. Іоанну. Случай къ этому былъ теперь самый удобный, и я тотчасъ же имъ воспользовался, какъ скоро мы, такъ сказать, освоились съ внѣшней прекрасной обстановкой въ нашей прогулкѣ.

I.

— Батюшка, сказалъ я: прошлый разговоръ у меня не выходитъ изъ мыслей. Родились у меня нѣкоторые вопросы; позвольте мнѣ ихъ высказать вамъ, если васъ не призываетъ какое особенное дѣло. (Послѣднее сказалъ я, помня вышеприведенныя слова о. Іоанна о нуждѣ ребенка въ материнскомъ положеніи).

— Отъ насъ самихъ зависитъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, чтобы въ нашихъ дѣлахъ одно другому не мѣшало, а помогало.

— Да, сказалъ я, по вашему-то должно быть такъ, чтобы и земное было мыслимо и исполнямо духовно, чтобы такимъ образомъ и житейское дѣло не мѣшало, а помогало духовному дѣлу. Но какъ согласить земное съ небеснымъ, житейское съ духовнымъ? Одно имѣетъ въ виду земную жизнь, другое направляется къ будущей вѣчной жизни, «отлагая всякое житейское попеченіе», какъ поется въ извѣстной церковной пѣсни (*). Все земное, говорятъ благочестивые мыслители и внѣ Православной Церкви (**), все должно служить лишь къ тому, чтобы душа отрѣшалась отъ любви ко всему этому и созрѣвала для вѣчной жизни. Что вы скажете на это?

— Прежде всего скажу вамъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, мою искреннюю благодарность за то, что вы разсуждаете о слышанномъ отъ меня и испытываете истину съ тѣхъ именно сторонъ, съ которыхъ она можетъ быть перетолкована неразумѣемъ или недоброжелательствомъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, такъ легко и вмѣстѣ благовидно для какого-нибудь сварливаго ревнителя закричать противъ меня: Святая де Церковь поетъ: *всякое отложимъ житейское попеченіе,* а вотъ тутъ учатъ служить Христу и въ житейскомъ попеченіи.

(*) Эта пѣснь: *Дэже херувимы* и проч.

(**) См. сочиненіе Эрнеста „Вѣчная жизнь", недавно изданное въ Русскомъ переводѣ.

— Поэтому-то, батюшка, и надо хорошенько разъяснить этотъ пунктъ ученія вашего, замѣтилъ я.

— Судите же сами, говоритъ о. Іоаннъ, мое-ли самочинное или Господне то ученіе, которое передаю вамъ. Вы, конечно, слыхали о готовности, выражаемой Божіими Святыми, идти и въ адъ только бы съ Господомъ, нейти и въ царство небесное въ разлученіи отъ Господа. Это мы и возьмемъ за основаніе нашего разсужденія въ настоящемъ случаѣ; потому что именно Господь и соединеніе съ Нимъ составляютъ всю силу царства небеснаго или вѣчной жизни, а безъ мысли о Господѣ и о соединеніи съ Нимъ и самое стремленіе къ небесному царству и отрѣшеніе отъ земныхъ житейскихъ попеченій будетъ еще недостаточно и даже фальшиво; Святые не хотятъ и царства небеснаго безъ Господа, а напротивъ, только-бы съ Господомъ, они не боятся не только пути житейскаго, но и самаго ада. На этомъ основаніи надо намъ осматриваться, согласно-ли съ Святыми мы думаемъ и заботимся о снисканіи самаго царства небеснаго или будущей блаженной жизни? Самаго-ли Господа и союза съ Нимъ мы ищемъ, говоря объ отложеніи житейскихъ попеченій? По смыслу пѣсни церковной, на которую вы указали, спасительно можемъ и должны мы отлагать всякое житейское попеченіе не иначе, какъ *изображая херувимово во тайнѣ* своего духа и *воспѣвая трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ*. Такъ-ли?

— Совершенно справедливо, отозвался я.

— Вспомните теперь, продолжалъ священникъ, что именно я говорилъ—ну, хоть объ этомъ житейскомъ дѣлѣ—торговлѣ. Имѣйте въ виду за торговымъ дѣломъ, говорилъ я купцу, Всевышняго Хозяина—Господа нашего, недалекаго отъ насъ не только по своему Божественному вездѣприсутствію, но особенно по благодати Своего вочеловѣченія ради всякаго человѣка, для избавленія отъ грѣха и гибели всего человѣческаго; помните, что покупатели ваши—дѣти небеснаго Отца, общники Сына Его, если они христіане, что и за каждаго человѣка до самаго страшнаго суда еще ходатайствуетъ предъ Отцомъ небеснымъ Единородный Его Сынъ Своимъ богочеловѣчествомъ, Своими крест-

ными язвами, принятыми за грѣшныхъ и погибающихъ; знайте, что такая любовь Божія простирается на насъ не какъ-нибудь отвлеченно или только мысленно, но въ самой силѣ и дѣйствіи Бога Духа Святаго, Единосущнаго Отцу и Сыну. Скажите же ради Бога, не внушалъ-ли я чрезъ все это купцу обращать свое дѣло въ духовную пѣснь животворящей Троицѣ, изображая именно тѣхъ небесныхъ духовъ, которые еще въ ветхомъ завѣтѣ, (Ис. VI), созерцали и воспѣвали славу Божію, исполнявшую въ грядущемъ еще для того времени Христѣ всю землю?!.. Сами люди, созданные по образу Божію, представляютъ для такого служенія Господу Богу живыя, такъ сказать, Его иконы. Только *отложимъ всякое житейское попеченіе*, занимающее насъ внѣ Господа, внѣ сознанія и ощущенія Его благодати! Не разлучаясь такимъ образомъ отъ Господа и за житейскимъ своимъ дѣломъ, душа и будетъ чрезъ это созрѣвать для вѣчной жизни, духовно уже предначинная ее въ той ея силѣ, чтобъ быть всегда съ Господомъ, отрѣшаясь отъ всего, что внѣ Господа...

— Это меня, сказалъ я, вполнѣ удовлетворяетъ насчетъ того недоразумѣнія, которое я вамъ высказалъ. Но вотъ раждается у меня новое недоумѣніе. Вѣдь для такого служенія Богу есть у насъ особенное Святое мѣсто—храмъ Божій, куда, исходя изъ среды мірскихъ дѣлъ, и приходятъ православные *возрадоваться Господу*, «херувимовъ тайно образующе и животворящей Троицѣ трисвятую пѣснь припѣвающе».

— Виноватъ, виноватъ, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ съ улыбкою, что благодать храма Божія и церковнаго богослуженія желалъ бы я распространить и на занятія наши внѣ храма... Не правда-ли, добрый мой, что сама по себѣ очевидна странность подобнаго обвиненія? Но знаете ли что? Благодать храма и церковныхъ собраній мы и должны усвоять себѣ и вносить во всю нашу жизнь, что духъ богослуженій церковныхъ и долженъ разрѣшаться въ нашемъ духѣ и разноситься нами всюду въ мірѣ Иначе мы въ отношеніи къ храму и богослуженію стали-бы подражать древнимъ іудеямъ, которые не входили въ благодатный духъ храма и, при всей ревности о храмѣ, до того были чужды благодати храма, что внѣ храма распяли самаго Господа; за то

и храмъ у нихъ отнятъ. Не для того Вездѣсущій снисходитъ къ нашей ограниченности чрезъ благодатное вселеніе свое въ храмѣ, чтобы намъ и ограничивать служеніе Ему только храмомъ, а именно для того, чтобы, пользуясь благодатію храма, намъ возвышаться къ постоянному ощущенію вездѣсущія Его и къ служенію Ему во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ занятіи. Не для того и въ новозавѣтной Церкви учреждены свои *субботы* и *новомѣсячія*—Святые праздники, чтобы намъ, христіанамъ, по-іудейски чтить Бога только праздничнымъ богослуженіемъ и покоемъ бездѣйственности, но для того, чтобы, усвояя себѣ благодать праздниковъ, работать Господу и во всѣ дни за всякою работою. Съ другой стороны, представьте себѣ человѣка, который и внѣ храма за житейскими дѣлами служитъ и работаетъ духомъ своимъ именно Господу, смотритъ на людей, съ которыми имѣетъ то или другое дѣло, какъ на Его иконы: этотъ человѣкъ, прійдя въ храмъ Божій къ праздничному напр. богослуженію, какъ легко и свободно будетъ возвышаться къ благодатному общенію съ Господомъ, отъ Котораго онъ не разлучается и внѣ храма! Какъ торжественно, отложивъ всякое житейское попеченіе, будетъ онъ духомъ воспѣвать трисвятую пѣснь животворящей Троицѣ, Которой онъ служитъ и въ самыхъ житейскихъ попеченіяхъ и занятіяхъ! Какою любовію обниметъ онъ внутренно и своихъ собратій, находящихся внѣ храма, представляя ихъ Господу, какъ тоже работающихъ Ему за своими дѣлами! Да, тогда только мы по надлежащему будемъ присутствовать и въ храмѣ, когда съ благодатнымъ его духомъ не разстанемся нигдѣ внѣ храма.

— И этимъ удовлетворенъ я, батюшка, съ полною къ вамъ благодарностію, сказалъ я. Но у меня ужъ готовы и другіе вопросы и затрудненія. Не слишкомъ-ли ужъ много будетъ снисхожденія къ намъ, грѣшнымъ, чтобы намъ и въ земныхъ житейскихъ дѣлахъ служить Господу въ духѣ церковнаго богослуженія? Въ этомъ случаѣ, кажется, ужъ очень легко было-бы спастись, а между тѣмъ дѣло спасенія требуетъ *распятія плоти со страстьми и похотьми.* Святые подвизались, можно ска-

зать, *до крове* для достиженія спасенія, а намъ будетъ доставаться спасеніе просто за торговымъ прилавкомъ...

—Не только за торговымъ прилавкомъ или при другомъ житейскомъ трудѣ, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ, но и среди вотъ этихъ и подобныхъ этимъ увеселеній (при этомъ словѣ онъ указалъ на веселящееся народное собраніе въ селѣ) можно и должно православнымъ спискивать спасеніе, а не пагубу души. Да! смотря на народное веселье или принимая въ немъ участіе, православные только-бы при этомъ помнили и держали въ своихъ мысляхъ и сердцѣ, что Самъ же Отецъ небесный, ради вочеловѣченія Сына Своего, дастъ вѣрнымъ Ему человѣкамъ *вся обильно во наслажденіе* (1 Тим.); пусть даже только-бы хоть старшіе или болѣе другихъ смыслящіе и любящіе Господа, и среди веселья, радовались въ своемъ сердцѣ и душѣ собственно объ отеческой Божіей любви къ намъ, утѣшающей своихъ дѣтей благами и радостями сице и въ здѣшней жизни, и своею вѣрою поддерживали-бы въ такой благодати и другихъ, менѣе возрастныхъ духомъ и тѣломъ, менѣе разумныхъ и боголюбивыхъ, подобно какъ маленькихъ ребятъ поддерживаетъ въ благодати вѣра ихъ родителей или крестнаго ихъ отца и матери. Тогда и самое народное веселье было-бы не въ пагубу души, а во спасеніе, по слову Божію у Пророка Іереміи: *и изыдутъ... поющіе и гласъ играющихъ, и умножу я... Тогда возрадуется дѣвица во собраніи юношей, и старцы возрадуются... и утѣшу ихъ, и сотворю ихъ веселы* (Іерем. XXX, 19. XXXI, 13). Потому-то, скажу вамъ мимоходомъ, я пошелъ съ вами и на прогулку, имѣя въ виду поддержать моихъ веселящихся прихожанъ въ любви Божіей и напомнить имъ своимъ появленіемъ среди ихъ, какъ нынѣ-же въ церкви внушалъ я имъ мыслить и чувствовать среди праздничнаго веселья. Пусть вспомнятъ это хотя только одни болѣе разумные; но вѣра ихъ привлечетъ осѣненіе спасительной благодати, которая будетъ отгонять отъ всего народнаго собранія тьму злыхъ и нечистыхъ духовныхъ движеній и самыхъ движителей зла и нечистоты... Это послужитъ, очевидно, къ спасенію веселящихся.

— Но это пока только усиливаетъ высказанное мною недоумѣніе, не слишкомъ-ли ужъ легко такое спасеніе? замѣтилъ я.

— Прежде нежели будемъ испытывать, легко ли въ самомъ дѣлѣ или требуетъ своего рода подвига дѣло спасенія въ тѣхъ средахъ, о которыхъ мы говорили, я долженъ сказать вамъ, такъ снова началъ о. Іоаннъ свою рѣчь, что самое основаніе вашего недоумѣнія отзывается духомъ нехорошимъ, невѣрнымъ истинѣ. Вамъ говорятъ, что даже и за торговымъ прилавкомъ и на мѣстахъ общественнаго увеселенія, среди праздничныхъ удовольствій, можно и должно спасаться человѣку; а вы возражаете, не слишкомъ ли ужъ легко будетъ въ этомъ случаѣ дѣло спасенія? Что-же, по вашему лучше оставлять человѣка на пагубу, нежели предоставлять ему спасеніе и въ этихъ средахъ? Какъ хотите, это заговорилъ въ васъ не Христовъ духъ: вспомните, что Господь являлся съ благодатію спасенія и въ средѣ мытарей, не отвергалъ и блудницъ. Это первое, что не ладно въ вашемъ возраженіи или недоумѣніи. Второе, столько-же несостоятельное предъ истиною, состоитъ въ проглядывающей у васъ мысли, будто должно отягчать дѣло спасенія нашего. Вспомните Христово Слово: *иго Мое благо и бремя Мое легко есть*. Знаете-ли, что только тогда и можно съ благонадежностію браться за особенно трудные подвиги, когда есть въ духѣ живое ощущеніе благодатной легкости Христова ига? Опытные подвижники по этой самой причинѣ никогда не благословляли идти напримѣръ въ *затворъ* (*) или въ пустыню, или носить тяжелыя желѣзныя вериги, когда въ желающемъ подобнаго подвига замѣчали только стремленіе къ трудному подвигу, стремленіе неосмысленное и неоживленное глубокимъ сознаніемъ и живымъ ощущеніемъ райской сладости любви къ Господу, благодатно окрыляющей и къ тяжелому подвигу, какъ именно къ благому и легкому Христову игу. Не оттого-ли, можетъ быть, и оскудѣваютъ у насъ истинно благодатные духовные подвиги и подвижники, что неразумная ревность старается, по крайней мѣрѣ

(*) Затворничество—это такой монашескій подвигъ, по которому подвижникъ „затворяется" въ своей келіи, въ уединеніи отъ всякаго человѣческаго общества.

въ образѣ мыслей, отягчать дѣло спасенія, закрывая для себя и для другихъ сладкую благостность и легкость этого Христова бремени?

Я не могъ не согласиться, что представленіе и требованіе тяжелой трудности въ дѣлѣ спасенія, дѣйствительно, однихъ запугиваетъ, такъ что они и не берутся за это великое дѣло, а другихъ, именно ревнующихъ о дѣлѣ спасенія, вводитъ въ нечеловѣколюбивую суровость.

— Ну, вотъ теперь посмотримъ и на то, продолжалъ священникъ, дѣйствительно-ли до излишества легко дѣло спасенія въ самыхъ простыхъ житейскихъ средахъ, по моему разумѣнію. Въ отношеніи къ другимъ людямъ, въ торговлѣ-ли или среди увеселеній и тому под., надо имѣть сколько возможно въ неопустительномъ вниманіи образъ Божій, отпечатлѣнный въ каждомъ человѣкѣ и, въ самомъ непорченномъ нашемъ состояніи, ни въ комъ изъ людей еще неомраченный всецѣло, неизглаженный до послѣдней своей черты; надо именно съ внутреннимъ благоговѣніемъ внимать Самому Сыну Божію, существенному Образу и сіянію славы Отца, отобразившему Себя по своей благодати въ самой природѣ человѣка, и страшную тяготу и вину ея испорченности, въ какой бы ни было степени послѣдней, вынесшему на Себѣ по домостроительству воплощенія. Въ отношеніи къ вещамъ, употребляемымъ въ торговлѣ-ли или въ другомъ занятіи, хотя бы даже только въ ястіи и питіи, надо также не опускать изъ виду осуществленія и выраженія въ этихъ вещахъ творческихъ мыслей Того-же Бога Слова, существенно проявляющаго въ Себѣ Своего Отца и, притомъ, самою благодатію Своего домостроительства воплощенія осѣняющаго и неразумныя созданія, такъ что вся, не только животная, но и неодушевленная даже, тварь поставлена во внутреннюю связь и нѣкоторое сочувствіе съ спасаемымъ человѣчествомъ, стремясь и имѣя, къ славѣ этихъ чадъ Божіихъ, достигнуть свободы отъ своего порабощенія тлѣнію (Рим. VIII, 21). *Вся тварь*, говоритъ Апостолъ, *со нами совоздыхаетъ и собользнуетъ даже до нынѣ* (ст. 22). Въ отношеніи къ разнымъ случайностямъ и вообще къ событіямъ, хотя-бы самымъ житейскимъ и вмѣстѣ

еще, пожалуй, возмутительнымъ для духа тоже надо живо помнить, что въ мірѣ ничего не бываетъ и быть не можетъ иначе, какъ по положительнымъ или только попустительнымъ опредѣленіямъ или мыслямъ Вседержителя, сосредоточеннымъ въ тайнѣ Христовой, именно въ тайнѣ отяготѣнія всѣческихъ грѣховныхъ и разрушительныхъ бременъ міра на Агнцѣ Божіемъ. Видите ли, что обо всемъ этомъ и говорить-то или слушать не такъ легко, а не только что исполнять? Но еще мало всего этого. Надо еще, при всемъ сказанномъ, самому въ себѣ входить въ духъ и расположенія Христовы, или *сія мудрствовать, еже и во Христѣ Іисусѣ,* Который ради всякаго человѣка содѣлался человѣкомъ и именно за виноватыхъ понесъ оставленіе отъ Отца и смерть, какъ-бы Самъ виноватый ихъ винами; то есть, надо дѣло всякаго человѣка, его обстоятельства и интересы такъ принимать къ своему сердцу, какъ будто это было твое собственное дѣло, твой интересъ, твое обстоятельство, и это не иначе какъ въ Христѣ, въ общеніи любви Его къ міру, спасающей и очищающей міръ отъ всякой пагубной лжи и скверны грѣха. Наконецъ, и въ отношеніи къ Самому Господу, надо всемѣрно отрѣшаться отъ того средневѣковаго западнаго представленія, по которому скорѣе міръ съ своими случайностями, со всѣми людьми и другими созданіями принимается за жертву непреодолимой воли и силы Вседержителя Господа, нежели признается принесеніе Господомъ Самаго Себя въ жертву за міръ, за всякій произволъ человѣческій, ради всякихъ случайностей до паденія даже волосъ съ нашей головы. Надо неопустительно и живо помнить, что Господь въ славу для Себя и для Своего Отца вмѣнялъ не Свое всемощное вседержавіе, но именно Свое безпредѣльное самопожертвованіе за міръ, на чемъ и основаны бытіе и всѣ судьбы міра, съ свободою и особенностями каждой личности, со всею случайностію событій, касающихся не только людей, но и неразумной твари. *Нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися въ Немъ,* изрекъ Господь нашъ, грядый на вольное Свое страданіе и смерть за грѣшный міръ (Іоан. XIII). И все это надо помнить и имѣть въ благоговѣйномъ вниманіи и виду среди

самой мірской суеты, какъ это бываетъ напр. въ торговлѣ, или среди увеселеній, среди самыхъ фамильярныхъ отношеній, какъ это бываетъ напр. въ брачной жизни, въ семействѣ, съ особымъ своеобразнымъ примѣненіемъ этого общаго благодатнаго направленія ко всему безконечному разнообразію частныхъ случаевъ и отношеній. Это не правда-ли для насъ ужъ слишкомъ, слишкомъ легко...

— Простите, простите меня, батюшка, заговорилъ я. Простите не столько за странность моего возраженія объ излишней легкости дѣла спасенія, какъ вы его представляете для всякой среды мірской, сколько за готовое ужъ у меня новое, противоположное прежнему, недоразумѣніе. Этотъ подвигъ вѣры, который вы сейчасъ развивали такъ высокъ, такъ труденъ, что и браться за него возможно только развѣ для совершенныхъ подвижниковъ. Такой подвигъ недоступенъ для большинства насъ, грѣшныхъ. Нѣтъ; намъ нужно что-нибудь полегче.

О. Іоаннъ не могъ не усмѣхнуться на такой внезапный переходъ мой изъ одной крайности въ другую, но усмѣхнулся съ такою любовію, что я не могъ почувствовать ничего оскорбительнаго для самаго моего самолюбія въ его доброй усмѣшкѣ. Его слово, затѣмъ, еще болѣе успокоило меня.

— Да, сказалъ онъ. И я тоже думаю, что такой подвигъ, въ его совершенствѣ, доступенъ только для высокихъ подвижниковъ. Мнѣ думается, что именно такой великій подвигъ проходили и проходятъ истинные *юродивые Христа ради*, надъ которыми не стыдятся нѣкоторые у насъ въ православной Россіи глумиться, не стыдятся единственно по неразумѣнію дѣла—по этому постыдному для образованныхъ юродству, бѣду и вину котораго, во Христѣ, и выносятъ на себѣ самихъ юродивые Христа ради. Но пусть я, или другой кто предъ зрѣлыми и совершенными праведниками немощнѣе малаго ребенка,—пусть я, какъ духовное дитя, и ходить еще не умѣю, а только едва ползаю по полу,—даже и въ такомъ случаѣ я желаю хоть бы только ползти духовно по направленію и духу истинной праведности, но не хочу и твердо ступать по направленію иному. Вѣдь, если ребенокъ и поползетъ отсюда, напримѣръ, вотъ къ тому

дереву, къ которому мы идемъ, то онъ и спотыкаясь на каждомъ почти шагу, все-же понемножку можетъ достигнуть этого дерева; а если и взрослый пойдетъ въ иную отъ дерева сторону, онъ ужъ никакъ не попадетъ къ этому дереву. Не правда-ли?—Такъ-то пусть тѣ, кто повозрастнѣе духомъ, потверже слѣдуютъ благостному и легкому Христову направленію, поддерживая и слабѣйшихъ, а то даже и на руки взявши и неся ихъ духовно, какъ какого-нибудь малаго ребенка. Другіе-же пусть идутъ путемъ взаимнаго содѣйствія въ служеніи своими обыкновенными дѣлами Самому Господу и Отцу небесному, *неся тяготы друга друга* и чрезъ это помогая другъ другу во всемъ держаться Того, Кто понесъ всѣ наши тяготы. Слабѣйшіе-же и болѣе другихъ безпечные пусть болѣе крѣпкими и бодрыми возбуждаются и увлекаются, хотя-бы безсознательно съ своей стороны, къ общему дѣлу служенія во всякой своей средѣ Самому Христу и въ Немъ Отцу небесному, по благодати Св. Духа. Представлю это въ примѣрахъ. Возьмемъ во вниманіе, напримѣръ, дѣло той или другой общественной или царской службы. Иной и простой солдатъ, служа въ своемъ солдатскомъ дѣлѣ неуклонно Самому Господу и, во всѣхъ распоряженіяхъ начальства, повинуясь въ своемъ духѣ Самому Отцу небесному, можетъ поддерживать въ такой Христовой благодати и начальство свое и товарищей. Также точно и служащій по письменнымъ дѣламъ пусть только, при составленіи и даже простой перепискѣ какого-нибудь отношенія или предписанія и тому подобное, взираетъ духомъ своимъ къ Самому Верховному надъ всѣми Главѣ—Господу, въ Которомъ должно быть возглавлено все, и небесное и земное, Который, именно для завѣдыванія и земнымъ, сходилъ Самъ на землю,—а для распоряженія всѣмъ человѣческимъ безпрепятственно со стороны нашей грѣховности, сталъ Самъ человѣкомъ и умеръ за грѣшныхъ людей. Твердая и живая вѣра и одного такого письмоводца будетъ и распоряженія и распорядителей своего служебнаго круга и съ высшими надъ этимъ кругомъ — будетъ возводить къ дѣйствующему, а не формальному или титулярному, главенству Христову. А то вообще и начальники и подчиненные, если хотятъ возвысить

свою службу и дѣло надъ уровнемъ со службою и дѣломъ магометанъ и другихъ невѣрныхъ, или не хотятъ быть людьми фальшивыми въ своемъ Христіанствѣ, пусть взаимно поддерживаютъ себя во Христѣ, первые, смотря на подчиненныхъ своихъ, какъ на дѣтей Всеблагостнаго Отца по дару Его Сына, Собою пожертвовавшаго за погибающихъ, а послѣдніе, подчиняясь своимъ сердцемъ и умомъ Самому Тому-же Своему Отцу, призирающему на вѣрныхъ Своихъ и въ начальствѣ, и въ родителяхъ, во всѣхъ степеняхъ и родахъ субординаціи. Или въ частной жизни принимающій услуги отъ добровольнаго или наемнаго слуги, и самый этотъ слуга пусть несутъ взаимно тяготы другъ друга, — первый помня, что къ Христу, приходившему на землю не для принятія услугъ, но для послуженія, особенно близокъ человѣкъ услуживающій, а послѣдній свои услуги доводя, въ своихъ мысляхъ и сердцѣ, до Самаго Господа, владѣющаго всякою властію на небеси и на земли не по Божеству только Своему, но ради именно насъ и по Своему человѣчеству (Ме.). Сколько благодати Божіей привлекали бы себѣ эти счастливцы и въ самомъ простомъ дѣлѣ своего общежитія, и это, конечно, не безъ труда, но труда истинно *благаго и легкаго* для вѣрующихъ и преданныхъ Господу!..

— Но, добрый батюшка, проговорилъ я съ невольною тоскою, вѣдь, мы едва-ли еще не всѣ просто маленькіе ребята для такого дѣла, какъ вы говорите. Намъ это дѣло, которое вы развивали предо мною, недоступно по нашему духовному младенчеству. Вѣдь, въ наибольшей изъ насъ части, можетъ быть, едва-едва зачалась такая жизнь по благодати святыхъ таинствъ, да такъ и остановилась безъ дальнѣйшаго развитія. Притомъ взяться за дѣло, какъ вы говорите, пожалуй — не прочь бы многіе честные въ душѣ люди,—но только съ условіемъ, чтобы такихъ было покрайней мѣрѣ нѣсколько человѣкъ на одномъ мѣстѣ. А то если и заведется въ извѣстномъ кругу или мѣстѣ только одинъ, два изъ такихъ, что они подѣлаютъ противъ общаго направленія? Общій потокъ увлечетъ ихъ, особенно если и они-то сами похожи на малыхъ ребятъ для такого дѣла. Вотъ въ чемъ горе наше.

— Вполнѣ раздѣляю съ вами это общее наше горе, сказалъ о. Іоаннъ. Но что касается до нашего духовнаго младенчества будемъ укрѣплять себя вѣрою, что и Самъ Господь нашъ ради насъ былъ младенцемъ, носимымъ на рукахъ материнхъ, былъ въ пречистой Ея утробѣ и въ состояніи зачатія отъ Св. Духа: все это ради насъ. Пойдемъ или хоть по-младенчески пополземъ путемъ Христовымъ, возьмемся хоть за это направленіе и стремленіе къ Господу: Матерь Божія поддержитъ и воспитаетъ въ насъ Сама благодатный духъ Своего Сына, какъ я съ особеннымъ упованіемъ и вѣрою полагаюсь на такую Ея благодать. Я надѣюсь въ Господѣ, что этотъ Его духъ, духъ нисхожденія въ земныя среды и мірскія дѣла, возрастетъ и можетъ раскрыться въ насъ по степенямъ духовной жизни, степенямъ разнымъ—отъ дѣтства и до подвижнической зрѣлости въ своемъ родѣ. Пусть въ извѣстномъ кругу окажется и одинъ человѣкъ такого духа, онъ долженъ только твердо помнить, что все дѣло не во множествѣ, а въ Господѣ, Котораго Самаго онъ и долженъ, хоть подѣтски, держаться въ своемъ дѣлѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Господь найдетъ содружныхъ ему душъ и силенъ даже преобразовать, претворить Своимъ духомъ весь его кругъ или среду.

— Дай Господи! отозвался я съ своей стороны. Но я, по поводу вашихъ послѣднихъ словъ, буду высказывать вамъ свои новыя недоразумѣнія. Вѣдь, этотъ путь жизни во Христѣ, о которомъ вы говорите, поражаетъ какъ-то своею новостію, своею особностью отъ нашихъ, по крайней мѣрѣ, привычекъ въ дѣлѣ богоугожденія Я вполнѣ сознаю, что существо дѣла остается одно и тоже, непреложно истинное: это — служеніе Самому Господу и въ Немъ Самому Отцу небесному, какъ вы говорите,—служеніе, совершаемое помощію благодати Самаго Св. Духа, въ живомъ единеніи со Св. Православною Церковію. Но прежде, въ комъ загорится искра такого служенія, тотъ идетъ въ пустыню, въ монастырь, или будетъ ходить за всѣ службы Божіи въ церковь; а по вашему эта искра можетъ горѣть и разгараться въ пламень—и въ обыкновенныхъ земныхъ средахъ, и за торговымъ прилавкомъ, и за дѣломъ слуги, не

исключая даже и мѣстъ упокоенія; въ храмѣ Божіемъ, говорите вы,—и я противъ этого не могу спорить,—надобно наполняться духомъ или благодатію церковнаго священнослуженія—для всякаго дѣла и служенія. По вашему, и среди суеты торговой можно, въ существѣ дѣла, отлагать житейское попеченіе и обращать свое дѣло въ пѣснь животворящей Троицѣ, по образу безплотныхъ; такое дѣло достойно кого угодно и изъ священнослужащихъ, а между тѣмъ церковными правилами воспрещено клирикамъ заниматься торговлею. Я сознаю вполнѣ справедливымъ или вѣрнымъ Православію, въ основаніи и духѣ, духовное направленіе, о которомъ вы говорите. Но оно такъ не похоже на обычное доселѣ направленіе благочестія по своему не только внѣшнему выраженію, но и по этому свойству и движенію своему—заниматься и земнымъ по духовному.

— Прежде всего отдѣлимъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, то, чего я не могу принять на свой счетъ изъ вашего возраженія. Я ни мало не касаюсь и не колеблю того древняго образа благочестія, по которому искра божественной любви влечетъ кого-либо въ пустыню или въ монастырь, или и до монашества побуждаетъ его ходить по монашески за всѣ службы Божіи. Я признаю такихъ ревнителями жизни равноангельной, подражателями безплотнымъ, по своему стремленію какъ можно болѣе отрѣшаться отъ плотскихъ потребностей и постоянно славословить Бога. Я могу только пожелать имъ того, чтобы, соревнуя жизни ангельской, они усвоили себѣ и духъ той любви Божіей, которою движутся *вси служебніи духи,* всѣ Св. Ангелы на служеніе спасенію міра (Евр. I): пусть они будутъ первенцами Богу, святыми начатками, предстоящими Богу и за другихъ людей, привлекающими своею человѣколюбивою вѣрою и молитвою благословеніе Божіе на весь міръ, на дѣла и обстоятельства всѣхъ живущихъ въ мірѣ собратій своихъ; пусть они помнятъ, что Господь и труды этихъ послѣднихъ можетъ принимать за работу Ему Самому, и да содѣйствуютъ они этому съ своей стороны. Такъ точно я нисколько не касаюсь и не колеблю утвержденнаго правилами церковнаго порядка, по которому священнослужащіе должны отдаляться отъ занятія житейскими дѣлами, тор-

говыми и тому подобными. Напротивъ въ Христовомъ тѣлѣ Церкви каждый членъ пусть занимается только своимъ дѣломъ, оставляя другія дѣла другимъ своимъ сочленамъ, проходящимъ соотвѣтственныя тому отправленія. Иначе выйдетъ самый странный и вмѣстѣ разрушительный для всего тѣла безпорядокъ, внутреннее раздвоеніе дѣятельности каждаго члена и отсюда неестественное служеніе двумъ господамъ. Итакъ не навязывайте мнѣ того, чтобы я проповѣдывалъ вамъ такое духовное направленіе, которое неблагопріятно касалось-бы, въ какомъ-бы ни было отношеніи, древняго образа благочестія и церковнаго порядка.

— Да, да, сказалъ я. Надо это поставить на видъ намъ грѣшнымъ, а то мы любимъ дѣлать обо всемъ, мало мальски выходящемъ изъ рутиннаго уровня, всякіе кривые перетолки.

— Но въ согласіи съ церковными правилами и древнимъ образомъ благочестія, продолжалъ о. Іоаннъ, я дѣйствительно убѣжденъ въ самой настоятельной потребности для блага Церкви и спасенія міра, чтобы взяться вѣрѣ именно за самыя мірскія дѣла и житейскія нужды, за всѣ земныя среды для проведенія или раскрытія въ нихъ свѣта истины и благодати Христовой. Я разумѣю такое раскрытіе въ этихъ средахъ Христова свѣта, по которому никого и ничего изъ свѣтской или мірской области насильственно не слѣдуетъ гнуть подъ какую-бы ни было несущественную, а только что привычную форму благочестія, какъ нѣкогда въ первоначальномъ Христіанствѣ іудействующіе лжеучители захотѣли-было согнуть вѣрующихъ язычниковъ подъ форму своего іудейства, хотя она была опредѣлена и освящена самимъ Божіимъ закономъ; напротивъ въ каждой земной средѣ только проводились-бы начала и духъ Христовой истины и благодати, избирая такую для своего раскрытія форму, которая соотвѣтствовала-бы этой средѣ и развилась-бы въ ней свободно. Объясню вамъ мою мысль въ примѣрѣ. Возьмемъ во вниманіе, напримѣръ, эту добрую и святую форму благочестія, развитую въ нашей православной старинѣ, чтобы, входя въ домъ, искать своими глазами святаго образа и крестясь сдѣлать предъ нимъ нѣсколько поклоновъ. Дѣло очевидное, что, если мы стали-бы

настаивать на соблюденіи этого святаго обычая въ средѣ вотъ этого общества (о. Іоаннъ указалъ при этомъ на прогуливающееся по другую сторону прудовъ семейство и гостей помѣщика), то это значило бы, по моему, гнуть и ломать эту среду, которая впрочемъ все-же никогда свободно ужъ не подчинится упомянутой благочестивой формѣ. Или вы считаете возможнымъ, что свѣтская дама или ловкій молодой человѣкъ, входя въ бальную залу, станетъ дѣлать среди бала большіе кресты и поясные поклоны предъ иконою, которую, впрочемъ, и въ благочестивыхъ домахъ, едва сыщешь гдѣ нибудь въ уголку?

Я не могъ не улыбнуться при подобномъ представленіи и откровенно высказалъ, что если-бы это и было возможно и сдѣлано кѣмъ-нибудь, то это не только всѣми принято было-бы за глумленіе, но и само по себѣ скорѣе было-бы глумленіемъ, нежели искреннимъ благочестіемъ.

— Вотъ видите, началъ снова говорить священникъ, какъ неблагонадежно и неразумно было-бы насильственно гнуть людей той или другой среды подъ извѣстную, выработанную для другой среды, форму. А между тѣмъ, если дорожить не внѣшностію, а самою силою этого благочестиваго обычая при входѣ въ домъ полагать на себѣ знаменіе креста и молиться предъ Святыми иконами: то, вѣдь, какъ просто и свободно эта самая сила дѣла можетъ выражаться въ совершенно другой формѣ, принадлежащей именно средѣ этого общества! Развѣ не каждый человѣкъ созданъ по образу Божію и въ этомъ отношеніи есть досточтимая икона Самаго Бога? Развѣ животворящая сила Креста Господня состоитъ не въ той любви Господа, что Онъ, ставъ за насъ человѣкомъ, понесъ на Себѣ до крестной смерти и всѣ вины человѣческія? Итакъ, что же препятствуетъ вѣрующему свѣтскому человѣку—мужчинѣ или женщинѣ, входя въ свое свѣтское общество и раскланиваясь съ знакомыми или знакомясь съ незнакомыми, своею мыслію и сердцемъ вспомнить, что это все иконы Бога, и воздать предъ ними въ своемъ духѣ честь и поклоненіе Самому нашему Богу, недалекому отъ насъ, какъ уже говорилъ я, не только по вездѣприсутствію, но и по благодати Своего вочеловѣченія за каждаго грѣшнаго и погибающаго человѣка?

Вотъ простая, общедоступная и въ свѣтскомъ обществѣ, среди самаго бальнаго веселья, форма, въ которой можетъ воспроизводиться духъ и сила стариннаго благочестиваго обычая, очевидно— безъ всякаго насильственнаго прозелитизма, гнущаго все подъ привычную свою форму. Такъ точно желающій или *могій вмѣстити да вмѣститъ* и тотъ образъ глубокаго внутренняго пустынножительства или то духовное подвижничество вѣры, чтобы и вообще въ мірскихъ средахъ твердо и неопустительно сознавать и ощущать въ себѣ и въ людяхъ иконы Господа, служить или работать Ему Самому за всякою работою и занятіемъ, слушать или читать во всемъ видимомъ и слышимомъ положительныя или неопустительныя мысли и волю Самаго Господа, подъявшаго на Себя-же, какъ на саможертвеннаго агнца, всѣ грѣховныя нестроенія и бѣды міра... Святая Церковь для своего благосостоянія и грѣшный міръ для своего спасенія имѣютъ вопіющую нужду въ подобныхъ подвижникахъ и подвижницахъ вѣры и любви къ Господу.

Мнѣ хотѣлось бы поболѣе поговорить отъ этомъ съ о. Іоанномъ, и изъ опасенія, чтобы, въ прогулкѣ около прудовъ, случайная какая-либо встрѣча не прервала нашей живой бесѣды, я предложилъ о. Іоанну идти далѣе прудовъ, къ рощѣ. Онъ согласился, но съ условіемъ, чтобы тамъ недолго медлить и оттуда идти уже не около прудовъ, а самымъ селомъ. «А то, прибавилъ онъ, хотимъ разсуждать о нуждахъ, уединяться болѣе въ духѣ, сосредоточенномъ въ Господѣ, а сами и внѣшнимъ образомъ бѣжимъ отъ людей». Послѣднее выраженіе мнѣ сейчасъ напомнило прямое внушеніе свыше, данное Св. Арсенію великому: «бѣгай людей и спасешься». Я не замедлилъ высказать это о. Іоанну.

— Вы говорите, что есть вопіющая потребность въ такомъ подвижничествѣ, чтобы неотступно служить Господу и въ мірскихъ средахъ, обращая и самыя житейскія дѣла, или разныя времяпрепровожденія среди общества людскаго, въ богослужебную пѣснь Пресвятой Троицѣ. А вотъ Святымъ бывали небесныя откровенія, что для спасенія надо бѣгать людей.

— Значитъ, отвѣчалъ съ улыбкою о. Іоаннъ, надобно намъ

снова повторять, о чемъ мы только что говорили съ вами. Вѣдь мы сейчасъ только говорили, впрочемъ къ большему убѣжденію вашему готовъ я еще и еще повторить, что не касаюсь и не колеблю стремленія желающихъ—для спасенія бѣгать людей и по внѣшнему, т. е. удалиться въ пустыни или монастыри. Но стою только за то, что силу или сущность того же дѣла—убѣганія отъ людей для спасенія—можно раскрывать и въ другомъ видѣ, не удаляясь отъ общества съ людьми, что въ этомъ подвигѣ, разумѣется, желающихъ или могущихъ его вмѣстить, есть особенная потребность для нашего времени. Любовь Отца небеснаго, по благодати Его Сына, содѣлавшагося ради людей Сыномъ человѣческимъ, Сыномъ Матери Дѣвы, понесшемъ на Себѣ и грѣховныя вины людей, не оставляетъ еще людей, не отвращается еще совсѣмъ отъ міра. Будь же въ обществѣ людей, но держись только духа этой любви Божіей къ людямъ, изливающейся въ наши сердца Духомъ Святымъ (Рим. V), и ни въ чемъ — ни въ маломъ, ни въ большомъ, или ни въ важныхъ дѣлахъ, ни въ мелочахъ не будь причастенъ къ какому-бы ни было, несогласному съ духомъ любви Божіей, духу и настроенію человѣческому. *Бѣгай людей и спасешься!* Все разумѣй и употребляй не иначе, какъ дары и выраженія той-же любви Божіей; самыя проявленія зла мірскаго понимай, какъ невольно служащія осуществленію предначертаній той-же всеблагостной любви Божіей (потому что, если чего она не попуститъ, разумѣется по своимъ предначертаніямъ, того и быть не можетъ), но ни въ дѣлахъ, ни въ мысляхъ своихъ ни мало не раздѣляй противныхъ этому человѣческихъ воззрѣній и правилъ, развѣ только слѣди и въ этихъ послѣднихъ темные инстинкты, наклонные къ свѣту и благамъ той-же, содержащей въ себѣ все живое и прекрасное, любви Божіей, но только обольщенные или увлеченные призраками ея же благъ и свѣта. *Бѣгай людей и спасешься.* Будь при этомъ непоколебимъ и невозмутимъ ничѣмъ, что бы противъ тебя или въ обольщеніе твое люди ни дѣлали или ни провозглашали; будь непоколебимъ и невозмутимъ не по презрительному къ этимъ людямъ высокомѣрію, которому противопоставляй живое сознаніе превосходства

и малой въ нихъ искры или даже только мерцаній Божьяго, (что́ есть въ каждомъ человѣкѣ), превосходства надъ всѣмъ человѣческимъ, а слѣдовательно и надъ тобою; будь, говорю, невозмутимъ и не по холодному безчувствію, а по водруженію твоего духа въ духѣ любви Божіей, простертой во Христѣ и Его Крестѣ на людей безпрепятственно и невозмутимо со стороны всяческой ихъ влаемости и противленія, простертой на все человѣческое для очищенія его отъ всего лживаго и презрѣннаго. И твой корабль, во внутреннемъ уединеніи и тишинѣ твоего духа, среди самаго многолюдства, будетъ управляемъ Духомъ Божіимъ такъ-же, какъ это было съ Арсеніемъ Великимъ; по его образцу и молитвамъ, въ тебѣ будетъ раскрываться духъ и сила того самаго внушенія, какое ему дано отъ Бога: *бѣгай людей и спасешься*. Я говорю это *вообще;* но могутъ и должны быть безчисленныя и самыя разнообразныя, высокія и низкія *частныя* ступени этой великой лѣстницы къ возведенію земнаго и человѣческаго на благодатно-небесную высоту или къ нисхожденію и проведенію небесной благодати и истины во всѣ земныя среды. Могущій вмѣстить пусть идетъ на высшія ступени, а кто затруднился бы высотою, пусть утвердится на какой-нибудь изъ нижнихъ ступенекъ. Только всякій, кто вѣруетъ во Христа Спасителя міра и желаетъ для собственнаго же спасенія послужить въ свою мѣру спасенію и другихъ людей или той или другой среды людской,—живо сочувствуй духу милосердой любви Божіей къ гибнущему міру, духу снисхожденія Христова въ нашъ міръ для взысканія и спасенія заблуждающаго человѣка, духу восхожденія Его на небеса уже съ земнымъ человѣческимъ естествомъ.

II.

Тутъ мы были остановлены прибѣжавшимъ къ о. Іоанну однимъ крестьянскимъ парнемъ, который просилъ священника пріобщить Св. тайнъ умиравшую его мать: «къ празднику словно стало ей полегче, говорилъ онъ, а къ вечеру совсѣмъ умираетъ—больно ужъ плоха». Мы должны были воротиться. Но о. Іоаннъ, ускоряя шаги и, избравъ ближайшій путь къ дому

своему чрезъ самое село, а уже не мимо прудовъ, не оставлялъ, однакожъ, бесѣды со мною. Онъ дѣлалъ или высказывалъ мнѣ быстрыя, проницательныя замѣтки по поводу того, что̀ представлялось нашему наблюденію въ слышанномъ или видѣнномъ нами; съ удивительною находчивостію онъ обращалъ все къ выясненію главнаго предмета завязавшихся между нами рѣчей. Я старался только ловить летучія его замѣтки, не отводя своими словами мыслей его въ сторону отъ наглядныхъ наблюденій.

Выслушавъ и распросивъ, о чемъ нужно, крестьянскаго парня, о. Іоаннъ, уже при входѣ въ самое село замѣтилъ мнѣ, что «искали-было мы внѣшняго уединенія, чтобы не было помѣхи нашимъ разсужденіямъ, а вотъ *треба* (*) приходская зоветъ къ людямъ съ божественными дарами благодати: такъ-то потребности времени могутъ вызывать живую вѣрность къ Христовой истинѣ или благодати — вмѣсто пустынническаго уединенія—и въ среды мірскія, для проведенія всего человѣческаго къ спасительному и очистительному общенію съ Господомъ».

Услышавъ затѣмъ, какъ одинъ молодой крестьянинъ, въ небольшомъ разстояніи отъ насъ, оставляя своихъ товарищей, говорилъ имъ: *мое почтеніе, господа,* о. Іоаннъ сейчасъ-же мнѣ замѣтилъ: «Видите, какъ простонародье наше перенимаетъ формы жизни и рѣчи у болѣе образованныхъ классовъ. Изъ этого можете понять, что, заботясь проводить святую силу добрыхъ обычаевъ благочестивой старины въ соотвѣтственныя современнымъ средамъ формы, мы не только могли-бы удовлетворять нуждамъ болѣе образованнаго общества и направлять его къ лучшему, но и готовили-бы нужное для всего народа, неизбѣжно слѣдующаго за образованнымъ обществомъ. Такъ, напримѣръ, образованный человѣкъ, умѣя и въ простыхъ привѣтахъ и поклонахъ роднымъ или знакомымъ смотрѣть духомъ и относить честь къ образу въ нихъ Божію, чрезъ это самое уже настроивался-бы съ полнымъ уваженіемъ открывать высокій

(*) „Требами" называется требуемое такими или другими обстоятельствами исполненіе священническихъ обязанностей — напримѣръ крестить или молитвословить новорожденнаго, пріобщать Св. таинъ больнаго.

разумный смыслъ въ простолюдинѣ, который, при входѣ въ домъ, крестится и молится предъ Св. иконами. Равно и простолюдинъ, перенимая у образованнаго разныя формы жизни и рѣчи, оживленныя разумно-православнымъ духомъ, очевидно—не терялъ бы чрезъ это а болѣе и болѣе раскрывалъ-бы для себя святое добро, завѣщанное ему благочестивою старинною Такъ не разрывалась бы живая связь ни между новою и старою Россіей, ни между образованными и простонародьемъ, и весь народъ Русскій стройно пошелъ-бы впередъ».

Примѣтивъ, какъ двое подгулявшихъ крестьянъ, начавъ уже на словахъ вздорить между собою съ горячностію, такъ скоро увлекающею мужиковъ и до драки, вдругъ присмирѣли при видѣ своего священника, и съ поклонами ему заговорили: «*мы, батюшка, такъ ничего*»,—о. Іоаннъ началъ мнѣ говорить вотъ что: «Замѣтьте, что дѣлаетъ даже надъ охмѣлѣвшими одинъ видъ священника, о которомъ они знаютъ, что онъ беретъ близко къ сердцу ихъ положеніе и дѣла. Такъ-то, возлюбленный мой, и во всякомъ веселящемся обществѣ, если найдется и одинъ человѣкъ съ духовнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ къ Отобразившему Себя въ человѣкѣ и самые его грѣхи взявшему на Себя Господу,—свѣтъ привлекаемой чрезъ это благодати уже будетъ незамѣтно разгонять мракъ и мглу безпорядочныхъ и злыхъ помысловъ и дѣлъ. А то оставьте въ духовномъ небреженіи или безъ вниманія что-бы то ни было, оно естественно будетъ покрываться пылью и гнилью, обезображиваться понемногу всякою дрянью; и что мудренаго если наконецъ трудно бываетъ и открыть въ этомъ что-либо духовное? Поймите-же отсюда, какъ нужно во всякія земныя среды входить съ свѣтомъ Христовой истины и благодати. Мірское и житейское, трактуемое только, какъ грѣховное, и потому лишаемое всякаго благодатнаго освѣненія, заростаетъ неизбѣжно страшною дичью, въ которой и гибнетъ человѣкъ, за котораго Христосъ умеръ. Конечно, противъ явныхъ безпорядковъ есть полиція, есть мірская власть, не напрасно вооруженная мечемъ правды противъ беззаконныхъ построеній. Но возьмемъ въ заботливое вниманіе положеніе самыхъ служителей гражданской

правды и порядка, каково имъ быть и дѣйствовать безъ духовной поддержки въ средѣ безобразія и безпорядковъ: вѣдь поневолѣ ожестѣешь духомъ. Не отъ этого-ли столько упадаютъ духовно многіе изъ нашихъ полицейскихъ или изъ приказныхъ? Надо, значитъ, и въ ихъ среду входить съ свѣтомъ Христовой благодати и истины. Какъ входить? Да хоть прежде всего не иначе, какъ одною живою вѣрою, что и по полицейской или приказнической части правда и власть принадлежитъ Самому Господу нашему, Христу Богочеловѣку, Который и будетъ дѣйствовать Своею благодатію въ людяхъ и этой средѣ. Не странно ли вамъ, что я коснулся многаго по поводу двухъ охмѣлѣвшихъ и взгорившихъ между собою своихъ прихожанъ? Но вѣдь, только въ разныхъ формахъ, безпорядки вездѣ одинаковы въ своей сущности».

Проходя мимо хоровода и толпящагося около него народа, среди котораго шелъ о. Іоаннъ, какъ добрый отецъ среди своего, любящаго его, семейства, онъ обратилъ мое вниманіе особенно на выраженіе какого-то благородства въ крестьянскихъ дѣвицахъ и женщинахъ. «Примѣтьте, говорилъ онъ мнѣ, что, если вы среди многолюдства не опустите изъ вида образа Божія въ человѣкѣ и съ вѣрою будете направлять свои мысли къ Той, Которая матерински поддерживаетъ и бережетъ въ насъ духъ Своего Сына и Бога и образомъ Которой поставлена въ Словѣ Божіемъ и падшая женщина, то это всего скорѣе благодатно воздѣйствуетъ на женщину. Мужчинѣ надо дойти до *мысли* духовной, а это не вдругъ можетъ совершиться, женщина-же становится въ должное состояніе даже и чрезъ одно безсознательное *ощущеніе* осѣняющей благодати. Но только-бы Божія благодать нашла на комъ остановиться: она ужъ приведетъ понемногу и къ разумному сознанію своего свѣта. Будетъ время, когда меня будетъ радовать и благородный отсвѣтъ разума въ мужчинахъ прихожанахъ».

Подходя къ домамъ священно-служительскимъ, мы услышали въ причетническомъ домѣ шумъ и крикъ, очень безпорядочный и даже буйный. Слышались такіе клики человѣка уже немолодаго: «Я знать никого не хочу; а что мнѣ отецъ Іоаннъ; вашъ

отецъ Іоаннъ такой-же Иванъ, какъ и мы грѣшные,» и проч. и проч. Къ намъ выбѣжалъ изъ этого домика сконфуженный молодой причетникъ. Онъ извинялся предъ о. Іоанномъ съ какою-то стыдливостію: «Не знаю самъ, что сдѣлалось съ батюшкой-тестемъ; спачала, бывши ужъ на-веселѣ, сталъ просить вина, я не отказывалъ, а потомъ вотъ услыхалъ отъ насъ, что вы, батюшка, идете, вдругъ началъ кричать безобразно. Простите насъ.» О. Іоаннъ успокоивалъ растерявшагося причетника: «я знаю твоего батюшку-тестя, говорилъ онъ, отца-дьякона Іоанна, моего тезку, хорошо его знаю. Онъ старикъ добрый, а если случайно ослабѣлъ, то тебѣ ужъ нечего напоминать—самъ знаешь, что вѣдь и Ной праведный однажды подвергся искушенію отъ той-же слабости, и Хамъ, наругавшійся надъ слабостью отца, подвергъ свое потомство проклятію, а Симъ и Іафетъ за покрытіе наготы отца, на которую и сами остереглись взглянуть, пріобрѣли благословеніе. Ты и жена твоя теперь побереги́те и всячески успокойте своего старичка, онъ проспится, и все пройдетъ, а ты съ женою будешь благословенъ. А между тѣмъ сбѣгай ко мнѣ въ домъ, возьми у попадьи и принеси ключи отъ церкви; надо сходить въ церковь за Св. дарами». Причетникъ, кажется пономарь, побѣжалъ за церковными ключами. «Да! продолжалъ священникъ обратясь во мнѣ, когда мы пошли къ церкви, молодое поколѣніе, если хочетъ залучить для себя что-либо прочно жизненное или истинно Христово, должно не только щадить, но и уважать старость даже въ минуты ея слабости, хотя и никакъ не поддерживать этой слабости. Тесть моего пономаря—человѣкъ дѣйствительно добрый, трудолюбивый и благоразумный. Но вотъ, такъ какъ у него трудолюбіе и благоразуміе, а тѣмъ болѣе праздничное времяпрепровожденіе не освѣщено лучшимъ смысломъ, именно свѣтомъ Христовымъ, сознательно проводимымъ и въ эти среды, то старичекъ, внѣ своихъ работъ и заботъ, и не умѣетъ иногда наполнять свое время чѣмъ нибудь болѣе живымъ и свѣтлымъ, кромѣ излишества въ употребленіи вина, веселящаго сердце человѣка. А вѣдь онъ—дьяконъ, и притомъ не изъ худшихъ, а скорѣе изъ лучшихъ у насъ! Отсюда и поймите крайнюю нужду для самаго

благочестія и служенія Церкви это направленіе, чтобы Христово, благодатное проводить въ обычныя явленія и принадлежности жизни нашей: иначе будетъ усыпляться и погружаться въ бездѣйствіе самая благодать въ насъ, не исключая и тѣхъ, которые удостоены благодати священства. Отъ чего иного духовность и вообще Христіанство во многихъ изъ насъ находится какъ будто въ обморокѣ?! Все живое требуетъ для себя и живаго исхода или употребленія, а иначе оно замретъ. Живой исходъ благодатнаго можетъ быть не иной, какъ движеніе и употребленіе этого благодатнаго—по духу снисхожденія Господа до нашего человѣчества, до нашей плоти, до условій физической и общественной нашей жизни, до нашей даже смерти, по духу Его воскресенія, сіяющаго жизнію всему міру до ада, по духу Его вознесенія и сѣдѣнія въ самомъ принятомъ за грѣшныхъ человѣчествѣ Своемъ одесную Отца, *да исполнитъ всяческая* Своею благодатію. Есть и фальшивый исходъ христіанской духовности, это равноіудейская ревность не по разуму, обольщающая себя тою энергіею, съ которою она бьетъ человѣка, *мняся службу приносити Богу* (Іоан. XVI.), и тѣмъ успѣхомъ, съ какимъ она встрѣчаетъ сочувствіе своему легкому выраженію наружнаго православія отъ чертоговъ до хижинъ. Это похоже на жаръ того опьяненія, какому случайно подвергся вотъ его старичекъ», сказалъ это о. Іоаннъ, указывая на попомаря, приплесшаго ключи отъ церкви, на крыльцо которой мы уже входили.

Взявъ въ церкви Божіей Святые дары, о. Іоаннъ самъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ въ деревню, куда звала его «треба». Эта деревня была въ разстояніи отъ села меньше четверти версты, такъ что усадьбы села и деревни сходились. Я съ радостію согласился сопутствовать досточтимому священнику, примѣтивъ, что и онъ самъ не менѣе, если еще не болѣе, меня заинтересованъ предметомъ нашего собесѣдованія; ему хотѣлось говорить со мною, а мнѣ его слушать или распрашивать. Я же уже рѣшился воспользоваться гостепріимствомъ о. Іоанна—почевать въ его домѣ. Мы пошли вмѣстѣ.

— Вотъ видите-ли, опять заговорилъ о. Іоаннъ, къ человѣку престарѣлому или больному не пойдешь съ благодатію Св. кре-

щенія или муропомазанія, также какъ и новорожденному не полеснь запасные Дары животворящаго тѣла и крови Христовой. Изъ сокровищъ одной и той-же Божественной благодати, неизмѣнной въ своемъ существѣ, каждому потребно *свое*. Такъ и время на время не приходитъ; каждое время имѣетъ свои духовныя особенности и нужды, согласно съ которыми и надо предлагать и раскрывать для вѣры Христову истину и благодать. Въ самые первые вѣка Христіанства, противъ котораго враждовало, что называется, *на смерть* греко-римское язычество, безъ сомнѣнія требовалось для вѣры, въ раскрытіи и усвоеніи Христова свѣта, съ мученическою твердостью отражать всѣ темныя вліянія язычества, державшагося и въ гражданскихъ формахъ и въ обычаяхъ вѣковыхъ, въ увеселеніяхъ общественныхъ, въ искусствахъ и житейскихъ благахъ, подчиненныхъ своимъ божествамъ. Но и въ это время бывали примѣры доблестной вѣры, несомнѣвавшейся входить въ самыя низменныя языческія среды, каковы напр. кровавыя языческія зрѣлища, и здѣсь поражать язычество сообразнымъ имъ оружіемъ. Такъ Св. великомученикъ Солунскій Димитрій, бывши ужъ въ темницѣ, благословилъ Святаго-же мученика Нестора принять вызовъ величавшагося надъ христіанами гладіатора Лія, съ которымъ Несторъ и вступилъ въ кровавое зрѣлищное единоборство, окончившееся смертельнымъ пораженіемъ хвастливаго язычника; и Св. Церковь, въ своихъ пѣснопѣніяхъ, ставитъ это въ духовную честь обоимъ добропобѣднымъ мученикамъ (*). Этотъ примѣръ очень важенъ для нѣкоторыхъ нынѣшнихъ ревнителей, соблазняющихся или раздражаемыхъ направленіемъ вѣры входить въ разныя мірскія среды для пораженія здѣсь зла свойственными этимъ средамъ дѣйствіями. Въ послѣдующее за періодомъ гоненій время, когда раскрываема и опредѣляема была истина Христова въ своемъ внутреннемъ существѣ, свойственно было духу и жизненности этой истины усвоиваться вѣрою тоже въ своей внутренней, безотносительной духовности, которая и была печатію высо-

(*) См. Тропарь великомуч. Димитрію 26-го октября и Св. Нестору 27-го того же мѣсяца.

каго подвижничества, стремящагося именно къ отрѣшенной отъ всего міра духовности. Это было тѣмъ болѣе, что міръ и съ пораженіемъ язычества, всюду еще давалъ въ себѣ видѣть языческое растлѣніе, а живая вѣра, съ прекращеніемъ гоненій, пламенно соревновала недавнему мученичеству, замѣняя внѣшнія страданія тяжелыми подвигами аскетизма. Но и въ это время, въ самомъ подвижничествѣ явилось и такое направленіе, по которому иногда и изъ пустыни подвижникъ шелъ въ міръ посмѣваться надъ міркимъ растлѣніемъ съ Христоподражательною любовію къ людямъ—разумѣю юродство Христа ради, о которомъ мы уже говорили съ вами. А то бывали и такіе примѣры, что посѣдѣлый въ строжайшемъ аскетизмѣ пустынникъ не соминѣвался, для взысканія обольщенной и гибнущей души, надѣть воинскую одежду и даже идти вотъ въ какую міркую среду—въ домъ распутства, и здѣсь принять видъ развратнаго старика, ѣсть и пить съ блудницею: говорю о преподобномъ Авраміи, который такъ именно поступилъ для спасенія своей племянницы Маріи, и котораго преподобный Ефремъ Сиринянинъ, этотъ великій учитель покаянія, не знаетъ какъ достойно восхвалить за такой поступокъ (о которомъ онъ въ своихъ писаніяхъ и повѣствуетъ). Это произошло въ церкви Божіей какъ-бы нарочно въ оправданіе Святыми Отцами древности направленія—входить съ Христовымъ свѣтомъ въ міркія среды безъ смущенія и возбраненія духовнымъ ихъ мракомъ, направленія, вызываемаго особенностями и нуждами особенно нашего времени. Видь какое наше время? Если посмотрите на самую духовность или благочестіе нашего времени, то и въ тѣхъ случаяхъ, когда не допускается ими лицемѣріе или неискренность, вы найдете, что духовность (разумѣю не званіе или священно-служительство, а нравственный путь по благочестію, которымъ идутъ и внѣ священнаго или иноческаго званія), эта духовность или чужда живой энергіи и какъ будто чахнетъ, или буде воспламѣняетъ себя ревностію не по разуму, чуждою и даже отвращающеюся духа человѣколюбія Христова, взыскующаго именно погибающихъ и заблуждающихъ. Для оживленія духовности, для сведенія ея съ кочковатаго пути чорствaго ригоризма на дорогу могущест-

вѣнной и человѣколюбивой энергіи, требуется, чтобы эта духовность, разумѣется по мѣрѣ вмѣщенія и усердія вѣры, была готова идти за Мученикомъ Несторомъ, или Препод. Авраміемъ въ какую угодно мірскую среду для пораженія здѣсь зла и лжи, для спасенія запутавшихся здѣсь, или вообще труждающихся и обремененныхъ душъ. Если же посмотрите на самыя эти мірскія среды, то увидите, что въ нихъ дѣло и мысли и жизни, при всей кипучей иногда свой энергичности, идетъ большею частію такъ, какъ будто люди, и притомъ христіане, въ наши времена мечтаютъ и хотятъ все устроить и придумать сами собою, безъ Христа. Духовное здѣсь зло, подъ разными личинами и прикрасами, свободно остается и растетъ, грѣхъ и ложь обыкновенно даже и не запираютъ себя; и только чрезвычайная милость и благодать Агнца Божія, съ Его безконечнымъ самопожертвованіемъ, совершаютъ то, что свѣтъ Христовъ еще свѣтится и во тьмѣ человѣческой и тьмою не объемлется. Вопіющую нужду вносить или проводить Христову истину и благодать въ эти среды, гдѣ такъ запутался и многообразно бѣдствуетъ и всячески обольщаемъ бываетъ человѣкъ, не сознаетъ и не почувствуетъ развѣ только тотъ, кому не жалко не только міра и человѣка, но и пролитой за міръ и человѣка крови Господней. Онъ Самъ, Господь нашъ, не побрезгалъ средою нашего грѣшнаго міра—пришелъ къ намъ, и донынѣ вотъ не брезгаетъ идти, въ тайнахъ Своего тѣла и крови, въ какую-бы ни было мірскую трущобу, куда призываетъ Его недугующій человѣкъ; а у насъ ревнители осмѣливаются съ глумленіемъ отзываться о проведеніи въ среды мірскія Христовой благодати и истины...

О. Іоаннъ разговорился о любимомъ своемъ предметѣ, болѣе и болѣе углубляясь въ этотъ предметъ. Онъ обратилъ далѣе вниманіе свое и мое на нашъ русскій *расколъ*, именно на то, какъ иные раскольники вооружаются противъ паспортовъ, рекрутства, ревизій и другихъ распоряженій свѣтской власти, слѣдующихъ направленію великаго преобразователя Россіи, Петра. «Мечтаютъ у насъ, говорилъ о. Іоаннъ, вразумить этихъ заблуждающихъ набожною внѣшнею степенностію православныхъ, осо-

бенно духовенства. Но не прямой ли способъ убѣдить раскольника въ православіи составило бы живое проведеніе благодатныхъ началъ и въ распоряженія мірскія, въ дѣло рекрутства, ревизій, паспортовъ и тому подобное? Если-бы во всемъ подобномъ раскольники ощутили живой духъ Христовъ, о чемъ они и вздыхаютъ, только не совсѣмъ по разуму, то какъ стали-бы относить все это къ области антихристовой?»

Потомъ о. Іоаннъ сталъ говорить о патріотизмѣ, о славянофильствѣ. «Ревнуя о благѣ своей родины, о славѣ своего отечества, съ какой энергіей мы должны бы возвышать все родное и народное до благодати и истины Единороднаго и Всеблагостнаго Его Отца! Призваніе православнаго славянства— стоять не за свое собственное превозношеніе, а за ту славу небеснаго Отца, что Онъ есть Отецъ всякаго рода и народа,— только-бы принимали Сына Его, ставшаго человѣкомъ для всѣхъ людей, и слѣдовали человѣколюбивому Его Духу.» Среди такихъ рѣчей, мы незамѣтно дошли до близкой деревни, и въ ней до дома, гдѣ была больная. О. Іоаннъ предложилъ мнѣ пройтись всею деревнею, пока онъ напутствуетъ болящую исповѣдію и Св. тайнами; потому что, во время исповѣди, мнѣ со всѣми семейными и сторонними, кто случился-бы у больной, все бы слѣдовало быть внѣ дома, въ которомъ у крестьянъ, какъ извѣстно, нѣтъ отдѣленныхъ одна отъ другой комнатъ.—Я тихо шелъ по деревнѣ, раздумывая слышанное мною отъ о. Іоанна. Въ деревнѣ не видно было почти никого, кромѣ дѣтей и старыхъ людей; видно, прочіе на первый день праздника были въ селѣ, откуда, уже въ слѣдующіе дни, пойдутъ праздновать всемъ приходомъ по деревнямъ. На улицѣ дѣти шумѣли съ своею бѣготнею и играми. Старушки и старики на нихъ весело посматривали и по временамъ покрикивали. Солнце заходило. Сама собою осѣняла душу мысль о *Свѣтѣ тихомъ Святыя славы Отца небеснаго,* сіяющемъ Своею милостію и благодатію—всѣмъ—и старымъ и малымъ.

Обойдя и осмотрѣвъ всю деревню, я вошелъ въ домъ, гдѣ былъ о. Іоаннъ для причащенія больной Св. тайнъ. Все уже было исполнено священникомъ; больная въ особенно опрятномъ

видѣ лежала и, болѣзненно охая, говорила что-то съ о. Іоанномъ. Вотъ какая рѣчь ея дошла и до моихъ ушей: «Все грѣхи, батюшка, не што вотъ сходишь, бывало, помолишься къ Троицѣ-Сергію: а то все грѣхи—работа да забота во всю, почитай, жизнь». Пастырь успокоивалъ больную тѣмъ, что Господь загладилъ Своею смертію наши грѣхи и что она такую Его благодать своею вѣрою себѣ усвоила въ Святыхъ таинствахъ покаянія и причащенія тѣла и крови Господней. «Вѣдь наша правда, продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ находящимся въ домѣ,— есть Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; а потому и грѣхъ есть, по своей силѣ, не что иное, какъ наше нехотѣніе принимать Самаго Господа въ храмину нашего сердца и духа. Поэтому, не только когда идете вы на богомолье къ Святымъ мощамъ Божіихъ угодниковъ или къ Святымъ чудотворнымъ иконамъ, но и когда работаете за пашней, за покосомъ, за дровами, за домашними дѣлами—даже напримѣръ за приготовленіемъ пищи или уходомъ за скотомъ: дѣлайте все это въ такомъ расположеніи духа, съ такими мыслями и чувствами, какъ будто и въ этомъ самомъ дѣлѣ (какъ и во всякомъ добромъ дѣлѣ) удостоиваетесь принимать къ себѣ въ душу Самаго Господа—единственную правду нашу, силу всякаго истинно добраго дѣла. И тогда ваши работы и заботы не будутъ грѣхами; душа будетъ слышать въ себѣ свидѣтельство самой благодати, что Господь, правда наша, пріобрѣтается и усвоивается вами и за вашими работами и заботами домашними. Вотъ есть у насъ великое таинство, въ которомъ мы принимаемъ въ себя Господа въ самомъ Его тѣлѣ и крови: великая благодать этого-то Святаго таинства, принимаемаго вами по большей части только однажды въ годъ, будетъ безсмертнымъ сѣменемъ или неизсякаемымъ источникомъ своей животворящей и освящающей силы и на всякое прочее время вашей жизни, на всякое ваше дѣло, въ самомъ исполненіи котораго вы духовно и сердечно будете воспринимать къ себѣ Того-же Самаго Господа въ духѣ Его благодати... Не пренебрегите такою неизреченною благодатію и милостію къ намъ Господа нашего! Одинъ и тотъ-же трудъ и работа ваша могутъ быть и такими, что не будутъ отличаться

отъ труда и работы татаръ и другихъ невѣрныхъ (но тогда какую-же благодать предъ ними будете имѣть вы, православные христіане?); а могутъ быть тѣ же труды и работы простыя и такими, въ которыхъ вы въ своихъ расположеніяхъ и мысляхъ, въ своемъ сердцѣ и духѣ принимаете, пріобрѣтаете и усвояете себѣ Господа славы. Сами Ангелы не знаютъ высшей для себя работы и чести, какъ духовно насыщаться чрезъ внутреннѣйшее присвоеніе себѣ Господа. Но знайте, что само собою, безъ вашего желанія и вѣры, ничего не можетъ быть у васъ въ жизни. Подумайте, что вѣдь недаромъ эта добрая старица—мать ваша не нашла въ своемъ сердцѣ другаго свидѣтельства о своихъ работахъ и заботахъ, обременявшихъ ее всю почти жизнь, кромѣ того, что въ нихъ все грѣхи, да грѣхи; а надо-бы намъ, православнымъ, такъ вести и дѣлать свои дѣла, чтобы, и всегда и особенно при концѣ жизни, отъ всей души благодарить Создателя и Спасителя нашего, удостоившаго насъ благодати *пріобрѣтать* (Филип. III) или воспринимать и усвоять Его Самаго—правду и святость нашу и за земными работами и заботами»... Всѣ слушали съ живымъ вниманіемъ и умиленіемъ. Больная старушка плакала, ощущая по крайней мѣрѣ только сердечнымъ чутьемъ сладость и свѣтъ внушаемой о. Іоанномъ истины Христовой. Когда, прощаясь съ нею, добрый въ Господѣ пастырь благословлялъ ее какъ близкую свою родную, какъ мать свою (такъ мнѣ казалось по его слезамъ и сыновней нѣжности, съ какою онъ смотрѣлъ на нее), то больная проговорила ему: «Сотвори и съ тобою Отецъ небесный Свою великую милость, за твои милости къ намъ грѣшнымъ и темнымъ». Я радовался, что мнѣ Богъ далъ быть свидѣтелемъ подобнаго благодатнаго прощанья—на вѣчную жизнь.

Когда мы шли обратно въ село, я предложилъ о. Іоанну, по крайней мѣрѣ теперь пройтись нѣсколько по полю, пока совершенно не смеркнется. Онъ согласился, потому что рѣчь наша, говорилъ онъ, все еще не кончилась. О. Іоаннъ развивалъ предо мною теперь тѣ мысли, какъ вредно и жалко обычное у насъ у всѣхъ—духовное раздвоеніе между дѣлами благочестія и дѣлами жизни или между служеніемъ Богу и работною

жизнію,—разумѣя подъ послѣднею не только заботы и работы частной жизни, о которыхъ говорила добрая старушка, но и жизнь общественную, научную, политическую и проч. «Въ этомъ самомъ раздвоеніи, говорилъ онъ, и совершается то служеніе двумъ господамъ, противъ котораго говоритъ Спаситель въ Евангеліи (Мѳ. VI, 24): *никтоже можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, а другымъ-же нерадити начнетъ. Не можете Богу работати и мамонѣ* (богу богатства или вообще всякому внѣ истиннаго Бога началу житейскихъ дѣлъ). Это—во всякомъ родѣ жизни. Вотъ мнѣ разсказывала одна свѣтская дѣвица, какъ она мучила себя и терзала, убивала свою духовную жизнь въ своемъ нравственномъ раздвоеніи: то примется за книги духовныя, будетъ ходить какъ можно чаще въ церковь, усердно молиться, всего опасаться какъ нечистаго, соблазнительнаго; то, увлекшись какою-либо свѣтскою книгою, броситъ все духовное, схватится за романы, за свѣтскія развлеченія, и все это съ такимъ расположеніемъ и мыслями, что ужъ все равно погибать. Эта барышня была не только неиспорченная, но и неспособная обманывать и усыплять свою совѣсть фальшивымъ миромъ между тѣмъ, что она считала добромъ, и тѣмъ, что признавала худомъ. Несмотря на это, въ своемъ мучительномъ для ея совѣсти раздвоеніи то на свѣтскую жизнь, то на благочестіе, она естественно доходила до такой ужасной мысли во глубинѣ своей души, что хорошо было бы жить на свѣтѣ, еслибы не отравляла всего въ жизни мысль о будущей жизни, еслибы не было Бога. Это она мнѣ сама высказала съ откровенностію, когда вполнѣ стала довѣрять мнѣ. И мнѣ думается, не отъ этого-ли несчастнаго, нелогическаго раздвоенія между обычною жизнію и благочестіемъ произошла эта склонность особенно свѣтской молодежи къ отрицанію, къ невѣрію...

— Но, скажите ради Бога, спросилъ я священника, чѣмъ же все кончилось у этой дѣвушки?

— Я тогда еще не былъ священникомъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ. Но, благодаря моему незабвенному дядѣ, я имѣлъ уже то направленіе, которое вы во мнѣ знаете. Я такъ-же довѣрчиво,

какъ она открыла мнѣ свое состояніе, разсказалъ ей о себѣ, какъ я научился отъ дяди читать романы, бывать въ свѣтскихъ обществахъ, даже въ театрахъ, въ прогулкахъ среди веселаго многолюдства. Вездѣ вѣдь тутъ—въ театрѣ и въ романѣ, въ обществѣ и прогулкѣ—является предъ вами человѣкъ, ради котораго содѣлался Сыномъ человѣческимъ Сынъ Божій; все лучшее въ этомъ человѣкѣ, что вы ни видите, идетъ отъ полноты благодати Богочеловѣка; все худшее, что ни представилось-бы вамъ въ человѣкѣ, отяготѣло на Богочеловѣкѣ. Нѣтъ человѣка, да и не возможенъ человѣкъ внѣ силы и дѣйствія этой Христовой тайны, раскрывающей въ себѣ всю безпредѣльную любовь къ человѣку Отца небеснаго; отъ насъ самихъ зависитъ принимать или не принимать участіе въ такой любви Божіей во Христѣ, хоть-бы и въ обществѣ или въ театрѣ или за свѣтской книгой. На человѣка, гдѣ-бы онъ ни представлялся вамъ,—дѣйствительный или только возможный,—не смотрите внѣ Того, Кто сталъ за него человѣкомъ; въ лучшемъ у него усматривайте отсвѣтъ благодати, въ худшемъ—тяготу креста Христова.

— И чтожъ, спросилъ я, эта барышня?

— Она имѣетъ твердый характеръ и неспособна, какъ я сказалъ уже вамъ, лгать предъ своей совѣстью. Твердо и безъ двоедушія пошла она по принятому благодатному воззрѣнію; раздвоеніе и противорѣчіе между благочестіемъ и жизнію исчезло, и она ощутила себя у Всеблагостнаго Отца, при Которомъ жить прекрасно и съ Которымъ некого и нечего по рабски бояться ни въ этой, ни въ будущей жизни. Вотъ ужъ какою она сдѣлалась! Вышла замужъ—за любимаго человѣка; чувствуетъ живую связь со всѣми, какъ съ сестрами и братьями по Самому небесному Отцу. Она и донынѣ въ дружеской, духовно родственной со мною перепискѣ.

— Случай замѣчательный, отозвался я, но частный, исключительный. Наибольшею частію у насъ, кажется, безъ труда ужились и ладятъ съ требованіями жизни и благочестія: слѣдуютъ въ жизни всякимъ ея требованіямъ и приличіямъ, самымъ даже мелочнымъ и двусмысленнымъ, но немножко держатся и

благочестія, если еще сохраняютъ вѣру,—и бываютъ вполнѣ довольны собою.

— Я, напротивъ, думаю, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что въ разсказанномъ мною случаѣ только рѣзче и прямѣе выразилось то, что бываетъ и вообще съ нашимъ большинствомъ. Ладятъ, ладятъ и съ житейскими требованіями и съ благочестіемъ, едва не забывая послѣдняго и слѣдуя обыкновенно первымъ; но случится несчастная перемѣна обстоятельствъ, тяжкая болѣзнь, лишеніе близкаго и дорогаго человѣка—единственнаго, напримѣръ, сына, жены, мужа, и—тѣ же люди уже относятся къ житейскому, какъ къ грѣшному, и берутся болѣе уже за благочестіе, хотя непрочное и односторонее. А то-ли-бы дѣло, еслибы и самое житейское такъ понимать и устроивать, чтобы въ благахъ и удобствахъ его видѣть и искать выраженія и даровъ любви единаго нашего Отца небеснаго, дающаго намъ ради Своего Сына *вся обильно во наслажденіе* и удовлетвореніе наше, и такимъ образомъ *искать* существенно и *прежде* всего *царствія Божія и правды Его* (Мат. VI, 33)? Тогда не было-бы у насъ этихъ неестественныхъ переходовъ изъ одной крайности въ другую; всякія нечаянныя обстоятельства, самыя даже тяжелыя, насъ заставали-бы не врасплохъ, а наготовѣ, и мы безъ всякихъ уклоненій и скачковъ въ сторону, путемъ нашей жизни во всякихъ ея средахъ, шли бы къ своему назначенію, воспринимая съ благодарностію Божію благодать во всемъ. Отчего у насъ, Русскихъ, со временъ Петра донынѣ, не успѣло образоваться своеобразное господствующее возрѣніе и направленіе, въ которомъ сходились-бы простой народъ и образованные, свѣтскіе и духовные? Именно отъ этого раздвоенія у насъ между требованіями Вѣры, глубоко внѣдренными въ русскомъ духѣ, и требованіями жизни, столь разносторонней и широкой особенно со времени Петра. Стремленіе къ отчетливому разумѣнію истины, положимъ напримѣръ, увлечетъ того или другаго изъ насъ къ свободному изслѣдованію истины; и вотъ этотъ изслѣдователь ужъ знать не хочетъ, что истина, требующая отчетливости и безпристрастія отъ своего любителя, и есть Самъ Христосъ Нѣтъ; путь свободнаго изслѣдованія

онъ трактуетъ уже за путь не по Христу и идетъ этимъ путемъ противъ православія и развитыхъ въ его духѣ порядковъ. Сама однако жизнь, случается, припугнетъ такого свободнаго изслѣдователя, и онъ или уже отказывается отъ свободнаго изслѣдованія, какъ отъ лжи и грѣха, или начнетъ фанатически упорствовать на лживомъ, очевидно, пути намѣреннаго пренебреженія и противленія въ отношеніи къ истинѣ Христовой. Какому тутъ разумному воззрѣнію образоваться?! Такъ и въ политической нашей жизни ищемъ славы, силы, благоустройства нашего отечества, расширенія и огражденія его предѣловъ,—все это прекрасно и достославно; но большею частію бываетъ такъ, что только событія, въ родѣ пожара московскаго въ 1812 г., освѣщаютъ и для насъ Русскихъ политическій горизонтъ свѣтомъ прямо Христовымъ. Но почему-бы намъ интереса и могущества отечественной державы не понимать и не устроивать или отстаивать всегда прямо и сознательно, какъ дары и проявленія надъ нами и въ насъ любви Отца небеснаго во Христѣ, нами познанной и усвояемой чрезъ вѣру православную? Почему-бы намъ не стоять за достоинство нашего отечества предъ другими народами прямо и сознательно въ томъ смыслѣ и духѣ, въ какомъ напримѣръ одинъ подвижникъ не хотѣлъ, при всемъ смиреніи своемъ, допускать униженія предъ другими, какъ и самъ почтенный образомъ Божіимъ, или благодатною сообразностію и сообщностію съ великимъ и существеннымъ сіяніемъ славы Божіей—Господомъ? Почему намъ самой осторожности и тонкихъ хитростей политики не вести и не выдерживать, принимая за первообразъ и основаніе всего подобнаго то «*Богомудростное лъщеніе*» (*), съ какимъ Царь благодати Своимъ крестомъ незамѣтно „*уловилъ начаталозлобнаго змія*“—мятежнаго князя міра сего? Россіи, какъ державѣ православной, можно и слѣдуетъ имѣть въ открытомъ и прямомъ виду свое назначеніе или призваніе сознательно и свободно служить Божіей во Христѣ любви, простертой на всѣ народы, на весь міръ.

(*) Слова изъ третьей молитвы *послѣдованія колѣнопреклоненныхъ молитвъ* въ день *пятьдесятницы*.

чтобы на этомъ именно основаніи не давать въ международныхъ отношеніяхъ однимъ преобладать надъ другими, и во всемъ проницательно наблюдать, къ чему современное человѣчество и само по себѣ наиболѣе наклонно и ведется любовію Отца небеснаго. Тогда было бы разумное единство и вмѣстѣ своеобразіе въ нашей политической жизни, хотя мы ничѣмъ эксцентрическимъ не выступали бы изъ семьи цивилизованныхъ народовъ.

— Я съ вами согласенъ, замѣтилъ я. Но, во-первыхъ, былъ же чѣмъ-то въ родѣ того, что вы говорите, «священный союзъ», въ устроеніи котораго подвизался Александръ Благословенный. Но послѣдствія показали, что нашею христіанскою честностію въ отношеніи къ обязанностямъ «священнаго союза» другіе злоупотребляли, воспользовавшись ею только для своекорыстія и выдавъ насъ тотчасъ же, какъ мы истинно нуждались въ содѣйствіи нашихъ союзниковъ по священному союзу? А потому, во-вторыхъ, какъ-то само собою приходитъ на мысль слово, кажется, Пальмерстона, сказанное имъ предъ начатіемъ послѣдней восточной войны по поводу жаркихъ протестацій противъ войны, какія дѣлали англійскіе методисты во имя Христіанства: онъ выразился объ этой сильной партіи въ Англіи, что эти люди слишкомъ святы для грѣшныхъ дѣлъ политики. Мнѣ кажется то же или подобное можно сказать и вообще о Христіанствѣ, которое убѣждаетъ васъ обидчику, нанесшему вамъ, хоть-бы публично, пощечину въ одну щеку, подставить и другую щеку для другой пощечины, отнимающему нижнюю одежду отдать вмѣстѣ съ нею и верхнюю; этого никогда не согласите вы съ дѣломъ политики. Потому и нашъ, блаженной памяти, истинно благочестивый Государь Николай, когда предъ него предстала депутація той-же партіи англійскихъ христіанъ съ словомъ мира во имя Христіанства, совершенно справедливо сказалъ этой депутаціи, что онъ, какъ христіанинъ, согласенъ съ ея сужденіемъ и предложеніемъ мира, но, какъ Государь, не можетъ съ этимъ согласиться. Что вы на это скажете?

— Прежде всего то, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что, привыкнувъ раздѣлять дѣло Вѣры отъ дѣла жизни, мы непримѣтно и самыя внушенія вѣры и благодати стали понимать не совсѣмъ точно

и свободно отъ односторонностей. Да; это слова Христовы: «не противься обижающему; но если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою подставь ему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтанъ», т. е. не только уступи оспориваемыя у тебя твои права, но и пожертвуй тѣмъ, чего у тебя не оспориваютъ (Мат. V, 39.). Но надобно и понимать и исполнять эти слова Христова законодательства вполнѣ согласно съ мыслію Христовою. Вы, безъ сомнѣнія, не будете и даже не можете спорить противъ того, что самый непогрѣшимый истолкователь своихъ благодатныхъ словъ и законовъ есть Самъ Законодатель благодати, Который есть вмѣстѣ и самое исполненіе и, такъ сказать, олицетвореніе своихъ законовъ, или всей, открываемой Имъ, истины. Не правда-ли?

— Нечего и говорить о томъ, что само собою разумѣется, отвѣчалъ я.

— Ну такъ вспомните, продолжалъ о. Іоаннъ, что когда Самаго Господа нашего взяли на судилище, Онъ не жертвовалъ своимъ правомъ и не уступалъ своей правды. Такъ, на допросъ первосвященника объ ученикахъ и ученіи Господа, какъ будто о тайной злоумышленной какой школѣ или сектѣ, Господь далъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что подрывалъ всякій судебный навѣтъ о злоумышленности тайной школы и свидѣтелемъ этой Своей правды представлялъ своихъ слушателей въ открытыхъ всенародныхъ собраніяхъ: «Я говорилъ явно міру; Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, куда всѣ іудеи сходятся, и тайно не говорилъ ничего. Что ты спрашиваешь меня? Спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ; вотъ они знаютъ, что Я говорилъ имъ» (Іоан. XVIII, 19—21). Отвѣтъ былъ такъ далекъ отъ характера и духа жертвующей своими правами безотвѣтности, или готовой отказаться отъ всего своего уступчивости, что одинъ изъ прислужниковъ первосвященника нашелъ этотъ отвѣтъ оскорбительнымъ для первосвященнической особы до нестерпимости, и потому нанесъ Господу пощечину. Что-же опять Господь нашъ сдѣлалъ? Ударившему Его по одной щекѣ подставилъ и другую, какъ Онъ самъ училъ? Опять нѣтъ. Онъ противопо-

ставилъ обидѣ наглаго человѣка требованіе и право правды: «Если Я сказалъ худо, говорилъ Онъ, стоя на судилищѣ, докажи, что это худо, а если хорошо, за что ты бьешь Меня?» (Тамъ-же ст. 22, 23.). Видите-ли, что или мы не совсѣмъ точно, не совсѣмъ по мысли Господа разумѣемъ Его заповѣди и законы, или, чего быть не можетъ, Самъ Господь поступаетъ несогласно съ Своими-же благодатными законами? Скажете-ли, (какъ иные говорятъ), что здѣсь идетъ дѣло о самой спасительной Христовой истинѣ, и потому этотъ случай не имѣетъ отношенія къ Христовымъ заповѣдямъ объ уступчивости на судѣ и о безотвѣтности противъ обидчиковъ въ обыкновенныхъ нашихъ судахъ и случаяхъ жизни? Но въ томъ-то и дѣло, что именно Христова истина завѣдываетъ всѣмъ, не исключая и судовъ и случаевъ частной жизни, въ которыхъ потому и не надо уступать дѣла Христовой истины. И Господь нашъ столько-же и въ предстояніи Своемъ судилищу, какъ и во всей Своей жизни, есть первообразъ для насъ и для нашей жизни; и потому надо намъ слѣдовать примѣру Его, какъ Онъ стоялъ на судилищѣ и относился къ Своимъ обидчикамъ. Согласны-ли вы съ этимъ?

— Не могу не согласиться, отвѣчалъ я. Но какъ-же все это согласить съ прямыми заповѣдями Господа: *не противиться злу*, уступать на судѣ свои права и ударившему въ одну щеку подставлять и другую?

— Да только не останавливайтесь на внѣшности заповѣдей и поступковъ Христовыхъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, а вникайте въ самую ихъ силу, и вы увидите, какое внутреннее между тѣми и другими согласіе и соотвѣтствіе; вы увидите, какъ Господь точно исполнилъ и чрезъ самое исполненіе протолковалъ Свои благодатныя заповѣди, какъ потому и намъ должно разумѣть и исполнять ихъ. Или вы хотите, подъ предлогомъ точной рѣчи Спасителя и вполнѣ открытыхъ Его поступковъ, остановиться все таки на одной внѣшности предмета? Но, не вникая въ самую силу дѣла, нельзя вѣрно понять ни самой точной рѣчи, ни самыхъ открытыхъ дѣйствій нашего Господа. Вотъ я видалъ ссоры и драки пьяныхъ людей, изъ которыхъ одинъ, принявъ по-

щечину отъ другаго и чувствуя себя уже не въ силахъ противиться злобѣ врага, кричитъ съ азартомъ: бей и въ другую щеку. Это вѣдь, судя по внѣшности, прямо по заповѣди Спасителя! Что-жъ? Вы согласны на такое исполненіе благодатныхъ законовъ новаго завѣта? А то еще знаю примѣръ: у одного раскольника забирали раскольничьи книги и рукописи по распоряженію начальства; это привело въ такое бѣшенство раскольника, что онъ, въ лицо забиравшихъ его вещи, бросилъ всѣ деньги свои и самую сорочку съ себя, воображая и выдавая себя за исполнителя словъ Христовыхъ: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу*. Думаю, подобныхъ примѣровъ достаточно для убѣжденія, что и въ самыхъ прямыхъ словахъ и дѣйствіяхъ Христовыхъ не надо останавливаться на внѣшности, а должно духовною мыслію вникать въ самую силу дѣла. Такъ-ли?

— Согласенъ, отвѣчалъ я. Но, вдаваясь въ истолковательныя подробности, ради Бога, не забывайте и не затягивайте разрѣшенія главнаго вопроса нашего о проведеніи заповѣдей Христовыхъ въ дѣло политики.

— Какъ-же могли-бы мы это сдѣлать, возразилъ о. Іоаннъ, не взвѣсивъ хорошо самаго смысла и силы Христовыхъ заповѣдей и дѣйствій? Отъ этого послѣдняго и зависитъ простое разрѣшеніе высказанныхъ вами затрудненій, которыя я твердо держу въ памяти и мысли моей. Итакъ—терпѣніе и вниманіе къ начатому истолкованію, которое сейчасъ-же и кончится! Господь нашъ сказалъ: «не противься злому, но если кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему и другую», сказалъ и во всей силѣ исполнилъ это въ отношеніи къ злому судилищу іудейскому, безъ сопротивленія дозволилъ ему взять Себя,—судить и осудить, принявъ не только заушенія и удары въ лапиту, но и все Свое тѣло отдавъ на распятіе. Господь сказалъ: «кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя сорочку, отдай ему и верхнюю одежду», сказалъ и во всей силѣ это исполнилъ, безпрекословно подчиняясь неправому судебному приговору на крестную смерть, съ оставленіемъ всей одежды своей исполнителямъ этого приговора. Но и это еще—только, открытая внѣ,

сторона Христова исполненія собственныхъ Его заповѣдей. Предстоя видимо судилищу и, по судебному допросу, представляя свидѣтелемъ правоты Своей всенародныя собранія, среди которыхъ Онъ училъ, Господь, невидимо, въ духѣ Своемъ, предстоялъ Самому Отцу Своему небесному, пріемля на Себя отвѣтственность за неправды и этого судилища и своего народа и всего міра, всѣмъ Собою жертвуя въ искупленіе гибнущаго во злѣ и заблужденіяхъ человѣчества. Возражая ударившему Его въ ланиту: *что мя біеши,* Господь и Спаситель нашъ въ то же время сосредоточивалъ въ Своемъ лицѣ всевозможные удары человѣческихъ беззаконій, наносимые Его любви, и вину ихъ взималъ на Себя же, какъ Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра въ такой силѣ, что, будучи Сама правда и вмѣщая въ Себѣ всю любовь Отца, становился за грѣшный и подлежащій проклятію міръ олицетвореннымъ какъ-бы «проклятіемъ» и «грѣхомъ» (Гал. III, 13. 2 Кор. V, 21.). Въ соучастіе такой-то любви Господней, по мѣрѣ нашей вѣры и вѣрности къ Господу, мы и должны входить, если хотимъ, по мысли и духу Его, уразумѣть и исполнять эти Его заповѣди — ударившему въ правую щеку подставлять ему и лѣвую; оспоривающему нижнюю одежду отдавать и верхнюю. И только для того, чтобы мы вникали и входили именно въ такую силу этихъ заповѣдей, а не останавливались на одной ихъ внѣшности, Спаситель благоволилъ съ твердостію возразить ударившему Его въ ланиту вмѣсто того, чтобы подставить ему и другую Свою ланиту. Только для того, чтобы и законовъ Его благодати не обращали мы въ одну мертвую букву, Онъ требовалъ отъ суда обратиться къ всенародному свидѣтельству Своей правоты, вмѣсто безотвѣтной уступчивости Своихъ правъ. Онъ въ собственномъ лицѣ и примѣрѣ показалъ, что сила означенныхъ Его заповѣдей состоитъ собственно не во внѣшней уступчивости и безотвѣтности, а въ томъ, чтобы, не только уступая безотвѣтно, но и не дозволяя другимъ безправно и безнаказанно обижать и унижать себя, усвоять себѣ при этомъ духъ самопожертвованія Христова за самыхъ обидчиковъ и оскорбителей, чтобы, и отстаивая съ твердостію свою правду и право, стоять во Христѣ

предъ Отцомъ небеснымъ самою своею правдою и правами за неправыхъ нарушителей нашего права. Для ясности этого предмета, представимъ, что кто либо объявилъ судебнымъ порядкомъ беззаконную претензію на вашу собственность или нагло и публично оскорбилъ васъ пощечиной, вообще ругательствами и побоями. Если вы хотите вѣрно исполнить Христовы заповѣди, то первая и главная ваша забота и обязанность—такъ въ Господѣ полюбить этого безсовѣстнаго обидчика или оскорбителя вашего, чтобы его неправду, наглость и низость вмѣнять себѣ какъ-бы въ собственную вину предъ Богомъ, а ваши права и правоту вмѣнять въ своемъ духѣ, въ права и правду этого несчастнаго собрата, допустившаго поругаше надъ правдою и правами. Усвойте себѣ эту Христову любовь къ грѣшному человѣку, и она же внушитъ вамъ, какъ поступить по внѣшности: уступить-ли безотвѣтно свою собственность притязателю неправому или твердо отстаивать свое право, подставить-ли ударившему по щекѣ и другую щеку, или съ него взыскать съ Господомъ на судѣ: *что мя біеши?!* Въ томъ и другомъ случаѣ вы только дѣйствуйте не иначе, какъ въ духѣ Христова самопожертвованія за брата, ищущемъ его чистоты и правды предъ Самимъ Отцемъ небеснымъ, и готовомъ для этого вмѣнять, въ духѣ своемъ, себѣ самому виновность собрата, а этому послѣднему свои права; и вы исполните, вполнѣ вѣрно по мысли и духу Господа, давшаго намъ и примѣръ въ этомъ, благодатные Его законы о «*непротивленіи злу*». Такъ ли?

— Такъ, какъ, отвѣчалъ я, едва переводя духъ отъ нетерпѣливаго предчувствія заключеній и выводовъ, какіе сдѣланы будутъ относительно политики. Что же отсюда слѣдуетъ для нашего предмета? Говорите скорѣе, пожалуйста.

— То слѣдуетъ, продолжалъ о. Іоаннъ съ твердостію и выраженіемъ особеннаго достоинства, что политикѣ православнаго государства не только въ прямыхъ и ровныхъ, но и въ запутанныхъ международныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ можно и должно держаться благодатнаго Христова законодательства. Пусть христіанское государство и отстаивая свои права,

и не дозволяя посягать на свою честь и собственность, раскрываетъ въ себѣ именно то духовное настроеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили, пусть въ тѣхъ или другихъ органахъ правительства это настроеніе выражается и дѣйствуетъ хоть только въ «общемъ», по сознательномъ направленіи; въ организмѣ православнаго народа могутъ найтиться и такіе члены, въ которыхъ это настроеніе будетъ раскрываться и во всей благодатной своей глубинѣ, для поддержки въ этомъ органовъ правительства... И при такомъ воззрѣніи и направленіи политики, государи христіанскіе не станутъ раздѣлять, въ дѣлѣ и жизни, долгъ христіанина отъ долга государя, что̀ выводило бы этотъ послѣдній долгъ изъ-подъ осѣненія благодатнаго и не давало бы на исполненіи его почить благословенію совершеннаго благоуспѣшества. Да! Христосъ Господь, не только вседержавствуя по Божеству, но и по благодати Своей подъявши на Себя бремя всѣхъ грѣховъ міра, грѣховъ слѣдовательно и политики, имѣетъ поэтому вдвойнѣ непреложное и святое право завѣдывать и править чрезъ Свои заповѣди и законы благодатные и дѣломъ политики не только во внутреннемъ народномъ благоустроеніи, но и въ отношеніяхъ внѣшнихъ къ другимъ народамъ. И только одностороннее разумѣніе и блюденіе Христіанства, каково напр. Христіанство англійскихъ методистовъ, было-бы слишкомъ (по фальшиво) свято для дѣла политики.

— Ну, а «священный союзъ»? напомнилъ я о. Іоанну.

— И «священный союзъ», продолжалъ онъ, отчего такъ скоро обратился въ изветшавшую букву или въ выдохшуюся форму международнаго обязательства, которою своекорыстіе стало злоупотреблять для своихъ эгоистическихъ цѣлей, которою честность или добросовѣстная вѣрность этому «союзу» вынуждалась служить только чужимъ своекорыстнымъ интересамъ? Отчего это? Оттого, что начала христіанской любви, взятыя въ основаніе «священнаго союза», не были взвѣшены въ своей живой силѣ (говорю это не въ предосужденіе нашихъ отцевъ, вошедшихъ въ этотъ «союзъ», потому что истина разъясняется не иначе, какъ постепенно, для всякой области, слѣдовательно и для политической). Да; и высокая идея христіанской любви

можетъ быть взята такъ поверхностно, что живая ея сила можетъ и не быть въ виду и вниманіи. Сущность и сила Христіанской любви къ людямъ *вообще* состоитъ въ усвоеніи себѣ Самаго Христа Господа по духу Его любви къ человѣчеству; такъ какъ и вся правда наша состоитъ въ томъ *да Христа пріобрящемъ и обрящемся въ Немъ* не съ *своею правдою*, правдою своихъ дѣлъ и расположеній, чуждыхъ Самаго Христа, хотя бы и кажущихся доброзаконными (Филип. III, 8, 9.). Поэтому сила и сущность христіанской любви, какъ начала *участности для политическаго міра*, состоитъ въ томъ, чтобы, какъ во внутреннемъ благоустроеніи народномъ, или въ отношеніи правительствъ къ своимъ народамъ, такъ и во внѣшнихъ между народныхъ отношеніяхъ, пріобрѣтать и усвоять Самаго же Христа по духу Его человѣколюбія, того именно человѣколюбія, которое не только возвышается надъ своекорыстіемъ, но на себя вземлетъ бремя и чуждыхъ виновностей, бѣдъ и недостатковъ, какъ бы собственныхъ своихъ, и чрезъ это является источникомъ правды, благосостоянія и совершенства. Такая сила христіанскаго человѣколюбія, сосредоточиваясь въ Самомъ Христѣ, сколько бы возвышала политику надъ низкимъ своекорыстіемъ, столько-бы и вооружала ее такимъ достоинствомъ, чтобы не служить своекорыстію другихъ: Христосъ понесъ бремена всего міра, но никакому своекорыстному эгоизму поживиться у Него нечѣмъ. Но политическое обязательство во имя христіанскаго человѣколюбія, только безъ направленія прямо къ Самому Христу Спасителю—и именно къ Его безкорыстному самопожертвованію—не въ ущербъ, и въ торжество правды, естественно обращалось для своекорыстныхъ въ способы ихъ своекорыстія на счетъ другихъ, а для безкорыстной честности въ стѣснительныя узы и въ службу чужимъ своекорыстнымъ интересамъ. Итакъ «священный союзъ» служитъ доказательствомъ не противъ союза политики съ Христіанствомъ, а за то, чтобы этотъ союзъ утверждать въ надлежащей и живой силѣ Христіанства. Надо-бы притомъ имѣть въ виду историческія условія, въ зависимости отъ которыхъ было это событіе—«священный союзъ»: тогда объяснилось бы и то, какъ

вкралось подъ это событіе ветшающее основаніе. Но объ этомъ поговоримъ, при случаѣ, послѣ.

Было уже темно, когда мы воротились въ домъ о. Іоанна. Супруга его, опасаясь сильнаго утомленія его отъ праздничной продолжительной службы, отъ ходьбы по приходу для служенія молебновъ, отъ продолжительной прогулки, отъ путешествія въ деревню для совершенія требы, удивилась, когда увидѣла бодрое и оживленное лицо своего мужа. Она благодарила меня за сопутствіе о. Іоанну: «Ему вѣдь, говорила она, успокоительнѣе отдыха, слаще всякой вкусной пищи и питья—наговориться отъ всего сердца съ человѣкомъ, который придется ему по душѣ». О. Іоаннъ сказалъ ей съ ласкою, что не мало придется ей слышать отъ него изъ нынѣшнихъ разговоровъ его со мною: «У насъ съ ней есть уговоръ, сказалъ онъ мнѣ, чтобы, въ досужее время, непремѣнно передавать ей сущность моихъ духовныхъ рѣчей съ другими». Тутъ матушка-попадья сказала, что, обрадовавшись нашему возвращенію, она и позабыла передать намъ приглашеніе изъ барскаго дома посидѣть тамъ нынѣшній вечеръ, что за себя самое она уже отказалась изъ-за ребенка и гостей. Я былъ уже знакомъ въ этомъ домѣ. О. Іоаннъ, по своему одушевленному расположенію, былъ не прочь расширить свое духовное общеніе съ другими. И мы отправились. «Почти навѣрное могу сказать вамъ, говорилъ онъ мнѣ дорогою, что мы будемъ продолжать рѣчь о политикѣ, вѣдь нынѣ политика занимаетъ всѣхъ; хорошо было-бы, еслибы эта рѣчь подошла къ нашимъ нынѣшнимъ разговорамъ съ вами». Я отвѣчалъ, что съ о. Іоанномъ и быть не можетъ рѣчи о политикѣ въ другомъ какомъ духѣ, только бы заговорили о политикѣ.

Когда мы вошли въ барскія комнаты, хозяева, ихъ семейные и гости съ живостію подходили къ о. Іоанну, кто за благословеніемъ, кто просто подавалъ руку или раскланивался; по свѣтлому выраженію лица о. Іоанна, мнѣ само собою напомнилось, что говорилъ онъ о привѣтахъ людямъ съ внутреннимъ вниманіемъ къ образу въ нихъ Божію. Всѣ усѣлись или расположились какъ кому удобнѣе. При взглядѣ на общество, по на-

пряженному выраженію нѣкоторыхъ лицъ, уже можно было догадаться, что шла здѣсь до насъ, должно быть, горячая бесѣда. Остановленное на минуту живое ея теченіе открылось немедленно какъ будто съ новою силою. «Полноте дядюшка! говорилъ студентъ университета, сынъ хозяйскій, господину довольно почтенныхъ лѣтъ и вида. Кто теперь не слѣдитъ за политикою? (Какъ разъ о политикѣ! подумалъ я, и не могъ безъ улыбки взглянуть на о. Іоанна.) Вопросъ римскій, вопросъ греческій (*) кого не расшевелитъ, кого не заставятъ подумать и поговорить объ этихъ дѣлахъ? Вотъ и почтенный батюшка (говорившій обратился къ о. Іоанну) не скажетъ, чтобы грѣхъ было заниматься политикою»...

— Послушай, милый племянникъ, перебилъ студента пожилой его дядя. Лишняго на меня не говори! Слѣдить за дѣлами политики я не думаю считать грѣшнымъ дѣломъ; напротивъ, по моему мнѣнію, образованный человѣкъ долженъ знать, что дѣлается въ мірѣ. Но вотъ чего я терпѣть не могу, когда всякій... кто едва выучился разсуждать, такъ занесется въ своихъ толкахъ о политикѣ, о греческомъ тамъ или итальянскомъ вопросѣ, что какъ-будто распоряжается самыми судьбами Греціи и Италіи, или державствуетъ надъ всѣмъ политическимъ міромъ. Всѣ лѣзутъ словно въ министры или въ другіе тамъ государственные умы. Занимались-бы поболѣе своимъ дѣломъ, а распоряжаться дѣлами политики — на это дѣло есть призванные люди.

— И вы, многоуважаемый дяденька, не говорите на меня лишняго! сказалъ студентъ. Слѣдя за политикою, мы не думаемъ распоряжаться чрезъ это судьбами міра политическаго. Напрасно опасаетесь соперничества нашего съ министрами или умами государственными.

— Значитъ и спорить вамъ уже не о чемъ, замѣтилъ усмѣхнувшись хозяинъ, отецъ молодаго человѣка и старшій братъ пожилаго. Вѣчно спорятъ, а въ развязкѣ спора почти всегда выходитъ, что говорили другъ на друга лишнее: точь въ точь какъ бываетъ въ спорахъ нашихъ журналовъ между собою. Что

(*) Это было, когда греческій король Оттонъ долженъ былъ оставить свое королевство.

же касается современныхъ вопросовъ политики, право что-то страшно становится за нашъ міръ. Тамъ гражданство и Церковь въ рѣшительномъ разладѣ и враждѣ между собою,—мало было смѣнять королей! Положимъ, что это дѣлали неправославные. А вотъ здѣсь и православные греки отреклись отъ своего государя. Богъ вѣсть, что такое дѣлается въ мірѣ...

— Поневолѣ задумаешься, подхватилъ студентъ. Вѣдь, всѣ эти потрясенія идутъ у нашихъ братьевъ, братьевъ по человѣчеству, братьевъ по вѣрѣ. Какъ не разсуждать о лучшемъ исходѣ тяжелыхъ ихъ борепій и тревогъ?

— Очень, видишь, нуждаются они въ вашихъ разсужденіяхъ, замѣтилъ угрюмо дядя. Да и дѣла-то ихъ слишкомъ близко касаются васъ; нельзя вамъ не разсуждать о ихъ исходѣ...

— Мнѣ думается, заговорилъ къ моему несказанному удовольствію о. Іоаннъ, что дѣла итальянскія и греческія, дѣйствительно, касаются и насъ. Я разумѣю впрочемъ соприкосновеніе не политическое, какъ, напримѣръ, по лондонской конференціи вопросъ греческій соприкасается и къ намъ.

— Да, да, сказалъ хозяинъ. Настаетъ критическая минута для свѣтской власти папы: когда она падетъ, это благодатно отзовется для всего христіанства. Безъ свѣтской власти и папству не устоять. Это ужъ касается всѣхъ, кому дорого торжество христіанства надъ заблужденіями. Это правда!

— Признаюсь вамъ, отозвался на это о. Іоаннъ: я и объ этомъ не совсѣмъ такъ думаю. Я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые признаютъ существенный интересъ нашей религіи въ нынѣшней опасности для свѣтской власти папы. Дѣло заблужденія римско-католическаго относится не къ одной іерархіи, но вмѣстѣ и къ гражданству. Соотвѣтственно тому, какъ первосвященникъ запада сталъ требовать отношенія христіанъ къ себѣ, какъ къ верховному главѣ Церкви, намѣстнику Христа Бога, и политическіе главы западныхъ государствъ требовали себѣ повиновенія, какъ представителямъ и намѣстникамъ на землѣ Бога. Какъ папа, святительствуя во имя Христа, не возводилъ взоровъ западныхъ христіанъ къ Самому Христу—единственному и всегда дѣйствующему Главѣ Церкви, такъ и западные Государи, утвер-

ждая свой авторитетъ на милости Божіей, не считали долгомъ своимъ возводить повиновенія себѣ своихъ подвластныхъ къ Самому къ своему, общему съ ними, Господу. Западныя власти, и духовная и гражданская, во всѣ средніе вѣка соперничая и борясь между собою, единодушно или одинаково порабощали себѣ свободныхъ по Христу дѣтей Отца небеснаго, одинаково не возглавляясь подъ живое главенство Самаго Христа. Судите-же теперь, что за интересъ и для истиннаго или православнаго христіанства, если-бы свѣтская власть папы и рѣшительно ослабла и даже пала, а между тѣмъ единственное главенство Христа продолжало-бы оставаться бездѣйственнымъ, непризнаннымъ у христіанъ запада. По прежнему еще чужда и далека была-бы для нихъ та Христова благодать, чтобы и въ гражданствѣ, какъ по дѣламъ и отношеніямъ духовнымъ, быть любимыми чадами Самаго Отца небеснаго. Христова благодать и истина, какова она есть въ своемъ чистомъ и живомъ свѣтѣ, была бы, по прежнему, закрыта для запада.

— Какъ-же послѣ этого будетъ соприкосновенъ и къ намъ вопросъ римскій? спросилъ хозяинъ.

— Этотъ вопросъ соприкосновенъ къ намъ, православнымъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, какъ фактическое доказательство той, принадлежащей православію, истины, что дѣла, и гражданскія и церковныя, надо христіанамъ возглавлять прямо въ Самомъ Христѣ, въ Которомъ назначено возглавленіе всего и небеснаго и земнаго (Ефес. I, 10), а иначе тѣ и другія, рано или поздно, изживутъ самые послѣдніе въ нихъ остатки жизненности и правды. Когда западное гражданство и Церковь рѣшительно пошли своимъ исключительнымъ путемъ чрезъ освященіе послѣднею властительности Каролинговъ и чрезъ пожертвованіе и закрѣпленіе первымъ цѣлой, прилежащей къ Риму, области за папою (при Пиппинѣ), то еще какъ обильны были жизненные остатки отъ чистой истины и правды на сторонѣ и гражданства, и Церкви запада! Возьмите во вниманіе, сколько было свѣта и жизни въ дѣлѣ и лицѣ Карла Великаго, хотя въ его основномъ воззрѣніи на власть гражданскую, какъ на свыше-земной авторитетъ, уже завита была фальшь повинове-

нія человѣку, какъ Богу, а не Самому Отцу небесному. Взгляните и на великій типъ Григорія VII: ложь его односторонности остается всегда ложью, но искренность и энергія его вѣрованій, самоотверженіе и духовная мощь его дѣла все же отсвѣчиваютъ величіемъ живой духовности. И въ самой борьбѣ между собою Церковь и гражданство взаимно себя поддерживали духовно. Но теперь западное гражданство и Церковь, по римскому именно вопросу, являются въ такой взаимной запутанности, которая совершенно неразрѣшима безъ явной обиды и вмѣстѣ неправоты для обѣихъ сторонъ. Папа оказывается предъ всѣмъ міромъ обидчикомъ своихъ духовныхъ дѣтей въ Италіи, рѣшительно идущимъ противъ ихъ интересовъ и стремленій гражданскихъ, и самъ терпитъ отъ нихъ обиду въ посягательствѣ ихъ на увѣковѣченную собственность его и Церкви; итальянцы обижаютъ папу, посягая на его права, вопреки притомъ собственнымъ понятіямъ о христіанствѣ, и терпятъ отъ него обиду, возбраняемые имъ въ своихъ стремленіяхъ къ довершенію новаго своего благоустройства. Это впрочемъ я говорю не въ смыслѣ того, можетъ быть-справедливаго, по отзывающагося какимъ-то злорадствомъ, взгляда и чувства, что та и другая сторона достойно наказываются за свое заблужденіе. Напротивъ, по запутанности и увѣковѣченности этого заблужденія, обѣ взаимно противоборныя стороны—духовная и гражданская—мнѣ представляются болѣе жертвами, которымъ выпала страдальческая доля вынести свое бѣдственное заблужденіе и, хотя медленно, подвигаться къ истинѣ—путемъ кровавыхъ борений и затрудненій. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны по своему трудятся въ дѣлѣ выясненія истины, приближая время ея торжества надъ заблужденіемъ. Но истина принадлежитъ православію; и потому римскій вопросъ столько прикосновенъ къ намъ, православнымъ, сколько касается насъ дѣло истины. Мы, православные, помилованы тѣмъ, что находимся на открытой и прямой дорогѣ, которую мы должны не только сами проходить, но и указывать всѣмъ другимъ; и вотъ мы слышимъ въ сторонѣ, что давно уже сбившіеся съ этой дороги кричатъ и бьются надъ тѣмъ, куда имъ идти. Мы въ этомъ случаѣ не имѣемъ права сказать,

что наше дѣло—сторона; намъ даны ключи разумѣнія благодатной истины, чтобы въ отверстыя ими двери и самимъ идти и другимъ открывать свободный ходъ. А что, если еще мы съ этими ключами и сами не входимъ и другихъ не пускаемъ въ полное разумѣніе истины?! Поэтому римскій вопросъ обязываетъ насъ всѣхъ, во-первыхъ, осмотрѣться, достаточно-ли мы, православные, во всѣхъ нашихъ средахъ держимся главенства Господа нашего; достаточно-ли мы, духовные, служимъ свободному и разумному развитію и утвержденію въ Самомъ Христѣ всего и гражданскаго или вообще свѣтскаго; достаточно-ли вы, свѣтскіе, равноправные съ нами въ высокомъ званіи дѣтей во Христѣ Самаго Бога, заботитесь знать и выдерживать для дѣла мысли и жизни, для политики и простаго общежитія—истину и благодать человѣколюбиваго нашего Господа, содѣлавшагося ради насъ человѣковъ человѣкомъ и въ человѣчествѣ Своемъ умершаго за насъ погибающихъ и въ воскресеніи возсіявшаго всѣмъ жизнію, любовію Своего Отца, благодатію Своего животворящаго Духа. Во-вторыхъ, затрудненія и боренія римскаго католичества въ достиженіи давно потерянной истины обязываютъ насъ всѣхъ православныхъ дружно взяться за ея живое раскрытіе и проведеніе во всемъ нашемъ, чтобы, когда западные наши братья своими кровавыми опасностями и подвигами приблизятся къ удобству—взглянуть прямо на истину, у насъ уже была она раскрыта во всей красотѣ и величіи своего благодатнаго завѣдыванія всѣмъ человѣческимъ. Вѣдь не только Господь Богъ, но, кажется, и самъ міръ осудитъ насъ, если мы пальцемъ не двинемъ къ развязкѣ и разъясненію тѣхъ идей, на которыхъ запутанъ римскій вопросъ.

— Вотъ такія разсужденія о нынѣшнихъ событіяхъ я люблю и готовъ раздѣлять всею душею, съ особенною выразительностію произнесъ братъ хозяина, взглянувъ на студента.

— А знаете, дяденька, замѣтилъ этотъ послѣдній, съ живымъ вниманіемъ и отчасти съ пытливостію слѣдившій за рѣчью о. Іоанна и за выразительностію его движеній—во взглядѣ и физіономіи.—много и энергически должна работать наша мысль (хотя это и не нравится вамъ) надъ вопросами политическими и рели-

гіозными, историческими и философскими, чтобы воззрѣнія отца Іоанна,—воззрѣнія святыя, свѣтлыя, широкія, никого необижающія и почти ни къ чему не пристрастныя—были, какъ слѣдуетъ, поняты, примѣнены, получили, всѣми признаваемое, право гражданства хоть-бы только еще у насъ на Святой Руси...

Хозяинъ подтвердилъ мысль своего сына согласіемъ съ своей стороны; спорливый дядюшка студента тоже не противорѣчилъ, а только обратился къ о. Іоанну съ просьбою, чтобы послѣдній высказалъ свое мнѣніе о греческихъ дѣлахъ.

.— Въ самомъ дѣлѣ, отчего это и *православные* греки, сказалъ студентъ, произнося съ особенною и притомъ, на мой взглядъ, двусмысленною выразительностію это слово *православные:* отчего и *православные* греки вздумали подражать неправославному западу въ поступкахъ съ своимъ королемъ?

— Вы, кажется мнѣ, возразилъ о. Іоаннъ, обратясь къ студенту съ сочувственнымъ взглядомъ: заподозрѣваете меня въ недостойномъ строгой истины пристрастіи къ православію, къ православнымъ. Мнѣ прежде всего должно объясниться именно объ этомъ. Я понимаю православіе, какъ Христову, чистую отъ примѣси лжи, истину, которая одна есть вселенская, непреложная истина. Иначе я не могу понимать православія по совѣсти предъ Богомъ и всѣмъ міромъ. Иначе я былъ-бы чуждъ самой вѣры, а вѣра у меня не только всосана мною съ материнмъ молокомъ, но и оправдывается постоянными опытами Божіей благодати, получаемой и вкушаемой чрезъ эту вѣру, озарена для меня *испытаніемъ* священныхъ *писаній* и преданій, испытаніемъ какъ содержанія самаго православія, такъ и разностей его отъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ видовъ неправомыслія религіознаго и философскаго. Православіе свѣтитъ мнѣ свѣтомъ, все для меня выясняющимъ, на что я съ нимъ ни посмотрю, что ни изучаю, исторію ли, естествовѣдѣніе-ли или движеніе философствующей мысли. Поэтому мои выраженія о православіи, какъ мѣрилѣ и въ дѣлѣ политики, означаютъ не пристрастіе къ нему, а полное, разумное убѣжденіе въ православіи, какъ въ самой истинѣ. Это не абсолютизмъ неподвижный, оковывающій движеніе мысли заранѣе принятыми положеніями. Мы напротивъ удостовѣрены, что истину

«мы знаемъ отчасти» только, и увидимъ ее, что называется, «лицемъ къ лицу» (1 Кор XIII, 9, 12) не прежде того, какъ «узримъ» Отца небеснаго, «какъ Онъ есть» съ своимъ Словомъ и Духомъ (1. Іоан. I, 2, 3); а потому до самаго открытія этой вѣчной жизни созерцанія и любви мы стремимся болѣе и болѣе уразумѣвать и усвоять себѣ истину Самыя опредѣленія существенныхъ ея сторонъ, произведенныя вселенскою Церковію на соборахъ, какъ сами были плодомъ живыхъ стремленій и подвиговъ вѣры въ уразумѣніи истины, такъ и на послѣдующія времена составляютъ, такъ сказать, только исходныя точки для шествія вѣры къ болѣе и болѣе совершенному постиженію, усвоенію и примѣненію истины. На этомъ основаніи и сами—тѣ или другіе—православные, держащіеся этой вселенской истины и исповѣдующей ее, вселенской по своему духу, Церкви, могутъ, такъ сказать, пускать въ движеніе или въ оборотъ сколько возможно всѣ благодатные таланты истины, а могутъ и оставлять ихъ всѣ или многіе изъ нихъ безъ движенія, зарывая ихъ какъ бы въ землю своего неразумѣнія и небрежности, и чрезъ это допускать приражаться къ себѣ превратнымъ направленіямъ или духу самаго неправославія, даже богоборнаго іудейства или язычества. Равно съ другой стороны и сами неправославные и даже невѣрные, на сколько они видятъ и любятъ истину или, что то-же, на сколько вѣрно держатся или остатковъ право-содержимой истины или предварительно-благодатныхъ предначатій ея свѣта (напримѣръ въ чистыхъ и благородныхъ понятіяхъ, добросовѣстныхъ правилахъ и т. д.), на столько возвышаются духомъ своимъ въ область православія. Судите-же теперь, имѣемъ-ли мы какое, недостойное истины и искренней, прямой любви къ ней, пристрастіе къ кому-нибудь или чему-нибудь въ православіи, хотя стремимся и думать и жить только православіемъ, какъ самою истиною. Можно ли требовать отъ православныхъ большаго безпристрастія, если даже станете относиться къ нимъ только такъ-же, какъ и къ другимъ людямъ съ честными и добросовѣстными убѣжденіями?

Молодой человѣкъ, къ которому особенно обращалъ свою рѣчь о. Іоаннъ, вспыхнулъ стыдливо; однакожъ, подумавъ,

отвѣчалъ, хотя почтительно, но съ слышною для внутренняго чувства жосткостію:

— Спорить съ вами, батюшка, я не могу, глубоко уважая вашъ образъ мыслей, тѣмъ болѣе, что въ вашихъ словахъ я уже услышалъ и отвѣтъ вашъ по вопросу о православныхъ грекахъ, изгнавшихъ своего короля. Они, видно, немножко вдались въ направленіе западнаго неправославія. Можетъ быть, это было съ ними тогда, когда они предпочли терпѣнію (а пожалуй, скажутъ иные, преданности промыслу или волѣ Божіей) освобожденіе отъ турецкаго ига чрезъ геройскую, самоотверженную любовь къ своей славной отчизнѣ. И вотъ направленіе, взятое у западнаго направленія, и разрѣшилось наконецъ тѣмъ, что́ дѣлается на западѣ: греки, подобно французамъ или итальянцамъ, заставили удалиться короля изъ своей страны. Вѣдь, такъ? Вѣдь, по духу православія, какъ я читалъ въ письмѣ нашего парижскаго протоіерея Васильева къ Гизо относительно свѣтской власти папы дѣло не въ матеріальной силѣ или внѣшней независимости, а въ смиренномъ терпѣніи, котораго афинскимъ грекамъ, по духу православія, и слѣдовало держаться еще въ то время, какъ ихъ тревожила грѣшная мысль свободы отъ турокъ. Вѣрно, кажется, я разсуждаю по тѣмъ началамъ, которыя вы сейчасъ развивали относительно православія?

О. Іоаннъ весело взглянулъ на меня и обратился съ такими словами:

— Вотъ, мы съ вами, какъ нарочно для такого серьезнаго разговора, разсуждали о новозавѣтномъ законодательствѣ, раскрытомъ и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ нашего Господа.

И потомъ, обращаясь къ студенту и другимъ собесѣдникамъ, священникъ продолжалъ:

— Въ законодательныхъ книгахъ новаго завѣта выражено прямо, что Господь далъ такую заповѣдь смиреннаго терпѣнія, что, если кто ударитъ тебя въ одну щеку, ты подставь ему и другую, но въ тѣхъ-же книгахъ изложено также въ законодательномъ смыслѣ, что, когда Господа на судилищѣ ударилъ по щекѣ за одно Его слово кто-то изъ архіерейской прислуги, Господь ему не подставилъ другой щеки, а противопоставилъ

на томъ же судѣ требованіе правды: «если Я сказалъ худо, доказывай это, а если хорошо, то за что ты Меня бьешь?» Видно, что можно, не измѣняя духу смиреннаго терпѣнія, съ твердостію требовать правды или искать своихъ правъ. И въ самомъ дѣлѣ, если кто нанесъ бы вамъ пощечину и вы, безъ всякой любви, а только съ фарисейскимъ самооправданіемъ, стали-бы подставлять себя и для другой пощечины, вы не исполнили-бы Христовой заповѣди о смиренномъ терпѣніи. Напротивъ, если вы стали-бы противъ своего обидчика искать правды, въ духѣ своемъ однако, съ Христовою любовію къ обидчику, раздѣляя вину его неправды предъ Отцемъ небеснымъ, да и взыскивали бы обиду съ обидчика именно въ намѣреніи и стремленіи любви поставить и его состояніе въ правды; то вы слѣдовали бы прямо за Христомъ, какъ Онъ дѣйствовалъ на судѣ, и вмѣстѣ съ Нимъ не нарушали-бы нисколько заповѣди смиреннаго терпѣнія. Вотъ мы о чемъ разсуждали нынѣ же вечеромъ, и притомъ относительно также дѣлъ политики или примѣненія къ нимъ духа христіанскаго. Согласны-ли вы съ нашимъ разсужденіемъ,—спросилъ о. Іоаннъ, обращаясь особенно къ студенту.

— Вполнѣ! отвѣчалъ этотъ послѣдній, явно, съ открытымъ лицемъ и сердцемъ. Желаю выслушать примѣненіе сказаннаго вами къ благороднымъ грекамъ.

Лица прочихъ выражали такое же живое сочувствіе къ предмету рѣчи.

— Но напередъ, продолжалъ о. Іоаннъ, намъ надо поставить на видъ еще нѣчто, относящееся къ нашему предмету, также изъ книгъ новозавѣтнаго слова Божія. Апостолъ Павелъ, пиша къ коринѳскимъ христіанамъ, обращаетъ вниманіе между прочимъ на ихъ суды у невѣрныхъ. Вѣдь правительство и судебныя мѣста были тогда языческія. Учитель язычниковъ упрекаетъ коринѳянъ, зачѣмъ они допускаютъ между собою тяжбы, зачѣмъ лучше не остаются обиженными (1, Кор. VI, 7); но эта мысль о долгѣ христіанскаго миролюбія и терпѣнія обидъ не препятствуетъ Апостолу требовать, чтобы христіане судились, по крайней мѣрѣ, не у невѣрныхъ а у своихъ-же собратій—христі-

анъ, могущихъ разсудить между своими братьями (тамъ-же ст. 5). Что это дѣлаетъ Апостолъ? Не самъ-ли онъ учитъ, что всякая власть отъ Бога? А потому, отчего-же-бы не подчиняться судебной расправѣ хотя-бы и языческихъ судей? Это было-бы, кажется, такъ согласно съ духомъ христіанскаго повиновенія и терпѣливаго смиренія. Но вотъ не такъ разсуждаетъ Боговдохновенный учитель: онъ нѣкоторымъ образомъ предначинаетъ, вмѣсто языческихъ порядковъ расправы судебной, христіанскіе порядки. Видно не совсѣмъ одно и то же быть подъ судебною частью язычниковъ или христіанъ, вѣрныхъ или невѣрныхъ, магометанъ или собратьевъ православныхъ; видно, духъ тѣхъ или другихъ, духъ православно-христіанскій или язычески-невѣрный непремѣнно выражается въ властительныхъ ихъ распоряженіяхъ или расправахъ судебныхъ, а это дѣло не безразличное для христіанъ. А потому, видно, сколько можетъ зависѣть отъ самихъ христіанъ, только-бы это было безъ нарушенія правды, имъ надо и справедливо поставлять себя въ независимость отъ духа невѣрныхъ властей и искать расправы братской, христіанской.

— Итакъ, что касается православныхъ грековъ... заговорилъ хозяинъ, какъ-бы отъ лица о. Іоанна.

— Не одинъ, а нѣсколько выводовъ изъ сказаннаго нами, продолжалъ о. Іоаннъ, надо сдѣлать касательно православныхъ грековъ—нашихъ дорогихъ собратій, касательно не одного притомъ настоящаго ихъ политическаго состоянія и движенія, касательно наконецъ и не однихъ грековъ. Во первыхъ, когда на западѣ власть гражданская, какъ и духовная, вводила народы въ рабскія узы повиновенія себѣ, какъ представительной и намѣстничествующей Бога (вмѣсто дѣтскаго повиновенія Самому Христу и въ Немъ Отцу небесному, Который для предающейся Ему Самому вѣры готовъ проявлять во властяхъ, ради вочеловѣченія Своего Сына, собственное Свое всеблагостное отчество): тогда, именно въ средніе вѣка, въ византійской имперіи, то-и-дѣло, совершались кровавыя низверженія однихъ государей другими претендентами и надъ этими послѣдними такія-же безчеловѣчныя насилія иныхъ, иногда самыхъ близкихъ кровныхъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній это было характеромъ исторіи византійской. Что это показываетъ? Очевидно то, что греки, помилованные тѣмъ, что удержали у себя православіе, послѣ своихъ вселенскихъ подвиговъ въ разъясненіи и опредѣленіи существенныхъ его сторонъ, слишкомъ мало проводили духъ и начало его въ свои мірскія и гражданскія дѣла, и въ этомъ отношеніи закапывали таланты православія въ землю. Во вторыхъ, когда совершился надъ греками судъ и правды и вмѣстѣ милости Божіей, введшей ихъ и по внѣшнему или гражданскому положенію подъ законы благодати, дѣйствующей огнемъ очистительныхъ бѣдствій и страданій, то это совершилось всеправедно у Бога, но совсѣмъ безправно у плѣнившихъ православную имперію магометанъ. Въ третьихъ, когда на западѣ началось революціонное движеніе народа (именно французскаго) противъ узъ правительственныхъ, налагаемыхъ во имя Бога, то, за послѣдующими тому наполеоновскими войнами къ Европѣ, и греки отозвались движеніемъ противъ явно-насильственныхъ узъ ига магометанскаго. Дай Богъ чтобы они при этомъ возвышались надъ возмутительнымъ духомъ революціи къ православному направленію и стремленію искать христіанской управы вмѣсто магометанской, ради перевѣса самой правды надъ безправіемъ магометанскаго порабощенія, ради блага самой Св. нашей вѣры, ради торжества самой истины Христовой надъ лживымъ исламомъ, ради того чтобы блеснуть живительнымъ свѣтомъ торжествующаго христіанства ко вразумленію въ его истинѣ и спасенію самыхъ магометанъ! Въ четвертыхъ, когда король Греціи примѣтно усиливался скрѣплять узы своей власти надъ греками, по духу сопменныхъ себѣ древнихъ Оттоновъ, то есть, по направленію вообще западныхъ царей властвовать надъ народами во имя Бога, не давая имъ вкушать благодати владычества Самаго Отца небеснаго, пожертвовавшаго Сыномъ Своимъ для людей, а этотъ западный порядокъ уже до того изжилъ остатки своей жизненности, что народы неудержимо стремятся къ смѣнѣ подобныхъ правительствъ,—то произошло, что и православные греки не потерпѣли подобнаго короля. Дай Богъ, чтобы и въ этомъ они водились православ-

нымъ стремленіемъ или даже хотя-бы только пристрастіемъ—найти такую власть, въ которой раскрывался-бы духъ власти Отца небеснаго, давшаго Своимъ подвластнымъ Сына Своего, чтобы и они были Его дѣтьми,—духъ власти нашего Господа, на Себѣ вынесшаго всѣ вины и нашего грѣховнаго мятежничества! Наконецъ, въ пятыхъ, разсуждая о такихъ потрясающихъ современный міръ событіяхъ у грековъ-ли православныхъ или у другихъ народовъ неправославныхъ, каковы изгнанія королей съ ихъ престоловъ, разсуждая не только по возможнымъ и дѣйствительнымъ винамъ со стороны этихъ королей и ихъ народовъ, но и по благодати Агнца Божія, вземлющаго грѣховныя вины міра, не могу не возблагодарить Создателя и Спасителя нашего за то, что Онъ, когда власти не хотѣли своею волею раздѣлять любовь Его къ подвластному человѣчеству, и противъ ихъ намѣренія дастъ имъ вкусить отъ чаши Своихъ страданій, принятыхъ отъ подвластнаго Ему міра для его-же спасенія; за то, что, когда христіанскіе народы, не исключая и православныхъ грековъ, не озаботились возводить самаго своего гражданства къ дѣйствующему въ земномъ главенству Самаго Христа, благодать Его повела эти народы путемъ порабощенія и самыхъ смутъ гражданскихъ, потрясеніемъ всѣхъ вѣковыхъ порядковъ,—повела къ тому, чтобы народы наконецъ сознали несостоятельность всего своего, взятаго внѣ державы благодати и истины Христовой. Это даетъ намъ благую надежду, что рано или поздно Царь благодати и истины дастъ царямъ и народамъ, и въ гражданскомъ ихъ устройствѣ и состояніи, какъ и вообще въ земномъ бытѣ, узнать и воспріять свѣтъ и жизнь Его благодати и истины, когда христіане—и восточные къ своему прочному освобожденію отъ ига вѣковаго, и западные къ своему освобожденію отъ неправыхъ односторонностей—дознаютъ уже согласно и единодушно, къ просвѣщенію и спасенію и прочаго міра, живую силу православія.

— Аминь! заключилъ хозяинъ.

Когда мы, простясь съ добрыми господами, возвращались къ о. Іоанну, я замѣтилъ ему, что теперь понимаю недосказанное имъ мнѣ о тѣхъ неживительныхъ историческихъ условіяхъ,

подъ которыми образовался священный союзъ. «Западные государи соединялись въ священномъ союзѣ, говорилъ я, не колебля ни мало тѣхъ началъ западнаго властительства—управлять народами во имя Высшаго, Божескаго авторитета, не давая имъ въ гражданствѣ видѣть и вкушать самой Божеской благодати, которая вся есть духъ и сила самоотверженной любви. Тутъ естественно укрыться своекорыстію однихъ, подъ непроницаемою для другихъ личиною или предлогомъ высшаго авторитета».

— Вотъ и подпишитесь, сказалъ мнѣ на это о. Іоаннъ, съ какимъ долготерпѣніемъ и кротостію любви ведетъ Всевышній Отецъ возлюбленное Имъ ради Своего Сына человѣчество—къ его назначенію, или, что то-же, ко спасенію всего человѣческаго.

IV.

РАЗГОВОРЪ.

О томъ, какъ совершается Божіе въ дѣлахъ и судьбахъ человѣческихъ, и какъ къ уразумѣнію этого намъ надо настроивать нашу мысль въ наукѣ и жизни. Христосъ есть истинная жизнь, и наша истинная жизнь есть пребываніе во Христѣ, говоритъ Св. Василій Великій. (Писано по поводу „польскаго вопроса“)

Извѣстно и памятно всякому, въ какое сильное движеніе «польскій вопросъ» привелъ съ одной стороны всю Западную Европу (съ присоединеніемъ къ ней даже и Турціи), возбуждая въ народахъ и ихъ властяхъ сочувствіе къ Полякамъ, а съ другой и все народонаселеніе Россіи, пробудивъ готовность его идти, по волѣ Государя, со всякимъ самопожертвованіемъ для усмиренія мятежныхъ и противоборства ихъ поборникамъ. Теперь, съ усмиреніемъ польскаго мятежа, все утихло или утихаетъ. Но намъ не мѣшаетъ, а напротивъ слѣдуетъ дать себѣ духовный отчетъ объ этомъ «польскомъ вопросѣ», подвигшемъ до глубины нашъ народный духъ въ лучшихъ его инстинктахъ. Такой отчетливости, можетъ быть, послужитъ предлагаемое здѣсь собесѣдованіе мое съ достойнымъ священникомъ.

Этотъ разговоръ съ нимъ имѣлъ я еще во время самаго сильнаго шума, возбужденнаго «польскимъ вопросомъ.» Я на-

рочно ѣздилъ къ нему въ деревню поговорить объ этомъ. Я выбралъ для этого такой день, который слѣдовалъ за двумя праздниками; я зналъ, что отецъ Іоаннъ, всей душой отдающійся духовнымъ занятіямъ праздниковъ, непосредственно послѣ нихъ обыкновенно или садится въ уединеніи своего маленькаго кабинета за журналы и другія книги, или въ ясные дни отправляется на уединенныя прогулки. Это уединеніе раздѣляетъ съ нимъ развѣ только жена его, когда домашнія занятія не отвлекаютъ ее отъ мужа.

Я, дѣйствительно, нашемъ о. Іоанна въ его маленькомъ кабинетѣ. Еще снимая верхнюю одежду въ смежной съ этимъ кабинетомъ передней, я услышалъ голосъ о. Іоанна читающаго что-то вслухъ: потому что онъ былъ самъ-другъ съ своею женою Я подумалъ, не читаютъ ли они вдвоемъ газетъ о «польскихъ дѣлахъ»: то-то было бы это кстати къ цѣли моего пріѣзда къ почтенному священнику. Оказалось, что онъ читалъ женѣ недавно вышедшія въ свѣтъ «поученія о богослуженіи» священника Владиславлева». Я тотчасъ же признался радушнымъ хозяевамъ, что я надѣялся увидѣть ихъ за другимъ чтеніемъ, за чтеніемъ извѣстій и статей о польскомъ дѣлѣ.

— Видно, замѣтилъ я при этомъ о Іоанну, мірской политическій шумъ все же не такъ сроденъ мирному уединенію духовнаго человѣка, какъ Святая мысль о богослуженіи нашей Православной Церкви. Нужды нѣтъ, что вы любите открывать или проводить духовное и въ мірскихъ средахъ.

— А знаете ли возразилъ священникъ, съ какою мыслію мы припялись за чтеніе этой книжки?—съ мыслію именно о славословіи Серафимовъ, раздающемся непрестанно во славу Господа, которою «полна вся земля» (Ис VI.), и которая, значитъ, раскрывается и въ современныхъ движеніяхъ нашего земнаго міра. Такія славословія возглашались еще въ ветхомъ завѣтѣ небеснымъ созерцателями и служителями Божіихъ судебъ, совершающихся въ нашемъ мірѣ (Ис. VI.);— эта же великая мысль о славѣ Божіихъ судебъ, наполняющей нашу землю, выражается и въ духѣ нашего православнаго богослуженія.—Да вы читали эти «поученія о богослуженіи Право-

славной Церкви»?—спросилъ меня о. Іоаннъ, указывая на книжку, которую онъ читалъ съ своей женою.

— Успѣлъ прочитать только два или три поученія, не болѣе, отвѣчалъ я,—и то по тому поводу, что мнѣ на дняхъ сообщилъ эти «поученія» одинъ товарищъ сочинителя, заинтересовавшій меня своими разсказами о немъ, какъ въ товариществѣ звали его «папенькою» за его участіе въ веселыхъ студенческихъ развлеченіяхъ, хотя всѣ знали, что они были вовсе не по личному его духу и настроенію. Студенты разсудили, что такъ поступать могутъ только *папеньки* съ своими баловнями-дѣтьми.

— Вотъ какъ!—весело сказалъ о. Іоаннъ Этотъ разсказъ о товарищескомъ прозваніи Владиславлева «папенькою» не мало выясняетъ кроткій, добродушный, елейномягкій характеръ и тонъ его поученій. Вы, конечно, успѣли замѣтить это и изъ двухъ или трехъ поученій, прочитанныхъ вами. Не меньшее достоинство поученій составляютъ и главныя мысли проповѣдника, которыя онъ проводитъ во всѣхъ своихъ поученіяхъ о богослуженіи. Этихъ господствующихъ мыслей, въ полной ихъ силѣ, вы, конечно, не довольно могли услѣдить изъ прочитанныхъ вами двухъ—трехъ поученій.

— Ну-такъ вы скажите мнѣ эти господствующія въ «поученіяхъ» мысли,—просилъ я. Я знаю, что вы прежде всего сведете ихъ въ одну основную мысль. Это обобщеніе такъ люблю я;—такъ нужно это для лучшаго выясненія предмета.

— Въ богослуженіи Православной вселенской Церкви, отвѣчалъ о. Іоаннъ, раскрывается или выражается, какъ мы ужъ сказали, духъ того непереставшаго никогда богослуженія, за которымъ слава Господа нашего наполняетъ всю землю, при служеніи тому всего Ангельскаго міра. «Вы приступили, говоритъ Апостолъ всѣмъ вѣрующимъ (Евр. XII, 28), къ горѣ Сіону и ко граду Бога живаго, къ небесному Іерусалиму и тмамъ Ангеловъ, къ торжествующему собору и Церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ Судіи всѣхъ Богу, и къ духомъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ Ходатаю новаго завѣта Іисусу и къ крови кропленія, говорящей лучше нежели

Авелева.» Это и есть основная мысль «поученій о богослуженіи Православной Церкви.» Такъ въ поученіяхъ *о всенощномъ бдѣніи* проповѣдникъ выясняетъ, что въ первой, *вечерней* части этого богослуженія воспоминается, безъ сомнѣнія не по мертвой буквѣ, а въ живой силѣ дѣла (*) ветхозавѣтное Божественное путеводительство церкви, приведшее уже человѣка ко Христу въ новый завѣтъ. Самый порядокъ этого путеводительства отразился въ порядкѣ вечерней части всенощнаго бдѣнія. Сказать тоже другими словами: въ первой части нашей «всенощной» дается вѣрѣ молитвенно созерцать и воспѣвать славу Господа, какъ она, сіяя теперь въ новомъ завѣтѣ полнымъ духовнымъ свѣтомъ, еще въ ветхомъ завѣтѣ наполняла всю нашу землю, созерцаемая Св. пророками и праотцами, ощущаемая всѣми вѣрующими и въ своихъ, еще только предварительныхъ и образныхъ, проявленіяхъ отражаясь во всей области видимаго и естественнаго (**), свѣтя этимъ, предначинательнымъ своимъ свѣтомъ даже и во тьму язычества, «подавлявшаго истину неправдою» (Рим. I, 18), но всё таки своею тьмою не объявшаго и неуничтожившаго силы свѣта (***). Въ другой же, именно *утренней* части «всенощной» дается вѣрѣ созерцать и славословить славу Господа, какъ она открылась міру въ существенномъ своемъ сіяніи,—въ воплощеніи самаго Господа, и на вѣки во всю землю свѣтитъ въ Церкви истиною и благодатію новаго завѣта, представляя уже въ осуществленіи свои ветхозавѣтные образы и предъявленія. Въ *литургіи* вѣрѣ дается входить въ благодатную силу всего дѣла Христова, явленія Его міру съ проповѣдію и чудесами, особенно Его смерти,

(*) Для непривыкшихъ къ подобному образу выраженія, надо замѣтить, что воспоминать что-либо не по мертвой буквѣ, а въ живой силѣ дѣла, значитъ воспоминать такъ, чтобы имѣть въ виду не одну внѣшность, а и внутренній смыслъ и силу воспоминаемаго.

(**) Моисеево законодательство, предъизображающее Христовы блага, касается всей области видимаго естественнаго.

(***) А. Павелъ свидѣтельствуетъ, язычники не только двигались и существовали Господомъ, но и не переставали болѣе или менѣе принадлежать къ самому *роду Божію*, и чтили, только какъ невѣдомаго, Самаго же Господа (Дѣян. XVII, 28, 29, 23). Въ устроеніи этого не только въ цѣлыхъ разныхъ народахъ языческихъ, но и въ отдѣльныхъ личностяхъ язычниковъ, сколько проявилось, въ виду Св. Ангеловъ, невидѣнной славы Господа!

воскресенія и вознесенія на небеса, а это дѣло Христово есть средоточное и основное для всѣхъ судебъ міра. Поэтому мы съ женою и взялись вмѣстѣ прочитать «поученія» о. Владиславлева, которыя раскрываютъ такой смыслъ и духъ православнаго богослуженія. Чрезъ это чтеніе намъ хочется настроить себя—такъ слѣдить за судьбами міра, слѣдовательно и за современными его движеніями, касающимися прямо нашего отечества, чтобы духомъ и намъ присутствовать великимъ богослуженіемъ во всеобъемлющемъ храмѣ славы Господней, наполняющей всю землю и движущей весь міръ.

Такъ началась наша продолжительная бесѣда съ отцемъ Іоанномъ, которую я, для удобности обозрѣнія всего ея хода, раздѣлю на нѣсколько отдѣловъ.

I.

— Позвольте вамъ сказать, отозвался я на слова о. Іоанна,— вѣдь слишкомъ мало для такого напоминанія судебъ міра, какое вы сейчасъ выразили, только *такъ настроить себя!* Надо еще хорошенько выяснить себѣ эту возвышенную мысль о совершающемся чрезъ судьбы міра непрестающемъ богослуженіи во всеобъемлющемъ храмѣ славы Господней... (Евр. XII, 28). Надо выяснить эту мысль какъ саму-по-себѣ, такъ и въ ея примѣненіяхъ, хоть, напримѣръ, въ примѣненіи къ современнымъ движеніямъ міра по «польскому вопросу»; объ этомъ послѣднемъ я особенно прошу васъ. Я нарочно пріѣхалъ сюда поговорить съ вами объ этомъ, всѣхъ серьёзно занимающимъ, польскомъ вопросѣ. Но возвращаюсь къ вашей мысли: *такъ настроить себя!* Да кажется мнѣ,—(и на это прежде всего обратите ваше вниманіе), — рѣшительно ничѣмъ не настроите себя такъ смотрѣть на волненія мірскія, что какъ будто бы при этомъ присутствуете вы за богослуженіемъ; это совсѣмъ неестественно, особенно если вы еще будете *не общо*, а обстоятельно до подробностей вникать въ эти волненія мірскія,—не говорю уже о случаяхъ вашего непосредственнаго участія въ нихъ или увлеченія ими. По крайней мѣрѣ, для меня не по-

нятно, какъ быть духомъ какъ будто за великимъ богослуженіемъ небеснымъ, слѣдя за мірскими треволненіями и, тѣмъ болѣе, принимая въ нихъ участіе. Объясните мнѣ возможность этого.

— Знаю, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ, что вы не сомнѣваетесь въ бытіи міра безплотнаго. Представьте же себѣ, въ отношеніи къ зрѣлищу волненій мірскихъ, зрителей изъ духовнаго міра безплотныхъ—съ двухъ сторонъ—свѣтлой и омраченной. Духи мрака, какъ знаемъ изъ самаго Слова Божія, напр: изъ книги Іова, обходятъ всю землю, слѣдя за всѣмъ; смотря на все съ точки зрѣнія мрака, они не только услаждаются зломъ, волнуя имъ и себя и міръ, но усиливаются оклеветать и заподозрить въ несостоятельности и фальшивости самое добро. Духи свѣта не менѣе, а еще несравненно болѣе обстоятельно и точно, нежели духи тьмы, слѣдятъ и видятъ въ свѣтѣ Божіемъ все, совершающееся въ мірѣ—и добро и худо. Они принимаютъ и живое участіе во всемъ, содѣйствуя добру и противоборствуя злу. Но созерцая, какъ не только добро исходитъ отъ полноты благодати и истины Христовой, а зло міра, отяготѣвшее бременемъ своей виновности предъ Богомъ и смертоносности для людей на Христѣ Агнцѣ Божіемъ (*), закланномъ въ мысли Божіей отъ сложенія міра, непрестанно силою и дѣйствіемъ крестной животворной Его смерти изглаждается или обращается въ торжество добра,—созерцая это безплотныя *свѣты* хоромъ истинно вселенскаго богослуженія, неумолкаемо и со всею строгостію истины, возглашаютъ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ! Исполнь* (полна) *вся земля славы Его!* (Ис. VI, 3). На какую сторону обозрѣвателей событій и волненій мірскихъ желаете вы поставить и себя и меня и другихъ?—Ангеловъ свѣта или тьмы?

(*) Всѣ подобныя выраженія въ статьѣ означаютъ, разумѣется, не то, чтобы и нераскаянная грѣховность ужъ перестала быть виновною и губительною, а то, что Господь, съ своей стороны, дѣйствительно удовлетворилъ Божественному Правосудію за всѣхъ грѣшниковъ и за всѣ грѣхи міра чрезъ Свое человѣколюбивое самопожертвованіе до смерти, до непостижимаго оставленія Его самимъ Отцемъ небеснымъ.

— Мы ни ангелы, ни демоны, поспѣшилъ отвѣтить я, а люди грѣшные, однакожъ любящіе или, покрайней мѣрѣ, желающіе любить добро; займемъ же середину между ангелами и демонами. Смотрѣть по ангельски на міръ мы не въ состояніи, но и подьявольски обозрѣвать міръ не хотимъ.

— Другъ мой!—возразилъ мнѣ о. Іоаннъ съ живостію.— Въ дѣйствительности-то вѣдь нѣтъ среднихъ мѣстъ между сторонами свѣта и мрака. Можно намъ грѣшнымъ людямъ одну минуту принадлежать этой сторонѣ, а въ другую противоположной; или даже, въ одно и тоже время, можно въ извѣстномъ отношеніи держаться одной стороны, а въ другомъ отношеніи не отставать и отъ противной стороны Но не найдете вы средины между тою и другою стороною, между бѣсовскою стороною возмущенія и клеветы, волнующеюся и волнующею міръ зломъ, и ангельскою стороною непрестающаго богослуженія, созерцательно и дѣятельно служащею Господу, какъ Онъ наполняетъ всю землю своею Славою, источая отъ Себя все доброе и вземля на Себя грѣхи міра. Само собою разумѣется, что мы люди, становясь въ томъ или въ другомъ отношеніи, въ то или другое время, на одну изъ указанныхъ сторонъ, только еще въ малозамѣтномъ зародышѣ или сѣмечкѣ принимаемъ свѣтъ или мракъ этой стороны. Что же? Вѣдь, когда нибудь этотъ зародышъ разовьется въ насъ до зрѣлости, свойственной духамъ свѣта или мрака; изъ сѣмечка свѣта или мрака, если оно не будетъ подавлено или исторгнуто, изникнетъ въ свое время небесный или адскій плодъ. Поэтому странно, если разсуждающій человѣкъ такъ легко сталъ бы относиться къ тому или другому роду обозрѣнія мірскихъ движеній и судебъ: «мы ни демоны, ни ангелы; будемъ спокойны и довольны, стоя на срединѣ между ними; будемъ смотрѣть на дѣла и событія мірскія, даже и участвовать въ нихъ, то по-ангельски, то-по-бѣсовски, какъ кому придется по его образованію, характеру, внутреннему и внѣшнему положенію.» Нѣтъ, мой братъ, такъ легкомысленно не годится настроивать себя. Съ своей стороны, я желалъ-бы, хоть просто по-младенчески, настроивать себя и другихъ къ такому обозрѣнію и изученію движеній и волне-

ній мірскихъ, чтобы намъ, за этимъ самымъ дѣломъ, удаляться отъ мрачной клеветнической стороны, а болѣе и болѣе входить въ духъ и силу вотъ этого неумолкающаго Ангельскаго богослуженія: «Святъ, Святъ, Святъ Господь силъ; вся земля полна славы Его.»

— Комужъ не желательно будетъ это, если ему растолкуютъ самую силу этого дѣла?—сказалъ я. Но позвольте мнѣ, батюшка, въ разъясненіи предмета такой важности идти шагъ за шагомъ, не дѣлая скачковъ. Изъ вашихъ словъ я понялъ ясно пока то одно, что не безразличное дѣло—такъ или иначе слѣдить событія и движенія міра, что легко относиться къ этому дѣлу есть глупость, и глупость пагубная, что мнѣ слѣдуетъ (и я этого самъ хочу) серьёзно озаботиться выясненіемъ и принятіемъ надлежащаго воззрѣнія на волненія мірскія, именно воззрѣнія такого, какъ бы я присутствовалъ за великимъ непрестающимъ духовнымъ богослуженіемъ. Я ужъ чувствую отчасти самую возможность и доступность для меня такого воззрѣнія, когда вы не требуете съ ригоризмомъ отъ себя и отъ другихъ немедленной Ангельской зрѣлости этого воззрѣнія, а признаете необходимымъ въ людяхъ сначала младенчество или даже только зародышъ подобнаго воззрѣнія. Но все еще задерживаетъ меня явное противорѣчіе между шумомъ волненій мірскихъ и духовною тишиною Богослуженія. Какъ совмѣстить то и другое въ воззрѣніи на мірскія событія, какое вы впушаете? Естественно ли такое совмѣщеніе? Для Ангеловъ, можетъ быть, и естественно, но сдвали такъ для насъ грѣшныхъ людей?

— Разъяснить себѣ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, естественно ли намъ людямъ то Ангельское возрѣніе, чтобы, слѣдя за шумными мірскими волненіями, держаться въ духовной тишинѣ богослуженія,—вы можете вотъ какъ. Берите и разсматривайте это воззрѣніе въ самомъ его основаніи. Святые Ангелы видятъ всю землю полною славы Христа Бога собственно отъ того, что все доброе на землѣ видятъ исходящимъ отъ благодати Богочеловѣчества Господня, а все худое низлагаемымъ и упраздняемымъ въ Немъ же, какъ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхъ міра. Хотите ли удостовѣренія на то, что это дѣйствительно такъ?

— То видѣніе, что небесные духи созерцаютъ и воспѣваютъ славу Господню, наполняющую всю землю, дано было еще въ ветхомъ завѣтѣ Пророку Исаіи; а въ томъ своемъ смыслѣ, что оно было видѣніемъ именно славы Господа Богочеловѣка,— протолковано оно уже въ новомъ завѣтѣ Евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ (Іоан. XII, 41). Этого достаточно для нашего удостовѣренія въ томъ, что въ видѣніи открыто не одновременное, а непрерывающееся, обнимающее ветхозавѣтныя и новозавѣтныя времена, проявленіе на землѣ славы Христа-Богочеловѣка предъ очами безплотныхъ. А что слава Господа Богочеловѣка проявляется на землѣ именно тѣмъ, что Онъ оказался, съ одной стороны, вземлющимъ грѣхи міра, а съ другой, источникомъ всего истинно-добраго для нашего міра, это извѣстно изъ самаго существа домостроительства Христова. Соображая все это, мы ужъ не можемъ сомнѣваться, что безплотные созерцаютъ и исповѣдаютъ славу Богочеловѣка наполняющею во всѣ времена весь нашъ міръ, дѣйствительно, потому, что видятъ все доброе въ этомъ мірѣ происходящимъ отъ полноты Богочеловѣка и все худое вземлемымъ и потому упраздняемымъ и истребляемымъ отъ Него же, Богочеловѣка. Не отвлекая взоровъ отъ Господа, источающаго все лучшее отъ полноты Своей благодати и вземлющаго грѣхи міра по Своему человѣколюбію, Святые Ангелы собственно поэтому и невозмущаются или не разстроиваются тревожно видомъ волненій мірскихъ, а сохраняютъ торжественную тишину непрерывнаго богослуженія: *Свято, Свято, Свято Господь Саваоѳъ! Исполнь вся земля славы Его!* Потому-то вопросъ, естественно ли и людямъ такое воззрѣніе и настроеніе, теперь можно поставить такъ: естественно ли и намъ людямъ слѣдить и изучать движенія міра, не отвлекая взоровъ отъ Господа, вземлющаго грѣхи міра и дающаго міру всякое истинное благо, благо самой истины и правды, пользы и радости? Естественно ли это? Но вѣдь поступать иначе значило бы остановиться только на внѣшности всего, происходящаго въ мірѣ, не вникая въ самую сущность всего этого. Такое поверхностное, неовладѣвающее существомъ предмета, воззрѣніе было бы недостойно разум-

ности человѣческой. Неужели же неразумное болѣе естественно намъ, чѣмъ разумное? Напротивъ!! Значитъ, надо признать очень и очень естественнымъ для насъ людей имѣть такое воззрѣніе на вещи и событія міра, чтобы при этомъ не отвлекать взоровъ и отъ Того, Кто, по домостроительству Своего Боговоплощенія, не только въ Себѣ Самомъ сосредоточилъ всю лучшую сторону человѣчества, но на Себя же подъялъ и грѣхи всего міра. Въ противномъ случаѣ, самую разумность, не поверхностную, а основательную разумность надо было бы признать тоже неестественною людямъ.

— Такъ, такъ, мой батюшка!—сказалъ я съ невольною грустью.—Но все же мнѣ, противъ моей воли, представляется воззрѣніе которое вы внушаете, слишкомъ высокимъ и труднымъ для насъ людей.

— Мнѣ кажется.—отвѣчалъ на мои слова о. Іоаннъ, пугаемся мы трудности или высоты этого воззрѣнія единственно по нашей непривычкѣ или отвычкѣ разсуждать обо всемъ съ Господомъ и по Господу, какъ именно слѣдуетъ Христіанамъ. Сказать иначе: мы пугаемся дѣла только потому, что не беремся за это дѣло серьезно. Вы согласитесь со мною, когда возьмете во вниманіе это дѣло не въ отвлеченной мысли о немъ, а въ самой дѣйствительности. Вы знаете, что какъ отяготѣніе на Господѣ грѣховъ міра, такъ и вся безпредѣльная полнота, источающей гибнущимъ всякое добро, благодати Господней—открылись именно въ распятіи Господа на крестѣ. Вы знаете, какъ совершилось въ мірѣ это чрезвычайное событіе. Народъ избранный волновался и кричалъ: распять Его! Вожди народа были подстрекателями его къ такому возмущенію и безпорядкамъ. Языческій правитель терялся въ малодушіи; вооруженная прислуга его ругалась надъ Всесвятымъ Страдальцемъ; правда и милосердіе напоминались развѣ только женою правителя, напуганною ночнымъ сновидѣніемъ о подсудимомъ праведникѣ. Самое распятіе Божественнаго Страдальца не удовлетворяло и не успокоивало безумія злобныхъ; при самомъ крестѣ слышались насмѣшки и хулы надъ распятымъ, со стороны даже священниковъ и ученыхъ (книжниковъ). Друзья и присные Его разбѣ-

жались въ страхѣ; при крестѣ остались только два-три человѣка изъ самыхъ близкихъ къ Господу. Такому шуму и безпорядочному волненію отвѣтила, наконецъ, и сама природа землетрясеніемъ, разрывомъ камней, омраченіемъ самаго солнца. Скажите же мнѣ теперь по совѣсти: неужели не сродно вамъ, вѣрующему во Христа человѣку, такъ слѣдить и изучать все это волненіе міра нравственнаго и физическаго, сопровождавшее страданія и крестную смерть Господа,—чтобы при этомъ не отвлекать взоровъ своей мысли и чувства отъ Самаго Господа, приводящаго Своимъ крестомъ грѣшный и погибающій міръ въ любовь Своего Отца? Неужели сроднѣе было-бы вамъ какое нибудь иное воззрѣніе на все тогдашнее движеніе міра, воззрѣніе разсѣянное, суетливое, а не сосредоточенное въ распятомъ Господѣ?

— Батюшка, батюшка! какъ славно вы поймали меня, отвѣтилъ я, самъ обрадовавшись обороту дѣла, противъ котораго я ничего не могъ бы сказать.

— Духъ и сила распятія Христова продолжалъ о. Іоаннъ, простираются на всѣ времена и судьбы нашего міра; потому что вѣдь, дѣйствительно, тяготѣла тогда на распятомъ вся темная сторона міра, всѣ грѣхи его изъ всѣхъ временъ, и открывался въ томъ же Распятомъ источникъ всякаго блага и благоволенія для грѣшнаго и гибнущаго міра. Итакъ пусть вамъ приходится слѣдить и изучать самыя шумныя и безпорядочныя волненія міра; пусть вы напрасно бы среди нихъ искали, на чемъ порядочномъ и добромъ успокоиться вашею мыслію и чувствомъ; шумъ и гамъ совсѣмъ оглушали бы и подавляли васъ. Что жъ? Этотъ духовно-голгоѳскій шумъ и волненіе мірское неужели уже и не дадутъ вашей вѣрѣ поднять глаза къ распятому за міръ голгоѳскому Страдальцу? Это было бы неестественно для вашего, живущаго Христомъ, ума и сердца. Напротивъ, естественнѣе и сроднѣе вамъ, слѣдя какое бы ни было шумное волненіе мірское, не спускать глазъ своей вѣры съ распятаго Господа, вземлющаго грѣхи волнующагося міра, а чрезъ это еще держащаго этотъ міръ въ милости Своего Отца и такимъ образомъ даже *во тьмѣ* мірской *свѣтящаго* благодатію Своего Духа. Вы сами охотно сознали это. А когда такъ, то вы, и

слѣдя или видя самое шумное и безпорядочное движеніе міра, безъ затрудненія поставите себя за богослуженіемъ, совершаемымъ самимъ вѣчнымъ Іереемъ и Архіереемъ при жертвоприношеніи Имъ Себя Самаго Отцу, со славословіями Серафимовъ предъ этою Божественною славою, наполняющею всю землю.

II.

— Благодарю васъ, мой добрый руководитель—батюшка, сказалъ я. Я вполнѣ удовлетворенъ вашими объясненіями, какъ сродно и естественно для вѣры нашей это Ангельское воззрѣніе на міръ съ его волненіями. Но долженъ я признаться вамъ, что какъ-то недостаточно улаживается это воззрѣніе, въ моей головѣ, съ другими моими понятіями. Я вѣрую въ Промыслъ Божій, сохраняющій міръ и управляющій имъ по своимъ, неизслѣдимымъ для насъ, предначертаніямъ и цѣлямъ. Конечно, эти мои общія понятія о Промыслѣ мало помогали мнѣ при обозрѣніи и изученіи дѣлъ и событій мірскихъ; потому что для меня, по этимъ понятіямъ, предполагаются невѣдомыми и даже неизслѣдимыми пути Божественнаго міроправленія. Я неизбѣжно останавливался только на общемъ, возвышенномъ, но холодномъ и неопредѣленномъ, или даже во-все неопредѣлимомъ, представленіи, что вышемірный Міроправитель, въ Своей недосягаемой для міра высотѣ, располагаетъ судьбами міра неизслѣдимымъ для меня образомъ. Вотъ теперь, желая привить внушаемое вами воззрѣніе ко всей системѣ моихъ мыслей, я и путаюсь между этимъ воззрѣніемъ и привычнымъ моимъ представленіемъ о Промыслѣ. Изволите видѣть, въ чемъ дѣло. Я понимаю и чувствую, что ваше воззрѣніе на міръ и его судьбы и движенія не менѣе возвышенно, но много жизненнѣе и теплѣе, плодотворнѣе моего привычнаго представленія о Промыслѣ и міроправленіи Божіемъ. Съ этимъ моимъ представленіемъ, я слѣдилъ или изучалъ факты того или другаго мірскаго движенія, внутреннюю между ними связь и послѣдовательный ихъ порядокъ; и только по временамъ, и то болѣе по внутреннему моему побужденію, чѣмъ по требованію самаго предмета, вспо-

миналъ о высшемъ міроправленіи. Но теперь, слѣдуя вашему воззрѣнію, я не могу имѣть въ виду ни одной черты, никакого факта, а тѣмъ болѣе слѣдить связь и порядокъ многихъ фактовъ, не представляя въ тоже время Того, Кому не чуждо ничто человѣческое, на Комъ все зло міра отяготѣло какъ на Агнцѣ, вземлющемъ грѣхи міра, и отъ Кого исходитъ для міра всякое благо, являющееся не только въ своемъ совершенствѣ, но и въ разныхъ начаткахъ и отраженіяхъ своихъ. Тутъ у меня, я вижу, будетъ во всемъ изученіе самой Христовой истины и благодати, хотя въ тоже время не будетъ ускользать изъ моего вниманія и ничего безблагодатнаго въ мірѣ. Исторія, политика, политическая экономія, наука о правѣ, вообще все, относящееся къ жизни и развитію человѣчества, у меня должно преобразоваться; міръ является мнѣ не только областію во злѣ лежащею, но и великою средою для раскрытія благодати Богочеловѣка, вземлющаго зло міра на Себя. Все это такъ,—я вижу и понимаю это. Но какъ же мнѣ быть съ обычнымъ моимъ представленіемъ о міроправительномъ Промыслѣ? Какъ мнѣ объединить его съ новымъ воззрѣніемъ? Или надо уже совсѣмъ измѣнить прежнее представленіе?

О. Іоаннъ, выслушавъ меня, сначала весело разсмѣялся на мое затрудненіе, а потомъ и самъ задумался.

— По правдѣ-то говоря, такъ началъ онъ затѣмъ свою рѣчь, путаться не́чего отъ того, что обычное ваше представленіе только выясняется и дополняется воззрѣніемъ, совсѣмъ не новымъ, а только непривычнымъ для васъ. Привычное представленіе ваше о Промыслѣ слишкомъ общо и холодно именно отъ того, что оно неполно, или недостаточно раскрыто. Таково у насъ и привычное представленіе о міротвореніи. Впрочемъ я указываю на это послѣднее не просто только *тако-ка-слову*. Представленіе о міроправительномъ промышленіи находится въ существенной связи съ представленіемъ о міротвореніи. Вы, конечно, знаете, что въ Божественномъ промышленіи о мірѣ богословы видятъ какъ бы продолженіе дѣйствія самаго творенія міра; это именно въ томъ смыслѣ, что Господь промыслительно *носитъ всяческая* такъ же *глаголомъ силы Своея* (Евр. I, 3),

какъ Онъ и воззвалъ всяческая къ бытію изъ небытія въ міротвореніи. Но въ представленіи о міротвореніи мы останавливаемся обыкновенно на томъ только актѣ Божественнаго творчества, что Всемогущій рече и—быша, повелѣвалъ быть созданіямъ и созданія немедленно являлись въ бытіи. Представленіе величественное, вѣрное, но не вполнѣ еще обозначающее самое существо дѣла въ Божественномъ творчествѣ! Таково у насъ и привычное представленіе о Божественномъ промышленіи. Иначе и быть не можетъ по внутренней связи между тѣмъ и другимъ представленіемъ.

— Скажите же, ради Бога, просплъ я,—какъ въ надлежащей полнотѣ и жизненности представлять намъ тайну Божественнаго творчества, чтобы жизненнѣе и полнѣе было и представленіе наше о Божіемъ Промыслѣ.

О. Іоаннъ продолжалъ: Отецъ небесный, дѣйствительно, *рече* въ Своемъ упостасномъ или личномъ Словѣ, *и быша*; но Онъ изрекалъ мысль и волю Свою о бытіи созданій, опредѣляя въ тоже время Самому Своему личному Слову или Сыну взять на себя бремя всѣхъ, провидѣнныхъ тогда же, грѣховныхъ нестроеній міра. Богъ Слово, по мысли Своего Единодушнаго Отца, всемощно творилъ, но тогда же обрекая уже Себя на безмѣрное самопожертвованіе для удержанія новотворимаго міра въ даруемомъ ему значеніи и назначеніи, не смотря на провидѣнную уже невѣрность міра этому Своему назначенію и значенію. И Духъ Святый утверждалъ въ бытіи новосозидаемыя твари, осѣняя ихъ именно въ такомъ направленіи и настроеніи творческой любви, что тогда же *отъ сложенія міра*, въ любви и мысли Божіей, какъ бы было уже произведено за созидаемый міръ *закланіе* за него *Агнца Божія* (Апокал. XIII, 8). Такимъ образомъ дѣйствіе міротворенія надо представлять не просто только актомъ такого всемогущества, которому ничего не стоило вызывать созданія изъ небытія къ бытію, но вмѣстѣ и такимъ движеніемъ или дѣйствіемъ и проявленіемъ Божества, что существенное сіяніе Отца—Богъ Слово, имѣющій почивающимъ въ Себѣ Духа Святаго, созидая міръ, рѣшительнымъ опредѣленіемъ совѣта всей Пресвятой Троицы и особенною готовностію

Своей личной любви къ міру, какъ бы уже истощался тогда же до снисхожденія въ тварное бытіе воплощеніемъ, и даже до смертельнаго во плоти закланія за созидаемый Имъ міръ... . Вѣдь не другое, а именно это прямое значеніе должно принадлежать выраженію слова Божія о Господѣ, какъ *Агнцѣ, заколенномъ отъ сложенія міра.* Если-бы въ этомъ выраженіи означалась мысль только о *предопредѣленіи* закланія Агнца Божія, то это предопредѣленіе было (какъ и есть) отъ вѣчности, а не отъ сложенія только міра. Но въ словѣ Божіемъ говорится о «книгѣ жизни Агнца, закланнаго отъ *сложенія міра*», а не отъ вѣчности. Видно, при самомъ сложеніи или созданіи міра, тайна закланія Агнца Божія была уже въ такомъ дѣйствіи, что эта тайна какъ бы уже совершалась. Въ какомъ же это дѣйствіи? Прежде дѣйствительнаго совершенія этой тайны, другаго подобнаго ей дѣйствія не могло и быть кромѣ того, что Господь творилъ міръ, рѣшимостію и настроеніемъ Своей творческой любви, какъ бы уже отдавая Самаго Себя на закланіе за творимый имъ міръ; и только на этомъ основаніи, начертывалъ Онъ для бытія и жизни *имена* созданій, особенно существъ нравственныхъ, въ Своей *книгѣ жизни* (Апокал. XIII, 8). Итакъ бытіе наше, какъ и бытіе всего міра, творчески даровано, дѣйствительно, такъ, что Всемогущій *рече и—быша*; но тѣмъ не менѣе дорого, дорого стоило наше бытіе, какъ и бытіе міра, нашему Создателю,—основаніемъ и цѣною этого бытія тогда же было постановлено закланіе Агнца Божія, какимъ имѣлъ и съ Своей стороны уже готовъ былъ содѣлаться Самъ Создатель. Міротвореніе было актомъ всемогущества и, нераздѣльно съ этимъ, безконечнаго всесвободнаго самопожертвованія творческой любви, связавшей бытіе и судьбу міра съ закланіемъ Агнца Божія, тогда же уже рѣшеннымъ и дѣйствовавшимъ въ такой живой силѣ, что какъ будто оно уже и состоялось. Агнецъ въ словѣ Божіемъ представляется уже *заколеннымъ* отъ сложенія міра. Угодно ли еще глубже и живѣе войти въ эту истину? Святый Златоустъ, выясняя въ одномъ мѣстѣ это выраженіе: отъ *сложенія міра*, филологически разбираетъ понятіе *сложенія* (греч. καταβολή не просто *сложеніе* или *составленіе*, но и

повержение или *бросание внизъ*); и отсюда развиваетъ такую мысль, что, творя міръ, Создатель, съ безконечной высоты Своей самобытности, точно какъ бы повергалъ или бросалъ міръ въ глубокую низменность тварнаго его бытія. Соедините же теперь съ этимъ святоотеческимъ представленіемъ мысль объ *Агнцѣ Божіемъ, закланномъ отъ сложенія міра.* И вотъ выходитъ, что Господь, въ дѣлѣ міротворенія съ высоты Своего самобытнаго и всемощнаго величія бросая, такъ сказать, міръ въ низменность бытія тварнаго, въ тоже время духомъ и рѣшеніемъ самоотверженной любви Своей къ міру и Самъ Себѣ положилъ уже низойти въ эту же тварную низменность міра, низойти даже ниже ея до принятія на Себя провидѣнныхъ уже Имъ грѣховъ міра, повергающихъ тварь ниже самаго ничтожества, какъ немятежнаго противъ Бога. Такимъ-то именно образомъ Онъ, любовію Своею заколенный уже отъ сложенія міра Агнецъ, такъ создалъ и утвердилъ вселенную, по опредѣляющей мысли Отца и съ запечатлѣвающимъ подтвержденіемъ Духа, что она *не подвижется во вѣкъ* въ своемъ бытіи, значеніи и назначеніи, не смотря ни на какія нравственные и физическіе въ ней перевороты. Довольно ли сказаннаго для полноты и ясности вашего представленія о дѣлѣ міротворенія?

Я нашелся только сказать это:

— Дай, Богъ, вамъ всего добраго! Но, батюшка, слѣдуетъ перейти намъ къ представленію о Промыслѣ Божіемъ.

О. Іоаннъ продолжалъ: Промышленіе Божіе о мірѣ есть, какъ мы ужъ говорили объ этомъ, продолженіе творенія въ томъ отношеніи, что Господь промыслительно *носитъ всяческая* такъ же *глаголомъ силы Своея,* какъ Онъ и создалъ всяческая. Если Господь и созидалъ міръ такъ, что тогда же обрекалъ Себя на закланіе въ качествѣ вземлющаго грѣхи міра Агнца; то Онъ и сохраняетъ міръ и управляетъ имъ въ духѣ и силѣ той же Своей благодати, именно все доброе въ мірѣ изливая отъ Себя, а зло міра вземля на Себя или угашая въ крови Своей, пролить которую Онъ положилъ и даже стремился и готовъ былъ отъ самаго сложенія міра. Это самое, какъ знаете, и составляетъ основаніе того Ангельскаго воззрѣнія, предъ которымъ вся земля

полна славы Господа, и съ которымъ, потому, обозрѣвая міръ и его движенія, естественно духомъ присутствовать за непрестающимъ горнимъ богослуженіемъ.... Тутъ остается непрогнутымъ въ своей силѣ и то представленіе, что Господь, сохраняя міръ и управляя имъ, остается Самъ въ вышемірной Своей высотѣ, невозмутимый и невоспящаемый въ Своемъ міроправленіи никакими нестроеніями міра. Только поставляется на видъ, что Господь пребываетъ въ невозмутимой ничѣмъ мірскимъ высотѣ не по холодному какому безстрастію, а по силѣ той Своей любви къ міру, по которой бремя всѣхъ мірскихъ грѣховныхъ нестроеній вполнѣ подъято и вынесено Имъ, въ качествѣ самопожертвованнаго Агнца, на Себѣ Самомъ; Отецъ небесный, при какихъ бы ни было видахъ мятежности мірской, успокоивается невозмутимымъ благоволеніемъ въ Своемъ Сынѣ, вземлющемъ отвѣтственность за все подобное на Себя, а Духъ Утѣшитель и дышетъ только этими всеблаженными движеніями Божественнаго благоволенія и любви. Слава Единосущной Троицѣ, невозмутимо пребывающей въ Своей вышемірной высотѣ не только по Своему существу, но и по самой неизслѣдимой любви Своей къ міру! Но въ этомъ—только еще одна сторона Божескаго промышленія, именно на сколько оно созерцается нашею вѣрою, по отношенію къ самому Божеству, или въ Божествѣ—Самомъ по себѣ. Разсматривая же Божественный Промыслъ по отношенію къ міру, мы увидимъ другую существенную сторону этого Божественнаго дѣйствія и проявленія въ мірѣ.

— Только, батюшка, напомиилъ я, вы не забудьте, что я иногда затрудняюсь совмѣщать и объединять разныя стороны одного и того же предмета или воззрѣнія. Вы разъясняйте мнѣ это.

— Не безпокойтесь, замѣтилъ о. Іоаннъ, вы сейчасъ же сами увидите, какъ обѣ, раскрываемыя нами, стороны Божественнаго промышленія входятъ одна въ другую и предполагаются одна другою. Если Господь, не только Самъ въ Себѣ открывъ міру единственный источникъ всякаго добра, но и Самъ на Себѣ вынесши и тѣмъ уже подорвавши въ самыхъ основаніяхъ всю громаду мірскаго грѣховнаго мятежничества, пребы-

ваетъ потому въ невозмутимой мірскими волненіями высотѣ Своей вседержавной любви къ міру,—высотѣ, истинно достойной вышемірнаго величія: то, по тому же самому, съ другой стороны, Онъ такъ вседержавствуетъ надъ міромъ, что въ послѣднемъ не совершается ни добра, ни худа, помимо всеобъемлющей мысли и воли Господа, благоволительной и содѣйственной по отношенію къ добру, попустительной по отношенію къ злу. Это не только въ отношеніи къ нравственному міру, но и къ физическому; такъ что напр. и такое добро, какъ красота полевой лиліи, идетъ отъ Отца небеснаго, одѣвающаго это свое созданіе (разумѣется, не иначе, какъ ради и чрезъ Сына Своего) лучше Соломонова великолѣпія, равно и такое зло, какъ смерть и паденіе воробья, бываетъ по особому распоряженію и мысли также Самаго Отца небеснаго (относящаго, разумѣется, и это злостраданіе твари, имѣющее корень въ человѣческомъ грѣхѣ, къ бремени Своего Агнца, заколеннаго за грѣшный гибнущій міръ.) Вы знаете это изъ прямыхъ Христовыхъ словъ въ Евангеліи (Мат. VI, 28—30. X, 29—31). Такъ-то именно и полна вся земля славы Господней! Дѣло промышленія Божія, разсматриваемое съ этой стороны, разнообразится въ своихъ проявленіяхъ до безконечности, судя по тому, на сколько и въ какихъ отношеніяхъ созданія воспринимаютъ или отвращаютъ отъ себя благоволеніе Божіе. Вы знаете въ словѣ Божіемъ такія изображенія Божескаго міроправленія: «увидѣлъ Господь Богъ, что умножились злобы человѣческія на землѣ... и раскаялся Богъ, что сотворилъ человѣка на землѣ» (Быт. VI, 5. 6). Или: «Богъ услышалъ стенаніе ихъ (Израильтянъ), и вспомнилъ Богъ завѣтъ свой съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ и увидѣлъ Богъ сыновъ Израилевыхъ, и сталъ Богъ знать ихъ.» (Исх. II, 24, 25). Это, конечно, человѣкообразныя изображенія; но изображенія, дѣйствительно, такихъ отношеній между людьми и Промыслителемъ, что люди или не даютъ въ себѣ никакого мѣста къ успокоенію промыслительной любви Божіей и вводятъ ее въ движеніе ревниваго отвращенія отъ нихъ, или привлекаютъ ее къ себѣ и тѣмъ приводятъ въ живое дѣйствіе благоволительные ея завѣты. Но при этомъ ужъ,

само собою разумѣется, и нашей вѣрѣ непремѣнно слѣдуетъ это доразумѣвать что, какъ въ случаяхъ перваго рода, страшная тяжесть отвращенія Божія отъ злобъ человѣческихъ падаетъ все же на Агнца Божія, поэтому именно и заколеннаго, въ мысли и настроеніи любви Божіей къ міру, уже *отъ сложенія міра* (иначе созданія, недающія успокоиться въ себѣ любви Божіей содѣлались бы немедленно жертвою вѣчной смерти и отверженія): такъ, и въ случаяхъ другаго рода, самая воспріимчивость людей къ милости Божіей условливается предначатіемъ или совершеніемъ сообразованія и общенія ихъ съ тѣмъ же Агнцемъ и возлюбленнымъ Сыномъ Божіимъ (ибо только ради Сына Божія созданія привлекаютъ къ себѣ любовь Отца; въ комъ или въ чемъ нѣтъ отпечатлѣнія или отсвѣта Сына, въ томъ нѣтъ и быть не можетъ мѣста для любви и милости Отца).

— Если тяжесть отвращенія Божія отъ злобъ человѣческихъ, возразилъ я, падаетъ собственно на Агнца Божія, то какое же значеніе имѣютъ разные роды казней или грозныхъ судовъ, совершаемыхъ надъ людьми то въ бѣдствіяхъ физическихъ, то въ разстройствѣ жизни частной и общественной, и т. п.?

— Пока не наступитъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, эта рѣшительная и существенная казнь надъ вѣчно отвергаемыми отъ Бога грѣшниками: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангелома его* (Мѳ. XXV, 41); дотолѣ суды и казни, совершаемые надъ грѣшниками, все еще направляются къ тому, *да судъ убо пріимутъ* они *плотію, поживутъ же по Бозѣ духомъ*, какъ сказалъ Апостолъ Петръ объ «умершихъ» подъ казнями и однакоже, какъ видно, нелишенныхъ совсѣмъ воспріимчивости къ «благовѣстію» благодати въ самой адской темницѣ (1 Петр. IV, 6. III, 19, 20). Да! Самъ Христосъ, въ сошествіе Свое во адъ, *проповѣдалъ* благовѣстіе спасенія даже такимъ исполинамъ зла, каковы были допотопные нечестивцы, упорно противившіеся долготерпѣнію Божію и наконецъ казненные всемірнымъ потопомъ. Чѣмъ, если не этою всемірною казнію, положены были въ нихъ сѣмена воспріимчивости къ такому снисхожденію для нихъ Христовой благодати? Это и утверждаетъ словомъ Божіимъ Ап Петръ:

на се и мертвымъ благовѣстися, да суде убо пріимутъ по человѣку плотію, поживутъ же по Богѣ духомъ. Такъ говоритъ Апостолъ въ слѣдъ за указаніемъ своимъ на сошествіе Христово во адъ для благовѣстія даже и допотопнымъ упорнымъ нечестивцамъ,—говоритъ именно—дѣлая примѣнительные выводы изъ этого въ назиданіе вѣры. Слѣдовательно онъ разумѣетъ не другихъ *мертвыхъ*, какъ этихъ допотопныхъ нечестивцевъ, умершихъ подъ казнію всемірнаго потопа, и не другое *благовѣстіе* имъ, какъ предложенное отъ Самаго Спасителя, сошедшаго и къ нимъ во адъ. Но Христово сошествіе во адъ, какъ и всѣ дѣла Христова домостроительства о спасеніи людей, сохраняетъ свой духъ и силу и на всѣ времена, т. е., въ отношеніи и ко всѣмъ людямъ, постигаемымъ судами и казнями. Само собою разумѣется, что мы не касаемся неразрѣшимаго для насъ, живущихъ на землѣ, вопроса, послушны ли, и въ какой степени послушны грѣшники, постигнутые казнями Христовой благодати, еще и къ нимъ снисходящей или еще неоставившей ихъ рѣшительно. Святая Церковь, съ своей стороны, помогаетъ имъ въ этомъ своими *молитвами за умершихъ*, совершаемыми въ порядкѣ благодати.

III.

Я благодарилъ о. Іоанна за удовлетворительное для меня рѣшеніе моего возраженія и, извиняясь предъ нимъ, что отвлекъ его нѣсколько въ сторону отъ прямаго развитія мыслей, просилъ его сдѣлать окончательный выводъ изъ сказаннаго для выясненія своего воззрѣнія на движенія и судьбы міра.

— Мой выводъ, заговорилъ снова о. Іоаннъ, будетъ только повтореніемъ того, что я говорилъ ужъ вамъ. Слѣдите, или изучайте, судьбы и волненія міра, но не иначе, какъ съ неуклоннымъ взоромъ вѣры къ Господу—Агнцу Божію, закланному за всѣ роды и виды мірскаго зла, и полному благодати и истины источнику для міра всякаго дѣйствительнаго добра, Который *носитъ*, въ этой силѣ Своей любви къ міру, *вселенская*, на-

полняя такою Своею славою всю землю нашу, при созерцаніи и служеніи этому небесныхъ духовъ. При этомъ я считаю нужнымъ сказать вамъ однажды на всегда, что, когда я говорю о Господѣ, вы уже сами по себѣ разумѣйте и существенно сіяющую въ Немъ любовь и славу Отца небеснаго и почивающаго въ Немъ же Духа Святаго. А потому, слѣдя мірскія событія со взоромъ вѣры къ Господу, вы уже въ этомъ взорѣ вѣры непремѣнно соединяйте то представленіе или созерцаніе, какъ Господь Самъ въ Себѣ вводитъ Свои созданія, даже и грѣшныя, въ любовь и милость Своего Отца, которая и дѣйствуетъ на эти созданія, благодатію Святаго Духа. Такъ и будете присутствовать духомъ за вѣчнымъ богослуженіемъ, совершаемымъ отъ Самаго вѣчнаго Іерея и Архіерея и вмѣстѣ самозакланной Божественной Жертвы—отъ Господа нашего, при славословіи всѣхъ Святыхъ Ангеловъ. Вы при этомъ удержите и обычное свое представленіе о вышемірной высотѣ и неизслѣдимыхъ путяхъ этого дивнаго промышленія Господня о мірѣ; только будете доразумѣвать своею вѣрою, что всѣ эти пути основаны на домостроительствѣ Христа—Агнца Божія и проникнуты Его духомъ и что дѣло промышленія именно чрезъ это поставлено превыше всякихъ затрудненій, препятствій и возмущеній со стороны міра.

Соображая все слышанное мною у о. Іоанна, съ своимъ образомъ мыслей, я сознавалъ себя на столько удовлетворенным, что хотѣлъ было просить добраго батюшку, чтобы онъ сдѣлалъ примѣненіе раскрываемаго имъ воззрѣнія на мірскія событія и движенія къ какому либо извѣстному ряду подобныхъ событій и движеній, и именно къ современнымъ движеніямъ міра *по „польскому вопросу“*. Я для того и желалъ выяснить себѣ міросозерцаніе о. Іоанна съ разныхъ сторонъ, чтобы для меня легче и яснѣе было примѣненіе этого міросозерцанія къ польскимъ дѣламъ, столько волнующимъ и западную Европу и насъ Русскихъ. Но только я запнулся объ этомъ, какъ о. Іоаннъ прервалъ меня съ живостію какого-то нетерпѣнія или почти негодованія:

— Нѣтъ, нѣтъ! Погодите! Надо намъ сдѣлать еще другія, болѣе нужныя, примѣненія, именно примѣненія къ дѣлу мысли и жизни нашей—русской, безъ надлежащаго настроенія которыхъ, какъ безъ хорошихъ глазъ, мы не съумѣемъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться никакимъ добрымъ воззрѣніемъ. Вѣдь, мы, Русскіе, по образу мыслей о судьбахъ не только вообще міра, но и самаго нашего отечества, еще словно странствуемъ внѣ нашей родной земли. Недавно пришлось мнѣ читать одно за другимъ два извѣстныя англійскія сочиненія: Исторію цивилизаціи Англіи, *Бокля*, и исторію Англіи, *Маколея*. Читаешь эти книги, и видишь на каждой почти строчкѣ—такой складъ мыслей у ихъ авторовъ, что они, какъ англичане, владѣютъ вполнѣ англійскимъ духомъ, образомъ воззрѣнія и характеромъ своей общественной жизни; а потому въ своихъ книгахъ поставляютъ на видъ, и это они сами первые чувствуютъ, дѣйствительное и живое развитіе Англіи;—знакомство съ исторіей и жизнію другихъ странъ, только углубляютъ ихъ взоръ на свою родную страну. Напротивъ, читая нашихъ русскихъ авторовъ, пишущихъ о Россіи, объ ея обычаяхъ, повѣрьяхъ и проч., или слѣдящихъ и все развитіе русской жизни, не надивишься тому, какъ это ухитряются люди, указывая и поставляя, кажется, все факты, основанные по своей достовѣрности на свидѣтельствахъ и документахъ, показывать вамъ во-все не дѣйствительную, не родную нашу матушку Россію. А дѣло простое: смотрятъ эти господа на Россію и русское совсѣмъ не русскими глазами, и подъ ихъ взоромъ старые русскіе обычаи и понятія получаютъ какой-то оттѣнокъ дикій, полуязыческій, варварскій; а это—обычаи и понятія достойныя уваженія, въ существѣ дѣла разумныя, только болѣе или менѣе дѣтскія, требующія для раскрытія въ истинномъ своемъ смыслѣ одного, именно—зрѣлой отчетливости. Безъ разумѣнія смысла внутренней народной жизни весь ходъ нашей народной исторіи оказывается вырабатывающимъ много, много развѣ только (далеко впрочемъ не внутреннее) сплоченіе разныхъ составныхъ частей въ одно цѣлое и происходящую отъ этого внѣшнюю государственную твердость и внѣшнее могущество,—почему и поря-

докъ подобнаго развитія оказывается, тоже только съ какихъ либо наружныхъ сторонъ, похожимъ на развитіе чего либо живаго органическаго; а между тѣмъ эта православно-русская жизнь представляетъ, еслибы взглянуть на нее прямыми православно-русскими глазами, постепенное возрастаніе и созрѣваніе православныхъ воззрѣній и жизни для новаго ихъ пути, нужнаго всему міру,—міру христіанскому для очищенія его отъ разныхъ вѣковыхъ примѣсовъ неправомыслія, міру нехристіанскому для привитія и его къ животворному и просвѣтительному христіанству. Извините меня:—накопившаяся на сердцѣ горечь не то негодованія, не то скорби о русскихъ, смотрящихъ на Божій міръ и на самую Россію не русскими глазами, увлекли и меня тоже въ сторону отъ прямаго хода нашихъ мыслей.—Мнѣ хотѣлось бы, видите, сказать вамъ слова два о примѣненіи того воззрѣнія, о которомъ мы съ вами разсуждали, къ дѣлу нашей русской жизни и мысли. Подумайте, что, слѣдя и изучая мірскія дѣла и событія съ неуклоннымъ взоромъ вѣры къ Агнцу Божію—Богочеловѣку, Которому не чуждо ничто человѣческое,—добро, какъ отъ Него происходящее, а худо, какъ Имъ на Себя промыслительно вземлемое, вы естественно будете настраиваться самымъ человѣколюбивымъ или гуманнымъ духомъ; и эта гуманность будетъ не безплодная, а введетъ васъ въ живую связь съ людьми разныхъ временъ и народностей, какъ съ вашими истинными родными, и будетъ содѣйствовать, чрезъ самое ваше изученіе судебъ міра, къ успокоенію духа прешедшихъ историческихъ дѣятелей и цѣлыхъ поколѣній—успокоенію именно въ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ и ихъ грѣхи со грѣхами всего міра. Вотъ истинно-русское, православно-русское изученіе исторіи! Одно ужъ предощущеніе такого образа и духа изученія исторіи восхищаетъ Русскихъ: извѣстно, какой восторгъ возбуждался чтеніями одного профессора (теперь ужъ покойнаго) въ Московскомъ Университетѣ, чтеніями изъ средневѣковой исторіи, проникнутыми гуманнымъ духомъ или живымъ чувствомъ братства съ прежними людьми. Кромѣ того, въ вашемъ изученіи событій и судебъ міра, управляемомъ воззрѣніемъ къ вземлющему грѣхи міра Агнцу Божію, необходимо со-

единялась бы самая строгая точность фактовъ съ духовною возвышенностію направленія; потому что вы въ судьбахъ міра будете слѣдить собственно то, какое зло міра дѣйствительное, а не мнимое, налегло тяжестію своею на Агнца Божія, и какое истинное, а не воображаемое, добро отъ Него же исходитъ и раскрывается въ человѣчествѣ; — прибавлять или убавлять, ослаблять, или усиливать что̀ либо въ этомъ отношеніи значило бы для васъ посягать на оболганіе самой Господней истины и благодати этого все высочайшаго сокровища для Ангеловъ и человѣковъ. При этомъ, понятна будетъ для васъ и разумность въ порядкѣ судебъ человѣческихъ, просто соглашаемая со всѣми видами человѣческаго неразумія въ мірѣ, служащая не оправданіемъ для этихъ послѣднихъ, но удостовѣреніемъ для насъ въ томъ, что, дѣйствительно, вина нашихъ грѣховныхъ заблужденій и безумствъ взята Агнцемъ Божіимъ—Богомъ Словомъ во плоти для ихъ уничтоженія. Наконецъ, боссюэтовскія идеи объ исторіи, исключая ихъ холодность и также излишнюю напряженность въ нихъ супранатурализма, сами собою сойдутся у васъ съ современными научными требованіями и стремленіями слѣдить развитіе и прогрессъ человѣчества до безконечности, исключая изъ этихъ идей ложь пантеизма и безразличія между добромъ и зломъ и мечту самоспасенія и самосовершенства людей. Согласно идеямъ Боссюэта, жизнь человѣчества идетъ по плану и распоряженіямъ Вседержителя; но весь ея ходъ тѣмъ не менѣе, согласно современнымъ научнымъ идеямъ, состоитъ въ постепенномъ развитіи самаго человѣчества,—только такомъ развитіи, что все злое человѣческое, какъ взятое и вынесенное Христомъ Агнцемъ Божіимъ, по мѣрѣ своего раскрытія, пресѣкается или идетъ къ своему низложенію, къ упраздненію всей своей державы (Евр. II.), а все доброе человѣческое только раскрываетъ въ себѣ неистощимое богатство безпредѣльной Христовой благодати, пока зло человѣческое не дойдетъ до послѣдней степени своего раскрытія на землѣ, слѣдовательно и до того рѣшительнаго предѣла, когда будетъ окончательно попрана смертоносная его держава, а добро раскроется въ вѣчное торжество благодати, въ безконечную жизнь

и славу (*).—Ну теперь требуйте, если угодно, другихъ еще примѣненій нашего воззрѣнія на движенія и судьбы міра, сказалъ въ заключеніе о. Іоаннъ.

Обдумавъ сказанное сейчасъ имъ, я остановился на новыхъ вопросахъ, которые отодвинули снова насъ отъ «польскаго вопроса».

— Извините меня, батюшка,—сказалъ я. Послѣднія слова ваши возбудили во мнѣ новыя затрудненія, которыя задержатъ насъ нѣсколько отъ дальнѣйшихъ примѣненій,—какъ ни желательно мнѣ слышать ихъ отъ васъ. Вы сказали о развитіи самаго человѣчества, а между тѣмъ сейчасъ же прибавляете, что добро въ человѣчествѣ есть собственно раскрытіе неистощимой Христовой благодати. Какое же это развитіе самаго человѣчества? Неужели остается за человѣчествомъ только одно худое и развитіе этого худаго. Вотъ первое недоразумѣніе, часто меня смущающее, и теперь съ тревожною силою поднявшееся по поводу вашихъ словъ о развитіи человѣчества! Потомъ, вы знаете, добрый батюшка, что вотъ Бокль, изъ опасеній сверхъестественнаго вмѣшательства въ строгой порядокъ развитія человѣчества, отвергнулъ мысль о Божескомъ предопредѣленіи; онъ, ради того же строгаго порядка въ развитіи человѣчества, не усумнился отвергнуть и самый наглядный фактъ—свободу человѣческую. Этотъ Бокль вѣдь одинъ изъ представителей современной науки. Судите же теперь, согласится ли современная наука принять мысль о такомъ развитіи человѣчества, которое идетъ по предначертанному Всевышнимъ плану, или, что̀ тоже, по предопредѣленію, и сверхъ того еще, въ отношеніи къ добру, держится только на вышеестественной благодати. Извините меня, если я представляю признаніе такого человѣческаго

(*) Изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи *Лорану* удалось совмѣстить идею Промысла съ идеей развитія и прогресса человѣчества. Но не возвысивъ представленія о Божественномъ промышленіи до мысли о Христѣ, Агнцѣ Божіемъ, онъ впалъ въ такую произвольную натяжку, по которой будто бы человѣчество, чрезъ постепенное свое улучшеніе, дойдетъ до золотаго вѣка всеобщаго мира и любви, при настоящемъ земномъ порядкѣ вещей. Не говорю ужъ о томъ, что самый прогрессъ человѣчества, всегда грѣшнаго и заблуждающаго, несостоятеленъ внѣ вземлющаго грѣховныя заблужденія міра Агнца Божія.

развитія, со стороны науки, дѣломъ совсѣмъ несбыточнымъ, какъ мечта несбыточная. Это мое другое тяжелое недоумѣніе. Вы сами впрочемъ, батюшка, виноваты, что примѣненіемъ воззрѣнія вѣры къ дѣлу мысли и науки вызвали эти мои застарѣлыя и тяжкія недоумѣнія.

— Виноватъ я или нѣтъ, не буду говорить объ этомъ, —началъ весело говорить о Іоаннѣ,—только я вамъ всегда благодаренъ за ваши возраженія или недоумѣнія, какъ вы выражаетесь. На полдорогѣ къ истинѣ съ вами не остановишься. Возьмемся сначала за первое ваше возраженіе. Вы говорите, что ваше недоумѣніе часто смущало васъ. Но зато и я скажу вамъ, что и мнѣ приходилось ужъ довольно, довольно думать о томъ же. Вы меня застали не врасплохъ, съ вашимъ возраженіемъ. Я не знаю, удовлетворитесь ли вы моимъ рѣшеніемъ вашего возраженія, а я признаюсь столько убѣжденъ въ правдѣ этого рѣшенія, что она, по моему мнѣнію наконецъ перетянетъ всякія противоположныя убѣжденія и недоумѣнія. Вы ужъ угадываете, конечно, что эту правду въ рѣшеніи вашего возраженія я полагаю въ Самомъ Господѣ. Да, мой братъ! Мы затрудняемся тѣмъ, что идеи о развитіи самаго человѣчества и о раскрытіи въ человѣчествѣ благодати кажутся идеями, не только различными, но и взаимно противоположными или одна другую исключающими. Но вѣдь Господь нашъ собственною личностію не чуждъ человѣчества,—Онъ Самъ сталъ человѣкомъ; человѣчества Его оспорить или отнять у Него никто не можетъ. Какъ же можно исключать раскрытіе Его благодати изъ порядка развитія человѣчества? Господь Своимъ человѣчествомъ, въ Своей жизни на земли, вошелъ во всѣ условія человѣчества, условія жизни физической, гражданской, семейной, церковной,—вошелъ въ такую связь съ внѣшнею природою и міромъ, въ какой неразрывно находится человѣкъ. И потому съ какой стороны и въ какомъ отношеніи вы ни разсматривали бы жизнь и развитіе человѣчества, вамъ никакъ нельзя обойти полнаго благодати и истины Господа. Совсѣмъ иной вопросъ: признаете ли, или не признаете вы его полнымъ благодати и истины, какъ засвидѣтельствовали о немъ міру очевидцы такой Его славы, и какимъ Онъ доселѣ является въ

Своемъ неумирающемъ словѣ и въ фактахъ, опытно познаваемыхъ и свидѣтельствуемыхъ? Но никто не можетъ исключать Его изъ человѣчества, имѣющаго свою жизнь и развитіе; а Онъ въ средѣ человѣчества и въ его развитіи не можетъ быть ни лично, ни въ Своихъ сообщникахъ инаковымъ, нежели каковъ Онъ есть *исполнь благодати и истины*. Итакъ, что касается Самаго Господа, Онъ чрезъ Свое вочеловѣченіе сдѣлалъ невозможнымъ, чтобы развитіе человѣчества и вся жизнь общечеловѣческая шли внѣ раскрытія его благодати. Судите сами, какъ въ общечеловѣческой жизни развитіе, напримѣръ, именно разума и мысли могли бы идти внѣ или помимо благодати Того, Кто человѣческій разумъ и мысль усвоилъ въ личную Свою собственность ради насъ человѣковъ. Сколько бы тѣ или другіе люди такъ или иначе ни отрекались отъ Него, всё же Онъ Самъ не можетъ отречься отъ Своего человѣческаго естества съ его разумомъ и мыслію; а это ужъ есть благодать для всего человѣчества, «всегда немощное врачующая и оскудѣвающее восполняющая».—Что касается и насъ грѣшныхъ людей, мы и сами по себѣ, по самой природѣ нашей, не можемъ быть изъяты, съ своею жизнію и развитіемъ, изъ безпредѣльной области раскрытія Господней благодати. Вѣдь человѣческая природа сама по себѣ, кромѣ ея болѣзней и порчей, такова, чтобы человѣку быть Богоподобнымъ и чтобы это Богоподобіе было истинное, живое, сообщное Самому Духу Божію; а это ужъ даръ и проявленіе благодати. Человѣкъ такъ и созданъ, чтобы быть ему *по образу Божію*, т. е., состоять въ живой сообразности и сообщности съ существеннымъ Образомъ и Сіяніемъ Отца небеснаго—Господомъ нашимъ. Человѣкъ поэтому такъ и началъ свое бытіе и жизнь, чтобы дышать и живиться Духомъ Божіимъ, почему и сообщены были ему жизнь и бытіе чрезъ вдохновеніе Божіе (Быт. I, 11). Да и въ болѣзненномъ разстройствѣ своемъ человѣческая природа всё еще не дошла до того, чтобы всѣ черты Богоподобія закрылись въ ней, чтобы вѣяніе Духа Божія не проникало въ ея глубины, чтобы всѣ наши сообразованія и сообщенія съ Господомъ были совсѣмъ порваны. Какъ же можно человѣчеству въ своей жизни и

развитіи, убѣжать отъ благодати, осѣненіе которой не совсѣмъ чуждо и невѣдающимъ благодати, не совсѣмъ оставило природу человѣческую, предваряя совершенное ея обновленіе? Нечуждое всѣмъ грѣшнымъ людямъ сочувствіе добру и истинѣ, чистымъ радостямъ и прямымъ пользамъ человѣческимъ,—что это, если не живой отблескъ благодатнаго Богоподобія въ человѣчествѣ? Не касаемся уже людей облагодатствованныхъ и вѣрныхъ благодати, которые, тоже вѣдь, живутъ не внѣ общечеловѣческой жизни и развитія, а напротивъ составляютъ, хотя большею частію скрытные отъ міра, самые внутренніе и главные рычаги и опоры этой жизни и развитія общечеловѣческаго. Такъ-то, разбирая дѣло и въ отношеніи къ самимъ людямъ, даже грѣшнымъ и невѣдающимъ благодати, мы должны убѣдиться, что жизнь и развитіе человѣчества никакъ не могутъ идти внѣ области раскрытія благодати. Разберетъ же когда нибудь это мысль человѣческая, наводимая на истину именно благодатію; и наша русская мысль, по своимъ условіямъ, могла бы особенно послужить въ этомъ отношеніи дѣлу истины, если бы, съ зрѣлою разумностію, взялась, за православное правомысленное довершеніе мысленнаго дѣла западныхъ нашихъ собратій, а не останавливалась бы съ дѣтскимъ упрямствомъ только на томъ, что ими сдѣлано и дѣлается.

Я просилъ о. Іоанна сказать свои мысли и на другое мое недоумѣніе относительно современнаго направленія мысли и науки, совсѣмъ противоположнаго ожиданіямъ добраго батюшки, какъ именно видно въ Боклѣ, направляющемъ и русскую мысль (чрезъ русскій переводъ его книги).

— Бокль, мнѣ думается,—отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ,—и вызываетъ нашу русскую мысль къ самодѣятельности въ направленіи, роднымъ для насъ, а слишкомъ уже далекомъ для запада. Истинное ли Божеское предопредѣленіе, о которомъ знаетъ только православное Христіанство, отвергается Боклемъ? Дѣйствительная ли человѣческая свобода имъ отрицается? Нѣтъ и нѣтъ! Бокль, слѣдя развитіе человѣчества, идущее по извѣстнымъ законамъ и условіямъ, отрицаетъ такое представленіе о предопредѣленіи, по которому судьбы человѣческія зависятъ не

отъ условій и законовъ, которымъ подлежитъ само человѣчество, но отъ вышеестественнаго вмѣшательства небесныхъ предначертаній, которыхъ подневольнымъ рабомъ и жертвою служитъ человѣчество въ своихъ судьбахъ. Но такое представленіе о предопредѣленіи односторонне и взято Боклемъ у неправославнаго западнаго христіанства и Богословія. По истинному же или православному воззрѣнію, Отецъ небесный Своимъ личнымъ Словомъ и въ Своемъ личномъ Духѣ, дѣйствительно, все относительно міра предусмотрѣлъ и предопредѣлилъ отъ вѣчности, такъ что сотворилъ міръ уже сообразно этому предусмотрѣнію и предопредѣленію. Но по этому предопредѣленію и предусмотрѣнію, не міръ и его развитіе являются жертвою Всевластнаго и всепоглащающаго Вышняго произволенія, волею или неволею служа непремѣнному исполненію этого произволенія, а Самъ Господь отъ вѣчности назначалъ Себя и при созданіи міра, внутренно Самъ въ Себѣ, какъ бы уже и отдавалъ Себя въ жертву за міръ, и на этомъ именно самопожертвованіи Своемъ, какъ Агнца заколеннаго отъ сложенія міра, обосновалъ всѣ судьбы міра, все развитіе человѣчества. И на такомъ основаніи, какъ благая мысль и воля Отца небеснаго о мірѣ и человѣчествѣ, совершается съ непреодолимою и невозмутимою ничѣмъ силою и точностію, такъ, нераздѣльно съ тѣмъ и по тому же самому, и человѣчество идетъ къ своему назначенію, непринужденно развиваясь стройнымъ и строго послѣдовательнымъ порядкомъ по извѣстнымъ законамъ и условіямъ. Бокль, слѣдя такой порядокъ развитія человѣчества, своими отрицаніями не касается (а только не знаетъ) воли и мысли объ этомъ порядкѣ Самаго Отца небеснаго, пожертвовавшаго для этого Сыномъ Своимъ Единороднымъ,—не касается враждебно (а только не знаетъ) благодати, раскрывающейся именно въ строго послѣдовательномъ порядкѣ развитія человѣчества и дѣйствующей духомъ самопожертвованія за человѣчество Агнца Божія, а не подавленія или насильственнаго увлеченія человѣчества своимъ вмѣшательствомъ. Разобрать это дѣло такъ, чтобы отрицаніе Боклемъ предопредѣленія оказалось стрѣлою, несущеюся не противъ, а мимо истиннаго предопредѣленія, это дѣло разобрать можетъ только

православная мысль; а по разборѣ этого дѣла, окажется, что Бокль или, представляемое въ его лицѣ, современное направленіе науки не только не даетъ основанія для мысли о несбыточности и невозможности для науки войти въ воззрѣнія вѣры, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и служитъ уже этимъ воззрѣніямъ чрезъ изгнаніе изъ нихъ разныхъ односторонностей. Къ тому же заключенію приведетъ насъ и разборъ того, что́ касается отрицанія Боклемъ свободы человѣческой. Подъ именемъ свободы человѣческой этотъ ученый мыслитель отрицаетъ въ человѣкѣ—что?—ни болѣе ни менѣе, какъ такой безпутный и безпорядочный произволъ, который не водится никакими поводами и побужденіями, кромѣ броженія своего безпричиннаго своеволія;—такого произвола, кажется, не найдешь и у сумасшедшихъ. Вѣдь Бокль стоитъ собственно за то, чтобы строгой порядокъ развитія человѣчества не нарушился и даже совсѣмъ не исключился тѣмъ, что вотъ люди вздумаютъ поступить такъ или иначе и пойдутъ туда или сюда, куда и какъ вздумается имъ по бродячему ихъ самоволію, «дѣйствующему независимо отъ поводовъ» и условій Это-то бродячее неестественное самоволіе онъ и отрицаетъ подъ именемъ свободной воли человѣческой, не касаясь нимало самой дѣйствительной свободы, состоящей въ самоопредѣленіи и самоуправленіи человѣка, и въ этомъ смыслѣ дѣйствующей не иначе, какъ по поводамъ и побужденіямъ, которыя условливаются внутреннимъ состояніемъ и внѣшнею средою человѣка (*). Такая свободная воля не исключаетъ и не ослабляетъ нисколько того строгаго порядка въ развитіи человѣчества, что послѣднее постоянно пожинаетъ и собираетъ посѣянное имъ же ранѣе, такъ же какъ неминуемо пожнетъ и послѣднюю рѣшительную и вѣчную, свою судьбу, которую оно сѣетъ во весь родъ временъ своего земнаго развитія. А между тѣмъ по над-

(*) Бокль не только не отрицаетъ такой свободной воли, но еще вотъ что прямо говоритъ: „если кто либо скажетъ, что у насъ есть сила *дѣйствовать безъ поводовъ*, но что на практикѣ эта сила постоянно управляется сознательными или безсознательными побужденіями, тотъ будетъ выражать безплодное предположеніе, которое не противорѣчитъ моимъ взглядамъ.“ Вотъ еще чего не отвергаетъ Бокль, а не только самоопредѣленія человѣческаго всегда по поводамъ и побужденіямъ.

лежащему взвѣшенная и обсуженная мысль Бокля, что не изъ самоволія человѣческаго (бродячаго съ полною самоувѣренностію и самодовольствомъ своей независимости отъ чего бы-то ни было) развиваются дѣла и судьбы человѣка, послужитъ въ свою мѣру къ раскрытію тѣхъ глубокихъ духовно-нравственныхъ истинъ, которыя выражаетъ Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ; «это ужъ дѣлаю *не я*, а живущій во мнѣ грѣхъ,» и въ слѣдующихъ: «болѣе всѣхъ ихъ я потрудился, но *не я*, а благодать Божія, которая со мною» (*). Но только православная мысль можетъ подобнымъ образомъ увѣнчать трудъ мысли западной. И потому я, вникая въ труды и результаты мысли западной, представляемой изслѣдованіями Бокля, скорѣе прихожу къ надеждѣ о близости всесторонняго живаго возрѣнія вѣры на все въ мірѣ, чѣмъ къ безнадежію въ неисполнимости этого, какъ будто мечты несбыточной. Нѣтъ, братъ мой! Коли Господь сталъ человѣкомъ, то дѣло человѣчества не можетъ ужъ пропасть, особенно по отношенію къ такой благородной сторонѣ жизни человѣчества, какова мысль человѣческая съ своей наукой.

— Слушая васъ, батюшка,—сказалъ я, когда о. Іоаннъ кончилъ,—такъ и видишь, что, какъ говоритъ Святый Іоаннъ Богословъ; «тьма проходитъ и свѣтъ истинный уже свѣтитъ» (1. Іоан. II, 8) Вотъ если бы вы, теперь, своимъ воззрѣніемъ на движенія міра освѣтили для меня совершающееся нынѣ и такъ близко касающееся нашего отечества движеніе міра по «польскому вопросу», освѣтили бы также, какъ выяснили для меня самое ваше воззрѣніе на міръ и его волненія!... Надо наконецъ вамъ поговорить со мною прямо о томъ, изъ-за чего и началась настоящая наша бесѣда, что̀ меня и побудило быть у васъ въ настоящій разъ.

IV.

«Польскій вопросъ»! Движеніе по «польскому вопросу»!— Такъ началъ снова свою рѣчь о. Іоаннъ съ грустною задумчивостію.—Пойдемъ же, добрый мой, своимъ духомъ и мыслію

(*) Это полнѣе раскрыто въ разборѣ романа г. Чернышевскаго.

къ Агнцу Божію, вземлющему грѣхи міра и отъ полноты Своей благодати источающему все доброе для міра. Это слѣдуетъ и нужно не только вообще по началамъ и требованіямъ того воззрѣнія, которое мы развивали съ вами, но и особенно потому, что «вопросъ польскій» непосредственно касается насъ, Русскихъ. Вѣдь именно противъ Россіи поднята мятежническая борьба со стороны Поляковъ; вѣдь противъ нашего Государя и его правительства возстала дипломатическая борьба западныхъ державъ въ пользу Поляковъ. Мы Русскіе, поэтому, естественно отовсюду подняли голоса съ выраженіемъ готовности стать за своего Царя и цѣлость его державы, хоть бы противъ всего міра, а не только противъ мятежниковъ Поляковъ; это значитъ для насъ стать за самихъ себя, за свою правду, честь и безопасность, противъ мятежническихъ притязаній и недоброжелательныхъ сторонникъ вмѣшательствъ. Все это такъ! Но по этому самому намъ, православнымъ Русскимъ, и надо всячески озаботиться тѣмъ, чтобы намъ самую свою правду, честь и безопасность полагать и имѣть непремѣнно и прямо въ Самомъ Христѣ—Агнцѣ Божіемъ, и такимъ образомъ, чтобы намъ неотступно быть съ Нимъ. Если мы будемъ держаться собственно Его стороны противъ всего, враждебнаго Ему, то и Онъ будетъ на нашей сторонѣ противъ всякихъ козней и злобы нашихъ враговъ; и навѣрное «Агнецъ побѣдитъ ихъ; ибо онъ есть Господь и надъ господами и Царь надъ царями»,—какъ сказано въ словѣ Божіемъ (Апокал. XVII, 14). Итакъ, повторяю вамъ, не только по самому существу нашего воззрѣнія, но по любви и вѣрности къ нашему Царю и отечеству—пойдемъ мыслію и духомъ своимъ къ Агнцу Божію, Который еще отстаиваетъ предъ Своимъ Отцемъ и виноватыхъ, какъ бы Самъ всеправедный (такова сила Его крестной смерти) былъ виноватъ ихъ виновностію, и потому изливаетъ еще на насъ, грѣшныхъ людей, благодать всякаго добра, чтобы намъ достигнуть и твердо держаться Его, другими словами—чтобы намъ выдержать чистое воззрѣніе вѣры къ Нему и, по дѣлу съ Поляками, удержаться прочно на Его сторонѣ, мы должны имѣть въ виду собственно то, что́ именно *Ему* враждебно въ мятущемся духѣ польскаго народа и что

намъ враждебно уже только по враждебности своей Ему.... Само собою разумѣется, что это каждый изъ насъ дѣлаетъ по своему,—дипломатъ, съ тонкою и внутренно добросовѣстною проницательностію, распутывая запутанности политики,—солдатъ, дѣйствуя оружіемъ съ христолюбивою готовностію положить душу свою за православнаго своего Царя и отечество,—служитель мысли и слова, разъясняя себѣ и другимъ всю существенную силу и обстоятельства дѣла польскаго и такъ далѣе. Эту оговорку я дѣлаю для того, чтобы мнѣ, какъ духовному, и выяснять главнымъ образомъ духъ «польскаго вопроса», содѣйствуя, чрезъ это и чрезъ молитву, вѣрному предъ Господомъ направленію всего у насъ дѣла по этому вопросу.

— Благодарю васъ за эту необходимо нужную оговорку, сказалъ я.

— Враждебно Господу нашему,—Агнцу Божію, продолжалъ о. Іоаннъ развивать свои мысли, собственно духовное зло, то, что несоотвѣтственно и противно Его волѣ и духу. Потому-то у вѣрныхъ Господу уже *нѣсть брань ко плоти и крови;* они принимаютъ за истинныхъ своихъ враговъ собственно не тѣхъ или другихъ людей недоброжелательныхъ или непріязненныхъ, взятыхъ самихъ по себѣ. У вѣрныхъ Господу брань именно противъ движущихъ этихъ людей началъ и идей лжи и зла,—такихъ началъ и идей, которыя одушевляются гнѣздящимися въ нихъ живыми и личными *началами, властями и міродержителями тьмы* (Ефес. VI, 12). Вотъ эти-то начала и идеи лжи и зла, которыя приготовляли, возбуждали и наконецъ рѣшительно воодушевили Поляковъ къ мятежу, надо намъ обнажать и низлагать, разгонять и упразднять проницательностію политики, оружіемъ войска, патріотическими порывами и жертвами народа, мыслію и словомъ, одушевляясь во всемъ этомъ духомъ благодати и истины Христа—Агнца Божія, съ неотступнымъ воззрѣніемъ вѣры къ нему во всѣхъ движеніяхъ «польскаго вопроса».

— Легко это сказать, батюшка!!—какъ будто само собою вырвалось у меня такое замѣчаніе.—Но какъ это сдѣлать намъ Русскимъ?

— Какъ сдѣлать?—отвѣчалъ о. Іоаннъ.—Это можно намъ сдѣлать не иначе, какъ именно, на основаніи, по первообразу и силою или благодатію того, какъ Самъ Христосъ Агнецъ Божій и Господь нашъ обнажилъ, низложилъ и, въ существѣ и основаніи дѣла, упразднилъ всю мятежную державу лжи и зла со всѣми ея лживыми идеями и принципами, въ которыхъ гнѣздятся и раскрываютъ свою злобу и ложь живыя и личныя начала и власти этой тьмы. А Господь какъ это сдѣлалъ? Какъ Онъ могъ сдѣлать это чрезвычайное, по видимому, невозможное, дѣло, когда мы люди были по своей грѣховности столько виноваты предъ Богомъ и безжизненны для добра, что предписанія добра и долга, начертанныя и во внѣшнемъ Божіемъ законѣ и въ совѣсти нашей, только обличали и осуждали именемъ Самаго Бога нашу несостоятельность предъ добромъ и долгомъ, а начала и власти злобы, скрытно для насъ, удобно и свободно могли двигать открытыя имъ внутреннія пружины нашихъ мыслей и расположеній (на сколько, разумѣется, мы сами это допускали и хотѣли.) Вотъ какъ Господь совершилъ Свое дѣло, принявъ и понесши на Себѣ нашу виновность и мертвость грѣховную въ распятіи Своемъ на крестѣ, чрезъ это самое Онъ, съ одной стороны, какъ бы уже пригвоздилъ къ Своему кресту осудительныя для насъ предписанія долга и добра, такъ что уже нѣтъ мѣста или права для строгихъ взысковъ ихъ съ насъ, а съ другой, вывелъ наружу, обезсилилъ и посрамилъ дѣйствительныхъ виновниковъ злобы и лжи—самыя начала и силы зла, такъ что они уже не могутъ скрываться за нашею виновностію, ни свободно дѣйствовать на насъ, не смотря на нашу грѣховность (Колос. II, 13—15). На этомъ самомъ основаніи и по этому именно первообразу, благодатію этого самаго дѣла Христова, будемъ и мы обнажать и разсѣвать лживыя идеи и начала, поднявшія и поддерживающія польское безпорядочное движеніе. Будемъ усмирять и упорядочивать безпокойныхъ Поляковъ политикой ли или оружіемъ, строгостію или прощеніемъ, административными ли мѣрами или только братскимъ соучастіемъ, патріотическими ли дѣлами и жертвами, словомъ ли и мыслію (всё это—какъ кому дастъ Бо по его положенію и расположенію),—

только непремѣнно въ томъ настроеніи Христовомъ, у однихъ сознательномъ, а у другихъ хоть бы только инстинктивномъ, чтобы съ Христовымъ человѣколюбіемъ, хоть сколько нибудь, раздѣлить съ ними эту страшную ношу предъ Богомъ и совѣстію гражданскою и личною. Въ смыслѣ именно этого настроенія надо понимать слово нашего Государя, высказанное дипломатіей западнымъ державамъ, что онъ «лучшій другъ Польши». Итакъ вслѣдъ за своимъ Царемъ, пусть вся Россія держится человѣколюбія Агнца Божія. Сердце сердцу (говоритъ глубокая русская пословица) вѣсть подаетъ. Пусть бы мы, Русскіе, по опытному дознанію, какъ мятежники во вредъ себѣ и Россіи и прочему міру только злоупотребляютъ нашею снисходительностію и благостною терпѣливостію, взяли ихъ въ крѣпкую руку грозной строгости, но только въ томъ именно настроеніи Христова человѣколюбія, о которомъ я сейчасъ сказалъ: услышатъ это сердца преступныхъ, и рано или поздно узнаютъ они въ насъ истинныхъ своихъ братьевъ. Только бы мы не устали и не облѣнились, съ разумною твердостію и предусмотрительностію, выносить ихъ бремя, какъ свое собственное. Предъ духомъ такой Христовой любви не закроется ни подъ какими личинами, отъ самообольщаемыхъ мятежниковъ ложь того патріотизма, который проливаетъ свою и родственную кровь ради явно несбыточныхъ мечтаній и съ пренебреженіемъ явныхъ же настоящихъ общественныхъ пользъ и правъ и еще большихъ видовъ въ будущемъ, какіе открыты для Поляковъ въ единствѣ государственномъ съ Россіей. Обнажится предъ ними фальшь того или недальновиднаго или фарисейскаго участія запада въ ихъ судьбѣ, которое не оправдывается дѣлами западныхъ державъ въ подобныхъ собственныхъ ихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ къ входящимъ въ ихъ составъ или въ столкновеніе съ ними чуждымъ народностямъ, а только возбуждаетъ и поддерживаетъ польское самообольщеніе убійственное для духа и общественнаго благоустройства Поляковъ.... Но мало ли чего можемъ достигать мы, православные Русскіе, если по отношенію къ Полякамъ и западной Европѣ, по польскому вопросу, будемъ держаться пути и духа Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра

и ведущаго въ Самомъ Себѣ всѣхъ къ Своему Отцу, Отцу свѣтовъ и всякія утѣхи? Мы можемъ по этому же польскому вопросу подвинуть себя и другихъ,—хоть сколько нибудь поближе прежняго,—къ тому, о чемъ молится Церковь православная,—къ *миру всего міра*, истинному и полному *благостоянію Святыхъ Божіихъ Церквей и соединенію всѣхъ*.... Вы, я думаю, согласитесь со мною, что уже шагомъ къ этому служитъ каждое такое соглашеніе между державами разныхъ исповѣданій, къ которому идемъ въ сообразованіи и общеніи съ Господомъ нашимъ, приводящимъ раздѣленныхъ въ миръ и единеніе именно тѣмъ, что Онъ есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи равно обѣихъ раздѣленныхъ сторонъ?

— Вполнѣ согласенъ со всѣмъ, что вы сказали, отвѣтилъ я. Только знаете ли что, батюшка, — за чѣмъ вы взяли эти дидактическіе тонъ и форму въ развитіи и выраженіи вашего воззрѣнія на дѣло польское? Лучше бы для ясности и для безпристрастнаго обсужденія этого дѣла говорить о самомъ только дѣлѣ, безъ всякихъ дидактическихъ приложеній.

— Дѣло по «польскому вопросу», отвѣчалъ съ своей стороны о. Іоаннъ, не есть уже совершившійся и законченный фактъ (*); оно еще только идетъ къ своему исходу, находясь въ возможности принимать такое или другое направленіе, котораго и предвидѣть никто изъ людей не въ состояніи. Притомъ, дѣло это касается непосредственно насъ самихъ; мы Русскіе составляемъ одну изъ самыхъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ и принадлежимъ къ самымъ дѣятелямъ этого вопроса. Поэтому дѣло по польскому вопросу, еще не опредѣлясь вполнѣ, или не достигши своей полноты, должно еще озабочивать насъ своимъ будущимъ исходомъ и, сверхъ того, особенно насъ Русскихъ оно обязываетъ всячески стараться о направленіи его къ доброму и удовлетворительному во всѣхъ отношеніяхъ исходу. Съ этой точки зрѣнія намъ и надо смотрѣть на дѣло

(*) Нашъ разговоръ шелъ во время самаго еще разгара польскаго возстанія. Впрочемъ желанный исходъ дѣла по „польскому вопросу“ все еще впереди,— это совершенно опорядоченная и умиренная жизнь и духъ Поляковъ въ единствѣ Всероссійской Имперіи.

польское; такъ мы и смотрѣли на него,—дидактизмъ у насъ не произвольный, а вытекаетъ изъ самаго существа и положенія разсматриваемаго дѣла. Мы еще, по «польскому вопросу», сами на судѣ у Вседержителя. Тотъ, Кто управляетъ міромъ, не деспотически жертвуя имъ Своему произволенію, а въ духѣ Божественнаго самопожертвованія за него Агнца Божія, и Кто поэтому развиваетъ судьбы міра изъ свойствъ и условій самаго міра, изъ собственной пріемлемости міра къ добру или злу, еще смотритъ и судитъ, что̀ міръ приметъ или отвергнетъ изъ полноты Его благодати и истины по «польскому вопросу». Поэтому намъ, съ нашимъ воззрѣніемъ на дѣло по этому вопросу, предлежитъ такъ войти въ совершаемое при Ангельскихъ славословіяхъ и дѣйствіяхъ богослуженіе Всевышняго Саможертвеннаго Архіерея, чтобы намъ, съ своей стороны, сколько можно болѣе и лучше послужить, въ этомъ «польскомъ вопросѣ», спасительному для міра раскрытію славы Господней, наполняющей землю. Мы съ вами и вводили себя въ этотъ самый духъ и настроеніе.

Тѣмъ на первый разъ и кончился нашъ разговоръ, по поводу «польскаго вопроса».

V

РАЗГОВОРЪ.

О важнѣйшихъ вопросахъ нашего времени, затронутыхъ въ дѣлѣ польскаго возстанія, и о должномъ направленіи мысли по этимъ вопросамъ.

Волненія и безпорядки въ Польшѣ продолжались. Мои думы, по поводу ихъ, не останавливались уже на томъ, до чего старался меня довести о. Іоаннъ своимъ собесѣдованіемъ со мною по поводу «польскаго вопроса.» Я думалъ, что войдя въ общій духъ и настроеніе, какія требуются отъ насъ Русскихъ по этому вопросу, мы должны за тѣмъ слѣдить и разбирать до тонкости что̀ въ частности затронуто и требуетъ разрѣшенія по тому же

вопросу. При первой возможности, я снова посѣтилъ о. Іоанна, и пересказалъ ему свои думы. Онъ радъ былъ, что я не хотѣлъ успокоиться на одномъ *общемъ* прямомъ воззрѣніи на дѣло «польскаго вопроса.»

— По этому дѣлу, говорилъ онъ, затронуты и отъ разсуждающихъ требуютъ разрѣшенія важнѣйшіе для насъ вопросы.

Я увидѣлъ, что въ мысляхъ о. Іоанна уже разработанъ былъ этотъ предметъ, и просилъ его подѣлиться со мною своими разсужденіями. Онъ, какъ обыкновенно, съ охотою согласился удовлетворить мою мыслепную жажду.

I.

— Первое, что̀ затронуто «польскимъ вопросомъ», и что прежде всего бросается въ этомъ вопросѣ въ глаза—это есть то, около чего вращается съ сотрясеніемъ весь современный міръ, именно значеніе власти для подвластныхъ, правительство для управляемыхъ, и взаимное между ними отношеніе. Дѣло въ томъ, что въ необходимости власти и правительства убѣждены и мятущіеся противъ властей; они хотѣли бы только сами себѣ дать или создать правительство, сами опредѣлить для себя родъ и характеръ власти, не подчиняясь данной власти, не терпя существующаго законнаго правительства. Такое дѣло въ «польскомъ вопросѣ» идетъ со стороны мятежниковъ. Со стороны же законнаго ихъ, именно русскаго, правительства дѣло въ усмиреніи мятежныхъ предъ властію ихъ Царя именно нашего Всероссійскаго Императора, съ удовлетвореніемъ и успокоеніемъ ихъ всѣмъ, что самъ Государь нашъ найдетъ удобнымъ, нужнымъ и полезнымъ для нихъ и для всей своей Имперіи. Знаете, какъ дѣло «польскаго вопроса» усложнилось отъ внѣшнихъ вмѣшательствъ дипломатовъ. Нынѣшнее французское правительство, возникшее и само въ слѣдствіе самовольнаго народнаго распоряженія съ отрицаніемъ данной власти или существовавшаго правительства, естественно вмѣстѣ съ своей націей—стало сочувствовать мятущимся Полякамъ. Англія, еще съ восточной войны занятая сильными подозрѣніями на счетъ

Россіи во властолюбивыхъ ея притязаніяхъ и видахъ, по поводу польскихъ дѣлъ, вошла также въ прямую антипатію противъ Россійскаго правительства. Австрія, держава нѣкогда дружелюбная Россіи, и обязанная ей такъ недавно,- но въ восточную войну невыдержавшая дружества съ Россіей, склонилась также въ пользу Поляковъ или, точнѣе сказать, не въ пользу Русскаго правительства. Шумомъ повсюдной молвы, возбужденной революціонными партіями во всѣхъ странахъ и поддержанной въ общественно-европейскомъ мнѣніи первостепенными державами запада,—шумомъ молвы именно о Россійскихъ яко бы несправедливостяхъ и даже жестокостяхъ относительно Поляковъ,—вызвано почти и всеобщее сочувствіе мятущимся Полякамъ. Прибавлю еще, (и это наиболѣе важно въ «польскомъ вопросѣ»), что на западѣ общественнымъ мнѣніемъ уже, кажется, принято и чуть не освящено, какъ законное, видоизмѣнять или даже отмѣнять данныя правительства въ случаѣ всенародныхъ требованій и распоряженій; мы сами Русскіе не признавая de jure, уже признали это de facto относительно Франціи, Италіи, Греціи. Вотъ запутанности «польскаго вопроса» въ томъ, что касается до значенія власти для подвластныхъ и до отношенія между тою и другими! Такъ глубоко и столь многими нитями завита въ «польскомъ вопросѣ» эта великая задача нашего времени!

— Вижу теперь, батюшка, сказалъ я, какъ, въ самомъ дѣлѣ, намъ надобно всячески стараться, сколько и какъ отъ кого зависитъ, направлять «польскій вопросъ» къ доброму и удовлетворительному для всѣхъ исходу. Тутъ дѣло касается дѣйствительно вопроса о «мирѣ всего міра», отъ одного берега какъ будто отстающаго, а къ другому еще неуспѣвающаго пристать.

— Главное, продолжалъ о. Іоаннъ,—будемъ помнить, до чего ужъ мы дошли въ нашемъ прежнемъ разговорѣ. Будемъ держаться (поддерживая въ этомъ другъ друга и особенно сильнѣйшіе слабѣйшихъ) Господа и человѣколюбиваго духа Его самопожертвованія. Вѣдь, ужъ мы знаемъ, что у насъ людей и самая натура, внѣ ея болѣзней и порчей, такова, чтобы намъ живиться и развиваться благодатію Господа, и что все доброе

въ насъ и для насъ идетъ именно отъ Его благодати. Такъ— у человѣка въ его отдѣльности, такъ и у цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества! За тѣмъ не забудемъ и того, что по «польскому вопросу» и мы сами вмѣстѣ съ прочимъ міромъ стоимъ на судѣ предъ Господомъ, видящимъ и судящимъ, сколько мы не только сами для себя принимаемъ или отвергаемъ, но сколько и прочему міру содѣйствуемъ принимать или отвергать благодать Господа, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ находясь неотступно въ такомъ духѣ и настроеніи, и будемъ съ вами слѣдить и разбирать задачу о гражданскомъ правительствѣ и отношеніи его къ управляемому имъ народу, на сколько этой задачи касается «польскій вопросъ»; чрезъ это и будетъ опредѣляться для насъ надлежащее направленіе этого вопроса, по отношенію къ власти и подвластнымъ. И чтобы это направленіе занимающаго всѣхъ вопроса было успокоительно для всѣхъ, т. е., не для насъ однихъ, а и для самыхъ Поляковъ и для принимающей въ нихъ участіе Европы, мы и начнемъ съ идей, высказанныхъ съ западно-европейской стороны, только освѣщая и освящая эти идеи православіемъ. Знаете ли, кто намъ послужитъ въ настоящемъ случаѣ?

— Кто?

— Тотъ, на кого болѣе всего расчитываютъ Поляки и кто, кажется, есть и главный возбудитель и двигатель «польскаго вопроса» въ занимающемъ всю Европу его значеніи,—Наполеонъ III. Онъ высказалъ эти идеи, когда еще не былъ Императоромъ Французскимъ.

— Сдѣлайте милость, сказалъ я съ нетерпѣливою торопливостію,—объясните мнѣ это скорѣе.

О. Іоаннъ нашелъ въ своихъ бумагахъ одну тетрадку съ выдержками изъ сочиненій Наполеона III, выписанными изъ одной статьи о сочиненіяхъ его въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (см. ноябрьск. книж. 1859 г.).

— Смотрите, началъ говорить о. Іоаннъ, какъ Наполеонъ судитъ о значеніи власти для подвластныхъ, при чемъ, какъ бы нарочно «по польскому вопросу,» имѣетъ въ виду особенно ту власть, какая развита Исторіей именно въ Россіи. Признавъ

законное правительство «благодѣтельнымъ двигателемъ всякаго общественнаго организма», вотъ что далѣе говоритъ онъ:

«Въ Россіи Императорской династіи принадлежатъ всѣ усо-«вершенствованія, которыя въ теченіи полутора вѣка извлекли «изъ варварства эту обширную Имперію. Императорская власть «должна бороться противъ всѣхъ старыхъ предразсудковъ нашей «старой Европы; необходимо, чтобы она сосредоточивала какъ «можно болѣе въ рукахъ одного лица всѣ силы государства, «для уничтоженія злоупотребленій, умножающихся подъ защитой «общинныхъ и феодальныхъ привиллегій. Востокъ только *отъ* «*нея* можетъ принять улучшенія, которыхъ ожидаетъ.»

Если отбросить въ этихъ словахъ пейдущее къ намъ, взятое изъ жизни западной,—это золотыя неоцѣненныя слова, правдою и глубиною которыхъ этотъ великій государственный умъ можетъ посвѣтить и нашему русскому самосознанію! У многихъ изъ насъ самихъ, Русскихъ, не видно еще такого отчетливаго и глубокаго пониманія этого великаго дара Божія, какой мы, Русскіе, для себя и для прочаго міра имѣемъ, сами исторически разработавъ или раскрывъ этотъ даръ,—въ самодержавной власти. Прочитанныя слова Наполеона III указываютъ на значеніе власти, и именно русской самодержавной, для подвластныхъ,—значеніе столь высокое и благодѣтельное, что надо беречь эту власть, не только во благо самихъ ея подвластныхъ для противодѣйствія «старымъ предразсудкамъ» и «злоупотребленіямъ», но еще особенно для страдальца востока, который именно отъ этой власти «ожидаетъ» обновительныхъ для него «улучшеній». Послѣ мы возвратимся къ выясненію всего этого. Теперь прочитаемъ другую выписку словъ того же царственнаго писателя, изъ которой увидимъ, какъ онъ думаетъ о нормальныхъ отношеніяхъ между властію и подвластными. Мы не будемъ при этомъ много останавливаться на томъ, вѣрно ли, или нѣтъ, онъ дѣлаетъ примѣненіе своихъ идей къ историческимъ лицамъ и событіямъ; мы возьмемъ во вниманіе главнымъ образомъ самыя его идеи:

«*Священный союзъ,—идея, которую похитили у меня:* «эти слова Императора (Наполеона I) означаютъ священный

«союзъ народовъ посредствомъ государей, а не союзъ государей «противъ народовъ: вотъ въ чемъ огромная разница между его «идеей и способомъ, которымъ привели ее въ исполненіе. На- «полеонъ перемѣстилъ государей сообразно съ современными «интересами народовъ; въ 1815-мъ году народы перемѣщены «были сообразно съ частными интересами Государей. Государ- «ственные люди этой эпохи, руководствуясь только духомъ вра- «жды и страстями, основали европейское равновѣсіе на сопер- «ничествѣ великихъ державъ, вмѣсто того, чтобы утвердить его «на общихъ интересахъ; оттого и система ихъ рушилась со «всѣхъ сторонъ. Напротивъ того, политика Императора заклю- «чалась въ устройствѣ прочной европейской ассоціаціи, по- «тому что система его опиралась на настоящія національности «и на удовлетвореніе общихъ интересовъ.»

Отвлекая здѣсь идеи отъ самаго ихъ примѣненія, мы не можемъ не видѣть, что, по этимъ идеямъ нынѣшняго Французскаго Императора, нормальное отношеніе между народами и ихъ правительствами состоитъ въ томъ, чтобы правительства служили не своимъ частнымъ интересамъ, а интересамъ самыхъ народовъ, а потому, чтобы сообразно съ интересами народовъ, правительства и устроивались и видоизмѣнялись и вступали въ такіе союзы, которые были бы союзами собственно не правительствъ съ пренебреженіемъ или стѣсненіемъ духа самихъ народовъ, но союзами самихъ народовъ посредствомъ правительствъ. Въ этомъ-то и полагаетъ этотъ передовой государственный умъ запад. основаніе и существо истинной свободы, очевидно народовъ, — свободы, очевидно, не демократизма или чего подобнаго, но такой, которая, какъ видно изъ сейчасъ приведенной выписки можетъ имѣть мѣсто и подъ правленіемъ Монарховъ и даже, какъ видно изъ первоначально-прочитанной нами выписки, при такомъ самодержавіи Монарха, каково именно у насъ въ Россіи. Прочитаемъ прекрасныя слова того же писателя объ этой необыкновенной свободѣ народовъ:

«Въ 1815-мъ году всѣ партіи стали подъ знамя ея и, поддерживаемыя ея нравственной силой, украсились ея цвѣтами. (Это рѣчь о благородныхъ движеніяхъ, породившихъ идею «свя-

щеннаго союза.»). Но принятіе было не искренно (въ предыдущей выпискѣ объяснена уже мысль этого автора о томъ въ какое узкое эгоистическое направленіе вдавались на самомъ священномъ союзѣ, дипломаты или государственные люди той эпохи), и свобода принуждена была снова облечься бронею. Борьба всколыхнула и пробудила прежнія опасенія. Будемъ надѣяться, что они исчезнутъ и что свобода облечется опять въ свои праздничныя одежды, чтобы не снимать ихъ болѣе.»

Такими ли либеральными идеями одушевлялся Наполеонъ 1 самъ по себѣ, какъ утверждаетъ его племянникъ, это пусть рѣшаетъ исторія, на основаніи открытыхъ предъ всѣмъ міромъ данныхъ, имѣя въ виду, разумѣется, и самое положеніе Наполеона 1 среди разрушительныхъ слѣдовъ и остатковъ революціи. Но что касается до «священнаго союза», русская дипломатія по «польскому вопросу» раскрыла съ наглядною ясностію, что правительства запада, настаивающія нынѣ во имя вѣнскихъ трактатовъ на либеральныя начала въ отношеніи къ Полякамъ, на самомъ вѣнскомъ конгрессѣ склонялись, дѣйствительно, къ частнымъ своимъ интересамъ и равновѣсіе европейское основывали на завистливомъ соперничествѣ великихъ державъ, горько тѣмъ разочаровывая и отравляя искренно либеральный духъ нашего Императора Александра I, который, дѣйствительно съ самоотверженіемъ хотѣлъ служить интересамъ самихъ народовъ, и это фактически торжественно доказалъ въ отношеніи именно къ польскому народу, не унижая въ то же время въ своемъ лицѣ достоинства Всероссійскаго Самодержца. Итакъ идеи, принадлежащія человѣку, стоящему во главѣ благопріятствующей Полякамъ политики запада, и потому удовлетворительныя и успокоительныя для самаго запада, не исключая и Поляковъ, можемъ взять и мы Русскіе въ отношеніи къ «польскому вопросу,» къ которому эти идеи какъ будто нарочно приноровлены.

— Да, да! воскликнулъ я чуть не съ восторгомъ. Какъ это хорошо, что на всѣ существенныя стороны «польскаго вопроса», относительно правительствъ и управляемыхъ ими народовъ, мы можемъ смотрѣть съ согласной съ западомъ точки зрѣнія.

— Только, возразилъ мнѣ о. Іоаннъ, намъ надобно освѣтить указанныя идеи православіемъ, т. е., вполнѣ выяснить ихъ на началахъ православія. Вѣдь только такимъ образомъ, мы можемъ по надлежащему пользоваться западными идеями и вмѣстѣ служить къ ихъ упроченію и увѣнчанію самою истиною—общимъ для всѣхъ людей Господомъ.

— Это несомнѣнно такъ,—сказалъ я съ полною готовностію слушать о. Іоанна, сколько угодно.—И если вамъ угодно, я первый же и вызову ваше вниманіе и разсужденіе на одну, затрудняющую и меня, сторону задачи о власти и отношеніи ея къ подвластному народу.

— Что это такое затрудняетъ васъ? спросилъ о. Іоаннъ такимъ топомъ, какъ будто услышалъ непріятную неожиданность.

— Не безпокойтесь, добрый батюшка! отвѣчалъ я. Я вѣрую слову Божію, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога.* Но я не умѣю согласить съ этимъ разнообразія правительствъ. *Власть отъ Бога* должна быть для всѣхъ одинакова, по моему мнѣнію. Кромѣ этого, мы почти не найдемъ ни одного вида власти, ни одного правительства, въ образованіи котораго не участвовали бы сколько нибудь и нехорошія человѣческія страсти. Какъ же это отъ Бога?

— Такъ вотъ эту самую сторону задачи о правительственной власти, началъ говорить о. Іоаннъ, разъяснимъ по православному, чтобы освѣтились православіемъ идеи, высказанныя Наполеономъ, о значеніи власти особенно самодержавной, и объ отношеніи власти къ подвластнымъ. Итакъ къ дѣлу. *Нѣсть власть, аще не отъ Бога;* потому что власть существенно и принадлежитъ одному Богу, какъ возглашается предъ Нимъ въ нашихъ богослужебныхъ молитвахъ, начиная съ молитвы Господней: *Яко Твое есть царство и сила и слава; яко твоя держава* и подоб. Люди пользуются благозаконною властію—только по благодати Божіей, которой они могутъ быть вѣрны или невѣрны, но которая сама по себѣ непреложна. Полнота Божіей благодати, и относительно власти, содержится и открыта для людей именно во Христѣ Спасителѣ нашемъ; она безпредѣльна и потому чрезвычайно многостороння. Люди пользуются

и сами облекаются властію по той или другой мѣрѣ Христовой благодати, къ которой они имѣютъ, исторически раскрывающуюся въ нихъ, пріемлемость и потребность; при чемъ само собою разумѣется, что эта пріемлемость и потребность раскрывается въ нихъ исторически какъ въ грѣшныхъ людяхъ, не совсѣмъ свободно отъ примѣса нехорошихъ человѣческихъ страстей и дѣлъ. Согласны ли вы на эти общія мысли?

— Вполнѣ, отвѣчалъ я.

— Слушайте же, какъ просто теперь изъясняются происходящіе отъ Бога, хотя и съ попущеніемъ человѣческихъ слабостей, разные виды власти. Власть Христа Бога истинно и безграничио самодержавна, такъ что не только все добро содержится въ державѣ Его благодати и истины, но и самое мятежное зло, какъ подъятое Имъ на Себя и, въ отношеніи къ его виновности и смертоносности, вполнѣ Имъ вынесенное на Себѣ, не можетъ самою мятежностію своею ни на шагъ или даже на мгновеніе выступить изъ-подъ державы Господней. Но это одна только изъ существенныхъ сторонъ Христовой благодати, по отношенію къ власти. На сколько тотъ или другой народъ имѣетъ и разработываетъ всею своею исторіею пріемлемость и потребность къ этой именно сторонѣ благодати,—въ этомъ народѣ благодать власти и пріемлется и раскрывается, какъ великій Божій даръ самодержавія. Далѣе, Христосъ Господь, оставаясь Господомъ Вседержителемъ, не поставилъ для Своей державы униженіемъ, ради Своего вочеловѣченія, содѣлывать и называть и насъ простыхъ грѣшныхъ людей Своими братьями (Евр. II, 11, 12). И вотъ на сколько какой народъ развиваетъ въ себѣ исторически, хоть бы только инстинктивную, пріемлемость къ этой сторонѣ благодати, подчиняясь единодержавной власти, но облекшимся въ нее поставляя самыми законами на видъ братство свое и съ подданными: это правленіе монархическое ограниченное или конституціонное. Наконецъ, Христосъ Господь, державствуя Своею благодатію и истиною надъ людьми, благоволитъ Самъ вселяться въ ихъ сердца, и потому этими Своими соучастниками управляетъ такъ, какъ бы они сами собою правили, сообщные сыновне-свободному духу Христову.

Вотъ и еще, существенная же, сторона благодати Христовой по отношенію къ власти. Сколько тотъ или другой народъ воспріемлющъ именно къ этой самой сторонѣ, устремляясь къ свободному самоуправленію чрезъ разлитое во всѣхъ чувство самостоятельной правды,—это правленіе республиканское. Берите во вниманіе потомъ безчисленно-разнообразные оттѣнки этихъ существенныхъ и главныхъ сторонъ, въ какихъ проявляется Божія благодать власти и вы объясните всѣ образы и роды правленія, *свои* у каждаго изъ народовъ. Такъ-то и выходитъ, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога*, хотя она и разнообразится по разнообразію потребностей и пріемлемостей народныхъ, развивающихся у грѣшныхъ людей, (повторяю), конечно ужъ не безъ грѣха.

— Славно! воскликнулъ я. Ваша теорія о власти, глубокая и свѣтлая, какъ само православіе, меня вполнѣ удовлетворяетъ на счетъ моихъ недоумѣній о власти.

— И чѣмъ сознательнѣе и живѣе, такъ продолжалъ о. Іоаннъ, почти перебивая мою рѣчь, то или другое правительство будетъ входить въ самый духъ и силу Христовой власти, служащей для него основаніемъ и первообразомъ и живительною благодатною силою,—тѣмъ болѣе будетъ оно и во внутреннихъ распоряженіяхъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ и союзахъ, служить интересамъ и потребностямъ самаго народа, а не своимъ частнымъ; потому что духъ и сила Христовой власти есть не самоугожденіе или самовозношеніе, но самоотверженное понесеніе чужаго для Него бремени грѣховъ и соединенныхъ съ ними бѣдъ, нуждъ, страданій всего человѣчества,—чрезъ это Господня власть и самодержавна или вседержавна нестѣсняема никакою мірскою мятежностію,—такъ Онъ и снизошелъ до братства съ грѣшными людьми—въ такомъ духѣ Онъ и вселяется въ сердца, ему открытыя. Чѣмъ отчетливѣе и глубже власть—(монархически ли самодержавная, или монархически-конституціонная, или республиканская, къ какой только воспріимчивъ тотъ или другой народъ,)—будетъ раскрывать въ себѣ духъ и настроеніе Христовой державы; тѣмъ болѣе въ этой власти будетъ отсвѣчивать почивающая во Христѣ Сынѣ Божіемъ любовь

Отца небеснаго, Который *сіяетъ солнце Свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* не въ обиду правды и не въ разгнузданіе зла и неправды, Который даруетъ намъ блага бытія и жизни съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ и щедростію, и предоставляетъ вѣрнымъ сообщникамъ Своего Сына свободу и самостоятельность собственныхъ Своихъ дѣтей и наслѣдниковъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, будетъ у народовъ и дѣйствительной гражданской свободы, подъ какимъ бы ни было видомъ и образомъ правленія,—той свободы, о которой такъ прекрасно говоритъ нынѣшній Императоръ Французскій, отстаивая и восхваляя въ тоже время самодержавіе Русской Императорской династіи.

— Великое спасибо племяннику Наполеона 1! замѣтилъ я.

— Намъ остается, продолжалъ о. Іоаннъ, сдѣлать только изъ всего сказаннаго о власти и подвластныхъ прямые выводы относительно мятущейся Польши и самодержавной Россіи. Смотрите въ исторіи, къ какому благодатному дару власти Поляки исторически раскрыли въ себѣ пріемлемость и потребность. Въ самой своей древности Поляки усиливались подчинить власть своему своеволію, и тѣмъ уже заранѣе подрывали въ себѣ право и пріемлемость упрочить за собою благодать власти самостоятельно-національной; потому что власть, на сколько подчиняется своеволію, на столько уже и перестаетъ быть властію. Такъ, когда Польша состояла въ единствѣ гражданскаго состава съ Литвою подъ властію Литовскихъ князей; то Поляки, изъ желанія сдѣлать этихъ князей податливѣе къ Польшѣ, заставили одного изъ Сигизмундовъ «утвердить, какъ законное, право Поляковъ избирать себѣ Короля,—дать законную силу польской избирательной системѣ, столь гибельной для этого государства». (*) Это былъ первый посѣвъ къ потерѣ Поляками національной Литовско-польской власти. Мало того, Поляки, сами предпочитая власти собственное своеволіе, вопіющимъ образомъ злоупотребляли преданностію и покорностію другихъ монархизму. Такъ, когда на Люблинскомъ сеймѣ Малороссы не хотѣли отставать отъ Литвы и соглашаться

(*) См. брошюру г. Ковалевича: „Люблинская унія“ и пр.

на Унію съ Польшей, сохраняя однако преданность и повиновеніе королю; то именемъ послѣдняго Поляки и воспользовались, чтобы заставить Малороссовъ дѣлать, что̀ только было угодно имъ—Полякамъ. Но въ исторіи есть правда, Божія правда, которую никто не можетъ обмануть: Малоросія съ Литвою нашли наконецъ для своей преданности и покорности законной роднаго и единовѣрнаго Монарха, а Поляки потеряли своего короля, именемъ и правомъ котораго злоупотребляли въ обиду другимъ. Сравните такое отношеніе Поляковъ къ власти монархической, съ отношеніемъ Англичанъ къ такой же власти. Послѣдніе, борясь въ своей исторіи съ своекорыстіемъ королей, всякій разъ, какъ королевская власть была въ опасности, со всею горячностію и искренностію брали сторону этой власти, съ живымъ благоговѣніемъ ощущая благодать власти;—такъ Англичане, искренно подчиняясь власти единодержавной, но не давая облеченнымъ въ эту власть забывать свое братство съ подданными, исторически разработали для себя твердое правленіе конституціонно-монархическое. Поляки стремились своекорыстно и своевольно преобладать надъ королевскою властію, и злоупотребляли ея силою и вліяніемъ;—такъ они сами исторически подкапывали и подрывали у себя основанія національной королевской власти. У нихъ не было пріемлемости и къ благозаконному республиканизму, какой, напримѣръ, разработали у себя Американскіе Штаты: польское liberum veto служило не идеѣ правды, общей всѣмъ и тѣмъ уравнивающей всѣхъ, а только развивали безпримѣрную въ исторіи безпорядочность надмѣннаго своенравія. Наконецъ, и это—главное, Поляки отвергали благодать власти національной особенно тѣмъ, что не только не давали подвластному народу ощущать и испытывать во власти дара и духа Отца небеснаго, а напротивъ обращали власть въ орудіе порабощенія и мучительства для народа. «Вообще польское правительство, скажу словами одной слишкомъ безпристрастной статьи объ уничтоженіи польской самостоятельности (*), во все продолженіе существованія этого госу-

(*) „Паденіе Польши". Ст. въ Рус. Словѣ 1861 и 1862 г.

дарства, такъ мало сдѣлало добра народу, что на его помощь оно никогда не могло расчитывать. Другое дѣло, еслибы народу легко жилось подъ управленіемъ шляхты и королей, тогда этотъ народъ защитилъ бы и шляхту и страну отъ всякой посторонней обиды.... Но хорошаго онъ не видѣлъ въ жизни».. . Такъ Поляки исторически разработали и выявили свою неспособность пользоваться благодатію власти въ отдѣльной своей національности. Правда исторіи, правда Божія раздѣлила ихъ другимъ державамъ, и большинство ихъ отдала Россіи. И слѣдовательно возставать имъ противъ Россіи значитъ мятежничать противъ Богоданной власти, отвергать благодать власти, въ какой только они и имѣютъ потребность. Потому и усмирить ихъ значитъ удержать ихъ подъ благодатію власти, не дать имъ выходить изъ великаго дома самаго Всевышняго Отца, соединившаго ихъ съ русской державой.

— Дѣйствительно такъ выходитъ по теоріи о власти, съ которой, въ существѣ дѣла, согласенъ и западъ въ лицѣ Наполеона III,—замѣтилъ я.

— Смотрите теперь, продолжалъ о. Іоаннъ, какъ по той же теоріи намъ, Русскимъ, должно и законно, въ дѣлѣ съ Поляками, стоять за достоинство нашего Государя, чтобы оно ничѣмъ не было оскорблено и стѣснено по этому дѣлу. Вся наша исторія, и современныя общественныя обстоятельства наши показываютъ настоятельную потребность и глубокую воспріимчивость нашего народнаго духа къ тому, чтобы намъ со всею силою и вѣрностію выдерживать у себя благодать власти монархически-самодержавной. Самое первое выраженіе нашего народнаго инстинкта къ этому видно уже въ самомъ первомъ извѣстномъ явленіи общественной нашей жизни, именно въ томъ, что, среди безурядицы въ «землѣ нашей великой и обширной», праотцы русскіе сами искали для себя, какъ необходимаго для общественнаго порядка и блага, власти для всѣхъ единой и твердой, и для этого умѣли возвыситься надъ національнымъ эгоизмомъ — пошли къ чужимъ за тѣмъ благомъ, котораго не находили у себя дома. Потомъ, возьмите во вниманіе и въ серьёзное разсужденіе принятіе русскими христіан-

ства православнаго, совершенное именно подъ властительной инициативой великаго князя, однако столь искреннее и разумное, что новопросвѣщенные христіанствомъ Русскіе, начиная съ времени Владимірова и Ярославова, стали представлять въ обиліи такіе зрѣлые плоды духовнаго совершенства, каковы Святые Божіи, наполнившіе пещерами и чудодѣйственными мощами своими кіевскія пещеры. (Это вѣдь открытое предъ всѣми и до нынѣ, хотя почему-то и неизвѣстное многимъ русскимъ ученымъ, доказательство, что православіе у первыхъ русскихъ христіанъ было живое и духовно-разумное, а не наружное и темно-невѣжественное). Чѣмъ это объяснить, если не такими довѣріемъ и покорностію великому князю, въ которыхъ ужъ была, хоть инстинктивная, но живая и глубокая народная вѣра въ благодать власти, конечно, сначала тоже только предваряющую? Слѣпая и почти только механическая покорность княжеской власти могла бы и привести развѣ только къ совершенно-слѣпому и мертвому христіанству.

Смотрите далѣе, продолжалъ о. Іоаннъ, что разработывала и выявляла въ русскомъ народномъ духѣ сама жизнь. Единоначаліе власти, по обстоятельствамъ и понятіямъ тогдашнимъ, распалось на удѣльную множественность князей, хотя и съ отеческимъ главенствомъ великаго князя. Казалось бы, судя по нынѣшнимъ любимымъ понятіямъ, какъ было удобно и хорошо развиваться народной жизни, не связанной въ своихъ движеніяхъ и раскрытіи строгою общею централизаціею! У насъ вышла только путаница кровавыхъ междоусобій, до того разъединившихъ и ослабившихъ Русь, что она не въ силахъ была устоять противъ татарскаго напора и подпала продолжительному татарскому игу; пока, наведенная на прямой свой путь этими двойными бѣдами, не устремилась къ единодержавію, движась къ этому самымъ церковнымъ водительствомъ и не задерживаясь въ этомъ никакими жертвами. И единодержавіе Руси избавило ее вмѣстѣ и отъ внутреннихъ безконечныхъ смутъ и отъ внѣшняго подавляющаго ига. Жизнь давала русскому духу и другіе опыты для дознанія, нѣтъ ли въ немъ воспріимчивости и потребности къ иному образу управленія и,

опредѣляемаго имъ, устройства общественнаго. Новгородъ (не одинокій притомъ въ своемъ направленіи) слушался болѣе своего вѣча, чѣмъ князя, который иногда вынуждаемъ былъ этимъ вѣчемъ даже отказываться совсѣмъ отъ этого великаго господина (Новгорода). Что же? Открылись ли здѣсь какіе нибудь начатки и залоги благодѣтельнаго русскаго самоуправленія, независимаго отъ высшей власти? или *жизнь* помѣшала чему нибудь подобному обозначиться какъ говорятъ иные наши мудрецы? *Жизнь*,—съ своей стороны, вотъ что представила: соберется вѣче толковать о дѣлѣ, и вотъ—выбираютъ кого-нибудь въ посадники «не съ нашего конца» или даже кто нибудь «не изъ нашего конца» началъ громко и твердо, основательно говорить о дѣлѣ; въ слѣдствіе этого одного начинается бойня—сначала, конечно, кулаками и кольями, а тамъ и всякимъ извѣстнымъ тогда оружіемъ; мостъ на Волховѣ сломанъ и одинъ развѣ Преосвященный Владыка Софійскаго храма въ состояніи слезами, словомъ Божіимъ и молитвами вразумить буйное народное безсмысліе. Ужели эти явленія—не опыты и уроки самой *жизни?* Вѣдь, среди и послѣ такихъ явленій, какой разумный Новгородецъ не вздыхалъ о выходѣ изъ такого порядка вещей, какъ изъ ада какого? И когда подошло или еще шло къ Новгороду войско великаго князя московскаго, общественный новгородскій духъ, въ глубочайшихъ своихъ движеніяхъ и думахъ, не могъ ужъ по совѣсти стоять за свое самоуправленіе какъ за истинное общественное благо: отстаивали его главнымъ образомъ уже частные эгоистическіе интересы нѣкоторыхъ только личностей и семействъ Вѣдь, это *жизнь*, а не что другое, произнесла приговоръ вѣчевому на Руси самоуправленію.

Мудрено ли, что, послѣ такихъ и всенародныхъ и частныхъ—городовыхъ опытовъ или вразумленій самою жизнію общественною, самовластительное единодержавіе даже Іоанна IV принималось народомъ съ благоговѣніемъ, какъ судьба небесная? И этотъ грозный Государь, при всей своей подозрительности противъ бояръ, спокойно могъ выѣхать изъ своей столицы въ Александрову слободу, инстинктивно увѣренный, что и самый

крамольный боярин ничего не подѣлаетъ противъ него, пока не измѣнится духъ народный въ самой сущности.... Что это, если не глубокая народная вѣра въ благодать власти,—благодать собственно Того, Кто, вземля грѣхи міра, для вѣры—уже Своею личностію отстаиваетъ даже тирана (только бы законнаго властителя), какъ бы Самъ виноватый виновностію этой безчеловѣчной тиранніи? За то такая вѣра въ благодать власти вынесла, потомъ, русскій народъ изъ губительныхъ мраковъ самозванства и безначалія; не усумнилась ввѣрить верховное самовластительство юношѣ, плакавшему отъ испуга предъ величіемъ ему же предложеннымъ, и не ошиблась въ выборѣ новой династіи. Кто, какъ не такой великой и крутой самодержецъ, каковъ Петръ I, могъ бы поворотить свой великій народъ съ стараго одинокаго пути, начавшаго уже уединять этотъ народъ въ (фарисейски) самодовольное отчужденіе отъ другихъ народовъ, на новую дорогу братства съ прочими народами, готоваго воспользоваться всякимъ ихъ добромъ, а въ свое время подѣлиться съ ними своимъ, можетъ быть—еще несравненно высшимъ, добромъ? Вѣдь, и теперь еще продолжается на Руси мраколюбіе, только порицающее и отрицающее благо реформы Петровой; даже прямые дѣти и наслѣдники дѣла Петрова—цивилизованные люди наши бросаютъ въ него каменьями, вздыхая наприм. о «земскомъ соборѣ» Алексѣя Михайловича. На подобный народъ, пока онъ хорошенько не вразумится жизнію, чѣмъ, если не Петровскими самодержавными мѣрами, можно было подѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, что этому народу ужъ нельзя поворотиться назадъ на прежній уединенный его путь, ни даже къ «земскому собору» Алексѣя Михайловича, а надо ужъ новою дорогою общительнаго со всѣми народами просвѣщенія идти къ полному самосознанію и самодѣятельности, достойнымъ народа православнаго?

Да и нынѣшняя великая же реформа освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, совершенная съ согласія и по совѣщаніямъ дворянъ, безъ самодержавной инициативы и воли Государя была ли бы и предпринята и совершена у насъ единодушно и всенародно? Всѣ согласны, что—нѣтъ. А сколько еще подобныхъ,

не менѣе нужныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій и преобразованій еще требуется и ожидается отъ власти самодержавной! Вотъ у насъ начались, по волѣ же Государя, совѣщанія и распоряженія объ улучшеніи быта духовенства, связаннаго съ нравственнымъ благосостояніемъ всего православнаго народа. Да благословитъ Господь всякимъ благословеніемъ эти совѣщанія и распоряженія! и можетъ быть, мы будемъ отъ Господа вразумлены самою жизнію въ томъ, что главное зло, прежде всего прочаго требующее по этому вопросу уврачеванія, есть именно разобщеніе между духовными и свѣтскими, развившееся особенно чрезъ разность и отдѣльность образованія и самаго роднаго (физическимъ родомъ и происхожденіемъ условливаемаго) состава духовенства отъ свѣтскаго образованія и отъ всенароднаго состава. Вѣдь, при существующемъ разобщеніи духовенства съ свѣтскимъ обществомъ и народнымъ составомъ, неудобно по надлежащему открыть источники *мѣстныхъ способовъ*, на которые справедливо болѣе всего расчитываютъ въ дѣлѣ улучшенія быта духовенства. Итакъ предположите, что поднятъ будетъ вопросъ, не благопадежнѣе ли для улучшенія самаго быта духовенства (не говоря уже о другихъ требованіяхъ или уваженіяхъ) служеніе духу, служеніе благодати и истинѣ Христовой сдѣлать и по гражданскому порядку равно открытымъ для имѣющихъ призваніе къ этому служенію изъ всѣхъ сословій и, въ соотвѣтствіе этому, не необходимо ли прежде всего объединить самыя мѣста, способы и образъ ученія или образованія свѣтскаго и духовнаго? (потому что, если бы и допустить мысль о несостоятельности еще въ чемъ нибудь свѣтскаго образованія предъ Христовою истиною, то вѣдь, всё равно,— это лежитъ на совѣсти и отвѣтственности духовныхъ, какъ избранныхъ не для себя, а для народа—служителей истины и благодати Христовой). Кто въ состояніи былъ бы разрѣшить этотъ вопросъ, сколько независимо отъ сословныхъ интересовъ и даже отчасти, пожалуй, еще предразсудковъ, могущихъ притомъ скрываться подъ личинами чего либо безцѣннаго дорогаго и священнаго для народа, столько и съ осуществленіемъ разрѣшенія вопроса на самомъ дѣлѣ? Кто?—Смѣло говорю: никто

кромѣ Монарха самодержавнаго. А сколько, повторю, подобныхъ вопросовъ или уже возникаетъ или готово возникнуть! Изъ этого-то и открывается глубина истины, высказанной Наполеономъ III объ Императорской власти въ Россіи: «необходимо, чтобы она сосредоточивала, какъ можно болѣе, въ рукахъ одного лица всѣ силы государства».

Поэтому, продолжалъ о. Іоаннъ, благословенна память тѣхъ людей—Русскихъ, которые не только при преступныхъ покушеніяхъ противъ самодержавія, но и когда уже власть верховная у насъ сама себя формально ограничивала (при воцареніи Анны Іоанновны), умѣли твердо противостать этому посягательству на лишеніе Россіи той силы для добра, которую она имѣетъ въ неограниченной, и потому могущей дѣлать добро и задерживать зло безъ задержекъ для себя, верховной власти! Связывать въ чемъ либо самодержавную власть значило бы для насъ только связывать и отнимать у себя свободу въ развитіи того добра, которое въ силахъ произвести противъ всякихъ частныхъ эгоистическихъ притязаній одна неограниченная власть, значитъ посягать Русскимъ на всю свою исторію, на всѣ опыты и уроки *жизни*, на всѣ страдальческіе подвиги и жертвы, которыми мы разработывали у себя небесный даръ такой власти. Иное дѣло для насъ—такъ настроивать нашъ народный духъ и направлять общественное мнѣніе, чтобы сколько намъ быть достойными и способными принимать отъ власти болѣе и болѣе довѣрія, столько и представителямъ и орудіямъ власти находить дикимъ и унизительнымъ для себя злоупотреблять властью. А главное, только бы русскіе умѣли по прежнему беречь и по нынѣшнему просвѣтлять въ себѣ вѣру въ благодать власти! Смѣются, напр., мудрецы, какъ простой народъ у насъ ликовалъ и бросалъ вверхъ шапки при внезапныхъ воцареніяхъ Елисаветы или Екатерины: но одушевляла этотъ народъ вѣра въ благодать власти, которая, за такую имѣло вѣру народную, и не переставала осѣнять всякихъ представителей и орудія власти, не давая никакимъ потрясеніямъ и переворотамъ относительно власти, бывшимъ на верху приводить въ движеніе глубину народную; и XVIII вѣкъ прошелъ у насъ наибольшею частію мирно и достославно. Ме-

рещится кое-кому военный деспотизмъ въ явленіяхъ, выражающихъ ни болѣе ни менѣе того, что въ первую половину XVIII вѣка тотъ или другой гвардеецъ высказывалъ мужикамъ свое патріотическое, хотя и не совсѣмъ трезвое, самосознаніе: «безъ нашего-де брата вы остались бы холопами у кровожаднаго Бирона или у легонькой по мыслямъ и поведенію Анны Леопольдовны; вѣдь нашъ братъ солдатъ послужилъ тому, что теперь у насъ Богоданная Царица.» Подобные факты только говорятъ одно, что народная вѣра въ благодать власти требуетъ просвѣтленія разумною отчетливостію.

«Польскій вопросъ» подвигнулъ всѣхъ Русскихъ—къ выраженію сочувствія и готовности содѣйствія Государю, по самодержавной его волѣ, противъ непокорныхъ ему Поляковъ и заступы за нихъ иноземныхъ державъ. Пусть же этотъ самый вопросъ будетъ для насъ—для правительства и народа—поводомъ и побужденіемъ къ тому, чтобы отчетливо выяснять и углублять въ себѣ ощущаемую всѣми у насъ, и оправданную исторіей, воспріимчивость и потребность нашего русскаго духа къ раскрытію, въ нашей общественной жизни, прямо самой благодати Христовой, относительно власти. Разумѣю раскрытіе въ насъ духа и силы именно той стороны Господней, благодати, что Господь самодержавствуетъ и вседержавствуетъ надъ міромъ, самое мятежное мірское зло взявъ въ крѣпкую руку Своего Божественнаго самодержавія, пріобрѣвши на то власть чрезъ человѣколюбивое Свое самопожертвованіе, чрезъ понесеніе бремени этого зла на Себѣ Самомъ. (Мѳ. XXVIII, 18.) На этомъ основаніи и въ этомъ самомъ духѣ мы (сколько и какъ можетъ и долженъ каждый изъ насъ, судя по положенію и дѣлу своему) и будемъ стоять за достоинство и права Всероссійскаго Монарха, за условливаемую этими правами и достоинствомъ неприкосновенность и цѣлость его владѣній (*). Тогда и воззрѣніемъ нашимъ и дѣлами

(*) Въ одной статьѣ по „польскому вопросу“ переведенной съ Англійскаго языка въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ прекрасно доказано исторіей, что Польша вызвала Россію на единоборство съ собою именно чрезъ стремленіе подчинить послѣднюю своей власти, какъ бы вѣковѣчное наслѣдіе (это было особенно во времена самозванства и междоцарствія) и что Россія приняла этотъ вызовъ и

по «польскому вопросу» мы истинно будемъ участвовать во вселенскомъ богослуженіи Царя царей и Господа господей—Агнца Божія при наполненіи всей земли Его славою, созерцаемою и провозглашаемою Серафимами; и при этомъ даже особенно послужимъ проявленію славы Господней чрезъ самодержавную у насъ власть и нашу ей всеполную преданность, дѣйствующія въ человѣколюбивомъ до самопожертвованія духѣ Христовой благодати. Такое съ нашей стороны направленіе «польскаго вопроса» въ отношеніи къ власти, затронутой этимъ вопросомъ, найдетъ когда нибудь сочувствіе и признаніе своей правоты и на западѣ и въ Полякахъ; потому что и стоящій въ главѣ западнаго и польскаго направленія царственный умъ (Наполеонъ III, который могъ перемѣниться развѣ въ примѣненіи, а не въ самомъ существѣ своихъ коренныхъ идей) одинаково съ нами стоитъ за неприкосновенность и даже возвышеніе Императорскаго у насъ достоинства.

О. Іоаннъ кончилъ свою длинную тираду, въ которой, къ моему истинному удовольствію, касался особенно фактовъ, у насъ иногда поставляемыхъ въ иномъ обманчивомъ или, противномъ духу нашей исторіи и народа, свѣтѣ и значеніи. Я съ своей стороны высказалъ только свою задушевную мысль о такомъ настроеніи у насъ общественнаго мнѣнія, чтобы подвластнымъ привлекать къ себѣ отъ властей болѣе и болѣе довѣрія въ разныхъ отношеніяхъ и умѣть пользоваться этимъ довѣріемъ, а представителямъ и орудіямъ власти не подпадать искушенію самонравія, какъ явнаго, въ глазахъ всѣхъ и каждаго, неразумія и низости душевной.

— У насъ благословенное самодержавіе, замѣтилъ о. Іоаннъ, именно къ этому и само стремится и движетъ свои орудія и представителей, не задерживаясь и такими оскорбительными для него явленіями, каковъ польскій мятежъ. Наше дѣло содѣйствовать тому же твердою и разумною вѣрою въ благодать власти,

---

поставила саму Польшу въ то положеніе, въ которое Польша стремилась поставить Россію: это совершилось по порядку единоборства, уставленному самою Польшею. Говорю это къ тому, что въ дѣлѣ съ Поляками у насъ идетъ старый вопросъ, именно: о достоинствѣ и правахъ національной нашей власти.

идущую отъ нашего Господа, Который благоволитъ властвовать надъ міромъ не просто какъ вышемірный Владыка, но и какъ вземлющій грѣхи міра Агнецъ Божій. Но продолжимъ нашу рѣчь о томъ, что еще, кромѣ вопроса о власти въ отношеніи къ народамъ, затронуто польскими дѣлами. Это—вопросъ объ отношеніи, въ христіанскомъ мірѣ, между востокомъ и западомъ, то есть, между восточнымъ православіемъ и западными неправославными исповѣданіями.

II.

— Да чѣмъ же затронутъ этотъ великій вопросъ? спросилъ я съ удивленіемъ. Неужели вы разумѣете эту не очень важную въ цѣломъ частность, что Поляки, и за тѣмъ западныя державы, оклеветали Русскихъ въ стѣсненіи римскаго католичества въ Польшѣ?

— Не опускаю изъ виду и этой частности, отвѣчалъ о. Іоаннъ. Поставляю на видъ и то, что ксёндзы замѣшаны между двигателями или возбудителями мятежа, что разжигалась въ Полякахъ, особенно въ женщинахъ, ненависть къ Русскимъ во имя католичества и тѣ изъ Поляковъ, которые не находятся въ бандахъ и другихъ мятежническихъ сборищахъ и дѣлахъ, идутъ въ костелы со вздохами или съ мечтательными надеждами. Но мало всего этого. Вы, конечно, читали же этотъ польскій катихизисъ, вполнѣ оправдываемый и современными внутри Польши и заграничными дѣйствіями Поляковъ въ нынѣшнемъ мятежѣ,— тотъ катихизисъ, которымъ освящаются, какъ сама правда, всякія безчестныя козни и злодѣйскіе умыслы противъ Русскихъ. Этотъ катихизисъ—совершенно въ духѣ и началахъ римскаго католичества. Все равно, какъ истинно-православные, знающіе своею вѣрою одну Главу для себя и для всего—Самаго Господа, имѣютъ своимъ существеннымъ началомъ и цѣлію соединеніе съ Нимъ, усвоеніе его правды, истины и благодати, и всё прочее для нихъ уже важно только по отношенію къ Самому Господу, внѣ Котораго—всё, что бы ни было, для нихъ есть не болѣе, какъ безголовая мертвечина и уродливость: такъ и воз-

главляющіе себя своею вѣрою подъ главенство намѣстника Христова считаютъ самою своею правдою и долгомъ интересъ этого своего фальшиваго католичества, смотря на нехотящихъ и немогущихъ ему мирволить, какъ на враговъ правды, противъ которыхъ всякое злодѣйство и козни будутъ для нихъ уже подвигомъ за правду. Поляки въ образѣ дѣйствій и мыслей противъ Русскихъ, съ удивительною послѣдовательностію, вѣрны духу своей римско-католической религіозности, на сколько послѣдняя несогласна съ православіемъ и есть ложь. Равно, съ другой стороны, только религіею, сдвинутою съ основанія истины, можетъ быть извращенно успокоена человѣческая совѣсть во всѣхъ безсовѣстныхъ, злобныхъ, и вмѣстѣ клеветническихъ противъ Россіи дѣйствіяхъ, которыя разрѣшаетъ и предписываетъ этотъ польскій катихизисъ и которыя, дѣйствительно, совершаютъ Поляки съ фанатическою ревностію и стойкостію. Чтожъ? Вѣдь, въ существѣ дѣла *нѣтъ наша брань ко плоти и крови*, а къ самымъ *началамъ* лжи. Итакъ нашъ существенный врагъ, который именно затаивалъ, а потомъ открыто поднялъ противъ Россіи мятежъ въ Польшѣ, есть тотъ враждебный духъ лжи римско-католической, которымъ одушевляется и направляется непримиримая и клеветническая злоба Поляковъ противъ Россіи. Вотъ почему, главнымъ образомъ, я вижу затронутою въ «польскомъ вопросѣ» и эту великую задачу объ отношеніи между православнымъ востокомъ и неправославнымъ западомъ! И замѣтьте, что не Русскимъ противъ Поляковъ, а Полякамъ противъ Россіи оказались сочувственными западныя національности не только католическія, а и преобразованныя въ своемъ христіанствѣ; я разумѣю здѣсь не одну Англію, вступившую въ дипломатическій союзъ съ Франціей и Австріей противъ Россіи, но и другія реформатскія или протестантскія націи, обнаружившія свои симпатіи въ пользу Поляковъ. Видно, что римскіе католики и вновь преобразованныя въ христіанствѣ общества, раздѣляясь сами другъ отъ друга, все же чувствуютъ и держатъ себя въ отношеніи къ православнымъ Русскимъ, какъ двое родные въ отношеніи къ третьему чужему. И дѣйствительно не только западная идея папства, но и другія западныя идеи, вы-

развившіяся въ самочинныхъ преобразованіяхъ христіанства, тоже пришли въ столкновеніе съ православными воззрѣніями востока. Вы знаете, какими идеями западныя державы подвигались противъ насъ, подвигались до закрытія для себя прямыхъ либеральныхъ намѣреній нашего Государя и до сочувствія явнымъ клеветамъ и революціонному террору Поляковъ? Идеями чюловѣколюбія и гуманной, свободной цивилизаціи. Высокія, христіанскія идеи! Но когда эти идеи обращаются въ орудія неблагонамѣренности или явной недальновидности, вредной для другихъ, самыхъ даже друзей, въ орудія противъ явно благонамѣренной и благоразумной правоты, закрывая или отводя глаза отъ правды, а склоняя всё вниманіе къ клеветамъ, въ такомъ случаѣ эти, сами по себѣ свѣтлыя и высокія, идеи оказываются чѣмъ-то въ родѣ *рогова ягненка на* дикомъ *звѣрѣ*. (Апок. XIII, 11). Такое именно превращеніе самой человѣколюбивой истины въ ложь замѣчается въ фальшивой раціональности, которая, самочинно или съ самовластіемъ надъ Божіимъ дѣломъ, преобразовала христіанство многихъ націй на западѣ. Итакъ видите, что духъ и другаго вида неправославія западнаго—въ дѣйствіи противъ насъ по «польскому вопросу.» Само собою при этомъ разумѣется, добрый мой, что, на сколько тѣ или другіе изъ западныхъ и даже изъ самыхъ поляковъ возвысились бы надъ клеветническимъ или фальшиво-гуманнымъ духомъ лжи, на столько они переходили бы на нашу сторону, сторону православія или самой Христовой истины и любви, а равно на сколько и мы или кто либо изъ насъ ниспадали бы въ духъ того или другаго вида западной лжи, сейчасъ нами объясненныхъ, на столько и мы переходили бы на сторону ихъ, на сторону неправославія, злобнаго и безсовѣстнаго во имя самой христіанской вѣры, лживаго и противоправнаго съ дѣлми самаго человѣколюбія и гуманной цивилизаціи. Истина безпристрастна! Когда я выслушалъ эти рѣчи о. Іоанна, то вскочилъ съ словами:

— Да, да! дѣйствительно—затронуто въ «польскомъ вопросѣ» многовѣковое дѣло объ отношеніяхъ между востокомъ и западомъ, между православіемъ восточнымъ и извѣстными видами западнаго неправославія. Такъ выходитъ именно по духу поль-

скаго мятежа и направленныхъ противъ насъ въ западной Европѣ общественнаго мнѣнія и дипломатіи. Между тѣмъ самые догматы не просто только оставлены въ покоѣ, по «польскому вопросу,» но ходомъ дѣлъ въ мірѣ, кажется, и навсегда присуждены къ этому покою для общественнаго мнѣнія или въ пользу его; дѣло о нихъ поднимается развѣ спеціалистами, и то въ ученыхъ кабинетахъ, въ богословской догматической литературѣ, которая притомъ, надо сознаться, далеко не пользуется равнымъ съ прочими отраслями литературы и знанія живымъ вниманіемъ общества, но болѣе ли неподвижному положенію своему сравнительно съ открытіями и успѣхами другихъ отраслей знанія, напр. естественныхъ, на что̀ указываетъ Бокль, или вообще по упадку для людей интереса вѣры сравнительно съ интересами жизни. Но важность и сила дѣла для православія—всё же въ самихъ догматахъ. Въ этомъ отношеніи дѣло восточнаго православія и западныхъ неправославныхъ ни мало не тронуто послѣдними событіями, Не правда ли?

— Правда,—отвѣчалъ мнѣ о Іоаннъ. Но не забывайте, что, если сила дѣла православія заключается въ самыхъ догматахъ вѣры, то сила догматовъ всё же состоитъ въ самой жизни и духѣ, а не въ мертвой буквѣ. «Духъ животворитъ, сказалъ Самъ Спаситель, плоть (одна мертвая внѣшность дѣла, буква) не пользуетъ нимало, слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь.» (Іоан. IV, 63). А между тѣмъ разумѣніе догматовъ въ современномъ христіанскомъ мірѣ вотъ до чего стало у иныхъ безжизненно: нынѣшніе люди, касаясь того, что въ древности христіанской разбирали догматы, именно, какъ дѣло самой жизни и вопросы о томъ, быть или не быть,—не хотятъ (вѣрнѣе сказать, ужъ и не умѣютъ) и вникнуть въ это явленіе, а просто замѣчаютъ, что это будтобы занимались безплодными, метафизическими изслѣдованіями о непостижимомъ (См. напр. Исторію Вебера). Такъ разсуждаютъ дѣятели науки и мысли. Такое же въ своемъ родѣ разсужденіе и дѣятелей вѣры или благочестія. (Раздѣляю тѣхъ и другихъ не по существу ихъ дѣла—вѣры или науки, а только по нынѣшнему ихъ направленію). Хотите ли видѣть замѣчательный образчикъ подобнаго разсужденія? Въ

православной парижской газетѣ «Единеніе христіанства» помѣщено было нѣсколько писемъ къ одному латинскому епископу и еще къ извѣстному г. Гизо по великому вопросу о православіи и папствѣ. Въ одномъ изъ русскихъ изданій сдѣланы были замѣчанія на это письмо, что въ высказываемыхъ имп понятіяхъ о православіи есть нѣчто не совсѣмъ свѣтлое, а похожее на случайный нагаръ. Въ этихъ замѣткахъ между прочимъ указано было на то, что православное вѣрованіе въ главенство единаго Христа состоитъ не въ признаніи только буквы этого догмата, а въ дѣйствительномъ и живомъ отношеніи вѣрующихъ, пастырей и чадъ Церкви, къ Самому Христу, какъ единой, движущей всѣ эти свои члены и управляющей ими во всемъ, главѣ. Что же? Православно ученый издатель газеты нашелъ въ этой мысли мечтательность мистицизма, ведущую будто бы къ тому, что именно мечтающіе держаться во всемъ Самаго Христа будутъ имѣть претензіи заправлять прочимъ составомъ Церкви. Но претензія заправлять Церковію для вѣры въ дѣйствительное живое главенство Самаго Христа надъ Церковію есть уже не что иное, какъ святотатственная и богохульная претензія на совмѣстничество съ Самимъ Христомъ въ Его главенствѣ надъ Церковію. Не очевидно ли это? Истинно держащіеся во всемъ Христа, какъ такого главы Церкви, который раскрываетъ Самъ изъ своей человѣколюбивой до крестнаго самопожертвованія благодати и истины всю полноту церковнаго чина и уставовъ, всю полноту церковнаго тѣла—іерархіи и простыхъ членовъ Церкви,—держащіеся Его Самаго въ своихъ отношеніяхъ и къ іерархіи и къ простымъ христіанамъ, въ соблюденіи всѣхъ уставовъ и чина православной Церкви, суть очевидно не заправители самозванные, а послушливые поклонники Христова духа, во всемъ церковномъ дѣйствующаго. То правда, что они своею живою и дѣятельною вѣрою въ живое главенство Христово могутъ приводить въ живое движеніе и дѣйствіе—благодатную православную церковность; но для этого имъ необходимо съ Христовымъ самопожертвованіемъ выносить на себѣ недостатки и невѣрности другихъ предъ благодатнымъ церковнымъ духомъ, а не заправлять другими. И вотъ, однако не хочетъ понять

этого православная ученость поднимающая онако знамя православія противъ папства «возглавляющаго Церковь не въ одномъ Самомъ Христѣ и потому недающаго Христу двигать и управлять Самому Своимъ собственнымъ тѣломъ, Своими членами!!.»

Я былъ нѣсколько пораженъ послѣднимъ обстоятельствомъ и невольно вздохнулъ съ словами: неужели мы такъ еще далеки отъ единенія востока и запада, что намъ еще надобно разъяснять и разъяснять въ чемъ самая сила дѣла и въ настоящемъ ихъ раздѣленіи и въ желанномъ единеніи?

— Не о томъ теперь у насъ рѣчь, отвѣчалъ о. Іоаннъ Вы вотъ на что обратите вниманіе: что значитъ, при подобномъ умственномъ настроеніи современниковъ, поднять изслѣдованія и споры о самихъ догматахъ? Это значило бы, въ глазахъ большинства современныхъ людей мысли и науки, заниматься не интересующими никого, кромѣ немногихъ спеціалистовъ, метафизическими изслѣдованіями о непостижимомъ, а для самыхъ спеціалистовъ богословія это было бы случаемъ къ одному только, уже не входящему въ живую силу дѣла, повторенію древнихъ, тогда живыхъ или имѣвшихъ глубокій жизненный смыслъ, споровъ догматическихъ, исчерпавшихъ уже этотъ предметъ. Что же было бы толку изъ всего этого для Христовой истины? Вѣдь, догматы Христовой истины—духъ и жизнь. Поэтому въ томъ обстоятельствѣ, что дѣло православія въ отношеніи къ неправославію переходитъ изъ области догматическихъ состязаній въ самую жизнь, въ духъ совершающихся въ мірѣ событій, я вижу прямое дѣло благодати Того, Кто, будучи Самъ истиною и жизнію, сосредоточивъ въ Своей живой личности и раскрывъ въ Своей жизни—отъ зачатія до смерти, воскресенія и превознесенія—всю силу догматовъ Своей истины, хочетъ живою же дѣйствительностію вразумить міръ въ Своей истинѣ и провести эту истину въ самую жизнь міра. Жизнь и практика—лучшіе учители особенно для обезсилившихъ уже для себя другіе способы ученія. Вотъ напр. тотъ же польскій катихизисъ съ соотвѣтственною ему польскою практикою, если сообразить всю вѣрность его духу римскаго католичества, составляетъ самое ясное обличеніе и опроверженіе лжи этого

католичества; онъ собою фактически показываетъ, что для христіанина возглавлять свою вѣру не единственно въ Самомъ Господѣ, значитъ обратить въ интересъ самой своей вѣры ужъ не Христову истину и благодать, а эгоистическіе интересы своей партіи, для которыхъ, во имя вѣры, и будетъ этотъ несчастный христіанинъ жертвовать всѣмъ, не исключая и своей добросовѣстности, честности и правды. Совѣсть христіанская, и даже просто человѣческая, какъ бы ни была заглушена пристрастіями и фанатизмомъ своей партіи, услышитъ же рано или поздно истину. Также обличаетъ сама себя въ односторонности или несостоятельности предъ истиною и западная раціональность, неусумнившаяся преобразовать самое христіанство по своему произволу и усмотрѣнію, когда самыя лучшія идеи ея—идеи свободнаго духа, гуманности, цивилизаціи—обращаются на службу дѣлу неправды, во вредъ притомъ самыхъ друзей. Жизнь лучше всего изобличитъ и въ насъ православныхъ ту фальшь (въ комъ изъ насъ есть она), чтобы съ вѣрными понятіями объ истинѣ, быть невѣрными человѣколюбивому, благодатно свободному ея духу и силѣ, и тѣмъ закрывать ее для прочаго міра, или чтобы, съ вѣрностію къ догматической буквѣ, живую силу догмата относить къ мечтательному мистицизму. Потому существенно важно для дѣла православія, что въ «польскомъ вопросѣ» затронуто это дѣло по самому духу событій, хотя и безъ всякаго соприкосновенія къ буквѣ догматовъ. Самое столь живое вниманіе общества къ легкой литературѣ, занимающейся однако жизнію, и успѣшный ходъ естественныхъ наукъ не отъ того ли происходятъ, что чутье современнаго міра какъ будто уже и ищетъ, и съ успѣхомъ ищетъ, живой истины въ самой жизни или въ наглядной земной дѣйствительности? Соотвѣтственно этому и надо проводить живую истину (а такая истина одна—Христова) во всѣ среды самой жизни, во всѣ области дѣйствительности; здѣсь-то догматы живой и животворной истины и раскроются для міра во всемъ свѣтѣ своей истинности, такъ что въ раскрытіи этихъ догматовъ самый міръ будетъ видѣть разъясненіе тайны всей его жизни и дѣйствительности, а не метафизическое безплодное изслѣдованіе непостижимаго, не

мечтательный мистицизмъ. Къ этому самому Господь и ведетъ міръ, раскрывая духъ Своей истины и духъ противленія этой истинѣ въ самыхъ событіяхъ, какъ именно въ событіяхъ тяжело занимающаго насъ «польскаго вопроса.»

— Совершенно согласенъ я съ вами, отозвался я на слова о. Іоанна. Я понимаю и принимаю вашу мысль, что въ самыхъ событіяхъ міра совершается движеніе впередъ великаго дѣла о «соединеніи всѣхъ» Церквей и христіанъ въ одну православную вселенскую Церковь, и что для того, чтобы не противодѣйствовать, а содѣйствовать такой силѣ событій, надо намъ проводить Христову истину во всѣ среды жизни и дѣйствительности земной, начиная по «польскому вопросу» съ самой области политики и гражданскихъ порядковъ, къ которой этотъ вопросъ относится. Но «польскій вопросъ» есть только послѣднее звѣно въ цѣпи событій, въ которыхъ совершается движеніе впередъ великаго дѣла о соединеніи раздѣлившихся Церквей и христіанъ въ одной православной Церкви вселенской. Надо прослѣдить всю цѣпь, чтобы яснѣе было и послѣднее звѣно. И я отъ всей души попросилъ бы васъ начать слѣдить эту цѣпь, по возможности, съ самыхъ первыхъ звѣньевъ, разумѣется—слѣдить только, въ общемъ, не пускаясь въ частности.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ о. Іоаннъ, начнемъ съ первыхъ звѣньевъ, съ первыхъ моментовъ движенія дѣла о «соединеніи» раздѣлившихся между собою Церквей и христіанъ. Начало этого благодатнаго дѣла открылось тотчасъ же за обозначившимся раздѣленіемъ въ христіанскомъ мірѣ, обнимая въ своемъ движеніи и востокъ и западъ. Когда западъ, отдѣлясь отъ православнаго востока, сталъ порабощать у себя освобожденныхъ Христовою кровію христіанъ двойному игу духовнаго преобладанія и, соперничествующей съ нимъ по своеправному духу, свѣтской власти; востокъ, или собственно Греки, раскрывъ и сохранивъ (и вѣчная за то имъ благодарность!) чистыя понятія вѣры или догматы въ самомъ ихъ безотносительномъ духовномъ существѣ, до того недостаточно проводили ихъ въ свою мірскую гражданскую жизнь, что характеромъ значительнаго историческаго періода Византійской Имперіи были

кровавыя козни и злоумышленія партій претендентовъ Императорскаго престола. Востокъ за догматическую вѣрность свою православію, хотя и не довольно проводимую имъ въ гражданскую свою *самодѣятельность*, благодатію Христовою удержанъ былъ, и по гражданской жизни, покрайней мѣрѣ въ *страдательномъ* положеніи, все же не недостойнымъ православныхъ послѣдователей страдавшаго за насъ Господа; именно, онъ былъ вводимъ болѣе и болѣе во внѣшнія бѣдствія и страданія порабощенія масульманскому игу. Это и повело востокъ къ тому, чтобы онъ рано или поздно могъ и самодѣятельно проводить свое православіе въ гражданскую свою жизнь, нераздѣльную, конечно, и отъ всякой среды земной дѣйствительности. Что касается запада, успокоиться ему въ недостойномъ истиннаго христіанства преобладаніи власти духовной и свѣтской и въ духовно-гражданскомъ порабощеніи народовъ христіанскихъ не дозволяли какъ непрерывная борьба между самыми властями, свѣтскою и духовною, такъ и непрестанные горячіе протесты противъ духовнаго преобладанія со стороны свободныхъ или стремящихся къ освобожденію идей, а противъ гражданскаго преобладанія со стороны вассаловъ, средняго сословія и иногда цѣлыхъ городовъ. Въ этомъ и состояло направленное благодатію же Христовою (положимъ, предваряющею) движеніе запада къ тому, чтобы западъ могъ рано или поздно сознать свою односторонность, чрезъ которую онъ отступилъ отъ чистоты и правоты христіанства, отъ православія.

— О, батюшка!—такъ прерывалъ я съ живымъ движеніемъ рѣчь о. Іоанна, — какъ внятно изъ вашего обозрѣнія исторіи востока и запада или, точнѣе, самаго духа и силы этой исторіи слышится горнее, совершающееся въ движеніяхъ міра, великое богослуженіе самой Господней благодати, наполняющей славою всю землю!

— Благодарю васъ, отозвался также съ чувствомъ о. Іоаннъ на мои слова, — что вы не забываете главнаго и существеннаго. Не забывайте при этомъ и тѣ многія, многія поколѣнія, отошедшія, въ слѣдимыхъ нами движеніяхъ востока и запада, въ другую жизнь и чающихъ себѣ Христова утѣшенія и успо-

коснія отъ памятованія объ пихъ нашей вѣры! Но продолжимъ начатое. — Между востокомъ и западомъ, въ самомъ началѣ означенныхъ движеній того и другаго, явилась принадлежащая востоку по своему православію и западу по единовременному съ новыми его народами начатію гражданской своей жизни— наша Русь Святая. Чуждая, не случайно, а по самому существу дѣла, движеніямъ запада, только что означеннымъ нами, происходящимъ именно по причинѣ односторонностей западнаго неправославія,—православная Россія естественно своимъ устройствомъ и жизнію обособилась отъ западной гражданской жизни. Но, по единовременности своей жизни и развитія гражданскаго съ западомъ, Россія не могла же рано или поздно не войти въ столкновеніе и связь съ сосѣдственнымъ западомъ. И дѣйствительно, въ то самое время, когда Русская держава достигла уже, въ своей особности отъ запада, единовластительной и самодержавной твердости, западъ жестоко далъ ей знать себя именно чрезъ Польшу, принадлежащую западу по вѣрѣ и вообще по духу народному, но родную и смежную Россіи по національности (*). Что же касается отношенія Россіи къ единовѣрному съ нею востоку,—Россія, воспринимая у него и перенося къ себѣ сокровища православія, не могла много заимствоваться отъ него въ практическомъ примѣненіи началъ православія къ гражданской жизни и отсюда ко всѣмъ средамъ земной дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи, суждено Россіи (и благодареніе за это благодати Божіей!) быть самодѣятельною; но первоначальнымъ проявленіямъ этой ея самодѣятельности естественно было болѣе или менѣе быть инстинктивными, несвободными отъ тяжелыхъ неровностей, безсильными достаточно оградить себя отъ практическихъ въ гражданствѣ односторонностей доживавшей Византійской Имперіи, отъ которыхъ по не-многу и возникло во многихъ Русскихъ одностороннее воззрѣніе на мірскую жизнь, какъ на поприще для однихъ грѣховъ и грѣшныхъ немощей. Въ то время, когда это, несо-

(*) Разумѣются бѣдствія отъ Лжедимитріевъ и во время междоцарствія. Въ это время Поляки со всѣмъ затопили Россію.

гласное съ духомъ и пользами восточнаго православія воззрѣніе, соединясь съ обособленіемъ Россіи отъ запада, грозило заразить Русскихъ фарисейски-самодовольнымъ и противогуманнымъ духомъ,—благодать Господа нашла въ великомъ Петрѣ готовое и крѣпкое орудіе на то, чтобы Россію поставить заразъ и въ братскую связь съ народами запада и на великое поприще проводить духъ и начала православія, уже сознательно и отчетливо, въ гражданскія и вообще земныя среды, — чего такъ ждетъ для своей свободы порабощенный подъ иго масульманское страдалецъ — востокъ. Такъ Россія, идя отъ одного возраста къ другому, отъ дѣтства и юности къ зрѣлости, была движима къ назначенію послужить и содѣйствовать и востоку и западу къ достиженію того, къ чему движутся тотъ и другой съ своими судьбами.

— Выслушавъ это, я опять прервалъ почтеннаго батюшку своими возгласами:

— Долго-ли исторія Россіи не явится въ этомъ прямомъ своемъ смыслѣ, въ этомъ истинномъ отношеніи своемъ къ исторіи прочаго человѣчества? Вѣдь, пора ужъ намъ имѣть это зрѣлое самосознаніе, если еще съ Петромъ началась у насъ смѣна инстинктивныхъ движеній отчетливою сознательностію.

О. Іоаннъ, выслушавъ меня со вниманіемъ, но не останавливаясь на моихъ словахъ, продолжалъ развивать свои мысли:

— Вотъ, когда жизнь запада, въ своихъ бореніяхъ, дошла до того, что народы запада, въ борьбѣ противъ духовнаго и гражданскаго у нихъ преобладанія, начали было отрицать и разрушать и алтари и престолы (говорю о революціи французской), а на востокѣ по прежнему тяготѣло окрѣпшее отъ времени иго масульманское,— между тѣмъ какъ и Россія, упорствуя въ состояніи недоросля, не успѣвала научаться отчетливому примѣненію началъ православія къ земному быту, и особенно раскрытію ихъ въ просвѣщеніи и цивилизаціи, и потому Русскіе находились подъ искушеніемъ одни—только оземленяться самымъ развитіемъ у себя всего земнаго, другіе нечеловѣколюбиво отвергать и осуждать все человѣческое: тогда-то и воздвигнутъ былъ на всемірное поприще этотъ необыкновенный, необходимый на то время

человѣкъ—Наполеонъ I. Онъ явился избраннымъ орудіемъ на то, чтобы съ твердостію сдержать народное своеволіе, силою поставить на видъ духовнымъ и государственнымъ властямъ запада излишества притязаній ихъ на намѣстничество Самому Богу, и тѣмъ, болѣе или менѣе, подвинуть западъ къ истинной во Христѣ свободѣ, упрочивающей достоинство и силу самыхъ властей, а Россіи напомнить ея назначеніе быть для всего міра вѣрнымъ хранителемъ и употребителемъ благодатныхъ сокровищъ чистой Христовой истины или православія, чрезъ открытіе себя Христову свѣту, свѣтящемуся душамъ и въ мірскихъ событіяхъ, напр. во взятіи и пожарѣ Москвы, чрезъ разнесеніе духа и силы православія и въ земныхъ средахъ, въ гражданствѣ и политикѣ,—что̀ именно и требовалось бы для изведенія изъ магометанскаго плѣна самаго востока православнаго. Въ отношеніи къ мысли и стремленіямъ не самаго Наполеона а благодати Божіей, воздвигающей и употребляющей, какія угодно ей, орудія по потребностямъ временъ, много истиннаго открывается въ высокихъ отзывахъ о Наполеонѣ племянникѣ его, который называлъ его «благовѣствователемъ новыхъ идей.» Роковая стражба Наполеона надъ судьбами міра имѣла дѣйствительно такое благое послѣдствіе, что послѣ него правительства и народы ощутили-было надъ собою вѣянія духа истинной благодатной свободы, свободы дѣтей у одного, общаго всѣмъ, всеблагостнаго небеснаго Отца: «въ 1815 году всѣ партіи, скажемъ словами нынѣшняго Императора Французскаго, стали подъ знамя этой свободы, и поддерживаемыя нравственною ея силою, украсились ея цвѣтами.» Священный союзъ былъ плодомъ и отчасти выраженіемъ этого прекраснаго движенія міра христіанскаго. Но принятіе духа истинной свободы было искренно и прочно, изъ всѣхъ членовъ «священнаго союза,» едвали не въ одномъ Самодержцѣ Россіи—Александрѣ I, котораго душа освѣтилась свѣтомъ Христовымъ, по его признанію, именно, чрезъ пожаръ взятой Наполеономъ Москвы. Онъ съ самоотверженіемъ, на перекоръ эгоистическихъ стремленій государственныхъ людей той эпохи, выдержалъ благодатный духъ свободы въ отношеніи особенно къ Полякамъ, хотя они непосредственно предъ этимъ были въ рядахъ враговъ

Россіи; онъ рѣшился дать имъ самыя либеральныя учрежденія и устройство, на сколько найдетъ это для себя удобнымъ. Духъ завистливаго соперничества и страстей не позволилъ большинству «священнаго союза,» отдаться вліяніямъ духа благодатной свободы, въ которомъ раскрывалась бы самая сила Христовой истины. «И свобода, скажемъ словами Наполеона III, принуждена была снова облечься бронею,» помрачая себя уже безумiемъ страстей. «Борьба вспыхнула и пробудила прежнія опасенія.» Революціонный духъ волновалъ не только западъ, но и напрасно ждавшихъ помощи отъ христіанскаго міра, страдальцевъ востока, которые и успѣли основать «греческое королевство,» волнуемое впрочемъ тѣмже духомъ и до нынѣ. Россія благодатію Божіею удержалась въ предѣлахъ порядка чрезъ твердую руку своего самодержца, сдержавшую и взволнованныхъ было общимъ революціоннымъ духомъ Поляковъ. Дѣло о единеніи всѣхъ, столько подвинутое-было впередъ событіями предшествовавшими, снова задержалось; правительства и народы еще не могли или не хотѣли принимать предлагаемаго имъ на самой земной ихъ бытъ сокровища благодати Христовой. Волненія и потрясенія политическаго міра, по крайней мѣрѣ, не давали ему успокоиться въ непрочномъ и фальшивомъ (по отчужденію отъ благодати и истины Христовой,) положеніи и порядкѣ вещей. И такимъ образомъ дѣло Божіе, дѣло Агнца Божія, закланнаго за міръ и потому нетерпящаго оставлять его на жертву зла и лжи, вражды и раздѣленій между самыми своими послѣдователями, не остановилось. И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ о. Іоаннъ, съ тихимъ и радостнымъ умиленіемъ, ради крови Агнца Божія, за міръ пролитой, не даромъ въ нынѣшнихъ волненіяхъ и потрясеніяхъ міра непрестанно льется кровь человѣческая и христіанская. Вотъ, восточная война своимъ началомъ показала въ православныхъ Русскихъ еще живую связь съ единовѣрнымъ востокомъ, сочувствіе и содѣйствіе тому, къ чему онъ ведется своими страданіями, а своимъ концемъ таже война сдѣлала, что и западъ торжественно заявилъ участіе, и съ своей стороны, въ положеніи и судьбѣ восточныхъ христіанъ безразлично всѣхъ исповѣданій. И какъ несравненное большинство христіанъ на востокѣ

составляютъ именно православные; то выраженное западомъ, на парижскихъ соглашеніяхъ его съ Россіей, гуманно-политическое соучастіе въ христіанахъ восточныхъ, возложившее на самыхъ магометанъ благопріятныя христіанамъ обязательства, относится фактически главнымъ образомъ къ православнымъ востока. Это многозначительный шагъ міра христіанскаго къ «соединенію всѣхъ,»—а вмѣстѣ и къ упраздненію магометанскаго порабощенія восточныхъ христіанъ, могущему прочно совершаться только чрезъ проникновеніе въ самыя политическія дѣла и земныя среды гуманныхъ началъ истиннаго христіанства.

Такъ и нынѣшній «польскій вопросъ,» продолжалъ снова о. Іоаннъ въ явной борьбѣ своего духа между глубокою грустью и утѣшеніемъ, смотрите, какъ подвинулъ дѣло о «соединеніи всѣхъ» сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ положеніи это дѣло оставлено «священнымъ союзомъ». Судите объ этомъ именно по самому пункту соотношенія «польскаго вопроса» съ «священнымъ союзомъ» и Вѣнскимъ конгрессомъ. Тогда Александру благословенному надо было настаивать на свои человѣколюбивыя и либеральныя намѣренія относительно Польши, ходатайствуя за нее предъ союзниками, у которыхъ брали верхъ надъ человѣколюбіемъ эгоистическія государственныя стремленія. Теперь къ «польскому вопросу,» западная Европа и съ своей стороны вошла въ человѣколюбивыя и либеральныя желанія относительно Поляковъ, за которыхъ въ этомъ духѣ и ходатайствовала она предъ Русскимъ государемъ, имѣющимъ впрочемъ, и независимо отъ этого стороняго вліянія, неизмѣнныя въ либеральномъ человѣколюбіи намѣренія относительно Поляковъ. Есть дурныя стороны въ изъявленіи западомъ слишкомъ человѣколюбивыхъ и либеральныхъ желаній относительно Поляковъ; это, съ одной стороны, выразившіяся въ этомъ изъявленіи недоброжелательство и недовѣріе запада къ Россіи, доходящія до вмѣшательства въ домашнія ея дѣла, а съ другой произведенное этимъ изъявленіемъ подстрекательство и поддержка мятежныхъ страстей и замысловъ Польскихъ. Эти стороны мы уже имѣли случай, въ нынѣшнемъ же разговорѣ съ вами, оцѣнить по ихъ достоинству. Но при всемъ томъ, если западныя державы зорко слѣдятъ въ поли-

тическомъ движеніи «польскаго вопроса» все, что они считаютъ уступкою съ нашей стороны или шагомъ впередъ съ своей стороны; то и мы твердо замѣтимъ для себя эту уступку намъ со стороны запада, этотъ нашъ шагъ впередъ, что все же западъ, въ движеніи своей политики и дипломатіи, началъ въ извѣстной степени раздѣлять христіански гуманный духъ, одушевлявшій нѣкогда Александра I, неперестающій одушевлять и Александра II. Да! Если духъ благословеннаго Александра оскорбленъ западными державами тѣмъ, яко бы онъ былъ *обязанъ* западомъ къ либеральному человѣколюбію относительно Поляковъ, инціатива котораго и принадлежала именно Александру; зато духъ его вполнѣ удовлетворенъ сочувствіемъ къ своимъ идеямъ и стремленіямъ, которое обнаружилось со стороны отравлявшихъ его нѣкогда по тому же предмету западныхъ державъ. Этого успѣха въ дѣйствіи православно-гуманныхъ началъ на самую политику, столь благопріятномъ дѣлу «соединенія всѣхъ,» мы никакъ не должны опускать изъ своего вида; нужды нѣтъ, что западъ еще нетвердъ или не совсѣмъ добросовѣстенъ въ гуманномъ направленіи своей политики, совсѣмъ иначе располагаясь напр. въ отношеніи къ дѣлу освобожденія неграмъ въ Америкѣ, и что «въ польскомъ вопросѣ» замѣшалось недружелюбіе запада въ отношеніи къ намъ Русскимъ. Повторяю и усиливаю мою мысль объ этомъ потому, что мы, Русскіе, случается, и вѣрную, высокую идею сами же заподозриваемъ и подрываемъ изъ-за того только, что она проводится въ дѣло нашими недоброжелателями съ такою или съ другою односторонностію или съ злоупотребленіями. Вотъ напр. вооружаясь противъ разныхъ крайностей и хитростей римской пропагайды, мы ужъ вмѣняемъ себѣ чуть не въ добродѣтель и долгъ быть совершенно равнодушными къ неправославнымъ исповѣданіямъ и обществамъ, по дѣлу истины Христовой. Но вѣдь если только православіе есть чистая и вѣчная Христова истина, а всѣ лживыя примѣси къ ней, допущенныя въ разныхъ видахъ неправославія, неминуемо сгорятъ съ такою ужасною опасностію для запутавшихся въ неправославіи людей, что имъ остается возможность спастися только «какъ бы изъ огня» (1 Кор. III, 15.): то какъ виновными окажутся тогда

равнодушные къ вѣчной судьбѣ своихъ собратовъ! Иное дѣло устроивать православную пропаганду какъ слѣдуетъ по православному, какъ распространяли свѣтъ Христовой истины Святые Апостолы, считавшіе себя должниками всѣхъ по долгу именно раскрытія для всѣхъ сокровища этой истины. Такъ и человѣколюбивыя идеи, сколько бы ихъ ни злоупотребляли, хотя во имя ихъ вооружился бы противъ насъ весь міръ, все же принадлежатъ собственно православному христіанству и успѣхъ ихъ все же составляетъ наше торжество, приближая насъ болѣе и болѣе къ всемірному торжеству православія. Такъ-то дѣйствуетъ благодать Божія и въ «польскомъ вопросѣ,» по самому притомъ драгоцѣнному для нея дѣлу «соединенія всѣхъ».....

О. Іоаннъ закончилъ развитіе своихъ мыслей о томъ, на сколько «польскій вопросъ» затрогивалъ дѣло православія и какое мѣсто занимаетъ онъ во всемъ историческомъ движеніи этого дѣла, особенно въ отношеніи къ «священному союзу.» Я былъ удовлетворенъ и молчалъ, но по лицу о. Іоанна видѣлъ, что онъ все еще своей бесѣды не считаетъ законченною.

III.

— Неужели еще не исчерпали вы своего предмета,—спросилъ я наконецъ о. Іоанна.

— Мы не довольно занимались, отвѣчалъ онъ, разсмотрѣніемъ еще одной важной задачи, затропутой «польскимъ вопросомъ», кромѣ задачи о власти и дѣла о православіи.

— Что же это такое?

— Это вопросъ о судьбѣ самой Польши. Нашъ Богъ, Богъ мира и порядка, не таковъ, чтобы устроять только благо общаго, цѣлаго, съ пожертвованіемъ для этого разными частями и недѣлимыми, чтобы изъ заобщечеловѣческихъ вопросовъ, каковы вопросы о правительствахъ народныхъ и о дѣлѣ православія, ужъ упускать изъ вида частные народные интересы или бѣдствія. Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ на землѣ, жилъ и умеръ и воскресъ, — какъ ради всего человѣчества, такъ ради и каждаго племени, каждаго человѣка въ отдѣльности.

Итакъ судьба Поляковъ временная и вѣчная, ихъ нестроенія и мятежныя движенія, желанное для всѣхъ опорядоченіе ихъ нравственное и гражданское—все это представляетъ человѣчеству и христіанству (которое и есть истинное человѣчество,) глубоко занимающій мысль и озабочивающій сердце вопросъ. Вотъ что еще затронуто въ «польскомъ вопросѣ!»

— Скажите же и объ этомъ ваши мысли,—просилъ я.

— Владѣя въ православіи, отвѣчалъ о. Іоаннъ, чистою Христовою истиною и исторически (слѣдовательно силою благодатію Господа, дѣйствующею въ судьбахъ міра,) связанные съ Поляками, мы, Русскіе, вопервыхъ не можемъ, не должны, не имѣемъ права отказываться отъ нихъ, хотя бы когда нибудь побуждали къ этому самые наши интересы. Дѣло не въ томъ только, что Государь нашъ имѣетъ неоспоримое историческое и политическое право власти надъ Поляками, что властію Отца небеснаго, раскрывающеюся въ народахъ и ихъ правительствахъ, соотвѣтственно ихъ пріемлемости и потребности, Поляки введены подъ державу Всероссійскаго Императора. Но еще и въ томъ дѣло, и дѣло святое, что Россія, если бы отказалась отъ Поляковъ, оказалась бы несправедливою въ отношеніи къ нимъ, не исполнила бы своего предъ ними долга, возложеннаго на нее Отцемъ небеснымъ чрезъ самое подчиненіе Поляковъ русскому Государю. Представьте человѣка, предавшагося буйству отъ тяжкаго и застарѣлаго недуга—запоя. Тотъ, кто, и во время буйныхъ порывовъ этого несчастнаго, сознаетъ и чувствуетъ себя лучшимъ другомъ его, былъ бы жестокъ и достоинъ самъ осужденія, еслибы отказался наконецъ отъ этого тяжко-больнаго человѣка, хотя бы и увлекаемаго туда и сюда неблагонамѣренными или легкомысленными людьми. Вѣдь дѣло касается временной и вѣчной судьбы мятущихся Поляковъ, нравственнаго и внѣшняго ихъ опорядоченія, къ чему есть же достаточныя силы и средства въ истинѣ и благодати православія; только бы намъ, какъ слѣдуетъ, узнать и употребить въ дѣло эти силы и средства. Во вторыхъ, само собою разумѣется, что устроивать судьбу буйнаго и приводить въ порядокъ его самаго можно не иначе, какъ уже поставивъ его твердыми мѣ-

рами въ положеніе невозможности буйствовать; только въ такомъ положеніи этотъ человѣкъ можетъ по-немногу остепеняться или приходить въ состояніе здраво и мирно мыслить и дѣйствовать. Дѣло тутъ не въ отмщеніи ему за буйство, хотя бы и праведномъ, а въ томъ, чтобы спасти этого несчастнаго отъ страшнаго его врага—мятежнаго буйства, исцѣлить его отъ тяжелаго и закоренѣлаго недуга запойнаго. Духъ твердыхъ и строгихъ мѣръ, въ этомъ случаѣ, есть духъ разумнаго человѣколюбія и дружелюбнаго или родственнаго попеченія о бѣдномъ больномъ.

— Это также точно, продолжалъ о. Іоаннъ, какъ, въ первомъ случаѣ, удержаніе за собою, во что бы то ни стало, права власти надъ нимъ одушевляется духомъ не своекорыстія и эгоистическаго преобладанія, а исполненія справедливаго и человѣколюбиваго долга въ отношеніи къ нему. Это чрезвычайно важное дѣло—держаться такого или другаго настроенія духовнаго въ своихъ требованіяхъ и поступкахъ; судя по такому или другому духу, одушевляющему эти требованія и поступки, въ нихъ будетъ тоже, да не то,—тоже по внѣшности, но не то по внутренней силѣ или по самому существу дѣла. Когда Русскіе не захотѣли бы отказываться отъ правъ надъ Поляками только въ такомъ духѣ, какъ владѣющій часами карманными не захотѣлъ бы, по чьему либо произволу, отказаться отъ нихъ, то тутъ было бы прямое право на сторонѣ Русскихъ, но вмѣстѣ и та явная неправда, что они и людьми хотѣли бы владѣть по одинаковому праву съ владѣніемъ бездушною вещію. Но русскій Государь не въ этомъ духѣ отстаиваетъ свое право надъ Польшею, а въ томъ, чтобы не разставаться съ нею, когда онъ соединенъ съ нею благодатію Божіею,—чтобы не разставаться съ нею,—когда онъ можетъ и хочетъ послужить ея благу, какъ истинный и лучшій ея другъ,—чтобы не разставаться съ нею, когда есть и достаточныя къ благоустройству Польши силы и средства въ православной Россіи, такія силы и средства, какихъ нѣтъ внѣ православія. Такъ и строгія мѣры Россіи противъ мятежныхъ пусть одушевляются духомъ такого благожеланія и благодѣтельности относительно Польши, «да взойдетъ на этотъ

край, наше древнее достояніе, счастливая заря другой будущности—любви, братскаго примиренія и забвенія прошлаго.»— какъ выражаются у насъ въ изъявленіи благожеланій относительно Польши.... Намъ, служителямъ духа, надо особенно заботиться о должномъ духовномъ настроеніи нашемъ относительно Поляковъ.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, сказалъ я,—и потому обращаюсь къ вамъ тѣмъ смѣлѣе съ возникшимъ у меня сейчасъ вопросомъ. Если мы имѣемъ не только право, но и долгъ удерживать, во что бы то ни стало, царство Польское во Всероссійскомъ составѣ, употребляя прежде всего строгія и твердыя мѣры для приведенія мятежныхъ въ невозможность буйствовать; то, вѣдь, этимъ самымъ возлагается на насъ строгая и неотступная обязанность и забота ввести себя и Поляковъ, дѣйствительно, въ живое взаимное единеніе. Какой духъ и настроеніе требуется для этого дѣла? вотъ вопросъ.—Вы знаете, что Поляки имѣютъ просто ненависть къ намъ, воспламеняемую въ нихъ воспоминаніями прошлаго, ропотомъ на настоящее, мечтами о будущемъ —ненависть, поддерживаемую и раздражаемую въ нихъ самою ихъ религіею,—обратившую въ пищу для себя самое родство ихъ съ нами по славянскому происхожденію, возбуждаемую участіемъ къ нимъ другихъ державъ и народовъ, твердо обоснованную въ самомъ характерѣ этого польскаго высокомѣрнаго своею цивилизаціею гонора, оскорбляемаго зависимостію отъ Русскихъ и вѣчными неудачами въ дѣлѣ съ ними. Какой духъ можетъ соединить насъ съ Поляками въ одно живое цѣлое?!

— Принимаю вопросъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, и притомъ еще укажу на новую сторону его трудности. Эта польская ненависть къ намъ, о которой вы говорили, не смягчается самыми расположеніями общежительной пріязни, или сочувствія по сходству характеровъ и правилъ. Помню,—разсказывалъ мнѣ покойный дядюшка о своемъ знакомствѣ и дружбѣ съ однимъ Поляком въ тридцатыхъ годахъ. Дядюшка былъ тогда въ самой первой порѣ юности или на переходѣ отъ отрочества къ юношескому возрасту. Полякъ былъ изъ простыхъ солдатъ, назначенныхъ въ гарнизонъ одного губернскаго города. Искренно и

горячо полюбилъ онъ на чужбинѣ юношу, относившагося къ нему съ участіемъ; между ними бывали разговоры самые откровенные и довѣрчивые. Одинъ разъ, когда они оба были особенно открыты другъ для друга, молодой человѣкъ обратился къ Поляку съ такими словами: «какой вы славный народъ—Поляки! и мы, Русскіе, какъ видишь, не прочь любить васъ отъ всего сердца. За что же вы ненавидите насъ?»—Куда дѣвалась дружелюбная веселость Поляка? Онъ помолчалъ нѣсколько секундъ, побагровѣлъ отъ тяжелаго прилива крови къ головѣ, и съ какой-то сосредоточенной злобой, не возвышающей, а какъ будто задушающей его голосъ, сказалъ молодому человѣку, ударяя кулакомъ себя же въ грудь: «пока здѣсь будетъ хоть капля теплой крови, мы враги Русскихъ!!».

— Въ какомъ же, скажите, духѣ дѣйствовать намъ для живаго союза съ Поляками,—чуть не вскрикнулъ я, выслушавъ о. Іоанна,—когда не дѣйствуетъ на нихъ духъ любви и добросердечія? Сколько требуется, отъ насъ въ отношеніи къ Полякамъ, недовѣрчивой осторожности и разъединяющей бдительности надъ ними и собою?

— Это правда, что нужна намъ крайняя бдительность и осторожность, но противъ разъединенія у насъ есть мощный духъ, духъ Святаго нашего православія, увы, такъ мало вѣдомаго намъ православнымъ въ своемъ могуществѣ и силѣ. Не подумайте, что я хочу только резонерствовать предъ вами моралью. Я начну съ указанія на великій фактъ, извѣстный всему міру. Вы знаете, какъ, къ эпохѣ явленія христіанства, велико было отвращеніе іудеевъ отъ язычниковъ, оправдываемое самою теократіею іудейскою, самимъ Божіимъ закономъ. «Быть какъ язычникъ»—значило для іудеевъ сдѣлаться самымъ ненавистнымъ, отверженнымъ человѣкомъ. Іудеи отъ одного слова объ участіи въ благахъ царства Божія, доступномъ и язычникамъ безъ обращенія ихъ въ іудейство, приходили въ такое бѣшенство, что съ яростными криками сбрасывали съ себя одежду, бросали землю на воздухъ (Дѣян. XXI, 22, 23). Возможно ли, повидимому, духовное сближеніе іудеевъ тогдашнихъ съ столь ненавистными имъ язычниками? А между тѣмъ тогда изъ іу-

деевъ и язычниковъ составлялось, во всемъ мірѣ, одно живое благодатное тѣло, одушевленное однимъ Христовымъ духомъ, чему, притомъ, и служили главнымъ образомъ избранные дѣятели изъ самихъ іудеевъ. Какъ это сдѣлалось? Это содѣлалъ Христосъ, умершій за грѣховныя вины равно іудеевъ и язычниковъ; духъ этого самаго Христова человѣколюбія, не чуждающагося ни одной національности человѣческой, ни одного человѣка изъ іудеевъ или язычниковъ, и свелъ тѣхъ и другихъ во едино (Еф. II, 13, 16). Если и въ области гражданства дать дѣйствовать и раскрываться этому самому духу Христова человѣколюбія, не пренебрегающаго, а напротивъ до пролитія крови дорожащаго человѣкомъ, какой бы ни было національности, духу человѣколюбія, не столько сочувствующаго и сродняющагося всему человѣческому, кромѣ только порчи или извращенія человѣчества, но и вину самаго этого извращенія выносящаго на себѣ: то этотъ Христовъ духъ и въ области гражданства равно можетъ объединять самые чуждые и враждебные другъ другу элементы въ одно новое прекрасное цѣлое, съ отрѣшеніемъ ихъ отъ вѣтоши прежнихъ раздѣленій и взаимнаго отвращенія. И этотъ духъ Христова человѣколюбія, въ области православія, не связывается ни частнымъ интересомъ земнаго чьего-либо главенства, какъ въ папствѣ, ни притязательностію мнимо-раціональнаго самочинія, какъ въ лютеранствѣ и другихъ подобныхъ преобразованіяхъ христіанства, а идетъ прямо отъ Божественнаго главы—Самаго Христа и направляется его умомъ и сердцемъ; Видите, какая у насъ православныхъ Русскихъ есть сила къ соединенію съ нами и ненавидящихъ насъ, Поляковъ, въ одно живое тѣло. Это первая и послѣдняя моя мысль,—во всѣхъ моихъ разсужденіяхъ по «польскому вопросу.» Только бы намъ Русскимъ входить въ эту силу православія—въ духъ Христова человѣколюбія.

— Только бы... сказалъ я печально. Но вѣдь у насъ Русскихъ у самихъ, въ этомъ отношеніи, разыгрывается духовно своя мятущаяся Польша.—Одни идутъ и бѣгутъ въ своихъ идеяхъ и правилахъ жизни помимо Христа. Куда идутъ и бѣгутъ помимо единственнаго Спасителя міра? Не куда, какъ развѣ «*до*

лясу» губительнаго для людей мятежничества противъ Христа Спасителя. Другіе, и стоя за Христа, вопіютъ съ азартомъ противъ духа человѣколюбія Христова, какъ противу какого-то произвольнаго принципа объ Агнцѣ Божіемъ. Что же это, какъ не мятежническія, хотя и во имя вѣры, подстрекательства въ духѣ ксёндзовъ?... Тамъ знать не хотятъ слова Божія, здѣсь такъ или иначе закрываютъ самой свѣтъ слова Божія.

— Поэтому-то и надо намъ помнить, сказалъ о. Іоаннъ, и я повторю еще разъ, что мы и сами, по «польскому вопросу», находимся на судѣ предъ Господомъ, безъ всякаго лицепріятія смотрящимъ и судящимъ, на сколько для себя и для прочаго міра принимаемъ или отвергаемъ мы благодать Его. Кровь Агнца Божія, вопіющая къ Отцу небесному о помилованіи и прощеніи и потому *лучше глаголющая, нежели кровь Авелева,* вопіявшая объ отмщеніи братоубійцѣ,—не потерпитъ оскорбленія и пренебреженія ни съ какой стороны. Возстаніе мятежныхъ Поляковъ, не только фанатически упорное со стороны ихъ самихъ, но поддерживаемое и другими народами, явно относится къ суду Господа надъ нами. Пора бы ужъ проснуться нашему православно-русскому духу, такъ долго и глубоко во многихъ изъ насъ спящему и только бредящему во снѣ. Пора бы намъ рѣшительно выйдти изъ ребяческаго возраста, въ которомъ хорошенько не сознаютъ еще своего дѣла, а дѣйствуютъ болѣе по впечатлѣніямъ минуты! Тогда бы и западные Европейцы были бы скорѣе за насъ, чѣмъ противъ насъ. Англійская, напримѣръ, порядочность и правильность въ устройствѣ земнаго, если бы мы отчетливо упрочивали эту порядочность и правильность земнаго на началахъ благодати и истины Христовой, естественно была бы на нашей сторонѣ. Равно и Французская увлекаемость гуманною цивилизованною доблестью, если бы мы успѣли возвысить эту доблесть надъ мечтательностію чрезъ свѣтлое и разностороннее раскрытіе въ ней человѣколюбивой истины и духа Христова, оказалась бы также на нашей сторонѣ. И Австрійская удободвижность и склонность къ тому, въ чемъ оказывается превосходство интереса, еслибы мы отстояли предъ міромъ самое высшее превосходство интереса быть (и въ дѣлѣ

самаго земнаго интереса) со Христомъ Богочеловѣкомъ, можетъ почуять болѣе выгоды и почета для себя быть съ нами, чѣмъ съ враждебными намъ державами или мятущимися Поляками. Такъ и польская легкость и вмѣстѣ горячность чувствъ, явно берущая верхъ надъ твердою и спокойною основательностію здравомыслія, не дающая раскрываться уму далѣе изворотливой и своекорыстной хитростію, а въ случаѣ предубѣжденій доходящая до фанатической совсѣмъ слѣпой ненависти, можетъ же услышать вѣсть, которую подало бы русское сердце, исполненное Христова соучастія къ Полякамъ, не тревожащаго и не оскорбляющаго въ нихъ ничего достойнаго человѣчества, а напротивъ, выносящаго и самое бремя виновности человѣка ненавистныхъ ихъ чувствъ и дѣлъ въ отношеніи къ намъ (объ этомъ мы ужъ говорили, кажется, нѣсколько разъ). Такъ покрайней мѣрѣ не будемъ мы побѣждаемы чужимъ зломъ, идущимъ противъ насъ, но будемъ добромъ побѣждать это зло. Не забудемъ главнаго, если ужъ пришла для насъ пора расплачиваться съ западною Европою за полученное отъ нея добро нашимъ добромъ, добромъ этого всемірнаго сокровища и наслѣдія—православія; то этотъ долгъ волею или неволею придется уплачивать намъ... Намъ ужъ не спустятъ, не простятъ этого долга. Въ составѣ организма не утаится ни одинъ членъ, несостоятельный предъ другими членами въ жизненныхъ отправленіяхъ, ему назначенныхъ; это инстинктивно и невольно, неизбѣжно ощущаютъ другіе члены. На русскомъ народѣ, владѣющемъ въ православіи жизненною силою для всего міра и въ тоже время независимомъ и могущественномъ, лежитъ великая отвѣтственность; восточный вопросъ, польскій вопросъ—прямыя напоминанія объ этомъ. Вѣчный Архіерей, совершающій въ самыхъ судьбахъ міра Божественное священнослуженіе предъ Отцемъ Своимъ, по духу Своего крестнаго самопожертвованія за міръ и исполняющій всю землю славою этого Своего священнослуженія при славословіяхъ Херувимовъ и Серафимовъ, готовъ излить на возлюбленный Свой народъ нужные для всего міра свѣтъ и силу отъ полноты Своей благодати и истины, но подъ необходимымъ условіемъ, если самъ этотъ народъ бу-

деть, какъ слѣдуетъ, сознавать и принимать такую благодать.

Такъ кончился нашъ настоящій разговоръ. Я чувствовалъ себя словно послѣ лекціи, занимавшей всю мою душу и потому давшей мнѣ почувствовать свою продолжительность только уже по ея окончаніи. Я съ благодарностію смотрѣлъ на книжки отца Владиславлева, содержащія «поученія о богослуженіи православной церкви» и давшія первой поводъ къ тому высокому настрою, въ какомъ шла двукратная наша бесѣда съ о. Іоанномъ по поводу «польскаго вопроса.» Я спросилъ его, вполнѣ ли его удовлетворяютъ эти поученія. О. Іоаннъ высказалъ мнѣ свою мысль и желаніе, что въ поученіяхъ о *всенощной*, именно о первой ея части—вечерни надо было бы давать православнымъ понимать и чувствовать особенно радость ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ объ исполненіи во Христѣ всѣхъ надеждъ и предощущеній ихъ вѣры, всѣхъ обѣтовъ и залоговъ благодати, а не высказывать только одни затрудненія и примраки ветхозавѣтные «Если ужъ и нужно было говорить о характерѣ и способахъ вѣры ветхозавѣтной, говорилъ о. Іоаннъ, то надо было бы объяснять, какъ вѣра ветхозавѣтная, и на основаніи *стихій міра*, могла предощущать и предусвоять себѣ грядущую Христову благодать. Вѣдь и теперь еще, напримѣръ, величественный или прекрасный видъ природы, взоръ родителей на свое дитя, встрѣча Царя, и том. подоб. производятъ въ душѣ разныя высокія движенія и ощущенія духовныя, давая примѣчать и въ чувственномъ, земномъ отсвѣтъ небеснаго, благодатнаго. На древняго человѣка эти «*стихіи міра*» дѣйствовали несравненно живѣе и могущественнѣе; и потому благодати Христовой удобно было предъявляться для вѣры этого древняго человѣка именно въ подобныхъ «стихіяхъ міра.» Отсюда прямо вытекало бы для православныхъ такое наставленіе, что, если еще до совершеннаго открытія благодати, вѣра могла предощущать и присвоять эту благодать въ мірскомъ и земномъ, то на сколько удобнѣе и обязательнѣе это теперь при полномъ уже раскрытіи во Христѣ благодати! *Все-*

нощная, напоминая православнымъ о ветхозавѣтномъ порядкѣ вещей, напоминала бы вѣрѣ ихъ и этотъ урокъ—держаться и въ мірскомъ, земномъ Христовой благодати. Радость ветхозавѣтныхъ праведниковъ о явленіи во Христѣ всей полноты благодати, представляющаяся уму и сердцу православныхъ, во время всенощной, поощряла бы новозавѣтную вѣру со всею охотою и радостію проводить духъ и начала благодати во все земное и мірское, какъ-то: въ бытъ семейный, народный, гражданскій. Понять не могу, такъ заключалъ объ этомъ свою рѣчь о. Іоаннъ, какъ и отъ чего духовная ученость у насъ нимало не интересуется вникнуть въ самую силу и жизнь ветхозавѣтнаго порядка вещей, что̀ такъ необходимо и для лучшаго уразумѣнія самыхъ новозавѣтныхъ откровеній. Не знакъ ли это того, что нашей духовной учености, видно, надо освѣжиться тою ученостію, которую такъ интересуетъ характеръ и жизнь древности человѣческой и геологической?!.. Что касается до *утрени* въ богослуженіи церковномъ, о. Іоаннъ высказалъ мысль и желаніе, чтобы особенное вниманіе вѣры обращено было на *каноны*, въ которомъ пѣсни церковныя (Ирмосы) даютъ слѣдить ветхозавѣтныя судьбы міра и Церкви, начиная отъ Моисея, описавшаго и міротвореніе и первоначальный бытъ Церкви, до самой Богоматери, уже носившей въ Своемъ чревѣ Богочеловѣка,—даютъ слѣдить эти ветхозавѣтныя судьбы, уже раскрытыя въ своемъ значеніи и духѣ Христовою благодатію и истиною, и слѣдовательно взятыя въ этихъ церковныхъ пѣсняхъ въ смыслѣ указаній и на новозавѣтныя событія, а своею послѣдовательностію указывающія именно на послѣдовательный рядъ новозавѣтныхъ судебъ міра и Церкви. «Въ откровеніяхъ Іоанна Богослова, говорилъ о. Іоаннъ, именно въ образѣ судебъ ветхозавѣтныхъ предъявлены судьбы новозавѣтной Церкви и міра (см. объ этомъ въ книгѣ: о «новомъ завѣтѣ» соч. Архим. Ѳеодора; стран. 165—170), и потому когда поютъ въ церкви Божіей *каноны*, моему духу предносятся, съ одной стороны, судьбы Церкви ветхозавѣтной, а съ другой и предъуказанныя духомъ ихъ судьбы Церкви новозавѣтной,—какъ, дѣйствительно, составляющія великое непрестающее, именно вселенское бого-

служеніе Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго».

VI.

О вѣрѣ и знаніи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Лѣта невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаяніе (Дѣян. XVII, 30). Слова Ап. Павла среди Аѳинскаго Ареопага.

Случилось мнѣ нежданно — негаданно встрѣтиться съ однимъ моимъ школьнымъ товарищемъ, съ которымъ я не видался съ самаго того времени, когда мы вмѣстѣ оставили студенческую скамью. Онъ пошелъ по ученой части, былъ ужъ и за границей по какому-то ученому порученію, помѣщалъ въ журналахъ ученыя статьи. Я слѣдилъ за нимъ только издали; потому что мы хотя и были добрыми товарищами между собою, но все же не столько близкими, чтобы переписываться. Изъ чтенія журнальныхъ статей моего товарища я съ грустью замѣчалъ, что религіозныя его воззрѣнія или поколебались или чѣмъ-то засорились. Такъ, напримѣръ, встрѣчались кое-гдѣ у него такія мысли, что нужно было-бы у насъ въ Россіи ввести гражданскій бракъ въ отпоръ тѣмъ злоупотребленіямъ, поводомъ къ которымъ служитъ будто бы церковный бракъ съ его неразрывностію. Особенно же тяжела была для меня та мысль, развиваемая въ статьяхъ моего товарища съ какою-то настойчивостію, что дѣло вѣры и дѣло знанія, мысль религіозная и мысль научная—это двѣ совершенно различныя и несовмѣстныя области. Эту мысль выражалъ школьный мой товарищъ съ ловкою осторожностію; онъ ссылался на первую четверку православнаго катихизиса, гдѣ есть особый вопросъ и на него отвѣтъ о различіи между вѣрою и знаніемъ (см. пространный

катихизисъ, 2 стр.). По поводу какихъ-то философскихъ замѣтокъ одного духовнаго лица, мой товарищъ оттиснулъ въ журналѣ замѣтку, въ которой проговаривалъ, что духовныя особы слишкомъ святы для такого грѣшнаго дѣла, каково дѣло философіи, что лучше бы люди вѣры оставляли самостоятельную и независимую мысль этимъ, какъ шутливо онъ выразился, отъявленнымъ грѣшникамъ—людямъ современной науки. Грустно было мнѣ видѣть такое заявленіе школьнаго собрата, что онъ отчисляетъ себя отъ вѣрующихъ. Я зналъ лично его мать, добрую старушку, у которой всѣ заботы и надежды о сынѣ проникались живою горячею вѣрою. Въ студенческой жизни онъ самъ, правда, не отличался особенною вѣрою, но имѣлъ и не хотѣлъ скрывать отвращеніе отъ невѣрія. Какъ же совершился въ немъ, думалъ я, несчастный поворотъ его убѣжденій? Изъ студенческой его жизни я зналъ одно, что у него разгоралась особенная любовь къ наукѣ. Неужели любознательность его, по самому существу своему, не могла ужиться съ вѣрою? Или это онъ только рисуется своимъ отчужденіемъ отъ вѣры.

Когда мы увидѣлись, я вскорѣ убѣдился, что мой пріятель относитъ уже вѣру къ своему, дорогому впрочемъ, *прошлому*. И что особенно меня удивило, онъ въ серьезномъ разговорѣ высказался предо мною, что онъ вовсе не изъ осторожности или ловкости, какъ казалось мнѣ, ссылался на различіе, по самому катихизису, между вѣрою и знаніемъ, но что, дѣйствительно, эта катихизическая мысль и была первымъ сѣменемъ отчужденія его отъ вѣры, по какому-то странному духовному несчастію (*). Это фактъ замѣчательный! Ты знаешь, говорилъ онъ, какъ я всегда любилъ знаніе, науку, и я слышалъ отъ собственной религіозной совѣсти упрекъ въ этой самой моей благородной и чистой любви къ знанію. Такое внутреннее противорѣчіе не могло навсегда оставаться. Не желая разстаться съ знаніемъ (потому что я иначе долженъ былъ бы разстаться съ живымъ источникомъ благородныхъ мыслей и побужденій), я разстался съ возрѣніями вѣры, какъ пришлось мнѣ разстаться

---

*) Ниже разъяснится, что это сдѣлалось совсѣмъ не по винѣ катихизиса.

со многими радужными представленіями и сладкими мечтами дѣтства и юности. И знаешь ли, продолжалъ мой товарищъ,— надъ этимъ отчасти потрудился, разумѣется противъ всякаго намѣренія и желанія своего нашъ общій знакомый (тутъ онъ назвалъ, къ моему крайнему удивленію, одну духовную особу, у которой мы бывали иногда вмѣстѣ). Вотъ какъ это случилось. Мнѣ не легко было жертвовать мыслію вѣры для интереса знанія, я отыскивалъ для чтенія болѣе глубокомысленныхъ духовныхъ писателей, чтобы вѣру свою помирить съ стремленіями знанія. И когда я въ сладость читалъ глубокія сочиненія, извѣстныя подъ именемъ Діонисія Ареопагита; то не разъ случалось, что нашъ духовный знакомецъ, у котораго я и бралъ духовныя книги, начнетъ, какъ онъ говорилъ, *по-просту* выражать широкую рѣчь глубокомысленнаго писателя. И тогда глубокія и жизненныя мысли этого писателя, какъ я ихъ всегда понималъ, обращались въ ровную гладь самыхъ обыкновенныхъ и общихъ мыслей, просто въ общія мѣста нѣкоторыхъ нынѣшнихъ духовныхъ сочиненій. Такъ и это послѣднее обаяніе въ мысли вѣры исчезло для меня. Но во всякомъ случаѣ ты можешь быть увѣренъ въ томъ, что я на столько люблю истину, что, если я узнаю истину именно въ вѣрѣ, не задумаюсь сдѣлать къ ней поворотъ, хотя бы мнѣ пришлось повернуть вверхъ дномъ весь нынѣшній образъ и складъ моихъ мыслей. Но все таки, заключилъ онъ свою мысль подумавши, — и отъ знанія я не могу отречься; это для меня значитъ сдѣлаться преступникомъ.

Я сейчасъ уже въ душѣ моей сталъ расчитывать на отца Іоанна, познакомиться съ которымъ я и предложилъ моему школьному товарищу. Этотъ уже отъ кого-то слышалъ объ отцѣ Іоаннѣ, какъ о человѣкѣ высокаго достоинства, и съ своей стороны охотно желалъ узнать его лично. Мы отправились къ нему въ его село. Дорогой я просилъ своего товарища именемъ его матери не скрывать своихъ убѣжденій отъ о. Іоанна. «Неужели ты думаешь, сказалъ онъ мнѣ, что я менѣе тебя желаю знать истину? Давно я ищу знающаго свое дѣло и преданнаго этому дѣлу спеціалиста по части вѣры». Изъ этихъ словъ мо-

его товарища я увидѣлъ съ радостію, что онъ по крайней мѣрѣ еще не унижаетъ дѣла вѣры предъ другими дѣлами и притомъ на столько добросовѣстенъ предъ самимъ собою, что, въ настоящемъ отчужденіи отъ вѣры, не приписываетъ себѣ обладанія рѣшительною истиною.

Мы нашли о. Іоанна за чтеніемъ «Бокля». По этому поводу, у моего товарища какъ будто невольно вырвалось такое слово:

— Какъ это пріятно, что спеціалистъ вѣры знакомится съ спеціалистомъ знанія!

— Спеціалистъ вѣры, спеціалистъ знанія? возразилъ о. Іоаннъ. Признаюсь вамъ, что я не совсѣмъ понимаю подобныя названія. Можно быть спеціалистомъ, напримѣръ, ботаники, археологіи, Церковной или гражданской исторіи, Богословія или Философіи. Но спеціалистъ вообще *знанія*, спеціалистъ вообще *вѣры*, какъ спеціалисты двухъ отдѣльныхъ родовъ, подобно напримѣръ спеціалистамъ сапожнаго и пирожнаго дѣла, для меня не мыслимы. Мнѣ кажется, что только недоразумѣніе можетъ поставлять подобное различіе и раздѣленіе между двумя сторонами одного и того же дѣла, которыя существенно нераздѣлимы между собою и необходимо предполагаются взаимно одна другою. Вѣра и знаніе—именно такія двѣ стороны одного и того же дѣла, которыя существенно нераздѣлимы между собою въ этомъ дѣлѣ, какъ ни называйте это дѣло — знаніемъ ли дѣйствительной для всѣхъ и во всемъ истины, или вѣрою во Христа.

— Вотъ что!—воскликнулъ мой товарищъ, явно озадаченный словами о. Іоанна Но, почтенный батюшка, я отъ васъ не отстану, пока вы не выясните мнѣ высказанной вами мысли со всѣхъ сторонъ. Вы знаете, конечно, что противъ сказаннаго вами есть довольно недоразумѣній и со стороны знанія и со стороны вѣры.

— Знаю, отвѣчалъ о. Іоаннъ,—потому что и самъ терпѣлъ или лучше былъ только въ опасности многое терпѣть отъ подобныхъ недоразумѣній. Тутъ о. Іоаннъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ, трогутый, въ полголоса: какъ много я долженъ благословлять память незабвеннаго дяди, который во-время отвратилъ эту опасность.

— И знаете ли, батюшка,—поспѣшилъ я сказать, не давая такъ хорошо начавшемуся разговору уклониться въ сторону отъ недоразумѣній моего товарища,—камнемъ преткновенія для него послужилъ первоначально «православный катихизисъ?»

— Самъ Спаситель нашъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ спокойнымъ тономъ, но съ замѣтною глубокою грустью, — оказался для многихъ камнемъ преткновенія. Человѣку, уже и рождающемуся въ Божій міръ въ состояніи паденія, такъ не мудрено падать, спотыкаясь иногда на томъ самомъ, что̀ назначено къ спасенію и остереженію отъ паденія.

Отъ моихъ ли скоро-поспѣшныхъ словъ или отъ нѣсколько строгихъ словъ о. Іоанна, на лицѣ моего товарища обозначилось что-то нетерпѣливое и непріятное, похожее отчасти на чувство оскорбленнаго достоинства, отчасти на движеніе обманутаго ожиданія. Боже мой! Какъ трудно (подумалъ я при этомъ) вести съ человѣкомъ дѣло на счетъ его коренныхъ внутреннихъ воззрѣній и убѣжденій! Того и гляди, что въ этомъ человѣкѣ оскорбительно и неосторожно, къ порчѣ всего дѣла, затронешь ту или другую духовную струну, которая и зазвучитъ сейчасъ болѣзненно и нестройно.

—Это я говорю, молодой человѣкъ,—продолжалъ о. Іоаннъ,— вспоминая по поводу вашего замѣчанія о недоразумѣніяхъ вѣры и знанія, грѣхи собственныхъ моихъ преткновеній и паденій, не касаясь вашихъ, которыхъ я, въ ихъ сущности, еще вовсе не знаю. Мой пріятель прояснѣлъ отъ этихъ словъ и съ открытымъ лицемъ самъ началъ объяснять свое несчастное преткновеніе:

— Въ самомъ дѣлѣ, почтенный батюшка, я началъ сбиваться съ пути привычныхъ воззрѣній, именно, по поводу катихизическаго различенія между вѣрою и знаніемъ. Знаете вотъ этотъ вопросъ и отвѣтъ въ пространномъ Христіанскомъ катихизисѣ нашей Церкви: «какое различіе между вѣрою и знаніемъ?— Знаніе имѣетъ предметомъ видимое и постигаемое, а вѣра невидимое и даже непостижимое. Знаніе основывается на опытѣ или изслѣдованіи предмета, а вѣра на довѣріи къ свидѣтельству истины. Знаніе принадлежитъ собственно уму, хотя можетъ

дѣйствовать и на сердце; вѣра принадлежитъ преимущественно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ.»

— Что же?—замѣтилъ о. Іоаннъ. — Неужели вы могли заключить изъ этихъ катихизическихъ словъ, что знаніе ужъ и несовмѣстно съ вѣрою, или что вѣра стѣсняетъ и связываетъ знаніе? Вспомните, что въ катихизисѣ за словами, которыя вы сейчасъ привели, прямо слѣдуетъ такой вопросъ: «почему въ ученіи благочестія требуется не только знаніе, но и вѣра?» Вѣдь ясно, что въ дѣлѣ или ученіи благочестія знаніе не только не исключается, но вмѣстѣ съ вѣрою непремѣнно требуется, требуется такъ очевидно, что о потребности знанія катихизисъ не задаетъ и вопроса. Катихизисъ старается объяснить только то, почему, кромѣ знанія, требуется и вѣра?

— Все это я знаю и помню, сказалъ мой пріятель, помню, что въ самомъ началѣ православнаго катихизиса говорится о необходимости для благоугожденія Богу и для спасенія души *познаніе* истиннаго Бога, что, потомъ, катихизисъ признаетъ возможность *познавать Бога* изъ разсматриванія сотворенныхъ отъ Бога вещей, чѣмъ предполагается уже сама собою возможность и, пожалуй, даже обязанность *познавать и эти вещи*— природу и всѣ твари.

— Итакъ катихизисъ, снова замѣтилъ о. Іоаннъ, никакого истиннаго знанія не устраняетъ отъ благочестія. Большаго въ этомъ отношеніи нельзя требовать отъ катихизиса, который полнѣйшее раскрытіе своего содержанія оставляетъ уже Богословію.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, отвѣчалъ мой пріятель. Но дѣло въ томъ, что когда безпрекословно признается или поставляется совершенное различіе между вѣрою и знаніемъ въ трехъ существенныхъ отношеніяхъ, именно и по предмету, и по основанію или источнику, и по психологическому процессу той и другаго,—то, какъ хотите, мудрено согласить и совмѣщать ту и другое, вѣру и знаніе. Какъ бы то не было съ другими, но я долженъ сказать вамъ о себѣ, что еще переходя изъ дѣтства къ юности, я въ порывахъ къ знанію часто стѣснялся въ своей совѣсти чувствомъ вѣры и, наоборотъ,

въ движеніяхъ вѣры смущался и пугался любознательностію. Въ сильныхъ припадкахъ послѣдней я съ томленіемъ сердечнымъ думалъ, бывало, въ глубинѣ души: какой я вѣрующій, когда мнѣ все хочется узнать, не принимая ничего на вѣру?! И наоборотъ, самое искреннее и живое движеніе вѣры во мнѣ, возбужденное богослуженіемъ или чтеніемъ духовной книги,— вдругъ, бывало, какъ отъ какого дьявольскаго навожденія, парализируется невольнымъ внутреннимъ запросомъ: да полно такъ ли это!! Вы понимаете, что это мучительное раздвоеніе или противорѣчіе духа самаго съ собою не могло оставаться на всегда. И вотъ, когда мое духовное развитіе, съ моимъ физическимъ полновозрастіемъ, доходило уже до степени отчетливой самостоятельности и самодѣятельности; я поставилъ для себя прямо или безъ всякихъ обиняковъ, но кажется, безъ противорѣчія и катихизису, такіе вопросы: что мнѣ наконецъ избрать, жизнь ли преимущественно сердца, болѣе успокоительную и нерѣдко сладостную, или жизнь преимущественно ума, исполненную тревожныхъ допросовъ и недоразумѣній, за то дѣйствительно самостоятельную? Успокоиться ли мнѣ на довѣріи къ свидѣтельству данной истины, или пуститься въ многодѣльный и тяжелый путь—все самому испытать и изслѣдовать? Гоняться ли за невидимымъ и даже непостижимымъ, или взяться хорошенько за видимое и постигаемое? Однимъ словомъ: быть мнѣ человѣкомъ вѣры или знанія? Я нашелъ для себя болѣе справедливымъ, болѣе благороднымъ и даже болѣе благоразумнымъ—избрать послѣдній путь, путь знанія. И признаюсь вамъ, что, безъ колебаній ужъ идя этимъ своимъ путемъ, я все тверже и тверже убѣждаюсь въ совершенномъ неудобствѣ,— болѣе чѣмъ неудобствѣ—оставаться на этомъ пути человѣку вѣры. Да; пытливость знанія—слишкомъ грѣшна для святости вѣры. А говорить: умѣй признать и уважить законные предѣлы знанія,—для меня тоже, что уже сковать и забить въ этихъ предѣлахъ знаніе. Живое и свободное знаніе должно идти и постоянно идетъ впередъ: какъ назначить ему въ какомъ бы ни было отношеніи предѣлъ, дальше котораго оно не могло бы ужъ идти? Конечно, если не вполнѣ отдавать себя на дѣло

знанія или вѣры, а дѣлать дѣло только вполовину, или быть, какъ говорятъ, *ни во пиво, ни во сихо*, ни въ людяхъ вѣры, ни въ людяхъ знанія, то можно мирить вѣру и знаніе, сводя ихъ какъ нибудь въ одинъ общій путь. Но только, по моему убѣжденію и характеру, если ужъ дѣлать дѣло, то надо ужъ не вполовину, а совѣмъ отдаться этому дѣлу; иначе только унизишь и оскорбишь дѣло, будь оно дѣломъ знанія или вѣры. Я отдаюсь дѣлу знанія вполнѣ, и потому откровенно и предъ самимъ собою и предъ вами сознаюсь, что я ужъ не пойду путемъ вѣры,—въ Христѣ я ужъ не имѣю и не признаю управляющаго верховнаго начала. Вотъ вамъ, если угодно, исповѣдь моя! Я чувствую и сознаю себя въ здоровомъ и нормальномъ состояніи: если же, по вашему, оно болѣзнь, врачуйте меня. Я предъ вами высказался не вполовину же, а весь, какъ я понимаю себя по совѣсти.

Отецъ Іоаннъ слушалъ моего товарища съ глубокимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, но, къ моему живѣйшему удовольствію, никакое темное облачко не было примѣтно ни въ его глазахъ, ни въ лицѣ. Когда мой товарищъ кончилъ, отецъ Іоаннъ, какъ бы въ отвѣтъ на мои внутреніе запросы, съ какими я наблюдалъ и слѣдилъ въ его лицѣ выраженія безмолвныхъ его думъ, обратился именно ко мнѣ съ своею рѣчью:

— Слушая вашего пріятеля, такъ и хочется сказать: «вотъ, прямо Израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства». Такъ сказалъ Господь о Наѳанаилѣ, который, услыхавъ *объ Іисусѣ изъ Назарета*, какъ о такомъ, о Комъ *писали Моисей и другіе пророки*;—отозвался на это, по видимому, съ хульнымъ презрѣніемъ, а, по суду Христову, только безъ лукавства: «изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?» (Іоан. I, 45—47). Свободныя и прямодушныя рѣчи, сейчасъ выслушанныя нами, живо напоминаютъ мнѣ этотъ евангельскій случай съ Наѳанаиломъ.

Я, съ своей стороны, объяснилъ о. Іоанну, чего еще не касался мой товарищъ въ своей, по его выраженію, «исповѣди», именно—какъ онъ отстаивалъ въ себѣ вѣру, стараясь поддерживать свою мысль въ вѣрѣ чрезъ чтеніе глубокомысленныхъ духовныхъ книгъ, и какъ въ этомъ дѣлѣ подвергся онъ такому

несчастію, что нѣкто, наружно и мнимо упрощая предъ нимъ эти глубокомысленныя творенія, на самомъ дѣлѣ лишалъ ихъ живой силы и закрывалъ ихъ глубину для моего пріятеля. (Выше сказано, что разсказывалъ мнѣ объ этомъ мой товарищъ). О. Іоаннъ выслушавъ все, задумался, а, вставши со стула, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ въ раздумьи: товарищъ мой перелистывалъ въ это время книгу Бокля.

— Если я не ошибаюсь, такъ началъ о. Іоаннъ говорить моему пріятелю, сѣвши рядомъ съ нимъ,—вы искренно любите истину; и не что другое, а любовь къ истинѣ была причиною вашего избранія для себя—пути знанія.

— Да! Я люблю истину и вѣрую только въ истину,—отозвался товарищъ съ оживленнымъ видомъ.

— Съ этой вѣрою и любовію къ истинѣ, продолжалъ о. Іоаннъ, и обсуждайте вы сами мои мысли, какія я намѣренъ высказать вамъ. Я желалъ бы говорить съ вами главнымъ образомъ касательно вашихъ воззрѣній, по которымъ вы путь знанія ставите въ прямую противоположность и несоотвѣтственность съ путемъ вѣры;—прибавлю что нибудь, можетъ быть, относительно и вашего прежняго колебавшагося состоянія,—относительно и настоящаго самоувѣреннаго состоянія и дѣла вашего. Само собою разумѣется, что говорить обо всемъ этомъ я желаю только съ вашего дозволенія и согласія.

— Я васъ самъ вызвалъ къ тому, къ чему вы намѣрены приступить,—сказалъ мой пріятель,—мнѣ остается только благодарить васъ за ваше обязательное согласіе войти въ разборъ моихъ воззрѣній, состояній и дѣла. Покорнѣйше прошу только скорѣе начать развитіе вашихъ мыслей обо всемъ этомъ. Итакъ прежде всего разъясните мнѣ, что, дѣйствительно, знаніе и вѣра существенно не расходятся между собою, въ надлежащемъ ихъ направленіи, что настоящій спеціалистъ знанія долженъ быть своего рода и спеціалистомъ вѣры, равно и истинный спеціалистъ вѣры становится по своему спеціалистомъ знанія. Когда вы мнѣ покажете это, то для меня ужъ сама собою ясна и убѣдительна будетъ ваша мысль о фальшивости этихъ моихъ воззрѣній, по которымъ путь знанія мнѣ представляется существенно несо-

вмѣстнымъ съ путемъ вѣры. Я просилъ бы васъ, при развитіи вашихъ идей по этому предмету, имѣть въ виду катихизическое различіе между вѣрою и знаніемъ; такъ, какъ, именно, это послужило для меня, какъ выразился мой добрый товарищъ, камнемъ преткновенія.

— Я такъ и намѣренъ вести это дѣло съ вами,—сказалъ о. Іоаннъ. И во-первыхъ, возьмемъ сейчасъ во вниманіе и разсужденіе наше различіе между вѣрою и знаніемъ по самому предмету. Въ катихизисѣ, какъ знаете, такъ опредѣляется это различіе: «Знаніе имѣетъ предметомъ видимое и постигаемое, а вѣра невидимое и даже непостижимое». Нѣтъ нужды распространяться здѣсь о томъ, что различіе между вѣрою и знаніемъ, по отношенію къ предмету той и другаго, поставлено здѣсь правильно. Что̀ не только невидимо, но и непостижимо или недоступно для знанія, все такое по самому существу своему, очевидно, не можетъ быть предметомъ знанія; невидимое, которое притомъ и непостижимо, можетъ быть объято или принято развѣ только вѣрою. Предметомъ знанія и можетъ быть только доступное знанію по нашимъ чувственно-духовнымъ способамъ познаванія,—именно,—видимое, а изъ невидимаго только то, что можно постигнуть знаніемъ. Спорить противъ этого нельзя. Не правда ли?

— Я и не спорю,—отвѣчалъ мой товарищъ. По логикѣ или по самому существу дѣла, какъ оно мысленно представляется, вполнѣ вѣрно сказанное вами. Но въ примѣненіи того же къ самой практикѣ, какъ и чѣмъ опредѣлите вы *постигаемое* и *непостижимое*? Можно ли сказать, что наши человѣческія чувственно-духовные, какъ вы выразились, способы познаванія совершенно нами изчерпаны и извѣданы? Мало ли такого, что считалось прежде недовѣдомымъ и непостижимымъ, и что однако въ послѣдствіи оказалось очень и очень доступнымъ нашему знанію?

— Чтожъ изъ этого слѣдуетъ?—возразилъ о. Іоаннъ. Изъ неудобства разграничивать точно и рѣшительно между постигаемымъ и непостижимымъ—и слѣдуетъ прямо то, что между вѣрою, имѣющею своимъ предметомъ непостижимое, и знаніемъ,

предметъ котораго составляетъ постигаемое, при всемъ этомъ ихъ различіи, нѣтъ и не можетъ быть существеннаго раздѣленія или непримиримой противоположности и несовмѣстности. Изъ неизвѣданности еще всѣхъ способовъ познаванія, какіе находятся или могутъ быть найдены въ распоряженіи и источникахъ нашего духовно-чувственнаго существа, слѣдуетъ также прямо то, что и вѣра можетъ оказаться однимъ (и притомъ самымъ коренвымъ) изъ способовъ познаванія, простирающагося въ безконечность впередъ, также какъ, наоборотъ, и знаніе можетъ явиться однимъ (и притомъ главнымъ или первымъ) изъ способовъ къ раскрытію безмѣрныхъ сокровищъ вѣры. И разнообразные опыты того, что многое, недовѣдомое прежде, оказалось вѣдомымъ впослѣдствіи, служитъ прямымъ ручательствомъ или задаткомъ того, какъ чрезвычайно можетъ расшириться область знанія при соединеніи съ вѣрою, владѣющей недовѣдомымъ, и какъ это въ свою очередь послужитъ къ чрезвычайному торжеству вѣры.

— Вашими устами медъ пить, весело проговорилъ мой школьный собратъ, но пока все сказанное вами принадлежитъ только къ области возможнаго. Наука и вѣра изъ рукъ вонъ—плохо ладятъ между собою въ дѣйствительности.

— Я положительно утверждаю, сказалъ священникъ, что наука и вѣра чѣмъ глубже и правильнѣе будутъ входить, каждая—въ свой предметъ, одна въ сущность постижимаго, другая въ силу непостижимаго, тѣмъ внутреннѣе и нераздѣльнѣе будутъ онѣ соединяться между собою. Вы, поклонникъ знанія, скажите мнѣ, захотите ли вы съ своимъ знаніемъ оставаться на одной поверхности познаваемаго вами, не входя въ его основаніе и сущность?

— Сохрани Богъ!—отвѣчалъ ученый собесѣдникъ.—Это значило бы для меня отказаться отъ подлиннаго знанія.

— Но вѣдь каждая вещь, сила, законъ, въ области ли природы или мысли нашей, по своей сущности и послѣднему основанію представляютъ неизслѣдимую для одного знанія тайну. Каждый мыслитель или служитель науки воленъ по своему представлять эту тайну, заключая ли ее просто въ условіяхъ вещества, безначально и безконечно будто бы видоизмѣняющагося,

какъ представляютъ матеріалисты, или въ тожествѣ бытія и небытія, какъ Гегель, или въ тожествѣ только внутренней нашей мысли и внѣшняго бытія, какъ Шеллингъ, или признавая самое существо въ каждомъ предметѣ внѣшняго міра духовнымъ, какъ Кантъ, и такъ далѣе. Но въ каждомъ изъ этихъ представленій все-таки остается таинственность, неизслѣдимая въ точности, слѣдовательно принимаемая на вѣру (*). И это—не только въ области философіи, но и во всѣхъ наукахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою философію,—каждая или въ своихъ началахъ или въ результатахъ держится своей вѣры, своей таинственной идеи или гипотезы. На что́ геологія, роющаяся въ землѣ,—и та по словамъ земли читаетъ свою особую библію или священную книгу бытія и жизни міровой. Итакъ видите, что знаніе, какъ скоро начнетъ вникать въ самую сущность и коренное основаніе своего предмета, сейчасъ же переходитъ въ характеръ вѣры, хотя бы только произвольной и темной,—именно вѣры во что-то *невѣдомое*, представляемое, по личному усмотрѣнію или по направленію школы, въ той или другой идеѣ; подобно какъ, при чувственно-образномъ воззрѣніи древняго міра, разныя языческія націи представляли и чтили невѣдомое божество въ томъ или другомъ видѣ идолопоклонства. Эта произвольная и темная вѣра, очевидно, нейдетъ къ свѣту знанія и потому рано или поздно будетъ подорвана во всѣхъ своихъ видахъ; не устоять новому духовному идолопоклонству, какъ не могло устоять древнее, господствовавшее во всемъ почти мірѣ. Но въ такомъ случаѣ,—или надо будетъ намъ сознательно и отчетливо совсѣмъ отказаться отъ знанія предметовъ въ самомъ ихъ существѣ и основаніи; или знаніе

(*) Наши доморощенные мыслители софисты въ случаѣ открытія или выясненія закона, управляющаго нѣкоторыми явленіями, уже начинаютъ мечтать, что умъ человѣческій совсѣмъ овладѣлъ тайною этихъ явленій и скоро, скоро завладѣетъ тайною всего. Но тонкій и добросовѣстный мыслитель, какъ напр. Бокль, не упускаетъ изъ виду различія между закономъ и основною причиною предмета. Внутренній законъ чего либо можетъ выясниться, но основная причина этого предмета и его закона остается все-таки недовѣдомою. Потому Бокль рѣшительно утверждаетъ, что „истинная таинственность открытіемъ закона ни мало не уменьшается". Истор. Цивил. Англ. Том. I. Стран. 425. Перевод. Буйниц. и Неварок.

наше войдетъ въ единеніе уже съ истинною и свѣтоносною вѣрою въ *вѣдомаго* Виновника существа всяческихъ, Носителя и Властителя тайны бытія міроваго по отношенію и къ добру, принадлежащему къ Его благодати, и къ злу, подъятому Имъ же на собственныя рамена. И вотъ тогда каждая наука, изученіе каждаго предмета, его условій и силъ и законовъ,—будетъ ли этотъ предметъ относиться къ внутреннему нашему міру или къ внѣшнему,—окажется изученіемъ именно творческихъ мыслей Христа Бога Слова, осуществленныхъ и выраженныхъ въ этомъ предметѣ, опредѣляющихъ его законы и условія,—изученіемъ движенія любви Агнца Божія, вземлющаго и вынесшаго на Себѣ, съ грѣхами всего міра, и условливаемыя грѣхомъ всѣ нестроенія во всѣхъ предметахъ міра. Такъ само существо и основаніе каждаго предмета будутъ глубже и глубже разоблачаться знаніемъ и тайна этого предмета будетъ переходить въ вѣдомую истину; а въ тоже время спеціалистъ знанія будетъ оказываться и спеціалистомъ вѣры. Да, мой дорогой собратъ по дѣлу истины! Если знаніе наше есть дѣйствительно знаніе, а не несчастное какое-то обольщеніе, то оно скоро ли долго ли должно узнать, что дѣйствительно обладаетъ тайною бытія та вѣра, которая оправдываетъ это во всѣ времена до настоящей минуты живымъ и свободнымъ (не мертвымъ или механическимъ) властительствомъ надъ бытіемъ, своимъ внутреннимъ единствомъ и въ древнемъ и въ новомъ мірѣ, неизсякаемою въ томъ и другомъ жизненностію правды и добра, неизмѣнчивою борьбою за истину противъ лжи всякаго рода, непрестающими побѣдами благодати надъ мірскимъ зломъ, совершающимися черезъ соучастіе дѣтей этой вѣры въ энергіи и расположеніяхъ и мысляхъ Святаго человѣколюбія Агнца Божія—Христа, пожертвовавшаго собою за міръ и готоваго поддержать, облагоустроить, успокоить всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ въ мірѣ.—Такъ-то знаніе...

— Можетъ быть, прервалъ мой товарищъ о. Іоанна съ какимъ-то страннымъ нетерпѣніемъ, что знаніе, само по себѣ, пожалуй, и не прочь отъ вѣры; но вѣра, съ своей стороны, какъ можетъ безъ подавленія свободы знанія, безъ измѣны и своему

характеру, безъ насилія своему предмету, сойтись съ знаніемъ? Вотъ это разъясните мнѣ.

— Какъ знаніе, спокойно продолжалъ о. Іоаннъ, само собою углубляясь въ основаніе и сущность своихъ предметовъ, просто и естественно уже доходитъ до характера вѣры, и именно, при правильномъ и прямомъ своемъ направленіи, до характера вѣры правой и свѣтлой, а то, покрайней мѣрѣ, вѣры въ невѣдомое, вѣры темной и произвольной: такъ и вѣра, разумѣется не темная и произвольная, а правая и свѣтоносная вѣра во Христа, входя въ самую силу своего неизслѣдимаго предмета, доходитъ уже просто и свободно до раскрытія въ себѣ характера знанія...

— Но какъ знать непостижимое? прервалъ снова рѣчь о. Іоанна мой школьный собратъ также съ нетерпѣливостію, но на этотъ разъ скорбною и грустною.—Вы сами твердо постановили, что непостижимое, по самому существу своей непостижимости, не можетъ быть предметомъ знанія, а можетъ быть объято развѣ вѣрою. Послѣ этого какая же возможность вѣрѣ войти въ характеръ знанія? Если нельзя узнать никакого предмета въ его существѣ и основаніи, безъ признанія въ немъ болѣе или менѣе на вѣру чего-то таинственнаго, неизъяснимаго въ точности; то сама вѣра-то въ прямо непостижимое и выпемірное, сколько бы она ни успѣла передъ міромъ оправдать свою истинность, какъ могла бы дойти до характера свободнаго и отчетливаго знанія? Нѣтъ; скорѣе я дойду до безнадежнаго убѣжденія, что намъ, видно, не суждено дѣйствительное знаніе. А признаюсь, и для бѣднаго черноработчаго въ дѣлѣ знанія горько было бы покончить тѣмъ, чтобы все существенное и основное (что и усиливаемся мы понять) принимать только на вѣру и чтобы собственное самостоятельное дознаніе промѣнять на внѣшнюю букву догматизма. Вы скажете, что истинное откровеніе не мертвая буква, а духъ и жизнь; но все таки оно дается мнѣ со внѣ, и съ моей стороны только и есть мѣсто страдательной вѣрѣ.

Въ словахъ добросовѣстнаго и искренняго труженика знанія слышался мнѣ трепетъ его за собственное дѣло, за такое дѣло, которому онъ отдался всею душою. Это возбуждало невольное

и глубокое сочувствіе къ школьному моему собрату. Сколько духовно-трагическаго совершается,—думалось мнѣ,—во внутреннемъ соотношеніи и столкновеніи между вѣрою и знаніемъ въ ищущихъ истины душахъ! Благословенны принимающіе къ сердцу тяжелыя затрудненія и запутанности подобныхъ людей и съ бережною осторожностію старающіеся ихъ распутывать.

— Не бойтесь за дѣло знанія, сталъ говорить о. Іоаннъ съ особеннымъ участіемъ къ моему товарищу,—оно не пропадетъ и никакого зла не потерпитъ отъ истинной вѣры. Вы теперь, дѣйствительно, принимаете болѣе или менѣе на темную вѣру все самое существенное и основное въ предметахъ вашего знанія, о чемъ мы только что разсуждали съ вами. А истинная, свѣтоносная вѣра, или лучше, Самъ Тотъ, Кто и есть средоточный предметъ вѣры, ея Начальникъ и Совершитель, вотъ что говоритъ вѣрующимъ, которые пребудутъ въ словѣ Его и будутъ истинными Его учениками: «Узнаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. VIII, 31, 32), а не рабами внѣшней буквы. То правда, что Христова тайна есть непостижимая, вышемірная Божественная тайна. «Ибо,—какъ разсуждаетъ Апостолъ ясно и убѣдительно для всякаго,—кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія.» (1 Кор. II, 11). Но это самое разсужденіе и направлено у Апостола къ объясненію именно того, какъ непостижимое, вѣдомое только Духу Божію становится доступнымъ для знанія вѣрующихъ или, сказать тоже другими словами, какъ вѣра въ непостижимое и вышемірное можетъ войти въ характеръ знанія. Вступите вашею мыслію въ область вѣры хоть только для собственнаго, самостоятельнаго дознанія истины, которую хочу объяснить вамъ (вѣдь для объясненія себѣ какой бы ни было области надо мысленно войти въ эту область); и—вы сами увидите, въ чемъ дѣло. Господь нашъ, единосущное, всесиждительное и всесодержительное Слово Отца, посящее въ Себѣ и—всего, исходящаго отъ Отца, Духа жизни Божественной, воспринялъ въ единство Своего лица всю нашу человѣческую природу, слѣдственно и наши умственныя или познавательныя силы;

и это именно ради насъ человѣковъ, или въ пользу нашу, только бы принимали мы такую благодать вѣрою живою и дѣятельною; и сила всего этого дѣйствуется въ вѣрующихъ Самимъ Духомъ Божіимъ, Духомъ Святымъ, вѣдающимъ все Божіе. И вотъ, такимъ образомъ истинно вѣрующіе становятся сообщны *уму Христову*, пріемля Святаго Его Духа, *вся испытующаго* или постигающаго, *и* самыя *глубины Божія* (1 Кор. II. 16, 10). Такъ-то непостижимое и вышемірное, чего не видалъ глазъ, не слыхало ухо и что не приходило на сердце человѣку, именно—тайна Христова и по ея внутреннему существу и по раскрытію ея силы и духа въ человѣкѣ, въ существѣ предметовъ и событій всего міра, во всѣхъ человѣческихъ состояніяхъ—первобытномъ, настоящемъ и грядущемъ, слѣдовательно и во всѣхъ сокровищахъ премудрости и знанія (Колос. II, 3), къ какой бы сторонѣ бытія, мысли и жизни ни относились послѣднія,—все это благодатію Божіею сдѣлано доступнымъ для постиженія и знанія вѣрующихъ. Только бы они *не вотще принимали* такую *благодать* (2 Кор. VI, 1), пользовались бы ею или приводили ее у себя въ живое движеніе и дѣйствіе по дѣлу знанія. И тогда они, по прямому свидѣтельству слова Божія, «могли бы со всѣми Святыми постигнуть, что широта и долгота и глубина и высота, и уразумѣть превышающую разумъ любовь Христову, чтобы исполниться всею полнотою Божіею» (Ефес. III, 18, 19). Вотъ какъ вѣра, при всей непостижимости своего предмета, входитъ въ характеръ знанія! Тутъ вѣра и своему характеру не измѣняетъ: потому что собственно вѣра-то, усвояющая себѣ Христа и неотступно Его держащаяся, чрезъ это и достигаетъ характера знанія умомъ Христовымъ. Не подавляется и свобода знанія: потому что, напротивъ, *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Коринѳ. III, 17), царственная свобода самаго Господняго Духа. Не допускается и насилія непостижимому предмету: потому что безмѣрная его «широта и глубина и высота и долгота» чѣмъ болѣе будутъ постигаемы, тѣмъ болѣе будутъ сознаваемы въ своей безмѣрности или безпредѣльности.

О. Іоаннъ остановился, закончивъ развитіе своей мысли. Но

товарищъ мой молчалъ, примѣтно вдумываясь въ слышанное. Желая, конечно, пособить и дать время ему хорошенько надуматься о раскрытыхъ уже сторонахъ глубокаго духовнаго предмета, о. Іоаннъ снова заговорилъ:

— Мнѣ хочется прочитать вамъ точныя слова Апостола Павла,—сказалъ онъ, беря со стола и развертывая книгу новаго завѣта,—какъ онъ, въ силѣ самаго слова Божія, разсуждаетъ о говоренномъ нами. Надѣюсь, что это повтореніе вы не сочтете излишнимъ Прислушайтесь.—«Чего не видалъ глазъ, не слыхало ухо и что не приходило на сердце человѣку, то.... намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ; ибо Духъ все постигаетъ, и глубины Божіи. Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ кромѣ Духа Божьяго Но мы приняли.... Духа отъ Бога, дабы знать, что даровано намъ отъ Бога.» Такимъ образомъ, добрый мой, и происходитъ та властительная въ дѣлѣ мысли свобода и высота человѣка, сообщная Духу Божію, что этотъ истинный—«*духовный* судитъ объ всемъ, продолжаетъ Апостолъ, а о немъ судить никто не можетъ. Ибо кто позналъ умъ Господень? А мы имѣемъ умъ Христовъ» (I Кор. II, 9—16).

— Позвольте и мнѣ съ своей стороны,—сказалъ я, видя продолжающуюся задумчивость пріятеля и желая воспользоваться этимъ для разрѣшенія моихъ вопросовъ,—высказать два недоразумѣнія, по обсуждаемому великому предмету. Во-первыхъ, Духу Божію дѣйствительно принадлежитъ постигать все, и глубины Божіи; но вѣдь это Духъ Божій, Духъ Святый, а не нашъ грѣшный человѣческій духъ, который трудится въ дѣлѣ знанія или науки. Во-вторыхъ, если нашъ духъ и въ дѣлѣ науки можетъ дѣйствовать сообщно Духу Божію, то, признаюсь вамъ, страшно во всѣхъ запутанностяхъ и изворотахъ научнаго лабиринта ходить среди поядающаго недостойныхъ Божественнаго огня....

— Именно на эти два затруднительные пункта, отозвался на мои слова о. Іоаннъ съ особеннымъ удовольствіемъ, надо намъ обратить вниманіе, прежде чѣмъ перейдемъ къ развитію дальнѣйшихъ мыслей нашихъ. Что касается до перваго пункта,

надо намъ помнить, что Духомъ Божіимъ, сообщаемымъ только ради Христа человѣку вѣрующему, дѣйствуются или совершаются въ послѣднемъ духъ и сила того, что совершилъ Христосъ Сынъ Божій въ домостроительствѣ Своего вочеловѣченія. Такъ какъ Христосъ, единосущный Сынъ Божій, принялъ ради насъ въ единоличное соединеніе съ Собою наше человѣческое естество, то и Духъ Святый такъ усвояетъ Себя намъ вѣрующимъ, что, по слову Божію, уже все равно сказать: отъ лица нашего *вопіетъ* въ насъ къ Отцу Небесному, Духъ Сына Его, или мы сами этимъ Духомъ *вопіемъ* къ Отцу: *Авва Отче* (Гал. IV, 6 Рим. VIII, 15). Тоже самое и по отношенію къ знанію: то представленіе и выраженіе о дѣйствіи въ насъ Святаго Духа, что Онъ *вся испытуетъ*, равняется въ словѣ Божіемъ мысли и выраженію о самомъ сообщномъ Духу человѣкѣ, что Онъ *востязуетъ вся* (1 Кор. II, 10, 15). Я думаю, что этого и довольно относительно перваго затрудненія, что иное дѣло — духъ человѣческій и иное дѣйствіе Самаго Духа Божія; въ томъ-то и раскрывается щедрость благодати, дѣйствующей Святымъ Духомъ, что *прилѣпляющійся Господеви единъ Духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. VI, 17). Относительно другаго затруднительнаго пункта, мнѣ прежде всего само собою приходитъ на память и мысль, какъ древній Израиль, находясь при Синаѣ, гдѣ онъ всенародно слышалъ гласъ Бога *изъ среды огня*, говорилъ своему вождю и Боговидцу съ трепетомъ: *и нынѣ да не измремъ, яко потребитъ насъ огнь великій сей, аще приложимъ мы слышати гласъ Господа Бога нашего кпому... Приступи ты, и послушай вся, елика къ тебѣ речетъ Господь Богъ нашъ, и ты рещи къ намъ.* Господь услышалъ эти слова своего народа съ благоволеніемъ и подтвердилъ ихъ своимъ словомъ: *право вся, елика глаголаша. Кто дастъ еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ... во вся дни?* (Второзак. V, 25—29).

— Ну вотъ,—подхватилъ мой все еще задумчивый товарищъ, сейчасъ какъ о. Іоаннъ закрылъ Библію изъ которой онъ прочиталъ приведенные тексты,—вотъ видите, что «все востязующимъ» знаніемъ, о которомъ вы говорили, могутъ обладать, я

по вашему воззрѣнію, только Боговидцы Моисеи, а толпа всенародная сознаетъ (и само небо признаетъ это правымъ) недоступность для себя подобнаго знанія. Итакъ остается намъ, не Боговидцамъ, а только народной толпѣ, или независимо уже отъ вѣры идти путемъ знанія, или иначе совсѣмъ отказаться отъ знанія. Такъ ли?

— Слишкомъ скороспѣшное заключеніе, отвѣчалъ спокойно о. Іоаннъ, и за-разъ двѣ крайности—безнадежность достигнуть истиннаго знанія, и самонадѣянность—пуститься путемъ знанія только на-удачу! Отъ чего это у насъ Русскихъ, скажу кстати, происходятъ эти крайности—какая-то безнадежная унылость, какъ будто тяготѣетъ надъ нами роковое отчужденіе отъ жизненнаго добра, принадлежащаго какъ будто только исключеніямъ, и въ тоже время самая дерзкая и мечтательная самонадѣянность—идти ко всему существенно важному для насъ безъ серьезной заботы и необходимыхъ для того способовъ? Эти крайности совмѣстно выражаются у насъ Русскихъ и въ различныхъ видахъ нашего философствованія, и въ драмѣ, и въ повѣсти или романѣ. Мудрено найдти въ современной нашей литературѣ что-нибудь не слишкомъ легкое и пустое, въ чемъ бы не просачивалась хоть капля этого яда—отчаяннаго недовольства и отчаянной же самонадѣянности. Не отъ того ли это у насъ происходитъ, что мы, ища добра истины въ живой ихъ силѣ, не хотимъ напередъ выяснить себѣ того, что живая сила добра и истины, искомая для какой бы ни было области, и есть именно духовный огонь? Легкомысленно или только неосторожно, неосмотрительно приступая къ этому огню, мы естественно обжигаемся до жестокой боли, которая, усиливаясь отъ небрежности уврачевать ее и отъ повторенія обжоговъ, и производитъ въ насъ невольное безнадежіе и ядовитое недовольство. А между тѣмъ подобныя неудачи раздражаютъ насъ и тѣмъ возбуждаютъ какую-то отчаянную стремительность достигнуть живой силы добра во чтобы то ни стало, не озабочиваясь необходимыми для доступа къ этому огню способами и только рискуя обратиться наконецъ въ обгорѣлую головню. Насъ не вразумляетъ замѣченное всѣми въ послѣднее десятилѣтіе то

роковое наше несчастіе, что многіе лучшіе у насъ таланты, или такіе дѣятели мысли, слова, искусства, которые могли бы, повидимому, съ успѣхомъ вести насъ къ лучшему, вдругъ сгараютъ или отнимаются у насъ преждевременно. Право, порабы, давнобы пора намъ Русскимъ взяться за умъ и разсудить, что, если хотимъ овладѣть этимъ огнемъ—живою сплою добра и истины, то какъ бы не обжечься до жестокихъ болей и, пожалуй, до смерти. Вотъ, и въ ветхомъ завѣтѣ умѣли разсудить: *кая плоть, яже слыша гласъ Бога жива, глаголюща изъ среды огня, якоже мы, и жива будетъ?*

— И разсудивъ подобнымъ образомъ, оставить бы намъ все дѣло дознанія живой силы добра и истины какому нибудь Моусею, а самимъ слѣпо довѣриться водительству подобныхъ людей, если не какъ добрые Израильтяне, то хоть какъ Римскіе католики ввѣрились папѣ?! — Къ этому что ли, ведете вы рѣчь, если я понимаю васъ? — Такъ проговорилъ мой товарищъ съ разгорѣвшеюся снова нетерпѣливостію и вмѣстѣ горечью. Явно было, что больное у него мѣсто было не невѣріе, а фальшивая мысль о несовмѣстности знанія съ вѣрою, о тираннически будто бы оскорбительномъ и обидномъ стѣсненіи знанія вѣрою; и уже эта мысль, глубоко впѣдрившаяся въ его душу, приводила любознательность его къ разладу съ вѣрою.

— Не будьте, прошу васъ, скоропоспѣшны въ вашихъ заключеніяхъ, возразилъ о. Іоаннъ. Нашъ новозавѣтный Моусей одинъ для всѣхъ насъ, Самъ Христосъ Богъ, Слово во плоти. Моусей, котораго въ приведенномъ мною случаѣ Израильтяне сами избрали въ посредники между собою и Богомъ, давалъ имъ предощутить въ своей личности, отразившуюся и дѣйствующую въ немъ, благодать этого единаго существеннаго Ходатая между Богомъ и человѣкомъ — Христа Богочеловѣка. Предъявленіе въ Моусеѣ (ожиданной еще въ тѣ времена) благодати Господа Іисуса Христа было, при томъ же случаѣ, и прямо проголковано Израилю словомъ Божіимъ чрезъ Моусея. Вмѣстѣ съ выраженіемъ Божія благоволенія къ тому, что народъ избранный самъ созналъ и ощутилъ настоятельную нужду для доступа къ Богу истины и всякаго блага — въ посредникѣ,

указанъ былъ отъ Бога грядущій истинный посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, въ лицѣ Моисея только еще предъизображаемый. Прочитаемъ-те въ Библіи, какъ Моисей говоритъ своему народу объ этомъ откровеніи: *Пророка отъ братіи твоея, яко же мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте. По всему, елика просилъ еси отъ Господа Бога твоего въ Хоривѣ въ день собранія, глаголющи: да не приложимъ слышати гласъ Господа Бога нашего, и огня великаго сего не увидимъ по семъ, да не измремъ. И рече Господь ко мнѣ: право вся, елика глаголаху къ тебѣ: и вдамъ слово Мое во уста его, и возглаголетъ имъ, яко же заповѣдаю ему: и человѣкъ той, иже не послушаетъ словесъ его, елика возглаголетъ пророкъ оный во имя Мое, Азъ отмщу отъ него* (Второз. XVIII, 15—19).—Христовы Апостолы словами этого самаго откровенія, даннаго чрезъ Моисея, убѣждали самихъ Израильтянъ именно къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа (Дѣян. III, 20—23). Итакъ и у ветхаго Израиля вѣра, ищущая посредника, направлялась въ существѣ дѣла къ предъизображенному Моисеемъ Христу — единственному и вѣчному Ходатаю Бога и человѣковъ. Вотъ теперь и можно, безъ затрудненія и замѣшательства нашей рѣчи, удовлетворить и васъ (при этомъ словѣ о. Іоаннъ обратился ко мнѣ) въ вашей страшливости, какъ въ дѣлѣ мысли и знанія ходить постоянно среди Божественнаго огня,—и васъ (при чемъ о. Іоаннъ обратился къ моему товарищу) въ вашемъ нетерпѣливомъ подозрѣніи и опасеніи какого-то тиранническаго стѣсненія мысли и знанія со стороны вѣры. Позволите заняться, сначала разрѣшеніемъ перваго возраженія, которое и высказано прежде выраженія вами вашихъ недоумѣній?

Мой товарищъ при этомъ вопросѣ, обращенномъ именно къ нему,—вспыхнулъ, извинился въ своей нетерпѣливости, запутывавшей нить разговора новыми вопросами, прежде рѣшенія поднятыхъ еще прежде вопросовъ, и самъ съ своей стороны просилъ о. Іоанна обратить вниманіе сначала на справедливое опасеніе самой вѣры, какъ, въ самомъ дѣлѣ, грѣшнымъ плотя-

нымъ людямъ по ангельски—свободно и безопасно обращаться среди огня Духа Божія...

— Истина, которую обнять стремится наша мысль и знаніе, — началъ снова говорить о. Іоаннъ, — истина, взятая въ самой своей силѣ, въ живомъ существѣ своемъ, есть дѣйствительно огонь, пылающій отъ Духа истины. Судите обо всемъ къ силѣ Духа Святаго, *вся испытующаго,* или постигающаго, *и глубины Божія,*—это и значитъ раскрывать въ себѣ духъ и силу Синайскаго Богооткровенія, когда Израиль слышалъ глаголы Самаго Бога *изъ среды огня.* Но при этомъ же самомъ Богооткровеніи Израилю, справедливо трепетавшему *измереть* отъ этого поядающаго огня, предуказанъ былъ и дающій безопасность отъ этого Божественнаго огня Ходатай Бога и человѣковъ, Христосъ Господь, Который, по Своему Божеству, выражаетъ или раскрываетъ въ собственной личности всю мысль, волю и сущность Бога Отца, а по Своему человѣчеству снизошелъ до среды *братіи нашея* или братства съ нами, до воспріятія нашей человѣческой мысли, воли и всего естества, до самой нашей плотяности, до понесенія на Себѣ и виновности всѣхъ грѣховъ нашей мысли и воли, нашихъ плотскихъ недуговъ и самой смерти. Итакъ чего же намъ бояться съ Самимъ Христомъ, когда Израиль нашелъ безопасность для себя даже въ образѣ Христа — Моисеѣ, только отчасти и притомъ не прямо предъявлявшемъ Христову благодать? Только бы намъ неотступно и вѣрно держаться Христа; въ Немъ мы имѣемъ доступъ ко всему, и къ глубинамъ Божіимъ, и не составляетъ для насъ препятствія или опасности при этомъ ни наша тварная ограниченность, ни бренная плотяность и немощность, ни даже грѣховная виновность наша; все это принято Спасителемъ нашимъ на Себя. Притомъ въ напрасной рабской страшливости предъ огнемъ Духа Божія, куда бы мы съ своею мыслію убѣжали отъ огненоснаго Его вліянія на область знанія? Вѣдь, Духомъ Св. раскрывается и дѣйствуется сила именно Христова Боговочеловѣченія и Боговоплощенія ради насъ грѣшныхъ человѣковъ, для спасенія міра отъ всякаго губительнаго зла и для сообщенія ему всякаго спасительнаго добра. Сила эта объемлетъ

животворно всю область добра и простирается потребленіемъ на всю область зла, и потому обусловливаетъ то положительно и содѣйственно, то попустительно и осудительно—всю область вещей, событій и движеній мірскихъ, всю область дѣлъ и обстоятельствъ человѣческихъ. И нашей мысли, въ какой бы области знанія она не носилась, остается съ Давидомъ благодарно взывать къ Господу: *Камо пойду отъ Духа Твоего; и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо,* или въ высшую область жизненнаго добра, — *Ты тамо еси*, всякое дѣйствительное добро принадлежитъ полнотѣ Твоей благодати. *Аще сниду во адъ,* въ эту темную область зла,—*Ты тамо еси,* вземляй грѣхи міра. *Аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря*, моря даже всемірно-житейскаго, *и тамо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя,* то полагая и устрояя добро, то попуская и отрѣвая зло. *И рѣхъ: еда тьма поперетъ мя?* Но *и нощь* самой смерти, какъ принятой Тобою за жизнь всего міра, есть для меня уже *просвѣщеніе въ сладость мою* (Псал. CXXXVIII. 7—11). Если же мысли нашей нельзя и убѣжать отъ огненосныхъ вліяній Духа Божія ни въ какую область знанія; то, очевидно, несравненно безопаснѣе будетъ для насъ имѣть это въ неопустительномъ благоговѣйномъ вниманіи и сознаніи, нежели ходить около огня безъ всякой бережности и даже безъ сознанія, что ходишь среди огня. Конечно, можетъ кто нибудь, по невѣденію своему, и не признавать Христа своимъ управляющимъ началомъ въ дѣлѣ мысли и знанія; но и относительно такого человѣка Самъ Христосъ всё же есть, по силѣ и дѣйствію Св. Духа, Господь, заправляющій его мыслію, въ двухъ важнѣйшихъ отношеніяхъ,—во-первыхъ въ томъ, что свѣтитъ и въ тьмѣ его невѣденія Своимъ свѣтомъ, свѣтомъ всего жизненнаго и добраго, на сколько допускаетъ это человѣкъ чрезъ свою любовь къ истинѣ, во-вторыхъ въ томъ, что осуждаетъ его на невѣденіе и заблужденія, на сколько человѣкъ не любитъ и не выдерживаетъ истины. А что касается въ особенности насъ православныхъ, въ крещеніи облеченныхъ въ Самаго Христа, въ муропомазаніи запечатлѣнныхъ въ силахъ душевныхъ

и въ органахъ тѣлесныхъ Св. Духомъ, въ причащеніи питающихъ въ Себѣ Божію во Христѣ жизнь Божественнымъ хлѣбомъ и питіемъ—тѣломъ и кровію Самаго Господа, и т. далѣе,—мы истинно *вотще принимали бы* такую великую и многоразличную благодать, когда бы затруднялись и боялись, или не умѣли и не хотѣли, даже въ благороднѣйшей сторонѣ нашего духа и жизни,—въ мысли, въ знаніи, держаться прямо и сознательно Самаго Господа, какъ управляющаго нами начала по силѣ Духа Своего Святаго, *вся постигающаго, даже и глубины Божія.* Чрезъ это самое мы и показали бы свою неосторожную и небережную до безсмысленной дерзости безбоязненность къ Божественному огню Духа Божія. А напротивъ, держась Господа и Святаго Его Духа въ дѣлѣ мысли и знанія, мы именно раскрыли бы въ себѣ духъ прекраснаго настроенія Израильтянъ, ощутившихъ необходимость Христова посредничества (предъявленнаго имъ образно въ лицѣ Моисея) для доступа къ Богу истины и всякаго добра и за это удостоившихся такого благоволительнаго слова Божія: *Кто дастъ еже быти тако сердцу ихъ во нихъ..., да благо будетъ имъ, и сыномъ ихъ во вѣки* (Второзак. V, 29). Видите, заключилъ о. Іоаннъ, обращаясь ко мнѣ; — дѣло идетъ совсѣмъ наоборотъ вашимъ боязливымъ опасеніямъ. Надѣюсь, что вы удовлетворены.

— Да! отозвался я,—вполнѣ убѣждаюсь, что и самый страхъ Божественнаго огня, поядающаго недостоинство и особенно дерзость, требуетъ того, чтобы дѣло мысли и знанія каждому, трудящемуся надъ этимъ дѣломъ, вести именно съ нашимъ новозавѣтнымъ, какъ говорите вы, Моисеемъ, Богочеловѣкомъ Христомъ, направляясь и одушевляясь Духомъ Его Святымъ.

— Именно каждому!—началъ опять говорить о. Іоаннъ, смотря на моего товарища.—Господь, сдѣлавшись человѣкомъ для всѣхъ людей и принявши смерть за всякаго грѣшнаго человѣка, даетъ Себя въ силѣ Своего Святаго Духа всѣмъ и каждому,—только бы принимали Его и съ твердою вѣрностію Его держались; и это такъ же точно по отношенію къ дѣлу мысли и знанія, какъ по отношенію и къ другимъ сторонамъ нашего существа и жизни. И потому вы напрасно испугались, что будто въ

христіанствѣ большинство устраняется отъ участія въ благодатномъ жребіѣ—судить обо всемъ или испытывать все и присуждаются или къ слѣпому, страдательному довѣрію и покорности меньшинству духовныхъ вождей, или въ противномъ случаѣ къ безблагодатному уже труду грѣшной мірской мысли. По западному односторонпему разумѣнію христіанства, оно пожалуй и такъ. Но, по истинному или православному смыслу христіанства, надъ цѣлымъ или всенародпымъ составомъ новаго Израпля должно исполниться желаніе Моусея: *и кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ (быти) пророки, егда дастъ Господь Духа Своего на нихъ* (Числ. XI, 29). Такая благодать, сколько отъ нея самой зависитъ, и открыта въ новомъ завѣтѣ рѣшительно всѣмъ пріемлющимъ, мужчинамъ и женщинамъ, старцамъ и молодымъ людямъ, по точному смыслу исполнившагося съ сошествіемъ Св. Духа пророчества: *и будетъ во послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши: и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія* (пророчественные сны) *видятъ* (Іоил. II, 28. Сл. Дѣян. II, 17). Отъ самодѣятельности вѣры нашей зависитъ воспользоваться, или нѣтъ, такою благодатію. Мы, служители алтаря, призваны и необходимы для послуженія благодатію, намъ данною, именно тому, чтобы Господь, въ силѣ Своего Духа, былъ Самъ со всѣми и каждымъ въ новомъ Израилѣ, и чтобы такимъ образомъ каждый въ своей области имѣлъ уже нестѣсняемую *повелителями и приставниками* (Гал. IV, 2) духовную въ Господѣ самостоятельность, и это столько же въ отношеніи къ знанію, сколько и къ каждой дѣятельности или работѣ человѣческой. Вамъ, рожденнымъ и живущимъ въ средѣ православія, можно и должно знать христіанство и духовенство въ истинномъ смыслѣ; довольно для людей, находящихся въ положеніи напр. Бокля, разумѣть христіанство и духовныхъ его вождей, судя по западнымъ односторонностямъ и средневѣковымъ заблужденіямъ. Въ средѣ православія истинно только одна неразумная ревность по вѣрѣ ли, или по знанію, можетъ допускать мысль о стѣсненіи и подавленіи нашей мысли Тѣмъ, Кто, взявъ со всѣмъ человѣче-

скимъ естествомъ и нашу человѣческую мысль, чрезъ это сдѣлалъ дѣло человѣческой мысли личнымъ Своимъ дѣломъ, понесши на Себѣ и всяческую несостоятельность нашей мысли, и Кто, будучи Самъ истиною, осуществляющею во всемъ (въ допущеніи и самаго зла) собственныя свои мысли, для того и въ самый міръ нашъ *приходилъ, да свидѣтельствуетъ истину* (Іоан. XVIII, 37) и совершитъ торжество свѣта ея надъ тьмою лжи и невѣденія. Въ особенности требовать или опасаться, въ средѣ православія, деспотически-стѣснительнаго для мысли и знанія вмѣшательства духовныхъ значило бы понимать призваніе духовныхъ или священства совсѣмъ не по благодати и духу нашего Господа, Который какъ и произошелъ плотію не изъ привилегированнаго для священства рода а изъ общенароднаго состава (Евр. VII, 14), такъ и готовъ Своимъ Духомъ по вѣрѣ вселяться въ свободно ему открываемыя сердца и вообще въ мыслящій духъ не одного духовенства, но (по служенію самаго же послѣдняго) и всѣхъ мірянъ (Еф. III, 17, 18). Имѣя дѣло только съ «доброю волею» другихъ людей, мы, духовные обязаны беречь духовную ихъ самостоятельность, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, несчастной возможности коснуться стѣснительно и принудительно самаго Духа Господня.

— Но самое это сверхъестественное вмѣшательство Духа Господня въ дѣло мысли и знанія, возразилъ мой товарищъ, впрочемъ безъ жестокости, а только съ грустью,—развѣ не есть стѣсненіе и даже подавленіе нашего духа? Признаюсь вамъ, что этотъ вопросъ несравненно больше меня тяготитъ и мучитъ, чѣмъ только-что рѣшенныя вами мои недоразумѣнія. Эта сверхъестественность, исключающая или насплующая обыкновенный естественный порядокъ въ дѣлѣ мысли и знанія, и потому открывающая въ этомъ дѣлѣ широкое мѣсто и непрестанные поводы, если не допускать всевозможныя иллюзіи, то, покрайней мѣрѣ, подозрѣвать ихъ,—это, повѣрьте, само по себѣ есть совершенный разладъ между вѣрою и знаніемъ. Вы знаете, батюшка, что знанію, благодаря именно направленію своему къ естественности и освобожденію отъ гнёта средневѣковаго супернатурализма, сдѣлало въ новѣйшія времена такіе

огромные успѣхи, изобрѣтенія и открытія и вывело на чистую воду столько иллюзій, путавшихъ человѣчество.

— Вы судите о естественномъ и сверхъестественномъ, сказалъ о. Іоаннъ,—по чужимъ, западнымъ опытамъ и понятіямъ. Конечно, и ихъ надо намъ имѣть во вниманіи, но только для того, чтобы не повторить чужихъ ошибокъ и запутанностей, или попытокъ уже извѣданныхъ въ своей несостоятельности. На западѣ естественное и сверхъестественное трактуются, дѣйствительно, какъ такія противорѣчивыя взаимно области, изъ которыхъ одна другую непремѣнно исключаетъ и насилуетъ. Это особенно выпукло и рѣзко выведено наружу именно вотъ въ этой книгѣ Бокля (при этомъ о. Іоаннъ указалъ на оставленную имъ на столѣ книгу «Исторію цивилизаціи въ Англіи», за чтеніемъ которой мы нашли его). Западная теорія о естественномъ и сверхъестественномъ такова:—Порядокъ естественный, обыкновенный, идетъ по естественнымъ законамъ, которые могутъ быть выясняемы и съ выясненіемъ которыхъ человѣкъ можетъ предвидѣть, что должно быть и впереди по этому порядку, а чрезъ это онъ пріобрѣтаетъ умѣнье самъ предотвращать или приготовлять въ будущемъ то или другое. Порядокъ сверхъестественный идетъ непосредственно по волѣ и силѣ Божіей, предъ которыми человѣкъ долженъ благоговѣть, успокоиваясь касательно и настоящаго и будущаго въ вѣрѣ безъ всякихъ вопросовъ и изслѣдованій, не прекословя и не мѣшая Духу Божію. Отъ того-то преклоняться предъ порядкомъ сверхъестественымъ, или признавать господство его надъ міромъ, для западнаго человѣка и мыслителя значило бы уже считать изученіе и выясненіе естественныхъ законовъ обыкновеннаго порядка вещей Богопротивнымъ дѣломъ. «Пока люди,— говоритъ Бокль, достойный представитель западнаго воззрѣнія,— приписываютъ движенія кометъ непосредственному дѣйствію перста Божіяго и пока они вѣруютъ, что солнечное затмѣніе есть одно изъ выраженій Божіяго гнѣва, до тѣхъ поръ они не могутъ сдѣлаться виновны въ Богопротивномъ притязаніи предсказывать такія сверхъестественныя явленія, т. е., не осмѣлятся

изслѣдовать причины этихъ таинственныхъ явленій» (Истор. Цив. Англ. стр. 393). И наоборотъ, приступить къ изслѣдованію простыхъ естественныхъ законовъ порядка вещей для западнаго воззрѣнія и мысли нельзя иначе, какъ подкапываясь сомнѣніемъ и скептицизмомъ подъ вѣру въ сверхъестественное. «Безъ сомнѣнія, говоритъ также Бокль, не можетъ быть изслѣдованія... пока не родилось сомнѣніе, до тѣхъ поръ не начинается и изученіе... Вотъ онъ тотъ скептицизмъ, одно имя котораго приводитъ въ священный ужасъ невѣждъ, потому что онъ затрогиваетъ милое имъ суевѣріе; потому что онъ налагаетъ на нихъ священную обязанность изслѣдованія; потому наконецъ, что онъ заставляетъ даже самые лѣнивые умы задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли такъ есть, какъ обыкновенно полагаютъ, и всё ли то въ самомъ дѣлѣ справедливо, чему съ самаго дѣтства учили ихъ вѣрить» (Тамъ же стр. 381—382). И вотъ, такимъ образомъ, по западнымъ воззрѣніямъ и опытамъ неминуемо идетъ такая страшная борьба между успѣхами знанія и дѣйствіями вѣры, что, на сколько знаніе не успѣло выяснить то или другое, на столько вѣрѣ еще можно относительно этого прибѣгать къ Божіей благодати, а съ успѣхами знанія становится уже излишнимъ подобное дѣйствіе вѣры. «Какъ наука, пишетъ Бокль въ своей книгѣ, до сихъ поръ не умѣла открыть законы дождя, то люди въ настоящее время не могутъ предсказывать его задолго впередъ, а это заставляетъ вѣрить, что дождь происходитъ отъ дѣйствія сверхъестественныхъ силъ, и мы до сихъ поръ видимъ примѣры молитвъ, приносимыхъ въ нашихъ церквахъ о ниспосланіи дождей или прекращеніи ихъ. Такое воззрѣніе можетъ современемъ измѣниться подобно тому, какъ исчезаетъ чувство благочестиваго ужаса, съ которымъ наши предки смотрѣли на появленіе кометы или на приближеніе солнечнаго затмѣнія» (Тамъ же, стр. 428). Вотъ по какимъ представленіямъ вы судите о сверхъестественномъ и естественномъ, получая въ результатѣ такого сужденія и представленій неизбѣжный разладъ между вѣрою и знаніемъ! Но эти представленія—односторонніе, западные, а не наши православные. Они могутъ имѣть мѣсто въ средѣ православія лишь на

столько, на сколько духъ западныхъ односторонностей прираженается къ православнымъ.

— Какъ же *вы* представляете себѣ естественное и сверхъестественное? — спросилъ о. Іоанна мой собратъ.

— По православному представленію, самое *естество сущихъ* или существенная сила естественнаго порядка вещей вообще таковы, что осуществилъ и *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I, 3) Богъ Слово, выражающій или проявляющій въ Себѣ все существо Отца Своего, и уже отъ *сложенія міра* принявшій на Себя дѣло человѣколюбиваго самопожертвованія за всевозможныя грѣховныя нестроенія этого міра (Апок. XIII, 8). А потому и истинное чудо или все сверхъестественное, будучи открытымъ дѣйствіемъ и проявленіемъ въ мірѣ того же Бога Слова, и притомъ совершаемымъ всегда въ Духѣ Его самопожертвованія за міръ, потребительнаго для мірскаго зла,—никакъ не исключаетъ, а напротивъ раскрываетъ въ себѣ существенную силу естественнаго же порядка вещей. Въ чудѣ открыто дѣйствуетъ то, что сокровенно есть вообще въ естествѣ *сущихъ*, именно—мысль, воля и сила Христа Бога Слова и вмѣстѣ Агнца Божія, въ Своей любви къ міру заклапшаго за міръ уже отъ его сложенія. Такимъ образомъ, по православному представленію, такъ называемое естественное и вышеестественное, въ существѣ дѣла, не только не исключаются и не насилуются взаимно одно другимъ, но напротивъ поддерживаютъ и выясняютъ другъ-друга. Все существо сущихъ, носимое глаголомъ силы личнаго Божія Слова, служитъ для человѣка порукою за простоту и естественность для силы того же всеизиждительнаго Слова совершать все Ему угодное по премудрой и всеправедной Его благости; а проявленія чудодѣйственной, властительной надъ естествомъ, силы Божіей выясняютъ,—чѣмъ существенно условливается и держится естественный порядокъ вещей. Потому-то православное воззрѣніе на вышеестественное и естественное ведетъ совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ и послѣдствіямъ, къ какимъ приводитъ западное воззрѣніе, а рѣшительно къ противоположнымъ. Такъ, признавая во всемъ естественномъ и вышеестественномъ, одинъ безраздѣльный поря-

докъ любви Отца небеснаго, открытой въ Его Словѣ—Сынѣ и именно раскрывающей духъ и силу самопожертвованія Сына Божія за міръ, предлагающей намъ во всемъ сокровища своихъ опредѣляющихъ или допускающихъ то или другое мыслей, воли, силы, даровъ, мы всѣми этими сокровищами стали бы преступно и неизвинительно пренебрегать, если бы не захотѣли и не старались всемѣрно и разностороннимъ образомъ ихъ познать и употребить себѣ на пользу. И вотъ ужъ не подкапывающееся подъ вѣру сомнѣніе, а именно вѣра и любовь къ истинѣ, всѣмъ заправляющей и во всемъ раскрывающейся, движутъ насъ къ тому, чтобы, по возможности, все изслѣдовать и узнавать съ строгою точностію, тщательностію и осмотрительностію. Вѣдь изслѣдуя и естественные законы и порядокъ вещей и событій въ мірѣ, мы изучаемъ, въ существѣ и основаніи дѣла, мысль и волю Господа нашего, не насъ или не міръ вообще дѣлающаго жертвами своихъ опредѣленій и попущеній но Собой пожертвовшаго за насъ и весь міръ. Была бы потому страшная неблагодарность и самое дерзкое безстрашіе не только намѣренно, хотя бы и съ доброю цѣлью, перетолковать въ чемъ либо истину, но и небрежно чего либо въ ней не досмотрѣть, хотя бы это была простая истина фактовъ и физическихъ опытовъ. Съ другой стороны, въ изслѣдованіи законовъ явленій природы и исторіи изучая, въ существѣ дѣла, именно мысль и волю Господа, дающаго намъ (по силѣ Своего самопожертвованія ради насъ) усвоять всего Себя, мы чрезъ это направляемся къ тому, чтобы тѣмъ охотнѣе и увѣреннѣе прибѣгать за всѣмъ потребнымъ для насъ къ благоволенію Отца небеснаго, къ благодати нашего Господа. Это послѣднее не противорѣчитъ, а напротивъ равнозначуще тому, чтобы дознаніемъ естественнаго закона явленій, или, что тоже, уясненіемъ выраженной и осуществляемой въ этомъ законѣ Творческой мысли и воли, пользоваться намъ для предусмотрѣнія самаго будущаго, для предотвращенія или исцѣленія зла и для приготовленія или развитія добра, Вѣдь и въ этомъ случаѣ мы изыскиваемъ, беремъ и употребляемъ то или другое изъ сокровищъ собственно милости и благодати Отца, къ которой прибѣгаемъ и на которую полагаемся и въ

своихъ молитвахъ о томъ или другомъ, какъ—то: о дождѣ, о прекращеніи болѣзни, и проч. и проч. Вотъ каковъ и вотъ къ какимъ результатамъ ведетъ не односторонній западный, а прямый и правый, однимъ словомъ—православный взглядъ вообще на естественное и вышеестественное. Что касается въ особенности нашего человѣческаго духа,—онъ такъ и созданъ, чтобы ему благодатно живиться Духомъ Божіимъ и чрезъ это удерживать и раскрывать въ себѣ Богоподобное достоинство. Такова норма нашего духовнаго естества. Поэтому насколько человѣческій духъ вообще, или умъ въ особенности, серьезно и честно стремится къ истинѣ и достигаетъ до нея, т. е., на сколько дѣйствуетъ правильно и здраво, на столько онъ далъ направить себя къ истинѣ Духу истины, Духу Святому, пріемлемость къ Которому сродна или естественна какъ вообще человѣческому духу, такъ и въ частности уму. Слѣдовательно и на оборотъ, на сколько человѣкъ своимъ духомъ вообще и умомъ въ особенности отдавался бы прямо Христу Богочеловѣку и въ немъ Духу Святому, на столько духъ и умъ этого человѣка въ истинномъ своемъ Богоподобномъ достоинствѣ, дѣйствовали бы прямо по нормѣ своего естества, правильно и здраво.

— По вашему выходитъ, весело сказалъ мой товарищъ, что и въ направленіи мысли и знанія къ естественности, разсѣявшемъ множество средневѣковыхъ иллюзій односторонняго западнаго супернатурализма, не мало воздѣйствовала таинственная благодать Духа Божія.

— Непремѣнно такъ, отвѣчалъ о. Іоаннъ, на сколько вѣрность и любовь къ истинѣ поднимала умы къ нормѣ ихъ естества. Разсѣятся всякія иллюзіи и новѣйшаго односторонняго натурализма, когда въ направленіи мысли и знанія откроется сознательное вниманіе и слѣдованіе Духу истины, которыми одними живится человѣческій духъ и умъ, по требованію и свойству самой природы своей,—когда, изучая законы и порядокъ естества сущихъ, будемъ въ этомъ самомъ изучать прямо творческую и вседержительную мысль *Носящаго всяческая глаголомъ силы Своея.*

— Скажите пожалуйста, съ живостію произнесъ мой пріятель,

какъ вы, съ такими представленіями, читаете Бокля, имѣющаго въ виду совсѣмъ другія понятія о тѣхъ же предметахъ? Извините меня, что я подобными вопросами задерживаю ходъ нашей бесѣды.

— Думаю, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что читаю Бокля съ пользою. Предоставляя стрѣламъ Бокля поражать гѣ односторонніе западные понятія и вѣрованія, которыя онъ имѣетъ въ виду, я по его изслѣдованіямъ изучаю именно зиждительную и міроправительную мысль Бога Слова, подчинившую жизнь и развитіе человѣка такимъ или другимъ условіямъ. Это вообще! Въ особенности же, доказываетъ ли Бокль, что коренное условіе успѣховъ человѣчества есть знаніе? Это для меня значитъ, что и въ самомъ дѣлѣ, только бы человѣку разъяснить сокровища любви Отца всевышняго, открытыя въ Его Сынѣ всюду—въ самомъ допущеніи даже зла въ мірѣ, и научиться употреблять въ дѣло, обращать въ оборотъ каждый не только талантъ, но и денарій, каждую ленту изъ этихъ сокровищъ,—вѣдь обосновалась бы и предначалась бы чрезъ это у насъ, во всѣхъ средахъ жизни, жизнь истины и добра безконечнаго. «Вотъ жизнь вѣчная, взывалъ нашъ Господь Своему Отцу, чтобы *знали* Тебя, единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа» (Іоан. XVII, 3). Выясняетъ ли Бокль, что въ исторіи новѣйшихъ временъ, не съ односторонними, западными религіозными движеніями и интересами, а съ заботливымъ, умнымъ и энергическимъ вниманіемъ къ насущнымъ нуждамъ и пользамъ жизни общественной и частной, соединяются обыкновенно лучшіе, прочные успѣхи народнаго развитія? Въ этомъ я нахожу обнаруженіе и оправданіе такой современной потребности и воспріимчивости человѣка, чтобы истину Христову проводить во всѣ слои жизни дѣйствительной, примѣняя благодатную ея силу и свѣтъ къ самымъ насущнымъ нуждамъ и пользамъ человѣческимъ. Выводитъ ли Бокль наружу, что преобладаніе и усиленіе западнаго духовенства вездѣ вредитъ цивилизаціи, а напротивъ съ самостоятельностію свѣтскихъ мыслителей и дѣятелей цивилизація идетъ скорымъ и вѣрнымъ шагомъ впередъ? Тутъ я вижу предопущеніе и предначатіе и на западѣ той, принадлежащей право-

славію, благодати, чтобы и въ мірскихъ дѣятеляхъ и мыслителяхъ быть Самому Христу, чтобы потому оставаться имъ въ неприкосновенной духовной самостоятельности, чтобы этому не мѣшали, а напротивъ служили духовные на общее благо и здѣшней и будущей жизни. «Истинную таинственность» (*) и Бокль признаетъ неисключаемою въ бытіи и природѣ чрезъ выясненіе ихъ законовъ; я дополняю Бокля тѣмъ, что эта таинственность имѣетъ для меня уже *видимый* и достаточно оправданный смыслъ именно Христовой тайны. Святыня и неприкосновенность внутренняго «тайнаго завѣта человѣка съ его Богомъ» (**) также признается Боклемъ, настаивающимъ во имя этого самаго на вѣротерпимость, которая у него впрочемъ не возвышается надъ индеферентизмомъ: съ своей стороны я держусь одного истиннаго для всѣхъ завѣта съ моимъ и всеобщимъ Богомъ, именно завѣта Христова, свѣтящагося болѣе или менѣе и во тьмѣ не совсѣмъ правомысленныхъ и даже просто лживыхъ вѣрованій, но не дозволяющаго мнѣ безразлично и равнодушно относиться къ отверженію или отрицанію въ этихъ вѣрованіяхъ Христа, единственнаго для всѣхъ Спасителя, но и ревновать за Христа внушающаго мнѣ не иначе, какъ по духу Самаго Христа, Который насильно не навязывается никому, и подорвалъ въ мірѣ зло и ложь чрезъ собственное страданіе и смерть за другихъ, а не другихъ мука и убивая. . Вотъ вамъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ, какъ я читаю Бокля! Въ заключеніе замѣчу вамъ, что и вашъ вопросъ не уклонилъ нашей бесѣды въ сторону отъ дѣла, а напротивъ далъ мнѣ только прямой поводъ наглядно, живымъ примѣромъ объяснить вамъ, какъ просто и естественно интересъ вѣры и интересъ знанія, по самымъ ихъ предметамъ, сходятся у меня въ одинъ великій интересъ разносторонняго раскрытія и усвоенія моему уму и сердцу всеобъемлющей истины и благодати Христовой.

Лицо моего товарища свѣтилось выраженіемъ полной удовлетворенности. О. Іоаннъ протянулъ было руку къ лежащему на столѣ православному катихизису, чтобы прочитать въ немъ уже

(*) и (**) Отмѣченными знаками выраженія принадлежатъ Боклю.

о различіи вѣры и знанія по ихъ источнику и основанію. На этотъ разъ я задержалъ ходъ бесѣды.

—Позвольте, позвольте!—спѣшилъ я заявить одинъ запросъ съ своей стороны.—Въ сущности и основаніи естественности вы, батюшка, указываете туже, только сокровенно или таинственно дѣйствующую, силу, какая открыто проявляется въ сверхъестественности; въ этой послѣдней, говорите вы, торжественно заявляетъ себя сила, воля и мысль Того же, Кто и въ первой *носитъ всяческая словомъ силы Своея* Своею волею и мыслію. Потому область естественная и область вышеестественная, говорите также вы, въ существѣ дѣла составляютъ одну всеобъемлющую область любви Отца небеснаго, открытой въ Его Словѣ и Сынѣ и дѣйствующей Св Духомъ; а потому, говоря строго, нельзя допустить и тѣни какого нибудь разлада между вѣрою, принимающею сверхъестественное, и знаніемъ, изучающимъ законы и порядокъ естественнаго. Это послѣднее въ сущности есть изученіе или раскрытіе сокровищъ той же любви Всевышняго, въ которую вѣруетъ первая. Такъ я васъ разумѣю, батюшка?

Отецъ Іоаннъ сдѣлалъ утвердительный знакъ. Я продолжалъ:

— Хорошо бы оно было, еслибы естественность удержалась въ своей нормѣ А такъ ли это? Природа нашего духа явно болитъ и разстроена; нельзя, не перетолковывая дѣла противъ опыта непрерывнаго и всеобщаго, не видѣть болѣзни и разстройства вообще въ доступномъ нашему наблюденію «*естествѣ сущихъ*», по крайней мѣрѣ въ земномъ естествѣ. Мысль творческая, значитъ, уже не выражается въ этомъ естествѣ полнымъ своимъ свѣтомъ и силою; слѣдовательно, и изучая естественный порядокъ вещей, мы ужъ не найдемъ живаго и полнаго осуществленія въ немъ высшей мысли, а потому не можемъ ее и узнавать въ истинномъ ея значеніи и силѣ. Что вы на это скажете?

— Прежде всего, отвѣчалъ о. Іоаннъ, скажу вамъ по обычаю искреннее спасибо за напоминаніе о важной сторонѣ дѣла. Извольте же теперь разсуждать. Во первыхъ, мысль творческая и вседержительная, опредѣляя бытіе и норму естества сущихъ,

обнимала и опредѣляла тогда же и всѣ возможныя, и неизбѣжныя съ измѣненіемъ условій, перемѣны этого естества, полагая основаніе этихъ условныхъ перемѣнъ въ самомъ существѣ и законахъ естества. Такъ, человѣку предоставлено на волю быть вѣрнымъ или измѣнить нормѣ своего естества.

Но само ужъ естество человѣка и подчиненныхъ ему тварей устроено было такъ, или снабжено было такимъ внутреннимъ порядкомъ своего бытія, что, съ невѣрностью человѣка нормѣ своей, должна была послѣдовать неминуемая бѣдственная перемѣна и въ его всеобщемъ земномъ естествѣ. Это все именно такъ и опредѣлила Творческая мысль, осуществившаяся въ естествѣ сущихъ. Ясно потому, что изучая естество сущихъ не только въ его нормѣ, но и съ его перемѣнами, происшедшими вслѣдствіе измѣненія условій, мы все же изучаемъ или слѣдимъ опредѣлившую и обосновывающую все это Творческую мысль. Мудрено было бы угадывать мастера по совершенно испорченной и изломанной его машинѣ, которая ужъ не слѣдуетъ данному ей отъ мастера порядку; но міръ Божій въ самыхъ своихъ нестроеніяхъ опредѣляется, и по такому своему состоянію, все же законами, данными и содержимыми Творческою мыслію, и остается такимъ или инаковымъ въ силу Божія порядка, посимый въ своемъ составѣ, силахъ и законахъ зиждительнымъ Словомъ, а иначе не могущій и существовать. Есть въ мірѣ разрушительная сила злыхъ направленій и дѣлъ; но она явилась и дѣйствуетъ въ силу того Божія порядка, что, по мѣрѣ отдаленія свободныхъ созданій отъ Духа истины и жизни, въ этихъ живыхъ созданіяхъ неизбѣжно открывается въ такой же мѣрѣ жизнь лживая и мертвящая, съ перемѣною и силъ ихъ въ такое же разрушительное направленіе. Есть въ человѣкѣ кромѣ чутья къ закону Божію, къ закону истины и добра, *иной законъ противувоюющій закону* духовнаго добра (Рим. VII 22. 23); но этотъ худой законъ открылся и дѣйствуетъ на основаніи того, опредѣленнаго Творческою мыслію, закона или порядка вещей, чтобы, съ закрытіемъ или отсутствіемъ свѣта, была соразмѣрная тому тьма, съ соотвѣтственнымъ ей порядкомъ или закономъ, и это равно и въ нравственномъ

мірѣ какъ въ физическомъ. Такимъ образомъ и въ явленіяхъ и развитіи разстроивающаго естество зла все же совершается и дѣйствуетъ порядокъ, опредѣленный Божественною мыслію, которую, слѣдя явленія и развитіе зла, и надо уразумѣвать или изучать. Это первое! Во-вторыхъ, надо особенно имѣть во вниманіи, что міръ такъ и творимъ былъ зиждительнымъ Словомъ, чтобы самому же Творцу Богу Слову быть пожертвованнымъ за возможное и уже провидѣнное въ мірѣ зло,— Агнцемъ, Который потому и представляется въ словѣ Божіемъ *закланнымъ отъ сложенія міра*. Поэтому естество сущихъ, въ самой нормѣ своей, было осѣняемо и оживляемо духомъ Христовой тайны, духомъ самопожертвованія Агнца Божія, на которое обрекалъ себя Создатель въ самомъ раскрытіи Своего творчества; и слѣдовательно, безъ вниманія къ Христовой тайнѣ, это естество не могло бы и въ своей нормѣ быть понято и разъяснено въ истинной своей жизненности. И вотъ такимъ образомъ, слѣдя и изучая міръ и естество наше въ самомъ разстройствѣ того и другаго, только бы мы въ силу Христовой, основной для бытія, тайны, не опускали при этомъ изъ вида, что сколько зависитъ отъ благодати самаго Христа, всякое грѣховное и отъ грѣха происходящее нестроеніе наше и мірское, во всей безмѣрной своей тяжести, взято и вынесено Имъ—Агнцемъ Божіимъ, жизненный свѣтъ Котораго свѣтится и въ темныхъ, нашихъ и мірскихъ, нестроеніяхъ, свѣтится для разсѣянія тьмы и для благоустроенія нестройностей. И тогда мы будемъ изучать и познавать духъ и силу собственно Христовой тайны, изучая міръ или вообще естество сущихъ въ самыхъ его нестроеніяхъ. Другими словами: мы будемъ изучать и слѣдить раскрытіе и осуществленіе Божественной, всемощной воли и мысли о естествѣ сущихъ, не только опредѣлившей его норму и вмѣстѣ самыя нестроенія, происходящія въ немъ съ перемѣною условій, но и возсоздающей его изъ самаго разстройства въ вѣчно-прочную стройность—съ отверженіемъ всего разстроивающаго. Въ-третьихъ и наконецъ, вѣрою усвояя себѣ Христа Сына Божія и становясь въ Немъ сообщными Святому Духу, мы чрезъ это возвращаемся уже въ

норму своего бытія, на сколько разумѣется истинно принимаемъ и въ живой силѣ удерживаемъ Христову благодать. И такимъ образомъ мы во Христѣ становимся снова, какъ въ Эдемѣ, могущими ощущать и сознавать во всемъ осуществленіе и выраженіе зиждительной и возсозидательной мысли Отца небеснаго, открытой въ Его личномъ Словѣ и дѣйствующей Святымъ Духомъ. Мы, правда, во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ въ отношеніи къ знанію, снова потеряли, уже и возвращенный намъ, рай. Этому несчастію въ христіанствѣ послужило первоначально направленіе возглавлять себя и свое дѣло, вмѣсто самаго Господа, въ простыхъ грѣшныхъ людяхъ, какъ въ Господѣ,—направленіе, догматически выразившееся въ римскомъ католичествѣ, но дѣйствующее не въ одномъ этомъ католичествѣ. Когда, напримѣръ, и въ нашихъ училищахъ, все равно духовныхъ и свѣтскихъ, и по учебнымъ предметамъ, священнымъ или гражданскимъ, наставникъ не имѣетъ въ своемъ ощущеніи, сознаніи или вообще въ виду, что изучается и разъясняется въ знаніяхъ всеобъемлющая мысль Господа, Который есть Самъ и одинъ Наставникъ, располагающій человѣческими умами и сердцами: то вѣдь въ существѣ и силѣ дѣла, и маленькій міръ школы дастъ у себя мѣсто папству своего рода, которое рано или поздно вызоветъ и протесты противъ себя, ведущіе однако все же не къ Господу и слѣдовательно только болѣе разстроивающіе дѣло знанія. Надо намъ возвратить знаніе въ благодатный эдемъ; намъ, православнымъ Русскимъ, это пока удобнѣе и проще, нежели народамъ запада давно неправомысленнаго. Будемъ и въ видимомъ и постижимомъ изучать невидимую и непостижимую, но для Духа, намъ даннаго, удобоиспытуемую въ своихъ глубинахъ мысль Божественную, которая такимъ образомъ и становится безраздѣльнымъ предметомъ вѣры и знанія.

Я удовлетворился рѣшеніемъ заданнаго мною вопроса и просилъ о. Іоанна продолжить бесѣду относительно другихъ видовъ различія вѣры и знанія.

— Объ этомъ уже излишне, говорилъ о. Іоаннъ, много распространяться. Когда принято или дознано, что вѣра и знаніе,

различаясь по предмету, тѣмъ не менѣе и въ отношеніи къ предмету не исключаютъ другъ друга и удобно совмѣщаются между собою и даже, въ правильномъ своемъ направленіи, непремѣнно должны соединяться: то этимъ уже предполагается и то, что вѣра и знаніе, и по основанію или источнику и по психологическому своему процессу, должны быть въ подобныхъ же отношеніяхъ. Это теперь само собою ужъ ясно. (При этомъ о. Іоаннъ взялъ катихизисъ и началъ читать) «Знаніе основывается на опытѣ или изслѣдованіи предмета: а вѣра на довѣріи къ свидѣтельству истины». Такъ это. Но во-первыхъ, для довѣрія свидѣтельству истины нужно дознаніе чрезъ опытъ или чрезъ изслѣдованіе, что дѣйствительно это есть свидѣтельство истины, что оно должно быть такъ, а не иначе понимаемо. Вѣдь наша истина—Господь. А Онъ какъ лично явился міру и жилъ въ мірѣ въ простомъ образѣ и естествѣ человѣческомъ, и необходимо было испытательно вникать въ Его дѣла и слова, чтобы узнать Его и увѣровать въ Него: такъ Онъ открывается и въ Своемъ писаніи и преданіи, снисходя къ условіямъ и свойствамъ человѣческой рѣчи и преемственной въ людяхъ передачи того или другаго, и потому также нужно чрезъ испытаніе и изслѣдованіе дознавать открываемую Имъ въ писаніи и преданіи истину. Во-вторыхъ, самое довѣріе свидѣтельству дознанной достовѣрности составляетъ одинъ изъ необходимыхъ способовъ или источниковъ знанія. Все историческое знаніе держится на этомъ основаніи. И потому, напр., Ѳома, не довѣряя свидѣтельству о Христовомъ воскресеніи многихъ очевидцевъ Воскресшаго, которые ему вполнѣ извѣстны были по своей достовѣрности, былъ несостоятеленъ не только передъ требованіями вѣры, но и знанія. Въ-третьихъ, если Духъ Бога, сообщаемый принимающему Его человѣку и приводящій природу человѣческую въ нормальное состояніе, все постигаетъ, даже и глубины Божія; то въ этомъ постиженіи неизслѣдимаго, открывающемся въ человѣкѣ Духомъ Божественнымъ, необходимо уже быть своего рода опытамъ и изслѣдованію: а это принадлежитъ къ основанію знанія. Такъ само слово Божіе говоритъ прямо объ «изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ Пророковъ, которые предсказывали о

благодати, изслѣдывая, на которое и на какое время указывалъ бывшій въ нихъ Духъ Христовъ» (1 Пет. I, 10, 11). Такъ, когда Апостолъ Ѳома увидѣлъ и услышалъ воскресшаго Господа съ доступными чувственному осязанію крестными Его язвами, и внутренно ощутилъ животворное Его дѣйствіе; то очевидно, что вѣра Ѳомы въ воскресшаго Господа была вмѣстѣ и опытнымъ познаніемъ. Хочется указать вамъ и еще одинъ примѣръ того, какъ вѣра соединяется съ изслѣдованіемъ въ самыхъ высшихъ благодатныхъ состояніяхъ,—примѣръ, показывающій, что въ этомъ отношеніи безразличны полъ мужескій и женскій и, слѣдовательно, служители алтаря и простыя вѣрующія души. Пресвятая Дѣва Марія, услыхавъ Ангельское привѣтствіе благовѣщенія, сейчасъ стала *размышлять* или доискиваться, *что бы это было за привѣтствіе*. Потомъ, когда Ангелъ разъяснилъ ей, какая великая Божія тайна, тайна зачатія и рожденія самаго Господа, готова въ ней совершиться, она и на это предложила вопросъ изслѣдованія: «какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?»—Ангелъ объяснилъ, что тайна совершится напіемъ и дѣйствіемъ Св. Духа, и указалъ на доступный для повѣрки опытъ—зачатія неплодной и уже устарѣвшей Елизаветы, ея родственницы,—опытъ, показывающій, что законъ и естественнаго зачатія опредѣленъ и потому можетъ быть и остановленъ и разрѣшенъ въ своемъ дѣйствіи—Самимъ Богомъ, Которому также просто и естественно совершать и все Ему угодное. Такъ истина достаточно разъяснилась, и—уже тогда Св Дѣва вѣрою приняла ввѣряемую ей великую тайну (Лук. I, 27—38). Но и затѣмъ она поспѣшила къ родной Елизаветѣ, чтобы соутѣшиться съ нею, какъ оказалось на дѣлѣ, общею вѣрою, уже оправданною чрезвычайными опытами (ст. 39—56). Такъ духу истинной вѣры, въ самыхъ высшихъ благодатныхъ ея состояніяхъ, сродно, то для ея обоснованія, то для увѣнчанія и утѣшенія, опытное познаніе истины! Наконецъ, если и въ простомъ естественномъ, въ его порядкѣ и законахъ, задача наша—познавать и изучать Творческую вседержительную мысль Бога Слова—Христа; то опытъ и изслѣдованіе, эти обычные пріемы и способы знанія, будутъ безраздѣльно служить и вѣрѣ въ разъ-

ясненіи и раскрытіи безмѣрныхъ и повсюдныхъ сокровищъ Христовыхъ. И вотъ, такимъ образомъ, различаясь въ своихъ основаніяхъ, вѣра и знаніе и въ этомъ отношеніи между собою внутренно сходятся и соединяются, слѣдуя правильному и должному направленію.

Отецъ Іоаннъ остановился, посматривая то на меня, то на моего товарища, какъ будто выжидая, не выскажемъ ли мы какихъ возраженій или недоразумѣній. Но мы оба молчали; въ предыдущемъ ходѣ нашего собесѣдованія о *предметахъ* вѣры и знанія, дѣйствительно уже предупреждены разрѣшеніемъ недоумѣнныя стороны и по вопросу объ *основаніяхъ* знанія и вѣры. По крайней мѣрѣ такъ было для меня; а мой товарищъ, сколько я угадывалъ, былъ занятъ главнымъ образомъ распаденіемъ своей, такъ сказать, ideae fixae о несовмѣстности вѣры и знанія, этой закоренѣлой идеи, возникшей въ немъ сначала по искреннимъ, но одностороннимъ, религіознымъ движеніямъ и понятіямъ. О. Іоаннъ снова началъ свою рѣчь:

— Посмотримъ и на различіе вѣры и знанія по самому психологическому ихъ процессу, и увидимъ, какъ и это различіе не исключаетъ совмѣстности и внутренняго единенія между вѣрою и знаніемъ. «Знаніе принадлежитъ (читаль о. Іоаннъ изъ катихизиса) собственно уму, хотя можетъ дѣйствовать и на сердце: вѣра принадлежитъ преимущественно сердцу, хотя начинается въ мысляхъ». Совершенно справедливо. Но вникнемъ въ дѣло сначала знанія, а потомъ вѣры, по психологическому процессу того и другой. Какъ ни опредѣляли бы мы знаніе,— ну хоть съ Боклемъ будемъ полагать знаніе въ «знакомствѣ съ отношеніями вещей и идей другъ къ другу и самихъ въ себѣ, другими словами, въ знакомствѣ съ физическими и умственными законами»; но все — же мы не удовлетворимся знаніемъ, какъ складкою въ умѣ или собраніемъ въ кое-какую кучу свѣденій о законахъ умственныхъ и физическихъ. Достоинство знанія мы признаемъ въ томъ, чтобы свѣденія какъ сами по себѣ были во взаимной живой стройной связи и единствѣ (ибо таково дѣйствительное отношеніе вещей и нежизныхъ идей другъ къ другу и самихъ въ себѣ), такъ и въ человѣкѣ опредѣляли бы весь

образъ его мыслей, управляющій и его дѣлами или вообще отношеніями къ внѣшнему міру (ибо чрезъ это знающій человѣкъ и оказывается жизненно и дѣйствительно, а не мечтательно и мертво знакомымъ съ отношеніями вещей и идей другъ къ другу и самихъ въ себѣ). Такого знанія нельзя пріобрѣтать иначе, какъ дѣйствуя всею полнотою духа, умомъ и сердцемъ, отчетливою мыслію о предметахъ и живымъ чувствомъ стройности или высшей Любви, связующей предметы и между собою и съ нашими идеями. Потому-то въ наше время ужъ довольно сознана односторонность знанія, какъ скоро оно составляетъ только умственное пріобрѣтеніе и потому своимъ усиленіемъ нарушаетъ цѣлостность духа человѣческаго, равновѣсіе между его силами. Впрочемъ, даже и при этомъ односторонненъ направленіи знанія, въ самомъ процессѣ знанія все же умъ дѣйствуетъ соединенно съ сердцемъ. Это доказывается тѣми опытами, что, когда сердце человѣка, могущаго узнать то или другое, предзанято рѣшительнымъ пристрастіемъ, напримѣръ, къ собственному воззрѣнію, или къ своему личному превосходству, которому грозила бы несостоятельность и паденіе отъ новаго знанія, то какія бы доказательства истины вы ни представляли этому человѣку, какъ прямо и необходимо ни вели бы они къ извѣстнымъ результатамъ,—этотъ человѣкъ остается словно глухимъ и слѣпымъ для всего. Онъ, и при извѣстной въ другихъ случаяхъ разсудительности и основательности своей, дѣлается тупымъ до идіотизма для пониманія истины, отрицаемой его сердцемъ, и по ребячески радъ бываетъ ускользнуть въ первую попавшуюся лазейку, чтобы фальшиво закрыться для свѣта истины. Такъ и наоборотъ живая и безпристрастная любовь къ истинѣ, обитающая въ сердцѣ другаго человѣка, даетъ ему инстинктивно предъугадывать истину, прежде чѣмъ онъ узнаетъ ее, и иногда предупреждать постепенное раскрытіе истины разумѣніемъ, вдругъ обнимающимъ ее всю. Мнѣ въ моихъ сношеніяхъ съ людьми случалось испытывать много подобнаго. Да вотъ и этотъ пресловутый Бокль, движимый внутреннимъ сердечнымъ влеченіемъ къ любимымъ идеямъ, безъ всякаго затрудненія смѣло идетъ отъ вывода к-выводу, широкимъ взглядомъ обнимая и разгадывая разнородъ

ныя явленія. Но онъ же самъ, чуть дѣло коснется до идей, противъ которыхъ онъ занятъ въ душѣ своей предубѣжденіями по поводу западныхъ злоупотребленій этими идеями, дѣлается вдругъ удивительно узкимъ и односторонникъ въ воззрѣніяхъ. Такъ, напримѣръ, отъ того злоупотребленія религіею даже и христіанскою, что во имя ея были терзаемы и сожигаемы люди, и отъ подрыва этого злоупотребленія, который къ явному успѣху цивилизаціи произведенъ именно знаніемъ, Бокль смѣло заключаетъ, что господствующее цивилизующее начало состоитъ не въ религіи, а въ знаніи. Но для него какъ будто вовсе не существуютъ и даже невозможны злоупотребленія знаменемъ знанія, съ которымъ однако, какъ съ главной причиной, исторія соединитъ едва ли не всѣ новѣйшія разрушительныя явленія въ родѣ извѣстнаго террора французской революціи, всѣ эти тенденціи поставить вверхъ дномъ все существующее, тенденціи, проникнутыя самою безпощадною нетерпимостью ко всему, неподходящему къ началамъ этихъ тенденцій. Равнымъ образомъ знаменитому ученому какъ будто вовсе неизвѣстно было, что христіанская религія нѣкогда обновила образованный греко-римскій міръ, на сколько послѣдній отдавался ея вліянію, и укротила варваровъ. Пристрастіе къ знанію и внутреннее отчужденіе отъ религіи сдѣлали то, что Бокль, и видя, словно не видѣлъ односторонности своихъ выводовъ. Только признавая задачею знанія—изученіе самой, осуществленной въ духовныхъ и физическихъ законахъ, Творческой мысли, можно понять полную истину относительно цивилизующаго начала, что это начало есть сама истина — Богъ Слово Христосъ, Который раскрываетъ Свою жизнь и свѣтъ во благо человѣчества и вѣрою и знаніемъ, существенно нераздѣльными между собою, и Котораго мы должны воспринимать или усвоять непремѣнно и уму и сердцу своему. Слишкомъ узкимъ и односторонникъ оказался Бокль, какъ будто опускаясь до тупости и до ребяческихъ уловокъ, и въ своихъ выводахъ о *нравственности* сравнительно съ знаніемъ и это также отъ сердечнаго пристрастія къ любимымъ идеямъ и отвращенія къ нелюбимымъ.

— Позвольте, батюшка, заговорилъ мой товарищъ, замѣтить

вамъ, что и вы тоже допустили сердечное увлеченіе, выражаясь такъ жостко о любознательномъ Боклѣ. Неужели нѣсколько общихъ нравственныхъ истинъ, выработанныхъ человѣчествомъ на нравственномъ поприщѣ, могутъ идти по отношенію къ цивилизаціи въ какое нибудь сравненіе съ областію знанія, которую, по ея обширности, трудно и даже, кажется, невозможно охватить мыслію одного человѣка, и которая все болѣе и болѣе расширяется и будетъ расширяться до безконечности?

— Да, отвѣчалъ улыбаясь о. Іоаннъ, слишкомъ ужъ напрямикъ и я выразился о Боклѣ подъ вліяніемъ сердечной жалости о томъ, чего знаніе лишилось въ такомъ проницательномъ и своеобразномъ мыслителѣ, каковъ Бокль, отъ подкосившаго его сердечнаго воспаленія пристрастій и предубѣжденій, подавлявшихъ иногда въ немъ прямодушную любовь къ истинѣ, недававшихъ мѣста и прямому взгляду на истину.—Бокль рѣшительно утверждаетъ и вы ему вѣрите (раздѣляя нѣкоторыя его пристрастія), что въ области нравственной человѣчество выработало только нѣсколько общихъ нравственныхъ истинъ, напримѣръ, о честности въ дѣлахъ и словахъ или о любви къ людямъ, даже къ врагамъ и тому подобное. Но вѣдь такія и подобныя истины относятся къ принципамъ или къ общимъ законамъ въ нравственной области; ихъ, по логической правдѣ, справедливо было бы сравнивать тоже съ такими истинами въ умственной области, которыя относились бы къ принципамъ или къ общимъ законамъ мысли и знанія. Скажите же мнѣ по совѣсти, больше ли подобныхъ, безспорныхъ для всѣхъ, истинъ выработано въ области умственной, нежели въ нравственной?— Если не меньше, то ужъ покрайней мѣрѣ и не больше. Слѣдовательно, судя по Боклю же, цивилизаціи столько же мало надо ожидать для себя и со стороны знанія, сколько со стороны нравственности. Вѣски той и другой стороны стоятъ ровно. Бокль этого не разглядѣлъ, обрадовавшись, что небольшая сумма общихъ нравственныхъ понятій представляетъ ему очень удобную лазейку, въ которой пристрастная его мысль могла бы затаиться, какъ будто она—истина.

— Но съ чѣмъ принадлежащимъ нравственной сторонѣ,—

возразилъ мой товарищъ, явно впрочемъ озадаченный неожиданнымъ для него оборотомъ дѣла, — съ чѣмъ сравните или сопоставите самую массу умственнаго знанія, массу всѣхъ сдѣланныхъ уже умомъ пріобрѣтеній и неослабныхъ его усилій пріобрѣтать болѣе и болѣе?

— Надо сравнивать или сопоставлять эту массу, спокойно отвѣчалъ о. Іоаннъ, съ массою всего существеннаго уже въ человѣчествѣ по части нравственной, и всѣхъ неудержимыхъ до нынѣ усилій и стремленій человѣчества по той же части. Эта послѣдняя масса если не обширнѣе, то ужъ никакъ не мало-объемистѣе первой. Да та и другая и не раздѣлимы по своей сущности, если судить право, т. е., православно. Вотъ вамъ на это прямое доказательство. Сущность должной нравственности, какъ ее разумѣетъ православное христіанство, состоитъ въ (оправдываемомъ дѣлами) усвоеніи Христа всей полнотѣ нашего духа и даже всего нашего существа,—въ посильномъ для живой вѣры усвоеніи Христова мудрствованія, настроенія и всего духа, вообще Христовой полноты совершенства. Сущность знанія состоитъ въ усвоеніи нашему сознанію и вообще мыслящему духу Христовыхъ зиждительныхъ и всесодержательныхъ мыслей, выраженныхъ и осуществленныхъ во всѣхъ умственныхъ и физическихъ законахъ (*). Видите, что на сколько дѣйствительно успѣвали бы мы въ послѣднемъ, умственномъ, на столько мы возрастали бы и въ первомъ, нравственномъ отношеніи? И на оборотъ, если *нравственное* у насъ пренебрегается, то, по мѣрѣ этого пренебреженія, мы не успѣвасмъ овладѣвать и *умственнымъ*. Сказать тоже другими словами, на сколько мы не успѣли бы духовно-нравственно усвоить себѣ мысль Бога Слова, выраженную и осуществленную или раскрывающуюся въ тѣхъ или другихъ предметахъ, на столько было бы мертво или односторонно и умственное знакомство

(*) Въ разныхъ философскихъ системахъ мыслители полагаютъ сущность нравственности въ усвоеніи человѣкомъ и проведеніи имъ во всю свою жизнь именно самой силы того, какъ кто изъ нихъ понимаетъ тайну всего сущаго. Они относятся, въ существѣ и основаніи дѣла, ко Христу Богу Слову во плоти, только какъ къ *невѣдомому*, и потому болѣе или менѣе по-язычески.

наше съ этими предметами. Каждый предметъ, разработанный или выясненный знаніемъ, долженъ произвесть соотвѣтственный себѣ нравственный отпечатокъ въ духѣ человѣка; мысль всетворческаго всесодержительнаго Слова, осуществленная въ чемъ бы то ни было и хотя сколько нибудь выясненная знаніемъ и усвоенная духомъ нашимъ, составляетъ для насъ не только умственное, но и нравственное пріобрѣтеніе, неоцѣненное сокровище вмѣстѣ для ума и сердца. И такимъ образомъ міръ умственнаго дѣла человѣческаго и міръ нравственнаго поприща взаимно отображаются одинъ въ другомъ самою своею сущностью и ея раскрытіемъ; область перваго, по самому существу своему, не можетъ быть обширнѣе области другаго. Разсуждая по методу боклевскихъ выводовъ, вліяніе области нравственной на цивилизацію надо представлять если не болѣе, то ужъ отнюдь не менѣе обширнымъ, чѣмъ вліяніе знанія.

Товарищъ не возражалъ болѣе, погрузившись въ задумчивость, съ обращеннымъ впрочемъ къ о. Іоанну вниманіемъ. Священникъ продолжалъ:

— Итакъ знаніе по самому своему процессу идетъ такъ, что дѣятель, работникъ его, дѣйствительно, есть *умъ*, но движимый и направляемый въ своей работѣ, просвѣтляемый или затемняемый въ своихъ воззрѣніяхъ именно *сердцемъ*, его влеченіями, симпатіями и антипатіями въ отношеніи къ такимъ или другимъ идеямъ. Не то, чтобы умъ, въ процессѣ знанія, былъ рабомъ сердца; его вѣрнѣе представлять мужемъ, главенствующимъ надъ сердцемъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствующимъ такъ или иначе въ угоду сердцу, какъ бы любимой женѣ. Союзъ ума и сердца, по дѣлу знанія, неразрывенъ; только надо правильнѣе и отчетливѣе облагоустроить этотъ союзъ, чтобы совершенно здоровымъ его плодомъ было знаніе. Дѣятель знанія есть умъ, но только сердцемъ можетъ знаніе усвоиться, превратиться, такъ сказать, въ живую плоть и кровь нашего духовнаго организма. — Что же касается до психологическаго процесса вѣры, — мнѣ хочется поставить вамъ на видъ одно такое явленіе и дѣло вѣры, въ которомъ наглядно, можно сказать, видѣнъ этотъ психологическій процессъ вѣры. Въ подвиж-

ической жизни, составляющей то великое поприще, на которомъ духовные ратоборцы съ твердостью зрѣлыхъ мужей, съ мудростью старцевъ и съ бодрою энергіею юношей, равно и съ незлобивой простотой дѣтей, отстаиваютъ нужное всему міру добро духовнаго совершенства и низлагаютъ губительное для всего человѣчества зло растлѣнія,—въ этомъ подвижничествѣ духа извѣстно нѣкоторое *духовное дѣланіе*, въ которомъ вѣра является въ наиболѣе усиленномъ и могущественномъ дѣйствіи, въ которомъ потому и удобнѣе услѣдить психологическій ея процессъ въ должномъ ея направленіи. Въ этомъ, такъ называемомъ, «духовномъ дѣланіи» подвигомъ вѣры въ Господа Іисуса (сосредоточенномъ въ духѣ подвижника, но отъ духовности простирающейся и на тѣлесность) подвижникъ устремляется къ тому, чтобы именно умъ свой привлечь или, такъ сказать, свести и водворить въ область сердца. И когда этого успѣваетъ достигнуть подвижникъ, дѣйствуя животворнымъ именемъ Господа Іисуса; тогда, по опытнымъ свидѣтельствамъ такихъ духовныхъ дѣлателей, въ подвижникѣ и становится все внутри свѣтомъ, проторгающимся изъ духа иногда до просвѣтленія и самой тѣлесности, сообразнаго и сообщаго ѳаворскому просвѣтленію тѣла Господня во время преображенія. И умъ подвижника въ подобномъ состояніи ощущаетъ или сознаетъ себя, по отношенію ко всему сущему какъ бы плавающею въ тишинѣ малою ладьей среди безпредѣльнаго океана осуществленныхъ и выраженныхъ во вселенной, объемлющихъ и содержащихъ все въ ней мыслей Создателя и Спасителя нашего Бога. Само собою разумѣется, что этотъ подвигъ вѣры, въ чрезвычайномъ своемъ видѣ, принадлежитъ только избранникамъ, *могущимъ вмѣстити*. Но общее дѣйствіе и сила вѣры, проявляющіяся въ этомъ подвигѣ опредѣляютъ путь вѣры для всѣхъ насъ,—путь, который только очищенъ и уравненъ для насъ чрезвычайными подвигами избранныхъ (*). Эта общая сила вѣры,

(*) Апостолъ Павелъ, въ ученіи объ особенныхъ дѣйствіяхъ благодатныхъ, внушаетъ вѣрѣ такое общее направленіе, чтобы чрезвычайныя, непонятныя для церковнаго большинства, проявленія, *духа* стараться вводить въ доступный, для всѣхъ и потому плодотворный, порядокъ *ума*, порядокъ общей всѣмъ

дѣйствующая въ показанномъ подвигѣ, состоитъ въ томъ, чтобы, по самому процессу вѣры, съ живыми движеніями сердца соединять свѣтлыя, свободныя и отчетливыя дѣйствія ума, который выяснялъ бы осуществленныя и осуществляемыя въ областяхъ физической, нравственной и умственной, зиждительныя и воссозидательныя, мысли Бога Слова и такимъ образомъ раскрывалъ бы «всѣ сокровища премудрости и вѣденія, сокровенныя во Христѣ» (Кол. II, 5). Иначе жизнь вѣры будетъ у насъ, по своему внутреннему ходу, не совсѣмъ православно-церковная, не совсѣмъ такая, какую передали намъ въ наслѣдіе Святые Отцы,—наслѣдіе, пріобрѣтенное ими для насъ чрезвычайными подвигами. Послѣ всего, что мы доселѣ говорили,—было бы дѣйствительно излишнимъ распространяться объ этомъ болѣе.

— Итакъ, кажется,—проговорилъ мой товарищъ съ улыбкою, впрочемъ грустною,—мнѣ приходится сознаться, что моя застарѣлая мысль о рѣшительной несовмѣстности вѣры съ отчетливостью и самодѣятельностію знанія есть мысль произвольная и неправильная и могла произойти во мнѣ только отъ односторонняго пониманія вѣры.

— А между тѣмъ, сказалъ о. Іоаннъ, эта мысль была причиною сначала мучительныхъ колебаній вашихъ, кончившихся такъ несчастно для вашей вѣры, а потомъ самоувѣренности на пути, болѣе и болѣе расходившемся съ вѣрою. Позволите ли мнѣ теперь сказать нѣсколько замѣчаній о томъ и о другомъ состояніи вашемъ? Я просилъ соизволенія вашего на это еще съ самаго начала нашей довольно уже продолжительной бесѣды.

— И я снова покорнѣйше прошу васъ объ этомъ,—отвѣчалъ товарищъ. Кромѣ того и другаго состоянія, колебаній и самоувѣренности, во мнѣ ужъ начинается новое третье состояніе, въ которомъ я не умѣю пока дать себѣ порядочнаго отчета.

жизни: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ; воспою духомъ, воспою же и умомъ* (1 Кор. XIV, 15) и проч. Святая Церковь, посвятивъ одинъ изъ воскресныхъ дней великаго поста убѣжденію памяти Святителя Солунскаго—Григорія Паламы, боровшагося противъ западныхъ перетолковъ касательно свѣтоносныхъ плодовъ указаннаго нами подвига вѣры, чрезъ это убѣдительно внушаетъ своимъ дѣтямъ, что сила этого подвига есть общее достояніе вѣры. О самомъ этомъ подвигѣ или *дѣланіи духовномъ* есть цѣлая книга подъ заглавіемъ: *Добротолюбіе*.

— Именно для этого новаго состоянія вашего, можетъ быть, и будутъ пригодны замѣчанія, которыя я намѣренъ передать вамъ. Изъ того, что я заговорилъ объ нихъ съ самаго начала нашего разговора вы можете усмотрѣть, что онѣ—плодъ или выводъ не теперешняго только случайнаго собесѣдованія моего съ вами, но многихъ предварительныхъ наблюденій и опытовъ нашихъ. Это говорю къ тому, чтобы вы обратили особенное вниманіе на мысли, которыя я намѣренъ высказать вамъ. Я вамъ не навязываю ихъ, а только желалъ бы и прошу, чтобы вы хорошенько обсудили и взвѣсили ихъ; и если по совѣсти не могли бы вы отрицать ихъ правоты и дѣльности, то не отвергайте ихъ.

Товарищъ безмолвно, но выразительно далъ понять о. Іоанну, что готовъ вполнѣ ему соотвѣтствовать. И о. Іоаннъ вотъ что сталъ говорить ему:

— Съ вашими первоначальными колебаніями вы принадлежали къ числу тѣхъ изъ молодаго христіанскаго поколѣнія, которые довольно знаютъ Евангеліе и вообще Христову истину, чтобы, съ вѣрою и любовію ко Христу, спокойно и твердо взяться и за разъясненіе въ христіанствѣ того, о чемъ возникло бы въ нихъ какое-либо недоразумѣніе,—и которые, однако, при первомъ же недоразумѣніи начинаютъ сомнѣваться во Христѣ, смущаться, колебаться. Вы согласитесь, что это, по крайней мѣрѣ, столько же неблагородно и несправедливо, какъ довольно зная, напримѣръ, вашего друга, вашу мать, отца, вы по первому случайному недоразумѣнію, которое, можетъ быть, и возникло собственно по вашей винѣ, сейчасъ же усумнились бы въ вашемъ другѣ, отцѣ или матери. Вамъ извѣстно было изъ Евангелія, что Господь былъ младенцемъ и отрокомъ, и что не иначе, какъ съ возрастомъ, преуспѣвалъ человѣческимъ Своимъ умомъ и въ мудрости (Лук. II, 32). Вы знали какъ Онъ, уже и въ зрѣломъ своемъ мужествѣ, развѣдывалъ обыкновеннымъ путемъ наблюденія и допрашиванія, кто именно коснулся Его, какъ Онъ, ощутивъ потребность въ пищѣ, шелъ къ смоковницѣ посмотрѣть, нѣтъ ли на ней плодовъ, и уже наглядным опытомъ дозналъ ея безплодность. Все это вѣдь—для насъ, такъ

что духъ и сила этого должны дѣйствовать въ насъ Духомъ Святымъ. И однако вы заподозрили, будто бы, постепенно развивающееся своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, знаніе или изслѣдованіе находятся въ разладѣ съ вѣрою въ Христа и съ Его Духомъ. Вы знали или могли знать изъ Евангелія, какъ Господь бывалъ радъ возбужденію въ комъ либо живой мысли, находя въ одномъ смышленомъ отвѣтѣ уже знакъ близости къ царствію небесному,—какъ именно слышащихъ слово о царствіи Божіемъ и *неразумѣющихъ* относилъ онъ къ несчастному посѣву на дорогѣ, выкрадаемому сатаною (Мат. XIII, 19). И однако могли вы придти къ сомнѣнію, что живая, науколюбивая мысль противна Господу!! Вы, какъ человѣкъ мыслящій, могли бы уразумѣть ту истину, что, когда далъ намъ Себя самъ Единородный Сынъ Божій, самовластительный во всемъ, принадлежащемъ Его Отцу, то вмѣстѣ съ этимъ сообщается намъ духъ сыновней самостоятельности въ изслѣдованіи, разузнаніи и употребленіи всеобъемлющихъ сокровищъ Божіихъ. И чтожъ? Вамъ померещился въ области благодати Христовой духъ рабства, неподвижный застой, вѣчный плѣнъ для самостоятельности и самодѣятельности духа нашего. Скажете ли, что васъ отвлекли отъ подобныхъ воззрѣній учители—обскуранты въ родѣ Домашней Бесѣды? Но вы могли бы, еслибы захотѣли, дознать истинное христіанство прямо изъ чистыхъ и свѣтлыхъ его источниковъ. Вѣдь вопросъ поднимался у васъ слишкомъ важный, роковой. Думается мнѣ, что вы даже въ собственныхъ опытахъ имѣли удостовѣреніе въ истинности христіанства, удостовѣреніе, которое, по совѣсти, вы не въ состояніи ослабить или подорвать. Вѣдь только ужъ слишкомъ заснувшіе духомъ изъ православныхъ не получаютъ или не слышатъ подобныхъ удостовѣреній Христовой благодати. Не правда ли, что съ вами лично случались опыты духовные, которые какъ ни старались бы вы перетолковать, остаются, тѣмъ не менѣе, во глубинѣ вашего духа, вопіющимъ свидѣтельствомъ противъ вашихъ колебаній и сомнѣній во Христѣ?

Товарищъ мой сдѣлалъ подтвердительный знакъ головой, проговоривши эти слова:

— Да! вѣдь я сынъ истинно вѣрующей матери!

— Вамъ слѣдовало бы, продолжалъ о. Іоаннъ, при вашемъ рѣшительномъ и отчетливомъ склоненіи къ дѣлу знанія, какъ къ существенному дѣлу вашей жизни, сказать въ глубинѣ души вашей: слышу и принимаю призваніе пріобрѣтать и усвоять себѣ Христа именно въ дѣлѣ знанія,—пріобрѣтать и усвоять Его, какъ истину, объ которой не можетъ быть никакого необъяснимаго недоразумѣнія и которая уяснила бы мнѣ все въ мірѣ. И пошли бы вы путемъ отчетливаго и самостоятельнаго изслѣдованія и знанія прямо съ самимъ Христомъ, Который, давъ съ такою любовію и доступностію осязать свои крестныя язвы Ѳомѣ, навѣрное далъ бы вамъ познавать истину, какъ только бы вы того пожелали добросовѣстно и разумно. (Впрочемъ повторяю сказанное мною и прежде, что Господь, хотя и *невѣдомый* вами, или непризнаваемый за верховновладычественное начало дѣла вашего, все же не оставлялъ васъ и теперь на вашемъ пути знанія, на сколько вы были въ своемъ дѣлѣ добросовѣстны и вѣрны законамъ и требованіямъ разумности). Этого и довольно касательно состоянія вашихъ колебаній, кончившихся разладомъ вашимъ съ вѣрою.—Касательно послѣдующаго вашего состоянія, когда вы уже съ самоувѣренностію шли путемъ знанія расходящимся съ вѣрою, я позволю себѣ сдѣлать только нѣсколько вопросовъ вамъ, не требуя впрочемъ вашего отвѣта, а предоставляя вамъ отвѣчать на мои вопросы предъ судомъ собственной вашей мысли и совѣсти.

Во-первыхъ, достаточно ли или всегда ли достаточно, по суду собственнаго вашего сознанія, вы изучали и понимали тотъ или другой духовный предметъ, о которомъ однако дѣлали рѣшительные приговоры не только въ вашихъ внутреннихъ размышленіяхъ, но и въ разговорахъ съ людьми, довѣрявшими вашимъ сужденіямъ, и даже въ печати? Не порицали ли и даже не отрицали ли вы съ самоувѣренностью того или другаго въ истинѣ Христовой, разсуждая объ этомъ только по какимъ либо односторонпимъ понятіямъ, ни мало не думая повѣрить ихъ, подобно какъ рѣшили вы разрывъ вашей мысли съ вѣрою единственно по односторонпимъ понятіямъ о вѣрѣ и знаніи? Не

пренебрегали ли вы достовѣрностью засвидѣтельствованныхъ фактовъ, опытовъ и явныхъ по достовѣрности свидѣтельствъ, не обращая на нихъ вниманія или только унижая ихъ единственно потому, что они относятся къ чему либо, запечатлѣнному именемъ Христовымъ, или опровергаютъ какія либо произвольныя гипотезы и ходячія или любимыя въ той или другой ученой кастѣ идеи?—Эти запросы я дѣлаю по поводу моихъ наблюденій и замѣчаній, что, по дѣлу изслѣдованія истины, у насъ нѣкоторые поступаютъ въ отношеніи ко Христу антипатичнѣе, придирчивѣе, или же небрежнѣе, чѣмъ со всякими другими предметами;—что между нашими учеными и литераторами, за небольшими исключеніями, слишкомъ обыкновенно богословское невѣжество;—что нерѣдко прямо или не прямо нападаютъ на такія стороны Христовой истины, которыхъ просто не знаютъ или же знаютъ только по одностороннимъ понятіямъ, принятымъ на вѣру безъ всякой повѣрки. Послѣ всего, о чемъ мы доселѣ говорили, вы согласитесь со мной, что все подобное есть грѣхъ и преступленіе столько же противъ знанія, сколько противъ вѣры. Истина, сколько бы ни работали въ подобномъ духѣ тѣ или другіе дѣльцы въ области знанія, отречется отъ нихъ, какъ отъ такихъ, которые никогда ее не любили и не были ей вѣрны до самоотверженія, а напротивъ любили пристрастно свои мнѣнія, свою школу, успѣхи собственнаго своего ученаго тщеславія или предубѣжденія. Такъ, напримѣръ, ходячее въ ученыхъ кастахъ предубѣжденіе противъ *чудесъ* не даетъ многимъ не только съ серьозною мыслію замѣтить эти вопіющіе факты, но даже выяснить себѣ ихъ значеніе по православному воззрѣнію, принимая ихъ за какія-то нарушенія постояннаго общаго въ мірѣ строя; тогда какъ чудеса только съ торжественною наглядностію проявляютъ руку Носящаго всяческая глаголомъ силы Своея во всеобщей и постоянной разумной стройности, замѣчаемой всѣми въ обыкновенномъ порядкѣ вещей. Вѣдь нѣтъ въ мірѣ ни песчинки, ни самаго легкаго движенія какого нибудь листика на деревѣ, въ чемъ не осуществлялся бы какой нибудь разумный законъ, что̀ не выражало бы въ себѣ какой нибудь мысли: чудо раскрываетъ тайну, что̀ это за умъ

всеобъемлющій или всеопредѣляющій въ мірѣ. Но люди науки, знанія, которыхъ и призваніе—дознавать истину, знать ее не хотятъ даже въ наглядныхъ опытахъ, въ осязаемыхъ фактахъ, а между тѣмъ мечтаютъ о себѣ, что они, сравнительно съ другими, темными людьми, имѣютъ достоинство людей зрячихъ; они очевидно поступаютъ въ этомъ отношеніи точно такъ, какъ современные Христу книжники и фарисеи, и потому подлежатъ общему съ ними приговору истины: *если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы на себѣ грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ* (Іоан. IX, 41). Это грѣхъ противъ требованій и законовъ самаго знанія.

— Но будьте справедливы, батюшка,—отозвался мой товарищъ,—согласитесь, сколько допускается легковѣрія и суевѣрія въ невѣждахъ по части чудесъ!

— Сколько ученый, возразилъ о. Іоаннъ, дѣлаетъ неудачныхъ наблюденій и опытовъ прежде, чѣмъ успѣетъ получить удовлетворительный результатъ своихъ ученыхъ работъ! Но онъ для истины терпѣливо трудится, не задерживаясь неудачами, не бросая изъ-за нихъ своей работы. Любящему истину странно было бы вмѣнять себѣ въ тягость, изъ жалкихъ явленій суевѣрія или легковѣрія, самое вниманіе къ истиннымъ, твердо и разумно засвидѣтельствованнымъ, чудесамъ и къ раскрываемой въ нихъ истинѣ. Вѣдь на то и наука, чтобы разузнавать истину, несмотря ни на какія преграды невѣжества и лжи; иначе наука сама будетъ служить ужъ лжи и невѣжеству.

Товарищъ замолчалъ. О. Іоаннъ развивалъ передъ нимъ дальнѣйшія свои мысли:

Во вторыхъ спросилъ, бы я васъ, во имя вашей же совѣсти и науколюбивой мысли: идя съ самоувѣренностію по избранному вами пути знанія, всегда ли вы серьезно относились къ дѣлу знанія, къ дѣлу истины? Я разумѣю не внѣшніе серьезные пріемы или какой нибудь торжественный, напряженный тонъ. Я спрашиваю о серьезномъ внутреннемъ вашемъ отношеніи къ дѣлу истины и знанія, хотя бы вы приняли для внѣшняго выраженія своей мысли и шутливую форму. Объясню вамъ дѣло примѣромъ. Вотъ въ исторической статьѣ Г. Костомарова, на-

печатанной въ календарѣ нынѣшняго (1864) года, успѣхъ Москвы въ достиженіи единодержавія въ Россіи, несмотря на сопротивленіе этому особенно Твери, приписывается отличавшимъ московскихъ князей хитрости и изворотливости въ запутанныхъ обстоятельствахъ, умѣнью выбирать удачно и ловко минуты, благопріятныя для дѣла, выжидать когда нужно, мириться впору, по расчету, а не по влеченію сердца, рѣшимости отважиться на все, лишь бы оно принесло пользу и вело къ дѣлу; тогда какъ тотъ или другой Тверской князь дозволялъ Москвѣ оставлять себя, въ томъ или другомъ случаѣ, просто *въ дуракахъ*, какъ именно два раза замѣчено о Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ. Все это пожалуй и правда, но только съ одной стороны, остановиться на которой можно не иначе, какъ слишкомъ легко относясь къ дѣлу исторической истины, не опасаясь уронить чрезъ это и великую идею *единодержавія*, если она дѣйствительно выработывалась путемъ двусмысленной ловкости однихъ и глупой простоватости другихъ. А существенная сторона перевѣса Москвы надъ другими княжескими удѣлами состоитъ въ томъ, что Москва въ лицѣ и своихъ князей, и ихъ сподручниковъ, и даже самихъ своихъ Святителей, несравненно отчетливѣе другихъ поняла необходимость объединить Россію для ея спасенія и торжества надъ вѣковыми врагами, и вмѣнила себѣ въ высшую правду и обязанность привести это въ исполненіе, чего бы то ни стоило. Этимъ и объясняются, получая уже лучшее значеніе, и эта рѣшимость Москвы, для перевѣса надъ другими, отважиться на все и эта расчетливость, возвышающаяся надъ сердечными увлеченіями, и эта ловкость, умѣющая воспользоваться обстоятельствами и не робѣющая никакой кажущейся или дѣйствительной неблаговидности. Что касается до другихъ князей, и особенно тверскихъ, на долю послѣднихъ не выпало такое проницательное разумѣніе и твердое исполненіе истинной задачи тогдашняго времени для Россіи; за то они служили выполненію той же задачи отрицательнымъ образомъ, оказываясь по своимъ стремленіямъ, увлеченіямъ и вмѣстѣ неудачамъ сохранить свою независимость, достойною уважительнаго участія жертвою для блага всей Россіи. Такъ хорошо это выразилось

именно въ Михаилѣ Александровичѣ, который отстаивалъ самостоятельность Твери противъ Москвы, но противъ Татаръ спѣшилъ «въ числѣ первыхъ» на содѣйствіе Москвѣ и самъ своими руками отдавалъ себя той же Москвѣ въ распоряженіе не только чрезъ испрашиваніе суда надъ своимъ епископомъ у московскаго Святителя, но и чрезъ избраніе себѣ въ епископы московскаго Архидіакона (*). Вѣдь въ старинной Руси духовнымъ элементомъ такъ глубоко проникался и гражданскій!—Изъ этого примѣра вы видите, что легкое, не серьезное, мелочное какое-то при всей трудолюбивой работѣ, отношеніе къ дѣлу истины и знанія, будучи профанаціею и оскорбленіемъ для этого дѣла, вмѣстѣ съ этимъ не даетъ познавать лучшей и существенной стороны въ изслѣдуемой истинѣ. И потому насколько любознательный человѣкъ дозволяетъ себѣ подобнымъ образомъ относиться къ дѣлу истины и знанія, настолько самъ портитъ свое дѣло и закрываетъ отъ себя истину. Я просилъ бы васъ по-строже испытывать себя и свое дѣло въ этомъ отношеніи. Вы, конечно, угадываете мою озабоченность въ настоящемъ случаѣ, именно тѣмъ, чтобы, если не сознательно, то хоть инстинктивно не оскорблять, не выгонять, а напротивъ развивать въ дѣлѣ знанія серьезный духъ служенія одной существенной и всеобъемлющей истинѣ—Христу.

Наконецъ въ-третьихъ, всегда ли въ вашихъ выводахъ и заключеніяхъ по существеннымъ вопросамъ о человѣкѣ и мірѣ въ физическомъ или историческомъ отношеніяхъ, вы вѣрны были просто логикѣ? Не выводили ли вы иногда изъ извѣстныхъ данныхъ больше или меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ изъ этихъ данныхъ? Ограничиваясь изслѣдованіями какой либо одной области истины или бытія, не дѣлали ли вы однако выводовъ, касающихся всей цѣлости бытія и истины, не обращая никакого вниманія на другія области бытія и истины, заявляющія себя съ такою же, если еще не съ бо́льшею достовѣрностію и твердостью, какъ и изслѣдуемая вами область? Или не относились ли вы съ произвольностію къ *даннымъ* того или другаго

(*) Святителя Арсенія, бывшаго на совершеніи суда надъ прежнимъ епископомъ тверскимъ.

рода, грубо или утонченно насилуя и извращая ихъ для того, чтобы только подогнать ихъ къ любимымъ своимъ идеямъ? Сколько лжи, противной безразлично и знанію и вѣрѣ, развито и проводится подобными путями въ изслѣдованіяхъ физіологическихъ, геологическихъ (*), историческихъ и такъ далѣе! Я увѣренъ, что, если вы, самонадѣянно идя по избранному вами поприщу знанія, допустили въ свой образъ мыслей такія или другія идеи невѣрія, или правила антихристіанскія, наибольшая часть изъ нихъ произошла именно чрезъ нелогическіе выводы,— чрезъ эту невѣрность начертаннымъ въ нашихъ умственныхъ законахъ опредѣленіямъ Бога Слова. Будьте послушны и вѣрны имъ, и вы пойдете за Богомъ Словомъ Христомъ, хотя бы сначала только инстинктивно, а потомъ сознательно и отчетливо.

Въ заключеніе прошу васъ объ одномъ, чтобы вы ни въ какомъ случаѣ не измѣняли дѣлу знанія. Это я говорю, имѣя въ виду извѣстные мнѣ случаи, что вдавшіеся въ односторонность знанія до забвенія, и иногда до отрицанія вѣры, рано или поздно впадали въ противоположную односторонность вѣры до отреченія чуть не отъ всякаго изслѣдованія и знанія. И тогда они оказывались уже до жестокой безпощадности строгими къ людямъ, задерживающимся, какъ сначала и сами они, односторонностію знанія,—не помня того Христова закона и первообраза, что *Самъ искушенъ бывъ можетъ и искушаемымъ помощи*. А то есть еще изъ вѣрующихъ же и такіе, которые считаютъ отношенія между вѣрою и знаніемъ, какія объяснялъ я вамъ, невозможными нынѣ, а только еще искомыми; а потому эти люди дѣйствуютъ своею мыслію нераздѣльно отъ вѣры только въ области теологическихъ и нравственныхъ предметовъ, а по отношенію

(*) Замѣчательна въ этомъ отношеніи помѣщенная въ календарѣ за 1864 годъ статья нашего, сколько ученаго, столько и добросовѣстнаго, геолога, который для пресловутой нынѣ мысли объ огромномъ числѣ тысячелѣтій, прошедшихъ отъ образованія нашей планеты и отъ первыхъ на ней людей, находитъ (съ глубокой, какъ мнѣ кажется, проніей) только такое основаніе, что на отрываемыхъ кладбищахъ древнихъ людей находятъ слишкомъ огромное число человѣческихъ костей или остововъ. Каковожъ это основаніе?! Также статья свидѣтельствуетъ, что на этомъ основаніи скромные датскіе геологи относятъ самыя означенныя кладбища къ очень недалекому времени до Рождества Христова....

къ другимъ предметамъ работаютъ умомъ своимъ совсѣмъ не по началу вѣры, а только съ опасливостію, чтобы какъ нибудь или въ чемъ-либо не стать только въ открытую оппозицію вѣрѣ. Избави васъ, Господь, и отъ такого образа мыслей! Вы впрочемъ и сами примѣтили и, при самомъ началѣ нашей бесѣды, рѣзко поставили на видъ двусмысленность и фальшивость подобныхъ раздвоеній въ дѣлѣ, чтобы и вѣровать и отдаваться знанію не всецѣло, а только въ-половину. Я отъ всего сердца желаю вамъ подвизаться въ дѣлѣ знанія такъ же постоянно и неотступно, какъ духовные подвижники подвизались или подвизаются въ добродѣтели. Не вдругъ они достигали святости и райскаго безстрастія,—а напротивъ подвергались многимъ бореніямъ и искушеніямъ, допускали разныя преткновенія и даже паденія, терпѣли неоднократныя пораженія и иногда плѣненія прежде побѣды надъ врагами. Но тѣмъ не менѣе они во всемъ этомъ проходили поприще добродѣтели, поприще служенія правдѣ, которая существенно—самъ Христосъ. Служить Ему *умомъ* и *знаніемъ* дано и нынѣ и всегда столькоже, сколько дано служить ему волею и сердцемъ, или добродѣтелію. Не измѣняйте же ни въ какомъ случаѣ интересу знанія!.. Товарищъ мой крѣпко сжалъ руку о. Іоанна, проговоривъ въ тоже время эти слова:

— Да; вы дѣйствительно разсуждаете и какъ спеціалистъ вѣры и какъ такой же ревностный сторонникъ знанія.

Разставшись съ о. Іоанномъ, а потомъ и съ пріятелемъ своимъ, я припоминалъ и снова передумывалъ все, высказанное въ нашемъ общемъ собесѣдованіи. Хорошо бы такъ (думалъ я), какъ говорилъ о. Іоаннъ о знаніи и вѣрѣ! Но отношенія между вѣрою и знаніемъ, какія поставлялъ и развивалъ о. Іоаннъ,—это отношенія благодатныя, и осуществимы онѣ только въ облагодатствованномъ, а не естественномъ состояніи человѣческомъ. Между тѣмъ знаніе не только хочетъ, но и считаетъ себя обязаннымъ идти простымъ, естественнымъ путемъ; да и во всякомъ случаѣ знанія нельзя отнимать у человѣка и въ естественномъ его состояніи. Какимъ же образомъ знаніе

можетъ такъ сойтись съ вѣрою, какъ разсуждалъ о. Іоаннъ?— При новомъ свиданіи съ нимъ я высказалъ ему свои недоумѣнія на этотъ счетъ. И вотъ что я отъ него услышалъ:

— Съ чего вы взяли такъ понимать благодатное и естественное, какъ будто это—двѣ прямыя противоположности, взаимно исключающія одна другую? Благодатному прямо противоположна только наша грѣховность, прирожденная и произвольная, а не природа наша. Природа или естество всего стало и существовать только по Божіей благодати, по дару Отца небеснаго ради возлюбленнаго Его Сына; и въ особенности природа человѣческая такъ и создана, чтобы человѣку быть сообразнымъ и сообщнымъ существенному образу Отца всевышняго—Богу Слову и живиться Духомъ Божіимъ. Если наша природа теперь разстроена и больна, то все же не на столько, чтобы въ ней изгладились всѣ слѣды образа Божія и не сохранилось ни одной точки живительнаго для нея соприкосновенія съ Духомъ Божіимъ: а это ужъ относится къ благодати Божественной. Поэтому слово Божіе, представляя и избранный Божій народъ *чадами гнѣва* по самому *естеству* (Ефес. II, 3), тѣмъ не менѣе указываетъ и въ самыхъ язычникахъ свѣтящіяся еще черты *рода Божія* (Дѣян. XVII, 28 и 29), возможныя только подъ условіемъ или на основаніи Божіей благодати. Что касается до самой благодати, она во всей силѣ и полнотѣ своей открылась именно чрезъ принятіе ради насъ Сыномъ Божіимъ нашего человѣческаго естества въ единоличное единеніе съ Его Божествомъ и притомъ чрезъ сохраненіе Имъ человѣческаго естества во всей цѣлости, въ этомъ самомъ его единеніи съ Божествомъ; а усвояется нами такая благодать собственно для уврачеванія и исправленія въ насъ разстроеннаго и больнаго естества нашего. Какъ же послѣ этого можно ставить естественное и благодатное въ прямую противоположность одного другому? Ни существо природы нашей, ни сила благодати рѣшительно не дозволяютъ этого. Пойдетъ человѣкъ въ знаніи ли, или въ чемъ другомъ, простымъ естественнымъ путемъ, только въ прямомъ и добромъ порядкѣ, въ здоровомъ и благоустроенномъ состояніи и настроеніи своей природы: это ужъ значитъ, что такого

человѣка осѣняетъ и направляетъ, вѣдомо или невѣдомо для него, Божія благодать. И на оборотъ, пойдетъ человѣкъ въ знаніи ли, или въ чемъ другомъ, прямымъ путемъ самой благодати и истины Христовой, не уклоняясь ни въ какую односторонность: благодать приведетъ самую его природу въ здоровое и стройное состояніе и такимъ образомъ поведетъ его къ своему добру простымъ здраво-естественнымъ путемъ. Такъ просто сходятся естественное и благодатное! Мы всего этого касались уже и въ нашемъ разговорѣ. Васъ сбиваетъ только привычка представлять благодатное и естественное, какъ прямыя противоположности. Сколько путаницы производитъ такое представленіе! По этому представленію человѣкъ, въ естественномъ состояніи, выходитъ просто чудовищемъ зла, какимъ въ дѣйствительности бываютъ только исключенія, а не большинство людей. По этому представленію всякое доброе явленіе въ естественномъ человѣческомъ состояніи, съ какою-то непріязнію, у насъ омрачается разными духовными подозрѣніями и пересудами, а оно, между тѣмъ, относится къ свѣтѣнію въ самомъ естествѣ нашемъ Божіей благодати. По этому представленію, и облагодатствованное состояніе человѣка кажется чѣмъ-то, рѣшительно неподходящимъ къ простому человѣческому порядку и быту. Такая крайность естественно вызываетъ и поддерживаетъ другую крайность, въ которой самое благодатное или богохульно считаютъ чѣмъ-то мечтательнымъ или относятъ къ естеству нашему, а не къ Господу. Да не будетъ же этого! Благодати прямо противоположна грѣховность наша; а наша природа есть почва и среда къ раскрытію и дѣйствію благодати, всегда немощное въ ней врачующей и оскудѣвающее восполняющей, свѣтящейся и во тьмѣ нашей любовію къ намъ Отца небеснаго, открытою въ Его Сынѣ и дѣйствующею Святымъ Его Духомъ.

VII.

Четыре случайныхъ разговора по „крестьянскому вопросу."

Въ послѣднее время мнѣ стало удобнѣе прежняго наблюдать съ духовнымъ вниманіемъ за людьми, выслѣживать самыя насущныя духовныя ихъ потребности и интересы,—наблюдать и

выслѣживать это изъ непосредственнаго соприкосновенія къ людямъ разныхъ состояній, а не по кабинетнымъ только соображеніямъ. Мнѣ въ особенности хотѣлось разслушать *духовные* отголоски или отклики, въ нашемъ народѣ и обществѣ, на эту великую перемѣну въ народномъ устройствѣ—уничтоженіе крѣпостной зависимости. Въ этомъ отношеніи мнѣ особенно памятны слѣдующіе четыре случая (точнѣе сказать, случайные разговоры), описаніе которыхъ, можетъ быть, не будетъ безполезно и для другихъ, сколько нибудь заинтересованныхъ по тому же дѣлу или вопросу.

Въ іюлѣ 1861 года мнѣ пришлось совершить маленькое путешествіе проселочной дорогой. Случилось мнѣ въ одномъ селѣ, гдѣ была остановка для отдыха лошадей, оставить одну нужную вещь. О забытой вещи вспомнилъ я уже въ слѣдующей деревнѣ, отъѣхавши версты двѣ отъ села. Мой извощикъ, жалѣя своихъ лошадей, остановилъ ихъ при выѣздѣ изъ деревни подъ тѣнью большой липы, а самъ пѣшій отправился за оставленною вещью. По этому случаю и устроилась у меня встрѣча и бесѣда съ однимъ толковымъ мужичкомъ, который, возвращаясь съ полевой работы, подошелъ ко мнѣ. Примѣтивъ, что онъ никуда не торопится, и спросивъ его сначала о сѣнокосѣ и о хлѣбахъ въ полѣ, я заговорилъ съ нимъ и объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Мужичокъ былъ изъ временно-обязанныхъ, лѣтъ 35, съ лицемъ умнымъ и открытымъ, съ обыкновеннымъ труженическимъ выраженіемъ нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ.

— А что?—спросилъ я его вообще о временно-обязанныхъ крестьянахъ. — Вы, чай, крѣпко рады такой милости Божіей къ вамъ?

— Нешто, отвѣчалъ крестьянинъ. Съ первоначалу-то шибко возрадовались православные. Одно слово—*воля!*

— А послѣ попривыкли къ этому слову и, видно, ужъ не столько рады, замѣтилъ я.

— Не то, говоритъ мужичокъ. На посляхъ-то видимъ, — намъ, почитай, все равно, что прежде. Такой-же оброкъ. Ну

и господа, таперича, разя свой братъ? Все тѣже господа. Мы чаяли,—будетъ заправская воля.

Говоря это, крестьянинъ смотрѣлъ на меня такъ умно и кротко, что мнѣ нельзя было заподозрить его, не хотѣлось ли ему своевольничать или вовсе не платить оброка; тѣмъ меньше могъ я думать, не по тупости ли мужицкой не понимаетъ онъ великаго дара Божія въ освобожденіи своемъ отъ крѣпостной зависимости. Изъ случившихся разговоровъ съ другими временно-обязанными крестьянами я уже зналъ, что именно бремя и трудъ временной обязательности, *обыкновенно поставляемые едвали не всѣми на первый планъ передъ мужиками* (тогда какъ они на первомъ планѣ ставили и ставятъ для себя «волю»),—вотъ что не даетъ многимъ изъ нихъ по надлежащему оцѣнить чрезвычайное благодѣяніе, ими полученное. Впрочемъ, я спросилъ мужичка и о томъ, нѣтъ-ли, развѣ, какихъ имъ прижимокъ, либо притѣсненій случайныхъ, — тяжелыя случайности могутъ встрѣчаться всегда. Но мужикъ отвѣтилъ, что притѣсненій имъ отъ помѣщиковъ не было и до прежде, и тѣмъ болѣе нѣтъ нынѣ. «Ну, а инымъ, слышно, жутко и доселева достается», прибавилъ онъ.

Я началъ было представлять крестьянину, что настоящее обязательное состояніе бывшихъ крѣпостныхъ временно, что, Богъ дастъ, въ послѣдствіи не онъ, такъ дѣти его будутъ владѣть землею, какъ чистою своею собственностію, что ради дѣтей и внуковъ можно, безъ жалобъ и ропота, понести временно-обязательную тяжесть.

Мой мужикъ и рукой махнулъ.

—Что дѣти? Дѣти выростутъ—будутъ сами большіе, сами о себѣ и позаботятся.—Сказавъ это, мужикъ хотѣлъ было идти отъ меня съ явною, не то досадою, не то грустью. У меня невольно пробудилось особенно-живое участіе къ нему.

— Братъ, братъ! заговорилъ я снова. А ты самъ неужели, въ самомъ дѣлѣ, ничего или почти ничего не получилъ съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости? Во что нибудь, чай, цѣнишь ты и себя самаго, а не одну тамъ землю или усадьбу съ домомъ. Вѣдь, ты былъ чужою собственностію, которую

могли купить, продать, оставить здѣсь, переставить въ другое мѣсто; тобою могли распоряжаться какъ хотѣли, не справляясь о твоемъ желаніи и волѣ. Такой же человѣкъ, какъ и другіе, такой-же сообщникъ самому Христу Сыну Божію, какъ и всѣ православные (кто-бы ни были они), ты во многомъ былъ похожъ просто на вещь, которая составляетъ чью-либо собственность (*). Самымъ твоимъ умомъ, или тамъ какимъ бы ни было искусствомъ и мастерствомъ твоимъ имѣли право пользоваться другіе только для себя. Подумай-же,—вѣдь, тебѣ подарили тебя самаго, когда освободили тебя отъ крѣпостной зависимости. Этому подарку, по настоящему разсуждая, и цѣны довольной нельзя назначить, это самый безцѣнный даръ, за который нельзя довольно возблагодарить Господа и подвигнутыхъ Имъ Государя и прежнихъ вашихъ помѣщиковъ. Одно слово: вѣдь, ты ужъ теперь не въ родѣ этихъ вещей (онъ стоялъ предо мною, не помню, съ чѣмъ—съ *граблями, вилами* или *косой*), составляющихъ твою собственность, которую ты купилъ и можешь продать, поставляешь въ томъ мѣстѣ, перемѣщаешь въ другое; повторяю: тебѣ подарили тебя самаго. Если ты цѣнишь только деньги въ кошелькѣ или такія только вещи, которыя стоютъ денегъ или могутъ доставить тебѣ деньги, то, судя и по этой оцѣнкѣ, тебѣ сдѣланъ дорогой подарокъ. Помнишь, за какую цѣну продавали или покупали обыкновенно ревизскую душу; эту цѣну, эти деньги все равно, что положили тебѣ въ карманъ, когда пустили тебя крѣпостнаго на волю задаромъ. Выкупались, бывало, но тоже безъ земли, за одѣ ревизскія души платили по тысячамъ: всѣ эти тысячи подарили теперь вамъ. Неужели этого не понимаешь и не чувствуешь, братъ?»

Съ продолженіемъ такой моей рѣчи, видно было мнѣ, что взглядъ моего случайнаго собесѣдника свѣтлѣлъ; какъ будто

(*) Такой образъ представленія здѣсь и далѣе употребляется какъ наиболѣе пригодный для возбужденія въ мужичкѣ сознанія того великаго блага, какое дано ему въ освобожденіи его личности отъ закрѣпленія за помѣщиками. Но само собою разумѣется, что крѣпостную зависимость, судя и выражаясь съ строгою точностію, никогда не дозволялось у насъ доводить до степени владѣнія неодушевленными вещами.

любо было ему думать и проясять себѣ, что уничтоженіе крѣпостной зависимости, и во временно-обязательномъ состояніи крестьянъ есть не кажущееся, а дѣйствительное, великое для нихъ благодѣяніе. Однако онъ не оставилъ моей рѣчи безъ возраженія.

— Чувствовать намъ надо! Да поди-ко, какъ наши толкуютъ. Полно-бы, вишь, имъ—барамъ-то—мудровать нами, какъ хотѣли. А и о сю-пору временными-то обязательствами обижаютъ насъ! Составляютъ тамъ уставленныя, что-ли,—грамоты. Ну, а наши не рукоприкладствуютъ. Рука, знать, на себя не поднимается. Пускай тамъ какъ хотятъ!

— Понимаю, понимаю,—отвѣчалъ я, разглядывая мысленно это больное мѣсто у временно-обязанныхъ, которое, вызванный словомъ участья, такъ довѣрчиво раскрывалъ мнѣ мужичокъ.— Понимаю! вамъ, вздохнувшимъ свободно на «волѣ» отъ крѣпостной зависимости, представилось, будто незаконно, не по праву владѣли вами помѣщики. Потому и думается вамъ, что, коли отмѣнять незаконное (какъ думается вамъ) владѣніе вами, то отмѣнять-бы совсѣмъ, не оставлять и слѣда прежней незаконности, никакого тамъ обязательства, такъ, что-ли?

— Вѣстимо такъ. Коли являть правду и милость, такъ ужъ настоящую, на чистую,—сказалъ крестьянинъ весело и съ выраженіемъ разсудительности, такъ что на него смотрѣть было весело.

— Съ тобою разсуждать можно, продолжалъ я.—Ты самъ увидишь, въ чемъ дѣло; помѣщичье-то владѣніе вами было вполнѣ законное, столько-же законно, какъ, напримѣръ, и твое владѣніе тою или другою твоею собственностію. Владѣли вами помѣщики въ силу нашихъ гражданскихъ порядковъ, которые законополагались и устраивались нашими царями православными; сама Святая Церковь, мать наша, это знала и признавала. Поэтому путать тутъ нечего: вы составляли собственность помѣщиковъ, не воровскую какую, а законную. Много и добра вы испытали отъ добрыхъ помѣщиковъ. Безпорядки или обиды разныя, какія бывали отъ иныхъ худыхъ помѣщиковъ, это тоже, что иной и изъ васъ мужичковъ не умѣетъ порядочно владѣть

своею собственностію,—напримѣръ, изувѣчивъ въ азартѣ свою лошадь, пропиваетъ свои нужныя вещи. Это и составляетъ вину только худыхъ владѣльцевъ, а владѣнье вами было все-таки законное. Вотъ это прежде всего должно зарубить въ головѣ мужичку, коли онъ хочетъ до тонкости и по правдѣ разобрать все въ этомъ дѣлѣ....

Мужикъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и только вымолвилъ:—смѣкаемъ-ста!

— Ну, такъ и нечего поминать лихомъ и зломъ законное владѣніе вами, какъ будто-бы оно было незаконное, безправное. За что и злобишься на прежнее крѣпостное владѣніе вами?... Этимъ только закрываете сами отъ себя настоящую милость къ вамъ Господню—освобожденіе отъ прежней крѣпостной зависимости вашей. Такую великую милость далъ вамъ Господь по желанію и сердцу своего избраннаго, т. е., по мысли и волѣ государя, но вмѣстѣ и по свободному согласію и распоряженію самыхъ вашихъ прежнихъ владѣтелей. Разсуди самъ, кто могъ бы насильно отнять у нихъ законную ихъ собственность? Царь человѣколюбиво указалъ помѣщикамъ, что и вы, мужички, какъ такіе-же люди, какъ христіане православные, въ великомъ дому нашего отечества должны быть, подобно и другимъ, какъ *дома*—дѣти у отца, а не какъ рабы подневольные. Помѣщики сами не могли не видѣть, что сообщникамъ самаго Сына Божія, содѣлавшагося равно для всѣхъ Сыномъ человѣческимъ, неприлично и не годится быть подневольною собственностію другихъ; и потому они добровольно согласились, по мысли и волѣ царской, отказаться отъ своихъ правъ владѣнія вами крѣпостными. Они съ любовію и даже съ самоотверженіемъ пожертвовали своею собственностію, которую вы составляли у нихъ. Видишь самъ, каковы они обидчики-то для васъ! Ужъ если кого, такъ развѣ не себя-ли самихъ они обижали по этому дѣлу, чтобы только вамъ оказать добро? Вѣдь, освобождая васъ отъ крѣпостной зависимости, они лишали себя безплатныхъ слугъ, безплатныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, безплатныхъ работниковъ, безплатнаго запасу всякой всячины на цѣлый годъ; а знаешь самъ, что нынѣ все дорого, а особенно рабочія руки во

всемъ у насъ дороги. Вотъ, напримѣръ, обработывать землю наемными работниками во многихъ мѣстахъ станетъ, пожалуй, дороже, нежели сколько можно получить прибыли отъ этой земли. А житейскій бытъ и нужды помѣщиковъ, извѣстно, и сравнивать нельзя съ крестьянскими нуждами и бытомъ. Чего-чего у нихъ не требуется для дома, для дѣтей, для всей жизни? Толи-бы дѣло, могли-бы они такъ думать, если-бы по прежнему оставались свои крѣпостные? Но небось, помѣщики не захотѣли васъ удерживать за собою, а еще сами, по царскому предначертанію, распоряжались, какъ-бы лучше и скорѣе устроить дѣло освобожденія вашего отъ этой крѣпостной зависимости. Послѣ этого смотрѣть на нихъ, какъ на недоброжелателей или обидчиковъ вашихъ, просто было-бы грѣшно и стыдно, неблагодарно. Вотъ что, братъ!

Говоря это, я опять примѣтилъ въ мужичкѣ ясное и разсудительное выраженіе лица и взгляда, съ какимъ онъ меня слушалъ. Ему, видимо, было пріятно узнавать въ помѣщикахъ, по дѣлу крестьянскому, не какихъ нибудь своекорыстныхъ недоброжелателей, (какъ ему казалось по какимъ нибудь толкамъ, а, можетъ быть, и случаямъ), а любящихъ и самоотверженныхъ благодѣтелей для крестьянъ. Я продолжалъ:

— Согласись, что помѣщикамъ нужно было многимъ, многимъ пожертвовать, чтобы ты былъ свободенъ отъ крѣпостной зависимости. Довольно съ нихъ и предовольно, что они непринужденно отказались отъ правъ собственности, какія они имѣли на васъ самихъ. Требовать отъ нихъ еще большаго значило-бы, дѣйствительно, обидѣть ихъ самихъ. И вотъ они истинно (какъ я уже и говорилъ тебѣ) подаривъ вамъ самое важное и дорогое — васъ самихъ, оставили за собою, съ соизволенія же царскаго, собственность земли. Не по міру-же, въ самомъ дѣлѣ, идти имъ самимъ! Хорошо-ли было бы если-бы какой благодѣтель далъ хорошій пріютъ бездомному горемыкѣ, а этотъ съ дуру сталъ бы требовать, чтобы благодѣтель его и всѣмъ своимъ для него пожертвовалъ?!

— Что правда, то правда, — замѣтилъ съ своей стороны крестьянинъ и по своему, съ неподражаемымъ, простонарод-

нымъ, добродушнымъ юморомъ, разсказалъ, въ какое было — затрудненіе пришла сосѣдняя помѣщица старушка, когда ей пришлось нанимать за деньги кучера, кухарку, и горничную,— что-ли дѣвушку.

— Ну вотъ тото и есть, опять заговорилъ я. Это совершенно справедливо устроено, что, по крайней мѣрѣ, земля осталась неприкосновенною собственностію помѣщиковъ, пока вы ее сами не пріобрѣтете отъ нихъ законнымъ порядкомъ. Вы сами уже перестали быть ихъ собственностію, можете работать и пріобрѣтать уже сами для себя; можете, поэтому, и землю заработать или пріобрѣсти покупкою. Но пока пользуетесь землею, принадлежащею помѣщикамъ, то очевидно, что вамъ за это надо платиться. Вѣдь задаромъ и насильственно пользоваться чужою собственностію все равно, что воровать или грабить. Вотъ, напримѣръ, тебѣ до зарѣзу нужна была-бы въ дальнюю дорогу телѣга, а у тебя ее нѣтъ, а вотъ она стоитъ тамъ въ сараѣ у сосѣда: ты можешь воспользоваться чужою телѣгою, но не иначе, какъ, по уговору съ хозяиномъ, заплативъ что тамъ слѣдуетъ. Такъ и ваше дѣло съ помѣщиками. Пользуясь чужою собственностію, т. е., землею, принадлежащею помѣщикамъ, вамъ необходимо, по самой Божіей правдѣ, платиться за это—оброкомъ-ли, издѣльемъ-ли или тамъ чѣмъ другимъ, какъ уговорено будетъ въ «уставныхъ грамотахъ». Въ чемъ же тутъ вамъ обида? Скажи пожалуйста...

Мужичокъ смотрѣлъ на меня, какъ будто въ расплохъ захваченный за не совсѣмъ добрымъ дѣломъ.

— Оброкъ платите? продолжалъ я. Но вѣдь ты теперь платишь оброкъ уже не какъ человѣкъ подневольный, составляющій самъ чужую собственность. Напротивъ, какъ человѣкъ вольный, но вѣрно соблюдающій правду, ты оброкомъ только платишься за пользованіе чужою собственностію—землею. Это дѣло совсѣмъ другое! Тутъ помѣщикъ стоитъ въ отношеніи къ тебѣ, какъ твой братъ, только братъ, одолжающій тебя своею землею и принимающій за то отъ тебя надлежащую уплату. Вы и между собою входите въ нѣкоторыя подобныя отношенія, и въ этомъ нѣтъ ничего отяготительнаго или обиднаго, что

одинъ пользуется собственностію другаго и за это чѣмъ нибудь платится. Можно-ли, по совѣсти, быть вамъ недовольными и тѣмъ, что помѣщика, какъ брата-благодѣтеля, вы должны особенно чтить, а онъ съ заботливостію наблюдать за вами? Самъ можешь разсудить, что такъ слѣдуетъ быть по самой святой правдѣ.

Мужикъ понурилъ нѣсколько голову, но слушалъ съ приличнымъ вниманіемъ и охотно.

— Не подписываетесь къ «уставнымъ грамотамъ»? продолжалъ я свою рѣчь. Руки, говоришь, не поднимаются на себя, Христосъ съ вами! Откуда только могли взяться у васъ такія мысли?.. «Уставная грамота»—это есть нѣчто похожее на уговоръ между помѣщикомъ и вами, какъ и чѣмъ уплачивать ему за пользованіе землею, ему принадлежащею. Государь, видно, предвидѣлъ возможность, съ вашей стороны, ребяческаго упрямства, которое замедляло бы и запутывало всѣ распоряженія касательно вашего дѣла, огорчало бы и раззоряло вашихъ благодѣтелей, мѣшая имъ устроивать ваше же благосостояніе; и поэтому приказано не гоняться за вашимъ подписомъ къ «уставнымъ грамотамъ». Однако милостивый царь все-же велѣлъ предлагать вамъ эти грамоты для подписа и, значитъ, для предварительнаго вашего обсужденія и добровольнаго согласія съ вашей стороны. Видно, хотѣлось попробовать, много-ли изъ васъ найдется такихъ, которые будутъ обсуживать дѣло здраво и по правдѣ, имѣя въ виду не свою только корысть, но и то, какъ-бы не обидѣть и помѣщика, и безъ того уже многимъ для васъ пожертвовавшаго,—словомъ, которые съумѣютъ войти въ открываемое вамъ братство съ высшимъ народнымъ классомъ. Да вотъ, слышно, не много такихъ оказывается... Имъ предоставляютъ, чтобы сами, за одно съ одолжающими ихъ братьями, разсуждали и порѣшали свое дѣло въ «уставныхъ грамотахъ»; а они боятся поднять чрезъ это руки на себя.... Эхъ, вы, братцы, братцы!

— Въ толкъ-то, вишь, мы все не умѣемъ взять: вотъ что насъ заѣдаетъ. Эхъ, кабы не рабочій день, — и другіе наши послухали-бъ тебя, говорилъ крестьянинъ, смотря на меня уже

словно на роднаго, хоть правдивая рѣчь моя не льстила ему. Видно, сердце сердцу вѣсть подаетъ!

Я видѣлъ, что мужичку все еще хотѣлось бы поговорить со мною объ этомъ, близкомъ его сердцу, дѣлѣ; какъ будто удалось мнѣ дотронуться до живой его струны, хотя сначала онъ было уходилъ отъ моихъ рѣчей прочь. Но мой извощикъ уже возвращался съ забытою вещью, весь въ поту. Мнѣ надо было покончить мою случайную бесѣду. Мой собесѣдникъ благодарилъ меня, что я «не побрезгалъ потолковать съ мужикомъ». А какъ-бы я могъ тобою брезгать,—отвѣчалъ я ему,—когда подобно мнѣ и ты, въ нашемъ общемъ отечествѣ, уже не рабъ, а сынъ возлюбленный,—по человѣколюбію самаго Христа Сына Божія, воздѣйствовавшему благодатно въ нашемъ царѣ православномъ? Ну, это-ли еще, прибавилъ я, не вправская воля? Другой воли, по самой Божіей правдѣ, вѣдь не придумаешь...

Простясь съ крестьяниномъ, поѣхалъ я далѣе по своему пути, внутренно моля Бога, чтобы далъ Онъ нашему православному народу разумно и благодарно усвоить и упрочить за собою дарованную ему великую милость, на благословеніе настоящей его жизни и на вѣчное спасеніе. Въ думахъ объ этомъ дѣлѣ, мнѣ живо припомнился другой, бывшій мѣсяца за два прежде, случай, или случайная то-же бесѣда, которая касалась того-же вопроса, только съ другой стороны.

—

Это было въ майскій праздникъ Святителя Николая Чудотворца. Остановленный на день этого праздника въ одномъ селѣ, гдѣ былъ священникомъ мой товарищъ по семинаріи, я познакомился съ семейной помѣщицею этого села, у которой на этотъ разъ, кромѣ ея домашнихъ, случился еще пріѣхавшій изъ другой губерніи зять ея, также помѣщикъ, въ порѣ зрѣлаго мужества. (Всѣ они были мелкопомѣстные). Часа два провелъ я среди этого почтеннаго семейства. Разговаривали болѣе тоже о крестьянскомъ дѣлѣ, о разныхъ по мѣстамъ безпорядкахъ крестьянскихъ, о которыхъ печатались тогда извѣстія въ газетахъ.

Меня непріятно поражала раздражительность или, сказать точнѣе, какая-то болѣзненность, съ которою въ этомъ обществѣ относились къ крестьянскому вопросу. Мнѣ было извѣстно, что между мѣстными крестьянами не происходило никакихъ безпорядковъ. Развѣ не было-ли чего въ помѣстьи этого господина, въ его губерніи,—подумалъ я, разумѣя зятя гостепріимной хозяйки. Я его прямо спросилъ объ этомъ.

— Слава Богу, пока ничего особеннаго не случилось, отвѣчалъ онъ.

Я не удержался отъ новаго вопроса: неужели довольно распространено между помѣщиками такое настроеніе, похожее какъ будто на разбереженную болѣзненность?

— Да, особенно между живущими въ самыхъ помѣстьяхъ, отвѣтилъ господинъ. И что тутъ удивительнаго? Прежнія отношенія между помѣщиками и крестьянами порваны, новыя не установились, интересы тѣхъ и другихъ сталкиваются въ неизбѣжной борьбѣ. А главное, болѣзненность наша разбережи-вается (если выразиться по вашему) просто пустяками. Изволите видѣть, намъ, а особенно нашимъ барынямъ, вотъ-вотъ такъ и видится и мерещится, что прежніе-то рабы предъ прежними-то владыками поднимаютъ носъ. Богъ вѣсть, когда разхлебается совсѣмъ эта каша, доставшаяся на нашу долю.

— Что тутъ видится и мерещится? замѣтила съ живостію жена этого господина. Мужики смотрятъ просто министрами, даже горничныя норовятъ въ англійскія лэди.

При этомъ барыня разсказала нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ ясно было видно, что горничныя норовятъ, въ самомъ дѣлѣ, въ лэди, а мужики серьезно смотрятъ министрами.

— Вотъ и разберите эту кутерьму, сказалъ самъ баринъ, разсмѣясь на одинъ изъ разсказанныхъ, довольно забавныхъ случаевъ. Но и въ самомъ смѣхѣ этого господина слышалось что-то болѣзненное или горькое. Мнѣ ясно было, что эти дворяне считали себя, по крестьянскому дѣлу, какъ будто обиженными. Я рѣшился взяться, на сколько возможно мнѣ, подорвать, въ ихъ глазахъ, самыя основанія такой болѣзненной настроенности,

которая нравственно портила прекрасное ихъ дѣло (не говорю уже о другихъ вредныхъ ея послѣдствіяхъ).

— Вы ужъ разобрали, въ чемъ дѣло въ этой кутерьмѣ,— отозвался я на слова собесѣдника. При такой перемѣнѣ вѣковыхъ отношеній, при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ интересовъ той и другой стороны, ну, и при грубой притязательности деревенскихъ нашихъ министровъ и лэди, чего-чего не можетъ быть? Но все-же, признаюсь вамъ, нынѣшнихъ дворянъ я считаю избранными счастливцами, что на ихъ долю выпало принять самое близкое и дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, съ какими-бы тревогами оно ни соединялось.

Господинъ слушалъ меня серьезно, а барыни посмотрѣли на меня съ удивленіемъ или недоумѣніемъ.

— Я разумѣю то, продолжалъ я, что на вашу долю, на долю нынѣшнихъ дворянъ, досталось признать не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, стоющемъ многихъ тревогъ, не докучныхъ только, но и серьезно озабочивающихъ,—признать своихъ крестьянъ, которыми владѣли во многихъ отношеніяхъ какъ-бы вещью, свободными отъ такой зависимости, какъ не приличной человѣческому и христіанскому ихъ достоинству. Этимъ далъ вамъ Господь оправдать торжественно и всенародно и ваше дворянское благородство, и вашу образованность, и самую вашу вѣрность вѣрѣ православной. Почтить Христа Бога нашего въ лицѣ образа Его, въ лицѣ общниковъ Его, меньшихъ Его братіи, свободно отказавшись отъ вѣковаго права собственности въ отношеніи къ ихъ личности, и отъ всѣхъ привычекъ и интересовъ этого права,—это достойно истинныхъ христіанъ православныхъ. Самопожертвованіе по дѣлу общественнаго блага (говорю о дворянскомъ пожертвованіи разными интересами и привлекательнымъ для эгоизма властительствомъ, при уничтоженіи крѣпостной зависимости), это достойно истинно высокаго благородства. Разумное и свободное соотвѣтствіе помѣщиковъ мысли Государя, вызвавшаго ихъ къ освобожденію крестьянъ и къ обсужденію этого многосложнаго дѣла со всѣхъ сторонъ, достойно гуманнаго и основательнаго образованія. Потому я и смотрю на все это дѣло, какъ на великую милость и благодать Божію, не только

въ отношеніи къ крестьянамъ, но и къ самимъ дворянамъ-помѣщикамъ, которыхъ поэтому я и называю избранными счастливцами. Вы видите, что я не рѣчь похвальную читаю вамъ, а только объясняю свое убѣжденіе, что для дворянъ-помѣщиковъ нѣтъ разумнаго основанія къ болѣзненному недовольству по крестьянскому дѣду, напротивъ—есть за что благодарить Бога. Надобно имъ дорожить доставшимся имъ счастіемъ и бодро довершать благородное дѣло.

Хозяйка-старушка и ея дочь дѣвица отвѣчали на мои слова уже замѣтнымъ сочувствіемъ, выражавшимся въ ихъ глазахъ; а жена пріѣзжаго изъ другой губерніи помѣщика только посмотрѣла на своего мужа, какъ будто съ вопросомъ: «ну, что ты на это скажешь»?—Конечно, конечно такъ, замѣтилъ этотъ баринъ,—только съ точки зрѣнія религіозной, а не съ нашей грѣшной, житейской.

— Истинная религія, замѣтилъ и я съ своей стороны, содержитъ истину и для житейской среды; въ нашей святой религіи—надежды всего истинно-лучшаго и для здѣшней жизни, а не для одной только будущей. Но для меня удивительно, что вы уклоняетесь отъ сказаннаго мною, тогда какъ я говорилъ истины, кажется, не горькія, а особенно лестныя для васъ.

Молодая дочь хозяйки—дѣвица улыбнулась и проговорила:

— Совѣсть, видите, подсказала, что прекрасно было-бы быть такими нравственными счастливцами, какъ вы говорили, да на дѣлѣ-то не совсѣмъ мы таковы. Много житейскаго, грѣшнаго у насъ и говорится и думается, а, можетъ быть, и дѣлается по этому вопросу.

Старушка мать подтвердила слова своей дочери. Зять молчалъ: жена смотрѣла на него съ какой-то полуулыбкой, какъ будто говорила: «вѣдь правда»?

— Но все-таки,—сталъ опять говорить я, не беру своего слова назадъ. У меня былъ одинъ знакомый, который едва-ли отказывалъ, какому ни есть, нуждающемуся просителю, если сколько-нибудь былъ въ состояніи помочь его нуждѣ. Не знаю, отъ дурной-ли привычки или отъ чего другаго,—только этотъ господинъ, дѣлая добро, ужасно сердился и жестоко упрекалъ

того, кому благодѣтельствовалъ. Что-же? Добро вѣдь все-же онъ дѣлалъ другимъ. Простолюдины вѣрно и мѣтко отзывались о немъ: «онъ тебя облаетъ хуже собаки, а все ужъ облаготворитъ». Такъ точно даже и тѣ изъ помѣщиковъ, которые, отпуская крестьянъ, сердятся и бранятся по обиженному своекорыстію или по другой причинѣ,—и такіе, тѣмъ не менѣе, оказываютъ на дѣлѣ милость и благодѣяніе крестьянамъ, если они отказались въ отношеніи къ ихъ личности отъ права собственности. Значитъ, и они не совсѣмъ выходятъ изъ ряда тѣхъ нравственныхъ счастливцевъ, какими благодать Божія дѣлаетъ своихъ избранниковъ, давая имъ именно счастіе доказывать на дѣлѣ свое братство съ имѣющими низшую земную долю.

— Это, безспорно, истинное счастіе!—сказала съ одушевленіемъ барышня. Но жалкое дѣло имѣть такую только долю въ этомъ счастіи, какую имѣютъ наши N и NN. Они такъ злятся на крестьянъ и на уничтоженіе крѣпостнаго права, что, кажется, готовы были-бы пристать, по своему настроенію, къ самымъ яростнымъ радикаламъ. Конечно, все это больше на словахъ; а на дѣлѣ-то и они, разумѣется, не задержали своихъ крестьянъ въ крѣпостной неволѣ....

— Есть, пожалуй, отвѣтилъ я,—между помѣщиками великіе несчастливцы и по самымъ дѣламъ, одинъ слухъ о которыхъ можетъ ожесточать бѣднаго мужичка: вотъ, напримѣръ, разсказываютъ о В., какъ онъ, заведя у себя чуть не погребокъ всякихъ заморскихъ винъ, умѣлъ заставить плясать подъ свою дудку и мировыхъ, что-ли, тамъ у васъ, и потому гнетъ мужиковъ хуже прежняго, раззоряетъ до основанія цѣлые домы, отводитъ участки крестьянамъ версты за четыре отъ ихъ жилья, чтобы и послѣ имѣть возможность держать бѣдныхъ въ ежевыхъ своихъ рукахъ. Это ужъ несчастье изъ несчастій! Зато есть у васъ и такіе, какъ вашъ сосѣдъ С., о которомъ я уже слышалъ, что онъ своими распоряженіями объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, въ своемъ помѣстьѣ, упредилъ самыя рѣшенія вашихъ комитетовъ. Когда что нибудь важное дѣлается цѣлой массой общества, то слава Богу, если въ немъ, какъ въ здоровомъ тѣлѣ, находятся избраннѣйшіе органы высокой мысли и

благородныхъ движеній, этотъ мозгъ и сердце въ организмѣ всей массы. Нужно быть и такимъ органамъ,—въ которыхъ, какъ въ желудкѣ, переваривались бы всѣ практическія неудобства и разныя столкновенія интересовъ по устрояемому дѣлу, въ которыхъ перебродилось бы все, относящееся въ общественной массѣ къ безсознательности, неразумности, къ инерціи. Тутъ, конечно, найдется мѣсто и вашимъ NN и моему несчастному В. И если Богъ дастъ этому общественному тѣлу совершить свое великое дѣло, хотя только въ главномъ отношеніи, то слава Богу за все тѣло! Честь и счастіе, хотя въ общемъ, всему его составу! Само собою разумѣется, что въ нравственномъ тѣлѣ отъ доброй воли самихъ членовъ зависитъ быть органами отправленій, или болѣе достойныхъ разумности, или менѣе благородныхъ.

— Честь и счастіе всему нравственному тѣлу дворянскаго общества! чуть не вскрикнулъ пріѣзжій изъ другой губерніи зять хозяйки. Но, говоря по чистой правдѣ, надо намъ признаться, что не будь рѣшительной, твердой мысли и энергической воли Государя объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—наша дворянская масса, и съ органами своихъ благородныхъ движеній, еще слишкомъ была бы далека отъ того, чтобы не только дружно совершить это освобожденіе, но и приняться за такое дѣло общими силами. Доказательство тому —это броженіе духа, не установившееся въ нашемъ большинствѣ, по этому дѣлу, еще и до сихъ поръ.

— Что-же изъ этого слѣдуетъ? спросилъ я, удивляясь внутренно правдивости этого господина.—Изъ этого слѣдуетъ только то, что самодержавная мысль и воля, по этому великому дѣлу, блистательно явилась такою, движущею общественный нашъ организмъ, жизненною силою, которую мы должны беречь и охранять во всемъ неограниченномъ ея просторѣ, для собственнаго нашего блага. Вѣдь много еще дѣлъ и предметовъ правды и добра предлежитъ Россіи, и выяснять и выполнять общими силами для себя, а можетъ быть и для прочаго міра; а всенародной массѣ, всеконечно, несравненно труднѣе единодушно направиться къ чему-бы-то ни было, нежели массѣ одного

сословія.... Все-же слава Богу и счастье намъ, что у насъ, съ одной стороны, есть эта жизненная сила, которая имѣетъ неограниченное право соединить и подвинуть насъ къ нужному и высокому, хотя-бы и трудному, дѣлу, а, съ другой стороны, не оскудѣваетъ еще готовность и самой массы соотвѣтствовать этой силѣ. Сказать тоже ближе къ предмету нашего разговора: благословенно и счастливо нынѣшнее дворянство, что на его именно долю выпало, по самодержавной мысли и вели Государя, это трудное, требующее пожертвованія многими выгодами, дѣло уничтоженія крѣпостной зависимости. Есть для васъ всѣ основанія къ тому, чтобы, съ благодарностію за такое высокое призваніе, съ бодростію, безъ всякой этой болѣзненности недовольства, довершать все нужное по этому дѣлу.

— Такъ, такъ, сказалъ господинъ. Но, какъ хотите,—неизбѣжно тяжелое настроеніе духа, если, принимая болѣе или менѣе на свои плечи тяжесть этой великой перемѣны нашихъ отношеній къ крестьянамъ, встрѣчаемъ жосткое недовѣріе или грубую притязательность этихъ министровъ въ зипунахъ. Укажите, если можете, средства и мѣры въ отвращеніе или облегченіе этой нашей болѣзненности.

— Вы—православные, отвѣчалъ я. Дѣлайте же это дѣло какъ слѣдуетъ, по-православному, и вы сами откроете нужныя на больное ваше мѣсто врачебныя средства. Спаситель нашъ прямо сказалъ, что всякое добро, какое дѣлается для меньшихъ Его братій, дѣлается или оказывается Ему самому (Матѳ. XXV. 34—48). Ну, такъ всякое добро или пожертвованіе, которое съ вашей стороны требуется по дѣлу уничтоженія крѣпостной зависимости,—и дѣлайте прямо для самаго нашего Господа. Развѣ это трудно для православныхъ?—Если же вы будете именно въ этомъ духѣ дѣйствовать по крестьянскому вопросу— васъ, пожалуй, и не возмутятъ недовѣрчивость или грубыя выходки сермяжныхъ министровъ. Вы вѣдь самому Господу посвящаете ваше добро; Онъ самъ и принимаетъ это добро, которое у Него навѣрное не затеряется. Да кромѣ того, благодать Господня, привлекаемая такою вѣрою вашею, сильнѣе и вѣрнѣе всякаго другаго средства можетъ смягчать грубость и жестокость му-

жицкую. Самыя пожертвованія, дѣлаемыя вами по этому (крестьянскому) вопросу для самаго Господа, будутъ болѣе и болѣе обращаться вамъ въ прямую пользу и даже въ сладость; вѣрѣ и любви къ Господу вѣдь радостно понести для Него такую тяготу. Наконецъ, и это главное,—дѣйствуя на такомъ благодатномъ основаніи, можете быть увѣрены, что на мѣсто прежнихъ отношеній къ крестьянамъ понемногу сформируются въ самой жазни и дѣйствительности новыя, болѣе достойныя и благотворныя, отношенія. Вѣдь, дѣйствуя въ такомъ благодатномъ духѣ, будете и себѣ присвоять благодать самаго Господа человѣколюбца и привлекать Его Духъ на новое положеніе крестьянъ. Можетъ быть, именно черезъ это и узнаете опытно, какова сила и свѣтъ православія,—этого сокровища, сокровеннаго или мало извѣстнаго для многихъ, многихъ православныхъ.

Барыни слушали меня, казалось мнѣ, съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Баринъ размышлялъ и, по окончаніи моихъ рѣчей, вотъ что сталъ мнѣ говорить (и слова его, признаюсь, глубоко падали въ мое сердце, возбуждая во мнѣ именно такое движеніе, которое излилось въ извѣстной церковной пѣсни: *Едине вѣдый человѣческаго существа немощь и милостивно въ не воображся, препояши мя съ высоты силою):*

— Простите, батюшка, меня грѣшнаго, ради Бога. Безцѣнны, свѣтлы, сладки ваши мысли и слова. Но я все-таки по совѣсти какъ предъ Богомъ скажу, что со *святой* точки зрѣнія все это, дѣйствительно, такъ и должно, и можно, и даже не трудно дѣлать, какъ вы сейчасъ сказали. Но какъ намъ быть съ своей-то *грѣшной* точкой зрѣнія? Вѣдь нашъ братъ небогатый помѣщикъ остался теперь, по большой части, просто какъ ракъ на мели. Ну, да я самъ, положимъ, еще прежде былъ не прочь отъ того, чтобы запрячь лошадь своими руками и ѣздить въ кожаныхъ (изъ простой сапожной кожи) перчаткахъ или рукавицахъ на деревенской телѣгѣ и саняхъ, безъ всякихъ тамъ кучеровъ. Могу, значитъ, быть и чернорабочимъ. А онѣ-то что (онъ при этомъ указалъ на барынь)? Вотъ онѣ съ вами теперь отъ всего сердца согласны во всемъ, что вы ни сказали. Но, при первомъ случаѣ нужды и недостатковъ въ чемъ либо

привычномъ, не говоря уже о болѣе существенныхъ недостаткахъ, онѣ совсѣмъ другое запоютъ. Я ихъ и не упрекаю. Надѣюсь, что и вы за это не будете слишкомъ строги къ намъ, если припомните, что и въ монастыряхъ, случалось даже въ святой древности, братія сѣтовали, роптали даже на величайшихъ Божіихъ угодниковъ въ случаѣ недостатковъ въ жизненныхъ потребностяхъ. Что вы на это скажете, если хотите излечить самое больное мѣсто наше?

Все это сказано было съ выраженіемъ заботливой и скорбной думы, такъ что и я задумался и молчалъ.

— Скажу, прежде всего, наконецъ отвѣчалъ я, тоже, что, въ случаѣ сѣтованія и ропота братіи на жизненные недостатки, припомянутаго вами, говаривали имъ Божіи угодники, лучшіе вразумители и для насъ. Если Богъ и ветхозавѣтнаго жестоковыйнаго Израиля не оставлялъ въ жизненныхъ его потребностяхъ (особенно на страннническомъ его пути изъ Египта) и самъ устроивалъ гражданскій его бытъ, то какъ Онъ оставитъ новозавѣтнаго Израиля (*) въ его гражданскомъ бытѣ и особенно въ такихъ жизненныхъ его нуждахъ и затрудненіяхъ, которыя произошли отъ пожертвованія для братьевъ-крестьянъ?

— Такъ, такъ,—перебилъ мою рѣчь баринъ. Но вы опять по своему. Ради самаго Господа, снизшедшаго къ намъ въ грѣшный нашъ міръ, низойдите до нашей простой, житейской точки зрѣнія. Она не замаретъ васъ своею грѣховностію, если сдѣлаете ваше снисхожденіе ради Господа.

— Точку зрѣнія *политической экономіи*, что-ли, вы разумѣете? спросилъ я.

— Ну да, да, проговорилъ онъ съ необыкновенною живостію.

— Я именно и началъ вамъ говорить съ этой самой точки зрѣнія (какъ говорилъ отчасти и прежде),—замѣтилъ я.—Вѣдь *политическая экономія* въ нашемъ христіанскомъ мірѣ, скажемъ хотя примѣнительно, и есть ни что иное, какъ раскрытіе или выясненіе, въ приложеніи къ новымъ условіямъ и жизненнымъ нуждамъ нашего міра, той самой владычественной

(*) Подобное говорилъ ропщущей братіи именно пр. Сергій.

надъ всѣмъ истины, которая въ древнемъ мірѣ, и именно въ ветхозавѣтномъ Израилѣ, сообразно тогдашнимъ его условіямъ и нуждамъ, развила и утверждала политическій его бытъ. Раскрытіе или выясненіе, разумѣется, только самой силы и существа этой истины, а не внѣшнихъ формъ, раскрытіе самодѣятельное, потому что съ ветхимъ завѣтомъ кончено и время для рабскаго, несамодѣятельнаго, духа ветхозавѣтнаго. Вы испугались только непривычнаго, по этому предмету, образа выраженія. Точку зрѣнія *политической экономіи* несправедливо называть грѣшною.

— Какъ тамъ хотите, отвѣчалъ онъ, очевидно нимало не вдумываясь въ мои слова. Укажите что нибудь отрадное для насъ, дворянъ, по крестьянскому дѣлу, съ точки зрѣнія *политической экономіи*,—наглядно-отрадное и въ настоящемъ, а не что нибудь отдаленное.

— Да вотъ что скажу вамъ. Вы, примѣчаю я, не любитель отвлеченныхъ мыслей; поэтому мою мысль начну развивать разсказомъ объ одномъ случаѣ. Въ бытность мою на службѣ въ Московской академіи, которая помѣщается въ самой оградѣ Троице-Сергіевой лавры, однажды совсѣмъ нежданно посѣтилъ меня мой товарищъ по Тверской семинаріи.—Какими судьбами, спрашиваю его послѣ первоначальныхъ братскихъ привѣтствій, попалъ сюда?—«Пріѣхалъ съ помѣщикомъ, говоритъ, у котораго учу дѣтей».—Чтожъ онъ въ Москву, что-ли, ѣдетъ?—«Нѣтъ, говоритъ, только до здѣшней лавры; пріѣхалъ со всѣмъ семействомъ на богомолье». Признаюсь вамъ, я искренно было порадовался проявленію такого благочестія въ цѣломъ помѣщичьемъ семействѣ и высказалъ это своему товарищу.—«Радоваться нечему, отвѣчалъ мой товарищъ сердито. Это не богомолье, а глупѣйшая насмѣшка надъ богомольемъ. Не говорю ужъ о томъ, что мы ѣхали (или, точнѣе, прогуливались дорогою) съ кулькомъ бутылокъ и съ цѣлой кухней. Представь себѣ вотъ еще что: всю дорогу, болѣе ста верстъ, баринъ только тѣмъ и занимался, что кощунствовалъ и богохульничалъ, втягивая меня въ разные споры о Церкви, о православіи, о Св. мощахъ, о священствѣ».—Чтоже, спрашиваю, этотъ невѣръ развѣ чело-

вѣкъ начитанный, образованный?—«Какое образованіе! Я только и видалъ его почти за однимъ чтеніемъ—«Московскихъ вѣдомостей». Выписываются и «Отечественныя Записки» и нѣкоторые романы, но ихъ читаемъ только я, барыня, да ея сестра дѣвица. Все его невѣріе держится, кажется мнѣ, на двухъ-трехъ разговорахъ съ какимъ нибудь богохульникомъ вольтеріанскаго направленія. Да, пожалуй, онъ и не невѣръ, хотя кощунствуетъ порою рѣшительно надъ всѣмъ святымъ. Онъ говѣетъ каждый великій постъ и въ это время молится, кажется, до синяковъ на лбу, я замѣчалъ даже и ручьи слезъ у него за молитвой. Но случалось, что и въ самый день причастія Св. таинъ онъ начнетъ кощунствовать. Онъ и человѣкъ не злой, а добродушный и откровенный».—Удивительно, говорю. Какъ же все это согласить въ одномъ человѣкѣ? «Да просто, отвѣчаетъ товарищъ,—съ жиру бѣсится. Сердце-то у него хоть и доброе, да въ умѣ-то пусто; а денегъ и всего прочаго отъ 700 душъ крѣпостныхъ получается вдоволь, дѣлать рѣшительно нечего,—ну, и вечера съ знакомыми или у знакомыхъ надо же хоть чѣмъ нибудь наполнить,—вѣдь скука смертная, если ничего дѣльнаго не приходится ни сказать, ни подумать. Вотъ и начнетъ изрыгать хулы на Бога и на Святыхъ Его, какъ сбѣсившійся съ жиру весь какой» —Видно, онъ доѣлъ тебя, замѣтилъ я. По-крайней-мѣрѣ онъ беретъ-ли предосторожность, чтобы дѣти не слыхали отъ него богохульства и кощунства?—«Въ томъ-то и горе мое, отвѣчаетъ товарищъ—учитель его дѣтей,—что, когда этотъ баринъ бываетъ въ духѣ богохульства, онъ нарочно старается, чтобы его слышали и понимали дѣти его и жена съ своей сестрой—дѣвушкой. И изволь при этомъ учить дѣтей, выучившихся уже кощунствовать надъ святыней. Ну, и выходятъ эти несчастные какими-то полупогибшими во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но неужели, спрашиваю, не видишь и средства остановить зло?—«Только одно, отвѣчаетъ,—именно поставить бы этого бѣсящагося съ жиру барина въ необходимость доставать хлѣбъ себѣ и семейству собственнымъ трудомъ, какъ рабочаго. Изъ него навѣрное вышелъ бы дѣльный человѣкъ и дѣти его

готовили бы честь, а не позоръ, нашей матушкѣ Россіи».— Вотъ и весь мой разсказъ! Вы, конечно, согласитесь, что въ моемъ разсказѣ выставлена одна изъ безчисленныхъ ступенекъ той огромной лѣстницы пустоты, праздности, легкомыслія, жестокости, усыпленія всѣхъ силъ, и пр. и пр., которая строилась довольствомъ и преизбытками помѣщиковъ, ничего имъ не-стоющими. Разсудите-же теперь сами вы, отецъ семейства, неужели нѣтъ для дворянскаго сословія вѣрнаго *расчета* въ томъ, чтобы, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, отнять у себя и у дѣтей своихъ поводы и средства стать на ту или другую ступеньку этой несчастной лѣстницы, гдѣ и съ лучшими дарованіями и образованіемъ такъ легко было дѣлаться небоконтителемъ, трутнемъ.... Современная политическая экономія вѣдь ужъ поняла всю нелѣпость, неправоту и вредность тѣхъ порядковъ и понятій, по которымъ достоинство трудиться и работать, одно только дающее взрослому человѣку право на пользованіе пищею и другими жизненными потребностями, (*) признавалось-бы вовсе не почтеннымъ удѣломъ извѣстныхъ только низшихъ классовъ, а тунеядная праздность, пользующаяся готовыми задаромъ средствами, считалась-бы почтеннымъ и завиднымъ достояніемъ избранныхъ (вотъ ужъ именно несчастное избранничество). Сообразите все это,—и вы согласитесь со мною, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости можетъ, при благословеніи Божіемъ и вашемъ соотвѣтствіи ему, оказаться освобожденіемъ и многихъ дворянъ тоже отъ *кабальнаго* въ разныхъ отношеніяхъ положенія.... Такъ-ли это,—заключилъ я, смотря на барина,—такъ-ли съ той точки зрѣнія, которую вы считаете болѣе близкой въ себѣ?... Впрочемъ, вы не отдѣляйте этой точки зрѣнія отъ истины, которою, и въ отношеніи къ средамъ житейскимъ, владѣетъ православное христіанство.

Господинъ уже не возражалъ а только выражалъ желаніе и настоятельную нужду, чтобы истина, Богъ далъ, болѣе и болѣе

(*) „Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ сказано въ самомъ словѣ Божіемъ (2 Сол. III, 10).

да и скорѣе выяснялась для нашего общества и всего народа православнаго...

Разговоръ нашъ въ этомъ-же родѣ или о томъ-же предметѣ продолжился. Взяты были во вниманіе разныя частныя или личныя затрудненія для дворянъ-помѣщиковъ. Наконецъ, я простился съ этимъ семействомъ, свѣтлѣе уже, какъ мнѣ видѣлось, хотя и озабоченно, смотрѣвшимъ на крестьянское дѣло.

Вотъ еще третій случай или третья случайная бесѣда по тому-же вопросу. Это было ужъ зимою. Одинъ изъ пригородныхъ сельскихъ священниковъ, близко мнѣ знакомый, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ, въ день своего Ангела. Въ домѣ именинника нашелъ я еще двоихъ или троихъ сосѣднихъ священниковъ. Познакомясь съ ними, я узналъ, что приходы ихъ, какъ и хозяина дома, состояли или вполнѣ, или частію изъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Среди угощенія радушнаго хозяина и его жены, мнѣ случилось высказать одному изъ священниковъ гостей свое мнѣніе, что въ приходѣ изъ временно-обязанныхъ, вѣроятно, встрѣчаются священнику особыя трудности въ нынѣшнее время.

— Что и говорить!—отвѣчалъ мнѣ сельскій батюшка, и разсказалъ, что онъ никакъ не добьется отъ своихъ временно-обязанныхъ прихожанъ, чтобы они привезли для отопленія храма Божія дровъ изъ готовыхъ, притомъ помѣщичьихъ полѣнницъ. Другой разсказалъ, какъ у него временно-обязанные прихожане одной деревни, которыхъ «не уважилъ» въ чемъ-то староста церковный, заподозрили его въ невѣрномъ употребленіи подаяній ихъ въ церковь и съ мужицкою грубостію требовали обревизовать или повѣрить его, какъ деревенскаго конторщика. «Я имѣлъ право, говорилъ этотъ священникъ, отказать мужикамъ, какъ сующимся не въ свое дѣло. Но чтобы оправдать честнаго старосту, не давая дѣлу идти или затянуться,—я долженъ былъ вмѣстѣ съ моими горластыми прихожанами пересмотрѣть, со счетами въ рукахъ, наличную церковную сумму и всѣ записки у церковнаго старосты, за цѣлые два года этой его службы. Да что ужъ тутъ? И самъ, признаюсь, изъ-за мужицкихъ толковъ, что все будто держу руку помѣщика, опасаюсь

и посѣщать его; не смотря на наши добрыя взаимныя отношенія, бываю у него ужъ изрѣдка». Третій разсказалъ, что, напротивъ, въ его приходѣ помѣщикъ, на какія-то просьбы и требованія для церкви отозвался на-прямки: «теперь, батюшка, намъ не до васъ и вашей церкви; у насъ самихъ теперь нуждъ и хлопотъ просто до-зарѣза!»

Мнѣ, признаюсь, сгрустнулось отъ такого положенія вещей, по крестьянскому дѣлу, въ отношеніи къ церкви. Изъ разсказанныхъ фактовъ ясно было, что не только не думаютъ иные искать благодатнаго настроенія, по этому дѣлу, въ церкви Божіей, но въ своихъ настроеніяхъ и хлопотахъ, по тому-же дѣлу, или совсѣмъ бѣгутъ отъ церкви, или не прочь сдѣлать, въ чемъ можно, нападеніе и на нее самое хотя бы только грубой выходкой.

— А слово церковнаго ученія какъ дѣйствуетъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ? спросилъ я своихъ собесѣдниковъ. Здѣсь встрѣчаются, думаю, новыя и еще болѣе тяжелыя трудности, когда приходится вамъ касаться крестьянскаго-то вопроса?

— Съ этой стороны, отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ священниковъ, особенныхъ затрудненій, кажется, не представляется намъ. Входить въ крестьянскій вопросъ намъ нечего; не наше дѣло. Въ нужныхъ случаяхъ мы знаемъ, въ отношеніи къ тому вопросу, одну святую и простую тему: *воздадите всѣмъ должная: «кому оброкъ, оброкъ»* и пр. или: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.*

— У меня, пожалуй,—прибавилъ отъ себя другой батюшка,—по моимъ близкимъ отношеніямъ къ помѣщику, всегда въ глазахъ—вся эта суматоха крестьянскаго дѣла. Но это до меня не касается. Все это дѣло міра сего. А Христосъ сказалъ: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего.*

Мнѣ еще стало грустнѣе и тяжелѣе на душѣ. Какъ-то сами собою сближались слова священника о дѣлѣ своихъ прихожанъ: «это до меня не касается», съ словами помѣщика-прихожанина священнику: «теперь, батюшка, намъ не до васъ» и пр. Сближеніе тѣхъ и другихъ словъ не давало отрадныхъ мыслей. Мнѣ думалось: тѣ и другія слова и сообразныя имъ дѣйствія не вы-

зываются ли и не поддержпаются ли взаимно одне другими?— Это я и высказалъ нашему обществу, когда хозяинъ настоятельно просилъ меня сказать хоть что-нибудь о слышанномъ мною. Это оказалось зерномъ всего дальнѣйшаго нашего собесѣдованія.

— «Разумѣется, служитель церкви о людяхъ, которымъ нѣтъ дѣла до насъ и церкви, вправѣ сказать тоже, что и ихъ дѣло до него не касается.—Такъ сейчасъ-же отозвался на мои слова тотъ священникъ, который предъ тѣмъ говорилъ: «это до насъ не касается».

— Ну, а если,—возразилъ я,—служитель церкви сказалъ-бы это безразлично какъ о тѣхъ, которымъ нѣтъ дѣла или заботы о церкви, такъ и о тѣхъ (помѣщикахъ или крестьянахъ), которые еще вѣрны и преданы святой церкви? Вѣдь, пожалуй, нѣкоторые нетвердые и изъ послѣднихъ будутъ переходить къ первымъ, когда до насъ—служителей Христовыхъ, до нашего сердца и служенія, не будетъ «касаться» ихъ *утружденіе и обремененіе* въ здѣшней жизни.... А Спаситель говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи и Азъ упокою вы.*

Священникъ, еще изъ довольно молодыхъ, слегка покраснѣлъ, но сейчасъ-же оправился и съ скромнымъ достоинствомъ началъ говорить.

— Я увѣренъ,—вы не подумаете, чтобы я хотѣлъ только спорить съ вами. Мнѣ желательно, да и крайне нужно, выяснить себѣ, какъ намъ, священникамъ, не вмѣшиваясь въ чужое и мірское дѣло, можно и должно ближе и озабоченнѣе слѣдить затрудненія и ходъ крестьянскаго дѣла, нежели только при особенныхъ случаяхъ, развивая общую тему о *воздаяніи всѣмъ должнаго*—оброка, чести и пр. под. Не откажитесь, ради Бога, поговорить съ нами объ этомъ, но при томъ дозвольте и намъ полную свободу высказываться.—Въ доказательство-же, что не ради пустаго спора завожу съ вами рѣчь объ этомъ, я откровенно признаюсь вамъ, что наши православные мужички, при нашихъ рѣчахъ о повиновеніи или выполненіи долга предъ высшими, слишкомъ явно заподозрѣваютъ насъ въ

пристрастіи къ помѣщикамъ. «Извѣстно—говорятъ, напримѣръ, обо мнѣ,—баринъ у него ребятъ креститъ. Ну такъ батюшка нашъ и держитъ барскую руку!» Потому-то и святая тема: *воздадите всѣмъ должная* и т. п., просто парализируется въ нашихъ устахъ. Самъ чувствуешь и видишь, что подобное слово нашего ученія—для нашихъ слушателей большею частію какъ къ стѣнѣ горохъ. Не знаешь, что и дѣлать.

— Да нечего грѣха таить—замѣтилъ и другой священникъ,—у насъ часто «въ очію совершается» картина, бывшая на петербургской выставкѣ: «Проповѣдь въ селѣ». Только здѣсь не въ томъ одномъ дѣло, что слушающій проповѣдника народъ «плохо смыслитъ въ томъ, что говорятъ ему», какъ протолкована въ одномъ журналѣ эта картина (*) Не держатъ-ли на умѣ мужики, что все-де барскую руку держитъ проповѣдникъ? Не отъ того-ли болѣе происходитъ эта безучастная ихъ тупость, когда проповѣдуемъ имъ о повиновеніи властямъ?

При этомъ я, къ крайнему сожалѣнію, примѣтилъ, что двое изъ отцевъ, явно—не читавшіе журналовъ, начали смотрѣть тоже съ какимъ-то соннымъ безучастіемъ. Хозяинъ это сейчасъ замѣтилъ, и словами: «эхъ, хозяйка, забыла дорогихъ гостей»,—поспѣшилъ позвать жену свою на помощь для оживленія гостей извѣстными угостительными просьбами попробовать того, выпить этого, а самъ продолжалъ завязавшійся разговоръ:

— Бываетъ и хуже безучастной тупости. Вѣдь, выходящій изъ-подъ неволи человѣкъ не вдругъ пойметъ цѣну *личнаго* своего освобожденія. Ему дорога особенно земля; а земля—помѣщичья. За землю требуется прежній оброкъ Да и мы тутъ толкуемъ одно только: *воздадите должная*. «Въ чемъ-же воля»? спрашиваетъ мужикъ. «Быть-же не можетъ, разсуждаетъ онъ, чтобы царь, объявляя волю, оставлялъ насъ совсѣмъ, почитай, по прежнему въ неволѣ. Бары безпремѣнно обманываютъ, а попы ихъ руку держатъ». И вотъ вамъ уже не картина: «проповѣдь въ селѣ», а цѣлая несчастная исторія Антона Петрова въ Спас-

(*) Картина представляетъ въ сельскомъ храмѣ и проповѣдующаго и слушающихъ какъ-то тупо, точно будто по казенному только долгу: тема проповѣди: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*.

скомъ уѣздѣ Казанской губерніи и такихъ-же безпорядковъ въ другихъ мѣстахъ, или печальные виды какого-то подавленнаго недовольства, бродящаго между многими временно-обязанными.

Слушая это, я не могъ не дивиться проницательности и тонкому здравому смыслу нашего имянинника.

— Боже мой! Боже мой!—Что-же намъ тутъ дѣлать! спрашивалъ серьезно озабоченнымъ тономъ священникъ, говорившій сначала, что до него не касается вся эта тяжелая, по мѣстамъ, суматоха крестьянскаго дѣла.

— Все помаленьку уладится, сказалъ другой священникъ довольно безпечно.

— Такъ,—подтвердилъ я съ своей стороны,—но только подъ слѣдующимъ непремѣннымъ условіемъ: если не оставитъ насъ Божія милость и благодать. А вы именно и служите Божіей благодати; ваше дѣло и есть по преимуществу, какъ призывать милость Божію къ людямъ, такъ и стараться объ усвоеніи ея людьми, объ упроченіи ея за ними во всякомъ, и особенно важномъ, дѣлѣ.

— Для этого мы *молимся* о благословеніи крестьянскаго дѣла, замѣтилъ кто-то.

— Слава Богу! отвѣчалъ я, молитвою вы призываете милость Божію на это дѣло; но надо еще выяснять ее людямъ, чтобы они могли прочно ее усвоить себѣ.

— Такъ, такъ! съ живостію перебилъ меня священникъ, который передъ тѣмъ вызывалъ меня какъ будто на состязаніе. Но какъ при этомъ намъ избѣгнуть опасности впутываться въ дѣла мірскія? Вѣдь самъ Господь сказалъ: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего.*

Примѣтно, этотъ батюшка на приводимомъ имъ уже не въ первый разъ словѣ Христовомъ о вышемірномъ Его царствѣ крѣпко было успокоивалъ свое духовное безучастіе къ великому гражданскому дѣлу Россіи.

— Обращали-ли вы, батюшка, особенное вниманіе ваше на то, какъ Господь доказываетъ эту Свою истину, что царство Его не отъ міра сего? «Если-бы отъ міра сего было царство Мое, говорилъ Онъ, стоя Самъ на судѣ предъ римскимъ про-

куратором, то служители Мои подвизались-бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ» (Іоан. XIX, 36). Господь, по предательству Собственнаго ученика, былъ тогда въ рукахъ враждебной Ему, тогдашней *духовной*, власти Іудеевъ, которые, во враждебное отношеніе къ Нему усилились и успѣли поставить и самую свѣтскую власть языческаго (римскаго) правительства; не видно было никого и изъ вѣрныхъ учениковъ, кто-бы держалъ Его сторону открыто предъ Его врагами: это-ли, какъ-бы такъ Онъ говорилъ, это-ли Царь отъ міра сего? Міръ сей, готовый, и съ гражданской и съ духовной стороны, распять Христа, измѣнически выдавшій Его и со стороны ближайшихъ Его послѣдователей, очевидно—ни мало не находился въ отношеніи ко Христу, какъ Царю. Вотъ на что указываетъ Господь въ удостовѣреніе Пилата, что царство Его не отъ этого міра, только враждебнаго Ему! Судите теперь сами, справедливо-ли будетъ, послѣ этого, такое или подобное этому наше разсужденіе: «Христово царство не отъ здѣшняго міра; итакъ «нечего намъ ввязываться въ дѣло послѣдняго,—пускай здѣшній «міръ, въ своихъ дѣлахъ, будетъ утружденъ и обремененъ, «пусть здѣшній міръ дѣлаетъ свои дѣла самъ собою, (наприм. «и по крестьянскому вопросу), царство Христово не отъ здѣшняго «міра». Такъ толковать Христовы слова значитъ упрочивать отчужденіе міра отъ благодатнаго Христова владычества. Нѣтъ, батюшка, къ такому образу разсужденія не могутъ вести эти слова Христовы: «царство Мое не отъ міра сего»,—слова, сказанныя Имъ именно въ горькое обличеніе міра, нехотящаго себѣ благодатнаго Его владычества. И въ особенности неумѣстно и несправедливо было-бы, на основаніи этихъ Христовыхъ словъ, духовное безучастіе служителей Христовыхъ къ дѣламъ такого здѣшняго міра, въ которомъ сами они, по разнымъ своимъ степенямъ, пользуются разными правами и не низкимъ внѣшнимъ значеніемъ, который, значитъ, еще не отвергаетъ служителей Христовыхъ, какъ современный Христу міръ отвергалъ Его самаго. Такой міръ, если судить и по этимъ признакамъ, еще не хочетъ идти внѣ царства Христова; а мы этотъ міръ, и въ важнѣйшихъ его дѣлахъ, предоставимъ только са-

мому себѣ на томъ основаніи, что Христово царство не отъ міра сего?! Да не будетъ этого! Напротивъ, наше дѣло и долгъ— всеусильно стремиться къ тому, чтобы, по слышнымъ въ словѣ Божіемъ гласамъ, «Царство міра содѣлалось царствомъ Господа Бога нашего и Христа Его» (Апок. XI, 15). Но это только еще отрицательная сторона смысла словъ Христовыхъ о Его *царствѣ не отъ міра сего*, ни тѣни не допускающая не только въ поддержку, но и въ извиненіе духовнаго безучастія нашего къ дѣламъ и судьбамъ здѣшняго міра. Раскроемъ и положительную сторону смысла тѣхъ-же словъ Христовыхъ. Простите, отцы, что я уже слишкомъ многословлю...

— Продолжайте, продолжайте, говорилъ, схвативъ мою руку, священникъ, опиравшійся особенно на слова Христовы о *Его царствѣ не отъ міра сего*. Мнѣ хочется, чтобы вы договорились до того, какъ-же это, и съ участіемъ къ дѣламъ міра, можно быть или держать себя *не отъ міра*.

Я посмотрѣлъ на другихъ собратій. Одинъ изъ нихъ только рукой махнулъ и пошелъ вонъ изъ комнаты, въ которой мы сидѣли; другому, примѣтно, хотѣлось-бы за нимъ послѣдовать. Но хозяинъ съ живымъ вниманіемъ слѣдилъ за бесѣдой, прибавивъ и отъ себя:

— Надо бы намъ договориться и до того, какъ намъ и не ввязываться въ чужія мірскія дѣла (иначе, пожалуй, заподозрятъ насъ въ притязаніяхъ папизма), и однако словомъ и дѣломъ быть соучастниками въ положеніи *труждающихся* и *обремененныхъ* мірскихъ нашихъ братьевъ.

— Дойдемъ до всего по порядку, сказалъ я, принимаясь за продолженіе рѣчи о значеніи Христова изреченія, о *царствѣ Его не отъ міра сего*. Въ другихъ случаяхъ или мѣстахъ Спаситель самъ дастъ понять намъ, что и положительно значитъ это Его изреченіе: *не отъ міра сего*. Такъ однажды Онъ, въ бесѣдѣ съ Іудеями, говорилъ: «вы отъ низшихъ, Я отъ высшихъ; вы отъ сего міра, Я не отъ сего міра» (Іоан. VIII, 23). Въ этой-же самой бесѣдѣ Господь и объяснилъ, что Онъ есть *не отъ міра сего* именно какъ сущій всегда со Отцемъ небеснымъ (ст. 16, сн. X, 30), какъ говорящій и дѣлающій

въ мірѣ семъ только то, что Онъ видитъ и слышитъ у Своего Отца (ст. 26, 29, 38). Итакъ хотите-ли держать себя или быть со Христомъ *не отъ міра сего*, по истинно Христовой мысли, выражаемой Имъ въ этомъ изреченіи? Въ своихъ поступкахъ и словахъ, въ мірѣ семъ, внимайте Христу Сыну Божію и въ Немъ самому Отцу Его небесному (что ради вочеловѣченія Христова, доступно намъ, людямъ, въ силѣ самаго Св. Духа) и какихъ-бы дѣлъ міра и сколько-бы вы ни касались, — вы будете истинно не отъ міра сего, благодатно во Христѣ у самаго Отца небеснаго. И самыя дѣла міра сего, совершаемыя такимъ образомъ, при нашемъ этому служеніи, будутъ возглавляться (очевидно, вопреки духу и притязаніямъ папизма) непосредственно къ самому Высочайшему Главѣ небеснаго и земнаго.

— Вѣдь, выходитъ, мы отчасти горячку поремъ, замѣтилъ имяннникъ, когда, при нынѣшнихъ опасностяхъ для свѣтской власти папы, мы и въ деревняхъ нашихъ торжествуемъ, какъ будто падаетъ уже и самое заблужденіе папства. Мы все то же опираемся на эти слова Христовы: *царство Мое не отъ міра сего;* только у насъ при этомъ нѣтъ и мысли о самой-то вышемірной высотѣ Христова царства, съ которой папство ронятъ христіанъ запада, возглавляя ихъ въ папѣ, а не прямо и единственно въ самомъ Христѣ Сынѣ Божіемъ, приводя ихъ къ «Святому Отцу» Ватикана, а не прямо къ самому, Единому во Христѣ, нашему Отцу небесному.

— Что уже толковать тутъ о папизмѣ? съ грустію и даже самоукореніемъ отозвался тотъ батюшка, который на тѣхъ-же словахъ Христовыхъ было успокоивался, не поднимая впрочемъ взора къ самой благодатной высотѣ, сущей *не отъ міра сего*. Мы сами-то, продолжалъ онъ, что дѣлаемъ? какъ наведутъ твою думу на путь прямой, на *суть* дѣла,—видишь теперь и самъ ясно истину. Во Христѣ Богочеловѣкѣ, бывшемъ для насъ младенцемъ, носимомъ, на Материнскихъ рукахъ подобно и простымъ младенцамъ,—во Христѣ, такъ просто ходившемъ по городамъ и селамъ міра сего, говорившемъ, ѣвшемъ, пившемъ съ людьми, (и все это ради насъ, и сила всего этого дѣйст-

вуетъ на всѣ времена и мѣста силою самаго Св. Духа),—да, во Христѣ и для нашей бѣдной низменности, дѣйствительно, удободоступна еще въ мірѣ семъ эта чрезвычайная высота *не отъ міра сего*, чтобы намъ, и съ живымъ соучастіемъ къ утружденію и обремененію міра, быть у самаго Отца небеснаго. (У священника, когда онъ говорилъ это, слезы заблистали въ глазахъ). И вотъ эту благодатную, небесную и на землѣ, высоту, которая открыта намъ Христовымъ *царствомъ не отъ міра сего*, мы опускаемъ совсѣмъ почти изъ вида и не думаемъ держаться этой высоты. Мыслью о Христовомъ *царствѣ не отъ міра сего* мы пользуемся только для своего нечеловѣколюбиваго, лѣниваго или малодушнаго, безучастія къ *труждающимся и обремененнымъ* въ семъ мірѣ.

Пока разсуждалъ такъ прекрасно этотъ батюшка,—смотрю, и еще одинъ изъ нашего общества выбрался вонъ, прошептавъ, баснстымъ впрочемъ, шопотомъ: ну, и этотъ туда же пустился!! Насъ осталось только трое. Не покончить ли и намъ, спросилъ я хозяина. Хозяинъ, и говорившій предъ этимъ гость рѣшительно протестовали противъ этого. «Чтожъ, и намъ идти въ кухню, что-ли»? говорили они. Мнѣ, разумѣется, пріятнѣе и желаннѣе было продолжить нашъ разговоръ.

— Ну такъ, почтенные отцы, будемъ говорить, началъ я снова свою рѣчь. Мы еще не вполнѣ изчерпали (впрочемъ, изчерпать и нельзя, вѣрнѣе — не вполнѣ обозначили) глубину Христовыхъ словъ: *Царство Мое не отъ міра сего*. Знаете, что, когда двое изъ Апостоловъ нашего Господа, вмѣстѣ съ матерію своею, просили Его дать имъ быть какъ можно ближе къ Нему, въ Его славѣ, возбудилось неудовольствіе на это со стороны прочихъ Апостоловъ. Это было случаемъ для Спасителя къ выясненію ученикамъ духа царства Своего, къ различенію этого благодатнаго духа отъ духа міра сего. Господь вразумлялъ учениковъ своихъ, что въ Его благодатномъ царствѣ нѣтъ мѣста мірскому духу преобладанія однихъ надъ другими, что въ Его царствѣ должны всѣ одушевляться духомъ Его самаго, *пришедшаго не да послужатъ Ему, но да послужитъ* самъ Онъ другимъ и даже *дастъ душу Свою для искупленія многихъ*.

(Марк. X, 35—45). Итакъ, видите, духовное во Христѣ соучастіе къ людямъ, исключающее притязательность на преобладаніе однихъ надъ другими и простирающееся до крайняго самопожертвованія для другихъ, есть такая же существенная принадлежность и отличительная черта Христова *царства не отъ міра сего*, какъ и благодатное возвышеніе и благоговѣйное вниманіе во всемъ, въ силѣ Св. Духа, Христу Сыну Божію и въ немъ Самому Отцу небесному.

— Дѣло очевидное! — сказалъ священникъ-гость. Мы еще виноватѣе въ нашемъ безучастьи къ людямъ, этому *нашему братству, еже во мірѣ* (1 Петр. V, 9). Но вмѣстѣ представляется теперь для насъ новое затрудненіе, кажется, совсѣмъ непреодолимое. Вѣдь, въ мірѣ обыкновенно бываетъ (да иначе и быть не можетъ) такъ, какъ Самъ Спаситель нашъ сказалъ: «почитающіеся князьями народовъ, владычествуютъ надъ ними, и вельможи ихъ властвуютъ надъ ними», это ужъ таковъ гражданскій порядокъ. «Но между вами, говоритъ Господь ученикамъ далѣе, не должно быть такъ». Но какъ-же, послѣ этого, гражданскій порядокъ или «царство міра можетъ сдѣлаться, какъ слышны были голоса о томъ на небеси, царствомъ Господа и Христа Его»?

— Батюшка, батюшка! отвѣчалъ я.—Вникайте, ради Бога, въ самую силу истины Христовой, если не хотите во многомъ путать и только задерживаться на пути разумѣнія и исполненія Христовыхъ же заповѣдей. Тотъ, Кто всенародно сказалъ: *воздадите кесарева кесареви*, и Самъ строго выполнялъ это до смерти, принятой Имъ по приговору римскаго правительства, хотя двѣнадцать легіоновъ ангельскаго воинства готовы были стать за своего Царя (не говоря уже о собственномъ Его всемогуществѣ), — такой *Царь не отъ міра сего*, очевидно не противъ порядка субординаціи, свойственнаго здѣшнему міру, сказалъ: «въ васъ не должно быть такъ». Въ самомъ царствѣ Его благодати и истины есть, вѣдь, подобный порядокъ священноначальствующихъ и подчиненныхъ, пастырей и пасомыхъ. Ну, еще, будто вы не знаете, что, по внѣшности, можно и пресмыкаться рабски предъ другими, но лицемѣрно, безъ вся-

кой любви и смиренія внутренняго, можно и сохранять свое достоинство предъ людьми, съ искреннею однако къ нимъ любовію и смиреніемъ. Да что объ этомъ говорить? Самъ Господь нашъ, вводящій вѣрныхъ Его державѣ, въ благодатный порядокъ и духъ собственнаго Своего снисхожденія и самопожертвованія, по которому Онъ *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою* за грѣшныхъ людей,—развѣ отказывался въ этихъ словахъ Своихъ о Себѣ отъ правъ Своего высочайшаго владычества или господства? Развѣ, и по самому внѣшнему виду и порядку этого святаго общества Господа и Апостоловъ, не очевидно было отношеніе къ нему послѣднихъ, какъ именно къ Своему Господу? Господь, и среди наглядно рабскаго дѣла послуженія Своего ученикамъ (умовенія ихъ ногъ), не дозволялъ самому увлеченію преданности и благоговѣнія дѣйствовать предъ Собою самопроизвольно, хотя-бы это произволеніе состояло только въ нехотѣніи простереть предъ Господомъ ноги для ихъ умовенія отъ Него: помните, какъ строго Онъ замѣтилъ и готовъ былъ наказать именно такое своеволіе Петра, (Іоан. XIII, 8). Онъ тогда-же сказалъ вообще объ отношеніи къ Нему всего общества учениковъ: *вы глашаете Мя учителя и Господа: и добрѣ глаголете: есмь бо* (ст. 13). Видите, Господь не противъ общественной субординаціи. Но дѣло въ томъ, что, содѣлавшись человѣкомъ ради насъ человѣковъ, и именно грѣшныхъ и погибающихъ человѣковъ, Господь и проходилъ все Свое служеніе на землѣ въ самомъ Своемъ сердцѣ и духѣ предъ Отцемъ Своимъ, какъ-бы рабъ, не только подневольный, но еще и виноватый за совершенно чужія для Него человѣческія грѣховныя вины; Онъ въ этомъ рабскомъ самоистощаніи самое достоинство Царя вседержавнаго выдерживалъ главнымъ образомъ въ томъ, что какъ *Агнецъ Божій взялъ грѣхи міра.* На сколько кто и вѣренъ или послушенъ былъ Ему, и въ такихъ Онъ-же самъ благодатію того же служенія обосновывалъ и держалъ эту послушливую ихъ вѣрность; Самъ возбуждалъ и раскрывалъ ихъ умы, вину ихъ косности и нечистоты принимая на Себя и исполняя ихъ свѣтомъ Своей истины и благодати, на столько, притомъ, на сколько дозволяла это

свободная ихъ пріемлемость: и въ случаѣ многоразличныхъ ея недостатковъ, Онъ, духомъ Своей любви, съ смиреніемъ служителя, стоялъ у внутреннихъ дверей каждаго и стучалъ, не услышитъ ли кто голоса Его и не отворитъ ли двери (Боже нашъ, Боже нашъ)! для принятія благодатныхъ Его услугъ, возводящихъ человѣка изъ всяческой низости къ общенію съ Нимъ, Богомъ. Рабское дѣло умовенія ногъ учениковъ, запечатлѣвшее благодать совершаемаго такимъ образомъ очищенія ихъ (Іоан. XIII, 11), было наглядным и живымъ выраженіемъ того, какъ вообще Онъ совершалъ Свое дѣло *любви къ Своимъ сущимъ въ мірѣ* (ст. 1), *придя, да не послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою* за грѣшный міръ. И все такое дѣло Христово послуженія и самопожертвованія для людей было и въ самой Его жизни (не говоря уже о смерти Его на крестѣ) крестоносное, страдальческое, не только отъ прямаго недоброжелательства и вражды къ Нему многихъ, но особенно отъ постояннаго непосредственнаго сближенія святости и любви Его съ тьмою человѣческихъ нечистотъ, дѣлъ и расположеній, противныхъ любви, невѣрія, маловѣрія и т. далѣе. Вспомните, какъ тяжело было нашему Спасителю отъ просьбы одного отца объ исцѣленіи бѣсноватаго его сына,—просьбы хотя искренней и жалостливой, но не проникнутой полною вѣрою и указывающей притомъ на немощь вѣры въ другихъ (Мат. XVII, 16—20. Марк. IX, 24). *О, роде невѣрный, доколѣ къ васъ буду? Доколѣ терплю васъ?* воскликнулъ тогда Спаситель погибающихъ (ст. 19). Однакожъ Онъ *терпѣлъ* до конца Своего крестнаго пути самопожертвованія и послуженія людямъ,—изрѣдка только и то отчасти открывая безмѣрную страдальческую тяжесть и скорбность этого пути. И вотъ Спаситель нашъ учитъ и насъ, Своихъ послѣдователей, по мѣрѣ возможности или, лучше сказать, по мѣрѣ вѣры, нашей *вводить въ духъ и настроеніе такого Своего самопожертвованія и послуженія человѣчеству* въ мірѣ семъ, — учитъ насъ всѣхъ равно, и именно какъ тѣхъ, доля которыхъ въ мірѣ близка въ той или другой степени къ внѣшнее служительскому Христову дѣлу *умовенія ногъ* апостольскихъ, или къ положенію Его въ видѣ под-

судимаго и потомъ осужденнаго преступника, раба, такъ и тѣхъ, достоинство которыхъ служитъ въ той или другой степени отблескомъ всевысочайшаго владычества Христова, державшаго вѣрныхъ своихъ въ подчиненіи Себѣ, какъ Господу. Крестьянинъ и Царь самодержавный, вельможа и слуга, торговецъ и проходящій гражданскую или военную службу — всѣ одинаково могутъ и должны, въ своемъ дѣлѣ, по сыновнему внимать столь близкому къ намъ во Христѣ всемилосердому нашему Отцу небесному, имѣя благодатную Христову готовность послужить человѣчеству или отечеству всѣмъ своимъ и собою самимъ, самую душу свою положить за своихъ братьевъ и сестеръ, за которыхъ положилъ душу Самъ Христосъ Сынъ Божій, содѣлавшійся Сыномъ человѣческимъ за всѣхъ. Вотъ вамъ и все ваше «непреодолимое», какъ вы сказали было, затрудненіе къ тому, чтобы «царство міра стало Царствомъ Господа нашего и Христа»! Такъ заключилъ я эту рѣчь, смотря на возразившаго мнѣ священника.

— Да, да, отвѣчалъ онъ весело. Св. Равноапостольный царь Константинъ, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, никому не давалъ спуску ни въ чемъ, что касалось дѣлъ державныхъ и личныхъ его правъ; не пощадилъ, хотя обманутый, и сына своего и потомъ обманувшую его на счетъ сына жену свою. Но достигъ же онъ святости равноапостольной; видно, во глубинѣ своего духа онъ успѣвалъ входить нравственно въ духъ Христова послуженія и самопожертвованія для всего церковнаго общества. Вотъ и нашъ Св. Александръ Невскій выдерживалъ свое достоинство и передъ тогдашними нашими поработителями, татарами; не спускалъ ни брату, ни дѣтямъ, въ случаѣ притязательности или самоправія ихъ, хотя-бы патріотическаго. Но, видно, тоже въ духѣ своемъ онъ не прочь былъ отъ того, чтобы во Христѣ жертвовать собою для своего народа и сердечно служить ему, какъ сообщному по вѣрѣ православной Самому Христу Господу. А Св. Владиміру Равноапостольному, ослабившему было свою власть относительно воровъ и разбойниковъ, сами духовные наши напомнили, что не это собственно требуется человѣколюбивымъ и кроткимъ духомъ благодатнаго Христова царства. Но, вѣдь, этихъ избран-

ныхъ скорѣе можно отнести къ исключенію, нежели къ общему правилу...

— Также точно, замѣтилъ хозяинъ, какъ истинныхъ по Христову духу пастырей и между нами грѣшными священниками.

— Братья! сказалъ я. Предоставимъ Христову суду судить насъ грѣшныхъ людей; а сами еще прежде этого суда будемъ, сколько отъ насъ зависитъ, подвизаться, чтобы благодатный духъ Христова царства, дѣйствующій въ силѣ самаго Св. Духа, простирался на все мірское въ православномъ царствѣ, чтобы на всякомъ мѣстѣ въ гражданствѣ человѣкъ служилъ Христу и былъ въ любви и благоволеніи Отца небеснаго. Нашъ вопросъ, для котораго дѣлали мы всѣ эти соображенія о Христовомъ царствѣ не отъ міра сего, есть, вѣдь, слѣдующій: какъ намъ, духовнымъ, не вмѣшиваясь въ чужія мірскія дѣла, братски соучаствовать и содѣйствовать нашимъ братьямъ въ мірѣ по крестьянскому вопросу? Все, говоренное нами доселѣ, намъ надо свести къ разрѣшенію именно этого вопроса. Не правда-ли?

— Ну, признаюсь, отвѣчалъ хозяинъ, я было уже думалъ, что вы уже оставили въ сторонѣ этотъ довольно частный вопросъ, остановясь на однихъ общихъ соображеніяхъ.

— Да что-же вышло-бы изъ этого? замѣтилъ другой. Эти наши общія разсужденія, безъ прямыхъ примѣненій къ тому или другому въ дѣйствительности, почти только тѣшатъ насъ самихъ, оставаясь безъ плода.

— Ну, такъ къ дѣлу!—заговорилъ снова я.—Все, что относится къ духу Христова *царства не отъ міра сего,* о чемъ мы довольно уже говорили,—все это особенно радуетъ и даже восхищаетъ меня въ примѣненіи къ дѣлу по крестьянскому вопросу. Вотъ сущность всего, нами говореннаго. Надо намъ, по благодати Св. Духа, во всемъ внимать благоговѣйною мыслію и чувствомъ Самому Христу Господу и въ Немъ Отцу Его небесному, но не въ духѣ (сохрани Богъ) преобладанія и возношенія однихъ надъ другими, а въ настроеніи и духѣ Христова самопожертвованія и послуженія другимъ;—въ этомъ существо и сила Христова царства не отъ міра сего, какъ мы видѣли. Въ примѣненіи этого къ себѣ и къ помѣщикамъ и крестьянамъ,

служителю Христову свойственно такъ думать и настроивать себя: «въ благодатномъ Христовомъ царствѣ вся высота и слава «и власть благодатная сосредоточиваются въ Самомъ Христѣ— «единственномъ Царѣ и Главѣ благодатнаго царства. Поэтому, «мы, служители Христовы, стали-бы духовно преобладать и «возноситься надъ прочими нашими сочленами въ Христовомъ «тѣлѣ Церкви, если бы (подобно папѣ и его духовенству) при- «писывали себѣ особенныя предъ другими права. *Не тако «будетъ во васъ,* сказалъ Спаситель Своимъ служителямъ и «ученикамъ. Но мы—участники особенной благодати священ- «ства? Такъ; но эта особенная благодать дана намъ для благо- «датнаго послуженія именно тому, чтобы Христосъ Господь «былъ и со всѣми прочими, и простиралъ въ Себѣ самомъ на «всякое ихъ положеніе и дѣятельность благоволеніе Своего Отца, «въ силѣ Св. Духа, для спасенія ихъ отъ всего лживаго, па- «губнаго, вообще грѣховнаго. Боже насъ упаси отъ того, что- «бы вмѣшиваться непрошено въ самыя распоряженія и дѣла «по крестьянскому вопросу (какъ и вообще въ дѣла гражданскія, «за исключеніемъ развѣ случаевъ приглашенія отъ самой власти «гражданской): это значило бы для насъ посягать на владыче- «ство и главенство самаго Христа, Которому (и по воспріятому «Имъ ради насъ въ единоличный союзъ съ Божествомъ чело- «вѣчеству), *дадеся всяка власть* не только *на небеси, но и «на земли* (Мато. XXVIII, 18), и Который, на всякое нужное «дѣло на землѣ, имѣетъ Свои орудія и сосуды, *овіи во честь, «овіи же не во честь* (2 Тим. II, 20). Нѣтъ; дѣлу Христову «въ нашихъ по Христу братьяхъ, которые трудились и трудятся «по крестьянскому вопросу, мы, служители Христовы, мѣшать «своимъ вмѣшательствомъ не должны, не хотимъ и не будемъ; «довольно уже западному духовенству допустить подобное заблу- «жденіе противъ самаго Христа, по отношенію къ гражданскимъ «порядкамъ, и извѣдать на опытѣ, куда оно повело. Это — «такъ, *ей и аминь!* Но, чтобы Христосъ Спаситель находилъ «удобное или открытое мѣсто въ умахъ и сердцахъ людей, «дѣйствующихъ по крестьянскому вопросу или прикосновенныхъ «къ этому дѣлу (какъ и всякихъ свѣтскихъ или мірскихъ дѣя-

«телей), чтобы они сознательнѣе и охотнѣе открывали въ себѣ «мѣсто для Его благодати и дѣйствовали именно по Его духу «и истинѣ,—этому служить есть нашъ священнѣйшій долгъ. «Какъ служить?—Извѣстными нашими духовными способами— «молитвою и словомъ, сколько кому изъ насъ возможно или «дано отъ Бога. Итакъ буду и я, священникъ Божій, служить «общему дѣлу молитвою и словомъ истины, дѣйствуя этими «способами не иначе, притомъ, какъ въ духѣ Христова по- «служенія и самопожертвованія, для людей. Буду молиться, «чтобы дано было намъ всѣмъ и въ земномъ благосостояніи «того или другаго сословія видѣть собственно дары любви Отца «небеснаго, открытой намъ въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ; чтобы «такимъ образомъ въ устроеніи благосостоянія крестьянъ, для «самаго успѣха этого дѣла, имѣлось въ виду *прежде царствіе «Божіе и правда Его* (Матѳ. VI, 33). Буду утверждаться въ «вѣрѣ и упованіи, что небесный Отецъ помилуетъ и ущедритъ «Россію, по этому дѣлу, ради самаго Сына Своего возлюблен- «наго. Буду и въ словѣ своемъ разъяснять однимъ (помѣщи- «камъ), что они оказываютъ добро по этому дѣлу самому Христу «въ лицѣ меньшихъ братіи Его, а другимъ (крестьянамъ), что «для нихъ слишкомъ много побужденій не смущать, не раз- «дражать, а успокоивать духъ Христовъ, человѣколюбиво для «нихъ воздѣйствовавшій въ Царѣ и въ прежнихъ ихъ владѣль- «цахъ; пусть тѣ и другіе видятъ, что не изъ-за-чего имъ — «тѣмъ и другимъ—раздѣляться взаимными недоразумѣніями и «недовольствомъ. Буду внушать *воздавать всѣмъ должная*, осо- «бенно *властемъ предержащимъ повиноваться*, но не иначе, «какъ раскрывая, что власть въ своемъ основаніи и существенно «принадлежитъ одному вседержителю Господу, благоволившему «притомъ проявить Свою власть въ духѣ послуженія людямъ и «самопожертвованія для нихъ, чтобы въ этотъ духъ входили «всѣ вѣрные ему, властелины ли, подчиненные-ли. Пусть не «только послѣдніе, но и первые въ словѣ о власти и повино- «венія слышатъ, обязательный равно для тѣхъ и другихъ, урокъ «слова Божія, и такимъ-образомъ пусть мужички не имѣютъ «повода подозрѣвать, что-де все руку господъ мы держимъ;

«пусть всѣ видятъ во власти не какого нибудь ветхозавѣтнаго «грознаго приставника, но одну изъ животворныхъ силъ Самаго «вседержавнаго Царя благодати Христа. Равно и слѣдить все «это крестьянское дѣло (сколько мнѣ приходилось бы слѣдить «это черезъ чтеніе *уложенія* или *извѣстій* объ этомъ, или «другимъ какимъ-бы ни было образомъ), буду стараться не «иначе, какъ благоговѣйно внимая во Христѣ Самому Отцу не- «бесному, назирающему Своею благодатію насъ грѣшныхъ и въ «мірѣ семъ ради снисхожденія къ намъ на землю и самопо- «жертвованія за насъ Сына Его, сила чего дѣйствуетъ навсегда «во всей землѣ (Апок. V, 6). Такъ, при помощи благодати «священства, буду и я подвизаться, по возможности, надъ воз- «вышеніемъ крестьянскаго дѣла или вопроса къ Христову *цар- «ству не отъ міра сего,* въ спасеніе нашего православнаго «царя и царства. Пусть и по такому дѣлу православные русскіе «находятъ и видятъ въ Своей Святой церкви истинную мать»!..

Оба мои слушатели братски обняли меня, когда я замолчалъ.

Такъ и покончили мы свой разговоръ; и гостепріимный хозяинъ пригласилъ насъ, на этотъ разъ уже всѣхъ вмѣстѣ собравшихся, къ столу, за которымъ наклонялась рѣчь къ тому же предмету, и именно къ различнымъ общезанимательнымъ его частностямъ, какъ было въ самомъ началѣ нашего разговора.

—

Вотъ еще случай или особый родъ бесѣды о томъ-же предметѣ,—въ которой привелось мнѣ принять нѣкоторое участіе. Это былъ, дѣйствительно, особый или чрезвычайный родъ бесѣды. Но чтобы ввести читателя въ эту бесѣду, надо наперед сказать нѣсколько словъ о самомъ родѣ такой бесѣды.

Въ дѣлѣ истины всегда былъ дѣйствующимъ тотъ порядокъ, что, на какую ея сторону будутъ нападать съ цѣлію затемнить ее, извратить или совсѣмъ отвергнуть, съ этой именно стороны истина и разъяснялась и поставлялась на видъ любящими истину. Между многоразличными нападками на истину не только со стороны легкомыслія или вражды, но и со стороны кажущейся ревности объ ней, есть одна не слишкомъ замѣтная по наруж-

ности, но не безопасная по значенію. Это нападки литтературы на все, что сколько нибудь отзывалось-бы *юродствомъ Христа ради*. И странно!—случается, что сами нападающіе представляютъ какую-нибудь болящую, къ которой обращались простыя души за совѣтами, женщиною, раздававшею все свое бѣднымъ или по церквамъ; и однако относятъ ее къ новооткрытому нынѣ роду лжепророковъ (*). Чего не дѣлало невѣденіе особенно тѣхъ, которые воображали себя знающими? Оно и Христа распяло, по Его собственному свидѣтельству (Лук. XXIII, 34). Поэтому любящимъ истину надо стараться, чтобы выяснять затемняемую и отрицаемую съ этой стороны истину.

Я ужъ лѣтъ десять знаю одного глубочайшаго старца, заштатнаго священника, числящагося между людьми неполнаго же ума, какъ покойный Иванъ Яковлевичъ, хотя и не помѣщеннаго въ домѣ умалишенныхъ. Я бывалъ у него весьма много разъ, и видалъ приходящихъ къ нему за помощью и совѣтами людей всякаго званія и состоянія,—духовныхъ, дворянъ, мужичковъ, горожанъ, мужчинъ и женщинъ. Наведенный самимъ же этимъ старцемъ на мысль Іоанна Богослова, какъ испытывать духовъ или духовныя, въ особенности чрезвычайныя, настроенія людей (1 Іоан. IV, 1—3), я обыкновенно слѣжу за всѣми и всѣмъ у этого сѣдовласаго священника неиначе, какъ въ постоянномъ, сколько выдерживаетъ моя немощь, молитвенномъ вниманіи къ самому Спасителю нашему *Христу во плоти пришедшему* для спасенія нашей не только души, но и тѣлесности, и въ Немъ къ Отцу Его небесному, съ призываніемъ помощи Св. Духа. Когда у меня это воззрѣніе ослабѣвало или закрывалось, старецъ самъ поднималъ меня простымъ внушеніемъ, чтобы я помнилъ, «Святаго». (Въ школѣ этого старца такое воззрѣніе и обосновалось у меня въ начало для мысли и дѣла во всемъ, не только прямо церковномъ, но и нахожусь-ли я въ обществѣ, читаю-ли свѣтскую книгу и проч. и проч.). Слѣдя съ такимъ внутреннимъ воззрѣніемъ за всѣмъ у Божія старца въ про-

(*) См. въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ статью „Двойникъ Ивана Яковлевича въ Одессѣ“.

должении нѣсколькихъ часовъ, я какъ будто выслушивалъ самую глубокомысленную, но обнимающую и всѣ наши житейскія мелочи, лекцію. Люди разныхъ половъ и настроенностей приходятъ и уходятъ ровно для раскрытія той или другой мысли; ясно становится, что любовь Отца небеснаго, въ Сынѣ Его открытая и дѣйствующая благодатію Духа Святаго, держитъ и ведетъ всѣхъ, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ лицъ и судьбы, въ неразрывной внутренней связи между ними всѣми. Никому нѣтъ не малѣйшаго ни въ чемъ духовнаго принужденія и натяжки: одинъ ему кланяется маститому старцу, другой, хоть бы мужичокъ, садится около него и, по его предложенію, беретъ табачку изъ его табакерки. Духъ тишины, святой мысли и стройности словно царствуетъ надъ всѣми, хотя старецъ то и дѣло постукиваетъ разными (лежащими тамъ у него въ переднемъ углу) инструментами, а иногда и вскрикнетъ на кого; всѣ присутствующіе въ простой деревенской избѣ представляются дѣйствующими, каждый по своему, но по распоряженію одной правящей мысли. Я испытывалъ неоднократно, что старецъ отвѣчалъ и на внутреннія мысли, какъ на обыкновенныя рѣчи. Сколько могъ я дознать, дѣло этого Божія старца, которому посвящается весь особый родъ его жизни, есть дѣло истиннаго во Христѣ мира между людьми и благочинія во всемъ, соединеннаго съ разсудительнымъ, свѣтлымъ разумѣніемъ. Но при всемъ этомъ съ проницательностію и рѣшительностію иныхъ господъ какъ легко и этого старца отнести, Богъ вѣсть, къ какому роду людей; нахлобучки тутъ опасаться нечего! Говорю это не съ горечью упрека, а съ остереженіемъ любви, что, дѣйствительно, легко можно надругаться надъ истиною въ лицѣ того или другаго человѣка, только и живущаго и дышущаго истиною. Односторонность не только мракобѣсія, но и свѣтобѣсія (не умѣю, какъ иначе назвать направленіе мысли раціональное только съ одной стороны, а съ другой допускающее и отстаивающее совершенно противуразумный произволъ) равно закрываетъ и извращаетъ истину.

Но обратимся къ главному-то нашему предмету, изложеніе котораго будетъ у насъ ужъ, кажется, короче предварительныхъ объясненій.

Прошлое лѣто былъ я у упомянутаго старца, съ тревожными думами обо-всемъ — о Востокѣ, Западѣ, нашей матушкѣ Россіи, о Церкви Божіей; о себѣ самомъ. Думы подобныя и прежде, бывало, возбуждались во мнѣ разными рѣчами и дѣйствіями этого старца; случалось, что онъ оказывалъ и очень ощутительную для меня строгость ко мнѣ, по тѣмъ или другимъ вопросамъ. На этотъ разъ онъ былъ для меня точно матерью, остерегающеюся какъ нибудь небережно дотронуться до больнаго мѣста своего ребенка. О, какъ я нуждался именно въ этакой духовной ласкѣ любви!

У старца, послѣ многихъ разныхъ посѣтителей, остались наконецъ (часамъ къ двумъ по полудни) три пожилыя женщины, которыя и стояли предъ нимъ рядкомъ. Одна изъ нихъ, примѣтно умная и добрая женщина изъ поселянокъ, говорила, что сынъ ея, несмотря на свои молодые годы, былъ прикащикомъ у богатаго хозяина-купца и сначала ничего хмѣльнаго не пилъ; старые прикащики ему завидовали и вотъ одинъ изъ нихъ зазвалъ его, голубчика, къ себѣ въ гости, упросилъ его выпить виноградной или простой водки; и съ того самаго времени открылся у парня такой запой, что всѣ дѣла у него пошли вонъ изъ рукъ. Мнѣ, привыкшему отъ частнаго случая отвлекать и обобщать выражаемую этимъ случаемъ ту или другую мысль, сейчасъ, представилось молодое поколѣніе нашей матушки Россіи (не столько физически-юное, сколько нравственно-новое, не сочувствующее ничему извѣстнавшему и мертвому), обнаруживающее въ разныхъ сословіяхъ много хорошихъ задатковъ и благородныхъ порывовъ, но, по своей еще неустойчивости въ добрѣ и нерѣдко по поводу проявленій загнистливаго недоброжелательства стариковъ (также нравственныхъ, т. е., поклонниковъ мертвой рутины и подобныхъ), впадающее въ разныя гибельныя увлеченія и безпорядки на горе и опасности для своей матери. «*Всѣхъ передавила*», сказалъ съ негодованіемъ Божій старецъ, смотря самъ въ пустое мѣсто, имѣя въ виду, конечно, общій корень человѣческой порчи—самаго духа лжи и зла. На людей, значитъ, нечего жаловаться и сердиться по подозрительнымъ и укорительнымъ сужденіямъ! Потомъ старецъ вы-

разительно прибавилъ: «*Благодать!*» Въ самомъ дѣлѣ для того и явилась благодать, для того и пришелъ Христосъ, чтобы *разрушить дѣла діавола*, упразднить всякую отъ него порчу въ человѣчествѣ. Поэтому мнѣ въ этомъ воззваніи: «*благодать*», слышался такой голосъ къ матери запойнаго сына: «Мать! только вѣрою «стой въ благодати, усвояй себѣ Христа, страдав- «шаго и умершаго на крестѣ и за твоего сына, при внутрен- «нѣйшемъ соучастіи въ Его страданіи со стороны Пречистой «Его Матери. Припадай къ Его распятію, особенно когда тебя «снѣдать будетъ горе о безпорядкахъ твоего сына, и получишь «благодать; кончатся запойные припадки несчастнаго» или разрѣшатся добромъ. Такъ я думалъ и, по возможности, протолковалъ это доброй матери у этого-же старца, представляя себѣ съ радостію, что, авось, Царь небесный дастъ и православной Россіи благодатный исходъ, изъ случающихся нашихъ неразумныхъ влеченій, соприкосновенныхъ къ крестьянскому-ли вопросу съ той или другой стороны, въ студенческой-ли жизни, въ наукѣ-ли и литературѣ. «*Азбуки-то все у насъ нѣтъ*», замѣтилъ задумчиво старецъ, разумѣя (какъ мнѣ подумалось) невыясненныя и неупроченныя нами начала для этого благодатнаго исхода.

Другія двѣ женщины были также матери семействъ изъ дворовыхъ людей, получившія уже съ своими семействами отъ добрыхъ господъ полную свободу. Онѣ спрашивали батюшку, какъ поступить лучше—записаться-ли въ городскомъ мѣщанскомъ обществѣ или взять землю наряду съ крестьянами. Читателю моему извѣстно уже, какъ и моему сердцу дорого и близко, выразившееся въ освобожденіи людей отъ крѣпостной зависимости, то гражданское признаніе, что и они въ великомъ домѣ русскаго царства какъ дѣти у отца, а не рабы; это благодѣяніе оказывается, въ лицѣ меньшихъ братьевъ самаго Христа, именно Ему Самому, Сыну Божію, содѣлавшемуся равно для всѣхъ насъ, человѣковъ, Сыномъ Человѣческимъ. Поэтому, услышавъ высказанный женщинами вопросъ, я съ живостію навострилъ уши, понимая этотъ вопросъ, естественно уже, въ такомъ смыслѣ: для упроченія за собою и раскрытія въ жизни

благодати усыновленія во Христѣ Отцу небесному, отобразившейся и въ гражданскомъ нашемъ бытѣ, лучше-ли забираться въ городскую высь — держаться направленія къ возвышенію надъ уровнемъ земскимъ, или крѣпиться болѣе къ землѣ — заниматься и земнымъ, только въ духѣ усыновленія Отцу небесному? — Батюшка отвѣчалъ женщинамъ, что надо «*взять землю*». Непремѣнно, вторилъ я ему, надо намъ держаться во всемъ духа снисхожденія Христова на землю, хотя бы дѣло шло и о выборѣ простой житейской доли. Тогда и *возьмемъ* землю: и земное можетъ сдѣлаться областью Христова духа.

Одна изъ женщинъ стала было говорить, что она, въ дворовой жизни, совсѣмъ не была привычна къ работамъ земледѣльческимъ. «*Ничего, матка, вывезешь* отвѣчалъ сѣдовласый Божій священникъ такимъ грубымъ голосомъ, какимъ нашъ мужикъ кричитъ иногда на лошадь. Признавая на дѣлѣ уничтоженія крѣпостной зависимости осѣненіе духовно-благодатное, я въ затрудненіи женщины, непривычной къ земледѣльческой жизни, видѣлъ дѣйствительно великое затрудненіе для насъ заниматься по духовному и самымъ земнымъ, когда мы обыкновенно, держась духовнаго, уже пренебрегаемъ земнымъ или, занимаясь земнымъ, опускаемъ уже изъ виду все духовное. Но если Богъ наведетъ священство на благодатную мысль вынести въ себѣ то тяжелое мужичество, которое земнымъ и занимается, только какъ грязью, не хотя и знать чего-либо высшаго: то, Богъ дастъ, непривычное бремя также удобопосимо будетъ для насъ, какъ для лошадей не трудно *вывозить* соразмѣрныя ихъ силамъ тяжести.

Потомъ, точно въ подтвержденіе и для дальнѣйшаго развитія моихъ мыслей, батюшка, смотря на женщинъ, запѣлъ, на голосъ, какимъ матери или няньки поютъ колыбельныя пѣсни: *вижу, что (сколько) на свѣтѣ есть церквей*»; дальнѣйшихъ словъ я не помню съ точностію, но только знаю, что онъ описывалъ далѣе красоту этихъ Святыхъ Божіихъ церквей. Мнѣ сейчасъ припомнилось, что въ женщинѣ супругѣ, дѣйствительно, благодатно отображена церковь. Итакъ старецъ, видно, восхитился къ созерцанію красоты Св. церкви, какая должна раскрыться

въ мірѣ по частнымъ церквамъ, когда и земное будетъ возвышать къ духу Христову и Христова благодать и истина освѣтить мірское; но онъ видѣлъ предъ собою только еще дѣтское, безсознательное предначатіе этого, требующее въ успокоеніе и утѣшеніе для себя колыбельной еще пѣсни. Богъ знаетъ когда все это духовно возрастетъ и созрѣетъ...

— «*Это азбучки*», сказалъ наконецъ батюшка, указывая на всѣхъ трехъ женщинъ. Да! какъ будто по азбучкѣ училъ онъ меня чрезъ обстоятельства этихъ женщинъ. Но названіе *азбучека* въ приложеніи къ женщинамъ означаетъ, очевидно, живыя книжки для первоначальнаго обученія въ показанномъ выше дѣлѣ жизни, благодатной и въ земномъ; и въ этомъ смыслѣ оно мнѣ напоминаетъ названіе *книгою Слова животнаго* самой Матери Божіей, образъ Которой указанъ словомъ Божіимъ еще въ первой женщинѣ—представительницѣ и родоначальницѣ всѣхъ женщинъ, и притомъ въ состояніи уже ея паденія (Быт. III, 15). Итакъ вотъ кто можетъ и охранить и возрастить слишкомъ еще младенчествующій во многихъ духъ благодатный, имѣющій созрѣть для раскрытія во всемъ земномъ: это сама Матерь Господа нашего, могущая дѣйствовать къ умягченію и оживленію слишкомъ ожестѣлаго и замершаго во многихъ духа чрезъ Свое отображеніе вообще въ *женщинѣ*, на сколько вѣра наша успѣетъ охранять и возвышать свѣтлость и чистоту этого отображенія. Пусть христіанки *приведутся ко Царю* благодати *во слѣдъ* Царицы небесной (Псал. XLIV, 15), сообразуясь съ книгою Слова жизни, хоть только какъ азбучки. Исполнится тогда это пророческое слово: «Іегова сотворитъ нѣчто новое: женщины будутъ охранять мужчинъ» (Іерем. XXXI, 22 съ еврейскаго; изъ пророчества о возвращеніи народа Божія изъ вавилонскаго плѣна). Если мы едва, едва только младенчествуемъ во Христѣ; то и Самъ Онъ, Слово жизни, умалился ради насъ до *написанія* (*), такъ сказать, буквами человѣческаго естества въ Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, до самыхъ пер-

(*) Этотъ образъ употребляется въ церковномъ прославленіи Матери Божіей: *радуйся свѣте, во немже перстомъ Отчимъ написася Слово.* (Изъ акаѳистнаго канон.)

выхъ начатковъ младенчества въ Ея чревѣ. И если такую Ея благодать предызображала и ветхозавѣтная Ева; то тѣмъ болѣе христіанки могутъ и должны своею вѣрою и любовію къ Пресвятой Богородицѣ послужить той Ея благодати, чтобы Она Сама матерински поддержала и возбуждала въ насъ духъ Сына Своего, глубоко погруженный у насъ въ безсознательномъ духовномъ младенчествѣ нашемъ. Когда въ подобныхъ думахъ взглянулъ я на батюшку, то (говорю предъ Богомъ) словно изъ за-скорлупы старческой его ветхости представился мнѣ выглядывающій живой младенецъ. Такъ вотъ, продолжалъ я свои думы, если бы большинство наше слишкомъ изветшало своими грѣхами и особенно невниманіемъ ко Христу, маловѣріемъ и невѣріемъ; то все же находятся избранные участники въ духѣ Христова младенчества, въ духѣ именно той любви Господа къ намъ грѣшнымъ и заблуждающимъ, по которой Онъ низшелъ до младенчества. *Аще не обратитеся, и будете яко дѣти* (соучастники духа и силы Святаго Христова дѣтства), *не внидете въ Царство небесное,* въ царство благодати и истины (Матѳ. XVIII, 3).

Живымъ указаніемъ старца на эту Христову истину и покончился этотъ чрезвычайный разговоръ съ нимъ о томъ, что и въ земныхъ дѣлахъ, въ земномъ бытѣ матушки Россіи, есть готовая область Христова свѣта и духа.

VIII.

Путевыя замѣтки и разговоры касательно народнаго духа.

Не слишкомъ много, но и не мало я покатался въ нашей великой Россіи на пароходахъ и паровозахъ на русскихъ телѣгахъ и саняхъ, большими дорогами и проселками. Всегда и вездѣ въ этихъ путешествіяхъ старался я слѣдить за тѣмъ, что у насъ русскихъ *есть* въ томъ или другомъ сословіи, а на основаніи своихъ замѣчаній заключалъ и о томъ, что у насъ можетъ и должно быть. Нѣкоторыя поѣздки оказывались особенно счастливыми въ этомъ отношеніи; во время ихъ прихо-

дилось припоминать впечатлѣнія и опыты и отъ другихъ дорожныхъ и недорожныхъ столкновеній и сближеній съ людьми, и всему этому подводился какъ будто общій *итогъ*. Вотъ поѣздка, особенно памятная мнѣ по подобнымъ заключительнымъ выводамъ, какіе, во время ея, посчастливилось мнѣ сдѣлать по разнымъ вопросамъ.

Пришлось мнѣ остановиться на постояломъ деревенскомъ дворѣ уже къ утру, когда другіе постояльцы оставляли ночлегъ. Мнѣ пришлось остаться на лицо только съ хозяевами. Видно было, что это люди зажиточные и почетные въ деревнѣ; къ нимъ обращались съ какимъ-то оттѣнкомъ подобострастія приходившіе зачѣмъ нибудь сосѣди. Сами по себѣ мои хозяева казались мнѣ порядочными людьми въ своемъ кружкѣ. Но, присматриваясь и прислушиваясь къ нимъ, я замѣтилъ у нихъ чрезвычайно важный и непріятный недостатокъ: они обращались другъ съ другомъ или вообще относились другъ къ другу не только съ тяжелою грубостью, но и съ самою жосткою сварливостью. Такими сказывались не только самъ хозяинъ и хозяйка, люди пожилые уже, но и молодежь; даже матери на плачь своихъ грудныхъ ребятъ отзывались съ какою-то дикою безпощадностію, называя ихъ «лягушатами», «чертенятами», высказывая желанія отъ злаго сердца, чтобы «ихъ прибрала скорѣе нелегкая» (т. е., смерть или судьба). Мнѣ пришлось наблюдать все это часа три и надуматься вдоволь. Отчего, думалось мнѣ, такая бѣда въ православно-христіанскихъ семействахъ? Отъ необразованности и невѣжества? Но мнѣ припомнилось, что въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ случалось мнѣ встрѣчать безграмотныхъ людей съ теплымъ и даже нѣжнымъ чувствомъ, съ правдивымъ и любящимъ духомъ, и эти люди живутъ въ дымныхъ, черныхъ (безъ печныхъ трубъ) хатахъ; а у моихъ теперешнихъ хозяевъ «горница» была увѣшана по стѣнамъ пестрыми бумажными картинами и въ семействѣ были бойкіе грамотѣи. Или эти люди мало знаются съ духовными своими отцами, мало ходятъ въ церковь? Но какъ нарочно случилось остановиться мнѣ въ этомъ постояломъ дворѣ въ какой-то праздникъ и хозяинъ силою отправилъ половину семейства въ приходское село въ церковь.

Кромѣ того, мать хозяина, старушка, разговорясь съ мною, сказывала, что *священника* въ храмовые праздники (празднованіе ихъ въ деревняхъ продолжается на нѣсколько дней) всегда угощается чаемъ и обѣдомъ въ этомъ домѣ, а если случится ему запоздать въ деревнѣ, то и ночуетъ здѣсь, а не въ другомъ домѣ. Отчего-жъ происходитъ это горькое несчастіе, что православное христіанское семейство, по взаимнымъ отношеніямъ его членовъ, хуже инаго нехристіанскаго семейства?!.

Добираясь до истины по этому вопросу о явленіи, очень и очень не рѣдкомъ въ нашихъ православныхъ семействахъ, я однако внутренно держался или старался удержаться въ такихъ мысляхъ и расположеніяхъ предъ самимъ Отцемъ нашимъ небеснымъ: «Все же они Твои дѣти ради Сына Твоего, содѣлавшагося Сыномъ человѣческимъ и въ человѣчествѣ распятаго за насъ грѣшныхъ, злыхъ и вмѣстѣ неразумныхъ людей. Все же Ангелы этихъ младенцевъ, съ которыми съ такимъ дикимъ неразумѣемъ обращаются родныя ихъ матери, всегда видятъ лице Твое. Все же Матерь Твоего Сына, Матерь любви и милосердія, найдетъ въ этихъ жесткихъ сварливыхъ людяхъ начатки Духа Сына Своего, хотя и глубоко зарываемые въ духовной безчувственности, но тѣмъ не менѣе существующіе по жизненному дѣйствію святыхъ таинствъ православной церкви. И *имѣющіе уши слышати* услышатъ въ самой безпорядочности и безобразіи подобныхъ семействъ христіанскихъ жалобный вопль Твоихъ дѣтей, чтобы имъ дали или помогали хоть сколько нибудь сознать и почувствовать надъ собою благодать Твоего всеблагостнаго отчества»... По мѣрѣ такого движенія и одушевленія моей вѣры, я сталъ замѣчать, что и въ тусклыхъ, тупыхъ и жесткихъ взглядахъ моихъ хозяевъ по-немножку засвѣчивался тихій огонекъ жизни, сочувствія ко мнѣ и другъ къ другу. Подъ конецъ я имѣлъ радость услышать, что злая, по первому впечатлѣнію на меня, свекровь что-то передавала своей невѣсткѣ мягкимъ и добрымъ голосомъ, а мать одного расплакавшагося ребенка чуть не со слезами приголубливала его материнскими ласками. Духъ Отца небеснаго ощутительно пронесся надъ нами, вѣрующими въ Его Сына.

Тогда ясна для меня стала причина жосткости и сварливости между собою хозяевъ моего постоялаго двора. Предъ ними постоянное теченіе чужихъ людей, занятыхъ своими дѣлами, останавливающихся на постояломъ дворѣ безъ всякаго вниманія къ своему родству съ хозяевами этого двора по самому небесному Отцу. Сами они, эти хозяева, встрѣчая и провожая своихъ постояльцевъ—все новыхъ и чужихъ, по невѣдѣнію своему тоже всегда далеки оттого, чтобы пользоваться въ этомъ прекрасными случаями увидаться съ своими братьями и сестрами по Отцу небесному, давшему намъ Сына Своего для того, чтобы породнить насъ другъ съ другомъ самымъ живымъ благодатнымъ родствомъ. Вмѣсто того, чтобы послужить своимъ роднымъ по Господу въ нуждахъ и безпокойствѣ ихъ странствованій (разумѣется не съ обидою и для себя, потому что Отецъ нашъ небесный никого не обижаетъ ради интересовъ другаго: Онъ равно всѣмъ Отецъ), вмѣсто этого хозяева постоялаго двора имѣютъ въ виду и вниманіи только свою прибыль, хоть бы и съ обидою для другихъ, для постояльцевъ. И вотъ духъ отчужденія и нелюбви къ людямъ, разносимый по постоялымъ дворамъ равнодушнымъ эгоизмомъ большинства постояльцевъ и усердно развиваемый въ хозяевахъ собственнымъ ихъ своекорыстіемъ, овладѣваетъ мало по малу всѣмъ семействомъ постоялаго двора и выражается во взаимной сварливости членовъ этого семейства, и то въ какой-то безчувственной къ людямъ плотяности, утучняющей только себя. На постоялыхъ дворахъ, при многолюдныхъ дорогахъ, встрѣчаются всего чаще подобныя грустныя явленія.

Оскудѣніе любви между людьми, даже между кровными родными, нынѣ и вообще всюду, а не на постоялыхъ только дворахъ, скорѣе замѣтите, нежели противоположныя явленія. Вездѣ видите, что словно чужіе люди, занятые своими дѣлишками, сходятся или расходятся съ другими чужими же людьми, занятыми тоже своимъ эгоизмомъ, своими дѣлишками; и безъ любви, какъ внѣ отеческаго крова, всѣмъ бываетъ какъ-то тяжело на душѣ, неуютно въ сердцѣ. Братья! пойдемъ къ нашему общему небесному Отцу, еще простирающему къ намъ свои объятія ради вочеловѣченія Своего Сына и готовому соединить насъ

другъ съ другомъ самымъ живымъ благодатнымъ союзомъ. Живемъ-ли мы среди другихъ людей въ своихъ домахъ или квартирахъ, или странствуемъ по разнымъ дорогамъ по требованію нашихъ обязанностей или надобностей: будемъ вездѣ сохранять и оживлять въ себѣ сознаніе и чувство, что вездѣ мы—у нашего всеблагостнаго Отца, дающаго намъ повсюду братьевъ и сестеръ, общниковъ Сына Его Единороднаго. Положимъ, что люди часто попадаются злые, обманщики и обидчики, ничѣмъ не напоминающіе намъ о братствѣ съ нами; но необманчивъ, необидливъ, всеблагъ самъ Господь, ставшій человѣкомъ и умершій за грѣшныхъ людей. Въ Немъ-то, въ Немъ одномъ, будемъ утверждать свое братство со всѣми.

Особенно наставники училищъ, высшихъ и низшихъ народныхъ, все равно—духовные-ли, свѣтскіе-ли,—пусть проникаются и одушевляются живымъ сознаніемъ, что ихъ воспитанники и ученики—дѣти всевышняго Отца, что, ради осѣненія ихъ дѣтства, возрастанія и воспитанія своею благодатію, самъ Господь въ своемъ человѣчествѣ былъ младенцемъ, отрокомъ, юношею, «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и въ любви у Бога и человѣковъ» (Лук. II, 52). Болѣе всего, да и во благо всего, нужно народному нашему духу подняться къ свѣтлому и отчетливому сознанію, что мы еще—подъ благодатію Отца, что не только радости и блага жизни, но и ея скорби, нужды и бѣды, самая даже смерть, принадлежатъ ужъ къ области благодати всещедраго нашего Отца; потому что крестъ скорбей и злостраданій до смерти несъ для насъ Самъ возлюбленный Его Сынъ.

—

Въ продолженіе моего путешествія остановился я на другомъ постояломъ дворѣ, въ деревнѣ, гдѣ былъ какой-то праздникъ. Тутъ повидимому все направлялось къ опроверженію моихъ мыслей, что мы еще живемъ у нашего небеснаго Отца, какъ Его дѣти. Признаюсь,—я попалъ словно въ пьяный какой-то край. За однимъ столомъ сидятъ—обѣдаютъ и пьютъ водку, за другимъ столомъ пьютъ чай и вмѣстѣ водку; въ одномъ углу пьютъ

просто одну водку, въ другомъ пиво и водку. Одни пьяные мужики крѣпко осѣли на своихъ мѣстахъ, другіе слоняются изъ угла въ уголъ, изъ одной «горницы» постоялаго двора въ другую, желая присусѣдиться къ какой либо кучкѣ пьющихъ. Шумъ, гамъ, завѣренья въ братской любви, цѣлованье, брань и толчки—все это было вмѣстѣ; но надо сказать правду, что элементъ дружелюбія видимо преобладалъ надъ стихіей сварливыхъ ссоръ. Впрочемъ нельзя было поручиться ни за одну минуту, что все будетъ мирно и благополучно. Случилось на этомъ-же постояломъ дворѣ остановиться одному духовному лицу, человѣку примѣтно кроткому и уживчивому въ какой-бы ни было средѣ. Пьяный мужикъ подошелъ къ нему, во время его закуски; и наговорилъ ему цѣлыхъ три короба на такую тему: «вы—наши отцы духовные, пастыри, а мы—овцы глупыя, заблудшія» и такъ далѣе. Минутъ чрезъ пять-шесть гляжу—этотъ-же пьяница уже честитъ того-же церковника всякими сладкими «именами..» И все это безо всякихъ поводовъ, а такъ взбрело пьяному въ голову. Отъ этого разлива пьянства все было безобразно и грязно для внутреннихъ и внѣшнихъ чувствъ, подобно какъ было грязно на дворѣ и подъ окнами этого постоялаго двора (это было время весенней грязи и распутицы). Взглядъ могъ успокоиться только на малыхъ ребятахъ, рѣзвящихся съ своею дѣтскою игривостію, какъ ни въ чемъ не бывало, да отчасти еще трезвыхъ, хлопочущихъ около печки хозяйкахъ.

Всего досаднѣе или грустнѣе было, что пьяные мужики не довольствовались опьяненіемъ другъ друга, а продолжали, по разнымъ своимъ кучкамъ, подчивать другъ друга, чуть не насильно вливая вино одинъ другому. Тутъ припомнились мнѣ недавніе случаи, какъ на одномъ свадебномъ пиру одинъ старый небогатый мужикъ подчивалъ другаго молодаго и бѣднаго своего крестника: «пей, молъ; Митька; тебѣ на свадьбѣ только и попить»: а то еще одинъ молодецъ, отправляясь изъ гостей, забывалъ то рукавицы, то тулупъ, и бѣдняка наливали водкой всякій разъ, какъ онъ возвращался за забытою вещью: и Митька, и этотъ молодецъ опились до несчастной презрѣнной смерти.

И сколько подобныхъ случаевъ отъ водки-дешевки! И во всѣхъ этихъ случаяхъ пропадаетъ человѣкъ, за котораго Христосъ умеръ, пропадаетъ человѣкъ, за выкупъ котораго мало богатствъ и царствъ міра сего, а требовалась кровь Сына Божія...

«Вотъ тутъ и воображай себѣ,—слышатся мнѣ при этомъ насмѣшливые возгласы,—что всѣ эти пьяницы находятся еще въ благодати Отца небеснаго, какъ его дѣти!!» — Но отчего происходитъ въ нашемъ народѣ это безобразіе пьянства, съ ужасными послѣдствіями, если не отъ недостатка въ православномъ народѣ сознанія и ощущенія духовнаго, что они, православные, суть нареченные, дѣйствительные дѣти самаго Отца небеснаго по сообщенію съ Сыномъ Его чрезъ крещеніе и др. гія святыя таинства Церкви? Будь хоть немножко въ сознаніи и чувствѣ народномъ, что съ нами всегда Отецъ небесный, отечески взирающій на наши работы и отдохновенія отъ нихъ, утѣшающій насъ благами и радостями праздниковъ. Вѣдь, это сознаніе подняло бы народный духъ къ такому благородству, которое не дозволяло бы упадать православнымъ до скотоподобнаго состоянія пьянства. Отчего же тѣ, которые помилованы отъ Господа сохраненіемъ въ себѣ живой вѣры и благочестія или которые только мнятся себѣ благочестивыми и ревнующими за благочестіе,—отчего они не стараются пробуждать въ себѣ и другихъ этого ощущенія и сознанія благодати Отца небеснаго, осѣняющей православныхъ и за мірскими работами, не оставляющей ихъ (только бы они помнили и не оставляли сами этой благодати) и за праздничными удовольствіями, а напротивъ, *дающей намъ вся обильно во наслажденье?* На сколько кто изъ христіанъ чуждъ этого благодатнаго сознанія, что мы—у Отца, на столько онъ чуждъ и того состоянія, которое, какъ отличительное состояніе христіанъ, Апостолъ такъ изображаетъ: «поелику вы сыны, то Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына Своего, вопіющаго: Авва, Отче! Посему ты уже не рабъ, но сынъ, а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій чрезъ Іисуса Христа» (Гал. IV, 6—7). А внѣ этого благодатнаго состоянія и настроенія естественно быть кому бы то ни было рабомъ жестоковыйнымъ, который, при первомъ

удобномъ случаѣ, и развиваетъ свое духовное неблагородство до дикости и скотоподобія, а то и до звѣрства. Почему, особенно, начальники православнаго народа, въ какомъ бы то ни было отношеніи, не питаютъ и не возгрѣваютъ въ себѣ постоянно дѣйствующаго въ ихъ духѣ сознанія, что они имѣютъ дѣло съ нарѣченными дѣтьми самаго Бога? Чрезъ одно это православно народный организмъ могъ бы незамѣтно настроиваться духомъ, приличнымъ семейству самаго Отца небеснаго, и по немногу освобождаться отъ грубыхъ пороковъ, столько унижающихъ нашъ народъ.

Среди такого моего раздумья вошелъ въ избу крестьянскій молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, въ аккуратномъ полушубкѣ, съ бодрымъ лицемъ и взглядомъ, въ которомъ виднѣлось какое-то, чуждое впрочемъ и тѣни пренебреженія къ окружающей его пьяной средѣ, благородство, явно несродное этому грубому пьянству. Онъ подалъ кое-кому изъ хозяекъ руку. «Грязно?» спросили его съ участьемъ о дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ. «Ничего, высохнетъ», отвѣчалъ онъ весело. Собравшаяся около новоприбывшаго молодаго человѣка небольшая группа трезвыхъ и добродушныхъ лицъ, съ рѣзвящимися около нихъ дѣтьми, вдругъ показала, что солнце любви Отца небеснаго не перестаетъ сіять и надъ этою нравственною грязью деревенскаго пьянства, имѣя въ комъ отразить и успокоить тихій свой свѣтъ. У меня пошли мысли повеселѣе. Эта нравственная грязь, думалось мнѣ, не есть ли временное послѣдствіе настоящаго переходнаго времени—этой *весны* разныхъ улучшеній и преобразованій (между прочимъ улучшенія и удешевленія самой водки)? Теперь русскій человѣкъ радъ этимъ улучшеніямъ, но какъ-то глупо. Но войдетъ онъ, Богъ дастъ, въ самый толкъ новой своей жизни, и нравственная грязь у него высохнетъ. Только да сохранитъ и да утвердитъ Отецъ небесный насъ, и особенно молодое наше поколѣніе, нашихъ дѣтей, сначала хоть въ безсознательномъ только чувствѣ, а потомъ и въ отчетливомъ сознаніи, что мы живемъ *дома*, у Отца нашего небеснаго, какъ «сожители святымъ и свои у Бога» (Еф. II, 19).

Дальнѣйшій мой путь былъ—*желѣзная дорога.* Я пріѣхалъ

сюда, часа за полтора, если не болѣе, до отправленія вагоновъ. И такъ какъ я располагалъ ѣхать въ *3 классѣ*, то и долженъ былъ дожидаться отъѣзда въ залѣ для пассажировъ 3-го класса. Здѣсь была ужъ по одна сотня мастеровыхъ мужиковъ, отправлявшихся на заработки «до Петрова дня». Я насилу нашелъ уголокъ, чтобы присѣсть для обычныхъ моихъ наблюденій. Боже мой! Что я увидѣлъ и услышалъ тутъ! Представьте себѣ взрослыхъ, и именно въ армякахъ, шалуновъ, которые вырвались на свободу и рѣшились, какъ говорятъ, «распахнуться». Что слово, то сквернословіе, сопровождаемое мужицкими жестами и дикимъ смѣхомъ. И въ этомъ еще соревнуютъ другъ передъ другомъ: пожилые своими развратными выходками стараются показать, что они не остарки какіе, а молодые словно хвастаютъ, что они ужъ не малолѣтки, хотя изъ нихъ были еще и безбородые. Не то, чтобы они были пьяные; они, и то не всѣ, были только «навеселѣ». Да и пить много было имъ не на что: только еще шли на заработки. Было въ залѣ человѣка два—три и изъ дворянъ, военныхъ и штатскихъ; но мужики какъ будто нарочно рисовались предъ ними: «прошло-де ваше время, не ударите ужъ въ зубы». Были и духовные; но, видно, они изъ другихъ приходовъ. Были дамы, дѣвушки: мужицкое чувство приличія ни чѣмъ не задерживалось.

Смотря на грубыя выходки мастеровыхъ и слушая разные ихъ розсказни, я пріупылъ не на шутку. Одно только утѣшало, что въ народѣ видна еще свѣжая жизнь, а не примѣтно разслабленія, или истощенія силъ, тупости и вялости. Безпорядочная игра свѣжей жизни происходитъ, можетъ быть, только отъ незнанія прямаго и простаго порядка жизни. Вѣдь, не боясь, эти-же люди въ церкви не кривляются съ озорными словами, также и дома у себя не похабничаютъ. Почему жъ не даютъ имъ понимать и чувствовать, что Господь нашъ не въ церкви только назираетъ насъ Своею благодатію, но и надъ рабочими людьми, въ ихъ работахъ, остается истиннымъ ихъ Хозяиномъ, Который Самъ все назираетъ Своею благодатію, только-бы они не отвергали такой благодати? Зачѣмъ не довольно проводитъ въ народное сознаніе той истины и благодати, что Господь для

того и сходилъ на землю, содѣлавшись сыномъ человѣческимъ, для того и прожилъ наибольшую часть своей земной жизни въ домѣ рабочихъ людей (плотника Іосифа и его дѣтей), чтобы и труждающихся въ чернорабочей долѣ имѣть всегда при себѣ или чтобы они работали всегда при Немъ—единомъ истинномъ человѣколюбцѣ? Почему не втолковываютъ крестьянамъ съизмала, что, отправляясь для заработокъ «на сторону» къ чужимъ людямъ, они все же остаются *дома*, въ родной семьѣ братьевъ и сестеръ по Господу Іисусу, по Отцу Его небесному? А то вотъ жалкіе люди, иные сознательно, а иные безсознательно, обоснуются на пагубномъ началѣ: «мірское дѣло, извѣстно, грѣшное», и пойдутъ на свои мірскія дѣла, какъ будто въ Содомъ и Гоморру; соотвѣтственныя этому начнутся у нихъ и рѣчи, и мысли, и расположенія. Еще пока они находятся въ своихъ семействахъ, то болѣе или менѣе сдерживаются инстинктивнымъ ощущеніемъ благодати всевышняго Отца, находящей для себя мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ искренности семейной любви. Зато, вырвавшись «на сторону», они готовы бы дозволить себѣ все нехорошее, и только тяжестію и неотступностію труда сохраняются въ свѣжести жизни; по гадкими словами (да кстати и грубымъ, по мѣрѣ средствъ, невоздержаніемъ) потѣшатъ ужь себя. Само собою разумѣется, что разныя внѣшнія обстоятельства и поводы могутъ ослаблять или еще болѣе усиливать такое зло. Эй, православные! надо намъ перестать смотрѣть на мірское, какъ на область одного грѣха; надо христіанамъ и въ мірскомъ или земномъ видѣть и выдерживать поприще для проведенія сюда Христовой истины и благодати. А то мы, занимаясь мірскимъ и земнымъ, какъ грѣховнымъ, совсѣмъ погрязаемъ въ грѣхахъ, а духъ православія въ насъ слабѣетъ и слабѣетъ, оставаясь безъ примѣненія къ дѣйствительной жизни, занятой обыкновенно земнымъ и мірскимъ. Это у насъ бываетъ все равно—и въ практической жизни, и въ дѣлѣ мысли, слова и знанія: сущность дѣла и по этой послѣдней части у насъ нерѣдко бываетъ та же, только форма не такая грубая, какъ вотъ у этихъ рабочихъ и мастеровыхъ мужиковъ.

На желѣзной дорогѣ мнѣ случились замѣчательныя встрѣчи

и объясненія съ людьми различнаго склада мыслей и разныхъ обязанностей по своему призванію. Общее всѣмъ этимъ встрѣчамъ и объясненіямъ то, что изъ нихъ продолжали выясняться для меня разныя современныя нужды и затрудненія русскаго человѣка.

Первая моя встрѣча и объясненіе были съ моимъ сосѣдомъ въ вагонѣ, съ господиномъ изъ небогатыхъ дворянъ, управляющимъ въ имѣніи другаго дворянина изъ богатыхъ. Онъ тоже былъ въ воксалѣ, гдѣ слишкомъ ужъ грубо расходились или распахнулись мастеровые крестьяне. Теперь въ одинъ съ нами вагонъ попало неболѣе десятка изъ этихъ крестьянъ, и тѣ словно переродились: попоютъ довольно складно пѣсенъ; поговорятъ между собою и съ другими пассажирами довольно умно и довольно вѣжливо, хотя и съ приправою мужицкихъ остротъ, впрочемъ почти ужъ не слышно было сквернословія между ними Я выразилъ свое удивленіе къ этой перемѣнѣ мужиковъ передъ своимъ сосѣдомъ, бывшимъ свидѣтелемъ совсѣмъ другаго ихъ поведенія. «Меня такъ нисколько это не удивляетъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Эти, попавшіе въ одинъ вагонъ съ нами, крестьяне почти покончили съ своими прежними помѣщиками; они остаются теперь должниками только казны, снабдившей ихъ откупной суммой, и потому на прежнихъ господъ своихъ ужъ не злятся, не озорничаютъ, а по немножку устраиваютъ себѣ свой новый бытъ. Эти совсѣмъ другаго духа, чѣмъ большинство мужиковъ, которыхъ вы видѣли въ воксалѣ. Я изъ ихъ краевъ; мнѣ они извѣстны, какъ пять пальцевъ Большинство крестьянъ, бывшихъ въ воксалѣ, принадлежатъ къ такимъ временно-обязаннымъ, которые, кажется, и не думаютъ о полученіи совершенной самостоятельности. Они видятъ себя во многомъ вольными, т. е. не подлежащими прежнему страху, но, обязанные платить за землю или оброкомъ или барщиной, постоянно злятся на прежнихъ помѣщиковъ и озорничаютъ, или дѣлаютъ многое просто на зло прежнихъ своихъ господъ. Этотъ скверный духъ и выражается въ мужицкихъ ихъ выходкахъ и въ грубостяхъ сквернословія, какъ вы видѣли и слышали.»

— Значитъ, дѣло пойдетъ лучше и для самихъ мужиковъ какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, если они, по возможности, совсѣмъ покончатъ свои временно обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, если, то есть, выкупятъ землю съ помощію казенныхъ облигацій?—спросилъ я.

— Во всѣхъ отношеніяхъ дѣло пойдетъ лучше. Вѣдь теперь бываетъ иногда просто мученье для помѣщиковъ или ихъ управляющихъ въ дѣлѣ съ временно обязанными, особенно отбывающими плату за землю барщиной. Озорничаютъ, да и только! Разумѣется, что чрезъ это они и сами только разстроиваютъ свой собственный бытъ.

— Почему-жъ они не стараются скорѣе покончить свои временно-обязательныя отношенія къ помѣщикамъ? Почему не выкупаютъ у нихъ землю?

— Все, видите, имъ мерещится другая воля съ даровой землею, хотя Государь не разъ прямо объяснялъ самимъ мужикамъ, что другой воли не будетъ. За озорничанье словно отнимаетъ у нихъ Господь остатки здраваго смысла.

Изъ дальнѣйшаго моего собесѣдованія съ этимъ господиномъ оказалось, что онъ, показавшійся было мнѣ озлобленнымъ противъ крестьянъ, на самомъ дѣлѣ горячо любитъ ихъ, а только негодуетъ на разныя, опытно ему извѣстныя, ихъ дурачества, которыми они сами закрываютъ или портятъ для себя свой новый прекрасный путь. Онъ громко выражалъ свое сочувствіе мнѣ, когда я развивалъ предъ нимъ тѣ свои воззрѣнія, что чрезъ уничтоженіе крѣпостной зависимости проявился у насъ и въ формахъ гражданскаго быта духъ благодати Христовой, дающей людямъ, не исключая и рабовъ, право быть свободными дѣтьми Всевышняго Отца, что потому помѣщикамъ Богъ далъ совершить славное и великое христіанское дѣло,—самопожертвованіе для меньшихъ братій самаго Христа; что особенно Государь оправдалъ самодержавными распоряженіями по крестьянскому дѣлу твердое народное вѣрованіе въ отеческую Божію благодать, дѣйствующую въ самодержавіи къ истинному народному благу и спасенію; что новый лучшій путь для освобожденія крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы и въ своемъ земномъ

гражданскомъ бытѣ выдерживать и проводить великое начало благодати быть дѣтьми самаго небеснаго Отца.

Когда этому господину приходилось оставить вагонъ, мы съ нимъ разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

—

Немедленно по выходѣ моего недавняго знакомаго, присѣлъ ко мнѣ на его мѣсто молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ университетѣ, какъ послѣ объяснилъ онъ мнѣ. «Я сидѣлъ на сосѣдней съ вами скамейкѣ, говорилъ онъ мнѣ, а потому, и не имѣя привычки подслушивать, поневолѣ выслушалъ вашъ интересный разговоръ съ сидѣвшимъ здѣсь господиномъ. Я тоже совершенно согласенъ съ вами, что нашъ простой народъ *пока только* религіей и можно отводить отъ худаго и направлять къ доброму».

— Пока только религіей? возразилъ я съ удивленіемъ. Ну, а намъ съ вами ужъ и безъ религіи можно дойти до всякаго добра и освободиться отъ всякаго зла? Такъ-ли я понялъ васъ?

Изъ продолженія нашей бесѣды, откровенной и прямодушной съ обѣихъ сторонъ, оказалось, что мой новый собесѣдникъ имѣлъ образъ мыслей явно нехристіанскій, существо котораго— уже не безпощадный нигилизмъ, а скорѣе что-то прямо противоположное нигилизму. Этотъ образъ мыслей успѣлъ уже довольно округлиться и упроститься. Вотъ основоположенія этого образа мыслей: «*Нуль, ничто* не есть что-либо дѣйствительное, а только отрицаніе дѣйствительнаго; *нуля, ничтожества* въ дѣйствительности нѣтъ и быть не можетъ и никогда не могло быть. А потому, что есть, то и есть всегда, есть само по себѣ и само собою во вѣки вѣковъ; оно только видоизмѣняется, но по своимъ же внутреннимъ законамъ, которые впрочемъ составляютъ не что-либо отдѣльное, а самое существо того, что есть. Всѣ разнообразные законы бытія сводятся въ одинъ общій законъ, составляющій сущность и силу всякаго частнаго закона,— законъ гармоніи, поглощающей всѣ противорѣчія и разнорѣчія всѣхъ видоизмѣненій бытія. Этотъ законъ самъ собою слѣдуетъ изъ единства бытія или, пожалуй, и есть самое единство бытія

цѣлостная общность того, что есть; этотъ законъ мы и видимъ, или осязательно дознаемъ, всюду — въ природѣ и въ исторіи. Торжествомъ гармоніи надъ всѣми разнорѣчіями и противорѣчіями видоизмѣненій бытія опредѣляется весь ходъ бытія, этотъ непрерывный ходъ впередъ отъ низшаго, или болѣе противорѣчиваго (внутренно) видоизмѣненія бытія къ высшему, болѣе гармоничному, отъ безжизненнаго къ животному, отъ безсознательнаго къ сознательному, отъ этого послѣдняго къ новому, теперь еще невѣдомому, видоизмѣненію бытія, и все это идетъ впередъ такъ, что, хотя недѣлимыя безвозвратно преходятъ, но не разрушается, не исчезаетъ, а только просвѣтляется каждое изъ прежнихъ видоизмѣненій бытія. Пока люди не сознаютъ всего этого сами собою въ точности, предощущать такой порядокъ бытія и выдерживать его, по возможности, въ самой жизни даетъ людямъ именно *религія*. Но духъ самой религіи, образованіе, опыты жизни рано или поздно приведутъ всѣхъ людей къ сознанію показаннаго порядка и значенія бытія; и люди будутъ держаться въ своей жизни гармоніи, мира, любви, потому что найдутъ это хорошимъ для себя, выгоднымъ и удобнымъ болѣе всего другаго, какъ общій законъ всего что есть»...

Когда достаточно для меня выяснился образъ мыслей молодаго человѣка (который доказывалъ мнѣ, что этого образа мыслей держатся всѣ нынѣшніе лучшіе дѣятели и такъ называемые передовики), я задумался, какъ мнѣ вести дѣло съ этимъ господиномъ. Спорить? Горячиться противъ высказаннаго христіанином такого образа мыслей, по которому не признаютъ ни Бога и Христа, ни вѣчной жизни и безсмертной духовности души? Но спорить, при совершенной разности воззрѣній и всего склада мыслей, значило-бы только развивать до безконечности непримиримое разнорѣчіе спорющихъ сторонъ; одно и то же будетъ всегда имѣть для одной стороны такое значеніе, для другой иное. Притомъ мнѣ было страшно, и жалко, не разобравъ или не осязавъ хорошенько духовнаго состоянія молодаго моего собесѣдника, сразу безпощадно дѣйствовать на такія его стороны, которыя, можетъ быть, поражены уже *на смерть* (1 Іоан. V, 16), и съ которыхъ, потому, этого несчастнаго уже *невол-*

можно паки обновлять во покаяніе (Евр. VI. 4—6). Рѣзко или, какъ выражаются простые люди, «сбасу» дѣйствовать на подобныя стороны заблуждающаго человѣка значило-бы давать только поводъ къ распространенію смертоносной заразы отъ пораженныхъ ею сторонъ на все духовное существо этого человѣка. А между тѣмъ, можетъ быть, у того-же человѣка есть другія духовныя стороны, сохраняющія еще нѣкоторую жизненность,— такія стороны, которыя заблужденіемъ еще не поражены на смерть; съ бережною любовію дѣйствуя на эти стороны заблуждающаго, можно еще по благодати Божіей «дать ему жизнь» т. е. привести его отъ мертвящаго заблужденія къ животворной истинѣ (1 Іоан. V, 16, 17). Итакъ я рѣшился не вступать въ сварливую полемику съ моимъ собесѣдникомъ, а развить предъ нимъ только почти положительно свой образъ мыслей, и то держась, по возможности, общей съ собесѣдникомъ исходной точки, такъ чтобы, на сколько то можно не отвергнуть и не оскорбить въ его образѣ мыслей ничего лучшаго, хотя бы только инстинктивно съ его стороны подходящаго къ истинѣ.

Я развивалъ предъ молодымъ человѣкомъ, въ сопутствіи его вопросовъ и замѣчаній, такія мысли: Начну и я съ вашего начальнаго положенія. Нуль, ничтожество, по самому существу этого понятія, не есть что-либо дѣйствительное, а только отрицаніе дѣйствительнаго. Если же все это вмѣстѣ, нуль, ничтожество, отрицаніе не есть какая либо дѣйствительная сущность, то очевидно, что тѣмъ болѣе нельзя нуля, ничтожества, отрицанія допускать въ самое основаніе или въ коренную сущность дѣйствительнаго. Но въ томъ, что есть въ дѣйствительности, предъ нами открытой, нельзя не видѣть и вы сами признаете многоразличныя противорѣчія, происходящія по самому существу своему не отъ чего другаго, какъ отъ многоразличныхъ отрицаній или ограниченій, которымъ въ томъ или другомъ отношеніи, съ тѣхъ или другихъ сторонъ, подлежитъ дѣйствительное. Признавать, что такое дѣйствительное, которое подлежитъ отрицаніямъ, есть само по-себѣ и само собою во вѣки вѣковъ, значитъ допускать отрицанія, ничтожество, нуль въ самую сущность и основаніе дѣйствительнаго и, слѣдовательно, признавать

нуль, ничтожество, отрицаніе чѣмъ-то дѣйствительнымъ, и даже не просто дѣйствительнымъ, а самосущимъ. Вашему безпристрастію, вашей любви къ истинѣ предоставляю усмотрѣть, какъ ваша же математическая аксіома о нулѣ разрушаетъ вашу философію въ самомъ основаніи. Съ тѣмъ же безпристрастіемъ и вѣрною любовію къ истинѣ испытайте, если угодно, на основаніи тойже вашей аксіомы, и философію православія или правомыслія,—другими словами, истину нашей вѣры.

Вы не можете не согласиться съ тѣмъ, что отрицаніе дѣйствительнаго, ничтожество, нуль не можетъ входить въ самое основаніе дѣйствительнаго. Слѣдовательно основаніе дѣйствительнаго должно быть превыше всякаго отрицанія и внутренняго противорѣчія. Вы не можете не признать, что дѣйствительное въ нашемъ мірѣ подлежитъ въ разныхъ отношеніяхъ отрицаніямъ, производящимъ въ области дѣйствительнаго внутреннія противорѣчія и разнорѣчія. Итакъ, чтобы эти отрицанія не превозмогали и не упраздняли дѣйствительнаго, а напротивъ сами съ происходящими отъ нихъ противорѣчіями (антиноміями) преобѣждались и поглощались гармоніею дѣйствительнаго, основаніе этого дѣйствительнаго необходимо должно быть не только превысшимъ всевозможныхъ отрицаній и внутреннихъ противорѣчій, или самосущимъ въ безпредѣльной полнотѣ и гармоніи своего бытія, но и подъемлющимъ на себя и тѣмъ упраздняющимъ всякія отрицанія и противорѣчія дѣйствительнаго. Таковъ и есть Господь нашъ, Богъ Слово, Іисусъ Христосъ: Онъ есть существенное и вѣчное сіяніе Отца небеснаго — этой вѣчной самосущей любви, свѣтящее всею безпредѣльною полнотою почивающаго въ Немъ Духа этой любви; Онъ, въ своемъ вочеловѣченіи ради насъ человѣковъ, содѣлался Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра—эти мятежныя отрицанія и противорѣчія, нарушившія гармонію міра,—содѣлался этимъ Агнцемъ, *заколеннымъ* въ мысли Божества уже *отъ сложенія міра* для обоснованія, на тайнѣ такого Его истощанія, всего міра. На этомъ-то основаніи, по движенію этой жертвующей собою любви въ Богѣ Словѣ, и произошелъ тотъ законъ или порядокъ бытія, что какъ первоначально бытіе всего міра, воззванное Богомъ

Словомъ изъ небытія, благодатно поставлено и открылось незыблемо торжествующимъ надъ ничтожествомъ, такъ и въ послѣдствіи благодатная гармонія жизни оказывается постоянно торжествующею надъ возникшими въ мірѣ отрицаніями и противорѣчіями. Такой порядокъ бытія, дающій осязательно ощущать себя въ природѣ и въ исторіи, у васъ остается необъясненнымъ или держащимся просто ни на чемъ, а у насъ онъ оказывается понятнымъ и, можно сказать, уже естественнымъ, необходимымъ, когда Тотъ, въ Комъ — самосущая полнота и гармонія бытія, снизошелъ до области мірскихъ отрицаній и противорѣчій, снизошелъ до смерти — этого отрицанія жизни, этого непримиримаго противорѣчія бытію. Самосущая въ Немъ полнота и гармонія жизни, явившаяся въ самой области смерти, подвигнутая къ этому уже отъ самаго сложенія или созданія міра, не можетъ не торжествовать надъ смертоносными отрицаніями и противорѣчіями въ мірѣ.

Смотрите, какая благодать для насъ чрезъ это совершается и открывается въ самой природѣ внѣшней! Смертоносное отрицаніе, вошедшее въ міръ съ мятежнымъ грѣхомъ, проникаетъ бытіе и внѣшней природы, которая подлежитъ страдальческой смерти всего въ ней живаго, тщетѣ тлѣнія всего въ ней возникающаго и развивающагося по своему бытію. Но вѣдь внѣшняя природа невиновата въ мятежномъ грѣхѣ, не сама своевольно подпала этимъ противорѣчіямъ своего бытія. Итакъ чтожъ? Внѣшняя природа напрасно обижена? Нѣтъ. Этого быть не можетъ у нашего Господа. Вѣдь Онъ, чрезъ самое даруваніе и поддержаніе бытія въ тваряхъ, далъ и даетъ имъ, въ ихъ мѣру, вкушать любви Своего Отца, которая вся въ Немъ, Единородномъ и единосущномъ Сынѣ, и такимъ образомъ, такъ сказать, дѣлится съ созданіями своими любовію Отчею, въ Немъ почивающею, становясь Своею благодатію чрезъ это въ братство со всею тварію,—*первороженными всея твари* (Кол. I, 15). Какъ-же Ему обижать столь любезную Ему тварь? Не можетъ быть отъ Него обиды для внѣшней природы и изъ-за преступнаго главы земной твари,—человѣка. Вѣдь Господь не отвергъ, а ущедрилъ благодатію и самаго этого преступнаго главу, когда,

при открывшейся отъ грѣха духовной мертвости людей, самъ Онъ принялъ за нихъ смерть и чрезъ это Отчую любовь, въ Немъ почивающую, раскрылъ и для мертвыхъ прегрѣшеніями людей, становясь въ братство и съ ними,—*первороженнымъ изъ мертвыхъ* (Кол. I, 18). Итакъ, когда невинная тварь (говорю о внѣшней природѣ) подлежитъ страданіямъ до смерти и тщетѣ разрушенія и тлѣнія, то она чрезъ это становится жертвою, сообщною, въ свою мѣру, духу и благодати единственной, пожертвовавшей Собою за спасеніе міра, жертвы, — Христа, Агнца Божія. Это ужъ не обида, а щедрость благодати. Видите, въ чемъ дѣло! Христосъ умеръ (движась къ тому Своею любовію уже отъ сложенія міра) за гибнущее въ грѣхахъ и заблужденіяхъ человѣчество, но надо принимать такую благодать, чтобы ею пользоваться. А вотъ мы, и слыша духъ торжествующей надъ зломъ Христовой тайны въ природѣ и исторіи, перетолковываемъ все дѣло противъ Христа... А сколько и за тѣмъ нашего противленія благодати! Все, что мы ни думаемъ и ни дѣлаемъ не по Христу и не со Христомъ, все это похоже на губительство въ насъ всего живаго и цвѣтущаго, на нечистыхъ мошекъ, гадовъ и звѣрей, на гадкія и ядовитыя растенія. Отвергаемой нами благодати Христовой какъ насъ миловать и оживлять? А отринетъ она насъ, — мы сейчасъ-же живая добыча ада, отверженія вѣчнаго. И вотъ она сколько благостно, столько и премудро приготовила при самомъ созданіи міра, на время нашего безсмысленнаго и безжизненнаго противленія, безсознательныхъ пріемниковъ своего животворнаго духа и силы — въ области внѣшней природы. Всякій вздохъ страданія, всякое разрушеніе тлѣнія въ природѣ, сообщные, въ свою мѣру, духу страданій и смерти Агнца Божія, разносящемуся во всю землю (Апок. V, 6), направляются чрезъ это уже къ тому, чтобы удерживать за грѣшными и заблуждающими Христову благодать, хотя-бы только предваряющую или предуготовительную. И вотъ время долготерпѣнія Божія къ племенамъ и народамъ, какъ и къ отдѣльнымъ личностямъ, все еще продолжается и продолжается; и гибнущіе люди по немногу ведутся къ тому, чтобы познавать Христову истину и самимъ

принимать Христову благодать. По раскрытіи Христовой истины и благодати въ славу, спасенные люди вполнѣ до подробности и тонкости узнаютъ это великое, совершающееся въ природѣ, дѣло благодати и сосредоточатъ въ себѣ, и за внѣшнюю природу, торжественное, вполнѣ сознательное благодареніе Отцу небесному за Его всеобъемлющую во Христѣ любовь и благодать. Такъ-то, по глубокому слову Апостола Павла, и «тварь (т. е. внѣшняя природа) съ заботливостію ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, потому что тварь подверглась суетѣ (не сама собою, но тѣмъ, кто подвергъ ее) съ надеждою, что и сама тварь свободится изъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ» (Рим. VIII, 19—21). Потому-то и самый видъ внѣшней природы такъ неотразимо и большею частію такъ живительно и освѣжительно дѣйствуетъ на духъ нашъ.

Далѣе раскрывалъ я предъ моимъ собесѣдникомъ движеніе такой благодати Христовой, торжествующей своею жизненною полнотою и гармоніею надъ отрицаніями и противорѣчіями мірскими, и въ самой исторіи или въ ходѣ судебъ человѣческихъ. Я объяснялъ, что міръ, уже и творимый съ щедростію благодати и съ готовностію Творческой любви пожертвовать собою за него въ случаѣ возможныхъ и навѣрное провидѣнныхъ уже въ немъ отрицаній и противорѣчій, отпечатлѣлъ поэтому въ своемъ составѣ жизненную полноту и гармонію блгодати. Видимый эдемскій садъ и въ немъ дерева съ своими плодами, воды, животныя, свѣтло выражая осуществленныя въ нихъ творческія мысли, благодатно какъ будто говорили съ человѣкомъ; подъ эти живыя вѣщанія природы и поддѣлался отпадшій отъ благодати духъ отрицанія и противорѣчія для увлеченія человѣка своею льстивою ложью. И вотъ началась исторія человѣчества въ настоящемъ его состояніи. Я слѣдилъ, какъ *во древнемъ мірѣ* Божественная благодать просвѣщала и живила вѣрующаго человѣка чрезъ обильные, особенно вначалѣ, остатки и слѣды своихъ отпечатлѣній въ мірѣ, и какъ отпадающіе отъ истинной вѣры злоупотребляли тѣми же благодатными отображеніями въ мірѣ, обративъ ихъ въ поводы къ языческому обожанію твари, этому почти всеобщему заблужденію тѣхъ временъ;—

какъ, по мѣрѣ оскудѣнія или затемненія благодатныхъ образовъ, благодать болѣе и болѣе открывала вѣрѣ свои тайны, а заблуждающее язычество болѣе и болѣе располагалось понять свое заблужденіе; —какъ, наконецъ, «стихіи міра», отображавшія благодатное, стали совсѣмъ недостаточными для удовлетворенія духовныхъ потребностей человѣчества и—явился Самъ человѣколюбивый Господь, исполненный благодати и истины. Который, пожертвовавъ собою за гибнущее и заблуждающее человѣчество, какъ вземлющій его грѣхи Агнецъ Божій, раскрылъ для всего міра самое существо Своей истины и благодати. Началось новое время, новый или отличный отъ древняго міръ. Здѣсь слѣдилъ я, какъ именно благодать Христова открыла, распространила и ведетъ свой новый міръ, являясь прямо въ своемъ существѣ, въ своемъ живомъ духѣ сыновней свободы и отчетливаго разумѣнія истины,—какъ духъ отрицанія и противорѣчія усиливается подавить благодатное начало въ мірѣ то жесткими насильственными и темными формами, то разнузданностію своеволія и фальшивой разумичности;—какъ, по поводу свирѣпства и противобуйства со стороны отрицаній и противорѣчій мірскихъ, и благодать раскрываетъ свою жизненную полноту и гармонію, вводя вѣрующее человѣчество въ живѣйшее сообщеніе крестнаго человѣколюбиваго самопожертвованія Агнца Божія за грѣшный міръ. Такъ, когда политическій (греко-римскій міръ) подвигнулся своими насильственными средствами и безпощадными формами всецѣло подавить юное христіанство, то именно потому и раскрылась благодатная жизнь Христовой Церкви въ чудномъ, пронизанномъ свѣтлымъ разумѣніемъ и человѣколюбіемъ, въ самоотверженіи до кровавой смерти святыхъ мучениковъ и мученицъ, подвигамъ которыхъ уступилъ наконецъ враждебный политическій міръ и самъ сдѣлался христіанскимъ. Затѣмъ усилія лжи извратить самое существо Христовой истины подали поводъ къ точнѣйшему раскрытію и опредѣленію (значитъ и разумѣнію) существенныхъ ея сторонъ; причемъ благодатный духъ той же истины подвигнулъ тысячи подвижниковъ, къ тому, чтобы, съ удаленіемъ отъ всего мірскаго, пріобрѣтать и усвоять себѣ только одного Христа, святую Его чистоту, владычественный

умъ Его, послушливое Его смиреніе и, во главѣ всего, само отверженную Его любовь. Далѣе, въ одной сторонѣ христіанскаго міра, духу льстиваго отрицанія удалось чрезъ мечту земнаго вселенскаго главенства обольстить самую вѣру къ движенію вонъ изъ благодатнаго рая—небеснаго жительства въ самомъ только Христѣ,—движенію, открывшемуся и въ остаткахъ древняго міра, и въ новыхъ народахъ, поддерживаемому широтою, шумомъ и блескомъ развитія здѣсь мірской жизни (*). Зато въ другой сторонѣ благодать устроила, что изъ старыхъ народовъ удержавшіе догматическую вѣрность одному Главѣ — самому Господу, движущему и оживляющему благодатные свои члены—вѣрующихъ, возглавляющему въ Себѣ самомъ небесное и земное, введены были (при оказавшейся практической несостоятельности своего большинства предъ этимъ Христовымъ главенствомъ) въ живительное крестное положеніе (**) подъ игомъ магометанства, заранѣе образовавшагося именно изъ осадковъ фальшиваго христіанства, смѣшеннаго съ іудействомъ и язычествомъ, а изъ новыхъ народовъ принявшіе православную (правомысленную) вѣру воспитывались и возрастали въ благодатной жизни, обособясь отъ шумныхъ и блестящихъ движеній прочаго міра, возглавляясь въ самомъ Христѣ, хотя и съ тѣсною незрѣлостію своего большинства (***). Говоря такимъ образомъ, я дошелъ до рѣчи и о нашихъ новѣйшихъ временахъ, когда, вызванное деспотизмомъ мнимаго вселенскаго главенства раціонально-свободное направленіе оказалось и само перепутаннымъ съ фальшами своеволія и односторонняго раціонализма, а въ борьбѣ и опасливой осторожности противъ этого вѣра нѣкоторыхъ даже изъ православныхъ по немногу впала въ духовно-рабское и мраколюбивое направленіе, между тѣмъ какъ ходомъ міровыхъ событій все болѣе и болѣе переплетаются между собою востокъ и западъ, міръ православный и неправославный

(*) Рѣчь здѣсь о средневѣковой жизни римско-католическаго запада.

(**) Православіе Грековъ, о которыхъ здѣсь рѣчь, подъ крестомъ своего порабощенія продолжаетъ и донынѣ приносить зрѣлые духовные плоды — мученичества.

(***) Рѣчь о старой православно-русской жизни.

Я разъяснялъ, что чрезъ такой духъ и характеръ нынѣшнихъ обстоятельствъ (судя по порядку дѣла благодати во всѣ времена) благодать Христова вызываетъ истинную вѣру, съ дерзновеніемъ сыновней свободы, глубже и глубже входить во всеразъясняющій свѣтъ истины Христовой, въ соучастіе любви Агнца Божія, пожертвовавшаго Собою за востокъ и западъ, и проводить начала православія во всѣ среды жизни не только прямо-церковной, но и гражданской, мірской. Будетъ время, когда духъ отрицанія найдетъ удобство развить всю свою ложь и свирѣпость въ антихристѣ, *яко прельстити, аще возможно, и избранныя.* Но тогда благодать и раскростся во славу, послѣдуетъ всеобщее воскресеніе, явится Христосъ прославить пріемлющихъ Его нынѣ съ вѣрою и отринуть упорствующихъ въ нехотѣніи знать и принять Его, и откроются новое небо и новая земля, въ которыхъ «будетъ Богъ все во всемъ» (1 Кор. XV, 28). Такой-то безконечный плодъ разовьется изъ зерна первоначальной жизненной полноты и гармоніи, съ какою міръ вышелъ изъ рукъ Творца?

Итакъ, заключилъ я, истинная религія требуется не для простонародія только или для недозрѣлыхъ людей, но и для всего человѣчества; въ ней завиты самое существо вещей и вся судьба міра. Такому Божественному духу религіи соотвѣтствуютъ и опыты нашей жизни, если смотрѣть на нее не какъ на пустую глупую шутку, и образованіе или наука, если одушевляется прямодушною любовію въ истинѣ. Господь никого не приневоливаетъ идти за Собою, но любящимъ истину далъ удобство узнать истину именно и единственно въ Немъ самомъ. Силу того, что совершается къ исторіи и внѣшней природѣ обыкновеннымъ порядкомъ. Онъ не перестаетъ проявлять и въ особенныхъ, чрезвычайныхъ событіяхъ и дѣлахъ Своей благодати; любящимъ истину можно было бы дознавать, съ надлежащимъ испытаніемъ, подобные благодатные факты, изъ которыхъ и одного достаточно было бы для убѣжденія въ истинѣ. Но у насъ скорѣе рѣшатся дознавать на мѣстѣ, было ли дѣйствительно *Меридово озеро,* или рыться въ развалинахъ Вавилона и Ниневіи, нежели обратить серьёзное вниманіе на совершающееся от-

крыто предъ міромъ что либо такое, въ чемъ указываются ключи къ разрѣшенію и разъясненію всего и древняго и новаго, хоть бы, напримѣръ, на столь недавнее открытіе чудесно нетлѣнныхъ и притомъ чудодѣйственныхъ мощей Святителя Тихона. Оставимъ Божію суду нелюбящихъ достаточно и вѣрно истину, а между тѣмъ словомъ и писательствомъ старающихся дѣйствовать на родной народъ, проводя въ него духъ какой бы то ни было антихристіанской школы или системы. Только непреложно то, что, когда самъ Богъ, воспринялъ на вѣки въ единство Своего Лица человѣческую природу, и это именно ради насъ человѣковъ, личное бытіе каждаго изъ насъ человѣковъ, имѣющее продолжаться на вѣки безконечные, обосновано не просто на духовности цѣлой половины человѣческаго существа, но на личности самаго Богочеловѣка. Непреложно то, что, когда вся полнота благоволенія и любви Отца небеснаго почиваетъ въ Его Сынѣ, чуждые и упорно чуждающіеся Сына составляютъ неизбѣжную добычу вѣчнаго отверженія; въ такихъ существахъ любовь и благоволеніе всеобщаго во Христѣ Отца не можетъ уже найдти для себя ни малѣйшаго мѣста. И если Господь Свою частную жизнь, съ младенчества, проводилъ въ домѣ плотника, въ чемъ открывается благодать особенно для людей рабочихъ, благодать работать у самаго небеснаго Отца въ хозяйствѣ Его Сына, то Онъ же Господь нашъ общественное Свое служеніе посвящалъ особенно дѣлу слова или ученію, въ чемъ открывается благодать для служащихъ истинѣ словомъ или перомъ, благодать дѣлать это дѣло также у Отца Всеблагостнаго подъ руководящимъ учительствомъ самаго Сына Его. Пойдемъ же всѣ вмѣстѣ къ нашему Отцу, чтобы и образованнымъ и простымъ составлять дружное и нераздѣльное Его семейство по благодати Его Сына, дѣйствующей Святымъ Его Духомъ!.. Ничего не можетъ быть лучше, благотворнѣе и даже, по благодати Христовой, проще для всѣхъ и каждаго изъ насъ.

Такія-то мысли развивалъ я въ собесѣдованіи съ молодымъ человѣкомъ, у котораго противохристіанскій образъ мыслей оказывался болѣе и болѣе только наплывомъ совнѣ на юную воспріимчивую душу, мало знакомую съ живымъ смысломъ ира-

вославнаго христіанства. Я опустилъ самыя его рѣчи, замѣчанія и вопросы, чтобы не растянуть, и безъ того продолжившагося, моего изложенія сущности нашего собесѣдованія. Оно шло съ такимъ увлеченіемъ со стороны молодаго человѣка, что онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхали ту станцію, на которой слѣдовало ему сойти съ вагона; но онъ, примѣтно, и не жалѣлъ объ этомъ.

—

Когда шла у меня бесѣда съ молодымъ человѣкомъ, случилось сидѣть на противоположной намъ скамеечкѣ, лицомъ къ лицу съ нами, одному ужъ сѣдѣющему священнику съ наперстнымъ за восточную войну крестомъ. Онъ, примѣтно, съ неотступнымъ и живымъ не просто только вниманіемъ, но и сердечнымъ участіемъ слѣдилъ за нашими рѣчами. И когда я простился съ моимъ собесѣдникомъ, священникъ съ живостію взялъ мою руку и высказалъ мнѣ отъ полноты своего сердца благодарность за мой разговоръ съ молодымъ человѣкомъ. Достойный пастырь, видно, серьезно занятъ дѣломъ спасенія душъ человѣческихъ отъ мертвящихъ заблужденій.

— Только, замѣтилъ мнѣ добрый священникъ, зачѣмъ это вы, говоря о священныхъ высокихъ предметахъ, употребляете выраженія слишкомъ вульгарныя; напр. говоря о Господѣ, выражаетесь, что Онъ жилъ у человѣка рабочаго, во домѣ плотника? Это, положимъ, касается только наружности рѣчи, но все же можетъ служить къ униженію великаго предмета, а потому и къ соблазну. Сказать бы: въ домѣ *тектона*, и прибавить скромно поясненіе, что это значитъ домъ плотника, было бы достойнѣе предмета и назидательнѣе для слушателей, чѣмъ усиленно и нарочно ударить прямо на эти слова—*плотника, рабочаго*. Когда говорится о Господѣ, образъ рѣчи долженъ быть, и по внѣшности, достоинъ величія такого предмета.

— Но для этого самаго долженъ не закрывать, а выставлять на полный видъ,—прибавилъ я съ своей стороны,—и Его снисхожденіе къ намъ, въ которомъ Онъ самъ полагаетъ истинную славу для Себя и для Своего Отца. *Нынѣ прославися Сынъ*

человѣческій, говорилъ Онъ передъ Своими страданіями и смертію, достойными только самыхъ презрѣнныхъ тогдашнихъ колодниковъ—злодѣевъ изъ рабовъ, *нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися въ Немъ* (Іоан. XIII, 31). Вѣдь Господу нашему, истощившему Себя для людей до самаго обыкновеннаго человѣческаго положенія, до положенія не только близкаго къ людямъ рабочимъ (по первоначальному Его жительству), но и до положенія осуждаемыхъ и казнимыхъ преступниковъ, наиболѣе пріятно будетъ, если мы такъ и будемъ раскрывать это, чтобы людямъ и въ обыкновенныхъ средахъ, людямъ и изъ рабочихъ, и изъ самыхъ преступниковъ, подлежащихъ суду и наказаніямъ, просто и удобно было узнавать и принимать въ свое спасеніе такую щедрость Христовой благодати. Тутъ дѣло касается ужъ не одной внѣшности въ образѣ рѣчи, но самаго образа мыслей о дѣлѣ Господнемъ, наклоннаго и направленнаго или къ тому, чтобы воздавать славу только вышемірному Его величію, или къ тому, чтобы раскрывать для всякой людской среды истинно божественную славу крайняго Его снисхожденія въ нашъ міръ. Св. Іоаннъ Богословъ, орлиными очами созерцавшій Божественное величіе Христа Бога Слова, въ томъ однако указалъ полноту Его истины и благодати, что *Слово плоть бысть* и славу Единороднаго отъ Отца можно было видѣть въ земномъ «обитаніи Его съ нами» (Іоан. I, 14). Мало этого; тотъ же великій Апостолъ направленіе вѣры, нехотящее и знать снисхожденія Христова до обитанія съ нами во плоти, слѣдовательно и ни мало не одушевленное человѣколюбивымъ духомъ этого снисхожденія, относитъ къ духамъ льстивымъ, антихристіанскимъ, хотя бы подобное направленіе выдавало себя за вдохновенное свыше (1 Іоан. IV, 2, 3).

— Но все же, возразилъ почтенный мой новый собесѣдникъ, надо щадить слабыхъ, чтобы не соблазнить, по крайней мѣрѣ не поразить непріятно непривыкшаго къ подобной рѣчи слуха.

И вотъ начали мы разсуждать о *соблазнѣ*. Я поставлялъ на видъ добраго батюшки, что есть разные роды соблазна,—есть родъ соблазна, составляющій вину только самихъ соблазняющихся. Я обращалъ вниманіе его на то, почему Господь, въ

отношеніи напримѣръ къ субботѣ, не снисходилъ къ немощи іудеевъ, получившихъ законъ субботы отъ самаго Бога и слышавшихъ уже отъ позднихъ пророковъ подтвержденіе слова Божія, что, если въ субботу не будутъ носить никакого бремени вратами іерусалима, то святой городъ будетъ цѣлъ и вратами его будутъ мирно входить и выходить цари, начальники и народъ, а въ противномъ случаѣ—гибель всему (Іерем. XVII, 24—27). Господь не обинуясь творилъ чудеса въ субботу, съ повелѣніемъ иногда исцѣленному отъ болѣзни—*взять одръ свой и идти*, хотя іудеи и особенно фарисеи крайне соблазнялись этимъ, по прямому притомъ поводу къ этому со стороны самаго слова Божія. Отъ чего такая несниходительность въ Божественномъ Человѣколюбцѣ? Видно, когда вѣра вѣкоторыхъ, по превратному направленію своему, забываетъ уже духъ и силу Божіихъ дѣлъ и учрежденій, сосредоточенныхъ, какъ извѣстно, именно въ тайнѣ Христа Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, то ужъ нечего смотрѣть на то, что подобная вѣра соблазнялась бы духомъ Христова снисхожденія въ міръ и Христова самопожертвованія за грѣхи и заблужденія міра, а слѣдуетъ, безъ уклончивости и сколько можно прямѣе, выражать этотъ человѣколюбивый духъ и смѣло проводить его въ мірскія среды для спасенія человѣка. Есть соблазнъ креста Христова, упоминаемый Апостоломъ Павломъ (Гал. V, 2). Господу не трудно было бы предотвратить этотъ соблазнъ: слѣдовало бы только не употреблять въ орудіе спасенія людей столь презрѣннаго и позорнаго въ то время орудія казни, о которомъ, по словамъ современнаго почти той эпохѣ Цицерона, благородному римскому гражданину не слѣдуетъ ни думать, ни слышать. Но Господь это самое орудіе казни,—именно крестъ, и употребилъ въ орудіе своей искупительной за насъ смерти, чтобы чрезъ это духъ и сила человѣколюбиваго Его истощанія за насъ раскрылись сколько возможно прямѣе, полнѣе и выразительнѣе. Такъ и Апостолу Павлу стоило бы только учить, что человѣкъ спасается собственно чрезъ соблюденіе и исполненіе Божія закона (къ составу котораго относилось въ ветхомъ завѣтѣ и учрежденіе обрѣзанія), а не чрезъ усвоеніе живою и дѣятельною вѣ-

рою правды Христовой, открытой людямъ именно въ крестномъ самопожертвованіи за нихъ Агнца Божія: тогда, по его словамъ, *упразднился бы соблазнъ креста* (Гал. V, 2). Но Павелъ, какъ извѣстно, нимало не потворствовалъ іудействующему христіанству, соблазнившемуся самымъ Христовымъ крестомъ. Онъ прямо говорилъ такимъ христіанамъ: *упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдаетеся* (ст. 4). Такъ-то и намъ, когда дѣло идетъ о раскрытіи и примѣненіи духа и силы Христова снисхожденія въ міръ и самопожертвованія за этотъ грѣшный міръ, не надо ужъ задерживаться никакими соблазнами людей противнаго этому направленія. Напротивъ, чтобы подорвать подобное превратное направленіе въ его внутренней мертвящей силѣ, возмогшей нѣкогда и богоизбранный народъ привести къ отверженію, должно по возможности не только словомъ, но и дѣломъ твердо выдерживать духъ крестнаго самопожертвованія Агнца Божія за міръ, сколько бы чрезъ такое слово или дѣло ни усилился *соблазнъ креста* Христова въ нехотящихъ знать истинной, живой силы этого креста.

Почтенный батюшка согласился со мною. Однакожъ высказался, что мы-де грѣшные ужъ привыкли раскрывать и вести дѣло вѣры по-просту, держась святыхъ Богоносныхъ Отцевъ.

— И дѣйствительно, отвѣчалъ я, обязательно и глубокоразумно для православныхъ держаться богопросвѣщеннаго руководства святыхъ Отцевъ. Но ужъ и слѣдуетъ вполнѣ держаться этого святоотеческаго руководства. Вы, конечно, читали богословіе (*) Св. Іоанна Дамаскина, и потому помните, какъ этотъ святый Отецъ, руководясь предшествующими ему святыми отцами, углубляется своею живою и любомудрою мыслію къ тайны троичности Божества и воплощенія Сына Божія. А вѣдь это— самыя неизслѣдимыя для нашей мысли тайны, требующія, повидимому, болѣе всего простоты вѣры. Итакъ, съ надлежащею вѣрностію послѣдуя руководству богопросвѣщенныхъ Отцевъ, мы должны, при простотѣ вѣры, и углубляться своею мыслію въ истину Христову, *да возможемъ*, по Апостолу, *разумѣти со*

(*) „Точное изложеніе православной вѣры".

всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разума любовь Христову, да исполнимся во всяко исполненіе Божіе (Еф. III, 18. 19). Особенно пастырямъ и учителямъ безъ разносторонняго и глубокаго разумѣнія истины Христовой, кажется, и нельзя руководить не только такихъ людей, образчикъ которыхъ вы сейчасъ видѣли, но и простыхъ православныхъ,—нельзя руководить особенно къ тому, чтобы они въ своей средѣ, за своими дѣлами, оставались *дома* у своего небеснаго Отца, какъ истинные Его дѣти по благодати Его Сына.

Добрый батюшка особенно охотно согласился на это. Надо замѣтить, что я каждую свою мысль подвергалъ обсужденію самаго почтеннаго священника. Съ нимъ вмѣстѣ пришлось мнѣ и оставить желѣзную дорогу. Тѣмъ и кончилось это мое особенно памятное и знаменательное для меня въ разныхъ отношеніяхъ, путешествіе.

IX.

О журналахъ нашихъ, свѣтскихъ и духовныхъ.

Въ одной изъ книжекъ, которыя у насъ нерѣдко рекомендуются, особенно молодому поколѣнію, какъ произведенія самой свѣжей мысли,—между старыми и новыми выходками противъ Христіанства попалось мнѣ одно дѣльное замѣчаніе, что хорошо бы мыслящему человѣку, время отъ времени, пересматривать свои научныя пріобрѣтенія и религіозныя убѣжденія (или отношеніе свое къ религіи) и подводить *итоги* тѣмъ и другимъ,—какъ дѣлалъ какой-то западный ученый. Онъ съ добросовѣстною отчетливостію предъ истиною слѣдилъ, на сколько отношеніе его къ религіи поддерживалось или подрывалось пріобрѣтаемыми имъ знаніями, на сколько научныя его пріобрѣтенія сближались или расходились съ религіозными его убѣжденіями.

Мнѣ кажется, что у насъ именно читателю свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ не мѣшало бы дѣлать по временамъ по-

добный пересмотръ тѣхъ и другихъ. Не то чтобы я признавалъ правильнымъ и логичнымъ раздѣленіе между религіею и знаніями, и духовные журналы считалъ бы монополистами первой, а свѣтскіе представителями послѣднихъ. Нѣтъ! Нашъ Богъ—Тотъ, Кто сказалъ: «Я—истина» (Іоан. XIV, 6). И потому на сколько кто разумно успѣваетъ въ вѣрѣ въ истиннаго Бога нашего,—Бога истины, на столько онъ становится далекимъ отъ того, чтобы отрекаться или имѣть отвращеніе отъ знаній, служащихъ дѣлу истины. И на сколько кто честно трудится и успѣваетъ въ области знаній, на столько онъ работаетъ истинѣ—Христу, хотя бы еще и не довольно узналъ Его—какъ слѣдуетъ. У истины нѣтъ монополій. «Всякой, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего», говоритъ Истина (Іоан. XVIII, 37); а потому, кто не слушаетъ голоса истины, тотъ уже и не отъ истины, или принадлежитъ ужъ не ея сторонѣ. Вотъ единственная монополія истины, открытая для всѣхъ, но и чуждая для кого бы-то ни было, на сколько онъ не слушаетъ истины! Поэтому, въ отношеніи къ журналистикѣ духовной и свѣтской, справедливѣе будетъ наблюдать и испытывать именно то, на сколько та и другая вѣрно слѣдуетъ истинѣ по своему дѣлу, на сколько въ томъ или другомъ отношеніи не совсѣмъ выдерживаютъ истину, на сколько потому задерживаютъ или подвигаютъ впередъ дѣло мира и благоустройства общественнаго, основываемое на истинѣ. Такой испытательный пересмотръ журналовъ читателю ихъ надо дѣлать, прежде всего, для себя самаго, чтобы не увлекаться какимъ либо односторонним журнальнымъ направленіемъ, и не растеряться отъ слишкомъ ужъ разносторонняго наплыва журналистики на мысль, а оставаться, за чтеніемъ различныхъ журналовъ, независимымъ и твердымъ слушателемъ самой истины.

Впрочемъ какъ угодно тому или другому читателю журналовъ, такъ и пусть онъ поступаетъ. А я, читая журналы свѣтскіе и духовные, буду по временамъ давать отчетъ о нихъ въ томъ именно отношеніи, какъ объяснено сейчасъ мною. Можетъ быть, найдутся не только читатели, но и дѣльцы журнальные, которымъ мои подобныя «Замѣтки» дадутъ подъ часъ

услышать въ себѣ голосъ истины. Журналы наши выражаютъ общественное наше состояніе въ разныхъ отношеніяхъ: не давать себѣ отчета въ нихъ значитъ быть невнимательнымъ къ нашимъ обыкновеннымъ интересамъ.

Сдѣлаю въ настоящій разъ очеркъ какъ лучшей, такъ и худшей стороны нашей журналистики свѣтской и духовной. Буду обозначать только то, что̀ мнѣ кажется характеристичнымъ въ томъ или другомъ журналѣ и вмѣстѣ особенно важнымъ, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ отношеніи, для дѣла истины.

Замѣчу прежде всего, касательно вообще нашей журналистики, такой фактъ, что духовная и свѣтская части, въ журнальной области, относятся другъ къ другу болѣе—какъ чужія, нежели какъ сродныя взаимно или занятыя существенно однимъ и тѣмъ же дѣломъ жизненной истины. И при этомъ особенно замѣчательно, что въ послѣднее время духовная сторона болѣе заявляетъ готовности къ сближенію съ своею сестрою—свѣтскою, нежели послѣдняя съ первою. Лучшіе представители духовной журналистики открыто поднимаютъ знамя сближенія между Церковію и истиною Христовою съ одной стороны (на которой стоитъ духовная журналистика), и обществомъ и дѣйствительною жизнію—съ другой стороны (на которой стоитъ журналистика свѣтская). Самые неподвижные и неколебимые изъ духовно-журнальныхъ дѣльцевъ тоже по немногу уступаютъ своего вниманія къ движенію свѣтской журналистики, хотя, разумѣется, пока только косятся на нее. Между тѣмъ свѣтская журналистика (за исключеніемъ едвали не одного «Сына Отечества) почти не обращаетъ и вниманія на то, что̀ дѣлается въ духовной журналистикѣ; коснется въ ней слишкомъ близко развѣ того, въ чемъ находитъ собственный интересъ. Отъ чего это? Не отъ того ли, что духовная журналистика и вообще письменность слишкомъ долго сама была невнимательна къ свѣтской журналистикѣ и письменности, какъ будто послѣдняя вовсе не дѣломъ истины была занята? Теперь свѣтская журналистика, оскорбленная недовѣріемъ и невниманіемъ къ ней духовной, не выжидаетъ ли и даже не требуетъ ли отъ русскаго общественнаго мнѣнія

полнаго признанія своихъ правъ по дѣлу истины, устраняясь дотолѣ отъ заподозрившей ее, въ этомъ отношеніи, партіи? Это отчасти такъ, по моему наблюденію. Такая настроенность свѣтской мысли въ отношеніи къ духовной области высказалась съ особенною рѣзкостью въ статьѣ «темное царство», напечатанной года два или три тому назадъ въ «Современникѣ». Но изъ этой-же статьи съ особенною же рѣзкостію открывается и то, что свѣтская мысль, выражаемая современною журналистикою, впадаетъ замѣтно въ опасную крайность присвоить ужъ себѣ самой монополію въ мірѣ свѣтлой и жизненной истины, совсѣмъ устраняя всякихъ другихъ претендентовъ на подобную монополію. Такая нехорошая настроенность до того охватываетъ нашу свѣтскую журналистику, что изъ ея дѣятелей даже и наиболѣе близкіе къ духовнымъ дѣятелямъ, еслибы, напримѣръ, выхвалили какой либо талантъ, проявившій себя въ духовной журналистикѣ, непремѣнно ужъ похвастаютъ, будто они первые познакомили публику съ этимъ талантомъ (*); яко-бы духовная журналистика до того ужъ слаба въ своемъ значеніи для публики по общему дѣлу истины, что публика не можетъ и узнать талантливыхъ ея дѣятелей, безъ посредства свѣтскихъ журналовъ.

Претензіи на монополію въ дѣлѣ истины—вотъ что̀ главнымъ образомъ и разъединяетъ, и неизбѣжно должно разъединять, самыхъ даже искреннихъ дѣятелей по дѣлу истины. Монополистъ въ дѣлѣ истины, въ отношеніи къ другому человѣку, таитъ въ глубинѣ своей души такую мысль: «на *моей* сторонѣ истина и потому, если тебѣ дорога̀ и любезна истина, слушайся *меня* и иди туда, дѣлай и мысли такъ, какъ и куда *я* тебѣ укажу; а иначе ты человѣкъ дряпной, врагъ истины». Какомужъ живому человѣку захочется закабалить себя въ духовную неволю и рабство другому человѣку?! И вотъ рано или поздно, а непремѣнно разойдутся эти оба человѣка, хотя бы они были заодно. Напротивъ, чуждый духа монополіи въ дѣлѣ истины держится въ глубинѣ своей души, въ отношеніи къ другому, такой

(*) Рѣчь о „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ отношеніи къ г. Юркевичу, бывшему дѣятелю духовнаго журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“.

мысли: «будемъ сообща, заедино узнавать *саму истину* и вѣрно слѣдовать ей,—вотъ что̀ до́рого и нужно равно и для тебя и для меня; если ты слушаешься *самой истины*, хоть бы это было еще лишь на столько, на сколько требованія истины слышны всѣмъ людямъ, то ты ужъ мой братъ, мы заодно работаемъ по дѣлу истины». Здѣсь дѣло пойдетъ къ миру и единенію одного съ другимъ, хотя бы они прежде и слишкомъ разошлись между собою. Монополіи въ дѣлѣ истины не можетъ не противиться духъ человѣческій, если онъ хоть сколько нибудь слышитъ единство существеннаго значенія и назначенія всѣхъ людей. Монополіи въ дѣлѣ истины противится Самъ Духъ Божій, Духъ той любви, по которой Сама Истина—Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ ради всѣхъ человѣковъ. Исторія представляетъ намъ поучительные факты въ предосторожность какъ отъ духовнаго преобладанія, претендующаго на монополію въ дѣлѣ истины, такъ и отъ протестовъ противъ духовнаго преобладанія, дѣлаемыхъ тоже съ претензіей на монополію въ дѣлѣ истины. Былъ нѣкогда въ единствѣ вселенской Христовой Церкви великій отдѣлъ, въ которомъ духовный руководитель и служитель истины пользовался такимъ полнымъ довѣріемъ и послушаніемъ къ себѣ руководимыхъ, что ему ужъ не казалась мечтою претензія на монополію въ дѣлѣ истины. Но этого не могли терпѣть вѣрные вселенскому духу и назначенію Христовой истины, и вотъ отъ истинно-вселенскаго каѳоличества отдѣлилось *римское* католичество, на многовѣковую скорбь и многоразличныя бѣды для христіанства. Это великій для насъ урокъ противъ духовнаго притязанія на монополію въ истинѣ. Когда же открылись протесты и движенія духа пѣлыхъ народовъ противъ духовныхъ оковъ, наложенныхъ на свободную разумность папскою монополіею въ дѣлѣ истины; то случилось, что у одного народа протестующіе коноводы выражали не менѣе, а, пожалуй, и болѣе претензіи на монополію въ истинѣ, чѣмъ самые клерикалы папскіе. Чтоже? Живой духъ этого народа, которому, по его подвижной живости, особенно должны быть несносны деспотическія оковы папства, не потерпѣлъ протестующихъ, хотя они дѣйствовали и противъ этихъ оковъ, и остался въ *рим-*

своемъ католичествѣ, хотя послѣднее и было ниже этого народнаго духа. Такъ было именно во Франціи, какъ прекрасно выяснено въ извѣстной книгѣ Бокля. Вотъ урокъ для насъ, чтобы, и дѣйствуя въ отпоръ какому нибудь притязанію на монополію въ дѣлѣ истины, оковывающему духовную свободу и живую разумность, не допускать крайности такогоже притязанія и съ своей стороны.

Потому-то со стороны духовной журналистики самое лучшее, по моему мнѣнію, состоитъ въ возникающемъ у нея движеніи къ сближенію съ дѣйствительною жизнію и современными потребностями общества, которыми такъ ревностно занимается свѣтская журналистика, а слѣдовательно и съ этою послѣднею, какъ сотрудницею по дѣлу истины. Это сближеніе можетъ совершаться со стороны духовныхъ особенно въ двухъ отношеніяхъ. Духовный служитель истины можетъ протянуть братскую руку свѣтскому дѣятелю просто по духу той Христовой истины, что хотя Господь нашъ и не отъ міра сего, какъ вѣчно *сущій во лонѣ Своего Отца*, однако приходилъ въ міръ сей и пришедши пролилъ кровь Свою равно за всѣхъ людей грѣшныхъ— и за находившихся въ оградѣ Божія закона (іудеевъ) и за ходившихъ внѣ этой ограды самовольными путями (язычниковъ); и потому Онъ предложилъ людямъ того и другаго рода или направленія взаимное единеніе мира, такъ чтобы они имѣли чрезъ Него—Господа равный доступъ къ Отцу, въ одномъ Духѣ, Духѣ свободнаго усыновленія, а не рабской страшливости и мнительности (Ефес. II, 13—18. Рим VIII, 15). Въ такомъ благородномъ духѣ, впрочемъ еще не столько раскрывающемся съ отчетливою опредѣленностію, сколько дающемъ чувствовать свою свѣжесть непосредственно, братски относится къ свѣтскимъ дѣятелямъ именно «Православное обозрѣніе». Можетъ духовный дѣятель сближаться съ свѣтскими, по дѣлу истины, и не иначе, какъ по внимательному наблюденію и опытному дознанію того, сколько свѣтскіе дѣйствительно вѣрны Христовой истинѣ и служатъ именно ей; только при этомъ духовный, слѣдуя Христовой истинѣ, не выпускаетъ изъ ея области даже и того, что̀ истиннаго дознается и усвояется кѣмъ либо и безъ прямаго вѣденія

истины только во Христѣ (Дѣян. XVII, 23, 28, 29). Въ этомъ духѣ правдолюбиваго, но возвышеннаго надъ жосткою «ревностію не по разуму», испытанія и наблюденія готовъ сближаться братски съ свѣтскою областію духовный журналъ «Труды Кіевской духовной Академіи».

Другіе духовные журналы тоже полагаютъ такъ или иначе начало къ сближенію съ свѣтскими собратами. «Духъ Христіанина» энергически отвергаетъ жосткое и самохвальное направленіе, ревнующее за вѣру не по разуму, усиливающееся и мечтающее споспѣшествовать вѣрѣ не любовію, а враждебною безпощадностію. Многоученые журналы «Творенія Св. Отцевъ» и «Христіанское чтеніе», одинъ болѣе солиднымъ образомъ, а другой съ большею живостію, начали наблюдательно озираться на движенія современной мысли и жизни общества. «Духовный Вѣстникъ» усиливается иногда, съ должною отчетливостію и съ заботливою осторожностію, вникнуть въ самые корни общественныхъ духовныхъ недуговъ нашего времени. «Странникъ» старается держаться кроткаго миролюбія. Въ «Православномъ собесѣдникѣ» попадаются напротивъ статьи рѣзкаго обличительнаго духа и тона, съ серьёзными запросами, не отдаются ли на насъ или вообще на позднѣйшемъ потомствѣ разные общественные грѣхи, допущенные къ намъ въ Россію еще прежними временами, — не стольколи уже, если не болѣе, сталъ преступенъ предъ Богомъ и новый благодатный Израиль, сколько провинился нѣкогда древній плотской Израиль, и не слѣдуетъ ли объ этомъ подумать и подумать вождямъ новаго Израиля... Но въ этомъ слышится живая сила Божіей истины, которая любящихъ истину, и съ свѣтской и съ духовной стороны, также можетъ только сближать, а не разъединять между собою.

Вѣдь, великое дѣло—истина, взятая въ живой своей силѣ. Только тотъ, кто понимаетъ истину въ мертвой буквѣ, а не въ живой силѣ, можетъ о принятіи или достиженіи истины любящими ее отозваться презрительно, какъ о чемъ-то еще слишкомъ недостаточномъ: «*только-то?!*» А для понимающихъ и любящихъ истину въ живой ея силѣ, ужъ много, много значитъ даже услышать живой голосъ истины; достигнуть же

этой истины, принять ее не по буквѣ, а въ самой силѣ, значитъ для нихъ принять живое сѣмя самой жизни благодатной и вѣчной. Потому-то только тотъ, кто самодовольно воображаетъ себя ужъ достигшимъ чуть не полноты вѣденія и истины, доведенный до этого самообольщенія именно пониманіемъ истины не въ безконечно-жизненномъ ея духѣ, а въ мертвой буквѣ, только такой человѣкъ пойдетъ прочь отъ истины, взятой въ живой ея силѣ. Онъ, извольте видѣть, никакъ ужъ не сможетъ «одолѣть», т. е. сполна прочитать или понять, какую нибудь книжку или статью, даже ту или другую строчку въ статьѣ, гдѣ, напримѣръ, раскрывается, что великій грѣхъ и бѣда—передавать и упрочивать въ родномъ народѣ направленіе—держаться истины болѣе въ буквѣ, чѣмъ въ живомъ духѣ, направленіе—успокоиваться на буквѣ, какъ будто на законченной совсѣмъ полнотѣ разумѣнія истины. Господамъ подобнаго рода нужды нѣтъ, что это самое направленіе и сгубило главнымъ образомъ древняго Израиля: да оно же есть одно, и едвали не первое по старинѣ и важности, изъ тѣхъ общественныхъ нашихъ золъ, которыя возникли у насъ въ Россіи еще въ прежнія времена, на бѣду и позднято потомства, на бѣду новаго Израиля — христіанъ православныхъ. Любящіе же истину изъ свѣтскихъ и духовныхъ, любящіе истину въ живой ея силѣ, чуждые самообольщенія «считать себя уже достигшими» законченной полноты въ разумѣніи истины, а напротивъ «забывающіе заднее и простирающіеся впередъ» (Филип. III, 13), согласно ухватятся и за маленькое зерно раскрытія истины въ живой ея силѣ, хотя бы то было предложено въ самомъ рѣзкомъ обличительномъ духѣ и тонѣ.

Обращаясь теперь къ свѣтской журналистикѣ, и именно къ лучшей ея сторонѣ, я и буду слѣдить и обозначать въ этой области болѣе силу и духъ, нежели букву истины. Непреложно слово истины: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, расточаетъ» (Мѳ. XII, 30). Но быть и собирать со Христомъ, какъ истиною, нельзя иначе, какъ въ самой силѣ дѣла, т. е. одушевляясь любовію и вѣрностію къ истинѣ, взятой притомъ въ живомъ Христовомъ духѣ, духѣ

святаго и самоотверженнаго человѣколюбія, духѣ свободнаго сыновства, духѣ такой всеобъемлющей многосторонности, чтобы *возглавить всяческая во Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли* (Ефес. I, 10). На сколько кто держится, въ дѣлѣ истины, именно такого духа, противоборнаго духу мрака и лжи, хотя бы видимо и *не ходило по насъ*, на столько онъ все же за насъ. «Кто не противъ васъ, тотъ за васъ», сказалъ Господь Своимъ ученикамъ, когда они положили запрещеніе на одного человѣка, изгонявшаго духовъ зла именемъ Христа, ссылаясь только на то, что онъ *не ходитъ по насъ* (Марк. IX, 38, 40). Дѣятелямъ свѣтской журналистики (говоря *вообще* или о большинствѣ ихъ) иные ученики Христовы могутъ конечно ставить въ вину, что они тоже *не ходятъ по насъ*, или дѣйствуютъ въ своей области слишкомъ независимо и самостоятельно. Но нельзя отнять у этихъ дѣятелей той чести, что они или многіе изъ нихъ добросовѣстно и честно стремятся къ истинѣ (а именемъ истины Христосъ называлъ Себя самаго), держатся духа гуманнаго или человѣколюбиваго, не рабскаго и даже ненавидящаго духовное рабство, охватывающаго по возможности *все* или старающагося дать себѣ во *всемъ* отчетъ разумный, отчетъ истины. Это прекрасно! Въ этомъ отношеніи они идутъ, скажетъ истинный Христовъ ученикъ, не противъ насъ, а слѣдовательно за насъ. Истинный служитель Христовой Церкви притомъ же знаетъ, что благодать (іерархическаго) священства необходима и даруется отъ Бога духовнымъ именно для служенія тому, чтобы Христосъ былъ и съ простыми христіанами, или міранами, чтобы, потому, міряне оставались и дѣйствовали, каждый въ своей области или средѣ, съ духовною самостоятельностію, не зависимою отъ какого нибудь папистическаго вмѣшательства, какъ это завелось въ неправославномъ католичествѣ. Значитъ, не преступна предъ православіемъ и та независимость свѣтской журналистики, что ея дѣятели *не ходятъ по насъ*. Впрочемъ православный для успокоенія своей ревности, горько смущаемой иногда кажущимся или дѣйствительными антихристіанскими тенденціями нѣкоторыхъ журнальныхъ дѣльцовъ, не долженъ забы-

вать, что Господь нашъ есть свѣтъ, свѣтящійся и во тьмѣ, однако тьмою необъемлемый, неподавляемый (Іоан. I, 5). Я имѣю въ виду и желаю другимъ поставить на видъ собственно то, что̀ относится къ свѣтенію самаго Христа въ свѣтской журналистикѣ, какъ бы ни относились къ нему тѣ или другіе ея дѣльцы съ своей стороны. Каіафа пророчествовалъ, когда въ его мысли и намѣреніи было только заранѣе произнести приговоръ смерти на Христа (Іоан. XI, 51). Послѣ этого, кажется, ревнителямъ можно быть покойными на тотъ счетъ, что я вовсе не антихристіанство нѣкоторыхъ журнальныхъ дѣятелей оправдываю или ступовываю, говоря о лучшей сторонѣ свѣтской журналистики, а воздаю славу могуществу Христовой благодати.

Войду въ разсужденіе, и въ частности, о томъ или другомъ журналѣ съ лучшей его стороны. Начну съ «Современника». Прежде лучшее въ духѣ и направленіи «Современника», на мой взглядъ, ограничивалось почти только отрицательною стороною, именно стремленіемъ и умѣніемъ слѣдить, схватывать и разбивать фальшивое, двусмысленное ветшающее или гнилое въ жизни и мысли. Нечего говорить о томъ, какъ это пригодно и нужно для настоящаго переходнаго въ разныхъ отношеніяхъ времени, когда всякая дрянная вѣтошь и фальшь могутъ прикрываться самыми благовидными личинами и задерживать общество на пути къ жизненной истинѣ. Но, съ продолженіемъ времени, въ «Современникѣ» лучшее стало, кажется, болѣе и болѣе обозначаться и съ положительной стороны. Въ этомъ отношеніи мнѣ болѣе всего по сердцу то, что «Современникъ» горячо отстаиваетъ свѣжее, возвышенное надъ духовнымъ рабствомъ и стремящееся впередъ къ лучшему, направленіе духа, мысли и жизни; а вмѣстѣ съ этимъ сочувствуетъ онъ осторожности и бережности, по крайней мѣрѣ, *другимъ* въ отношеніи къ болѣющимъ нравственными и гражданскими недугами (хотя бы это были и мятущіеся Поляки). Тутъ мнѣ слышится, хоть словно издали, вѣяніе того благодатно-свободнаго, простирающагося все впередъ, разумнаго и человѣколюбиваго духа, за который, въ первоначальномъ христіанствѣ и до нынѣ, стоитъ особенно Апостолъ Павелъ силою слова Божія. Я вполнѣ согласенъ съ «Со-

временникомъ», что подобное либеральное и прогрессивное направленіе духа, стоившее намъ такъ дорого и доселѣ требующее и еще имѣющее требовать отъ насъ многаго для надлежащаго своего раскрытія въ насъ, достойно того, чтобы не слишкомъ строго вступаться за его незрѣлость и неопредѣленность у многихъ. «Русскій Вѣстникъ» сторожитъ, чтобы это благородное направленіе не допускало крайностей, могущихъ превратить и благородное въ зловредное, истину въ ложь. Этотъ журналъ, съ содѣйствіемъ ему «Московскихъ Вѣдомостей» и еще «Дня», не даетъ движенію свѣтской мысли слишкомъ расходиться съ мыслію духовною. «Отечественныя Записки» занимаютъ, на мой взглядъ, средину между «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Современникомъ», сочувствуя всему либеральному и прогрессивному, вообще живому и свѣжему въ мірской современности, но сдерживаясь духомъ умѣреннымъ и кроткимъ. Этотъ журналъ относится нерѣдко и къ дѣлу духовныхъ словомъ сочувственнымъ, хотя и правдивымъ. «Русское слово» идетъ смѣло и стремительно въ направленіи «Современника»; «Библіотека для чтенія» болѣе мирно и осторожно слѣдуетъ тому же направленію. Лучшее, что̀ есть въ этомъ направленіи, можно находить въ обоихъ, названныхъ сейчасъ, журналахъ.

И вотъ, такимъ образомъ, наша свѣтская и духовная журналистика, съ лучшей своей стороны, такова, что, читая съ умѣньемъ наши наиболѣе извѣстные журналы, можно съ истинною пользою внимать и слѣдовать истинѣ—какъ въ самомъ ея существѣ, раскрываемомъ духовными журналами, такъ и въ жизненномъ ея духѣ, слышномъ въ свѣтскихъ журналахъ.— Посмотримъ теперь и оборотную сторону нашей журналистики, также свѣтской и духовной.

Сейчасъ была у меня рѣчь о свѣтской журналистикѣ, съ лучшей ея стороны, и продолжу говорить о той же журналистикѣ, только уже о худшей ея сторонѣ. Самое худшее, чему я не надивлюсь въ свѣтской журналистикѣ,—это совершенное почти невниманіе къ господствующей сторонѣ русскаго духа и жизни, сторонѣ православно-религіозной. Не думаютъ ли свѣтскіе журналы дѣйствовать на одну верхушку обществен-

ную, въ которой многіе довольно вывѣтрились въ религіозномъ отношеніи, а оставлять въ покоѣ всенародную массу православныхъ? Но въ этомъ и есть существенный недостатокъ образованія въ Россіи, что оно разъединило русскихъ въ ихъ воззрѣніяхъ и главныхъ интересахъ; журналистикѣ надо бы исправлять или уничтожать, а не усиливать этотъ вѣковой недостатокъ русскаго просвѣщенія, столько вредящій нашему отечеству. Или, разбирая всякіе жизненные вопросы безъ всякой мысли о подчинявшемся нашимъ жизненнымъ условіямъ Христѣ Богочеловѣкѣ для распространенія благодати на всѣ области и потребности нашей жизни, хотятъ отвлечь общество, его жизнь и мысль, прочь отъ Христа и Его благодати? Никакъ не думаю, чтобы мы русскіе дошли до такого несчастія или нечестія. Али свѣтскіе журналы оставляютъ заниматься православно-религіозною стороною русскаго народнаго духа именно духовнымъ журналамъ? Но вѣдь духовные журналы, разъясняя Христову истину, были бы преступны предъ самою этою истиною, если бы не захотѣли разносить духъ и силу этой истины во всѣ среды жизни. Такъ точно и свѣтскіе журналы, занимаясь дѣломъ мысли и жизни общечеловѣческой и русской, виноваты предъ самымъ этимъ дѣломъ, если не хотятъ поднять открыто и прямодушно знамени Сына человѣческаго, на которомъ тяготѣли всѣ грѣхи и недуги нашей мысли и жизни, отъ благодати Котораго истекаетъ все свѣтлое и живое въ нашей мысли и жизни, общечеловѣческой и русской. Если, напримѣръ, какой нибудь свѣтскій журналъ любитъ толковать о русской народности, но никакъ не хочетъ возвысить своей мысли о православной народности къ представленію благодатнаго рода дѣтей Отца небеснаго, одушевляемыхъ человѣколюбивымъ духомъ Единороднаго Его Сына: то Онъ неминуемо провинится и противъ русской народности, оставивъ ее на уровнѣ со всѣмъ *плотскимъ* некрещеннымъ, и противъ другихъ народностей, оскорбляя ихъ униженіемъ предъ славянскими народностями и том. под. Чѣмъ можно объяснить и хоть сколько нибудь извинить это упрямое невниманіе русскихъ свѣтскихъ журналовъ къ православно-религіозной сторонѣ русскаго духа и жизни? Только

развѣ (простите за слово нелюбимой правды) недозрѣлостію общественнаго сознанія и мысли о живомъ значеніи и самой разносторонней приложимости православно-религіознаго. Православно-религіозное воззрѣніе, взятое въ живой силѣ, внутренній послѣдовательный порядокъ движенія православно-религіозной мысли и жизни отъ самаго начала настоящаго порядка вещей въ мірѣ, соотношеніе православно-религіознаго къ неправо-религіозному въ древнемъ и новомъ мірѣ, — все это и подобное тому есть просто terra incognita для свѣтской мысли. И эта невѣдомая земля останется неизвѣданною для большинства свѣтскихъ мыслителей, кажется, до того времени, пока православнымъ воззрѣніемъ не успѣютъ овладѣть Нѣмцы или Англичане. Отъ нихъ-то, можетъ быть, наши гг. Лавровы и ознакомятся наконецъ съ Православіемъ. Вотъ какія горькія мысли невольно раждаются, когда посмотришь, какое ничтожное значеніе для свѣтской журналистики имѣетъ существенный въ народѣ нашемъ элементъ православно-религіозный.

Посмотримъ теперь, въ частности, на несостоятельныя предъ истиною стороны того или другаго свѣтскаго журнала. «Современникъ», отличавшійся болѣе другихъ, особенно въ послѣдніе годы, жосткою совсѣмъ не либеральною претензіей на монополію въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ, соединилъ недавно съ этимъ весьма вреднымъ для дѣла истины недостаткомъ новый еще болѣе опасный для этого дѣла недостатокъ. Это именно — софистическое направленіе доказывать или опровергать, что́ и какъ вздумается и захочется по произвольному требованію школы или партіи. Захочется, напримѣръ, школѣ «Современника», чтобы Льюисъ раздѣлилъ съ нею мечтательную претензію разрѣшить химически или физіологически всю тайну человѣческой души; и наша школа доказываетъ это наперекоръ прямымъ словамъ самаго Льюиса. Партія «Современника» найдетъ нужнымъ доказать и ужъ непремѣнно, какъ дважды два-четыре, докажетъ, что г. Тургеневъ не имѣетъ художественнаго таланта и замѣшанъ на одной противогуманной закваскѣ съ г. Аскоченскимъ. Извѣстно также, какъ «Современникъ» велъ борьбу съ «Временемъ»: возьметъ фразу изъ одного мѣста, вырветъ другую

фразу изъ другаго мѣста, сопоставить ихъ съ нѣсколькими фразами, подобранными такимъ же образомъ тоже изъ разныхъ мѣстъ и даже статей, и вотъ изъ образа мыслей «Времени», образа мыслей свѣжаго, жизненнаго во многомъ, только еще не зрѣлаго, не довольно точнаго или не совсѣмъ отчетливаго, сдѣлаетъ, бывало, такой сумбуръ ребяческой мысли, что просто изъ рукъ вонъ. Подобная софистическая ловкость и оборотливость мысли и слова не дорожитъ истиною даже въ томъ самомъ общемъ смыслѣ, чтобы не извращать факта, но поставлять всякое *данное*, какъ оно есть, а не какъ хотѣлось бы партіи. Сохрани, Богъ, отъ того, чтобы такая софистика въѣлась въ направленіе «Современника»! Тогда этотъ журналъ простись со всѣмъ своимъ лучшимъ, простись не только съ горячею любовію къ истинѣ Бѣлинскаго и съ строгою правдивостію Добролюбова, но и съ искренностію убѣжденія г. Чернышевскаго Можно вамъ ловко опровергать или доказывать что по одному произволу, но по совѣсти убѣждаться въ этомъ и вамъ самимъ нельзя. Мы не касаемся другихъ фальшей въ воззрѣніяхъ «Современника»; при правдивости господствующаго направленія, при искренней любви къ истинѣ дѣятелей журнала эти фальши могутъ быть по немногу познаны и отвергнуты ими самими. Но съ произвольной софистикой нѣтъ возможности сдѣлать даже одного шага впередъ къ истинѣ. А между тѣмъ ловкая софистическая оборотливость мысли и слова такъ обольстительна и заразительна для сильныхъ даже, только не довольно правдолюбивыхъ, дарованій! Съ легкой руки «Современника» она успѣла проникнуть уже и въ нѣкоторые духовные журналы. Лекарствомъ противъ этой опасной болѣзни мысли, усиливающейся обыкновенно уже при сильномъ упадкѣ общественнаго духа, служатъ нелицемѣрная любовь къ истинѣ, любовь къ своему родному народу и наконецъ та несомнѣнная истина, что ловкая софистика можетъ провести или обмануть не всѣхъ читателей, а только нѣкоторыхъ, и то не на всегда. Впрочемъ мнѣ хочется остановиться на томъ, что замѣченная нами важная несостоятельность предъ истиною составляетъ только временное и случайное полемическое увлеченіе «Современника».

Мнѣ думается, что благородство этого журнала не позволитъ ему нечестную предъ истиною ловкость софистики ввести въ постоянное свое направленіе. Вѣдь, «Современнику» извѣстно, что всякое дѣло легко уронить, но поднимать упавшее будетъ трудно.

Есть и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сторона, очень и очень неблагопріятная для дѣла истины. Не знаю, или затрудняюсь, какъ разоблачить эту сторону, не касаясь оскорбительно общей благовидности этого журнала. Ну, да вотъ какой фактъ возьмемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Нѣсколько времени тому назадъ, начался—было въ немъ рядъ писемъ или статей о Русской живописи и знаменитыхъ живописцахъ нашего времени, начиная съ Брюлова. Въ первой прекрасной статьѣ авторъ очень основательно изучаетъ или разбираетъ живопись Брюлова. Въ результатѣ изученія этой знаменитости оказалось, что этотъ могучій талантъ былъ однако не столько могучъ, чтобы не поддаться отчасти фальшивому направленію; онъ болѣе поражаетъ эффектомъ своихъ созданій, нежели углубляетъ и выражаетъ въ нихъ многосодержательныя идеи (подобно какъ, напр., современный ему Марлинскій въ своихъ произведеніяхъ). Я очень обрадовался этой смѣлой и правдивой статьѣ, отчасти и потому, что изученіе великой картины Брюлова «Разрушеніе Помпеи» и меня приводило къ подобному же заключенію о его талантѣ, а особенно потому, что выводилось, какъ говорится, на чистую воду фальшивое направленіе увлекаться въ чемъ бы то ни было эффектами и расчитывать на эффектъ, вмѣсто того, чтобы управляться глубокою или, покрайней мѣрѣ, дѣльною и серьезною мыслію. Вѣдь съ искусствомъ существенно связана и наука, съ мыслію жизнь. Не даромъ вошли въ языкъ жизни эффектныя выраженія, взятыя съ живописнаго искусства, какъ, напримѣръ, «рисоваться», «картинное положеніе» и том. под. Какъ у насъ любятъ рисоваться такъ или иначе по всѣмъ частямъ. Какъ особенно молодежь рвется отличаться тѣмъ, что̀ бьетъ въ глаза! Пусть же, думалъ я, съ живописи и начнется исправленіе этого фальшиваго направленія. И съ нѣкоторою нетерпѣливостію ждалъ продолженія, именно статей объ Ивановѣ,

художникѣ уже совсѣмъ другаго направленія. Но нѣтъ! Въ слѣдующихъ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» не оказалось ужъ продолженія этихъ писемъ о русской живописи; а напротивъ въ одной изъ книжекъ кое-что встрѣтилось такое (написанное, кажется, чуть ли тоже не знаменитостью живописнаго искусства), въ чемъ высказывался совсѣмъ ужъ другой взглядъ на Брюлова. Какъ будто достоинство и честь какой бы ни было, умершей или живой, знаменитости въ области искусства (да и во всякой области) выигрываетъ, а не проигрываетъ—отъ того, что она, эта знаменитость, оказывается не ступенью, а задержкою для дальнѣйшаго восхода искусства (или другаго дѣла мысли ли, слова ли и под.) по лѣстницѣ усовершенія. Не то бѣда, чтобы какая талантливая или даже геніальная личность допустила фальшь въ своемъ направленіи, а то, что случается цѣлому ряду поколѣній и столѣтій идти по превратному направленію, упроченному чрезъ такія или другія могучія личности; и люди мысли и слова, уступая какимъ либо сторонним для дѣла истины соображеніямъ, дѣйствуютъ слишкомъ косно и вяло, или нетвердо и уклончиво,—для подорванія въ самомъ корнѣ подобныхъ ложныхъ направленій. Вотъ это самое и составляетъ несостоятельную предъ истиною и вредную для нея сторону «Русскаго Вѣстника». Взятый мною изъ этого журнала фактъ, можетъ быть, имѣлъ и другія самыя простыя причины; я воспользовался этимъ фактомъ только для выясненія моей мысли о томъ, что̀ есть особенно неблагопріятнаго истинѣ въ характерѣ и направленіи «Русскаго Вѣстника». Но это давній фактъ, вѣроятно не замѣченный или уже забытый многими. А вотъ и недавній фактъ, другаго рода. Во время разгара польскаго вопроса, конечно, можно и естественно было «Московскимъ Вѣдомостямъ» понять не довольно ясную статейку г. Страхова «Роковой вопросъ» въ смыслѣ, оскорбительномъ для патріотовъ (*). Но въ послѣдствіи, среди полнаго спокойствія, презрительно осмѣивать прямыя и вмѣстѣ скромныя объясненія г.

(*) Само правительство нашло нужнымъ употребить свои мѣры противъ неблагопріятнаго впечатлѣнія этой статьи на умы, въ горячія минуты народной злости.

Страхова, что онъ бралъ польскій вопросъ въ глубокомъ смыслѣ столкновенія между римскимъ католичествомъ и православіемъ, между духомъ западной цивилизаціи и православно-русскимъ духомъ, и требовалъ патріотическаго рвенія къ раскрытію несостоятельности самаго католичества и цивилизаціи запада и къ разумѣнію и выдержкѣ жизненныхъ силъ нашего православнаго духа, и утверждать безразличіе этихъ духовныхъ борющихся сторонъ—дѣло недостойное истины. Такая и твердость въ своемъ мнѣніи оказывается уже не живымъ и оживляющимъ духомъ истины, а чѣмъ-то жесткимъ, упрямымъ и убійственно-рутинымъ. Знаю важность этихъ недостатковъ и вредъ отъ нихъ для дѣла истины, знаю и трудность отдѣлываться отъ нихъ; какъ однако ни трудно, а все же любящимъ истину надо отъ нихъ отдѣлаться какъ нибудь. Вѣдь задача «Русскаго Вѣстника» очень важна для Россіи, съ подручными ему «Московскими Вѣдомостями», угадывающими Русскій духъ во многихъ отношеніяхъ.

Перейду къ замѣткѣ о несостоятельной сторонѣ «Отечественныхъ Записокъ». Возьму и здѣсь частный случай для объясненія общихъ или довольно постоянныхъ недостатковъ, замѣченныхъ мною въ направленіи этого журнала. Случилось какому-то духовному журналу указать нѣчто несостоятельное предъ истиною, допущенное дѣятелями этого журнала не въ самомъ журналѣ, а въ другомъ изданіи (именно «энциклопедическомъ лексиконѣ»). И вотъ «Отечественныя Записки» съ огорченнымъ достоинствомъ поставляютъ противъ этого духовнаго вмѣшательства такую протестующую мысль, что для духовныхъ слишкомъ много дѣла и безъ вмѣшательствъ въ дѣло науки; пусть они поболѣе трудятся надъ этимъ огромнымъ стадомъ овецъ—простымъ народомъ, а наука ужъ знаетъ и исполнитъ сама свое дѣло. Здѣсь высказались двѣ фальши, которыхъ издавна держатся «Отечественныя Записки» (и не онѣ одни, — вѣдь журналъ выражаетъ образъ мыслей общества): одна фальшь въ отношеніи къ простому народу, а другая въ отношеніи къ духовнымъ.

Во первыхъ, люди науки фальшиво относятся здѣсь къ про-

стому народу. Эта фарисейская идея: *«нѣсмь, якоже прочіи человѣцы»*, портитъ и изсушаетъ до безжизненности всякое дѣло, также и дѣло науки. Особенно у насъ въ Россіи отъ того-то наука такъ и безжизненна, такъ отчуждена и доселѣ отъ народнаго духа, что она носится, какъ говорится, только *по верхамъ* въ отношеніи къ простому народу, что люди науки не хотятъ, да и не умѣютъ идти рядомъ и за одно съ мужичками православными (*). «Отечественныя Записки» много бы послужили благу нашего Отечества и самой науки, еслибы взялись за дѣло сближенія науки съ духомъ народа, а не поддерживали бы разобщеніе между тою и другимъ. Самая главная и существенная сторона въ духѣ нашего народа есть духъ православія; потому наука можетъ быть сближена или разобщена съ духомъ нашего народа главнымъ образомъ отъ того, и на столько, на сколько результаты науки сближаются или разъединяются служителями мысли и слова съ духомъ православія. Дѣло яснѣе изъ примѣра. Положимъ, вы отстаиваете европеизмъ русскихъ противъ какого нибудь нахала, отчисляющаго насъ къ азіятчинѣ. Но если при этомъ, люди науки, вы относитесь къ библейскимъ сказаніямъ о Ноѣ и дѣтяхъ его какъ къ «легендамъ» только; то ужъ будьте увѣрены, что и русскій народный духъ будетъ относиться къ вамъ и наукѣ вашей, какъ къ совершенно для него чужимъ. Это прежде, чѣмъ онъ разберетъ, что библейскія св. сказанія, выдерживающія столько времени и съ такою отчетливою твердостію всевозможные нападки и перетолки на самомъ западѣ, унижать по достовѣрности предъ всякими историческими памятниками и лѣтописями значитъ нагло оскорблять и самую науку. Положимъ еще, вы знакомите своихъ читателей съ тѣми геологическими результатами науки, что человѣкъ уже жилъ на землѣ, когда нѣкото-

---

(*) Не то, чтобы у насъ въ Россіи была такая „крайность между богатыми и бѣдными въ умственномъ отношеніи, какъ въ Германіи“, по свидѣтельству „Русскаго Слова“. Но у насъ почему-то произошло, что въ простонародіи самый складъ мыслей другой, чѣмъ въ образованныхъ классахъ. Послѣдніе пытаются иногда ближе подойти къ простонародью, поддѣлываясь къ образу его рѣчи; но все это оказывается неудачнымъ. Людямъ науки надо овладѣть духомъ народнымъ, чтобы простонародье почуяло въ нихъ *своихъ*, а не чужихъ.

рые земные слои погребали въ себѣ остатки самодревнѣйшей жизни. Можно эти результаты передавать въ общее свѣдѣніе и такъ, какъ вы передаете, т. е. можно говорить, что, видно, человѣчество живетъ на землѣ несравненно болѣе тысячелѣтій, чѣмъ какъ принято въ нашихъ лѣтосчисленіяхъ; потому что слѣды бытія человѣческаго геологія начинаетъ открывать и во время образованія такихъ-то и такихъ-то слоевъ, которое, по геологическимъ соображеніямъ, должно совершиться во времена, далеко уходящія за предѣлы извѣстныхъ у насъ лѣтосчисленій... Но въ этомъ случаѣ научные результаты вы поставите въ совершенный разладъ съ духомъ народа, ведущаго лѣтосчисленіе отъ созданія міра не иначе, какъ по православному. И духъ народа со всѣмъ, что онъ къ себѣ притягиваетъ, пойдетъ инстинктивно прочь отъ вашей науки. Но тѣже научные геологическіе результаты вы могли бы, и притомъ съ большею основательностію, передать и иначе. Именно, могли бы вы поставить на видъ то, что вотъ геологія, по слоямъ земли насчитывавшая огромные періоды временъ до появленія человѣка, стала ужъ согласно съ библіей открывать слѣды бытія человѣческаго не въ отдаленіи отъ времени образованія такихъ-то и такихъ-то рашнихъ слоевъ земли и появленія такихъ-то и такихъ-то животныхъ; это есть уже шагъ, хотя и первый еще, къ геологическому разъясненію, что и вообще образованіе земли и населеніе ея животными совсѣмъ не такъ далеко упреждаетъ появленіе на ней человѣка, какъ кажется и особенно прежде казалось геологамъ. А между тѣмъ геологія ведетъ дѣло свое пока еще безъ испытанія и даже безъ всякаго вниманія къ тому, какимъ условіямъ должна была подлежать земля и земная природа, по православному библейскому воззрѣнію на этотъ предметъ, и не проще ли, не вѣрнѣе ли объясняются изъ этихъ условій тѣ геологическія данныя или открытія, для объясненія которыхъ построили противобиблейскую гипотезу объ образованіи земли. Вотъ на что слѣдовало бы указывать отечественному журналу, ознакомливающему общество съ тѣмъ, на чемъ, на какихъ данныхъ или открытыхъ геологическихъ фактахъ, а не на какихъ гипотезахъ или предположеніяхъ, остановилась совре-

менная геологическая наука. Тогда тоже инстинктивно бы сначала, а потомъ и отчетливо потянуло бы къ наукѣ православно-народный духъ, на истинную пользу нашего отечества да и самой науки. Вѣдь, наука крайне еще запутана въ разныхъ односторонностяхъ, отъ которыхъ надо же ей освободиться; а не освободиться ей безъ православнаго воззрѣнія. Возьмемъ во вниманіе, напримѣръ, хоть туже геологію. Она, сколько бы ни представляла претензій на историческую и, пожалуй, математическую точность, съ своими гипотезами очень похожа на такого человѣка, который, разъясняя развитіе подземнаго корня какого нибудь дерева, не добирается до самаго дѣйствительнаго корня кромѣ, развѣ, выходящихъ наружу земли, нѣкоторыхъ его малыхъ частей, а смотритъ на то, на сколько вершковъ въ годъ наростаютъ вѣтви этого дерева, и это, съ математически точнымъ исчисленіемъ, примѣняетъ къ развитію корня, которое и выходитъ, въ умѣ этого человѣка, на славу великолѣпнымъ, т. е., совершенно мечтательнымъ. Таковы и противобиблейскія построенія геологіи (*).

Во вторыхъ люди науки, какъ оказывается это по «Отечественнымъ Запискамъ», фальшиво относятся и къ духовнымъ, устраняя ихъ совершенно отъ своего дѣла, отъ дѣла науки. Допустите, скажу я такимъ людямъ, хоть только одну возможность того, что духовные служатъ дѣйствительной вселенской истинѣ. Какъ же имъ устраниться отъ дѣла науки, разыскивающей истину?

(*) Нынѣшняя геологія, не зная и знать не желая условій дѣйствительной первобытной жизни природы и прежнихъ состояній земли, а открывая только нѣкоторые, сравнительно незначительные, слѣды и мертвые остатки отъ прежняго быта земли, примѣняетъ къ прошлой жизни природы и къ прежнимъ состояніямъ земли условія нынѣшняго состоянія земли, нынѣшней жизни природы. Примѣненіе это дѣлаетъ она съ удивительно-точными вычисленіями: такъ, напримѣръ, если уровень земли гдѣ-либо поднимается приблизительно на столько-то футовъ въ столѣтіе, то ужъ и въ прежнія времена, хотя-бы продолжавшіяся на многія тысячелѣтія, подъемъ уровня земли предполагается совершавшимся неизмѣнно на одинаковое же число футовъ въ столѣтіе. Нужды нѣтъ, что въ прежнія времена могли быть и были совсѣмъ иныя условія. И вотъ такимъ образомъ геологія насчитываетъ сотни тысячъ, даже милліоны лѣтъ образованію разныхъ слоевъ земли, развивая до тонкости первобытную жизнь земной природы и всѣ самодревнѣйшія ея видоизмѣненія. Непостижимая смѣсь научной строгой точности съ явнымъ для непредубѣжденнаго взгляда самообольщеніемъ въ основныхъ пріемахъ, а потому и въ выводахъ!

Вы сами поставили бы имъ, и вполнѣ справедливо, въ неискупимую вину—владѣть истиною и быть безучастными къ положенію тѣхъ, которыхъ они видятъ путающимися въ чемъ-либо ложью. Попасть во мракъ лжи и однако думать, что находишься на свѣтломъ просторѣ истины,—это хуже самаго грубаго простонароднаго невѣжества; это значитъ попасть въ безпощадныя разбойничьи руки. Холодно посмотрѣть на это и идти мимо было бы прилично развѣ только іудейскимъ священникамъ и левитамъ, и то худшаго времени іудейства. Совсѣмъ другое, и ужъ вполнѣ состоятельное предъ истиною, дѣло было бы, если бы люди науки, свѣтскіе ли журнальные дѣятели или вообще ученые, отнеслись къ духовнымъ вотъ въ какомъ смыслѣ: «вы служите Тому, Кто Себя называлъ истиною, Кого очевидцы «земной Его жизни видѣли полнымъ благодати и истины. Итакъ «словомъ и другими способами вашего служенія посодѣйствуйте «тому, чтобы Онъ и въ области науки явился, какъ явился и «жилъ на землѣ, полнымъ благодати и истины, чтобы голосъ «во имя Его не пугалъ и тѣмъ болѣе не озлоблялъ противъ «Него, а напротивъ привлекалъ къ Нему дѣтей науки. Если «вы пренебрежете, оскорбите или стѣсните то, что относится «къ добросовѣстному и честному розысканію истины, что одушевляется горячею любовію къ истинѣ: то это не будетъ уго«дно Тому, Кого вѣра признаетъ живою истиною. Чрезъ посягательство въ чемъ-либо на духовную самостоятельность дѣятелей науки можно, пожалуй, и даже скорѣе, чѣмъ чрезъ «другое что нибудь, преступно посягнуть и на благодатную «свободу дѣтей самаго Бога, раскрытію которой въ людяхъ вы «поставлены служить. Не имѣть уважительнаго вниманія къ со«временнымъ потребностямъ, пріобрѣтеніямъ и даже пріемамъ «науки, входить однакожъ въ ея область во имя Христово, зна«читъ поступать не совсѣмъ по духу Христа, Который, при«нося въ Себѣ міру вѣчную истину, явился въ мірѣ въ извѣ«стное время сообразно съ духовною пріемлемостію и потреб«ностями своихъ современниковъ.

Этимъ я и хотѣлъ бы покончить съ свѣтскими журналами въ настоящій разъ; потому что сказано мною о свѣтской жур-

палистикѣ почти все, что особенно хотѣлось бы сказать о лучшей и худшей ея сторонѣ, предоставляя все это дѣло собственному обсужденію дѣятелей и читателей свѣтскихъ журналовъ. Но прибавлю еще слова два именно «Русскому Слову», прибавлю изъ благодарности къ этому журналу за его благородное сочувствіе къ молодежи, именно къ семинаристамъ, которые едвали не болѣе всякой другой молодежи требуютъ сочувствія и участія къ себѣ (они, замѣчу мимоходомъ, и съ своей стороны тоже особенно сочувствуютъ «Русскому Слову»). Соучастіе къ молодежи вызываетъ этотъ журналъ къ тому, чтобы, съ любовію и уваженіемъ къ полному надеждъ значенію молодежи, наводить ее на прямое направленіе добра и истины. «Русское Слово» всякому, кто не хотѣлъ бы возвращаться къ темнымъ среднимъ вѣкамъ, предлагаетъ такой способъ распознавать истину ото лжи: «сомнѣніе, опытное изслѣдованіе» и т. дал. Но сомнѣніе вѣдь отравляетъ и озлобляетъ душу. Не ужели со стороны жизни, людей, обстоятельствъ мало еще озлобленій и отравъ всякаго рода, для души, особенно молодой? И въ особенности этой молодежи—семинаристамъ—не ужели надо еще подбавлять внутренняго озлобленія?—Но какъ же, говорите вы, выбиться изъ опутавшихъ человѣка фальшей, принимаемыхъ за истинное добро, если не начинать сомнѣніемъ во всемъ привычномъ или слѣпо принимаемомъ на вѣру: «да полно такъ ли»? Какъ обойтись безъ разрушительнаго начала сомнѣнія, если и надо сначала разрушить фальшивое?—Нѣтъ, друзья мои, какъ вамъ угодно, а сомнѣніе все-таки совершенно не годится въ способы къ распознаванію истины ото лжи. Сомнѣніе есть разрушительная сила, направляемая равно и противъ фальшиваго и противъ истиннаго. Если бы и слишкомъ много накопилось всякаго дрязга и хлама въ какомъ-либо домѣ—и на его чердакѣ и въ комнатахъ и въ корридорахъ; однако было бы безуміе разводить или подкладывать во всѣхъ этихъ мѣстахъ истребительный огонь, отъ котораго погибнетъ и весь домъ наряду со всякимъ хламомъ и дрязгомъ. Сомнѣніе не годится для нужнаго о всѣмъ людямъ разузнанія истины ото лжи еще и потому, что оно и не приложимо ко всѣмъ людямъ. Для инаго

человѣка усомниться въ чемъ-либо или въ комъ либо, кому или чему онъ довѣряетъ (будь это преданность и вѣрность друга, для котораго онъ живетъ, или вѣрность воззрѣнія и правила, которымъ онъ живетъ), значитъ просто самоубійство духовное, рѣшиться на которое было бы для него безумнымъ преступленіемъ. За что вы исключите этого человѣка изъ самой возможности разузнать истину ото лжи? Иному человѣку до того ощутительна истинность того или другаго, принимаемаго на вѣру, что для него нравственная невозможность—сомнѣніе. И этотъ человѣкъ осужденъ вами нераспознавать истину ото лжи?!

Нѣтъ, не сомнѣніе, а вѣра, горячая вѣра въ истину должна быть первымъ движущимъ началомъ и способомъ къ разузнанію истины ото лжи. Смотрите прежде всего на всеобщую приложимость этого начала и способа. Вотъ человѣкъ, весь взволнованный недоумѣніями и озлобленный ядовитыми сомнѣніями. Онъ въ этомъ состояніи неспособенъ и взяться за дѣло безпристрастнаго, яснаго изслѣдованія. Но пусть скажетъ онъ себѣ: «вѣдь есть же истина; нельзя же быть тому, чтобы не было истины, а было бы все только одинъ вздоръ и ложь». И вотъ эта самая простая и общая вѣра въ истину, чѣмъ будетъ живѣе и тверже, тѣмъ болѣе соберетъ внутренно этого человѣка; и онъ возьмется за опытное, или какое тамъ другое, изслѣдованіе истины съ энергіею и вмѣстѣ съ яснымъ спокойствіемъ. Онъ пойдетъ, потому, уже надежнымъ путемъ къ разузнанію истины ото лжи. Истина готова (Іоан. XX, 27) дать ему осязать себя и свои страдальческія за невѣдающихъ и заблуждающихъ язвы. Возьмемъ другаго человѣка, вѣрующаго въ истину до нравственной невозможности сомнѣнія въ ней, и притомъ помилованнаго тѣмъ, что онъ вѣруетъ именно во Христа, какъ въ самую и притомъ единственную истину. Чѣмъ горячѣе такая вѣра этого человѣка въ истину, тѣмъ болѣе и живѣе будетъ у него стремленіе, сколько возможно, глубже и разностороннѣе узнать и усвоить себѣ истину, и слѣдовательно тѣмъ глубже и разностороннѣе онъ будетъ изслѣдовать истину и саму въ себѣ и во всей обширности ея приложенія. Само собою разумѣется, что это изслѣдованіе мо-

жетъ совершаться различно, именно; или строгою научною мыслію или духовнымъ опытомъ и подвигомъ, но въ томъ и другомъ случаѣ непремѣнно съ благодатію *Духа, вся испытующаго, и глубины Божіи* (1 Кор. II, 10), и съ происходящею отсюда смѣлостію и свободою—*востязовать вся*, «судить обо всемъ» (ст. 15). Смотрите теперь, на сколько этотъ путь къ разузнанію истины ото лжи,—то есть, вѣра въ истину,—дѣйствительно и вѣрно ведетъ къ своей цѣли. Тогда какъ сомнѣніе до того волнуетъ инаго бѣднягу, что онъ радъ пристать хоть къ какой нибудь пристани, хотя бы къ пристани отчаянія, стремящагося все разрушать, или къ пристани фальшиваго удовлетворенія только кажущагося въ извѣстное время истиною, которая въ послѣдствіи, по сознанію самаго этого бѣдняги, окажется немину емо вовсе не истиною: вѣра въ истину, напротивъ, на томъ и утверждается съ перваго же своего шага, чтобы ни фальшиваго чего нибудь не принимать за истинное, ни истиннаго не заподозрить въ фальшѣ, и потому она, умиряя внутренно человѣка, не дастъ однако покоя ему, пока онъ не успѣетъ разузнать дѣйствительной истины ото лжи. Таково ужъ существо живой, горячей вѣры въ истину, невозможной безъ пыла любви къ этой истинѣ. Для вѣрующихъ могу прибавить къ этому еще то, что и самая общая, но живая и твердая вѣра въ истину, недопускающая имѣть сомнѣнія еще только въ *бытіи истины*, непремѣнно привлечетъ къ себѣ и благодать истины (хотя бы только предваряющую): таково вѣдь самое существо благодати, чтобы соотвѣтствовать вѣрѣ. А съ благодатію истины также просто распознавать истину ото лжи, какъ здоровымъ глазамъ просто распознавать свѣтъ отъ темноты.—Но западная Европа, говорите вы, всего лучшаго въ своей новой исторіи и особенно освобожденія отъ средневѣковаго мрака достигла не иначе, какъ начавъ сомнѣніемъ. — Но намъ, отвѣчаю я, надо еще распознать истину ото лжи не только въ средневѣковыхъ потемкахъ, но и въ новомъ просвѣщеніи западной Европы (*). И потому

(*) Не говорю ужъ о томъ, что, если человѣческій умъ, запутавшись на западѣ во всяческихъ лжахъ, принимаемыхъ въ средніе-то вѣка за святую и не-

намъ нуженъ болѣе надежный и здоровый, созидательный способъ къ разузнанію истины, нежели болѣзненное и разрушительное сомнѣніе. Само собою впрочемъ разумѣется, что вѣра въ свѣтъ истины вовсе не прочь отъ того, чтобы относительно всего, принимаемаго на темную и слѣпую вѣру, задавать вопросъ: «*да полно така ли?*» Но одинъ и тотъ же вопросъ имѣетъ совсѣмъ другой духъ, когда его задаетъ отчетливая вѣра въ истину,—это духъ при своей энергичности свѣтлый и мирный; и совсѣмъ другой духъ и сила въ томъ же вопросѣ, когда онъ возникаетъ изъ «ядовитыхъ сомнѣній», — это духъ отравляющій и озлобляющій. И, безъ сомнѣнія, жосткая и инквизиціонная нетерпимость болѣе сродна этому послѣднему духу, если бы только дать ему свободный просторъ, нежели свѣтлому и мирному духу всегда свободной (т. е. равно и противорабской и противодеспотической) вѣры въ истину. Вѣдь вѣра въ свѣтъ истины совсѣмъ не то, что́ фанатическій обскурантизмъ, надѣвающій на обольщеніе другихъ и себя личину вѣры. Вотъ что русскому журналу, принимающему близко къ сердцу дѣло и судьбу особенно молодежи, слѣдовало бы разъяснять и разъяснять своимъ русскимъ словомъ!

Приступлю къ духовнымъ журналамъ, дамъ себѣ отчетъ и о нихъ, все ли въ нихъ состоятельно предъ истиною. Начну и теперь съ «Православнаго Обозрѣнія». Несостоятельная сторона этого журнала состоитъ въ томъ, что онъ, по моему наблюденію, не довольно отчетливъ въ собственномъ своемъ, благородномъ и свѣжемъ, направленіи, отъ чего это направленіе и оказывается въ журналѣ не довольно твердымъ и упроченнымъ. Въ доказательство этого переберу хоть только нѣкоторыя, но особенно важныя и рѣзкія черты въ характерѣ и направленіи «Православнаго Обозрѣнія.» Вотъ, напримѣръ, въ направленіи этого журнала есть серьезное вниманіе къ бытовой сторонѣ жизни нашей. Конечно, дѣло касается быта собственно духовныхъ; но чтожъ изъ того? Тѣмъ болѣе надо

преложную истину, можетъ быть ужъ по необходимости наконецъ долженъ былъ пить стаканами ядовитыя сомнѣнія, то вѣдь бѣдному ему надоже когда нибудь отрезвляться отъ этой отравы.

серьезной и жизненной мысли и слову духовнаго журнала озаботиться возвышеніемъ этой бытовой стороны жизни къ значенію истинно-духовному и упроченіемъ за нею такого значенія. Вѣдь сближеніе между духовнымъ и мірскимъ, или свѣтскимъ, сближеніе желанное и благотворное для той и другой стороны, возможно только тогда, когда и внѣшне-мірское, бытовое поднимется къ внутренно-духовному значенію, а не тогда, какъ и духовное будетъ упадать до значенія только мірскаго. Итакъ чтоже сдѣлало или дѣлаетъ «Православное Обозрѣніе» для упроченія за внѣшне-бытовымъ духовнаго значенія? То ли, что развивало (и то въ переводныхъ статьяхъ, изданныхъ потомъ редакціею въ особой книгѣ,) общую мысль о земномъ, относящемся къ здѣшней жизни, какъ чуждомъ самостоятельнаго существенно важнаго значенія, а имѣющемъ значеніе только по отношенію къ жизни будущей, значеніе приготовленія къ вѣчности? Но эта слишкомъ общая и сама по себѣ, безспорно, вѣрная мысль, если поставлять ее только въ отвлеченной ея общности, а не вникать въ жизненную ея силу, можетъ приводить и приводитъ нѣкоторыхъ къ совершенно противной «Православному Обозрѣнію» духовной односторонности, именно къ жесткому пренебреженію земнаго быта и къ осужденію только тѣхъ, у которыхъ вся почти жизнь есть утружденіе и обремененіе внѣшне-бытовымъ или житейскимъ. Святые Божіи вовсе не въ такомъ смыслѣ и духѣ стремились къ будущей жизни и пренебрегали настоящею. Вся сила будущей жизни для нихъ, какъ и вся ихъ правда, есть Христосъ въ духѣ Своей святости, чистотѣ, мудрости, твердости и одушевляющей все это самоотверженной любви къ человѣчеству — ко всѣмъ и каждому человѣку, Христосъ Богочеловѣкъ съ почивающею и открытою въ Немъ для пріемлющихъ любовію Отца небеснаго и полнотою благодати и истины, вообще всѣхъ благъ Св. Духа. Святые Божіи стремились или стремятся собственно къ тому, *да Христа пріобрящутъ* (Филип. III, 8), и стремились къ этому такъ, что не хотѣли бы быть и въ царствѣ небесномъ безъ Христа и готовы, рады быть и въ аду, только со Христомъ, какъ высказалъ одинъ изъ Святыхъ. Вотъ въ чемъ со-

стояла ихъ цѣль и въ будущей жизни; вся *почесть* или награда *вышняго званія Божія* была для нихъ *во Христѣ Іисусѣ* (ст. 14). Стремясь къ этому, они и пренебрегали рѣшительно всѣмъ, взятымъ внѣ самаго Христа,—не только бытовою стороною жизни, но и внѣшне-духовными преимуществами (*), самою даже безпорочностію (ст. 5, 6). Все, имѣющее или полагающее свою силу и значеніе внѣ Христа, они вмѣняли въ тщету и помётъ именно для того, чтобы пріобрѣсть Христа и все существенное для себя имѣть и полагать только въ области благодати самаго Христа (ст. 7—9). А Христосъ по Своей благодати даетъ себя съ равною щедростію всякому пріемлющему — іудею или язычнику, мужчинѣ или женщинѣ, свѣтскимъ или духовнымъ, занятымъ бытовою ли стороною жизни или дѣломъ мысли и слова;—только бы каждый изъ нихъ такъ, или съ такимъ движеніемъ вѣры, дѣлалъ свое дѣло, чтобы за этимъ самымъ дѣломъ припять къ себѣ, усвоить, *пріобрѣсти Христа*. Такъ самая земная жизнь, и съ внѣшне-бытовою своею стороною, воспринимала бы у насъ сокровенную еще нынѣ силу будущей жизни, силу «жительства на небесахъ» (Филип. III, 20). И вотъ, такимъ образомъ, во Христѣ уже не только прямо духовное, но и внѣшне-бытовое получаетъ существенно важное значеніе, требующее отъ насъ такого заботливаго и бдительнаго вниманія, какого только достойно это великое дѣло вѣры,—*пріобрѣсти Христа*. Много ли «Православное Обозрѣніе» разъясняло и поддерживало это направленіе вѣры?! А вѣдь съ такимъ благодатнымъ направленіемъ мы, поднимая и земной свой бытъ къ духовному значенію—достославнаго поприща для «пріобрѣтенія Христа», съ одной стороны, и самыя земныя дѣла свои дѣлали бы съ бодрою, нераздвоенною между двумя господами, духовною энергіею; а съ другой, и при мысли о будущей вѣчной жизни истинно, по слову Христову, *восклонялись бы и воздвигали главы наши*, (Лук. XXI, 28), но не пугались бы и не пони-

(*) Происхожденіе отъ завѣтнаго рода, обрѣзаніе, фарисейское званіе составляли для Павла не просто земныя и житейскія, но духовныя преимущества. Но и это онъ почелъ ради Христа за тщету плотскую. Филип. III 4—7.

кали духомъ по невольному сознанію, что дѣйствительная, обыденная наша жизнь на землѣ такъ ужъ и оставлена у насъ идти въ разладъ съ силою въ будущей жизни.—А вѣдь еще этому благодатному направленію, не въ апостольское только время, противоборно жесткое и упорное направленіе христіанъ іудействующихъ. . . . Надобно бы во все это вникнуть духовной мысли и слову. И особенно въ обсужденіи и устроеніи быта духовныхъ слѣдуетъ, въ самой силѣ дѣла, держаться самаго Христа—дѣйствительнаго Главы и надъ всѣмъ земнымъ, какъ надъ всѣмъ небеснымъ (Ефес. I, 10), чтобы не отнять у необходимыхъ въ этомъ случаѣ пожертвованій, изъ государственной ли казны или изъ мѣстныхъ приходскихъ источниковъ, духовнаго значенія *воли благоугожденія, жертвы пріятной, благоугодной Богу*, какъ выразился Ап. Павелъ о подобныхъ пожертвованіяхъ (Филип. IV, 18). Съ этой точки зрѣнія въ новомъ, благодатномъ свѣтѣ являются и прекрасная идея «братства», въ церковныхъ приходахъ, и другія заботливыя мѣры къ умноженію и упроченію собственныхъ церковныхъ средствъ.

Въ направленіи «Православнаго Обозрѣнія» рѣзко выступаетъ еще заботливая внимательность къ дѣлу науки и образованія. Это—особенно по поводу пересмотровъ новаго проэкта семинарій и училищъ духовныхъ. Положимъ, что этотъ новый проэктъ предначертываетъ для духовнаго образованія извѣстный кругъ наукъ богословскихъ и простыхъ свѣтскихъ и предлагаетъ разныя практическія мѣры къ сообщенію духовнымъ воспитанникамъ духа церковнаго благочестиваго. Положимъ, что при проэктѣ есть и прибавочные голоса какъ о томъ, чтобы въ дѣлѣ образованія не унижать и не ослаблять интереса самой науки, такъ и о томъ, чтобы образованіе, устрояемое на суммы церковныя, по отношенію и къ ученію и къ учащимся, не выходило за черту церковнаго назначенія. Какъ кстати шло бы къ пересмотрамъ подобнаго проэкта и помогало бы имъ журнальное разъясненіе, что въ этомъ дѣлѣ и для цѣлостнаго единства въ образованіи и для должнаго духовнаго настроенія воспитанниковъ всего необходимѣе, и справедливѣе, да и возможно безъ слишкомъ тяжелыхъ затрудненій объединить интe-

ресъ научный и интересъ церковный! Вѣдь не только науки богословскія или прямо церковныя относятся къ истинѣ Христовой; но и прочія знанія и науки не могутъ, если бы и усиливались, выбиться изъ области истины Того, Кѣмъ *вся быша и безъ* Кого *ничто же бысть, еже бысть* (Іоан. 1), Кто не только отъ Своей полноты раскрываетъ все доброе и истинное, но взялъ на Свои же рамена крестное бремя всякаго зла человѣческаго, всѣхъ грѣховъ міра. Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ вообще знанія и науки, на сколько въ нихъ есть истины или только служенія дѣлу истины, составляютъ одинъ общій храмъ Истины, которая существенно есть самъ Христосъ. И занятіе той или другой наукою, съ яснымъ сознаніемъ этого, открывало бы въ себѣ мѣсто благоговѣйному духу присутствія какъ бы за церковнымъ Богослуженіемъ въ храмѣ Господнемъ. Интересъ церковный выдерживался бы въ правдивомъ, безпристрастномъ, честномъ служеніи интересу научному. И просто бы рѣшилось дѣло о томъ, законное ли мѣсто въ духовномъ образованіи занимаютъ науки о *сельскомъ хозяйствѣ* и *медицинѣ*, которыми разумѣется—при живомъ ихъ привитіи къ духовному образованію, духовные столько бы пользы могли приносить нашему народу чрезъ самое доступное леченіе тѣлесныхъ его недуговъ, чрезъ живительное вліяніе на скованное многовѣковою рутиною хозяйство нашихъ православныхъ, съ прямымъ направленіемъ всего этого къ славѣ Того, Кто понесъ и тѣлесные наши недуги и не отречется благодатно заправлять нами и въ нашихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. А главное и самое лучшее то, что Богословскія и простыя человѣческія (humaniores) знанія, духовное и свѣтское образованіе, чрезъ намѣченное выше объединеніе интереса церковнаго и интереса научнаго, пошли бы прямымъ и равнымъ путемъ къ существенному сближенію и даже единенію между собою. Чрезъ разъясненіе этого сколько бы, можетъ быть, предотвратилось напрасныхъ трудовъ и безплодныхъ предположеній, и дѣло бы направлялось вѣрнѣе къ наилучшему исходу! Но «Православное Обозрѣніе», сколько ни опережало другіе духовные журналы въ своемъ заботливомъ вниманіи къ дѣлу

преобразованія духовныхъ училищъ и семинарій, (и это составляетъ истинную заслугу этого журнала), мало однако, даже слишкомъ мало занималось существенною стороною этого дѣла. Серьезно касаясь этого важнаго дѣла, какъ, казалось бы, совсѣмъ почти обходить и такіе, лежащіе прямо предъ глазами или на дорогѣ, вопросы, каковъ вопросъ о живомъ духѣ самихъ воспитанныхъ, на который такъ неблагопріятно и вмѣстѣ тяжело дѣйствуетъ изолированность ихъ воспитанія отъ общества и отъ общаго хода образованія? Таковъ же вопросъ и о духовныхъ нуждахъ общественныхъ, требующихъ особенно въ нынѣшнее, переходное по многому, время особеннаго развитія и воспитаніе въ духовныхъ способности и готовности ихъ— «быть не чуждыми ничего человѣческаго,» разумѣется, по духу единаго человѣколюбца, изливающаго отъ себя всякое истинное человѣческое добро, да и зло человѣческое вземлющаго или вземшаго уже на Себя же. Но все это духовная журналистика, видно, считаетъ у насъ слишкомъ стороннимъ для дѣла образованія духовныхъ... Да будетъ позволено сказать при этомъ горькое слово, не въ упрекъ кому либо, а просто ради истины. Много разъ приходилось мнѣ слышать толки и сожалѣнія о томъ, что дѣломъ духовнаго образованія заправляютъ главнымъ образомъ люди, слишкомъ отдаленные отъ міра и имѣющіе дѣло только съ чужими дѣтьми. Вотъ теперь только бы у того или другаго просвѣщеннаго отца семейства изъ духовныхъ нашлось опытное и проницательное слово о дѣлѣ духовнаго образованія; это слово найдетъ себѣ готовое мѣсто въ духовномъ журналѣ, принимающемъ близко къ сердцу дѣло науки и образованія; и такимъ образомъ опытное и проницательное слово о дѣлѣ духовнаго образованія будетъ въ состояніи вліять благотворно на комитеты и ихъ совѣщанія, конечно—устремленныя ни къ чему другому, а къ возможно-лучшему обсужденію этого святаго дѣла. Но тѣмъ не менѣе у насъ все же довольно глухо и пусто на этотъ счетъ, даже въ наиболѣе интересующемся этимъ дѣломъ журналѣ... На кого-жъ теперь или послѣ будемъ жаловаться?

Есть въ направленіи »Православнаго Обозрѣнія« прекрасное

усердіе знакомить своихъ читателей съ религіозными обстоятельствами и движеніями заграничными, разныхъ исповѣданій. Да; прекрасное дѣло напоминать православнымъ русскимъ, что есть еще у насъ братья, которые разлучены съ нами или *не суть отъ двора сего,* но которыхъ единый Пастырь силенъ привести въ единое свое стадо. Что въ такомъ именно, достойномъ православія, духѣ «Православное Обозрѣніе» касается другихъ исповѣданій, доказательствомъ тому служитъ, напримѣръ, недавно помѣщенная въ этомъ журналѣ превосходная статья покойнаго Хомякова, изданная сначала за границею по поводу какихъ-то несправедливыхъ западныхъ нареканій на православіе. Но при этомъ вотъ на что́ хотѣлось бы обратить вниманіе глубоко уважаемаго мною журнала. Въ помянутой статьѣ Хомякова—этомъ свѣжемъ плодѣ свѣтской мысли о дѣлѣ вѣры—развиваются между прочимъ такія живыя и свѣтлыя мысли, что православная Церковь, не какъ западная латинская, держится не на внѣшнемъ какомъ *авторитетѣ,* въ родѣ папскаго, что въ православіи преданіе не исключаетъ *свободнаго изслѣдованія* вѣрующихъ, что ложь протестанства состоитъ въ *невѣріи* преданію, а не въ свободномъ изслѣдованіи *вручаемаго,* или готовыхъ вѣровать. «Православное Обозрѣніе» знаетъ, что эти идеи, которыми православный мыслитель даетъ отчетъ въ своемъ православіи, еще слишкомъ не выяснены у насъ для общественнаго сознанія. Но многимъ, даже мнящимся быть учителями другихъ, *вождями слѣпыхъ, наказателями безумныхъ* (Рим. II, 19, 20), приражается и успѣваетъ прививаться духъ, совсѣмъ противный означеннымъ идеямъ,—именно не могущій терпѣть «свободнаго изслѣдованія» и самодовольно покоющійся на разныхъ авторитетахъ, не взвѣшенныхъ въ своей силѣ. А съ другой стороны, опасно, чтобы и къ «свободному изслѣдованію» не приразилось и не привилось въ комъ нибудь подкопывающееся подъ истину сомнѣніе или невѣріе; мы выше имѣли случай коснуться кое-какихъ впущеній въ этомъ родѣ. Итакъ, слѣдя движенія и обстоятельства разныхъ исповѣданій, духовному журналу какъ нужно было бы при этомъ зорко слѣдить за приражеіями и къ нимъ право-

славнымъ тонкаго духа такого или другаго неправомыслія! Ей; при пробужденіи православно-народнаго духа къ отчетливому самосознанію, открывается настоятельная потребность въ самыхъ разносторонпихъ разъясненіяхъ того, что это благодатное Христово тѣло—св. церковь держится и стоитъ прямо самимъ Христомъ, пришедшимъ въ *мірѣ* во *плоти* для спасенія *гибнущихъ* и принимаемомъ вѣрующими, въ этомъ самомъ духѣ Его человѣколюбія, во всю полноту ихъ жизни по порядку благодати, отъ Него самаго уставленному и дѣйствующему Имъ же самимъ въ силѣ Св. Духа;—что, потому, всякое избранное и освященное орудіе Христовой благодати, хотя бы то былъ Апостолъ, болѣе всѣхъ потрудившійся въ служеніи своемъ, и не то—что священникъ, или архіерей хоть бы и римскій, имѣетъ и долженъ полагать свою силу и значеніе прямо въ самомъ Господѣ, а не въ собственномъ авторитетѣ: *не азъ*, говоритъ онъ, *но благодать Божія, яже со мною* (I, Кор. XV, 10),—*ни насаждаяй есть что, ни напаяяй, но возращаяй Богъ* (III, 7);—что въ силу каждой истины, каждаго дара, которые засвидѣтельствованы въ св. писаніи или въ св. преданіи, надо вникнуть и войти намъ не вынужденною, но свободною живою мыслію (*), чтобы можно было благодати этого дара или этой истины (т. е. въ Своей благодати самому Господу) воздѣйствовать въ насъ Своею Божественною жизненностію безъ задержанія и воспященія нашимъ невѣдѣніемъ и рабскою тупостію;—что, впрочемъ, всякое сомнѣніе или недовѣріе уже разобщаетъ христіанина съ благодатію или, что̀ тоже, съ самимъ Господомъ (подобно какъ, напр., связанныя взаимно душа и сердца уже разъединяются недовѣрчивостію съ той или другой стороны), и вотъ именно почему взволнованнымъ сомнѣніями надо, покрайней мѣрѣ, ухватиться за вѣру въ то, что есть же истина... Это будетъ тоже, что̀ утопающему по маловѣрію Петру, при морскомъ волненіи, ухватиться за протянутую къ нему руку самаго Господа, ходя

(*) Потому-то *преданіе* и есть одно изъ данныхъ для свободнаго изслѣдованія, какъ говоритъ Хомяковъ.

щаго по водамъ.—Вѣдь православные русскіе только тогда будуть въ состояніи достойно и убѣдительно заявить или выдержать предъ неправославными истину своего православія, когда сами себѣ дадутъ отчетъ въ православіи, чистый отъ прираженій всякаго духа неправославія. Въ этомъ отношеніи широкое поприще открываетъ для себя «Православное Обозрѣніе», такъ что мудрено не заговориться объ этомъ и въ легкихъ «замѣткахъ;» но само же оно слишкомъ коснитъ на своемъ прекрасномъ поприщѣ:—или не довольно поддерживаютъ его собраты—другіе духовные журналы? Можетъ быть, и такъ отчасти.

«Труды кіевской духовной академіи» чудесно разсуждаютъ о школѣ и жизни, умѣютъ примѣнять къ церковной исторіи современныя историческія идеи, готовы изучать для дѣла истины хоть бы и романъ г. Тургенева, и наконецъ не отказываются обозрѣть поприще Св Златоуста взглядомъ западной современности. Но чтобы, при всемъ этомъ, и не опустить изъ своего вида истины, хоть бы являющейся въ непривычной для нашихъ глазъ одеждѣ, и не допустить лжи, хотя бы и слишкомъ неуловимо примѣшивающейся къ истинѣ,—этому журналу не мѣшаетъ для себя и для другихъ глубже выяснять, какъ именно можно съ вѣрностію и безопасностію выслѣживать свѣтящійся и во тьмѣ свѣтъ Христовой истины. Христосъ былъ и есть свѣтъ, свѣтящійся и во тьмѣ, существенно потому, что Онъ и тьму нашихъ грѣховъ и заблужденій вмѣнилъ, въ отношеніи ея виновности, Себѣ самому. Надо входить вашему мыслящему духу, по мѣрѣ вѣры вашей, въ это самое настроеніе Христовой любви;—и тогда самую малую долю или, такъ сказать, росиночку истины презрительно опустить въ чемъ бы то ни было изъ вида будетъ значить для вашего сознанія и чувства впадать въ грѣхъ. Равно и допустить въ дѣлѣ истины самый незначительный примѣсь лжи или чего либо фальшиваго для васъ, знающихъ и чувствующихъ, какъ Господь выдержалъ Свою правду и истину въ мракахъ нашей и всемірной лживости, значило бы прибавлять къ Его взвамъ новыя. Въ такомъ настроеніи духа вашего вы будете ощущать въ себѣ самихъ

страдальческую боль отъ этихъ новыхъ духовныхъ уязвленій и презрительныхъ поруганій, наносимыхъ нами человѣколюбивому до смерти Господу чрезъ допущеніе лжи или пренебреженіе и невниманіе къ истинѣ. Такъ, а неиначе, по моему убѣжденію, можно съ вѣрностію и безопасностію выслѣживать не только сіяніе или сильный блескъ, но и мерцаніе—Христова свѣта, свѣтящагося въ самой тьмѣ человѣческихъ ошибокъ и заблужденій.

Журналъ «Творенія святыхъ отцевъ» найдетъ обличеніе несостоятельной своей стороны именно въ твореніяхъ и дѣлахъ св. отцевъ. Вотъ Св. Аѳанасій великій всю святительскую свою жизнь провелъ въ заточеніяхъ и озлобленіяхъ, подвизаясь въ утвержденіи и раскрытіи истины Божества Христова; а что касается словесныхъ его твореній, онъ самъ признавался, что его писанія выражаютъ только малую долю умственныхъ его трудовъ и напряженій въ углубленіи въ туже истину единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ. Такой духъ великаго святителя *переводя*, такъ сказать, съ его времени на нашу современность, сколько бы намъ слѣдовало употреблять усилій и трудовъ духовныхъ, особенно умственныхъ и словесныхъ, на то, чтобы Христосъ, истинный Богъ нашъ, былъ истинно же покланяемымъ и исповѣдуемымъ Богомъ для всѣхъ наукъ и искусствъ, для земнаго быта и сельскаго хозяйства, для всякой среды жизни общественной и частной, для земледѣлія, торговли, политики и проч. и проч.!—Вотъ Св. Кириллъ Александрійскій ни жосткими возраженіями такихъ благочестивыхъ и просвѣщенныхъ церковныхъ учителей, каковъ блаженн. Ѳеодоритъ, ни недоразумѣніями и замѣшательствами, возникшими—было противъ него—Кирилла на самомъ вселенскомъ соборѣ, ни мало не былъ задержанъ въ энергическомъ утвержденіи и раскрытіи того, что самъ Богъ Слово Своею личностію воплотился и вочеловѣчился и потому родившая Его во плоти Прсв. Дѣва Марія есть именно матерь самаго Бога или Богородица. Но Богъ Слово снизошелъ или истощился до вочеловѣченія и воплощенія въ утробѣ Своей Матери Дѣвы собственнымъ Своимъ лицемъ, до принятія въ единство Своего лица нашего человѣческаго ума, человѣческой

воли съ ея движеніями и дѣйствіями сердца человѣческаго, самой даже плоти нашей, вообще всего нашего естества, не для чего иначе, какъ ради насъ человѣковъ, и именно ради спасенія грѣшныхъ и гибнущихъ; и сила всего этого Его снисхожденія къ намъ дѣйствуется надъ нами и въ насъ, на сколько принимаемъ это вѣрою,—дѣйствуется благодатію самаго Св. Духа. Итакъ истинная, живая вѣрность духу Св. Кирилла или силѣ той истины, надъ раскрытіемъ которой онъ подвизался словомъ и дѣломъ, должна была бы неудержимо трудиться надъ разъясненіемъ того, что человѣческій умъ, сердце, воля, самая даже матеріальная или плотская сторона человѣческаго естества есть прямая собственность благодати Христовой и что, потому, равно преступно предъ Христовою благодатію—и дѣйствовать намъ не по Христу тою или другою силою или стороною нашего существа и, по неразумной ревности, посягать—на униженіе и оскорбленіе, а тѣмъ болѣе на осужденіе и отвержеше чего либо существенно-человѣческаго, кромѣ грѣха, составляющаго уже извращеніе человѣчества. Въ особенности достоинство Пресв. Богородицы, съ такою ревностію защищаемое Святителемъ Кирилломъ, требуетъ сильнаго внушенія православнымъ той осторожности, чтобы въ комъ не пренебречь и тѣмъ болѣе не похулить чего либо Христова, хотя бы выражающагося еще въ безсознательныхъ инстинктахъ, и чрезъ это не оскорбить и не преогорчить достоинства и духа Богоматери, матерински поддерживавшей и безсознательную немощь младенчества Господня.—Вотъ святые вселенскіе отцы такъ дорожили благодатною православною церковностію, что одинъ изъ нихъ, именно Василій великій не допускалъ дѣлать перемѣну даже и во внѣшнемъ разграниченіи церковныхъ паствъ въ слѣдствіе только перемѣны границъ между гражданскими областями (*), а другой, именно Григорій Богословъ, не хотѣлъ никакимъ благовиднымъ предлогомъ извинить въ духовно-близкомъ ему человѣкѣ (Григоріѣ Нисскомъ въ его юности) выхода изъ низшаго еще цер-

(*) Именно, Св. Василій не хотѣлъ уступать сосѣднему епископу изъ малой части своей кесарійской епархіи, хотя того, по видимому, требовала гражданская перемѣна границъ кесарійской области

ковнаго служенія въ кругъ свѣтскихъ занятій. Видно по святоотеческому руководству никакъ не слѣдуетъ даже во внѣшнемъ чѣмъ либо, тѣмъ болѣе въ занятіяхъ, упадать съ высоты церковно-благодатнаго Христова духа. Но, съ другой стороны, духъ святоотеческій не только не смущался, но не зналъ какъ довольно нарадоваться въ томъ случаѣ, если строгій пустынножитель и подвижникъ, движимый Христовымъ человѣколюбіемъ взыскать погибающую въ мірскомъ растлѣніи душу, пойдетъ изъ своей пустыни въ міръ, измѣнитъ свою подвижническую одежду на свѣтскую—военную, не погнушается войти даже въ домъ разврата и здѣсь сядетъ за роскошный столъ съ мясами и винами, поведетъ свободную бесѣду съ блудницею, пока наконецъ поставитъ эту погибающую душу на путь спасенія и правды (*). Видно, по святоотеческому образу мыслей ужъ не паденіемъ съ духовно-благодатной высоты будетъ дѣятельное слѣдованіе за Христомъ, пришедшимъ изъ небесныхъ Своихъ обителей въ грѣшный нашъ міръ для послуженія спасенію погибающихъ хотя бы для этого слѣдованія оказалось нужнымъ допустить такія или другія видимыя несообразности съ обыкновеннымъ духовнымъ порядкомъ.—Вотъ (скажу и еще наконецъ) Св. Григорій Нисскій не находилъ несовмѣстнымъ съ своимъ церковнымъ учительствомъ поучиться и у женщины, устраненной апостольскимъ словомъ отъ церковнаго учительства, именно у своей сестры Макрины (которую и не стыдится называть «наставницею») и памятникомъ этого оставилъ одно изъ своихъ святоотеческихъ твореній (**) Итакъ святоотеческимъ авторитетомъ подтверждается, что и въ разумѣніи Христовой истины и въ распространеніи благодатнаго ея свѣта *нѣсть полъ мужескій и женскій,* что и женщина не входя въ дѣло и обязанности церковнаго учительства, можетъ столько успѣть въ свѣтломъ и живомъ пониманіи и усвоеніи себѣ Христовой ис-

---

(*) Такъ именно поступилъ Св. Аврамій для спасенія своей племянницы Маріи, и Св. Ефремъ Сирянинъ, описывая это въ своихъ твореніяхъ, съ восторгомъ восхваляетъ подвижника за такое дѣло.

(**) См. въ „твореніяхъ Св. Григорія Нисскаго" (1862 г. книж. 4): „о душѣ и о воскресеніи, разговоръ съ сестрою Макриною".

тины, чтобы быть въ состояніи поддержать въ этомъ и самихъ церковныхъ учителей.—Скажу вообще: въ какомъ бы живомъ, близкомъ къ намъ, свѣтѣ являлись святоотеческія творенія и сколько бы оживляли онѣ въ православныхъ истинный духъ православія, устраняя отъ нихъ разныя односторонности, если бы съ переводомъ на родной языкъ писаній св. отцевъ мы соединяли трудъ мысли и слова и самаго дѣла—переводить жизненный духъ этихъ писаній на почву современныхъ духовныхъ нуждъ, вопросовъ и недоумѣній или затрудненій!! Журналъ «Творенія св. отцевъ» слишкомъ, слишкомъ мало заботится объ этомъ послѣднемъ...

Но довольно ужъ сказано для любящихъ истину, сказано изъ уваженія и участія къ ихъ дѣлу. Любящіе истину, и безъ дальнѣйшихъ поясненій, поймутъ уже, что духовнымъ журналамъ не годилось бы, помѣщая на своихъ страницахъ русскій переводъ св. книгъ ветхаго завѣта, не только не разъяснять внутренняго порядка ветхозавѣтныхъ откровеній и вообще воззрѣнія ветхозавѣтнаго, но и быть невнимательными къ сдѣланнымъ разъясненіямъ этого; а эти разъясненія ведутъ къ такому великому результату, что въ средахъ земныхъ и мірскихъ, въ которыхъ благодать Христова могла многоразлично предъизображаться въ ветхомъ завѣтѣ, тѣмъ удобнѣе и прямѣе можетъ быть проводима она же самая, только ужъ въ своемъ существѣ и истинѣ новозавѣтной, и притомъ чрезъ свободную и отчетливую самодѣятельность нашей вѣры. Любящимъ истину понятно само собою, что предлагая православнымъ, въ русскомъ переводѣ, акты вселенскихъ соборовъ, боровшихся съ разнообразными затрудненіями не только отъ изворотовъ и козней лжи, но и отъ недоразумѣній самой вѣры, неприлично православному журналу оставаться въ тоже время безучастнымъ къ дѣлу истины Божіей, и нынѣ обращаемой *во лжу* неразумѣемъ или нелюбовію къ истинѣ. Вотъ эта великая истина, что, для раскрытія свѣта и силы православія вообще и для направленія особенно нашей современности на должный путь, надо намъ православнымъ входить, сколько возможно живѣе и глубже, въ настроеніе и мудрствованіе любви къ грѣшному и заблуждаю-

щему міру самаго Господа — Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, что надо входить въ соучастіе этого Христова человѣколюбія по возможности такъ, какъ, напримѣръ, Апостолъ Павелъ, *молившійся самъ отлученъ быти отъ Христа за братію свою, за отвергшихъ Христа евреевъ* (Рим. IX, 3),— эта истина, Христова, могущая при живомъ своемъ дѣйствіи въ насъ перемѣнить весь міръ къ лучшему, какъ у насъ не была перетолкована и похулена въ послѣднее время?! То представляютъ ее въ видѣ той хульной лжи, что поставляется во имя Христово будто бы миръ правды съ нечестіемъ, и нераскаянные нечестивцы всѣхъ родовъ трактуются будто бы за одно съ спасенными или спасаемыми праведниками или, покрайней мѣрѣ, заблужденія и грѣхи первыхъ «стушовываются», представляются далеко не въ своей адской безобразности (какъ будто и человѣколюбіе Агнца Божія, въ духъ Котораго надо намъ входить, направлено не къ упраздненію, а только къ прикрытію грѣховъ и заблужденій нашихъ). То, на оборотъ, во свѣтѣ той же истины мерещится мрачный антицерковный призракъ такого рѣшительнаго паденія правды и православія, что, вмѣсто истинныхъ православныхъ, являются будто бы уже только два взаимно-враждебные лагеря: *духовно-язычествующихъ*, водящихся разными идеями не по Христу (объ этихъ впрочемъ и заботы нѣтъ), и *духовно-іудействующихъ*, не входящихъ въ Христовъ человѣколюбивый духъ. (Но будто именно послѣдніе и составляютъ собраніе истинныхъ православныхъ). То, пожалуй, самое изложеніе и раскрытіе той же истины оказывается совершенно темнымъ и невразумительнымъ, такъ что, пока дѣло не касается прямо этой истины, все идетъ въ рѣчи такъ себѣ, ничего, можно понимать, а легкій даже очеркъ какой-либо стороны въ самой этой истинѣ—просто *темна вода въ облацѣхъ воздушныхъ*. (А выходитъ дѣло самое простое и естественное, что, пока стоишь спиною къ предмету, то удивительно какъ темнѣ становится этотъ предметъ,—никакъ его не разглядишь; а какъ оборотишься лицемъ къ самому предмету и посмотришь попристальнѣе на него, то и неясность предмета не помѣшаетъ разглядѣть его—какъ слѣдуетъ). И чрезъ подоб-

ные перетолки простая и искренняя вѣра многихъ запутана и доселѣ путается въ недоразумѣніяхъ объ истинѣ и даже въ предубѣжденіяхъ противъ этой истины, отзывающихся болѣе или менѣе (конечно, безсознательною и ненамѣренною, какъ было и у іудействующихъ христіанъ), *враждебностію кресту Христову* (Филип. III, 18), сила котораго и состоитъ въ удобо-сообщимой вѣрующимъ любви Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра. А между тѣмъ при общемъ дружномъ разъясненіи той истины, что безъ участія въ духѣ этого Христова человѣколюбія неизбѣжно отчужденіе и отъ самой Христовой правды, таже простая и искренняя вѣра многихъ настроивалась бы понемногу Христовою, жертвующею собою, за другихъ, любовію къ заблуждающимъ грѣшникамъ; одушевляясь же этою любовію, она и подвиглась бы къ тому, чтобы какую бы ни было среду міра по немногу очищать, хотя бы отъ многовѣковыхъ иногда наплывовъ духовнаго зла. Все это русская мысль и слово разберутъ, когда нибудь, не въ похвалу духовной журналистикѣ, не хотѣвшей хорошенько разобрать дѣла, относящагося къ Христовой истинѣ. Вѣдь дѣло не въ той или другой личности, которою, конечно, можно пожертвовать для дѣла истины, нужной всему міру. Дѣло—не въ мягкихъ или строгихъ рѣчахъ; кому угодно, пожалуй—громи безпощадными обличеніями зло и заблужденія міра (какъ, напримѣръ, г. Говорскій громитъ фальшивости польскаго духа), но только дѣлай это въ томъ духѣ Христа Агнца Божія, чтобы и себя считать отвѣтственнымъ за виноватыхъ и заблуждающихъ братьевъ, по болѣзнующей объ ихъ исправленіи любви.

—

Что же скажемъ вообще о нашей свѣтской и духовной журналистикѣ? Справедливо судить о сравнительномъ значеніи той и другой стороны можно, кажется мнѣ, не иначе, какъ по достоинству и недостаткамъ любви ихъ къ истинѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ свѣтская и духовная стороны подлежатъ не одинаковымъ условіямъ, а любовь къ истинѣ и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ зависитъ отъ одного существеннаго условія—

отъ свободнаго настроенія. Отъ доброй воли каждаго зависитъ поставлять ли свое достоинство въ томъ, чтобы твердо и спокойно поставлять на видъ и выдерживать словомъ и дѣломъ истину, нужную всѣмъ, или въ томъ, чтобы перекричать только другихъ, обидѣться ихъ криками и иногда только пустыми намеками, отстоять, во чтобы-то ни стало, свою партію или школу или даже только свою личность, а то буде остаться въ величественномъ, невозмутимомъ невниманіи къ голосу истины, иногда слишкомъ скромному или раздающемуся изъ скромнаго, незазнающагося журнальца, изъ какого нибудь, напримѣръ, «Сына Отечества». Любовь же къ истинѣ, и сама по себѣ, достойна быть пробнымъ камнемъ для оцѣнки духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ. Вѣдь, *не пріемлющіи любве истины* обречены отъ самаго Бога *дѣйству льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи неправдѣ* (2 Сол. II, 10—12). Итакъ, судя по любви къ истинѣ, сколько этого безцѣннаго совершенства есть или нѣтъ въ духовной и свѣтской журналистикѣ, могу на основаніи всего выше объясненнаго смѣло сказать, что достоинства и недостатки той и другой очень и очень равновѣсны, взаимно одною въ другой поддерживаясь или ослабляясь. Вотъ московская свѣтская журналистика довольно внимательна и осторожна относительно дѣятелей духовной мысли,—и открылось нравственное удобство къ изданію въ Москвѣ этого благороднаго духовнаго журнала—«Православнаго Обозрѣнія», которое своимъ свѣжимъ и жизненнымъ направленіемъ еще болѣе возбуждаетъ сочувствіе къ себѣ дѣятелей свѣтскихъ. А петербургская свѣтская журналистика слишкомъ далеко простираетъ иногда свое пренебреженіе къ духовной мысли,—и это вызвало такое явленіе неразумной ревности, какъ «Домашняя Бесѣда», которая своими выходками, еще болѣе предубѣждаетъ иныхъ свѣтскихъ противъ всего духовнаго. Фактъ примѣчательный и поучительный!

X.

О дѣлѣ духовной критики и науки.

«Критика въ духовной журналистикѣ, по словамъ «Духовнаго Вѣстника», есть еще такое молодое дитя, которое, Богъ знаетъ, когда вырастетъ». Въ видахъ споспѣшествованія скорому и здоровому росту этого «дитяти» на пользу общественную, много разъ собирался я поговорить о критикѣ самаго «Духовнаго Вѣстника» на сочиненія преосвящ. Филарета, архіепископа черниговскаго (*). Но всё отвлекали меня отъ этого обстоятельства и другіе предметы.

Думалось еще мнѣ, что духовная журналистика не оставитъ сдѣлать основательную оцѣнку ученыхъ сочиненій просвѣщеннаго пастыря, взвѣсивъ по надлежащему и рецензіи объ нихъ «Духовнаго Вѣстника». Но, сколько знаю, другіе духовные журналы ограничились или голословнымъ замѣчаніемъ, что «критика не можетъ одобрять этихъ рецензій», или голословными же похвальными замѣтками о сочиненіяхъ преосв. Филарета (**). А вѣдь, пока не будетъ обсуждена критика «Духовнаго Вѣстника», слишкомъ невысоко ставящія эти сочиненія,—послѣднее слово о достоинствѣ ученыхъ трудовъ почтеннаго автора все же остается за «Духовнымъ Вѣстникомъ». Какое же это слово? Я совершенно далекъ отъ того оскорбительнаго и почти ругательнаго чьего-то мнѣнія (переданнаго

(*) Здѣсь имѣются въ виду критическія статьи именно г. Сербинова на слѣдующія сочиненія преосв. Филарета: „Историческій обзоръ нѣсколькихъ" и проч. "Обзоръ русской духовной литературы 862—1720 г."; „Русскіе святые" и проч

(**) Какъ ни умножаются у насъ духов. журналы и вѣдомости, но такой фактъ, что дѣло объ ученомъ достоинствѣ и трудахъ преосв. Филарета не нашло основательнаго адвоката, свидѣтельствуетъ, какъ наша духовная журналистика далека еще отъ процвѣтанія. Много ли у насъ такихъ дѣятелей науки, каковъ преосв. Филаретъ черниговскій? Вотъ ужъ именно можно сказать пословицей: разъ, два, и,—обчелся. И проводники духовной мысли и слова пропускаютъ ни за что когда и такой дѣятель оцѣненъ низко до оскорбительности.

къ общему свѣдѣнію «Православнымъ Обозрѣніемъ»), по которому это слово критики «Духовнаго Вѣстника» приравнивается къ извѣстной храбрости *моськи* противъ *слона*. По моему мнѣнію, критикъ «Духовнаго Вѣстника», именно г. Сербиновъ, который открылъ и настроилъ на свой тонъ критику этого журнала на сочиненія преосв. Филарета, велъ свое критическое дѣло честно въ томъ отношеніи, что не слегка и кое-какъ, а трудолюбиво изучалъ критикуемые имъ труды. Онъ и благороденъ въ томъ отношеніи, что откровенно и прямодушно, безъ уклончивости и обиняковъ, высказывалъ свои мысли и заключенія объ этихъ ученыхъ трудахъ. Однако рецензіи г. Сербинова, еще и до обсужденія ихъ, производятъ тяжелое, непріятное впечатлѣніе на читателя, хотябы послѣдній и отдѣлялъ авторство отъ сана въ духовномъ писателѣ. Не нравится именно жосткій, по мѣстамъ даже язвительный, тонъ критики г. Сербинова, наклонность его изыскивать въ разбираемыхъ сочиненіяхъ болѣе худшее и попирать лучшее. Надо повѣрить или обсудить и, если можно, исправить такое слово о трудахъ просвѣщеннаго духовнаго писателя. Было бы преступленіемъ предъ истиною и обществомъ не поднимать дѣла, одними рѣшеннаго несправедливо, а другими оставленнаго безъ должнаго вниманія. Дѣло касается преосв. Филарета Черниговскаго, какъ извѣстнаго всѣмъ ученаго, какъ дѣятеля науки, а дѣло науки— одно изъ особенно важныхъ для общества дѣлъ.

Принимаясь говорить о рецензіяхъ г. Сербинова, считаю за необходимое объяснить напередъ, что особенно критику духовныхъ сочиненій надобно имѣть въ виду, чтобы ему, и въ честной по намѣренію и трудолюбію критикѣ своей, не впасть въ несправедливость. Само собою разумѣется, что я хочу передать свои мысли безъ лишней притязательности, а только къ свѣдѣнію и обсужденію любящихъ истину. Для послѣднихъ, я увѣренъ, не безполезны будутъ мои «замѣтки», хотябы г. Сербиновъ и не захотѣлъ ими воспользоваться.

Первое, что̀ критикъ духовныхъ сочиненій долженъ выяснить себѣ и выдерживать въ своей критикѣ, это—надлежащая или правая точка зрѣнія на словесныя произведенія духовной мысли

и знанія.—Кому не случалось слыхать такія рѣчи (людей притомъ хорошихъ и благонамѣренныхъ), что въ благочестивой древности до свѣта истиннаго вѣденія доходили больше дѣлами, а нынѣ хотятъ все узнать еще прежде или даже помимо дѣятельной жизни? Очевидно, что такія рѣчи направляются къ предосужденію и униженію нынѣшняго знанія вообще и особенно знанія духовнаго. Не избрать ли подобную точку зрѣнія для оцѣнки духовныхъ произведеній? Но не говоря о томъ, что иные роды духовныхъ сочиненій мудрено было бы подводить подъ эту точку зрѣнія,—сама она на совсѣмъ состоятельна предъ истиною. То правда, засвидѣтельствованная церковію, что древніе духовные мужи въ *дѣяніяхъ* обрѣтали «*восходы къ видѣніямъ*» или къ совершенному созерцательному знанію (*). Но и то правда, также засвидѣтельствованная церковію (**), что эти самые Божіи человѣки не иначе брались и за дѣятельную жизнь, какъ съ предварительнымъ, точнымъ и правымъ знаніемъ этого дѣла или съ «*православнымъ смысломъ*». Считаю нужнымъ нѣсколько распространиться объ этомъ. Представьте себѣ человѣка, проходящаго самый строгій путь дѣятельной жизни безъ основательнаго знанія, что правда, по *православному смыслу*, состоитъ собственно не въ заслугѣ нашихъ дѣлъ предъ Богомъ; — что наша правда есть самъ Христосъ, Который даетъ намъ Себя единственно по Своей человѣколюбивой благодати, Котораго, въ Его живомъ духѣ святости и человѣколюбія, и надо намъ *пріобрѣтать* (Филип. III) или болѣе и болѣе усвоять себѣ какъ вообще въ дѣятельной жизни, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ добромъ дѣлѣ; — что каждое частное дѣло благочестія и добродѣтели есть только даръ Господней благодати, и именно такой великій и безцѣнный даръ, чтобы вѣрующему принять къ себѣ, въ самомъ исполненіи этого дѣла (большаго или малаго), самаго сладчайшаго Господа Іисуса. Не разумѣя этого *православнаго*

(*) *Дѣяніе обрѣлъ еси въ видѣнія восходы.* Общій тропарь священномученикомъ.

(**) *Православнымъ смысломъ юношеская вождѣленія возненавидѣвъ и доблестныя нравы восприимъ, врага побѣдилъ еси* Тропарь пр. Никитѣ Столпнику.

смысла правды, самый строгій подвижникъ не только не обрѣтетъ въ своемъ дѣяніи «*восхода во видѣнія*», но и не благоустроитъ по надлежащему и самаго пути дѣятельной своей жизни. Такъ для успѣха и во всякомъ родѣ дѣятельности, внѣшней и внутренней, мысленной и нравственной, нужно предварительно получить знаніе о дѣлѣ. Высокіе духовные дѣятели благочестивой древности оказались такими потому именно, что имѣли свѣтлый и точный «*православный смыслъ*» и знаніе своего дѣла. Потому нынѣшнее усиленное направленіе къ знанію выражаетъ доброе и святое стремленіе овладѣть правымъ смысломъ каждаго дѣла, каждой вещи, безъ чего нельзя по надлежащему и дѣлать этого дѣла и пользоваться этою вещію. Выразумѣвъ, что законы и силы и составъ всего физическаго, начиная съ тѣла нашего, осуществлены и опредѣлены всетворческою и вседержительною мыслію Бога Слова, также какъ и законы *числа*, законы вообще и правый порядокъ *мысли* нашей и выражающаго ее *слова* нашего, — выразумѣвъ это не мудрено будетъ, и при составленіи, напр., грамматики или ариѳметики, лѣчебника или лексикона, умудряться или углубляться въ мысль и благодать самаго Бога Слова, благоволившаго для удобосообщимости съ нами принять, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ естествомъ, и нашу мысль и наше слово ради всѣхъ умовъ и языковъ во всемъ мірѣ ... Ну, а не выяснивъ себѣ этого, будешь только съ легкомысліемъ насмѣхаться подобно Сербинову: «скажите пожалуйста, какъ написать въ религіозномъ духѣ какой либо лексиконъ или лѣчебникъ? Есть ли «въ цѣломъ мірѣ хотя одна грамматика или ариѳметика, на«писанныя въ духѣ христіанскаго благочестія»? Такъ точно и историческая истина для знающаго, или только предчувствующаго, что въ судьбахъ человѣческихъ раскрываются мысли Вседержителя Бога и духъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, есть неприкосновенная святыня, требующая самой осмотрительной критики; а другіе люди ищутъ въ исторіи много, много, какъ только нравственной назидательности или даже одной занимательности. Такъ и правда гражданскихъ законовъ, развиваемая изъ начертаннаго въ умѣ и сердцѣ или совѣсти

закона, есть въ своемъ основаніи правда Христа, просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ.

Вотъ съ этой точки зрѣнія и должна критика разбирать и обсуживать сочиненія, особенно духовныя. Именно, она должна выяснять, на сколько то или другое сочиненіе подходитъ къ живому духу и достоинству отчетливаго знанія, раскрывая правый смыслъ того или другаго дѣла, предмета, факта,— на сколько сочинитель направлялся и успѣлъ послужить тому существенному интересу знанія, чтобы разъяснить и почтить святыню истины, сосредоточенной въ самомъ Богѣ Словѣ Христѣ, — на сколько при этомъ возвышается авторъ надъ мертвымъ формализмомъ къ живой жизненной силѣ истины. Отъ чего у насъ, на святой Руси, знанія еще мало укоренились въ народномъ духѣ и еще менѣе успѣли въ самостоятельномъ своемъ развитіи? Отъ того, между прочимъ, что мы, уча и учась, читая и сочиняя, преслѣдуемъ разные интересы и цѣли большею частію помимо священнѣйшаго интереса узнать и въ великомъ и маломъ саму истину, всѣмъ завѣдывающую и принадлежащую существенно самому Христу. За то и слѣдуетъ отличать и высоко ставить тѣхъ писателей, которые въ дѣлѣ мысли и знанія честно и правдиво служатъ Истинѣ—Христу. «Такъ Богу угодно» или «такъ Богъ устроилъ»—вотъ какъ у насъ набожность большинства успокоиваетъ себя касательно многихъ важныхъ предметовъ, лѣнясь отчетливо узнать ихъ; только живая вѣра немногихъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность научно выяснить себѣ то или другое премудрое устроеніе или благую и животворную во всемъ волю Божію.

Съ этой точки зрѣнія духовная критика должна, по моему мнѣнію, съ особеннымъ уваженіемъ и любовію останавливаться на трудахъ преосвящ. Филарета черниговскаго, принадлежащаго къ числу немногихъ у насъ избранниковъ, для которыхъ интересы знанія истинно неотдѣлимы отъ интересовъ православія. Каждый новый его трудъ свидѣтельствуетъ открыто предъ всѣми о науколюбивомъ его духѣ, напоминающемъ любознательность двухъ великихъ святителей и друзей — Григорія и Василія, или Фотія и Іоанна Дамаскина. Поэтому для чита-

теля, сколько нибудь знакомаго съ ученными трудами преосвящ. автора, не можетъ не быть оскорбительнымъ обвиненіе его г. Сербиновымъ въ «одномъ только послѣдательствѣ на эрудицію.» За чѣмъ же онъ, говорите, оставляетъ безъ оцѣнки тѣ рукописи и изслѣдованія, на которыя ссылается? За тѣмъ, что остановиться на обстоятельной оцѣнкѣ всего, на что онъ ссылается, значило бы написать новое сочиненіе не меньше того, въ которомъ онъ дѣлаетъ свои безчисленныя ссылки;— за тѣмъ еще, что истинно-ученому свойственны не только перевѣрка того или другаго изысканія собственнымъ разслѣдованіемъ, но и довѣріе своимъ собратамъ по учености.—Кромѣ общаго любознательнаго настроенія въ преосвящ. Филаретѣ видна еще та особенность, что онъ обыкновенно съ горячимъ сочувствіемъ относится къ своему предмету; онъ какъ будто и самъ принимаетъ участіе въ дѣйствіяхъ и событіяхъ, о которыхъ пишетъ; у него по этому самому, всегда можно отличать любимыхъ и нелюбимыхъ между личностями, которыхъ онъ касается. Это сообщаетъ его трудамъ, такъ сказать, *внутреннюю* занимательность, не смотря на примѣтный недостатокъ *внѣшней полировки* его произведеній. Само собою разумѣется, что его симпатіи и антипатіи могутъ быть пристрастны и потому подлежатъ критикѣ; но важно то, что источникъ ихъ— благородный, именно живое любопытательное отношеніе автора къ своему предмету. Если напр. онъ рѣзко отзывается о г. Муравьевѣ, написавшемъ «Житія святыхъ русской церкви»; то въ этомъ выражается только горячая антипатія науколюбиваго автора къ тѣмъ особенностямъ таланта въ г. Муравьевѣ, что послѣдній не любитъ научныхъ разысканій и пріемовъ. (Это—два таланта совершенно противоположныхъ направленій). Къ чемужъ г. Сербиновъ наводитъ на разбираемаго имъ автора неблагопріятную тѣнь своими догадками о «преогорченіи его лживымъ повѣствованіемъ г. Муравьева о святыхъ»? Вѣдь самъ г. Сербиновъ видѣлъ, что преосвященный пользовался повѣствованіемъ г. Муравьева: этого довольно было бы для удостовѣренія, что первый считаетъ отнюдь не лживымъ повѣствованіе послѣдняго.

Но, не ставъ на надлежащую точку зрѣнія, г. Сербиновъ не только опустилъ изъ виду главныя свойства разсматриваемаго имъ писателя и отъ того допустилъ невѣрное пониманіе нѣкоторыхъ сторонъ въ его дѣлѣ, но иногда даже прямо порицаетъ то, что́ достойно особеннаго уваженія и похвалы. Вотъ примѣры этого. Въ сочиненіи «Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно» Авторъ приводитъ, въ видѣ эпиграфа, слова Св Димитрія Ростовскаго: *да не будетъ ми лгати на святаго;* и за тѣмъ говоритъ, что это должно быть святымъ правиломъ для каждаго, кто касается перомъ или кистію до святыхъ, что западныя легенды чрезъ прибавленіе вымысловъ только оскорбляли святыхъ и дали поводъ не вѣрить и дѣйствительному, что православная церковь не терпитъ лжи и вымысловъ, что повторять всѣ повѣсти о святыхъ безъ разбора, безъ повѣрки грѣшно передъ чистою совѣстію и предъ умомъ просвѣщеннымъ. Все это, въ чемъ прекрасно высказалась правдивая и любознательная душа писателя, явно и близко идетъ къ духовнымъ потребностямъ и настроенію православныхъ русскихъ, большинство которыхъ такъ склонно принимать на темную вѣру все, чего бы ни пришлось услышать о святыхъ, и такъ подозрительно смотритъ на всякую любопытательность знанія... Но г. Сербиновъ насмѣшливо видитъ въ означенныхъ рѣчахъ автора ненужное «широковѣщаніе» и пускается въ язвительныя догадки, «не былъ ли авторъ огорченъ до глубины души какою либо свѣжею клеветою на нашихъ святыхъ».—Другой примѣръ. Въ сочиненіи «обзоръ русской духовной литературы», прошедшихъ вѣковъ, авторъ указываетъ и на такіе труды духовныхъ и даже недуховныхъ писателей, которые принадлежатъ болѣе къ области свѣтской литературы,—напр. на «Русскую правду», Ярослава, даже на какую нибудь грамматику, лексикопъ, лѣчебникъ, историческое описаніе гражданскаго событія и под. Это для времени, въ которое иные изъ православныхъ считаютъ страшнымъ грѣхомъ живое вниманіе къ области свѣтской, составляетъ чрезвычайно важное и нужное свидѣтельство о томъ, что сами духовные у насъ, въ дѣлѣ знанія, всегда

не были чужды дѣятельнаго вниманія къ мірскому и свѣтскому. Мало этого; съ точки зрѣнія, выше выясненной, въ словесныхъ опытахъ, дѣлаемыхъ въ прежнее время духовными и недуховными лицами по предметамъ не прямо духовнымъ, можно примѣчать предначатіе того, какъ и мірскимъ или свѣтскимъ предметомъ православному заниматься духовно. (Вѣдь внѣ Христа Сына Божія и всякой видъ знанія, какъ все въ мірѣ, остается чуждо благоволенія Отца небеснаго, а съ Нимъ и всего истинно свѣтлаго и жизненнаго). Но г. Сербиновъ и ѣдкой ироніей и серьезными разсужденіями вооружается противъ того, за чѣмъ въ «обзоръ духовной литературы» внесены литературные опыты по части не прямо духовной.

Второе, что̀ критикѣ духовныхъ сочиненій надо имѣть въ неопустительномъ виду,—это особенности времени нашего по отношенію къ духовной учености, и особенно по отношенію къ тому роду произведеній, къ которому принадлежатъ разсматриваемыя сочиненія. У г. Сербинова встрѣчаются такіе приговоры труду преосв. Филарета что этотъ трудъ «*ниже своего времени*», тогда какъ однородное съ нимъ сочиненіе Евгенія кіевскаго «выше своего времени». Но для произнесенія подобныхъ приговоровъ мало того, чтобы имѣть въ виду только обиліе или недостатокъ ученыхъ источниковъ, извѣстныхъ въ то или другое время. Надо выяснить себѣ еще направленіе и требованія того или другаго времени въ дѣлѣ мысли и знанія; извѣстно, какъ много зависитъ отъ направленія и требованій времени тотъ складъ и настроеніе мыслей, которымъ такъ или иначе поставляется и выполняется у автора самая задача его труда.

Въ послѣднее сороколѣтіе (отъ выхода «словаря» Евгенія до изданія труда Филарета черниг.) утекло много воды. Въ это именно сороколѣтіе совершался тотъ процессъ въ дѣлѣ мысли и знанія, въ слѣдствіе котораго нынѣ, уже, примѣтно для всѣхъ, одно время или одинъ міръ отходитъ, а другой міръ, другое время приходитъ. Но и нынѣ вполнѣ ли и даже довольно ли опредѣлилось, чего собственно хочется и нужно этому новому времени, что̀ это за новый міръ приходитъ? Ну, возьмемъ напр.

вотъ хоть это требованіе или только желаніе, навѣянное очевидно новымъ временемъ, чтобы авторъ «историческаго обзора пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой Церкви» *принялъ на себя труда объяснить внутренній ходъ образованія пѣснопѣній, разсмотрѣть ихъ въ связи съ судьбами церкви,* и тѣмъ *поставленъ былъ бы въ необходимости* слѣдить въ пѣснопѣніяхъ *отраженіе современныхъ имъ церковныхъ событій и обстоятельствъ* (*). Легко сказать! Вѣдь для этого нужно уже знать не только факты церковной жизни, но идущій по извѣстнымъ законамъ и условіямъ внутренній порядокъ этой жизни. Достаточно ли выяснено это нынѣшней православной наукой? Выяснено ли покрайней мѣрѣ хоть то, по какимъ законамъ и какимъ порядкомъ идетъ эта одна изъ сторонъ внутренней церковной жизни—живая мысль вѣры? Боже мой, Боже мой! Вѣдь у насъ еще трудно и высказывать и понимать подобные запросы (**). Лѣтъ за двадцать, когда преосв. Филаретъ трудился надъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ сочиненій, лѣтъ за тридцать, когда воспитаніемъ слагался и на будущее время характеръ и образъ

(*) *Курсивныя* выраженія принадлежатъ г. Сербинову.

(**) Вотъ г. Сербиновъ взялся самъ въ своей критикѣ обозначать „внутренній ходъ образованія пѣснопѣній". Но вполнѣ ли удачно?—Въ объясненіе того, почему обиліе церковныхъ пѣснопѣній появилось уже къ концу періода вселенскихъ соборовъ, г. Сербиновъ говоритъ вотъ что: „христіанское вѣроученіе (выражаемое въ пѣснопѣніи) достигло желаемой полноты и опредѣленности не вдругъ, — достигло на вселенскихъ соборахъ". Но если въ строгомъ смыслѣ такъ, то выходитъ, что, съ одной стороны, до вселенскихъ соборовъ христіанское вѣроученіе было неполно и отчасти сбивчиво, а съ другой—послѣ вселенскихъ соборовъ вѣрѣ нашей, относительно вѣроученія, остается только почивать, а больше дѣлать нечего... Нѣтъ! Истина Христова, съ явленіемъ новаго завѣта, открыта въ полнотѣ и опредѣленности всего своего существа (слѣд. по теоріи г. Сербинова, было уже готовое мѣсто и для пѣснопѣній во всемъ ихъ обиліи, которое однако послѣдовало позднѣе. Почему? остается еще не объясненнымъ); только тѣ или другія стороны истины подлежатъ *всегда* нападеніямъ лжи, чѣмъ и требуется *всегда* отъ вѣры подвигъ раскрывать перетолковываемыя или обезсиливаемыя ложью стороны истины, сколько требуется для побѣды истины надъ ложью (слѣд. *всегда*, по теоріи г. Сербинова, открывается мѣсто для новаго обилія пѣснопѣній; этого однако нѣтъ). Видно, что-нибудь г. Сербиновъ не досказалъ или пересказалъ. Еще: по теоріи г. Сербинова, легко совмѣщаются такія противорѣчія, что въ періодъ гоненій церкви было не до „иконовій" или пѣснопѣній, въ борьбѣ съ ересями было не до пѣснопѣнцевъ, а въ иконоборческихъ гоненіяхъ, въ борьбѣ съ этою ересью уже „естественно было утѣшать себя пѣснопѣніями".

его мыслей,—что въ то время было?! Разнорѣчивыя и даже во многомъ противорѣчивыя требованія и стремленія прежняго времени и, едва, едва возникающаго новаго времени не могли не отражаться въ самомъ характерѣ учености этого духовнаго писателя; это, очевидно, не благопріятная, но совершенно неизбѣжная печать времени видна и въ его твореніяхъ. Этого критика не должна ставить и въ предосужденіе автору (потому мы выше и не усумнились отдать полную справедливость науколюбивому его духу, напоминающему любовѣдѣніе высшихъ изъ древнихъ отцевъ, хотя, по особенностямъ своего времени, такой его духъ и не могъ раскрыться въ стройной полнотѣ). Сочувствуя новымъ требованіямъ и средствамъ научнымъ, онъ уже имѣетъ «замѣтную нерасположенность» напр. къ «Словарю» Евгенія, и пишетъ «обзоръ русской духовной литературы» прошлыхъ вѣковъ; но новыя требованія такъ еще неопредѣленны, а любознательность зоветъ его уже къ другому труду по такой части, которая у насъ еще или не тронута почти наукою, или обработывается безъ научной отчетливости,—и вотъ «очеркъ» оставляется, не получивши совершенной полноты и окончательной обработки. Съ другой стороны, новому еще направленію не уступаютъ въ достоинствомъ нашемъ писателѣ и тѣ научныя понятія и пріемы, на которыхъ онъ былъ воспитанъ и получилъ извѣстный складъ мысли; отъ того происходитъ построеніе сочиненій этого автора вообще по старымъ научнымъ пріемамъ, которыхъ впрочемъ самъ же авторъ не выдерживаетъ, увлекаясь уже стремленіемъ новаго времени—войдти и ввести читателя ближе въ живую силу излагаемыхъ имъ предметовъ;—и вотъ онъ, по видимому безъ нужды, въ «историческомъ обзорѣ пѣснопѣній» разсуждаетъ объ ихъ содержаніи, или, по видимому только «для своего удовольствія» въ «Обзорѣ русской духовной литературы« дѣлаетъ выписки изъ разныхъ старинныхъ сочиненій. Справедливо ли все подобное ставить въ вину такому автору, которому, по особенностямъ его времени, досталось испытывать какъ будто муки рожденія, при разрѣшеніи стараго времени уже новымъ направленіемъ, новымъ временемъ для знанія и жизни? Напротивъ, если бы и

угодно было кому выслѣживать такія неровности и кажущіяся произвольности въ трудахъ преосвящ. автора, слѣдовало бы это дѣлать съ уважительнымъ къ нему участіемъ. Хорошо дѣтямъ сидѣть на плечахъ отцевъ своихъ: каково-то послѣднимъ выносить первыхъ!

Если бы г. Сербиновъ сталъ на надлежащую точку зрѣнія въ своей критикѣ и имѣлъ въ виду особенности времени трудовъ преосвящ. Филарета: то онъ, при своей честности въ дѣлѣ критики, развилъ бы достойное и даже высокое понятіе объ этомъ духовномъ писателѣ, который, съ своей стороны, не оскорбленный съ благодарностію принялъ бы отъ г. Сербинова указаніе разныхъ недосмотровъ своихъ. А то вѣдь г. Сербиновъ иногда просто придирается къ автору, и самъ того, можетъ быть, не замѣчая; съ лучшимъ понятіемъ объ авторскомъ значеніи писателя онъ этого бы себѣ не дозволилъ никогда. Не дозволилъ бы себѣ и перетолкованій чего нибудь обоюднаго въ критикуемомъ сочиненіи въ худшую для автора сторону. Не относилъ бы и недостатковъ рѣчи или изложенія къ невѣрностямъ самой мысли. И въ особенности остерегся бы произносить приговоры по своимъ произвольнымъ или не вполнѣ свѣтлымъ нѣкоторымъ понятіямъ—Непріятно говорить обо всемъ этомъ; но надо войдти и въ непріятное объясненіе, чтобы, съ одной стороны, по возможности поправить неправедливость критики противъ достойнаго писателя, а съ другой и критическій талантъ г. Сербинова предостеречь (если онъ не отринетъ братскихъ остереженій) отъ возможныхъ уклоненій на не совсѣмъ правый путь.

Критика г. Сербинова на сочиненія преосв. Филарета, дѣйствительно, допускаетъ иногда явныя придирки. Преосвященный авторъ напр. выразитъ мысль, что исторія не должна строиться на предположеніяхъ; изъ этого, очевидно, еще не слѣдуетъ того, чтобы въ исторіи не могли вовсе имѣть законнаго мѣста никакія предположенія,—пробѣлы, оставляемые историческими памятниками и фактами, необходимо иногда требуютъ замѣщенія своей пустоты предположеніями. Но г. Сербиновъ преслѣдуетъ всякое историческое предположеніе и догадку раз-

сматриваемаго имъ автора, какъ уже преступленіе противъ признаваемаго самимъ авторомъ закона строить исторію не на предположеніяхъ. Или еще: авторъ выскажетъ, что то или другое не составляетъ *необходимаго* предмета по задачѣ его труда, хотя и не исключается изъ послѣдняго. Критикъ спѣшитъ уже сдѣлать такое заключеніе объ «обходимой» сторонѣ содержанія, что—«въ отставку ее, прочь ее»!—Почему же прочь? Мало ли изъ того, въ чемъ нѣтъ необходимости, можетъ однако быть сдѣлано употребленіе, изъ того, что въ своемъ мѣстѣ можетъ быть для чего нибудь пригоднымъ и даже въ нѣкоторой степени нужнымъ, или же покрайней мѣрѣ не лишнимъ.—Или вотъ еще: авторъ объ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что «возможное для усердія и силъ одного сдѣлано». Ясно, кажется, что это сказано авторомъ по смиренному сознанію возможности въ сочиненіи разныхъ недосмотровъ, ошибокъ и другихъ недостатковъ. Но г. Сербинову слышится въ приведенныхъ словахъ автора «самоувѣренный тонъ—тонъ недостойный смиренномудрія истинно ученаго». Не придирки ли это? Да; и придирки недобраго, оскорбительнаго тона. Мнѣ кажется, что критикъ впалъ въ эту нехорошую крайность, и самъ того не замѣчая.

Есть въ критикѣ г. Сербинова и перетолкованія нѣкоторыхъ обоюдностей автора въ явно невыгодную для него сторону, хотя можно бы ихъ понять и съ благопріятной для автора стороны. Сюда относится особенно тотъ случай, что авторъ или вовсе не упоминаетъ о нападеніяхъ бѣсовъ на того или другаго изъ святыхъ русскихъ, хотя объ этомъ прямо говорится въ древнихъ сказаніяхъ, признаваемыхъ и самимъ авторомъ за достовѣрныя, или упоминаетъ о дѣйствіяхъ бѣсовъ, только какъ «о страшныхъ грезахъ, которыя преслѣдовали святую, какъ о мечтахъ, которыя грозили погубить ее». Критикъ понимаетъ это, какъ дѣло «небезопасное для нашего времени, которое отрицательно относится къ бытію міра духовнаго и вліянію его на міръ человѣческій, тѣмъ болѣе, что это сдѣлано однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей нашихъ. Пожалуй, можетъ быть и такъ. А можетъ быть и то (для меня даже на-

вѣрное такъ), что одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей нашихъ имѣлъ въ виду не только отрицаніе бѣсовъ нѣкоторыми современниками нашими, но и такое вѣрованіе большинства православнаго касательно силы бѣсовъ, что во всякихъ нашихъ мерзостяхъ и беззаконіяхъ вся работа принадлежитъ бѣсамъ,—все они окаянные путаютъ насъ. Можетъ быть, просвѣщенный и проницательный архипастырь имѣетъ въ виду, что и самое отрицательное отношеніе нѣкоторыхъ къ бытію міра духовнаго много поддерживается тѣмъ односторонним вѣрованіемъ другихъ, по которому нравственная вина нашихъ пороковъ взваливается почти только на однихъ бѣсовъ. Поэтому, желая показать отрицателямъ міра духовнаго, что внутреннія въ самомъ человѣкѣ пружины нравственнаго зла не устраняются и ни мало не ослабляются въ своемъ значеніи вліяніемъ бѣсовъ, а вѣрующихъ вразумляя, что пружины зла, на которыя дѣйствуютъ бѣсы, принадлежатъ все же самому человѣку и зависятъ отъ его свободы,—архипастырь и указываетъ только на эти внутреннія пружины нравственнаго зла (къ которымъ принадлежатъ, между прочимъ, и мечты или грезы темныя). Онъ умалчиваетъ о самыхъ бѣсахъ; потому что дѣйствія ихъ для вѣры сами собою разумѣются, а невѣріемъ удобнѣе могутъ быть признаны, когда не устраняются, а нарочито имѣются въ виду нравственныя дѣйствія и состоянія самаго человѣка. Почему бы подобнымъ образомъ не изъяснить автора въ этомъ случаѣ. Вѣдь для нашего времени не безопасно и даже вредно въ особенности то, что большею частію заботятся не снимать или устранять, а утверждать и выше поднимать раздѣляющую между свѣтскимъ и духовнымъ направленіемъ среду, состоящую главнымъ образомъ въ односторонностяхъ того и другаго направленія.—Другой, впрочемъ не такой важности случай:—Въ «обзорѣ русской духовной литературы» въ число древнихъ духовныхъ нашихъ писателей попали и такіе, которые были не болѣе, какъ переписчиками нѣкоторыхъ духовныхъ сочиненій или современниками ихъ появленія, или только владѣтелями. Примѣтно, что авторъ желалъ только привязать сочиненія неизвѣстныхъ писателей къ тому или другому имени, съ которымъ свя-

зываютъ ихъ, въ какомъ либо отношеніи, разныя свидѣтельства. Къ этому могло располагать автора и то, что въ старой Руси и переписывать духовное сочиненіе или пользоваться имъ значило уже не низкую степень духовной учености. Но критику не угодно остановиться на подобномъ объясненіи. Ему пріятнѣе толкованія вотъ въ какомъ родѣ: «далекъ ли переходъ отъ переписчиковъ до переплетчиковъ, которые были извѣстны въ старину подъ именемъ *дѣлателей книгъ*.

Критикѣ г. Сербинова нравится также пользоваться неточными и неудачными оборотами рѣчи автора (вообще ни сколько почти не озабочивающагося отдѣлкою изложенія), чтобы отъ нихъ заключать о несостоятельности его логики, о невѣрности или неосновательности его выводовъ. Скажетъ напр. авторъ: «*вѣроятно*, что, если не сочинена она (повѣсть) вся митрополитомъ Филиппомъ, то, *безъ сомнѣнія*, подъ его смотрѣніемъ писана и имъ исправлена». Ясно, что авторъ выразился: «безъ сомнѣнія», не иначе, какъ только въ смыслѣ: *по крайней мѣрѣ*; т. е. авторъ находитъ вѣроятнымъ, что повѣсть, если не сочинена, то по крайней мѣрѣ пересмотрѣна Филиппомъ. Но критикъ неаккуратностію рѣчи спѣшитъ воспользоваться, чтобы сдѣлать такое колкое сужденіе: «отъ *вѣроятнаго только*—что за переходъ прямо къ несомнѣнному заключенію»?—А то еще: авторъ, разсуждая о подлинности *стихиръ* Анатолія, указываетъ съ одной стороны на сходство этого рода пѣсней съ ветхозавѣтными стихотворными отдѣленіями Св. Писанія, называемыми στίχηρα, а съ другой на то, что въ V вѣкѣ, когда жилъ Анатолій, построеніе и раздѣленіе этихъ ветхозавѣтныхъ *стихиръ* было въ особенномъ вниманіи въ Церкви, такъ что въ это время Евсевій, по ихъ образцу, раздѣлилъ текстъ Дѣяній и Посланій Апостольскихъ; такимъ образомъ, судя по роду и названію этихъ пѣсней — *стихиръ*, авторъ и объясняетъ, какъ патріарху того же V вѣка — Анатолію было просто и близко дойти до мысли взяться за построеніе или составленіе стихиръ. Не уже ли это не служитъ «въ пользу» подлинности стихиръ Анатоліевыхъ? Вѣдь не лишній, кажется, этотъ вопросъ: естественно ли еще было въ V в. взяться за самое сочиненіе

стихиръ?—Но г. Сербиновъ даже «не домыслился до настоящаго смысла этого аргумента». Конечно, рѣчь автора въ этомъ мѣстѣ довольно запутанна; но все же, съ небольшою долею уваженія къ уму писателя, критикъ остерегся бы такъ изложить смыслъ этого мѣста: «христіанскія стихиры... суть подражаніе стихирамъ ветхозавѣтнымъ. Теперь послушайте, какой выводъ дѣлаетъ авторъ изъ этой мысли. *Такимъ образомъ*, заключаетъ онъ, *самый родъ пѣсней, извѣстныхъ съ именемъ Анатолія, показываетъ собою, что онъ принадлежитъ патріарху V вѣка Св. Анатолію*». Впрочемъ критикъ, въ доказательствахъ автора подлинности стихиръ Анатолія, не хочетъ и обратить вниманія на то, что самъ авторъ представляетъ эти доказательства только говорящими «въ пользу» подлинности,—слѣдоват. не самыми рѣшительными; онъ критикуетъ ихъ, какъ будто они, по мысли автора, составляютъ аргументы непреложные и рѣшительные. — Вотъ еще что въ этомъ отношеніи достойно особаго замѣчанія и въ сочиненіи нашего автора: «историческій обзоръ... пѣснопѣній», и въ критикѣ на это сочиненіе. Быть не могло, чтобы авторъ, безъ всякаго основанія и даже повода, признавалъ невѣроятными или сомнительными надписанія къ пѣснопѣніямъ, указывающія на ихъ писателей въ самыхъ Богослужебныхъ книгахъ; эти надписанія только не полны и не всегда опредѣленны, отъ чего и открывается нужда въ дополненіи и поясненіи надписаній, по возможности, изъ другихъ источниковъ. Но эту послѣднюю мысль авторъ, по случающейся у него неаккуратности изложенія, выразилъ такъ, что «краткія указанія (въ надписаніяхъ) на сочинителя той или другой пѣсни при первой встрѣчѣ возбуждаютъ вопросы: точно ли та или другая пѣснь принадлежитъ показанному сочинителю? Да и кто этотъ сочинитель?» Ну, и досталось же за это автору отъ г. критика. Главныя и основныя доказательства подлинности пѣснопѣній оставались у автора (какъ въ большинствѣ случаевъ и не можетъ быть иначе) все же надписанія въ самыхъ Богослужебныхъ книгахъ. Изъ этого и вышло, что, по суду критики, авторъ оставлялъ подлинность пѣснопѣній недоказанною; поясните́льныя подтвер-

жденія, конечно, не представляютъ силы рѣшительныхъ доказательствъ, а надписанія, по признанію якобы самаго автора, ничего не доказываютъ... Критика г. Сербинова здѣсь просто торжествуетъ.

Есть у г. Сербинова нѣкоторыя, по моему мнѣнію (которое отдаю любви къ истинѣ на обсужденіе), сомнительныя или не совсѣмъ свѣтлыя понятія, на основаніи которыхъ однако онъ охуждаетъ и хорошее автора. Такія понятія касаются и догматики, и исторіи, и вообще научныхъ требованій.

Къ догматикѣ относится вопросъ о признаніи извѣстныхъ лицъ святыми. «Святые, говоритъ авторъ, признаются святыми не по произволу людей, а волею неба. Потому надобно соблюдать осторожность и въ томъ, чтобы не поставить въ число святыхъ лица, непризнаннаго святымъ со стороны Церкви». Мысль святая, чтобы признавать святыми *не по произволу людей, а волею Неба*, свидѣтельствующаго о Своей волѣ собственною Своею благодатію, которой уже, со всею преданностію и послушаніемъ, и слѣдуетъ Св. Церковь! Поэтому у насъ православныхъ, не какъ у римскихъ католиковъ, нѣтъ той западной канонизаціи святыхъ, въ которой Церковь властительно опредѣляетъ и утверждаетъ достоинство святыхъ; напротивъ православная Церковь сама съ послушливою вѣрою и любовію преклоняется предъ владычественною Божіею благодатію во святыхъ, когда признаетъ и чтитъ святыхъ. На этомъ основаніи авторъ сочиненія: «Русскіе святые, чтимые всею Церковію или мѣстно», какъ скоро имѣетъ подъ руками или находитъ гдѣлибо неподающія поводовъ къ сомнѣніямъ свидѣтельства о благодати Божіей въ томъ или другомъ святомъ или вообще въ святыхъ россійскихъ, съ спокойною совѣстію ссылается на эти свидѣтельства; остерегаясь оскорбить благодать Божію, онъ не хочетъ въ дѣлѣ вѣры простирать пытливость далѣе, нежели на сколько она идетъ при дознаніи истины и не въ такой таинственной области. Такъ онъ руководится свидѣтельствами «*Описанія о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ пожили и чудеса сотвори,*» — описанія, составленнаго въ XVII

вѣкѣ не по произволу и фантазіи, а по достовѣрнымъ источникамъ, какъ видно изъ сличенія наибольшей части этого «описанія, съ другими существующими сказаніями, въ частности, о томъ или другомъ святомъ. Но г. Сербиновъ идетъ противъ этого. Ему нужны властительныя опредѣленія церковной канонизаціи святыхъ; простымъ свидѣтельствамъ онъ не вѣритъ: «одна Церковь, говоритъ, имѣетъ право канонизовать святыхъ». Потому онъ готовъ вычеркивать Божіихъ святыхъ, напр. преподобнаго *Галактіона;* сомнѣвается, чтобы напр. «святой старецъ *Сильвестръ* (мощи котораго почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ препод. Антонія) былъ послушливый чудотворецъ» или чрезъ послушливость получилъ даръ чудотворенія. Нужды нѣтъ, что авторъ ссылается въ обоихъ случаяхъ на свидѣтельства. Иное дѣло, говоритъ г. Критикъ, еслибы почтенный авторъ указалъ на какой либо оффиціальный документъ». Очевидно въ г. Сербиновѣ пристрастіе къ духовной формалистикѣ, приличное духу не столько православія, сколько латинства! Для наглядnаго удостовѣренія въ этомъ возьмемъ частный случай, какъ открыта и признана благодать Божія, напримѣръ, въ чудотворной Богородичной иконѣ *казанской.* (Вопросъ и о признаніи святыхъ касается тоже, вѣдь, именно *благодати* Божіей во святыхъ). Опираясь главнымъ образомъ на оффиціальныя церковныя распоряженія, можно просто запутаться въ обстоятельствахъ этого явленія. Во первыхъ, за голословными свидѣтельствами двухъ простыхъ женщинъ—матери и дочери—о слышанномъ послѣднею голосѣ самой Матери Божіей, судя оффиціально, какъ можно признать удостовѣрительную силу? Во вторыхъ, послѣ того какъ мѣстныя власти, церковная и гражданская, отвергнули показанія упомянутыхъ женщинъ, дѣйствія послѣднихъ, относящіяся къ открытію Св. иконы, не оказываются ли, по оффиціальнымъ формамъ, уже своевольными? Однако сама благодать Божія такъ оправдала эти дѣйствія простыхъ женщинъ, что, съ явными ея знаменіями, Св. чудотворная икона была открыта торжественно, и власти, духовная и свѣтская, нашлись только всенародно *«съ плачемъ припадать предъ чудотворною иконою, милости прося отъ*

пресвятыя Богородицы о сокрушеніи невѣрія своего» (*). Законы Христовой истины и порядокъ благодати одинаковы и въ прославленіи святыхъ: погонитеся за оффиціальными документами и, пожалуй, изъ-за простоты наличнаго свидѣтельства, отринете того или другаго дѣйствительнаго святаго. Духовная наука и критика должны держаться особенно свѣтлыхъ и живыхъ понятій о подобныхъ предметахъ. Вѣдь благодать, не признаваемая во имя «жесткой оффиціальности, можетъ все»—таки открыться съ торжествомъ, а можетъ оскорбленная и скрыть свой свѣтъ отъ холодныхъ душою формалистовъ.

Историческія не совсѣмъ вѣрныя понятія г. Сербинова выдаваемыя однако имъ за предосудительную для автора истину, видны въ критическихъ замѣчаніяхъ на одностороннее будто бы изображеніе преподобнаго *Максима Грека* въ сочиненіи «Русскіе святые». Преосвящ. авторъ говоритъ, что этотъ преподобный «былъ свѣтильникомъ для русской церкви при жизни и остался свѣтильникомъ по смерти въ своихъ сочиненіяхъ.« Но, замѣчаетъ на это г. Сербиновъ о Св. Максимѣ, «при всѣхъ свѣтлыхъ чертахъ духа, онъ имѣлъ и свои темныя стороны». Подъ этими темными сторонами критикъ разумѣетъ именно то, какъ строго и обличительно относился Максимъ къ современному ему русскому обществу. Но для рѣшенія, дѣйствительно ли это относится къ темнымъ сторонамъ духа Максимова, надо имѣть въ совершенно-свѣтломъ виду, что ученый благочестивый Грекъ, принадлежавшій къ избранному остатку тѣхъ Грековъ, которые углублялись въ самую силу Христовой истины, начиная съ глубочайшихъ ея догматовъ—пришелъ въ столкновеніе съ такимъ обществомъ, въ которомъ, при продолжающемся еще древнемъ дѣтски простодушномъ благочестіи, рѣзко уже обозначалась—и жосткая фарисейская духовная сторона, осѣвшаяся послѣ въ расколѣ, выпукло выдающаяся и доселѣ въ нѣкоторыхъ даже православныхъ. Въ борьбѣ съ такимъ обществомъ, въ которой онъ былъ истиннымъ мученикомъ, неизбѣжно могли обнаруживаться нѣкоторыя излишнія рѣзкости

(*) См. прологъ, Іюля на 8 день.

и съ его стороны; съ силою дѣйствуя особенно противъ духа фарисейской внѣшности, онъ естественно могъ иногда не сдѣлать строгаго разграниченія между фарисейскимъ духомъ и одушевляемою имъ у многихъ внѣшностью церковною, которая, въ этомъ случаѣ, дѣйствительно была соблюдаема неправо. Существенной ошибки тутъ нѣтъ. Но существо дѣла въ отношеніяхъ преподобнаго къ современному обществу таково (тамъ не должно быть поставляемо на видъ), что онъ именно можетъ свѣтить и нашей современности въ столкновеніяхъ живой мысли вѣры съ жосткимъ духовнымъ іудействомъ и съ господствующимъ нравственнымъ усыпленіемъ. Критика г. Сербинова напрасно закрываетъ столько нужное нашему времени свѣтѣніе такого свѣтильника, каковъ преподобный Максимъ. Съ сочувственнымъ отношеніемъ къ Св. Максиму современное ему общество могло бы начать такое направленіе, которое отвратило бы много бѣдъ для Русской Церкви. Прошлаго не воротишь; не будемъ по крайней мѣрѣ оправдывать повторять его ошибокъ.

Что касается до научныхъ требованій г. Сербинова, и въ этомъ отношеніи онъ допускаетъ явную, такъ сказать, неразчетливость. То прекрасно, что г. Сербиновъ, пользуется случаями развивать идеи о должномъ построеніи науки. Но онъ не можетъ не видѣть, что преосвящ. Филаретъ не берется еще за строгое построеніе науки въ своихъ сочиненіяхъ; онъ мудро разчелъ, что не изъ чего еще намъ строиться великолѣпно, — довольно пока для насъ научнымъ образомъ заготовлять и обработывать матеріалъ, нужный для постройки. Ну, а для дѣла заготовки матеріала чѣмъ болѣе кто захватываетъ, тѣмъ лучше, тѣмъ усерднѣе будутъ благодарить его будущіе строители науки. Къ чему же послѣ этого, подобные критическіе возгласы: за чѣмъ то, къ чему другое?!—Вы согласны, напримѣръ, что многіе изъ писателей славянъ *неруссkихъ* имѣли значительное вліяніе на русскую Церковь: такъ и пусть они занимаютъ свое мѣсто въ «обзорѣ русской духовной литературы.» А если Греческіе св. отцы имѣли еще большее на насъ вліяніе, то и для ихъ переводовъ пусть будетъ мѣсто въ томъ же «обзорѣ».

Литургія Св. Златоуста состоитъ не изъ однихъ пѣснопѣній. — это правда; но очень довольно въ ней и пѣснопѣній; а потому великая благодарность автору, что онъ къ своемъ обзорѣ пѣснопѣній потрудился выяснить изъ твореній самаго же Златоуста, что, дѣйствительно, не позже его времени произошла извѣстная подъ его именемъ литургія. Духовные гимны нѣкоторыхъ древнихъ отцевъ Церкви не вошли въ церковное богослуженіе: чтоже? Они принадлежатъ Церкви же, а потому законно занимаютъ мѣсто между церковными пѣснопѣніями. Раскольнику можетъ не попасться на глаза замѣтка автора объ одномъ святомъ страдальцѣ, что послѣдній, и послѣ мученическихъ истязаній, вмѣнялъ себѣ въ долгъ пріобщиться Св. Таинъ; но этой замѣткой можетъ воспользоваться тотъ, кто будетъ имѣть дѣло съ раскольникомъ. Всѣ критическія замѣчанія г. Сербинова противъ подобныхъ предметовъ, излишнія и безрасчетныя, только закрываютъ собою силу дѣльныхъ и основательныхъ его же замѣчаній, которыхъ я не касаюсь, и не ослабляю.

Довольно! труды преосв. Филарета черниговскаго составляютъ капитальное пріобрѣтеніе для русской учености, которая съ благодарностію будетъ ими пользоваться. Несправедливость критики, допущенная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противъ этихъ трудовъ, опасна болѣе для самаго критика. Прямодушному и трудолюбивому въ дѣлѣ критики г. Сербинову, владѣющему при томъ оборотливой діалектикой не малая опасность отъ допущенія чего либо односторонняго и неправаго въ направленіи.

Въ немъ уже и теперь выглядываетъ, какъ видно изъ предъидущихъ замѣчаній, наклонность увлекаться, въ ущербъ истины, своею діалектическою ловкостію и также выдерживать, изъ видовъ полемики, подъ часъ не столько силу истины, сколько научный духовный формализмъ. А между тѣмъ критика составляетъ такой важный способъ къ распространенію въ обществѣ свѣтскихъ и живыхъ идей и къ подрыву ложныхъ, мертвыхъ, что и легкое неправое направленіе даровитаго критика отниметъ у общества не мало доброй прибыли въ дѣлѣ разъясненія истины. А вѣдь у насъ почти и нѣтъ духовной критики отъ

того, что, принимаясь за ея дѣло, впадаемъ въ одностороннее, жосткое направленіе, которое и отнимаетъ у критики жизненность и прочное развитіе.

Прибавлю слова два еще. «Духовный Вѣстникъ» продолжаетъ критическій разборъ сочиненій преосвящ. Филарета черниговскаго (*). И надо сказать правду, что ни одинъ еще изъ духовныхъ журналовъ не посвящаетъ критикѣ такого тщательнаго и обстоятельнаго изученія разсматриваемыхъ ученыхъ сочиненій, какъ «Духовный Вѣстникъ.» Преосвященнѣйшій авторъ многихъ духовныхъ сочиненій, безъ сомнѣнія, извлечетъ изъ критическихъ на его сочиненія статей этого журнала много нужнаго и полезнаго для дополненія и усовершенія своихъ трудовъ, въ новомъ ихъ изданіи. Къ сожалѣнію, дѣло критики и у другаго рецензента терпитъ не мало отъ придирчиваго тона, заданнаго г. Сербиновымъ критикѣ «Духовнаго Вѣстника». Сочинитель напр. сдѣлалъ описку въ показаніи года какого либо изданія, (а иныя неточности такого рода могли произойти и отъ недосмотра переписщика или корректора); критикъ не просто выслѣживаетъ подобныя неточности, а непремѣнно задеретъ авторъ такой или подобной фразой: «показанъ 1845-й годъ. *Не вѣрь, читатель!* Надо сказать: 1846-й годъ». И такимъ образомъ неточности и опущенія, вообще недостатки сочиненія получаютъ, по суду критика, «огромные размѣры». Къ чему подобными выходками отравлять доброе благодарное расположеніе, съ какимъ авторъ могъ бы воспользоваться многодѣльными критическими замѣчаніями на свое сочиненіе. Почему бы критику не послѣдовать благородному тону другихъ критическихъ статей въ томъже «Духовномъ Вѣстникѣ», (напр. критической статьи на мою книгу «о Новомъ Завѣтѣ», указывающей ея недостатки такъ, что сочинителю остается только принимать замѣчанія съ *невольною*, такъ сказать, благодарностію)?—

Въ заключеніе смѣю увѣрить, что мои настоящія замѣтки внушены не духомъ пересудовъ или литературныхъ какихъ бы ни было партій, но искреннимъ и заботливымъ уваженіемъ къ

(*) За г. Сербиновымъ выступилъ еще г. Пономаревъ съ своими критическими статьями на сочиненіе преосв. Филарета.

критическому дѣлу почтеннаго органа духовной мысли и слова — «Духовнаго Вѣстника». Въ отраженіе оскорбительныхъ упрековъ отъ дѣла духовной критики, надо держаться намъ духа Ап. Павла, съ какимъ онъ обращался къ другимъ учителямъ съ своими совѣтами, когда притомъ не слушались его совѣтовъ и даже просьбъ эти другіе учители: «что касается до брата Аполлоса, говоритъ онъ, я очень просилъ его, чтобы онъ съ братьями пришелъ къ вамъ (въ Коринѳъ); но онъ никакъ не хотѣлъ идти нынѣ, а придетъ, когда ему будетъ удобно» (I. Кор. XVI, 12). Павелъ былъ строгъ, и безпощадно строгъ, только къ іудействующимъ учителямъ.

XI.

О двухъ, борющихся между собою, направленіяхъ современной мыслительности.

Апостолъ Павелъ, говоря о Христовой благодатной истинѣ, называетъ ее «премудростію Божіею, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей, которой никто изъ властей (*) вѣка сего не позналъ; ибо, если бы познали, то не распяли бы Господа славы». Область же этой премудрости Божіей обозначается у Апостола такими словами Пророка Исаіи: чего не видалъ глазъ, не слыхало ухо, и что не приходило на сердце человѣку, то приготовилъ Богъ любящимъ Его» (Ис. XIV, 4); «а намъ, продолжаетъ Апостолъ, Богъ открылъ это Духомъ святымъ, ибо *Духъ вся испытуетъ и глубины Божія*» (I Кор. II, 7–10). Въ самомъ дѣлѣ, только бы кто свѣтлымъ сознаніемъ и живою мыслію вступилъ или хотя бы проникнулъ въ область той любви Отца нашего небеснаго, которая всею своею полнотою и существенно почиваетъ въ Его единородномъ Сынѣ, и открылась міру въ томже единосущномъ

(*) Современныя Ап. Павлу власти, непознавшія и распявшія Господа славы, были, именно, іудейскій синедріонъ и (въ лицѣ римскаго прокуратора П. Пилата) языческое правительство. По сущности дѣла, это были тоже, что духовно-іудействующіе и языческіе передовые какого бы то ни было вѣка.

Отцу Сынѣ чрезъ творческія и вседержавныя Его дѣйствія, увѣнчавшіяся или, можно сказать, сосредоточившіяся въ домостроительствѣ Его вочеловѣченія, и изливается съ своимъ жизненнымъ свѣтомъ въ пріемлющія души—Духомъ святымъ. Такого человѣка, дѣйствительно, тотчасъ *обдаетъ всего свѣжимъ живительнымъ воздухомъ, обливаетъ яркимъ свѣтомъ* (*), потому что во всемъ ощутительно для него благодатное вѣяніе любви Отца, всякая вещь, всякое событіе, (не говоря уже о всемъ человѣчествѣ и міровой жизни) свѣтятся для него лучами творческихъ и державныхъ мыслей Его, опредѣленій или попущеній. Всѣ предметы, силы и законы природы такому человѣку представляютъ собою, дѣйствительно, *какъ бы сейчасъ только изреченное слово Творца.* Во всемъ для него вѣетъ Духъ любви всеобщаго Отца, которою Единородный и единосущный Сынъ Его благодатно подѣлился съ Своими созданіями, какъ «перворожденный» съ братьями (Кол. I, 15—18), подѣлился чрезъ самое дарованіе имъ бытія и не перестаетъ дѣлиться чрезъ вседержительное управленіе ими, чрезъ отсвѣтъ той же любви всевышне-отеческой во всѣхъ видахъ нашего земнаго отечества,—чрезъ раскрытіе ея въ самой области смерти. Этотъ-то всемощный Духъ *научаетъ* счастливаго своего сопричастника не только въ людяхъ, хотя бы въ самой низкой земной долѣ или съ самыми тяжкими душевными недугами, но и во всякой твари.

. . . . . *въ воздухѣ, въ водахъ, и тихихъ рощахъ находить—собратовъ.*

Сознавая и чувствуя себя, ради благодатной сообщности своей Христу Сыну Божію, также сыномъ Его Отца, и сыномъ такимъ, которому во Христѣ открыты и доступны всѣ Его сокровища въ мірѣ, и даже «вся полнота Божія» (Еф. III, 10), у котораго неотъемлемы свобода и даже смѣлость сыновняя, этотъ человѣкъ не можетъ *не чувствовать, что* точно *тяжелый камень свалился съ его мысли и спали оковы со всего*

(*) Здѣсь и ниже курсивомъ помѣченныя слова взяты буквально изъ „Современника“, именно изъ статьи: „Два типа современныхъ философовъ“. Цитованы же они нами для обозначенія, какія стороны истины въ нихъ выражаются.

его существа. Легко представить себѣ его удовольствіе и восторгъ, когда же движась Духомъ, который «все испытуетъ и глубины Божія»,—точно вырвавшись *изъ мрачной тюрьмы, вдругъ почувствуетъ* благодатную *свободу. Онъ идетъ со своею мыслію и вопросами* вѣры *куда угодно, куда влечетъ его* любознаніе, стремящееся выяснить себѣ «сокровенныя во Христѣ *всѣ* сокровища мудрости и знанія (Кол. II, 3),—*не боится доискиваться и допытываться всего,* все человѣческое и міровое освѣщая свѣтомъ Христовымъ. Со Христомъ, Котораго онъ не по буквѣ мертвой, а въ самой силѣ держится, и Котораго потому живо сознаетъ и чувствуетъ въ себѣ,—*его не пугаютъ* уже никакія фантастическіе образы, никакіе идолы или умственныя твердыни, на которыя прежде онъ боялся и взглянуть по-пристальнѣе. Онъ одушевляется непоколебимою увѣренностію, что со Христомъ, въ Которомъ вся любовь Отца и Который вынесъ на Себѣ всю тягость нашихъ грѣховныхъ повинностей и заблужденій, *онъ не погибнетъ; его не сожжетъ огонь, не потопитъ вода, не пожрутъ бездны; онъ всегда и вездѣ останется цѣлъ и невредимъ* съ своею сообщною уму Христову мыслію, и что эта, сообщная Христу, мысль можетъ *выработать* и *найти* начала и способы къ умиренію и благоустроенію всего. Зная, что Господь, принявши человѣческую природу, принялъ потому и человѣческій умъ съ его законами и требованіями, этотъ живущій и мыслящій во Христѣ человѣкъ никакъ не допускаетъ отреченія отъ законовъ и требованій ума и мысли, а напротивъ дорожитъ ими, какъ уже Христовою собственностію; слѣдовательно онъ болѣе всякаго другаго признаетъ обязанность и правду *строгой критики и здраваго смысла.* Равнымъ образомъ, зная, что Христосъ Господь принялъ ради насъ и нашу человѣческую плоть съ ея условіями, онъ считаетъ дѣломъ относящимся къ выясненію Христовой истины и благодати, строгое научное разслѣдованіе и самой матеріальной стороны человѣческаго существа,—того на сколько зависятъ отъ матеріальныхъ условій и самыя духовныя человѣческія дѣйствія, на сколько и какими путями внѣшній міръ входитъ въ область нашей духовной жизни въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ и представленіяхъ.

По тому же самому мыслящій со Христомъ человѣкъ готовъ съ любовію и уваженіемъ слѣдить и изучать также философское движеніе и развитіе мысли человѣческой, зная, что все, истинно согласное съ закономъ ума, принадлежитъ уже самому законодателю и свѣту умовъ Христу и что всякая, хотя бы и не вполнѣ удавшаяся, попытка удовлетворить здравымъ требованіямъ мысли, выражаетъ покрайней мѣрѣ стремленіе собственно ко Христу же, какъ единственному свѣту истины, просвѣщающему всякаго человѣка, хотя бы и «*невѣдомому*» для тѣхъ или другихъ, какъ нѣкогда для язычниковъ Аѳинянъ (Дѣян. XVII, 23). Сообщный уму Христову, этотъ мыслитель «духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ: ибо кто уразумѣлъ умъ Господень, чтобы изъяснять его» (1 Кор. II, 16)? И такимъ образомъ по силѣ и власти собственно Христова ума, онъ оказывается, какъ *послѣдній судія и рѣшитель всего*. Но и за всѣмъ тѣмъ такой избранный лучше всѣхъ знаетъ, что при вѣчности и неизмѣнности животворной истины самой по себѣ, всецѣлаго и абсолютно совершеннаго познанія неизслѣдимыхъ ея глубинъ люди не имѣютъ ни въ какое время и не будутъ имѣть во весь рядъ временъ до открытія вѣчности, когда всѣ виды нынѣшняго познанія прейдутъ и истина Христова раскроется открытымъ для нея умамъ и сердцамъ во всей свѣтоносной своей славѣ: «ибо мы отчасти знаемъ... когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что́ отчасти, прекратится. Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ; а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ *зерцаломъ во гадапіи*, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, тогда же познаю, такъ какъ я познанъ» (1 Кор. XIII. 9—12). По этому самому, такой христіанинъ, при всемъ высокомъ и даже чрезвычайномъ совершенствѣ своего разумѣнія и усвоенія Христовой истины, никогда «не почитаетъ себя достигшимъ» полноты вѣдѣнія и исполненія истины, «но только, забывая заднее, простирается впередъ» (Филип. III, 13). Онъ стремится къ тому, чтобы, вмѣняя все внѣ Христа въ тщету и уметы,

«пріобрѣсть Христа» (ст. 8) и уже въ Немъ пріобрѣсть все, чтобы «познать Его и силу воскресенія Его и участіе въ страданіяхъ его, сообразуясь смерти Его» (ст. 10); то есть, чтобы просвѣщаться и исполняться болѣе и болѣе, въ своей мысли и расположеніи, Христовою любовію къ намъ грѣшнымъ людямъ, возведшею Его на крестъ и возсіявшею торжествомъ спасенія всемірнаго въ Его воскресеніи,—просвѣщаться и исполняться «до мѣры полнаго возраста Христова» (Еф. VI. 13), до достиженія Христовой истины и благодати, сколько возможно истинно вѣрующему, (ст. 12). И отъ безмѣрности Христовой любви, раскрывающейся въ Его истинѣ и благодати, происходитъ то, что, сколько бы и какихъ великихъ и страдальческихъ подвиговъ служенія Христовой истинѣ и благодати избранникъ Христовъ ни совершилъ, все еще онъ видитъ свой недостатокъ и лишеніе сравнительно съ безмѣрною полнотою Христовой любви и, въ своихъ страданіяхъ и подвигахъ, съ радостію сознаетъ и чувствуетъ только нѣкоторое восполненіе этого недостатка и лишенія своего въ сообщеніи духу и силѣ Христовыхъ страданій и скорбей за Церковь (Кор. I, 24)... Боже мой, Боже мой! какъ человѣкъ помилованъ и ущедренъ отъ Христовой истины и благодати, если только онъ хочетъ самъ воспринимать эту милость и щедрость свѣта и жизни въ свой умъ и сердце! И на такой чрезвычайной высотѣ Божія избранника, мыслящаго и живущаго самимъ Сыномъ Божіимъ Христомъ по силѣ Святаго Духа, и потому съ сыновнею свободою и отчетливою сознательностію наслаждающагося и въ самыхъ злостраданіяхъ всерадостною любовію Отца небеснаго, внимательный и проницательный наблюдатель не найдетъ въ немъ ничего похожаго на что либо, неподходящее къ человѣку и къ его жизни. Это потому, что истинно Божій человѣкъ смотритъ на *міръ, съ его явленіями, во томъ числѣ и на человѣка, какъ онъ есть и какъ мы видимъ его на самомъ дѣлѣ.* Онъ живо сознаетъ, и чувствуетъ, что все худшее, злое и лживое, однимъ словомъ грѣховное въ мірѣ и человѣкѣ понесено самимъ Агнцемъ Божіимъ, а все лучшее истинное и благотворное, хотя бы и безсознательное у большинства, изли-

вается отъ полноты Его благодати, и потому во всякомъ человѣкѣ онъ видитъ *родное, близкое себѣ,* обращая заботливое *вниманіе* своей истинно Христовой любви именно *на то, что приковываетъ къ себѣ мысль каждаго,* чтобы своею вѣрою лучшее изъ этого упрочить во Христѣ, а худшее упразднять по немногу. Отъ того что-то *родное, близкое* слышится въ Божіемъ человѣкѣ и для сердца другихъ людей, даже далеко отъ него разномыслящихъ. Отъ того же въ истинно Божіемъ человѣкѣ, только бы намъ смотрѣть съ прямой точки зрѣнія на его дѣло, оказывается все такъ просто и безъискусственно.

Такія мысли возбудились во мнѣ статьею одного изъ послѣднихъ годовъ «Современника»: «два типа современныхъ философовъ». Эта статья поднимала самые важные вопросы по дѣлу современной мыслительности, но она прошла безслѣдно въ нашей журналистикѣ и литературѣ. У насъ, въ послѣднее время, завелось почему-то (кажется, по недостатку въ насъ серьезной любви къ истинѣ) такое обыкновеніе, что едва успѣютъ коснуться важнѣйшихъ вопросовъ и сейчасъ же сворачиваютъ все дѣло къ эгоистичнымъ и грубымъ *личнымъ* оскорбленіямъ. Какъ будто и нужды никому нѣтъ, что отъ неразработки и неправильнаго рѣшенія существенно важныхъ вопросовъ пропадаютъ такъ или иначе и самыя личности. Вотъ почему я считаю нужнымъ напоминать читателямъ означенную статью «Современника». Свѣжая мысль, вооруженная ловкою діалектикою и удивительнымъ умѣньемъ высказываться вполнѣ для догадливыхъ, съ прикрытіемъ однако себя отъ самой подозрительной придирчивости, видна во всей статьѣ Не буду говорить о томъ, что́ именно хотѣлъ высказать авторъ этой статьи, но лучшее въ ней, можетъ быть и непамѣренно съ его стороны, (слѣдовательно по какому-то духовному инстинкту),—отзывается точно тѣмъ духомъ, который выше обозначенъ мною уже со всею точностію. Дозволю себѣ сказать далѣе нѣсколько словъ и о худшемъ въ статьѣ, словъ не обличенія, а искренняго участія и посильнаго содѣйствія къ тому, чтобы держащимся этого худшаго сознать и отбросить это худшее какъ негодную дрянь.

Само собою разумѣется, что сказаннаго въ статьѣ о старыхъ философахъ, за немногими исключеніями, я не отношу къ худшему. Могу даже прибавить нѣчто въ объясненіе фальшивости и несостоятельности этихъ старыхъ философовъ. Подъ старыми философами разумѣются мыслители, имѣющіе притязаніе на вѣрность своего философствованія христіанству и, дѣйствительно, заносящіе въ свои системы истины, открытыя христіанствомъ, но въ самомъ основаніи или началѣ своей философіи допускающіе слѣдующія двѣ великія, портящія все дѣло, фальши.

Во первыхъ,—они мечтаютъ быть и вѣрными Христу и философствовать съ сохраненіемъ нѣкоторой доли самостоятельности, отъ Христа независимой. Съ одной стороны смотря на христіанство, какъ на данную Божественную истину, они дѣйствительно безпрекословно принимаютъ готовую ея систему, но съ другой они, справедливо признавая, что эта система не можетъ быть въ противорѣчіи ни съ чѣмъ здравомысленнымъ, а вмѣстѣ сознавая и самостоятельность необходимою для философствованія, начинаютъ философствовать тоже самостоятельно; и примѣняя къ христіанству все развитіе мыслей своихъ, говорятъ: «смотрите, что здравая философія и христіанство взаимно себѣ не противорѣчатъ,—что первая только раскрываетъ и выясняетъ содержащееся въ послѣднемъ». Въ этомъ самомъ и состоитъ чрезвычайной важности фальшь у этихъ мыслителей. Господь и Спаситель нашъ Христосъ воспринялъ для насъ въ свою Божественную личность всю нашу человѣческую природу, и тѣло и душу съ ея мыслію, волею, памятію, впечатлительностію чувствъ и проч. Потому у насъ, истинно вѣрующихъ во Іисуса Христа, все должно быть во Христѣ, все дѣло нашей мысли, воли, сердца и всѣхъ нашихъ чувствованій. *Не ктому себѣ живу,* говоритъ истинно вѣрующій, изрекая въ этомъ правило для вѣры каждаго, *но живетъ во мнѣ Христосъ,—вѣрою живу во Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Гал. II, 20). Или иначе мы еще не вѣруемъ во Христа, какъ бы благомысленно ни философствовали; мы много, какъ только развѣ идемъ къ вѣрѣ, уясняющей себѣ

Христа. Единородный и единосущный Сынъ Божій, даровавъ тварямъ бытіе и *пося всяческая* Своею мыслію и силою, чрезъ это благодатно дѣлится со всею совокупностію созданій (по мѣрѣ ихъ пріемлемости, отъ Него же верховно-условливаемой) тою любовію Своего Отца, которую имѣетъ почивающею въ Себѣ по самому существу и сыновнему Своему значенію, — и такимъ образомъ является, при неизмѣнности Своего Божества, *первороженнымъ всея твари*, по братски удѣляющимъ ей блага и дары любви Своего Отца. Если же мы, чрезъ свои невѣрности, и заблужденія, отпадаемъ отъ животворящей Божіей любви и становимся душевно-мертвыми, то все тотъ же единородный, въ Своемъ вочеловѣченіи, понесъ на Себѣ вины всѣхъ нашихъ невѣрностей и заблужденій, воспринялъ на Себя грѣхи наши и истребилъ ихъ Своею крестною смертію, и въ воскресеніи открылъ въ Себѣ животворную любовь Своего Отца и для оживленія всѣхъ *мертвыхъ прегрѣшеньми*,—и такимъ образомъ является опять *первороженнымъ изъ мертвыхъ*, братски дѣлящимся и съ ними жизнію и любовію Отца Своего. Потому опять, если мы истинно вѣруемъ во Христа, не можемъ уже смотрѣть на человѣка и на міръ и ни на что въ мірѣ, внѣ раскрывающейся во Христѣ любви Отца небеснаго, содержащей въ себѣ начало и условія для всего, самое зло и ложь допустившей въ мірѣ для превозможенія его тѣмъ обильнѣйшимъ свѣтомъ истины и блага, и изъ смерти сіяющей жизнію. Или иначе еще мы не уразумѣли своею вѣрою Христа, какъ Онъ открылся намъ. Такимъ образомъ самому существу христіанства, право разумѣемаго, противорѣчитъ эта мыслительность, остерегающаяся, по видимому, отступать отъ Христа и Его истины, но вмѣстѣ и берущаяся за независимое отъ Него философствованіе. Да это и само себѣ противорѣчитъ. Философская самостоятельность, пригоняющая, однако, все къ данной уже мысленной области, по необходимости есть рабская и слѣдовательно мнимая самостоятельность. Мысль здѣсь, на каждомъ шагу своемъ, связана боязнію и насильственнымъ стараніемъ, какъ бы не войти въ противорѣчіе, чрезъ свою независимую самостоятельность, съ тою или другою сторопою христіанства,

и потому, всегда двоедушная внутренно, она чужда благороднаго прямодушія и смѣлости. И все, что̀ она въ области философіи ни приняла бы къ согласію съ христіанствомъ, будучи взято и развито не изъ живыхъ началъ послѣдняго, будетъ, дѣйствительно, походить на заплаты лоскутнаго платья. Все это прекрасно раскрыто въ статьѣ «Современника», которую мы имѣемъ въ виду. Да, — или надо и философствовать умомъ прямо Христовымъ, то есть, водящимся Христовою мыслію, доступною и открытою намъ ради Его вочеловѣченія и одушевленною сыновнесмѣлымъ и свободнымъ и вмѣстѣ человѣколюбивымъ духомъ Христовымъ; или уже не отдѣляйте своего философствованія, *храмлющаго на обѣ плесни* и стоющаго ножа Иліиной ревности, отъ всякаго другаго рода философіи, противъ котораго вы такъ нещадно вооружаетесь иногда.

Другая фальшь «старыхъ философовъ» и состоитъ именно въ безпощадности и какой-то враждебности ихъ къ философствованію не по ихъ началамъ, и особенно, къ новѣйшей философіи. То непреложная правда, что все въ мірѣ и всякое дѣло человѣка, слѣдовательно и мыслительность, внѣ Христа, отчуждены и отъ благоволенія Отца небеснаго и отъ Духа истины и, значитъ, составляютъ вѣрную добычу лжи и отверженія. Но и то неоспоримая истина, что Христосъ есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ*, и даже *свѣтящійся* въ самой *тьмѣ* безъ подавленія этою тьмою (Іоан. I, 5—9). Къ Его же свѣтѣнію относятся и законы и требованія разума человѣческаго. И потому на сколько въ мыслительности выдерживаются эти законы и удовлетворяются эти требованія разума, и даже сколько есть у того или другаго мыслителя чистаго и добросовѣстнаго стремленія выдержать первыя и удовлетворить послѣднія, на столько у этого мыслителя, въ его мыслительности открывается мѣста и свѣтѣнію Христову. Самая тьма заблужденій не въ состояніи *объять* или омрачить этого свѣта. А потому любящему Христовъ свѣтъ свойственно съ любовію же слѣдить и уважать Христово же свѣтѣніе и въ философской мыслительности. Тѣмъ болѣе славы Христу Богу нашему, что Онъ сіяетъ какъ солнце *на праведъ-*

ныя и непривѣдныя. Безнаказанно пренебрегать Христовымъ невозможно, гдѣ бы оно ни скрывалось. Нельзя неразумной ревности опираться на то, что истинныхъ мыслей у иного мыслителя кажется не болѣе, какъ два или три зерна въ цѣломъ полѣ пустоколосицы. И одна черта или іота истины, которая существенно принадлежитъ Христу, не можетъ прейти; скорѣе небо и земля прейдутъ. Страшно отвергать всецѣло мыслительность того или другаго философа, если бы въ ней оказалось не болѣе и одной іоты или черты Христова. Потому безпощадные къ философіи новѣйшей «старые философы» поступаютъ противъ началъ вѣры и любви къ Христовой истинѣ, которыхъ сами же держатся. Торжество Христовой истины и откроется не столько тогда, когда мыслительность, искренно ищущая истины, увидитъ невозможность удовлетворить помимо Христа законамъ и требованіямъ самаго разума, сколько тогда, когда, за тѣмъ, эта мыслительность разслѣдуетъ, какую сторону Христовой же истины угадывала или слышала та или другая философская система, что̀ изъ Христова же свѣта имѣлъ въ виду, хоть и смутномъ, и, съ положительной или отрицательной стороны, раскрывалъ тотъ или другой новѣйшій философъ въ системѣ своей мыслительности (*).

И мыслительность философская, если будетъ искренняя и добросовѣстная, вѣрная законамъ и требованіямъ, разума, если, то есть, не оставитъ ее Господь безъ Своего, хотя бы до времени и непризнаваемаго отъ нея, свѣтѣнія,—рано или поздно дойдетъ же или будетъ доведена до этого торжества истины. Но потому и надобно какъ ей самой смотрѣть, чтобы уже не поступать противъ законовъ и требованій разума,—такъ и со стороны любящихъ истину заботливо наблюдать, чтобы движеніе мыслительности шло вѣрно по законамъ и требованіямъ разума, и въ этомъ отношеніи озарялось свѣтѣніемъ Христовымъ.

Въ томъ вѣдь и бѣда наша, что, стараясь выбиться изъ какой нибудь односторонности, всего скорѣе можемъ впасть въ другую противоположную ей, но столько же лживую, односто-

(*) Какъ это можно открыть напр. въ новѣйшихъ философскихъ системахъ—намъ былъ случай указать въ книгѣ, „о православіи“ стр. 42—45.

ронность. Поэтому и нуждаемся мы во взаимной поддержкѣ, и во взаимномъ серьезномъ и уважительномъ другъ къ другу вниманіи, при самыхъ разностяхъ нашихъ воззрѣній, чтобы каждому изъ насъ служить къ восполненію недостаточности въ чемъ нибудь другаго, равно и себѣ получать отъ другаго что нибудь къ восполненію собственной недостаточности. *Друга друга тяготы носите и тако исполните закона* совершенно всесторонней истины и правды, *закона Христова*. Монополія въ дѣлѣ истины совершенно не годится; монополія «старыхъ философовъ», по самой явной застарѣлости, не такъ опасна; тяжелѣе и прискорбнѣе замѣчать монополію по дѣлу истины, въ какомъ либо свѣжемъ направленіи. Неудовлетворенные устарѣвшею системою «старыхъ философовъ», новые мыслители принимаютъ уже просто на вѣру, что истина рѣшительно на ихъ сторонѣ, что и современная мысль это сознаетъ или чувствуетъ и склоняется къ ихъ сторонѣ; и въ слѣдствіе этого эти господа первые сами же себя и обижаютъ, очерчивая около себя по своимъ вкусамъ или началамъ извѣстный кругъ, и уже знать не хотятъ никого и ничего внѣ своего, какъ бы заколдованнаго, круга. Уже это одно свидѣтельствуетъ о неполнотѣ и узкости ихъ воззрѣнія, нехотящаго внимательнѣе вглядѣться во всю цѣлость противоположнаго имъ воззрѣнія. Вѣдь уже бывало, что слишкомъ рьяные бойцы, съ своей вавилонской башней, думали пробиться за небесный сводъ, какъ нынѣшніе «бойцы мысли стараются окончательно разбить его весь, чтобы онъ не мѣшалъ свободному полету мысли». Но нынѣ едва отыскивается и слѣдъ всего древняго Вавилона. Вотъ вѣдь куда можетъ завлечь, въ дѣлѣ мысли, новѣйшая монополія односторонняго раціонализма. Угрожать, скажете, ужъ послѣднее дѣло, и этимъ никого не убѣдишь. Хорошо! Посмотримъ, нѣтъ ли у насъ основательныхъ поводовъ къ такимъ не угрозамъ, а только братскимъ остереженіямъ, которыя, кажется, могутъ не производить очень непріятнаго расположенія духа и, во всякомъ случаѣ, не могутъ злотворно дѣйствовать на мысль и вообще на все развитіе человѣка. Будемъ держаться собственно требованій и законовъ разума, которымъ и я и эти новые

мыслители равно вѣримъ,—они не знаю, (да и сами-то они знаютъ ли вполнѣ), почему вѣрятъ, а я вѣрю именно потому, что въ законахъ и требованіяхъ разума человѣческаго читаю законоположившую ихъ творческую мысль Бога Слова Христа.

«Легко представить себѣ, говорятъ (*) о новомъ мыслителѣ, его удовольствіе и восторгъ, когда онъ, вырвавшись изъ мрачной тюрьмы, вдругъ почувствуетъ свободу, идетъ съ своею мыслію и вопросами куда угодно, куда влечетъ его пытливость.... стремится и проникаетъ всюду, не боясь никакихъ пропастей; отваживается на самыя отчаянныя попытки, и при этомъ съ величайшею радостію воображаетъ, что какъ бы они ни были не удачны, онъ не погибнетъ, его не сожжетъ огонь, не потопитъ, вода, не пожрутъ бездны, что онъ всегда и вездѣ останется цѣлъ и невредимъ съ своею мыслію, что́ бы она ни выработала, что́ бы ни нашла». Что́ въ этомъ слышно изъ принадлежащаго истинѣ и ея духу, мы это показали уже прежде всего, и такимъ образомъ истину и отнесли къ области истины. Но во Христѣ и со Христомъ, вседержавнымъ умомъ и Словомъ, вынесшемъ притомъ въ воспринятомъ имъ человѣчествѣ на Себѣ все злое и смертоносное,—можно дѣйствительно идти куда угодно и проникать всюду, не боясь пропастей или погибели ни отъ огня, ни отъ воды, ни отъ какой бездны. Тутъ есть логика! Но внѣ Христа на чемъ опирается мысль въ такой страшной по своему безстрастію смѣлости и свободѣ, въ такой безусловно самоувѣренной надеждѣ? На законахъ и требованіяхъ разума? Но кѣмъ же или чѣмъ внѣ Христа и они оправдываются, чтобы отважиться съ ними на самыя отчаянныя попытки? На какомъ основаніи можно, при этомъ, съ величайшею радостію еще воображать, что какъ бы эти попытки ни были неудачны (значитъ не только сомнительны, но и совсѣмъ невѣрны и лживы, всегда и вездѣ останешься цѣлъ и невредимъ. Этого ужъ рѣшительно не допускаютъ самыя требованія и законы разума, которыя дѣлаютъ человѣка, слѣдующаго имъ, уже отвѣтственнымъ предъ собою и осуждаютъ, какъ преступную и

(*) Слова, здѣсь и ниже, приводимыя, принадлежатъ той же журнальной статьѣ: „Два типа современныхъ философовъ“.

вредную, всякую попытку, неудавшуюся по винѣ самого мыслителя, по его недостаточному вниманію къ законамъ и требованіямъ разума, а кто и за тѣмъ сталъ бы отваживаться на новыя и болѣе отчаянныя попытки въ увѣренности (на-перекоръ, какъ дѣло очевидное, требованіямъ и законамъ ума) въ непремѣнной цѣлости и невредимости своей, куда бы онъ ни зашелъ съ своими попытками,—такому мыслителю разумъ во имя своихъ законовъ и требованій прямо скажетъ, что его мыслительность просто неразумна или, сказать тоже иначе, пагубна для собственной его разумности. То справедливо, что отъ мысли такъ настроеннаго мыслителя, что онъ какъ будто постоянно ходитъ на краю пропасти или какъ будто перебирается черезъ рѣку по тонкому льду, гдѣ каждую минуту угрожаетъ ему опасность провалиться и сгибнуть на вѣкъ,—отъ мысли такого мыслителя—нельзя ожидать смѣлаго полета, или чего нибудь рѣшительнаго и отважнаго. Но и то несомнѣнно и очевидно для разума съ его законами и требованіями, что не только по тонкому льду чрезъ глубокую рѣку, (который, впрочемъ въ области мысли философской, неизбѣжно же придется встрѣчать мыслителю), но и на твердой землѣ нестися или бросаться, сломя голову, «на самыя отчаянныя попытки», «не боясь никакихъ пропастей»—значитъ именно ужъ рѣшиться на то, чтобы и въ самомъ дѣлѣ сломать себѣ голову либо шею (*).

(*) Къ сожалѣнію нѣкоторыя доказательства на это есть и въ статьѣ: „Два типа современныхъ философовъ". Такъ напр. не только старые философы, но и всѣ опытные наблюдатели надъ человѣкомъ, начиная съ язычниковъ, не могли не замѣчать того духовнаго раздвоенія въ человѣкѣ, по которому онъ, съ одной стороны, сочувствуетъ всему доброму и истинному и желалъ бы идти къ тому же въ мыслительности и во внѣшней практикѣ, а съ другой—задерживается и запутывается всякими пустяками своекорыстія или своеправія, побужденіями нечистыми, порочными, низкими; точно будто два человѣка заключаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вы можете по своему понимать источникъ этого духовнаго раздвоенія въ человѣкѣ (составляющаго очевидно, не норму, а порчу, болѣзнь нашей природы) и по своему опредѣлять средства для человѣка достигать внутренней гармоніи или же благихъ результатовъ отъ самаго раздвоенія и боренія внутренняго: ваши мысли будутъ объ этомъ обсуждены и познаны въ своей основательности или неосновательности. Но если вы дозволяете себѣ только подшучивать на смѣхъ этотъ фактъ, что въ насъ будто два человѣка:—одинъ, дѣйствительно, нехорошій, а другой—свѣтлый

Нѣтъ, кто истинно уважаетъ и исполняетъ законы и требованія разума, тотъ по самой такой имъ вѣрности идетъ путемъ своей мыслительности смѣло и отважно (хотя бы онъ даже только еще испытывалъ и искалъ, гдѣ истина), но въ тоже время осторожно и бережно или смотря во всѣ глаза, чтобы какъ не нарушить или не перетолковать законовъ и требованій своего разума. И тогда попытки его, конечно, не будутъ самыя отчаянныя, но навѣрное же не будутъ и неудачными, если бы даже онѣ не привели его самого къ желанной истинѣ, то по крайней мѣрѣ (чрезъ свою посильную разумность) сократятъ путь къ ней для другихъ.

«Новые философы признаютъ, такъ говорятъ о ихъ превосходствѣ предъ старыми, признаютъ полноправность философіи и самозаконіе разума, который знаетъ только себя и никому подчиняться не хочетъ.» Превосходство новыхъ предъ старыми ясно здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что у первыхъ есть внутреннее единство въ философскомъ дѣлѣ и потому дѣло ихъ не распадается само въ себѣ, какъ это, по раздвоенію или хроманію на обѣ ноги, неизбѣжно бываетъ у старыхъ. Но самый вопросъ о полноправности философіи и самозаконіи разума есть вопросъ такой страшной важности, что опрометчивое и односторонее (съ какой бы ни было его стороны) рѣшеніе можетъ совсѣмъ или разнуздать, или же иначе связать и сковать разумъ. Это вопросъ именно такой, который для мыслителя, уважающаго законы и требованія разума, похожъ на тонкій ледъ

или стремящійся къ свѣту: то какъ назвать эту попытку? Надо согласиться, что, дѣйствительно, отчаянная и неразумная попытка—затемнять и запутывать, или голословно и глумливо отрицать духовное раздвоеніе человѣка, этотъ великій (психологическій) фактъ, которымъ мыслитель особенно поставляется въ обязанность строго наблюдать за собою и за своею вѣрностію законамъ разума, чтобы не сдѣлаться, по мысли, какимъ нибудь пустымъ фатомъ. Рѣшаться на такія попытки значитъ просто умъ такъ и обрѣкать себя, чтобы изъ пристрастія къ собственной мысли, (а то пожалуй, и ради только краснаго и остраго словца), осмѣивать иногда самую истину и, значитъ, часто по пусту тратить свѣжія силы мысли.—Такова же попытка отрицать возможность человѣка духовно-совершеннаго или представлять его чѣмъ-то *чудовищнымъ*. Иное дѣло, если идею духовнаго совершенства развиваютъ иногда слишкомъ отвлеченно отъ дѣйствительности, или идеально до мечтательности. Это и надо обличать.

черезъ такую рѣчку или озеро, у которыхъ и дно трудно достать. Самозаконіе разума для признающаго и читающаго въ этихъ самыхъ его законахъ и требованіяхъ мысль творческаго, законодательнаго для умовъ, Бога Слова,—это понятно и основательно; и на этомъ основаніи столько же нельзя ограничивать полноправности философіи, сколько нельзя посягать на власть Самого, изрекшаго законы и требованія разума, вседержавнаго творческаго Слова. Но какъ—для тѣхъ, которые еще не узнали верховной и всеобъемлющей истины въ Богѣ Словѣ Христѣ? Не зная еще или не признавая Его, они не могутъ, очевидно, поставлять и ту задачу для разума и философіи, чтобы придти ко Христу. Что же? Отнять или оспаривать у мыслителей такого рода самозаконіе разума и полноправности философіи? Но на васъ, еслибы вы стали утверждать или провозглашать неправоту этого самозаконія и полноправности, эти мыслители во все еще и не смотрятъ и не посмотрятъ, а только пожалуй, предубѣдятся противъ Христовой истины подобными ригористическими возглашеніями и утвержденіями. Вѣдь, пока эти мыслители не приведены или не пришли къ признанію Бога Слова Христа за законодательное для разума начало, они еще и не могутъ признавать правоты вашихъ этихъ возглашеній и утвержденій. Или что намъ до этого и до самихъ мыслителей? Не стать ли намъ противъ нихъ за вѣру? Но именно вѣрѣ во Христа полезнѣе и съ нею согласнѣе будетъ принять и для мыслителей, еще не знающихъ или не признающихъ Христа, правоту самозаконія человѣческаго разума и полноправность философіи, обращающейся въ предѣлахъ и требованіяхъ разума. Съ вѣрою во Христа это будетъ согласно, или даже болѣе, во имя самаго Христа и надо вполнѣ признать права разума съ его законами и требованіями: потому что законодательную мысль именно Его, Христа Бога нашего, выражаютъ законы и требованія разума,—мало того, Онъ для насъ человѣковъ самъ въ собственную личность воспринялъ, со всею человѣческою природою, и нашъ человѣческій разумъ; и, сохранивъ при семъ въ неприкосновенной цѣлости человѣческую природу и съ человѣческою дѣятельностію въ своей личности, Онъ самъ, какъ

человѣкъ, соблюдалъ и исполнялъ и тѣмъ оправдалъ законы и требованія человѣческаго разума. Хозяину дома или довѣренному у этого хозяина не изъ за чего вооружаться, какъ на нетерпимыхъ мятежниковъ, на тѣхъ домочадцевъ, которые уважаютъ и стараются исполнять его же хозяйскую волю, хотя они (напр. по неполновозрастію или другимъ подобнымъ причинамъ) и не знаютъ имени и достоинства своего хозяина. Для самой вѣры во Христа полезно и благодѣтельно, въ Его же имя и славу, признать правоту самозаконія разума—и для такихъ мыслителей, которые недозрѣли еще до признанія самого верховнаго законодателя, послѣдуя однако Его же законамъ въ разумѣ. Чрезъ это благоволительное признаніе, что Христову же, законодательную для нашего разума, мысль исполняютъ слѣдующіе законамъ и требованіямъ разума мыслители, вѣра будетъ держать и этихъ мыслителей, съ ихъ мыслительностію, подъ осѣненіемъ любви Отца небеснаго, почивающей во Христѣ Сынѣ Божіемъ, которая своими духовными вліяніями оживляла бы дѣло ихъ мысли и чрезъ это болѣе и болѣе вела бы ихъ къ себѣ, къ своему открытому во Христѣ свѣту. Между тѣмъ, осуждая только и отвергая подобныхъ мыслителей, какъ противящихся или невѣрующихъ Христу, вѣра выводила бы ихъ уже изъ подъ всякаго осѣненія Божіей любви и слѣдовательно оставляла бы ихъ мыслительность, этого (сравнительно съ грядущимъ ея возрастомъ) слабаго еще и недугующаго нынѣ ребенка, въ вѣрную добычу однѣхъ заблужденій и недоумѣній. Какая же отъ этого была бы польза вѣрѣ, и какая отъ такой вѣры воздавалась бы слава Спасителю погибшихъ Христу?! По характеру и существу правой вѣры, какъ свободной преданности мыслію и сердцемъ Христу, разумъ не иначе и можетъ отдаться Христу, какъ убѣдясь къ тому въ своемъ внутреннемъ самоуправленіи. Римское католичество хотѣло было насильно править умами, также какъ и гражданствами, но этимъ именно и вызвало рѣшительные протесты разума цѣлыхъ народовъ противъ такого самоуправства. Православная же церковь находитъ свою славу въ томъ, чтобы ея дѣти доходили до свободнаго во всемъ послушанія Христу. Вотъ въ граждан-

ствѣ, напр. по крестьянскому вопросу, служеніе Церкви не дозволяло и не дозволяетъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла самоуправленія государственнаго, но духовно (таинствами, молитвой и ученіемъ) подвизается или должно подвизаться, чтобы дѣти Церкви сами развивали и довершали въ себѣ по этому вопросу—одни духъ Христова человѣколюбія и самопожертвованія относительно меньшихъ Христовыхъ братій, а другіе—Христовъ же духъ сыновне-мирной и благочинной свободы (разумѣю свободу отъ крѣпостной зависимости). Это вообще составляетъ славу и силу православія, чтобы давать всѣмъ и поддерживать во всѣхъ достоинство и право *чадами Божіими быти,*—быть духовно-свободными и самодѣятельными дѣтьми во Христѣ великаго всевышняго Отца. Тоже и въ частности въ дѣлѣ мысли пусть мыслительность не отягощается какою либо крѣпостною зависимостію, насильственно подчиняющею ее Христу и вѣрѣ. Но вѣра своими духовными способами, одушевляемыми общеніемъ въ человѣколюбіи Христа, усвоившаго себѣ лично и разумъ человѣческій и понесшаго всѣ вины человѣческихъ заблужденій и по разуму также, какъ по другимъ сторонамъ человѣческаго бытія,—должна подвизаться въ достиженіи того, чтобы самъ разумъ съ своимъ самоуправленіемъ и самозаконіемъ нашелъ истиннымъ и должнымъ предаться всецѣло Христу. Этотъ подвигъ вѣры, очевидно, будетъ ее самое оживлять и возвышать, обѣщая при томъ рано или поздно раскрытіе ея же свѣта и во всей мыслительности философской. Вотъ какую пользу вѣра можетъ получить отъ самозаконія разума! Для вѣры вредно было бы допускать мыслительности, уже признающей Христа, хромать двоедушничать между Христомъ и самодѣятельнымъ внѣ Его разумомъ, (что однако нѣкоторыми ревнителями не только терпится, но даже возводится въ благотворный для вѣры подвигъ); эта двоедушная мыслительность, принадлежащая именно старымъ философамъ, выше уже была нами разобрана въ своей двойной фальшивости. Для вѣры наиболѣе вредно содержать Божественную истину, какъ талантъ въ мертвой землѣ, въ бездѣйственности нашей мысли или въ рабской только вѣрности одной мертвой буквѣ: это значило бы

совсѣмъ отчуждаться отъ самой силы Христова свѣта. *Въ томъ*, говоритъ о Христѣ Богѣ Словѣ Св. Іоаннъ Богословъ, въ началѣ и всегда *животъ бѣ* и собственно уже *животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ*, «т. е. и въ немъ была жизнь и жизнь была свѣтъ человѣкамъ» (Іоан. I, 3). Нужно, потому, нашему духу и въ частности нашей мыслительности прежде быть хотя бы въ безсознательномъ соучастіи Христовой *жизненности*, чуждой всего рабскаго и мертваго,—соучастіи, выражающемся сначала хотя бы только въ инстинктивномъ отчужденіи или отвращеніи свѣжей мысли отъ всего рабскаго (*); и уже тогда нашъ духъ и мыслительность могутъ входить въ *свѣтъ* Христовъ, въ живое и сыновне-свободное разумѣніе Его истины.

Итакъ во имя и славу самаго Христа, истинной жизни и свѣта нашего, да упрочится за нашимъ разумомъ, чрезъ его самозаконіе и полноправность о мысли, въ полной и строгой силѣ значеніе *владычественнаго*, какъ понимали Его и св. отцы церкви. Только ужъ пусть и мыслители идутъ безъ предразсудковъ вѣры законамъ и требованіямъ разума, не извращая праваго духа и существа этого самозаконія и самоуправленія разума; въ противномъ же случаѣ и самъ разумъ обличитъ ихъ въ безправіи и беззаконіи ихъ мысли.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ это самозаконіе и самоуправленіе разума? Какъ опредѣлить то, безъ чего не можетъ быть этого самозаконія и самоуправленія, или безъ чего останется въ разумѣ развѣ мнимое и фальшивое только кажущееся, самозаконіе? Само собою разумѣется, что въ рѣшеніи этого вопроса намъ надо опасаться, чтобы не попасть въ рядъ какихъ нибудь «наивныхъ философовъ,» только сладко мечтающихъ о самозаконіи и самоуправленіи разума. Послушаемъ какъ серьезные философы говорятъ о мыслителѣ, съ самозаконіемъ его разума: «никто не можетъ заставить его принимать

(*) Въ статьѣ: „Два типа современныхъ философовъ“, видна во многомъ именно такая свѣжесть мысли; это, по нашему мнѣнію, такъ важно и дорого въ дѣлѣ мысли, что мы почти обязанностію, въ самомъ началѣ настоящаго разсужденія, показать, на какія свѣтлыя стороны истины намекаетъ эта свѣжая мысль Автора разсматриваемой нами статьи.

не то, что признаетъ онъ самъ, а что нибудь другое, съ чѣмъ никакъ не можетъ примириться его умъ; никто ему ничего не навязываетъ насильно, и въ своей мысленной работѣ онъ слѣдуетъ законамъ, на которые согласна его мысль, а всѣ другіе отвергаетъ, не страшась никакихъ наказаній за непослушаніе». И еще разумъ по своему самозаконію, «знаетъ только себя и никому подчиняться не обязанъ». Вѣрно ли и полно ли здѣсь обозначены духъ и сила или все существо самозаконія разума? Конечно, та сторона дѣла, которая направляется противъ *крѣпостной*, такъ сказать, *зависимости* разума, или противъ насильственнаго внѣшняго подавленія его правъ, — здѣсь обозначена рѣзко и полно. Но ограждено ли здѣсь дѣло мысли съ другой стороны, съ которой можетъ грозить мысли такая же вредная и живая крайность, какъ и посягательство на духовную ея свободу. Нисколько. Разумъ, «знающій только себя и никому подчиняться необязанный», или слѣдующій законамъ, на которые согласна его мысль, а всѣ другіе законы отвергающій, не страшась ни какихъ наказаній за непослушаніе, — можетъ, пожалуй прямо въ силу такого самозаконія, занести иногда такую дичь и ахинею, которыми будетъ поставлять все вверхъ дномъ, но которыя онъ будетъ оправдывать тѣмъ или другимъ принятымъ отъ него закономъ, съ которымъ согласна его мысль, не подчиняясь ничему еще другому, (хотя бы это другое составляло необходимое дополненіе или существенную сторону принятаго закона), и не страшась никакихъ за это наказаній. И, безъ всякаго сомнѣнія, не признательность и благословенія ожидаютъ такого мыслителя, который измыслилъ бы такую систему, какъ бы ни ловко для себя и для другихъ онъ прикрылъ ея дичь и ахинею. Объясню это явленіемъ изъ другой среды. Все равно, въ какой бы формѣ ни выразилась взятая слишкомъ односторонне идея о самоправіи разума, хотя и по правдѣ долженствующаго быть свободнымъ отъ крѣпостной зависимости, и даже въ наглядной формѣ виднѣе бываетъ опасная односторонность идеи, нежели въ ея отвлеченности. Вотъ у насъ нашлись такіе разумные истолкователи и примѣнители

освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которые, въ силу этого освобожденія, хотѣли-было знать только себя, не подчиняясь никому и отвергая законы или внушенія, съ которыми не могла помириться ихъ мысль, не опасаясь было даже и никакихъ за оное наказаній. Но чѣмъ все это рѣшилось въ дѣйствительности? Грустными безпорядками (*). Къ страшнѣйшимъ послѣдствіямъ ведетъ и грознѣйшими событіями обыкновенно обличается въ фальшивости своей всякая важная, завладѣвающая умами и неостанавливаемая въ самомъ началѣ своего раскрытія, и односторонность въ идеяхъ и направленіи разума. Итакъ, признавая самозаконіе разума и самоправность философіи, новые мыслители столько же, сколько ограждаютъ свою мысль отъ насилія и порабощенія, должны сами же оградить себя и отъ той фальшивой односторонности, по которой замозаконіе разума можетъ превратиться въ не обузданное беззаконіе того же разума, а это послѣднее слишкомъ дорого обходится для цѣлыхъ обществъ, народовъ и поколѣній и неминуемо подвергнется всевозможнымъ проклятіямъ. На этотъ разъ мы будемъ имѣть въ виду хоть только проклятіе потомства, которому пришлось бы расчерпывать кашу, заваренную иными бойцами мысли во имя будто бы самозаконія разума, а въ самомъ дѣлѣ противъ его законовъ и требованій. Да, бойцы мысли, готовые, «окончательно разбить весь небесный сводъ, чтобы онъ не мѣшалъ свободному полету мысли» къ истинѣ! Вамъ-то особенно, въ благородномъ ратованіи вашемъ противъ сильно окрѣпшей въ мірѣ, то рабской, то деспотической мысли, и надо заботиться поставить твердыя и рѣшительныя мѣры противъ возможныхъ и для васъ, самыхъ разрушительныхъ крайностей. Послѣ сказаннаго мною выше вы уже, кажется, не можете безпокоиться на тотъ счетъ, не посягаю ли я на самозаконіе разума и самоправность вашей мысли. Я имѣю въ виду такія только мѣры противъ неразумныхъ односторонностей въ настоящемъ случаѣ, какія можно поставить

(*) Рѣчь о томъ, что случилось въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской Губерніи.

на основаніи законовъ же и требованій разума, изъ круга которыхъ вы не хотите выходить.

И во первыхъ, признавая самозаконіе разума, мыслители въ тоже время пусть имѣютъ въ строгомъ вниманіи и самую подчиненность этого разума собственнымъ его законамъ и требованіямъ и строжайшую предъ ними отвѣтственность. Разумъ, въ своемъ самозаконіи, все же не есть такой господинъ и владыка самыхъ своихъ законовъ, отъ усмотрѣнія и воли котораго зависитъ вся правота и сила этихъ законовъ; напротивъ за неуваженіе и несоблюденіе своихъ законовъ самый разумъ будетъ обвиненъ или въ своей неправотѣ и безмысліи. Пусть же разумъ мыслителя и сознаетъ свою непреложную обязанность свободнаго послушанія своимъ законамъ и требованіямъ, какъ выраженію высшей и властительной надъ нимъ правды, которой требованія онъ слышитъ и сознаетъ въ себѣ или выясняетъ для себя и въ этомъ отношеніи самъ же предписываетъ себѣ. Можно впрочемъ понять, что мы нисколько не думаемъ для внутренняго самоуправленія разума полагать какихъ либо внѣшнихъ насильственныхъ ограниченій. Въ объясненіе нашей мысли мы готовы приравнивать разумъ съ его самозаконіемъ уже не къ освобожденному только отъ крѣпостнаго права крестьянину, но пожалуй къ самому верховно-свободному самовластительству, только не къ султанскому деспотизму. Отъ слѣпаго произвола и султанскаго самовластія деспота тѣмъ и отличается истинно самодержавный Монархъ, что въ своемъ законодательствѣ и неограниченномъ управленіи своею державою слышитъ и даетъ своему народу слышать для исполненія—высшую правду, предъ которою онъ и самъ себя внутренно признаетъ какъ отвѣтственнаго (*). Съ такимъ,

(*) Нельзя искренно не пожалѣть, что статья о двухъ типахъ современныхъ философовъ, обличая и большею частію основательно произвольное самоуправство старыхъ философовъ, допускаетъ и съ своей стороны, иногда точно султанское противное разуму, самоуправство въ развитіи коренныхъ мыслей своего содержанія. Точь въ точь, какъ нѣкоторые извѣстные ревнители изъ за случайныхъ уклоненій разума отъ истины знать не хотятъ уже ни разума, ни философіи и изрекаютъ проклятія всякому, кто во имя даже самаго Христа, принявшаго и сохранившаго въ себѣ человѣческій разумъ, заступился бы за дѣло человѣческой мысли: такъ и въ названной статьѣ „Современника“ изъ

чуждымъ горделиваго самоправія и неразумнаго самоволія, но истинно по святоотеческому выраженію владычественнымъ или (по русской пословицѣ: «у всякаго свой царь въ головѣ») царственнымъ самозаконіемъ разума, какое развивается именно на основаніи законовъ же и требованій самаго разума, — мыслитель, и не узнавъ еще отчетливо первообраза и начала своей разумности въ Богѣ Словѣ, Христѣ, тѣмъ не менѣе уже будетъ на пути Его истины и порядка истинно-разумнаго. Скажу, въ успокоеніе собственно ревнителя вѣры, прямѣе и болѣе: слыша и добросовѣстно исполняя въ законахъ и требованіяхъ своего разума высшую и властительную надъ собою истину,

---

за односторонностей или противологическихъ „фантазій" старыхъ философовъ уже не признается живая истина ни въ чемъ томъ, за что, какъ за неприкосновенную святыню, заступаются старые философы, не признается и возможность того, чтобы это и дѣйствительно было святынею самой истины. Въ этомъ случаѣ новѣйшій мыслитель допускаетъ точно также султанское самоуправство мысли, какое видно и у инаго противоразумнаго ревнителя вѣры. Это самоуправство, конечно, закрываетъ глаза мыслителю отъ истины, которая ему должна быть дорога во всемъ. Вотъ напр. возьмемъ важный въ исторіи мысли христіанской вопросъ: направленіе и стремленіе многихъ мыслителей мыслить не со Христомъ и, значитъ, уже болѣе или менѣе противъ Христа (по Его слову: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня"), какъ и почему могло произойти и крайне усилиться въ христіанскомъ мірѣ, усилиться до того, что въ христіанствѣ уже видятъ иные бойцы мысли только стѣсненіе для мыслей. Такое направленіе, съ притязаніемъ на истинность и законность, въ обширныхъ размѣрахъ начато и упрочилось въ христіанскомъ мірѣ именно папою, который, въ самоуправномъ своемъ главенствѣ надъ Церковію, объявилъ себя непогрѣшительнымъ въ своихъ опредѣленіяхъ и, значитъ, вообще въ мысли своей. Когда этотъ человѣкъ присвоилъ своей мысли такое произвольное самоуправство, какъ право законное: то, по его поводу и сначала противъ его притязаній, и другіе люди стали присвоять своей мысли такое же самоуправство мысли, и тоже какъ бы законно разумное право. Самоуправство папы, по своей силѣ, точно такъ же идетъ не со Христомъ, единственнымъ живымъ главою Церкви, движущимъ всѣми ея членами, какъ и прямо противохристіанское направленіе мысли, которое и вызвано самоуправствомъ папскимъ. Эта истина важна особенно для дѣла мысли, потому что она можетъ остеречь инаго противоразумнаго ревнителя вѣры отъ деспотизма надъ мыслію, свойственнаго только духу папства. Но на эту истину указываютъ и старые философы; и вотъ за это одно неоспоримая истина насмѣшливо отнесена въ статьѣ просто къ „фантазіямъ". Почему?!... Иное дѣло, если и въ папствѣ слышна своя доля истины, только взятая въ лживой односторонности, истины именно о заправленіи и мірскаго, земнаго Духомъ высшей Правды. Иное дѣло, если и въ мыслительности самостоятельность или самозаконіе можетъ быть утверждено во имя истиннаго христіанства. Иное дѣло наконецъ, если старые мыслители ратуютъ иногда противъ папства тоже немножко въ духѣ посягающаго на духовную свободу папства. Это и надо было бы раскрывать противъ старыхъ философовъ, а истины не надо трогать самоправно.

мыслитель уже чрезъ это одно, хотя бы еще и безсознательно для себя, не будетъ вовсе чуждъ духа сыновней послушливости всевышнему Отцу, какую самъ Господь въ Своемъ человѣчествѣ исполнилъ за насъ по отношенію, между прочимъ, и къ законамъ и требованіямъ человѣческаго разума.

Во вторыхъ, каждый мыслитель, бьющійся за самозаконіе разума, пусть въ работахъ своей мыслительности постоянно помнитъ, что законы и требованія разума, за которыя онъ стоитъ (если они дѣйствительно и истинно законы и требованія разума), общи ему со всѣми другими мыслителями, общи ему и съ каждымъ человѣкомъ. Это надо имѣть въ виду не для того только, чтобы сознавать себя подлежащимъ контролю или повѣркѣ со стороны всѣхъ другихъ мыслителей, всякаго человѣка (хотя и это мыслителю не надо опускать изъ вида). Послѣднее отзывается отчасти еще чѣмъ-то внѣшне-ограничительнымъ для мыслительности и иногда можетъ подвергать дѣйствительнаго мудреца ограничительному суду и даже осужденію отъ дѣйствительныхъ (относительно тѣхъ вопросовъ, о которыхъ шло бы дѣло) невѣждъ. Такая мѣра, очевидно, недостаточна къ огражденію мыслителя отъ крайностей разрушительнаго и беззаконнаго произвола въ дѣлѣ мысли. Общность законовъ и требованій разума со всѣми людьми надо мыслителю имѣть въ неопустительномъ виду главнымъ образомъ для того, чтобы онъ работая мыслію по законамъ и требованіямъ разума, сознавалъ себя въ этихъ работахъ отвѣтственнымъ представителемъ и другихъ людей, въ отношеніи къ разуму,—отвѣтственнымъ предъ совѣстію или судомъ самаго разума не только за людей мыслящихъ, могущихъ увлечься всегда возможными съ его стороны недоразумѣніями и ошибками, но и за невѣждъ, за дѣтей нравственныхъ и физическихъ, которыя находятся по своему развитію и судьбѣ въ незамѣтной, но неизбѣжной зависимости отъ господствующихъ идей и слѣдовательно отъ вліянія (разумѣется чрезъ разныя посредствующія степени) передовыхъ поднижниковъ или бойцевъ мысли. Сознавая это самъ въ себѣ и, очевидно, не въ униженіе и стѣсненіе своей мысли, мыслитель не будетъ съ легкомысленнымъ безстрашіемъ отваживаться на

самыя отчаянныя попытки. Онъ будетъ трепетать покрайней мѣрѣ за другихъ, менѣе его развитыхъ или даровитыхъ, которымъ слишкомъ дорого можетъ обойтись иная отчаянная и неудачная его попытка,—за другихъ, съ которыми, по отношенію къ законамъ и требованіямъ разума, у него нераздѣльно общее дѣло. Особенно русскій мыслитель, стоящій на отдѣльной и, во многихъ отношеніяхъ, различной отъ западно-европейскаго мыслителя нравственной почвѣ, которая можетъ открыть возможность къ развитію мысли, отличному отъ западноевропейскаго, но нужному и для западной европейской жизни,—долженъ сознавать себя для того именно поставленнымъ на своей особой почвѣ, чтобы отвѣчать дѣломъ мысли и за западныхъ собратій своихъ, по общей съ ними разумности. Конечно, у западной Европы свой умъ въ головѣ; но умъ по законамъ и требованіямъ своимъ одинаковъ у всѣхъ. Потому отчаянная и неудачная попытка русской мысли будетъ истинно обидою и для запада, которому и мы обязаны уплатить своею мыслію хоть нѣсколько процентовъ. Не говорю уже о дремлющемъ (мыслію) Востокѣ, съ которымъ, кромѣ общей разумности, есть у насъ особенно близкое нравственное сродство, ручающееся, что рано или поздно, правильно дѣйствуя, наша мыслительность можетъ развиться до способности возбудить къ живой мысли и Востокъ. Такимъ образомъ когда мыслитель съ истинною гуманностію будетъ сознавать себя, въ своей мыслительности, отвѣтственнымъ и за другихъ людей, то у него самозаконіе разума, Богъ дастъ, не превратится, какъ это уже случалось съ иными, въ беззаконіе разума и происходящее отъ того отчаянное безстрашіе и разнузданность (*). Главное

(*) И въ самомъ дѣлѣ, у мыслителя, вѣрующаго въ самозаконіе разума, но не сознающаго и не чувствующаго лежащей на себѣ, въ силу *общаго ему со всѣми людьми* этого самозаконія, отвѣтственности въ дѣлѣ мысли и за другихъ людей, весьма легко это самозаконіе можетъ уступать свое мѣсто противозаконію разума. Доказательство и на это можемъ находить въ статьѣ о „Двухъ типахъ современныхъ философовъ". Это въ разсужденіи ея о матеріализмѣ. Значеніе матеріальнаго, безъ сомнѣнія, чрезвычайно велико. Вовсе не слышать этого нельзя человѣческой мыслительности, по неотразимому сочувствію разума тайнѣ Боговоплощенія основной для него и для всего бытія. И вотъ, нѣкоторые мыслители и утверждаютъ, что внѣ матеріальнаго нѣтъ исти-

же дѣло: такъ серьезно и человѣколюбиво настроенный въ силу самой общности законовъ разума всѣмъ людямъ, мыслитель будетъ болѣе и болѣе приближаться своею мыслію къ духу Того, Кто и содѣлался Сыномъ человѣческимъ, для того, чтобы собственнымъ всеправымъ «Я» стать отвѣтственнымъ предъ своимъ Отцемъ за «я» каждаго изъ насъ съ сознаніемъ и разумомъ нашимъ со всѣми его заблужденіями и грѣхами.

Но стоитъ ли слишкомъ много озабочиваться, въ дѣлѣ нашей мысли, о мѣрахъ разумности противъ горделиваго самоправія и нечеловѣколюбиваго легкомыслія, которыя именно и составляютъ разнузданное беззаконіе разума, а никакъ не самозаконіе его? Вѣдь, говорятъ серьезные философы въ наставленіе добрымъ и наивнымъ философамъ, вселенской, общечеловѣческой, словомъ—«абсолютной истины нѣтъ и не можетъ быть; прежнія

ны. Эти мыслители чуютъ, конечно, одну сторону истины, но, по односторонности, превращаютъ ее въ ложь. Они сами же не могутъ отрицать, что актъ *сознанія* человѣческаго никакъ нельзя объяснить изъ одного матеріальнаго. И этой одной, логической и физической, необъяснимости *сознанія* изъ условій плотскихъ или матеріальныхъ достаточно уже для удостовѣренія въ односторонности матеріализма, въ несостоятельности его предъ законами разума, потому что жизнь духовная и обнаруживается главнымъ образомъ въ *сознаніи*, котораго никакъ не объяснишь изъ условій матеріальныхъ. Мыслитель, вѣрующій въ самозаконіе разума, общее ему со всѣми людьми, и потому признающій дѣло мыслительности своей касающимся не его только одной личности, а и другихъ людей,—покрайней мѣрѣ остановился бы на томъ, чтобы не дозволить себѣ дѣлать дальнѣйшихъ дерзкихъ выводовъ матеріализма, грозящихъ поставить все вверхъ дномъ. Не такъ разсуждаетъ авторъ извѣстной статьи. „При общемъ отожествленіи различныхъ явленій, говоритъ онъ, сознаніе — такая вещь, что ею не стоитъ слишкомъ затрудняться". Но различныя явленія такъ ли сводятся къ нѣкоторому единству или обобщаются, чтобы этого обобщенія и единства ни физически, ни логически вовсе нельзя было бы объяснить? Не такъ, конечно. Но сознаніе можно ли физически или логически объяснить изъ матеріальности? Нѣтъ. Но что до того? Стоитъ ли этимъ затрудняться? Нужды нѣтъ, что здѣсь и вопросъ собственно о *сознаніи*, какъ главномъ актѣ жизни не матеріальной.... Что до того? Но вѣдь, если для мыслителя не стоитъ ужъ затрудняться ни чѣмъ подобнымъ, то мудрено ли, что этотъ мыслитель наконецъ не будетъ затрудняться рѣшительно ничѣмъ, что противно было бы не самозаконію, а просто произволу его разума. Сознаніе само есть, говоритъ тотъ же самый мыслитель, „процессъ темный и неопредѣленный, далеко неразъясненный ни опытной психологіей ни физіологіей". Стоитъ ли затрудняться этимъ сознаніемъ? Во всемъ подобномъ хорошо, покрайней мѣрѣ, то, что можно изъ всего этого видѣть всю несостоятельность и мечтательность самаго даже утонченнаго, самоспасенія мысли человѣческой. Безъ Спасителя нашего Господа не спасти намъ, не утвердить прочно бытія самаго нашего „я" съ его самосознаніемъ и сознаніемъ!

дорогія истины намъ кажутся заблужденіемъ; а наши истины, вся наша наука будетъ казаться дѣтскимъ лепетомъ, сказкою ребенка будущимъ поколѣніямъ». Правда, сами же такъ умствующіе серьезные философы утверждаютъ, что все же «мысль требуетъ пищи и нужно же удовлетворить ее, дать ей, если не вполнѣ идеальную, то покрайней мѣрѣ здоровую, не гнилую и не тяжелую пищу». Но это утверждаютъ строгіе мыслители, очевидно, уже не по строгой логической вѣрности принятому ими, съ значеніемъ аксіомы, положенію о небытіи и даже невозможности такой истины, которая ни у какихъ будущихъ поколѣній не можетъ по правдѣ оказаться заблужденіемъ или сказкою ребенка и которая, слѣдовательно, была бы для насъ дѣйствительною, а не мнимою только въ наше время, истиною. Мнимая истина составляетъ пищу, конечно, гнилую и нездоровую, хотя бы она и показалась кому нибудь легкою и пріятною. Стоитъ ли много хлопотать и заботиться, чтобы мнимо удовлетворить мысль такою мним»-здоровою пищею? Серьезные мыслители только, видно, въ утѣшеніе «наивныхъ и добрыхъ людей» уступаютъ неотступной у живаго человѣка потребности въ истинѣ дѣйствительной, а не мнимой, когда говорятъ, что мысль, требующую пищи здоровой, нужно же удовлетворить, нужно дать ей здоровую, не гнилую и не тяжелую пищу. Опять правда, что серьезные мыслители не шутя думаютъ свою увѣренность, что доступна намъ только временно-мнимая истина, согласить съ потребностію для человѣческой мысли истины дѣйствительной. Это будто бы также просто соглашается одно съ другимъ, какъ извѣстность того, что наша настоящая жизнь должна кончиться или что мы должны умереть, соглашается съ живыми нашими стремленіями, замыслами и надеждами въ этой жизни,—стремленіями и замыслами такими, какъ будто намъ вѣчно жить на землѣ. «Старое старится, молодое растетъ, но въ свою очередь состарѣется, помретъ и уступитъ мѣсто новому, молодому, новой системѣ и ученію».—Такъ «мы всѣ на вѣрное знаемъ, что рано или поздо мы непремѣнно помремъ; однакожъ мы все-таки живемъ, пользуемся жизнію и дорожимъ ею, какъ чѣмъ-то неотъемлемымъ, точно нашимъ вѣчнымъ

сокровищемъ, которое какъ будто всегда должно оставаться при насъ».

Ну, ужъ, на такія мысли иной «добрый и наивный» человѣкъ не сдастся и, по совѣсти, не захочетъ уступить серьезнымъ мыслителямъ, а въ свою очередь, пожалуй, и самихъ серьезныхъ мыслителей также возвеличаетъ добрыми и наивными людьми. Мы всѣ навѣрное знаемъ, что, хоть рано или поздно, мы непремѣнно умремъ, тѣмъ не менѣе мы, пока живемъ, живемъ дѣйствительно, а не мнимо, живемъ не такъ, чтобы грядущія поколѣнія, хотя бы самыя отдаленныя отъ насъ, могли основательно признать нашу теперешнюю жизнь только мнѣмъ, сказкой, принятой только нами за жизнь, а въ самомъ дѣлѣ эта жизнь послѣ нашей смерти, по суду болѣе проницательныхъ поколѣній, окажется вовсе не жизнію. Жизнь наша есть не призрачный, а истинный даръ Божій. Потому *живой человѣкъ о живомъ и говоритъ*, по поговоркѣ простыхъ людей о человѣческихъ замыслахъ и стремленіяхъ въ жизни; живя дѣйствительно, а не мнимо, мы и заняты тѣмъ, что относится къ дѣйствительной жизни, пользуемся жизнію и дорожимъ ею, какъ такою безцѣнною дѣйствительностію, которую ни какія будущія поколѣнія не могутъ счесть просто за призракъ (*). А зажить такою жизнію, которую, по истинѣ, имѣли бы основаніе другіе люди—все равно потомки или современники—назвать только мнимою жизнію, можно развѣ въ состояніи опьяненія или полнаго сумасшествія, въ которомъ несчастный живетъ точно только призраками и мечтами, создаваемыми его безуміемъ; отрезвясь, и самъ онъ назоветъ свою подобную жизнь только мечтаніемъ. Потому сравненіе жизни разума и мысли съ настоящею смертною жизнію человѣка надо исправить. По существу дѣла выходитъ, что человѣчество, постоянно изобрѣтая и принимая за истину только то, что само же оно въ послѣдующихъ поколѣніяхъ сочтетъ заблужденіемъ и сказкою, живетъ не тою дѣй-

(*) Строгая истинность жизни настоящей, слышимая всякимъ человѣкомъ, особенно живо сознается вѣрующимъ, который знаетъ, что эта самая жизнь со всѣмъ своимъ добромъ или худомъ, нравственно созидаемымъ отъ самаго человѣка, раскроется, какъ зерно въ плодѣ, и въ будущей вѣчной жизни.

ствительною жизнію, которая, и по смерти человѣка, не можетъ быть ни кѣмъ сочтена за миѳъ; а напротивъ, съ такою жизнію своей мысли, человѣчество жило бы только мечтательною жизнію того опьяненія, отрезвляясь отъ котораго, опять неминуемо и сейчасъ же впадаетъ несчастный человѣкъ въ новый видъ тоже опьяненія...

Неужели, сознавая даже это, можно дорожить такою жизнію мысли, какъ великимъ какимъ сокровищемъ. Помилуй Богъ! Это значило бы для разума накинуть на себя, на свою живую мысль, просто петлю. Какъ кому угодно, а приняться за такую работу мысли, въ которой придется, и то счастливѣйшему изъ счастливыхъ, болѣе или менѣе раскрыть несостоятельность прежнихъ ученій или воззрѣній и открыть новое ученіе, обрекая впрочемъ его навѣрное на такую же несчастную въ свое время несостоятельность,—работать надъ обличеніемъ и разрушеніемъ лжи и надъ созиданіемъ того, что когда нибудь окажется неминуемо также ребяческою сказкою, это для мысли не жизнь, а горькое самообольщеніе мечтами, похожее на непрерывающееся самоубійство. Тутъ, конечно, можно бросаться на самыя отчаянныя попытки и не бояться, не озабочиваться, сколько бы ни были неудачны эти попытки. Все вѣдь равно!.. И самое «большое счастье» состоитъ только въ томъ, «если человѣку удастся найдти или построить систему, которая была бы вѣрнѣе и основательнѣе, чѣмъ другія»,—которая, то есть, не такъ скоро или не такъ легко, какъ другія, будетъ познана, (а непремѣнно будетъ познана) въ своей несостоятельности и невѣрности; потому что «всякая философская система, какова бы она ни была, подлежитъ, какъ и все существующее, законамъ тлѣнія, разрушенія и смерти».

Изъ всего ряда временъ только наше время, въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ, обречено такъ морочить себя, чтобы оставаться безъ чистой, дѣйствительной на-всегда, истины и значитъ, навѣрное заблуждаться съ полнымъ сознаніемъ, что у него нѣтъ дѣйствительной истины, а есть только временно-мнимая. Заблуждалось по своему въ томъ или другомъ и всякое время, но увѣрено было или увѣряло себя, что его за-

блужденіе есть дѣйствительная, а не временно-мнимая истина. Наше же время, чрезвычайно счастливое тѣмъ, что отчетливо видитъ судьбы и всякіе опыты предшествующихъ временъ, входящіе подобно живымъ каменьямъ въ зданіе одного цѣлаго, зиждущагося разумно безъ препятствія со стороны всевозможныхъ человѣческихъ заблужденій,—это счастіе, или безцѣнное свое преимущество предъ другими временами, наше время и обратило для себя въ небывалое несчастіе. Наше время серьезно стало думать, что самая жизнь человѣческой разумности и состоитъ въ постоянной смѣнѣ несостоятельныхъ предъ истиною системъ и непрерывномъ замѣненіи старыхъ, дознанныхъ въ своей фальшивости, заблужденій свѣжими системами, которыя на время только кажутся болѣе основательными и вѣрными, а неминуемо же окажутся ребяческими сказками и заблужденіями. «И этого, говорятъ еще, бояться нечего».

Нѣтъ, страшна эта истина, что мы (по выраженію одного достойнаго нашего литератора) виноваты уже и тѣмъ, что существуемъ (потому что и начинаемъ свое бытіе виноватыми, грѣшными); и все человѣчество, еслибы такъ и обречено было въ своей жизни только мѣнять одинъ вины на другія, одинъ заблужденія на другія тоже ребяческія сказки, безъ шутокъ приравнивалось бы къ такому безвыходному положенію: «что ступили, согрѣшили.» Но къ счастію эта строгая истина есть только еще одна сторона полной истины. Точно, виноваты мы самымъ бытіемъ своимъ и, оставаясь въ этой виновности, неизбѣжно шли бы только путемъ смѣняющихся непрерывно виновностей и заблужденій; но верховный Виновникъ нашего бытія взялъ Самъ на Себя отвѣтственность за наше виновное бытіе и за всѣ наши вины и уже вполнѣ понесъ на Себѣ эту, невыносимую еще ни для кого другаго, отвѣтственность. И потому уже не можетъ быть, чтобы жизнь нашей мысли, какъ и вообще наша жизнь, дана намъ только на казнь. Да! каковы бы ни были воззрѣнія и убѣжденія у мыслителя, не самоправнаго и не легкомысленнаго въ дѣлѣ мысли,—пусть онъ вѣрилъ бы хоть только здѣшней жизни и человѣческой мысли, вѣрилъ бы хоть на столько, чтобы не сомнѣваться, что мысль наша

истинно нуждается въ здоровой, не гнилой пищѣ по крайней мѣрѣ не менѣе, какъ и наше тѣло требуетъ для своего поддержанія пищи такого же качества, и что жизнь человѣческая на землѣ еще не находится подъ этою ужасною казнію—казнію невозможности достать для ея поддержки здоровую, не гнилую пищу. И такая даже вѣра не можетъ не признать, что не только *есть сама по себѣ, но и для мысли человѣческой должна быть доступна*—истина дѣйствительная, чистая отъ заблужденія и никогда не могущая выродиться въ заблужденія,—которая одна только и есть дѣйствительно здоровая и свѣжая пища для человѣческаго разума и мысли. Въ противномъ случаѣ жизнь человѣческая на землѣ, по отношенію даже къ самой высшей и благоразумнѣйшей своей сторонѣ,—умственной, господствующей въ человѣкѣ, была бы оставлена безъ средствъ къ своей поддержкѣ, все равно какъ безъ здоровой пищи и питья, и потому была бы дана только въ какую-то казнь человѣку. Итакъ есть истина дѣйствительная и совершенная, доступная человѣку, есть истина вселенская или общечеловѣческая! Какъ ни безчисленны степени разумѣнія этой истины, которой полный и открытый свѣтъ относится къ вѣчной жизни, но только бы вступить на лѣствицу разумѣнія дѣйствительной, а не временно—только мнимой истины,—на каждой ступени разумѣнія человѣкъ всегда будетъ уже не съ призракомъ, а съ самою силою этой истины. Въ объясненіе того, какъ это можетъ быть и бываетъ въ области вѣчной истины, приведемъ примѣръ изъ духовно-нравственной жизни. Вотъ, если кто достигнетъ зрѣлаго и отчетливаго разумѣнія, что ради Сына человѣческаго, какимъ сталъ за человѣковъ самъ Сынъ Божій, Отецъ небесный есть Отецъ и человѣковъ, принимающихъ такую благодать: то такой человѣкъ уже не смотритъ ни на какой видъ отчества помимо Отца небеснаго, такъ что собственно Его одного сознаетъ и чувствуетъ своимъ Отцемъ, свѣтящимся и во всякихъ низшихъ видахъ отчества. Это есть одинъ изъ высшихъ степеней разумѣнія истины Христовой. Но, по смыслу православнаго христіанства, и добросовѣстно и искренно преданные и послушные отцамъ, или заступающимъ ихъ мѣ-

сто, тоже, хотя и безсознательно предаются и повинуются во Христѣ самому же небесному Отцу. И на этомъ степени разумѣнія истина всесильнаго Отчества небеснаго имѣетъ мѣсто безъ всякаго усѣченія или ослабленія той или другой стороны своей. Наконецъ и младенецъ, съ живою, но безсознательною по отношенію и къ земнымъ своимъ родителямъ, любовію бросающійся въ ихъ объятія, по своему слышитъ съ восторгомъ туже тайну открытаго намъ ради вочеловѣченія Сына Божія отчества всевышняго Отца, Который весь любовь. И на этомъ низшемъ степени разумѣнія истина всеобщаго отчества небеснаго Отца имѣетъ мѣсто не менѣе, чѣмъ и на высшемъ; пожалуй, зрѣлое духовное разумѣніе даже уступитъ младенческому чувству и мысли первенство въ духовной близости къ небесному Отцу. Таково же отношеніе человѣка, на различныхъ степеняхъ духовной жизни, и къ другимъ сторонамъ истины вселенской и общечеловѣческой. На сколько мысль человѣческая съ должною или законною разумностію проходитъ свое поприще, на столько и приближается къ этой вселенской истинѣ или входитъ въ ея духъ. Назначеніе мыслительности философской—свободно достигнуть до разумнаго убѣжденія вѣры, что только во Христѣ содержатся всѣ сокровища мудрости и знанія съ самыми ключами къ этимъ сокровищамъ. Тогда предъ нею и откроется, что къ Нему же устремлялась, Его же искала всякая истинно разумная попытка мысли. Но для этого только пусть будетъ у мыслительности серьезное отвращеніе отъ ложнаго и искреннее стремленіе къ истинному и всевозможное усиліе неизмѣнять законамъ разума, выдерживать въ своемъ дѣлѣ истинную разумность!

Впрочемъ вольному воля. Если современная мыслительность, легкомысленно или съ предубѣжденіями или съ отчаянною самонадѣянностію, относится къ дѣлу истины или даже только не употребляетъ всѣхъ зависящихъ отъ нея усилій и способовъ къ дознанію и выясненію ея себѣ и другимъ: то, какъ бы ни успокоивалъ себя тотъ или другой мыслитель мечтою о жизни философіи, будто бы и состоящей только въ смѣнѣ несостоятельныхъ предъ истиною системъ,—все же ни какъ не отвя-

жется современная мыслительность отъ невольнаго сознанія что ея легкомысліе и лѣность, самонадѣянность и самоволіе, вообще всякое недостойное разумности, отношеніе ея къ дѣлу истины— обличатся потомками и будутъ вѣчнымъ для нея упрекомъ и осужденіемъ. Мыслитель, по какому-то чутью истины получаетъ успокоительную увѣренность въ своемъ дѣлѣ только тогда, когда онъ съ своей стороны употребилъ или употребляетъ добросовѣстно все возможное къ познанію истины, не пренебрегая по самонравію и легкомыслію ни чѣмъ, могущимъ навести мысль его на прямой путь, —не кривилъ или не увертывался предъ законами разума, по пристрастію къ своей идеи или по какой то монополіи въ дѣлѣ истины, сказать тоже короче—когда онъ вѣрою и правдою служилъ и служитъ дѣлу истины. Да! Всѣми почему-то чувствуется, что сама истина принимаетъ тоже истинное (а не временно—только мнимое) служеніе ея дѣлу, которое одно и награждается всегда признательностію и благословеніями въ потомствѣ. Потому и жизнь философіи состоитъ не въ смѣнѣ одной чепухи, принимаемой нѣкогда за истину, другою такою же мнимою истиною, а собственно въ томъ, на сколько тотъ или другой мыслитель, или вообще мыслительность въ тѣ или другія времена, истинно и благородно служили дѣлу истины. Потому въ области философіи и ея исторіи должно же совершиться по своему и въ своей мѣрѣ тоже, что есть въ области самаго Духа истины. *Егда бѣхъ младенецъ*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческое* (1 Кор. XIII, 11). Но самъ же Павелъ, который, созрѣвъ до возмужанія во Христѣ, дѣйствительно *отверг младенческое* воззрѣніе ветхозавѣтное, тѣмъ не менѣе во всѣхъ истинныхъ праведникахъ ветхаго завѣта, начиная отъ самыхъ раннихъ и самыхъ простыхъ по своимъ воззрѣніямъ (Евр. XI, 4—6),—видитъ и указываетъ другимъ исполнителей и свидѣтелей той же самой благодатной правды, которую и самъ проповѣдывалъ и раскрывалъ съ глубокомысліемъ Христова ума, какъ истину вселенскую и общечеловѣческую. Такъ точно, достигнувъ прямаго воззрѣнія

на истину, не временно-мнимую, а дѣйствительную для всѣхъ временъ и раскрывающую чрезъ весь ихъ рядъ свои Божественныя глубины, мыслителю уже не трудно будетъ усматривать, сколько духъ той же истины слышали по своему всѣ мыслители, и даже такіе, которые находились въ самыхъ далекихъ и иногда, по видимому, совсѣмъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ ней,—слышали на столько, на сколько правдиво и благородно,—однимъ словомъ, истинно—разумно вели по своимъ способамъ дѣло своей мыслительности. Къ миѳамъ, сказкамъ, надъ которыми смѣются потомки, относятся только порожденія неразумія или заблуждающаго разума. Вотъ, особенность избраннаго народа, начатая родоначальникомъ его Авраамомъ, обрѣзаніе, принятое имъ для своего рода, со всею ѳеократическою національностію еврейскою, стали уже мертвыми формами, но мысль вѣры, одушевлявшая еврейскаго родоначальника Авраама, какъ была у него, такъ и осталась на-всегда благодатною истиною, раскрытіе которой и есть достояніе христіанства. Между тѣмъ языческія увлеченія и миѳы какъ были при своемъ происхожденіи, такъ наконецъ и оказались предъ всѣми не болѣе, какъ баснями и химерами. Остатки же истины и въ язычествѣ какъ сначала не принадлежали, такъ и въ послѣдствіи никогда не могутъ быть относимы къ области лжи: такъ должно быть въ силу вѣчной истины. Такъ ни ложь не закроется ни подъ какими личинами, ни истина вѣчная не уступитъ никакимъ задержкамъ, ей противопоставляемымъ.

Послѣ сказаннаго нельзя безъ глубокой грусти не остановиться на такихъ рѣчахъ новыхъ мыслителей: «системы, претендующія на вѣчное существованіе, на вѣчную жизнь и значеніе, называются фанатическими и они-то убиваютъ всякую жизнь мысли; только наши старовѣры и ихъ ученые противники убиваются изъ-за вѣчныхъ истинъ и вѣчныхъ доказательствъ». Мы не споримъ противъ этихъ словъ, на сколько въ нихъ выражена та истина, что нѣтъ всецѣлаго и абсолютносовершеннаго постиженія неизслѣдимыхъ глубинъ истины и всякое притязаніе на полное обладаніе истиною, дѣйствительно, усыпляетъ нашу мысль и ведетъ къ фанатическому нетерпѣнію чу-

жихъ мыслей. Только, къ сожалѣнію, новые мыслители этимъ не ограничиваются. Но какъ нѣкоторые изъ послѣдователей вѣчной истины, отстаивая ея неизмѣнность, выражаютъ самообольщенныя притязанія, будто они уже вполнѣ овладѣли этою истиною; такъ и новые мыслители, по поводу неизслѣдимости вѣчной истины, уже не признаютъ самой вѣчной истины (*) и насмѣхаются надъ «убивающимися изъ-за вѣчныхъ». Вотъ уже какъ трактуется у насъ самая мысль о вѣчной и непреложной истинѣ! Нельзя не задуматься, почему у насъ, или въ наше время, могли родиться и высказываться подобныя мысли. Вѣдь напр. современники Спасителя, возвѣщающаго людямъ вѣчную истину съ усильнымъ возбужденіемъ мысли слушателей къ разумному пониманію этой истины, съ живѣйшею радостію о всякомъ проявленіи въ нихъ разсудительной мысли, не могли бы никакъ сказать, что ученіе Господа, принесенное имъ на землю на вѣчное существованіе, на вѣчную жизнь и значеніе, убиваетъ всякую жизнь мысли, и дѣйствительно самые враги Христовы ставили ему въ вину особенно сильное движеніе умовъ, имъ производимое (Іоан. II, 48). Также и Св. Апостолы Христовы, открывавшіе человѣчеству новый міръ благодати и истины вѣчной, противоположной мертвому фанатическому іудейству и уже явно истлѣвавшему язычеству,—могли ли самымъ злѣйшимъ своимъ врагамъ показаться такими людьми, которые по-старовѣрски убиваются изъ-за вѣчныхъ истинъ и вѣчныхъ доказательствъ? Такъ и Св. мученики, идущіе на смерть за убѣжденія своей вѣры съ полною въ нихъ отчетливостію предъ врагами, съ разумными объясненіями предъ ними нелѣпости идолопоклонства, представляли въ себѣ явно борцовъ живой мысли, а не слѣпаго фанатизма. Борьба Св. Отцевъ противъ ересей представляетъ также поприще подвиговъ глубокой и напряженно дѣйствующей мысли. Божественная истина вѣчна и непреложна: но прослѣдите весь ходъ и движеніе вѣры и въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, и вы увидите идущую съ строгою послѣдовательностію именно жизнь мысли,

---

(*) Это *испрующіе*.

благодатно-могущественную и свѣтлую (*). Итакъ не останавливаясь болѣе на разборѣ этого необдуманнаго умствованія, будто всякое ученіе, справедливо или несправедливо имѣющее притязаніе на вѣчное существованіе и значеніе, относится къ разряду фанатическихъ и непремѣнно убиваетъ всякую жизнь мысли и проч., стоитъ серьёзно подумать: почему такія опрометчивыя мысли у насъ могутъ безъ зазрѣнія совѣсти высказываться? То правда, что подобные рѣшительные и жосткіе приговоры всегда предполагаютъ въ мыслителѣ неприличную разуму охоту произносить приговоры безъ достаточнаго знакомства съ предметами, на которые произносятся такіе приговоры. Но и то правда, что нельзя было бы благородно мыслящему человѣку даже открыть рта для произнесенія неправыхъ сужденій о священнѣйшихъ предметахъ на ряду съ разными видами фанатическаго суевѣрія, если бы самою дѣйствительностію современною открыто обличалась неправота такихъ сужденій. Есть, видно, и въ такихъ сужденіяхъ своя доля правды въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ временнымъ и частнымъ злоупотребленіямъ тѣми предметами, противъ которыхъ направляются эти сужденія. Есть, дѣйствительно, у насъ, принадлежащее нѣкоторымъ лицамъ направленіе стѣснять и сковывать жизнь мысли во имя вѣры въ вѣчную истину; это направленіе, подъ видомъ яко бы уже вполнѣ усвоившей себѣ Божію истину ревности по вѣрѣ, многими считается даже благопріятнымъ вѣрѣ, тогда какъ только развѣ изъ-за него можетъ казаться отчасти основательнымъ крайне-обидное для вѣры предубѣжденіе противъ ученія о вѣчной истинѣ, какъ будто убивающаго жизнь мысли. Есть еще другое считаемое также благопріятнымъ для вѣры, направленіе самой мыслительности или учености,—именно выше разобранное нами въ своемъ фальшивомъ и вредномъ двоедушіи, направленіе мысли отчасти по Христу и Его истинѣ, отчасти по разуму и его законамъ (какъ

(*). Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль вполнѣ. Но желающій можетъ прочитать о послѣдовательномъ ходѣ въ жизни и мысли вѣры ветхозавѣтной статью въ книгѣ „о православіи въ отношеніи къ современности“: объ особенностяхъ воззрѣній и жизни въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, (стр. 70 и сл.) и въ книгѣ „три письма къ Гоголю“ *позднѣйшую приписку*.

будто для вѣры это уже не Христова область). Это направленіе храмлетъ на обѣ ноги: оно невѣрно въ существѣ дѣла и Христову духу, съ любовію стремящемуся наполнять и двигать безраздѣльно всего человѣка, оно держитъ и мысль постоянно въ рабскомъ только страхѣ, какъ бы ужъ слишкомъ далеко не отступить отъ Христовой истины. И такимъ образомъ это направленіе представляетъ, тоже во имя вѣчной истины, какую-то полужизнь или полусмерть мысли. Вотъ только изъ-за чего нельзя по совѣсти назвать клеветою опрометчивое и оскорбительное для христіанства сужденіе о фанатизмѣ и смертоносности для мысли ученія о вѣчно-неизмѣнной истинѣ! Мыслитель, допустившій подобное сужденіе, только бы дѣйствительно вѣренъ былъ въ своей мыслительной работѣ законамъ разума, не превращая его самозаконіе въ беззаконное самоправіе и легкомысленную невнимательность къ прочему человѣчеству, и заботливо искалъ бы для своей мысли дѣйствительно-жизненной пищи, подвергнувъ испытательному сомнѣнію эту свою слѣпую вѣру, что будто бы все равно,—все пройдетъ, все увянетъ и истлѣетъ, что истины вѣчной и незыблемой будто нѣтъ и быть не можетъ. И онъ самъ можетъ достигнуть того, чтобы по собственному убѣжденію и опыту дознать не стѣсненіе или умерщвленіе мысли, но оживленіе и освобожденіе ея вѣчною истиною. Эта истина самъ Христосъ. Эта истина потому и вѣчна, что она есть не убивающая и порабощающая буква, а всеживой духъ и сила, совершившая уже побѣду надъ всѣми мертвыми и мертвящими заблужденіями или мнимыми истинами тѣмъ самымъ, что, вынося на себѣ бремя человѣческой въ нихъ виновности, сама въ собственномъ лицѣ входила въ состояніе смерти, и чрезъ это завладѣла уже ключами всей темной ея державы. *Азъ есть истина*, говоритъ Господь нашъ (Іоан. XIV, 6). *Азъ есть первый и послѣдній: и живый и бихъ мертвъ, и се живъ есмь во вѣки вѣковъ, аминь: и имамъ ключи ада и смерти* (Апокалип. I, 17, 18). *Пріиди и виждь*, такъ всегда, начиная съ самихъ Апостоловъ, говорятъ истинно обрѣтшіе и уже вкушающіе во Христѣ живой хлѣбъ для своей мысли и для всего

своего существа—всякому—недовѣряющему и испытующему мыслителю. (Іоан. I, 46). Мы Русскіе держимся ученія православнаго, полнаго, а не въ односторонностяхъ. Доказательство на то вся Церковь съ ея свѣтлымъ православіемъ.

Было время собственно для западныхъ христіанъ, когда, разумѣя христіанство не по православному, одни изъ нихъ находили противорѣчіе слову Божію въ открытіяхъ науки, напр., о вращеніи не солнца вокругъ земли, но земли вокругъ солнца, а, изъ за такой односторонности, другіе начинали направлять изслѣдованія наукъ естественныхъ, философскихъ, политико-экономическихъ и проч. противъ христіанства, извращая для этого или же вовсе не признавая цѣлыя области фактической дѣйствительности вопреки самой наукѣ. Православно же понимающимъ христіанство извѣстно изъ слова Божія, что законы природы, духа человѣческаго и всякаго истиннаго порядка суть творческія или міроправительныя опредѣленія вседержавнаго Бога Слова. Потому намъ можно безъ труда понять, что непризнавать и непринимать того или другаго вѣрнаго открытія науки, будетъ ли это вращеніе земли около солнца или что́ другое, было бы противно слову Божію и истинному христіанству, такъ какъ и на оборотъ разслѣдованіе всѣхъ сторонъ и законовъ бытія принадлежитъ уже къ свѣту самаго Христа Бога Слова, *Имже вся быша*, безъ Кого *ничто же бысть, еже бысть* и Кто есть *свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго во міръ*. Было время и у православной Россіи, когда у нея къ такому всестороннему раскрытію православія не было ни пріемлемости, ни нужды, потому что и безъ того православные Русскіе, содержа догматы и установленія православія съ дѣтскою, для большинства безотчетною, простотою,—тѣмъ не менѣе всѣ стороны своей малосложной жизни умѣли настроивать по духу православія. Но нынѣ, когда одни у насъ мудрствуютъ о православіи болѣе по темной и убивающей человѣка буквѣ, нежели по свѣтоносному человѣколюбивому духу православія, а другіе, изъ-за подобной односторонности разумѣнія нѣкоторыми православія, не видятъ удобства и возможности помирить съ нимъ своихъ живыхъ

духовныхъ потребностей, нынѣ,—очевидно, уже наступила пора или крайне настоятельная потребность для Россіи раскрывать для себя и для прочаго міра, сколько возможно полнѣе и отчетливѣе,—свѣтъ и силу православія. Такое-то поприще, къ оправданію самаго дѣла науки, открывается для свѣжихъ силъ русской мысли, — только бы она сохраняла и выдерживала, въ неприкосновенности и неизвращенной пѣлости, своего самозаконія, а не противозаконія,—свою благодатную духовную свободу и жизненность!

XII.

Объ образованіи духовныхъ и объ отношеніи ихъ къ прочему составу церкви.

Задача научнаго духовнаго образованія (которымъ довольно озабочена и наша журналистика и все общество) состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы чрезъ сообщеніе образующимся нужныхъ знаній и черезъ должное направленіе ихъ характера, приготовить изъ нихъ достойныхъ служителей церкви Божіей. Достойные же служители церкви Божіей, безъ сомнѣнія, тѣ, которые идутъ *дверью* (Іоан. X, 2, 7, 11) самаго Христа, понесшаго на Себѣ бремена грѣховъ и недуговъ всего міра, и потому не отдѣляютъ отъ себя бремени духовныхъ нуждъ и недуговъ другихъ членовъ церкви, но раздѣляютъ съ послѣдними это бремя; они знаютъ, что ангелы или духовные вожди церкви и награждаются и ссуждаются за добро или за худо всего церковнаго состава, какъ за собственное свое (Апокал. II и III гл.). Поэтому и дѣло духовнаго образованія требуетъ такого устройства и порядка, чтобы оно вело духовныхъ не къ разъединенію съ прочими христіанами, а къ живѣйшему вниманію и полнѣйшему соучастію духовенства къ духовнымъ потребностямъ, стремленіямъ и самымъ болѣзнямъ другихъ христіанъ. Временно могутъ быть такія обстоятельства, которыми требуется огражденіе готовящихся къ служенію церкви (и не ихъ однихъ, конечно) отъ разныхъ вредныхъ вліяній разнузданности

умственной и нравственной особенно, когда отъ этой разнузданности не успѣлъ еще окончательно разграничиться, въ наукѣ и обществѣ, духъ вполнѣ законной и благородной свободы нравственной и умственной. Но и въ подобныхъ обстоятельствахъ духовное образованіе, ограждаясь отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, все-же не должно измѣнять существенной своей задачѣ—готовить служителей церкви Божіей, не такихъ, которые возлагали бы тяжкія и неудобоносимыя бремена долга и отвѣтственности на другихъ, не касаясь сами и пальцемъ этихъ бременъ (Мат. XXIII, 4), но такихъ, которые считали-бы *своими* нуждами и недугами духовные недуги и нужды своихъ братій.

Такой задачѣ духовное образованіе не должно измѣнять не только въ видахъ истиннаго блага вообще всей церкви Божіей, но и въ частномъ интересѣ самаго духовенства. Недавно въ «Православномъ Обозрѣніи» напечатана была статья, въ которой прекрасно доказывается, что прочнаго улучшенія внѣшняго быта (въ особенности сельскаго) духовенства,—улучшенія, простирающагося, и на призрѣніе духовныхъ сиротъ и немощныхъ,—надо искать и ждать отъ самыхъ приходовъ. Мысль—вѣрная духу Апостольскому. Да! приходъ самъ улучшитъ бытъ духовенства и не оставитъ его сиротъ и стариковъ, но только тогда, когда увидитъ и почувствуетъ (по тому закону, по которому сердце сердцу вѣсть подаетъ), что духовные истинно, передъ самимъ Богомъ, соучаствуютъ своимъ духомъ и сердцемъ въ отягчающихъ этотъ приходъ бременахъ, служа всею душею тому, чтобы Христосъ былъ Своею благодатію съ православными во всякой ихъ средѣ и работѣ мірской къ избавленію всего отъ зла и грѣха. Прихожане и послѣднимъ подѣлятся съ своими отцами духовными, когда живо сознаютъ и почувствуютъ, что, по служенію духовенства молитвою и словомъ и дѣломъ, Христосъ точно пребываетъ благодатно въ нихъ и съ ними, труждающимися и обремененными въ этомъ мірѣ. Но пока этого не будетъ въ сознаніи и чувствѣ какого-бы ни было прихода, пока Христово благодатное иго, будучи само по себѣ легкимъ и благимъ, будетъ казаться тому или другому приходу

трудным и неудобоносимым — по безучастности многих изъ насъ духовных въ затрудненіях и духовных болѣзнях міряпъ, до тѣхъ поръ не только нашимъ спротивъ, но и самимъ дѣйствующимъ служителямъ Христовымъ ждать нечего отъ подобных приходовъ улучшенія внѣшняго своего быта.

Вѣрно Христово слово относительно внѣшняго быта служителей Христовых: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея* (Лук. X, 7); но дѣлатель, усвояющій себѣ въ своемъ дѣланіи самаго Христа, — пастыря добраго, понесшаго бремя міра грѣшнаго и погибающаго, какъ свое собственное. Образованіе духовное должно послужить къ приготовленію именно такихъ дѣлателей для этого Христова поля — служенія спасенію людей.

Какое же лучшее устройство образованія духовнаго для выполненія такой существенной его задачи? — Посмотримъ, что представляетъ въ этомъ отношеніи древность христіанская и что было и есть по этой части у насъ въ Россіи.

Древность христіанская представляетъ намъ, въ отношеніи къ образованію служителей Христовой церкви, явленія двухъ родовъ. Во первыхъ, не смотря на политическое господство язычества, было въ глубочайшей христіанской древности отдѣльное отъ среды языческой христіанское училище, наиболѣе готовившее, конечно, учителей христіанскихъ. Это александрійское училище. Но здѣсь, примѣтно, брались рѣшительныя мѣры противъ отчужденія образованія христіанскаго отъ умственнаго состоянія и движенія прочаго міра. Въ воспитанникахъ и учителяхъ этого училища замѣтно самое обширное знакомство съ языческою философіею и современнымъ философскимъ направленіемъ, какъ именно въ Климентѣ Александрійскомъ, и вообще видно направленіе раціональное въ высшей степени, доходящее у иныхъ даже до увлеченія крайностями, какъ напр. у Оригена. Такимъ образомъ, христіанское училище древности не отводило христіанъ отъ живѣйшаго вниманія и соучастія къ умственному движенію прочаго міра; и если это обходилось для нѣкоторыхъ слишкомъ дорого, то, вѣдь, извѣстно, что во всемъ возможны крайности и увлеченія. Главное дѣло въ томъ, что александрійское христіанское училище приготовляло такихъ учителей христіан-

ству, которые не могли отдѣляться отъ умственныхъ и духовныхъ бременъ прочаго міра, хотя иногда и сами подавлялись этими бременами. Такое направленіе александрійской учености не могло не продолжаться и впослѣдствіи. Возможны были, въ этомъ направленіи христіанской александрійской учености, и такія плачевныя явленія, какъ Арій, заблужденіе котораго потрясло весь тогдашній христіанскій міръ; но тамъ-же являлись и такіе побѣдоносные надъ ложью предъ всѣмъ міромъ борцы за истину, какъ Аѳанасій Великій, Кириллъ Александрійскій.

Во вторыхъ, наиболѣе общее образованіе христіанскихъ учителей древности было въ общихъ или открытыхъ всѣмъ училищахъ, гдѣ самыми учителями были язычники. Такое образованіе получили въ Аѳинахъ наши вселенскіе учители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ. При такомъ образованіи служители церкви Христовой, сколько стояли въ уровень съ современнымъ умственнымъ состояніемъ и движеніемъ, столько могли понимать и ощущать нужды и недуги этого состоянія и движенія умовъ, какъ свои собственныя; а потому и свою мысль могли раскрывать такъ, какъ именно духовно принимало и требовало современное имъ общество. Скажу болѣе: у такихъ учителей, по самому ихъ образованію, дѣло внушенія истины и обличенія лжи даже и не могло быть ведено несогласно съ умственною и словесною пріемлемостію современниковъ и безучастно къ ихъ положенію. Вѣдь съ послѣдними они сами возрастали, по образованію своему, на одной и той же почвѣ. Василію Великому, переписывавшемуся съ Ливаніемъ, какъ равнымъ ему по образованію, или другу Василія, ревновавшему о принесеніи Богу Слову такого слова, надъ которымъ не имѣли бы превосходства никакое ораторство и діалектика того времени, или Златоусту, похищеніе котораго христіанами оплакивали тогдашніе образованные язычники, или на западѣ Августину и Іерониму—естественно и просто было такъ именно свѣтить міру, что ничто лучшее изъ ихъ современности не было чуждо имъ самимъ и потому не могло оставлять и ихъ въ какой-либо тѣни для общества. Безъ сомнѣнія, это было, по особенному благодатному устроенію, во благо церкви. Такое направленіе въ образованіи

христіанскихъ учителей, чтобы имъ обнимать всю современную ученость и идти въ полномъ соучастіи къ современному состоянію міра, продолжалось и послѣ, когда образованность языческая совсѣмъ пала передъ христіанствомъ; блистательныя доказательства этому—Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Фотій и проч.

Такъ шло и устроивалось образованіе служителей церкви въ древности, образцовой и руководительной для насъ. Что было прежде *у насъ* въ отношеніи къ образованію духовныхъ?

У насъ—на Руси въ то время, когда приходившій поставляться въ званіе священства, бывало, едва «по псалтири бредетъ», — мысль о духовныхъ училищахъ, естественно, должна была родиться именно у пастырей. Они и приводили ее въ исполненіе по мѣрѣ возможности, а въ продолженіе времени и съ содѣйствіемъ, или по распоряженію самой свѣтской власти. Такъ было до Петра и далѣе. Образованіе служителей церкви развивалось и завѣдывалось именно лицами духовными, но отнюдь не въ смыслѣ отчужденія духовныхъ отъ свѣтскихъ черезъ самое образованіе. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ духовныхъ училищахъ воспитывались и свѣтскіе, желающіе получить образованіе (что именно было въ Кіевѣ); равно не чуждались отъ дополненія духовнаго образованія обученіемъ и въ свѣтскихъ училищахъ (что было въ московской славяно-греко-латинской академіи, изъ которой посылались нѣкоторые въ университетъ московскій).

Былъ въ прошломъ вѣкѣ истинно критическій для духовнаго образованія моментъ, съ котораго могло начаться рѣшительное обособленіе духовнаго образованія отъ свѣтскаго. Это было время, когда, по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ, ясно и рѣзко обозначалось то направленіе въ духовномъ служеніи нѣкоторыхъ (*) по которому, напримѣръ, положеніе духовныхъ съ приходорасходными книгами, высланными по главному распоряженію свѣтской власти, казалось-бы хуже «узниковъ богадѣль-

(*) Разумѣю здѣсь дѣло объ Арсеніѣ Маціевичѣ, самоотверженно ставшемъ было за посвященныя Богу имущества, но обнаружившемъ при этомъ и то односторонне несчастное направленіе, о которомъ здѣсь говорится. Слова, означенныя далѣе вносными знаками, принадлежатъ именно этому Арсенію. См. статьи о немъ въ №№ 15, 16 и 17-мъ „Дня“.

пичныхъ», съ которымъ, въ устраненіе свѣтскаго вліянія, поставлялось-бы съ сплою на видъ, что «иной изъ свѣтскихъ на силу и въ Бога вѣруетъ», и не имѣлось-бы у самихъ въ виду, что, вѣдь, дѣло *духовныхъ* служить тому, что Христосъ былъ и въ мірянахъ и что, слѣдовательно, ослабленіе послѣднихъ въ вѣрѣ заставляетъ первыхъ осмотрѣться съ испытаніемъ ревности и вѣрности собственнаго духовнаго служенія. По такому направленію настаивали было касательно образованія духовнаго, что лучше было бы книжкою «Православнаго исповѣданія Петра Могилы» замѣнить «философію и другія академическія книги», что «лучше, по старому, читать готовыя печатныя проповѣди, выбранныя изъ отеческихъ твореній, чѣмъ сочинять новыя», естественно сначала довольно неискусныя. И такимъ образомъ сочувствіе и соучастіе живымъ современнымъ нуждамъ, даже со всякими попытками къ этому (и слѣдовательно съ самою возможностію когда нибудь стать въ уровень съ современнымъ умственнымъ движеніемъ и выносить его болѣзни), могли тогда навсегда быть остановлены и заграждены для духовнаго образованія;—стоило-бы только монастырскія вотчины оставить въ распоряженіи этой «односторонней духовной ревности, отчуждающейся отъ свѣтскихъ съ самоувѣренностію и самодовольствомъ во имя благочестія». Единственный Глава церкви православной Господь нашъ Іисусъ Христосъ, употребляющій по своему изволенію и усмотрѣнію разныя орудія и сосуды *ови во честь, ови же не во честь*, устроилъ иначе; онъ устроилъ дѣло такъ, что критическій моментъ для духовнаго образованія прошелъ, кажется, невозвратно. Односторонняя духовная ревность, отчуждающая духовныхъ отъ прочаго состава церковнаго, поставлена въ невозможность отстаивать и для себя самой свое одностороннее направленіе, тѣмъ болѣе, прочно провести это направленіе въ духовное образованіе; это по той простой причинѣ, что нѣтъ и уже не можетъ быть у этой духовной ревности *своихъ* достаточныхъ средствъ утвердиться въ самодовольномъ уединеніи отъ свѣтскаго элемента, отъ котораго она хотѣла бы совсѣмъ обособить духовныхъ во вредъ и имъ самимъ и всей церкви. Промыслъ устроилъ, что по этимъ вопросамъ

Арсеній Маціевичъ пожертвовалъ собою, также какъ и имъ пожертвовали, истинно въ великое благо для нашей церкви и отечества, въ отношеніи и къ дѣлу образованія духовнаго.

Существенныхъ перемѣнъ въ дѣлѣ духовнаго преобразованія не было до преобразованія духовныхъ училищъ при Александрѣ I. Устроенный въ это время порядокъ духовнаго образованія, въ существѣ дѣла, есть еще и настоящій, потому что всѣ перемѣны, какія вводились въ духовное образованіе, не касались существа дѣла въ преобразованіи училищъ, совершившемся при Александрѣ. Что же представляетъ настоящій порядокъ образованія духовнаго, въ отношеніи къ приготовленію такихъ служителей церкви, которые бы не отчуждались отъ духовнаго соучастія и къ бременамъ мірскаго быта и образованія?

Кругъ духовнаго образованія, совмѣщающій съ богословскими предметами философію, математику, гражданскую исторію и впослѣдствіи присоединившій сельское хозяйство и медицину, очевидно, выражаетъ общую мысль о томъ, чтобы образовать людей, которыхъ мысли и сочувствію были бы чужды умственная и практическая жизнь прочихъ христіанъ. Это правда! Но и то правда, что отъ недостаточнаго ли вниманія къ этой мысли въ самой практикѣ духовнаго образованія, или ужъ вообще отъ отрыгающей въ нѣкоторыхъ ревнителяхъ духовнаго (*) мысли о самодовольномъ обособленіи духовныхъ отъ прочихъ христіанъ, только духовно-образованные оказываются во многихъ отношеніяхъ, дѣйствительно, какъ чужіе для свѣтскихъ образованныхъ и вообще для свѣтскихъ, которые являются и сами въ такомъ же отчужденіи отъ духовныхъ. (**) Положимъ, тутъ имѣетъ свою силу и свое основаніе именно то оборонительное положеніе, въ которомъ поставлялось духовное образованіе въ отношеніи

(*) Въ родѣ изданія и сотрудниковъ „Домашней Бесѣды“

(**) Въ этомъ отношеніи очень знаменательны для разсуждающихъ такія явленія, что за одно сочувственное отношеніе къ современности, по вѣрѣ въ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, приписываютъ духовному лицу уже вѣроотступничество: или человѣкъ свѣтскій, несмотря на дѣло мыслителя изъ духовныхъ, произноситъ этому дѣлу рѣшительный приговоръ какъ негодящемуся вещи. Во взаимныхъ отношеніяхъ духовной и свѣтской литературы вообще замѣтно, и въ лучшихъ представителяхъ той и другой, болѣе недовѣрчивости и подозрительности, нежели содѣйствія и уваженія другъ къ другу.

къ борѣніямъ и увлеченіямъ другаго образованія; это другое образованіе, освободясь отъ своихъ бореній и увлеченій, быть можетъ само благословитъ и поблагодаритъ духовную литературу и науку за сохраненіе истины въ ея чистотѣ до лучшей поры умственнаго нашего состоянія. Какъ бы то ни было, но духовное образованіе измѣнило бы существенной своей задачѣ, когда-бы поставляло многихъ своихъ въ умственное и практическое отчужденіе отъ интересовъ, стремленій и нуждъ прочихъ христіанъ, отъ самого даже склада ихъ мысли и рѣчи. Поэтому всѣми, и духовными и свѣтскими, равно чувствуется нужда въ существенныхъ измѣненіяхъ въ дѣлѣ духовнаго образованія.

Какія же именно измѣненія требовались-бы для духовнаго образованія? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, съ одной стороны, отъ степени сознанія общественнаго, что дѣло христіанскаго общества, дѣло мысли и жизни, было бы непормальное и плохое, если бы оно велось въ разъобщеніи съ духовнымъ служеніемъ Христовой благодати и истины, что и служители Христовы, только принимая участіе въ умственныхъ и жизненныхъ затрудненіяхъ и бременахъ общества могутъ быть вѣрны, въ духовномъ своемъ служеніи духу своего Пастыреначальника Христа, вынесшаго на Себѣ бремена всего міра. Съ другой стороны предложенный вопросъ можетъ быть рѣшенъ такъ или иначе и отъ степени отчетливаго, въ жизни и образованіи нашего общества, разграниченія законной (умственной и нравственной) свободы отъ разнузданности произвола, такъ чтобы въ этомъ отношеніи не было у насъ ни рабскаго духа, ни своеволія неразумнаго.

О, если бы Богъ далъ нашему обществу скорѣе дойти, съ обѣихъ указанныхъ сторонъ, до тоій степени сознанія и отчетливости, чтобы служители церкви Божіей, слѣдуя древнѣйшимъ вселенскимъ учителямъ—Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому, самымъ *единствомъ и общностію своего образованія съ другими христіанами, или вообще съ своими современниками*, настроивались и готовились носить, въ словѣ и дѣлѣ своемъ, бремена другихъ, какъ свои собственныя. Разумѣется, говорю это только къ свѣдѣнію и обсужде-

нію любящихъ истину, церковь и наше отечество и искренно желающихъ, чтобы дѣло истины и добра выяснялось и совершалось у насъ всѣми сообща.

XIII.

Разборъ двухъ романовъ, касающихся важныхъ затрудненій и вопросовъ современной мыслительности и жизни:

1, „Что дѣлать“ г. Чернышевскаго, и

2, „Отцы и дѣти“ г. Тургенева.

Для нечитавшихъ того или другаго романа, предлагается очеркъ самой только сущности ихъ содержанія. Въ романѣ г. Тургенева сущность дѣла слѣдующая:—Двое молодыхъ людей, окончивъ ученіе въ высшихъ нашихъ школахъ, возвращаются къ родителямъ сначала одного изъ нихъ, потомъ другаго. Оказывается, что въ нравственномъ и умственномъ отношеніи эти отцы и дѣти, — словно чужіе другъ другу; поэтому много слишкомъ тяжелаго приходится тѣмъ и другимъ слышать и видѣть взаимно другъ у друга. Въ отцахъ дѣти ловили, главнымъ образомъ, фальшивое раздвоеніе между идеальными или добродушными ихъ правилами и стремленіями и малодушіемъ, тщеславіемъ и другими немаловажными грѣшками; въ дѣтяхъ отцы видѣли или выводили наружу какое-то отреченіе отъ самыхъ основъ общепринятаго, самаго даже священнаго. Въ такомъ положеніи дѣлъ одинъ изъ молодыхъ людей, самый ярый и даровитый отрицатель всего не только двоедушнаго, фальшиваго, но и только невѣдомаго ему (Базаровъ) встрѣчается съ одной достойной женщиной, которая внушила ему къ себѣ любовь серьезную и глубокую, отсвѣчивающую какимъ-то высшимъ роковымъ и таинственнымъ смысломъ и слѣдовательно составляющую нѣчто такое, что онъ обыкновенно отрицалъ отъ всей души. И вотъ началась въ немъ внутренняя борьба между этимъ невѣдомымъ, овладѣвшимъ всею его душею, и отрицательными его воззрѣніями, которымъ онъ весь предался,—борьба въ своемъ

родѣ трагическая, продолжавшаяся до его смерти, когда онъ, съ отрицаніемъ себя самаго смертію, ощущалъ въ собственномъ своемъ непреодолимомъ влеченіи къ порядочной женщинѣ таинственное отрицаніе всѣмъ своимъ отрицаніямъ. Его товарищъ, болѣе мягкій душою (Кирсановъ), отдѣлался отъ безпощаднаго отрицательнаго направленія чрезъ вліяніе на него кроткой молодой дѣвушки, сдѣлавшейся потомъ его женою. Отцы съ своей стороны, подвигнутые къ энергіи нравственною борьбою съ дѣтьми, вознаграждали свою нравственную несостоятельность или исправленіемъ своихъ грѣшковъ, или страданіемъ съ любящимъ сердцемъ. Вотъ и все!—Сущность содержанія въ романѣ г. Чернышевскаго разлагается на двѣ стороны. Съ одной стороны, подъ жестокой деспотіей пошлаго своекорыстія и привычныхъ, бездушныхъ уже, формъ жизни очутилась душа живая и благородная (Вѣра Павловна), насильственно вовлекаемая самою матерью (Марьей Алексѣевной) въ низкія и оскорбительныя отношенія. Одинъ молодой человѣкъ (Лопуховъ) рѣшился пожертвовать всею своею ученою карьерою, чтобы женитьбою на этой жертвѣ освободить ее изъ нравственнаго погреба, гдѣ она была заключена на смертное томленіе. Но съ продолженіемъ времени и жизни оказалось, что и супружество ея съ этимъ самоотверженнымъ человѣкомъ обратилось въ новыя, невыносимыя для нея, оковы. Молодой человѣкъ ухитрился чрезъ новое, имъ выдуманное, самопожертвованіе поставить себя и жену свою въ положеніе, подобное тому, въ какомъ бываетъ человѣкъ, умирающій политическою смертію, или вѣчною ссылкою, а жена его можетъ быть свободна отъ супружества съ нимъ, какъ съ умершимъ. Молодая женщина наконецъ нашла себѣ счастіе въ супружескомъ союзѣ съ человѣкомъ, вполнѣ ей сочувственнымъ и ее удовлетворявшемъ. Съ другой стороны представляется въ романѣ слѣдующее: — Прекрасная, но неопытная душа (Екатерина Васильевна Полозова) уже не отъ другихъ, а чрезъ собственное самообольщеніе какимъ-то негоднымъ идоломъ, была въ опасности сгибнуть. Отецъ ея вполнѣ понимавшій это и не соглашавшійся на союзъ ея съ негодяемъ, сдѣлалъ только то, что его дочь ожесточалась въ своемъ оболь-

щеніи и чахла. Но наконецъ дали ей свободу поступать, какъ ей угодно, и—она сама увидѣла всю презрѣнную низость своего идола и, отказавшись отъ него по собственному побужденію, нашла счастіе уже въ достойномъ человѣкѣ, какомъ-то Американцѣ. И оба эти семейства взаимною дружбою связаны какъ будто въ одно семейство, на пользу и другихъ многихъ изъ новаго поколѣнія. Вотъ канва, по которой г. Чернышевскій развиваетъ свои мысли или инстинкты.

Оба эти романа возбудили разнохарактерные толки въ обществѣ и журналахъ. Не видно было, чтобы судили объ нихъ свободно отъ разныхъ односторонностей. Одна Христова истина, раскрываемая въ ея живой силѣ и духѣ, именно въ духѣ Христова самопожертвованія за грѣшнаго человѣка, проливаетъ полный свѣтъ къ выясненію дѣла. Предлагаемыя статьи представляютъ, хотя нѣсколько поздо, взглядъ на оба произведенія въ свѣтѣ живой Христовой истины, правящей всѣмъ и сильнѣйшей всего. Впрочемъ эту истину выяснять никогда не поздо, а то лучше поздо, чѣмъ никогда.

А.

О РОМАНѢ Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО: «ЧТО ДѢЛАТЬ. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ».

Я довольно изучалъ романъ г. Чернышевскаго: «что дѣлать». — Мнѣ хочется, друзья мои, поговорить съ вами объ этомъ романѣ; хочется передать вамъ мой о немъ отчетъ. Въ этомъ романѣ выражено много благородныхъ инстинктовъ, которые впрочемъ, оставаясь въ своей глупой безотчетности, могутъ доводить иныхъ до равныхъ гибельныхъ глупостей; а если тѣже инстинкты выяснить и осмыслить, они могутъ быть корнемъ уже полезнаго и разумнаго добра. Вотъ почему хочу и даже считаю обязанностію поговорить съ вами о романѣ «что дѣлать».

Авторъ романа говоритъ въ своемъ безцеремонномъ «предисловіи,» обращаясь къ публикѣ: «автору не до прикрасъ,

«добрая публика, потому что онъ все думаетъ о томъ, какой «сумбуръ у тебя въ головѣ, сколько лишнихъ, лишнихъ стра- «даній дѣлаетъ каждому человѣку дикая путаница твоихъ по- «нятій. .. Читай, добрѣйшая публика! Прочтешь не безъ поль- «зы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждаетъ недостатки «писателя, который служитъ ей». Видите, — авторъ романа «что дѣлать» служитъ въ немъ истинѣ, противопоставляя ее, безъ всякихъ прикрасъ, дикой путаницѣ тѣхъ понятій, отъ которыхъ бываетъ столько лишнихъ страданій каждому человѣку. Вѣдь стоитъ поговорить о произведеніи, писанномъ съ такими стремленіями. Само собою разумѣется, что я буду говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ слѣдуя правилу слова Божія *отдѣлять честное отъ недостойнаго* (Іерем. XV, 19), лучшее отъ худшаго. Если угодно, я пользуюсь романомъ г. Чернышевскаго къ разъясненію того, что въ самомъ дѣлѣ, надо намъ дѣлать при нынѣшнемъ, умственномъ и нравственномъ состояніи нашего общества и отечества.

Въ отношеніи къ такому великому вопросу романъ «что дѣлать», дѣйствительно, можетъ пособить здравому образу мыслей распутывать путаницу нѣкоторыхъ понятій, грозящихъ принести человѣчеству, много, много лишнихъ страданій и бѣдствій. Возьмемъ во вниманіе прежде всего понятіе о самыхъ основахъ нравственныхъ. Съ одной стороны, возникли (разумѣется, не у насъ въ Россіи) и стали распространяться (и у насъ въ Россіи) такія понятія, что въ человѣкѣ совсѣмъ нѣтъ свободной воли, что онъ въ своихъ дѣйствіяхъ по необходимости слѣдуетъ поводамъ и побужденіямъ, которые, въ свою очередь, тоже неизбѣжно опредѣляются внутреннимъ состояніемъ человѣка и окружающею его средою; — что нравственная пружина или сила, непреодолимо увлекающая человѣка къ такимъ или другимъ дѣйствіямъ по извѣстнымъ поводамъ и побужденіямъ, есть именно (и это говорятъ не можетъ быть иначе) эгоистическій расчетъ, заставляющій каждаго избирать то, что для него самаго полезнѣе или пріятнѣе. Противъ этихъ понятій, съ другой стороны, возстаютъ съ горячею ревностію такія понятія, что подчинять всѣ дѣйствія человѣческія эгоисти-

ческому расчету и объяснять ихъ изъ этого расчета значитъ просто отказаться отъ нравственности и добродѣтели, а, съ устраненіемъ свободы человѣческой, безнравственность освобождается еще и отъ всякой отвѣтственности; это, очевидно, было бы верхомъ пагубныхъ, извращающихъ весь нравственный порядокъ, заблужденій. Въ такомъ дѣлѣ, какъ нравственность, ложныя понятія—большая бѣда, страшная бѣда; но и недальновидныя, близорукія понятія — тоже великая бѣда; а упрямое противоборство между тѣми и другими понятіями только усиливало бы эти бѣды, по чрезвычайной трудности и почти невозможности разбирать путаницу взаимныхъ недоразумѣній и упрековъ между держащимися понятій близорукихъ и прямо-ложныхъ. По моему мнѣнію, г. Чернышевскій своимъ романомъ «что дѣлать» дастъ нѣсколько распутать эту бѣдственную путаницу въ нашихъ понятіяхъ.

Изъ романа г. Чернышевскаго видно, что и эгоистическіе расчеты могутъ быть различнаго рода. Марья Алексѣевна и Лопуховъ, кажется, такъ вѣрно и между собою согласно слѣдуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ простому расчету; они оба поступаютъ такъ, какъ находятъ выгоднѣе и пріятнѣе для себя. Но, дѣйствительно, какъ-то неловко Марьѣ Алексѣевнѣ быть на одной доскѣ съ Лопуховымъ. Марья Алексѣевна и сама знаетъ, что она злая; поступая во всемъ по расчету для себя и для своей семьи, она безпощадно дѣластъ жертвами своего расчета всѣхъ, кого можно, начиная съ своей же семьи. Житейскій интересъ—это такое божество для Марьи Алексѣевны, которому она служитъ всею душею и жертвуетъ всѣмъ; поступать иначе могутъ, по ея убѣжденію, только глупцы. Лопуховъ тоже ищетъ только выгоднаго и пріятнаго для себя, но находитъ выгоднымъ и пріятнымъ для себя, изволите видѣть—что̀,—жертвовать даже самимъ собою для любимыхъ; да притомъ еще такъ мало зазнается своимъ самопожертвованіемъ, что для него самое это понятіе «жертвы» значитъ не болѣе, какъ «сапоги въ смятку», и онъ не шутя обидится, если бы приписали ему самопожертвованіе. Даже въ такомъ случаѣ, когда по совѣсти Лопуховъ не въ состояніи объяснить

свой поступокъ своекорыстіемъ, онъ всё же назоветъ свой самоотверженный поступокъ «благороднымъ расчетомъ». И, сверхъ всего этого, этотъ своекорыстный эгоистъ— Лопуховъ относится и къ Марьѣ Алексѣевнѣ отнюдь не съ осужденіемъ, хотя и не стушевываетъ для себя милыхъ ея поступковъ и не думаетъ выпрямливать этого пятидесяти-лѣтняго дерева. Итакъ, видно, возможенъ и бываетъ у нѣкоторыхъ людей и такой странный эгоизмъ, или такой удивительно своекорыстный расчетъ, чтобы быть и поступать, какъ именно слѣдуетъ человѣку, хотя бы пришлось для этого пожертвовать собою; поступать иначе, быть инаковымъ — для нихъ, изволите видѣть, нѣтъ ужъ расчета, нѣтъ никакого интереса и собственнаго удовольствія (*). Ну, конечно, съ такимъ эгоистическимъ расчетомъ можно и не отказываться отъ добродѣтели и нравственности. Не правдали? Нужды нѣтъ, если подобные люди, дѣйствительно, съ ловкимъ расчетомъ, тактомъ и умѣньемъ ведутъ и всѣ свои дѣла, до финансовой статьи включительно. — Само собою разумѣется, что Лопухова и подобныхъ ему я беру только въ отношеніи къ эгоистическому расчету, ни мало не касаясь другихъ ихъ сторонъ: они, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ страшно ошибаться въ разныхъ отношеніяхъ.

Вотъ, напр., этотъ-же Лопуховъ не только самъ думаетъ, но и убѣдилъ Вѣру Павловну думать, что человѣкъ дѣйствуетъ совсѣмъ не по свободной волѣ, а уступая такимъ или другимъ побужденіямъ и поводамъ. Въ извѣстномъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ человѣкъ поступаетъ, изволите видѣть, такъ, что иначе и поступить нельзя въ его внутреннемъ состояніи, въ его внѣшнихъ обстоятельствахъ и средѣ;—какая тутъ свободная воля? — Вѣра Павловна, помните, возразила было, что такъ или иначе двинуть и положить руку она властна по своей свободѣ и дѣлаетъ это безъ малѣйшихъ поводовъ и побужденій; но оказалось, что и рука двигается, въ подобныхъ слу-

(*) Такъ-то въ теоріи, отвлеченной отъ жизни, можно всю нравственность обосновывать на эгоизмѣ и расчетѣ. Но въ приложеніи этой теоріи къ жизни, начало эгоизма и расчета у благороднаго человѣка обращается уже въ начало нравственной добропорядочности, готовой на самопожертвованіе.

чаяхъ, все уже по силѣ побужденій болѣе выгоднаго напр. положенія, хотя бы эти побужденія и не были сознаваемы во время движенія руки. Отрицать такимъ образомъ свободную волю — это, конечно, заблужденіе и ошибка....

Но посмотримъ и здѣсь дѣло ближе и внимательнѣе.

Когда, въ изслѣдованіяхъ о свободной волѣ, одни думали бы защитить эту свободную волю отъ отрицанія безсознательными движеніями руки, независящими, по видимому, ни отъ какихъ поводовъ, а другіе оспориваютъ свободную волю объясненіями, что и эти произвольныя движенія руки зависятъ отъ побужденій, хотя бы и безсознательныхъ: то подумайте, о какой именно свободной волѣ тутъ разсуждаютъ. Тутъ идетъ рѣчь ни болѣе ни менѣе, какъ о дѣйствіяхъ и силѣ произвола, совершенно пустаго или дѣйствующаго не только безъ всякой раціональной причины, но и даже безъ инстинктивнаго побужденія. *Такой* свободной воли, состоящей въ неразумномъ и вовсе безпричинномъ броженіи, конечно, нѣтъ и быть не можетъ у здраворазумнаго человѣка; да и въ умаленномъ произвольныя его движенія все же должны зависѣть отъ какихъ либо темныхъ побужденій, а не бываютъ вовсе безъ причины. Совсѣмъ иное дѣло—истинная свободная воля человѣка; совсѣмъ иной вопросъ, есть или нѣтъ въ духѣ человѣческомъ (дѣйствующемъ не иначе какъ по такимъ или другимъ побужденіямъ) есть или нѣтъ, именно *самоопредѣленіе или самоуправленіе* въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ рѣшеніи этого вопроса надо опираться не на разборѣ какого нибудь произвольнаго движенія руки, производимаго часто безсознательно, ни даже на свидѣтельствѣ сознанія, которому конечно, не принадлежитъ непогрѣшимость, но на порядкѣ дѣйствія всѣхъ нравственныхъ силъ. Нравственная дѣятельность невозможна безъ мысли. Мысль человѣка, кажется, совсѣмъ связана своимъ внутреннимъ законодательствомъ и порядкомъ, изъ двухъ, напримѣръ, посылокъ она поневолѣ должна выводить слѣдующее изъ нихъ заключеніе. Но отнимите самоуправленіе или (по другому выраженію) «владычественность» у мыслящаго разума, — и мысль въ своей живой дѣйственности будетъ подавлена, умретъ.

Нравственныя дѣйствія одушевляются сердечными влеченіями. Попробуйте же посягнуть на самоуправленіе сердца; потребуйте отъ сердечныхъ вчеченій не того, чего хочетъ само сердце, вмѣсто того, чтобы расположить это сердце такъ, чтобы оно само свободно захотѣло угоднаго вамъ: принужденіями своими вы задавите и убьете всю жизнь сердца. Потому-то духъ человѣческій всею своею энергіею и глубиною возстаетъ противъ насилія и посягательства на нравственную его независимость и самоуправленіе, хотя чрезъ это самое самоуправленіе онъ становится строжайше отвѣтственнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Главное независимость! Жить, какъ хочу, дѣлать, что хочу,» говоритъ съ энтузіазмомъ Вѣра Павловна, очень легко однако убѣждающаяся въ томъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ мы слѣдуемъ непремѣнно какимъ либо побужденіямъ и что человѣку не дано пустой безсмысленной произвольности. И Лопуховъ радъ слышать такія рѣчи отъ Вѣры Павловны, хотя самъ же отрицалъ въ человѣкѣ силу «дѣлать, что хочу» независимо отъ поводовъ и побужденій.

Да, друзья мои! Стремленіе нашего духа къ тому, чтобы не терпѣть со внѣ нравственныхъ насилій и принужденій, и есть не что иное, какъ именно то, что внѣдренное въ самой духовной природѣ нашей самоуправленіе и самоопредѣленіе въ дѣйствіяхъ, возлагающее отвѣтственность за эти дѣйствія на насъ самихъ, а не на что либо внѣ насъ,—стремится и во внѣ раскрыть и выдержать эту свою нравственную независимость. Основаніе этого стремленія есть сама правда: если я *самъ* отвѣчаю за свое дѣло, то пусть и не будетъ мнѣ со внѣ нравственныхъ насилій и принужденій. Но эта независимость или свобода совсѣмъ не то, что безправильный, или ничѣмъ разумно-послѣдовательнымъ неуправляемый, произволъ. Напротивъ человѣкъ, съ своимъ самоуправленіемъ, неизбѣжно слѣдуетъ въ своихъ дѣйствіяхъ такимъ или другимъ внутреннимъ побужденіямъ,—хорошимъ и благороднымъ, если онъ самъ по себѣ человѣкъ порядочный, или низкимъ и пошлымъ, если онъ самъ негодяй. Опредѣляя самъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ, человѣкъ опять неизбѣжно же дѣйствуетъ не иначе, какъ по та-

кимъ или другимъ внѣшнимъ поводамъ,—дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ человѣку, если онъ, дѣйствительно, *настоящій* человѣкъ, или дѣйствуетъ какъ звѣрь, если онъ точно таковъ самъ по себѣ. Разумѣется, то и другое бываетъ въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ самъ по себѣ таковъ или не таковъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку. Все это наглядно раскрыто въ самомъ началѣ романа «что дѣлать», именно въ этихъ личностяхъ—Марьи Алексѣевны и другихъ подобныхъ съ одной стороны, Лопухова или Вѣры Павловны съ другой.

Такъ-то просто распутывается здѣсь путаница понятій, грозящихъ непримиримымъ, повидимому, раздѣленіемъ мыслящихъ и практическихъ людей,—понятій, изъ которыхъ одни, повидимому, совсѣмъ противорѣчатъ нравственному порядку, а другія сопровождаются всепоядающею ревностію безъ разбора дѣла. Бокль, отрицающій *свободную волю* (въ смыслѣ пустаго, независимаго отъ поводовъ, произвола) ради научнаго интереса—оградить отъ возраженій идею о «точныхъ законахъ» въ исторіи, признается, что, если кто допускалъ бы и свободную волю, только «управляемую сознательными или безсознательными побужденіями», такая мысль «не противорѣчитъ взглядамъ» его—Бокля (см. истор. цивилизаціи, въ Англіи. том. I част. I стр. 13 въ примѣчаніи). Тѣмъ охотнѣе и резоннѣе мы можемъ соглашаться съ мыслію о томъ, что дѣйствія человѣческія находятся въ непремѣнной зависимости отъ побужденій и поводовъ, что и по самымъ поводамъ поступаетъ человѣкъ такъ или иначе, судя именно потому, каковъ самъ человѣкъ; что и внутреннія его побужденія опредѣляются внутреннимъ состояніемъ самаго человѣка, образующимся подъ неотразимымъ вліяніемъ и внѣшней его среды. Таковъ вѣдь и есть порядокъ нравственнаго самоопредѣленія и самоуправленія въ человѣкѣ. Такъ въ благоустроенномъ государствѣ, подъ самодержавнымъ управленіемъ все идетъ по разумнымъ законамъ правды и предусмотрительности, раскрывающихся по требованію обстоятельствъ; пустому произволу нѣтъ мѣста или права ни въ чемъ и ни въ комъ; но государство, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ и развиваетъ свое независимое самоуправленіе, дѣлающее его от-

вѣтственнымъ за всѣ его дѣйствія и распоряженія, и въ этомъ государствѣ можетъ быть самое неограниченное самодержавіе. Такъ неприкосновенно и внутреннее самоуправленіе и самодержавіе данной человѣку свободной воли! Самыя нравственныя насилія и принужденія внѣшнія на столько имѣютъ силы надъ самымъ слабымъ человѣкомъ, на сколько онъ самъ добровольно имъ уступаетъ. Но мысль о строгомъ, разумно-послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ дѣйствуетъ наша свободная воля, важна и безцѣнна для насъ особенно въ томъ отношеніи, что она служитъ прямымъ обличеніемъ неправоты одного нехорошаго нравственнаго направленія, которое у многихъ въ силѣ. Это есть направленіе надмѣннаго нравственнаго самооправданія, или, сказать тоже иначе, направленіе похвальбы заслугою своихъ дѣлъ. Положимъ, у тебя (говорю я придерживающемуся подобнаго направленія) дѣла прекрасныя. Но вникни въ процедуру своихъ добрыхъ дѣлъ, сколько можно, до самаго ихъ основанія. Ты дѣлалъ такое или другое прекрасное дѣло потому, что слѣдовалъ возникшимъ въ тебѣ прекраснымъ побужденіямъ, а прекрасныя побужденія возникли въ тебѣ въ слѣдствіе того, что Богъ тебѣ далъ быть еще порядочнымъ человѣкомъ, и ты по этому своему внутреннему состоянію не могъ поддаться пошлымъ и низкимъ побужденіямъ; а внутреннее твое состояніе условливалось во многомъ опять совсѣмъ независящими отъ тебя самаго обстоятельствами—напр. воспитаніемъ, встрѣчами съ добровліятельными людьми, и проч. подобнымъ. Разбери-ко все это; глядишь—и придется тебѣ нравственно идти за Апостоломъ Павломъ, сказавшимъ эти Божественныя слова: «Я больше всѣхъ ихъ (другихъ Апостоловъ) *потрудился, но не я*, а благодать Божія, которая со мной»; хотя бы ты еще не выяснилъ себѣ, что поступающій такъ, какъ слѣдуетъ человѣку, и есть именно такой человѣкъ, который благодатно живится Духомъ Божіимъ, движущимъ его и внутренними прекрасными побужденіями и внѣшними поводами къ прекрасному и доброму. Положимъ, съ другой стороны, что ты запутался въ худыхъ и мерзкихъ дѣлахъ и однако желалъ бы освободиться отъ этихъ желѣзныхъ путъ. Не мечтай достигнуть этого

самъ собою или своей свободной волею; самъ себя не сломишь, или, пожалуй, сломишь, но не выпрямишь. Дѣло въ томъ, что ты и захотѣлъ бы своею волею шагнуть отъ прежнихъ мерзкихъ дѣлъ къ порядочной, достойной жизни,—но изъ твоего внутренняго мерзкаго состоянія возникаютъ сами собою мерзостныя побужденія и увлекаютъ тебя, дѣлая и изъ внѣшнихъ твоихъ обстоятельствъ только почти одни поводы къ привычнымъ порокамъ. Такъ или иначе придется и тебѣ проходить этотъ тяжелый опытъ, который описалъ также Ап. Павелъ: «самъ не понимаю, что̀ дѣлаю; потому что *не то дѣлаю, что хочу*, а дѣлаю, что̀ ненавижу... Уже *не я* то дѣлаю, а живущій во мнѣ грѣхъ... Несчастный я человѣкъ!» Да; спасеніе твое ужъ не въ собственной твоей свободной волѣ, не въ дѣлахъ твоихъ, а въ благодати Божіей, которая передѣлала бы совсѣмъ твое внутреннее состояніе, которую тебѣ и надо повѣрнѣе узнать и серьезно принять и твердо, дѣятельно держать.

Вы, добрые мои, можетъ быть—улыбаетесь на эту послѣднюю мою рѣчь; можетъ быть—говорите или думаете: какое же отношеніе всего этого разсужденія къ роману г. Чернышевскаго?—Но вспомните, други мои, что мыслящій о неуклонно-строгомъ порядкѣ нашихъ нравственныхъ дѣйствій Лопуховъ, дѣйствительно, далекъ чрезъ это отъ всякой похвальбы заслугою своихъ дѣлъ. Это, говоритъ, не болѣе, какъ благородный расчетъ—рѣшаться и на страшное самопожертвованіе для другихъ. Также, съ другой стороны, и Марья Алексѣевна, сама понимающая гадость своихъ дѣлъ и недовольная ими, какъ она навеселѣ однажды проговорилась въ этомъ передъ дочерью, по свойственному ей инстинктивному такту основательности смутно какъ будто понимаетъ, что собственныя ея усилія ломать себя были бы напрасны, пока не настигнетъ ее развѣ сама благодать своими чудными путями... Это, въ сущности или по духу, тоже, что и выше сказано мною.

Но разсмотрѣнныя нами нравственныя воззрѣнія составляютъ только грунтъ этой картины: «что дѣлать». Изъ нихъ нельзя выяснить самаго такого названія романа. Чтобы объяснить это названіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ, идею или задачу романа г. Черны-

шевскаго, надо обратить вниманіе на то, какое зрѣлище изъ дѣйствительности представляется романисту, съ нравственными его воззрѣніями. Романистъ прежде всего видитъ, что наибольшая часть людей водится расчетомъ собственнаго интереса или удовольствія, только далеко не тѣмъ благороднымъ расчетомъ, чтобы быть или дѣйствовать, какъ слѣдуетъ человѣку. Интересъ лишней копѣйки у людей основательныхъ, удовольствіе тонкаго (а иногда и грубаго, только скрытнаго) разврата у легкомысленной молодежи, удовлетвореніе или даже только легкое щекотаніе пустаго тщеславія почти у всѣхъ—вотъ коньки, на которыхъ катаются люди, считаемые другими и сами себя считающіе за людей по праву пользующихся уваженіемъ своего общества или кружка. Безсмысленность, пошлость, низость, безсовѣстное попраніе правъ другаго — составляютъ всегдашнюю свиту подобныхъ людей; только, разумѣется, все это закрыто отъ чужихъ и даже своихъ глазъ приличіемъ или строгою, рабскою вѣрностію принятымъ условіямъ общества или кружка. Внѣшнія обстоятельства представляютъ только поводы и побужденія къ тому, чтобы эти люди неизбѣжно проявляли себя во внѣ такими, каковы они сами по себѣ. Выпрямлять эти рослыя, кривыя деревья было бы напраснымъ усиліемъ. Но подобные люди составляютъ большинство, и притомъ они вовсе не принадлежатъ къ ряду тѣхъ, которые такъ ужъ и признаютъ себя сами и признаются другими чѣмъ-то въ родѣ бывшихъ въ іудейскомъ обществѣ мытарей и блудницъ. Отъ людей послѣдняго рода всѣ отворачиваются, и этимъ парализуютъ вредное ихъ вліяніе на общество. Но что дѣлать, когда связанные по рукамъ и ногамъ узники принятыхъ условій жизни, рабы лишней копѣйки, пустаго тщеславія, необузданнаго сластолюбія воображаютъ себя и признаются другими за людей порядочныхъ? Что дѣлать, когда въ среду подобныхъ людей, скованныхъ рабскимъ духомъ съ двухъ сторонъ — со стороны безсмысленно и лицемѣрно содержимыхъ ими общихъ условій жизни, и еще со стороны гадкихъ побужденій собственнаго ихъ внутренняго состоянія, попадется что либо живое, свободное, честное, хотя и крайне незрѣлое, едва только зникающее къ

жизни и проявляющее себя въ однихъ инстинктивныхъ протестахъ противъ окружающей его нравственной тиранніи? Пристрастіе къ копѣйкѣ будетъ торговать этимъ живымъ и свободнымъ, какъ Марья Алексѣевна, своей Вѣрочкой, тщеславіе будетъ топтать его въ грязь, какъ Анна Петровна туже Вѣрочку, а развратъ станетъ стараться сдѣлать изъ этого живаго и молодаго игрушку для себя, какъ сынокъ Анны Петровны изъ тойже Вѣры Павловны; и все это шито, да крыто подъ общепринятыми условіями, такъ что протесты этого живаго и честнаго, но слишкомъ молодаго, или заглохнутъ въ стѣсненномъ его сердцѣ, или обратятся въ глазахъ другихъ въ осужденіе и укоръ самому же забиваемому *живому*. Что тутъ дѣлать? Что дѣлать, когда подобное, въ разныхъ только видахъ, можно примѣтить во всякихъ средахъ общественныхъ? Вѣдь, Вѣру Павловну въ материнскихъ когтяхъ Марьи Алексѣевны, подъ гнетущими вліяніями Анны Петровны и обольщеніями ея сынка, можно найти подъ разными формами всюду. Много, много живаго или могущаго быть живымъ глохнетъ, томится и замираетъ въ разныхъ нравственныхъ погребахъ нашей жизни. Что же дѣлать для освобожденія жизни изъ заключенія въ этихъ погребахъ?

Этотъ чрезвычайно важный вопросъ въ романѣ «что дѣлать» разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Если пятидесятилѣтняго каряваго дерева не выпрямишь, то испорченное въ насъ на смерть и пусть ужъ постепенно умираетъ: надо спасать въ насъ то, въ чемъ еще есть жизнь или надежда жизни въ будущемъ. Какъ спасать? Если живое или могущее быть живымъ, но заключенное въ какомъ либо мертвящемъ нравственномъ погребѣ, неминуемо должно замереть въ средѣ этого погреба; то надо, во чтобы то ни стало, изводить живое изъ могилы, гдѣ оно заживо погребается. Пусть люди, держащіеся того благороднаго разсчета, чтобы во всемъ быть и дѣйствовать какъ слѣдуетъ человѣку, готовы будутъ на все,—только пусть отъ всего сердца протянутъ руку забиваемому живому. Пусть—съ Лопуховымъ найдутъ для себя интересъ и удовольствіе испортить или бросить всю свою карьеру, чтобы только не дать

заглохнуть въ какомъ либо нравственномъ погребѣ свѣжему и живому, только еще слишкомъ незрѣлому существу или принадлежащему многимъ существамъ направленію. Пусть они соединятъ свою судьбу съ этимъ направленіемъ, пускаясь для того на всякую опасность, и въ тоже время, пусть не менѣе Лопухова такъ будутъ настроены, чтобы отнюдь не видѣть въ своемъ дѣлѣ какой либо жертвы: допущенная ими мысль о тяжести и важности ихъ жертвы испортитъ все ихъ дѣло, а потому пусть гонятъ они отъ себя эту мысль, какъ явную нелѣпость, какъ что-то въ родѣ «сапоговъ въ смятку». Вотъ что нужно дѣлать для освобожденія свѣжей жизни, составляющей надежду лучшаго для всѣхъ насъ, изъ разныхъ нравственныхъ погребовъ! Такъ именно поступилъ Лопуховъ, женитьбою на Вѣрѣ Павловнѣ испортившій свою ученую карьеру, за то успѣвшій вывести изъ погреба это благородное, по инстинкту чуждающееся низкаго нравственно рабскаго духа, созданіе и дать ему почувствовать призваніе содѣйствовать освобожденію и другихъ изъ ихъ духовныхъ погребовъ.

Но это только одна изъ сторонъ идеи романа: «что дѣлать». Романистъ на столько знаетъ дѣйствительность, что начатки или залоги свѣжей, новой жизни видитъ въ крайней опасности умереть не только отъ окружающей его нравственной тиранніи, но и отъ собственныхъ обольщеній и обмановъ. Какое обыкновенное въ наше время явленіе, что мысль живая, свѣтлая, любознательная, душа благородно-свободная покланяются какому нибудь презрѣнному кумиру, увлекаются, до самопроизвольной слѣпоты какимъ либо фальшивымъ началомъ, вся сила котораго для обольщаемыхъ часто состоитъ только въ одномъ—въ порицаніи или отрицаніи этого ложнаго начала такими или другими авторитетами, разумно напрочемъ убѣжденными въ его пустотѣ и лживости. Весьма представительна въ этомъ отношеніи личность Екатерины Васильевны Полозовой, увлекшейся до смертельной для себя опасности недостойнымъ человѣкомъ только изъ-за того, что отецъ ея не хотѣлъ принимать въ свой домъ этого негодяя. Что же дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Запрещать увлеченной призракомъ живой душѣ,

связывать и поражать обманутую мысль одними осужденіями идола ея значило бы только убить эту живую душу, закрѣпить эту свѣжую и благородную мысль въ ея плѣну; потому что она и увлеклась своимъ идоломъ, главнымъ образомъ, въ слѣдствіе запретительныхъ мѣръ. Бѣда усиливается до страшныхъ размѣровъ, если тѣ, отъ кого зависитъ руководить и наблюдать молодую мысль, направлять свѣжую любознательную душу, не только по своей правдивости, но и по самой заботливой о своемъ дорогомъ дитяти любви скорѣе согласятся на его смерть, чѣмъ даже только наружно снизойдутъ къ его увлеченью негоднымъ и губительнымъ призракомъ. Таковъ именно старикъ Полозовъ. Повидимому, исходъ подобнаго столкновенія между священнымъ и въ данномъ случаѣ вполнѣ правымъ авторитетомъ «отцевъ» и увлекающеюся обманчивыми призраками мыслью и душею «дѣтей» возможенъ только одинъ, истинно трагическій: послѣднія замрутъ, погибнутъ жертвою впрочемъ не своенравной рутины отцевъ, но, увы, самой ихъ заботливости и любви. Итакъ что дѣлать, чтобы помочь этой нашей бѣдѣ?

Въ романѣ «что дѣлать» этотъ вопросъ рѣшается вотъ какъ. Надо, во чтобы то ни стало, живой душѣ съ ея свѣжею увлекающеюся мыслью дать свободно отнестись къ ея идолу: она сама увидитъ его пустоту и ложь, и тогда безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій сброситъ бездушнаго идола съ его пьедестала. Пусть свободная любознательная мысль сама испытаетъ, что это за начала, ее отуманивающія и ослѣпляющія; и тогда одной ея простой добросовѣстности и искренности достаточно будетъ, чтобы не только не стоять за лживое начало, но и самой вооружиться противъ обольстительной его призрачности. Вѣдь бываютъ разные возрасты у человѣка и у человѣчества. Если теперь такой ужъ возрастъ для человѣчества, что оно неотступно требуетъ отчетливости и самостоятельности; то было бы неразумнымъ упрямствомъ водить на помочахъ того, кто ужъ имѣетъ живую потребность и воспріимчивость къ ходьбѣ безъ помочей. Екатерина Васильевна погибла бы, и, что особенно важно, погибла бы тихо безъ всякихъ жалобъ и проте-

стовъ, если бы отецъ ея рѣшительно заупрямился снять съ дочери свою строгую опеку относительно ея выбора или замужества. Поэтому и въ томъ случаѣ, когда подобное упрямство поддерживалось бы не просто рутиною и мраколюбіемъ, которымъ не жалко человѣка, хотя бы и сына или дочь родную, но самою заботливою отеческою любовію, нехотящею отдать своего дѣтища губительному началу —и въ такомъ случаѣ надо во что бы то ни стало такъ ухитриться и извернуться, даже рѣшаясь идти самъ или отдавать другаго на смертельную опасность, чтобы заботливая любовь, по крайней мѣрѣ, изъ-за этой опасности сняла свою строгую запретительную опеку съ любознательной и свободолюбивой мысли или вообще души и дала ей самой прямо и самостоятельно взглянуть на своихъ идоловъ.... Такъ именно поступилъ Александръ Матвѣевичъ Кирсановъ для того, чтобы навести упрямаго Полозова на спасительную рѣшимость дать своей дочери Екатеринѣ Васильевнѣ полную свободу выходить замужъ за презрѣннаго негодяя, котораго вскорѣ она сама разглядѣла и прогнала къ несказанному утѣшенію любящаго ее старика отца и къ собственному своему счастію.

Такъ, и дѣйствительно, чрезъ человѣколюбивую до самоотверженія вѣру только бы удержать искреннее, благородное живое направленіе юной мысли и воли подъ осѣненіемъ Всевышнеотеческой любви: такая мысль и воля рано или поздо сами отвернутся отъ своихъ губительныхъ призраковъ и идоловъ, самостоятельно дознавъ ихъ фальшивость. Но мѣры исключительно запрещенія и внѣшняго спѣсненія противъ заблуждающей даже мысли и воли стануть только, пожалуй, поддерживать и возбуждать упорство въ заблужденіи, а то, и безъ упорства, благородная мысль замретъ въ уныломъ томленіи.

Но въ романѣ «что дѣлать» затрогиваются и другія еще стороны современныхъ нашихъ затрудненій, стороны, относящіяся къ внутреннимъ и особенно глубокимъ условіямъ нашей жизни. Чтобы меня не перетолковали, выведу дѣло изъ сферы жизни извѣстныхъ личностей (*) въ чисто-духовную область разныхъ

(*) Изъ такъ называемой на философскомъ языкѣ *конкретной* сферы.

направленій и стремленій, сталкивающихся и сходящихся или расходящихся между собою въ жизни (*). Скажу другими словами: буду говорить собственно не о бракахъ Вѣры Павловны съ Лопуховымъ или Кирсановымъ, а постараюсь уследить выразившіяся въ этихъ обстоятельствахъ стремленія и направленія духовныя, приходящія во взаимное столкновеніе и взаимнодѣйствіе въ дѣйствительной жизни.

Наблюдающему за движеніемъ у насъ идей и направленій не трудно примѣтить, что и порядочныя направленія иногда задерживаютъ и путаютъ человѣка или по несообразности своей съ его духовными потребностями, или по вліянію другихъ направленій, парализующему его дѣятельность. Такъ человѣкъ, честный и строгій, неуживающійся съ фальшей, находящій выгодный для себя расчетъ не остановиться ни предъ какимъ самопожертвованіемъ во благо любимыхъ, связывается внутренно съ особенно свободолюбивымъ и притомъ крутымъ духомъ, а ему сродне и нужне было бы умягчаться и умиряться подъ тихими вліяніями отчетливой, знающей себѣ мѣру и кроткой мысли; потому что въ противномъ случаѣ твердое и благородное направленіе находится у него въ опасности перейти въ жосткое упрямство своеволія и погрузиться въ тяжелое самодовольство. Авторъ романа «что дѣлать», кажется, знаетъ это по опытамъ. Съ другой стороны, человѣкъ гуманный, общительный, любознательный сиротствуетъ иногда въ нравственномъ, неестественномъ ему, одиночествѣ, тщетно ища себѣ соотвѣтствія и сочувствія въ людяхъ, которымъ онъ готовъ бы посвятить всего себя, и потому онъ находится въ опасности утратить истинную, здоровую энергію и сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ забитаго чернорабочаго: а несочувствіе и несоотвѣтствіе ему происходитъ именно отъ жосткаго упрямства и самодовольства, въ которое впадаютъ люди твердые, задающіе тонъ большинству слабыхъ или легкихъ въ обществѣ. Такъ и лучшіе люди, съ задатками новой жизни, попадаютъ въ рядъ худшихъ людей, или просто пропадаютъ отъ того, что одни изъ нихъ

(*) Въ общую и отвлеченную область идей.

отдаются несродному имъ, задерживающему и очерствляющему ихъ, направленію; а другіе, въ слѣдствіе жосткости и вліянія первыхъ, остаются безъ всякой внимательности и сочувствія къ себѣ общества и погибаютъ подъ гнетомъ нравственнаго одиночества (*). Что теперь дѣлать въ такихъ бѣдахъ или запутанностяхъ, происходящихъ отъ столкновенія и взаимнодѣйствія нашихъ направленій? Улучшать, измѣнять эти направленія? Легко сказать! Вѣдь принять то или другое направленіе значитъ для нашего духа тоже, что́ напр. вступить въ брачный союзъ съ такою или инаковою личностію. Апостолъ Павелъ именно къ брачному союзу приравниваетъ принятіе направленія іудейскаго, подзаконнаго, или благодатнаго, Христова. Пока живо для тебя то или другое направленіе, тебя нельзя и развести съ нимъ никакими способами; можно, пожалуй, ввести тебя только въ непримиримое, мучительное и разрушительное для духа, противорѣчіе и бореніе между двумя несовмѣстными направленіями, такъ что ты будешь то невольно слѣдовать привычному для тебя направленію, то рваться къ новому, лучшему для тебя, направленію. Твое положеніе будетъ хуже противорѣчиваго себѣ положенія Вѣрочки, когда она отстала отъ мужа и отдалась другому, сознавая однако и чувствуя неизбѣжную свою зависимость отъ доброй воли мужа. Что же тебѣ дѣлать, когда ты увидишь, какъ дисгармонично, не сродно съ благоустройствомъ твоего духа и вредно для другихъ принятое тобою направленіе, и какъ, однако, крѣпко оно срослось съ тобою? Дѣлать больше нечего, какъ, во что бы то ни стало, умереть тебѣ для твоего привычнаго направленія; тогда только ты съ нимъ развяжешься. Нужно тебѣ, если тебѣ дѣйствительно дорого благо твое и благо зависящихъ отъ тебя, смертельнымъ подвигомъ поворотить свой духъ съ худшей для него дороги на другую лучшую. Лопуховъ могъ освободиться отъ союза съ

(*) Самымъ наглядным примѣромъ этого служитъ Гоголь. Когда онъ высказался, какихъ началъ онъ держится; то и Восточники и Западники, одинаково упрямые и самодовольные, отъ него отвернулись съ самою неделикатною жосткостью. И Гоголь, лишенный соотвѣтствія общества къ своимъ стремленіямъ, былъ подавленъ тяжестью своего нравственнаго одиночества.

разъединившеюся уже съ нимъ Вѣрой Павловной только несомнѣнною для закона смертію своею; и Вѣра Павловна освободилась отъ своего мужа только чрезъ засвидѣтельствованную закономъ смерть его, чтобы ужъ безъ всякаго стѣсненія или съ полною независимостію, необходимою въ подобныхъ отношеніяхъ, выйдти за другаго мужа...

«Стой, стой,—слышатся мнѣ при этомъ такіе вопли,—вѣдь это значитъ оправдывать ту антихристіанскую, безнравственную штуку, что женщина, при живомъ мужѣ, выходитъ за-мужъ—за другаго и мужчина, при живой женѣ, женится на другой женщинѣ. Чернышевскому можно салфеткою зажимать ротъ своему читателю, но только въ своемъ романѣ; а всё же дѣло очевидно, что Вѣра Павловна, на самомъ-то дѣлѣ, вышла за другаго мужа, при жизни перваго мужа, а послѣдній женился на другой женѣ, при жизни первой жены».—Вотъ что я отвѣчу на подобное возраженіе: общая мысль или правило можетъ быть строгою истиною, но примѣненіе этого общаго правила или общей мысли къ частному случаю, сдѣланное безъ всякаго вниманія къ особымъ условіямъ этого даннаго случая, будетъ фальшиво; общее правило однако не потеряетъ своей истинности чрезъ фальшивое его примѣненіе. У автора романа «что дѣлать» предносилась въ умѣ общая истинная мысль, что не развяжешься съ мужемъ или женою, также какъ съ вошедшимъ въ твою жизнь извѣстнымъ ея началомъ и направленіемъ, пока не перестанетъ жить для тебя это направленіе и начало, мужъ или жена, или пока ты самъ не умрешь. Чтоже касается самаго брака отъ живаго мужа или жены съ другимъ мужемъ или женою, г. Чернышевскій, повидимому очень и очень мирволющій подобному браку, представляетъ очень важное психологическое доказательство беззаконности или ненормальности этого брака. Чернышевскій беретъ особенно благопріятный для подобнаго супружескаго союза случай, именно такой случай, когда мужъ и съ своей стороны соглашался бы на связь своей жены съ другимъ сторонним лицемъ; но и въ такомъ случаѣ, по психологическому анализу г. Чернышевскаго, оказывается неестественнымъ и противорѣчущимъ духу

нравственной самостоятельности женщины, чтобы, въ своемъ сожительствѣ съ стороннимъ лицемъ, быть ей въ зависимости отъ доброй воли или дозволенія своего мужа. Вѣра Павловна у г. Чернышевскаго хорошо это высказала. Да! Какъ человѣкъ не хитри оправдать или дозволить разлученіе того, что Богомъ соединено: съ ложью подобныхъ ухищреній всё же не согласится самый духъ человѣческій въ своихъ внутреннихъ и завѣтныхъ глубинахъ. И потому Лопуховъ, дѣйствительно, правъ въ томъ отношеніи, что вѣрнымъ и прямымъ средствомъ къ освобожденію отъ себя своей жены призналъ одно—смерть свою. Но сколько, замѣтимъ, въ исполненіи этого или въ примѣненіи къ дѣлу допущено ужасныхъ фальшей, я этого не касаюсь, слѣдовательно и не оправдываю.

Непреложно и благо слово Законодателя благодати: «кто разведется съ своею женою *не за прелюбодѣяніе*, тотъ заставляетъ ее прелюбодѣйствовать, и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ». (Матѳ. V, 32). Только надо разумѣть и примѣнять этотъ законъ благодати именно въ смыслѣ самаго Законодателя, чтобы отъ дѣйствія этого закона, несогласнаго съ мыслію человѣколюбиваго Законодателя, люди не доходили до ужасныхъ крайностей. А по мысли Законодателя подъ понятіе *прелюбодѣянія* (составляющаго единственное условіе для развода) подходятъ даже взгляды, *воззрѣнія на жену ко еже вожделѣти ея* (Матѳ. V, 28), слѣдовательно, тѣмъ болѣе, упорныя симпатіи къ стороннимъ и антипатіи къ своему мужу или женѣ... Романъ г. Чернышевскаго даетъ поводъ къ серьезнымъ думамъ по этому предмету. Или романъ—выдумка, сказка, «побрякушка», которая предъ серьезными дѣятелями общества не стоитъ и вниманія? Но мнѣ и не изъ романа, а изъ самой жизни извѣстны одна благородная душею женщина, которая готова взвалить на себя предъ всѣмъ свѣтомъ всякую грубую и тяжелую вину *словесе любодѣйнаго*, чтобы только освободиться отъ нетерпимаго мужа, обращающаго жизнь ея въ адъ, и еще одинъ мужъ, который, до самой смерти явно развратной своей жены, не могъ отдѣлаться отъ нея изъ-за того одного, что она умѣла ловко устранять непосредственныхъ сви-

дѣтелей позорныхъ своихъ дѣлъ, хотя она составляла заразу для дѣтей и истощала все состояніе мужа. Что дѣлать въ такихъ случаяхъ? Это вопросъ слышанъ, повторяю, изъ самой жизни, а не просто изъ романа г. Чернышевскаго «что дѣлать». Впрочемъ мое дѣло *вывести*, отдѣлить лучшее въ романѣ отъ худшаго, *честное отъ недостойнаго*, отдѣлить такъ, чтобы лучшее, честное поставить на открытый видъ, а худшее, недостойное оставить собственной его пустотѣ и мертвости.

Вѣдь лучшее-то здѣсь (именно эта мысль, что для освобожденія себя отъ того, что вошло ужъ въ твою жизнь, надобно умереть или тому, что такъ сродпилось съ тобою, или тебѣ самому) имѣетъ безцѣнную важность для дѣла нашей мысли и жизни. Вотъ у насъ въ журналистикѣ есть два главныя направленія. По одному изъ этихъ направленій ужъ не держатся Христа, какъ единой всеобъемлющей и всевыясняющей истины, однако стойко любятъ истину и умѣютъ отстаивать тѣ или другія, дознанныя хотя бы только до наибольшей вѣроятности, стороны истины; и только бы подобные дѣятели мысли и слова были строго честны предъ истиною, не совсѣмъ еще чужда имъ Тотъ, Кто есть сама истина и единственный мужъ или женихъ человѣческой мысли и души. Но они чтутъ Его только—какъ *невѣдомаго* (Дѣян. XVII, 23). Имъ хорошо, что Онъ, свѣтящій всякому человѣку, грядущему въ міръ, держитъ и ихъ не столько во тьмѣ, сколько въ свѣтѣ, и они довольствуются этимъ. Но вѣдь остановиться на этомъ нельзя имъ; если они не пойдутъ отъ свѣта въ осязаемую тьму пренебреженія истиною, то надо же имъ отчетливѣе уразумѣть истину и рѣшительно упрочить за собою ея свѣтъ. Иначе не уживется съ ними живая, свободная воспріимчивость къ истинѣ; рано или поздо она оставитъ ихъ, если они не пойдутъ дальше по пути къ истинѣ, и найдетъ для себя другихъ болѣе сродныхъ себѣ дѣятелей. Такъ Лопухову хорошо было съ Вѣрой Павловной, и онъ былъ вѣренъ ей, но она, не найдя въ немъ полнаго удовлетворенія себѣ, наконецъ сама отвернулась отъ него своимъ сердцемъ, чтобы отдаться уже другому. Какъ ни тяжело было бы для подобныхъ дѣятелей мысли и слова,

но придется и, кажется, уже не пришлось ли имъ вступить въ подвигъ мысли—умирать для принятаго ими начала, пренебрегающаго прямымъ возрѣніемъ ко Христу. Имъ надо дойти до другаго начала, для нихъ нужна другая невѣста—мысль, уже прошедшая опасное искушеніе привязанностей къ призракамъ и идоламъ, сама по себѣ свободно распознающая ихъ пустоту и ложь, — и тогда именно будетъ «Пасха», какъ, съ привѣтами и радостію воскресенія, проговорила Вѣра Павловна, когда къ ней явилась, давно уже отвергнувшая своего идола, Екатерина Васильевна съ извѣстіемъ о своемъ избранномъ Американцѣ....

Что касается другаго изъ господствующаго направленій современной нашей журналистики,—отношеніе этого направленія ко Христу какъ-то двусмысленно. Дѣятели этого направленія благорасположены къ христіанству, но, по недостатку ли прямоты и честности предъ истиною, или по несовершенству пониманія христіанства, или по вниманью къ несозрѣвшему еще по этому предмету мнѣнью публики, не поднимаютъ знамени Христова, какъ знамени единой для всѣхъ и всего истины. У нихъ мысли какъ будто два мужа; кажется и не разберешь, съ которымъ изъ нихъ она болѣе живетъ, т. е. Господу ли и Спасителю нашему она болѣе служитъ или другому какому началу. Право, это стоитъ брака отъ живаго мужа или отъ живой жены съ другимъ мужемъ или женою. То правда, что между слѣпыми и кривой въ чести; благорасположеніе къ христіанству, хотя бы и неотрѣшившееся отъ разныхъ любимыхъ идоловъ, кажется ближе къ истинѣ, чѣмъ равнодушіе къ нему другихъ или даже отрицаніе. Но строго держась того воззрѣнія, что не годится служить двумъ господамъ и что, въ особенности, не годится имѣть двухъ мужей или женъ, мы не должны потакать подобному двоедушному направленію мысли и слова. Жюли съ своимъ Жоржемъ въ романѣ «что дѣлать», по моему убѣжденію, все же лучше выдерживаютъ супружескія отношенія (хотя они не супруги), нежели такіе супруги, которые, подъ прикрытіемъ своего супружескаго состоянія, безъ всякаго уже зазрѣнія совѣсти дозволяютъ себѣ

связываться «на сторонѣ» съ многими.... Въ области мысли и слова подобное явленіе столько же не нормально и безобразно.... Говорю противъ этого направленія съ особенною рѣзкостію единственно потому, что кажущаяся его благовидность, успокоивая и самихъ дѣятелей подобнаго направленія и располагая къ нимъ многихъ, именно и опутываетъ многія души ложью до такой степени, что и лучшіе люди не видятъ нужды выпутываться изъ этой лжи двоедушія. Да оно и кстати, чтобы, ревнующимъ о святынѣ брака противъ романа «что дѣлать», напомнить еще высшую святость нашего *сочетанія со Христомъ*, тоже нетерпящую оскорбленій и нарушеній двусмысленными нашими отношеніями ко Христу.

«Но вы, милостивый государь,—слышатся мнѣ еще возгласы съ другой стороны,—вы слишкомъ наклонны къ аллегоріи, которая отдаляетъ васъ отъ рѣчи о прямомъ содержаніи разсматриваемаго романа». — Подобнаго возраженія, милостивые государи, я не могу принять. Я вѣдь не то дѣлаю, чтобы приравнивать совершенно разныя вещи одну къ другой, идя по ихъ сходству въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Я, напротивъ, беру во вниманіе сущность данной вещи, основную мысль разсказываемаго въ романѣ факта;—и эта самая мысль—не сторонняя факту, а составляющая его сущность, выражающая его силу и законъ, оказывается въ своей отвлеченной общности чрезвычайно широкою, обнимающею и другіе факты, на сколько послѣдніе раскрываютъ въ себѣ такую же силу и совершаются по такому же закону. Это совсѣмъ не аллегорія, а, если угодно, углубленіе въ самый корень вещи, такой корень, въ которомъ она имѣетъ внутреннее соотношеніе или даже единеніе и съ другими вещами—въ корнѣ своемъ такими же. Вспомните тотъ разговоръ Лопухова и Кирсанова, когда они разобрали всю сущность предмета, который имъ надо было выяснить, и однако не употребили ни одного слова и понятія прямо объ этомъ предметѣ. Удивительное дѣло! Они слѣдили прямо сущность своего предмета и выражались объ этой сущности безъ всякихъ аллегорическихъ обиняковъ и намековъ; однако сущность обсуждаемаго ими факта, общая этому факту

съ другими фактами такой же сущности, дозволила имъ ссылаться прямо только на эти другіе факты и не употреблять прямыхъ выраженій о своемъ, слишкомъ щекотливомъ для обоихъ, предметѣ. Такъ точно, что касается и моей рѣчи о романѣ «что дѣлать», я не нашелъ другаго, кромѣ употребленнаго мною, образа разсужденія и рѣчи болѣе удобнымъ для того, чтобы въ содержаніи этого романа поставить на видъ все лучшее безъ всякаго униженія и омраченія этого лучшаго худшимъ, что̀ есть въ томъ же романѣ, и въ тоже время, чтобы не оправдать и не возвысить въ романѣ ничего изъ этого худшаго, перемѣшаннаго съ лучшимъ. Изъ живѣйшаго разсмотрѣнія романа «что дѣлать», можетъ быть, и вы увидите, что мудрено было бы другимъ манеромъ выслѣдить все существенное въ этомъ романѣ. — Продолжаемъ же разсматривать его содержаніе.

Задача, принятая въ романѣ «что дѣлать», состоитъ въ разъясненіи не только того, какъ сдѣлать современному человѣку или обществу первый рѣшительный шагъ къ своему выходу въ новую лучшую жизнь изъ худшей, именно (изъ опутавшей человѣка деспотіи пошлостей въ понятіяхъ и жизни, изъ разныхъ его вредныхъ и ошибочныхъ увлеченій, поддерживаемыхъ иногда самою даже благонамѣренностію близорукою, изъ опаснаго столкновенія направленій, имѣющихъ даже многія добрыя стороны), но и въ раскрытіи постепеннаго дальнѣйшаго хода этого общества или человѣка все къ высшему и высшему благоденствію и совершенству до такой степени, которую теперь едва ли отличишь отъ сладкой несбыточной мечты. Самая первая или ближайшая къ средѣ худшей жизни ступень, представляющаяся тотчасъ же по выходѣ человѣка въ лучшую жизнь, оказывается лучшее, по мнѣнію автора романа, устройство семейнаго быта или супружескихъ отношеній. Взятое только въ своей внѣшности, это устройство семейныхъ отношеній у г. Чернышевскаго причудливо до забавнаго и смѣшнаго. Дѣло въ томъ, изволите видѣть, что надо супругамъ завести въ своей квартирѣ или домѣ три отдѣленія — одно для мужа, другое равное первому для жены и третье нейтраль-

ное, куда оба супруга могли бы сходиться для взаимныхъ совѣщаній, для принятія общихъ гостей, для обѣда или чая и т. п., а въ нейтральное отдѣленіе ни тому ни другому, безъ позволенія, не показывать и носу, и притомъ являться другъ передъ другомъ до конца жизни во всей парадности сторонннхъ людей, или жениха и невѣсты, и такъ далѣе. Какова наружная сторона этого устройства, взятая безъ вниманія къ его сущности или внутренней его силѣ?!... Безъ улыбки мудрено и пересказывать о такомъ учрежденіи. Да кромѣ того, оно не достигаетъ и цѣли, для которой придумано, какъ видно изъ самаго романа «что дѣлать»: оно придумано для той цѣли, чтобы супруги не могли опротивѣть другъ другу, а на дѣлѣ оказалось, что Вѣрѣ Павловнѣ, выдумавшей такую диковинку, именно и опротивѣлъ ея первый мужъ до совершеннаго разстройства ихъ супружества. Но возьмите во вниманіе самую сущность дѣла: увидите, что насмѣшливо улыбаться тутъ не надъ чѣмъ. Каждый человѣкъ, какъ бы тѣсно ни сближался съ другимъ, особенно въ супружескомъ союзѣ, все же имѣетъ свою индивидуальность, или такія личныя особенности во всемъ, которыхъ другая, соединенная съ нимъ личность, не имѣетъ. Пусть же оба супруга со всею любовію и увѣреніемъ выдерживаютъ и соблюдаютъ другъ въ другѣ, со дня своего союза до смерти, индивидуальныя особенности по образу мыслей, по стремленіямъ и движеніямъ сердечнымъ, по отношеніямъ къ другимъ. Пусть въ этомъ отношеніи у каждаго изъ супруговъ будетъ, такъ сказать, особая комната, досточтимая другъ для друга, какъ святая тайна человѣческаго индивидуальнаго бытія; въ эту комнату одного изъ супруговъ другой можетъ входить не иначе, какъ съ открытіемъ дверей отъ перваго и притомъ съ деликатностію тѣхъ прекрасныхъ дней, когда они были еще женихомъ и невѣстою. Супруги тогда, съ самымъ вѣрнымъ тактомъ, будутъ поддерживать и возвышать другъ въ другѣ добро и ослаблять, исправлять взаимные недостатки безъ малѣйшей тѣни насилія и стѣсненія другъ друга въ личной самостоятельности каждаго изъ нихъ. Личныя ихъ особенности, не подавляемыя, а развиваемыя сво-

бодно столько же и въ женѣ, сколько въ мужѣ, будутъ взаимно дополнять себя въ единствѣ супружеской ихъ жизни, соединяя съ этого полнотою ихъ бытія живое разнообразіе, отгоняющее отъ нихъ самую возможность наскучить другъ другу до смерти. Нейтральная или, точнѣе, общая для обоихъ комната своего рода также необходима для счастія супружеской жизни. Пусть супруги, во первыхъ, выяснятъ себѣ, на сколько сходятся они въ своихъ вкусахъ, въ складѣ мыслей, въ движеніяхъ и расположеніяхъ; а во вторыхъ пусть живѣе сознаютъ и почувствуютъ глубокое и въ высшей степени жизненное основаніе своего супружескаго единенія, именно—отображеніе и дѣйствіе въ ихъ союзѣ благодати Божественнаго союза между единымъ Господомъ и единою Его Церковію, — такого союза, въ которомъ Господь Собою пожертвовалъ для своей Церкви и Церковь живетъ только Его духомъ, составляя живое благодатное Его тѣло. Это и пусть будетъ общею для обоихъ супруговъ комнатою, въ которой они сходятся вмѣстѣ, не позволяя личнымъ особенностямъ своимъ выходить изъ общности и единства ихъ супружеской жизни, сообща устроивая свою жизнь и бытъ, сообща вкушая радостныя блага, горечи и страданія жизни.

Вотъ эти-то три комнаты или отдѣленія надо заводить супругамъ для благоустроенія своего быта, для упроченія всего лучшаго въ супружествѣ! И когда будетъ у нихъ самая сущность дѣла, то, пожалуй, можно будетъ имъ проводить это начало и во внѣ, чрезъ устроеніе и вещественныхъ трехъ комнатъ, если позволятъ другія условія жизни. Только пусть они и выдерживаютъ относительно своихъ трехъ комнатъ самую сущность дѣла. Тогда будетъ толкъ Вѣра Павловна и Лопуховъ не спаслись своими тремя комнатами. Но когда въ послѣдствіи онъ и она, уже въ новыхъ своихъ отношеніяхъ, сдѣлались внимательнѣе и къ своимъ особенностямъ, и къ особенностямъ связанныхъ съ ними людей, и яснѣе сознали, что́ у нихъ общаго съ этими людьми, тогда дѣло у нихъ обоихъ пошло лучше.

Здѣсь замѣтимъ, что взятое въ самой сущности, а не въ

одной внѣшности дѣла, это устроеніе трехъ комнатъ—(именно, строгое уваженіе или соблюденіе въ духовной самостоятельности индивидуальныхъ особенностей другаго, бережное охраненіе и собственныхъ такихъ же особенностей и наконецъ практическое выясненіе, въ чемъ одинъ съ другимъ сходятся или что̀ имѣютъ общаго между собою)—благодѣтельно и нужно было бы не только въ супружескихъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ дружбы, знакомства, всякаго рода общежитія, для школъ, особенно высшихъ. Сколько у насъ по всѣмъ частямъ бываетъ взаимныхъ между людьми недоумѣній, раздѣленій, нестроеній собственно отъ того, что одинъ старается ломать другаго въ свою индивидуальную мѣрку, безъ всякаго вниманія къ собственнымъ его индивидуальнымъ особенностямъ! Опять, сколько непріязней и проклятій бывало и бываетъ у однихъ въ отношеніи къ другимъ отъ того, что та и другая сторона упорно не хотятъ войти, такъ сказать, въ нейтральную комнату, имѣютъ въ виду только то, въ чемъ онѣ разнятся между собою безъ всякаго испытанія, нѣтъ ли и у нихъ,—у обѣихъ сторонъ, чего общаго и согласнаго, и притомъ очень немаловажнаго! Вотъ Василій Великій, не имѣя возможности отнестися дружески къ язычнику—Ливанію по единству вѣры, велъ съ нимъ дружескую переписку по единству и общности имъ обоимъ интересовъ науки и литературы. Этотъ послѣдній интересъ у великаго отца, конечно, уже закрѣпленъ былъ для него самого на началахъ вѣры и благодати, а потому онъ въ своихъ отношеніяхъ къ Ливанію, держащихся на основаніи этого интереса, незримо навѣвалъ и на этого язычника вѣяніе благодати, положимъ только предварительной. Какъ это хорошо и достойно христіанства! Не забуду я и современнаго прекраснаго примѣра, какъ именно нашъ Гоголь былъ внимателенъ и сочувственъ къ индивидуальнымъ особенностямъ того, съ кѣмъ онъ сближался, какъ чрезъ это незамѣтно онъ ставилъ человѣка въ то настроеніе, каковъ этотъ человѣкъ самъ по себѣ, а не какимъ хотѣлъ бы показаться, — какъ послѣдній, въ слѣдствіе того, умирялся и благоустроивался внутренно, отбрасывая всякую фальшь лице-

мѣрной внѣшности; и заводилась между нимъ и Гоголемъ сладская братская рѣчь со всею свободою съ той и другой стороны. Не помню, чтобы въ воспоминаніяхъ объ Гоголѣ указали на эту его черту, высоко его характеризирующую. Что касается въ особенности до школъ, разскажу свой собственный опытъ, когда я былъ въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи. Относясь къ студентамъ съ сочувственнымъ вниманіемъ къ личнымъ особенностямъ каждаго, внушая и имъ такое же увѣреніе къ индивидуальнымъ особенностямъ другъ друга, я имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть въ обществѣ моей молодежи точно живой организмъ, въ которомъ каждый членъ знаетъ и отправляетъ свое дѣло и всѣ члены свободно и самостоятельно слѣдуютъ одному началу. Случилось, однако, что нѣсколько молодыхъ людей стали обнаруживать въ нашемъ общественномъ организмѣ нѣчто, похожее на конвульсивныя движенія холеры: корчились, упрямились, выходили изъ общаго настроя. Это меня очень огорчало, когда мои усилія поправить дѣло оказывались, по пословицѣ, какъ къ стѣнѣ горохъ. Но остановился я наконецъ на счастливой мысли: «не гнули, не ломаю ли я въ чемъ эти молодыя вѣтви подъ свою мѣрку, невѣдомо для меня самого и противъ моихъ собственныхъ правилъ? Можно вѣдь и утонченнымъ образомъ подавлять духовную самостоятельность вмѣсто ея направленія или исправленія». Съ этою мыслію я сталъ присматриваться къ упрямцамъ со всею бережностію и опасливостію, не подавляю ли я въ нихъ чего лучшаго, Христова, и собственно этимъ не возмущаю ли ихъ духъ, такъ что изъ его глубины подымается всякая тина и грязь; внутренно я сталъ болѣе себя, нежели ихъ, винить въ ихъ безпорядочности, хотя по наружности ничего особеннаго не вводилъ въ наши отношенія. Что же? Прежде всего въ жесткихъ и упрямыхъ ихъ взорахъ я сталъ примѣчать живительный огонекъ возникающаго въ нихъ сочувствія ко мнѣ. Потомъ оказались въ нихъ, дѣйствительно, непримѣченныя прежде мною лучшія черты, нужныя и для всего нашего общества и особенно желанныя для меня. — Такъ-то взятая въ своей сущности мысль, чтобы въ такомъ или другомъ

обществѣ, заводить или уважать особыя комнаты каждаго въ обществѣ и вмѣстѣ держаться нейтральной для общества комнаты,—общихъ порядковъ и стремленій, началъ или надеждъ, эта мысль очень и очень можетъ быть пригодною ко многому у насъ для устраненія разныхъ современныхъ неурядицъ.

Другая ступень нашего восхожденія отъ худшаго къ лучшему романомъ «что дѣлать» указывается въ надлежащемъ трудѣ для снисканія насущнаго хлѣба. Извѣстна одна изъ главныхъ мыслей «Современника»: «прежде ученья дай хлѣба народу и онъ самъ заведетъ у себя школы, самъ выучится». Эта мысль, какъ и другія коренныя мысли «Современника», въ романѣ «что дѣлать» выяснена несравненно болѣе, чѣмъ въ философскихъ и другихъ подобныхъ статьяхъ «Современника». Тутъ впрочемъ опять надо различать наружную сторону дѣла отъ внутренней и существенной. По наружности дѣло было такое, что Екатерина Васильевна Полозова, ища себѣ дѣла, полезнаго для другихъ, начала учить дѣтей, а потомъ, какъ бы по заказу «Современника», разсудила, что прежде ученья надо лучше позаботиться о доставленіи людямъ, съ юнаго ихъ возраста, хорошихъ средствъ для снисканія хлѣба, для лучшаго удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни. Оказалось, что, какъ нарочно по мысли или желанію Екатерины Васильевны, уже были заведены другими двѣ образцовыя мастерскія, гдѣ рабочія дѣвицы, по умнымъ распорядкамъ, заживали сытыми и довольными, чуть не съ роскошнымъ комфортомъ. Во всемъ этомъ, взятомъ чисто въ своей внѣшности, человѣку и обществу слишкомъ мало можно поживиться уже по тому одному, что эти мастерскія, въ отношеніи и къ ихъ хозяйкамъ и къ рабатающимъ дѣвицамъ и къ самому ходу работъ, слишкомъ идеальны и несбыточны пока въ наше время. Не говорю ужъ о томъ, что имѣть въ виду только наружное, физическое, матеріальное значитъ оставлять нетронутою или безъ всякаго развитія ту благородную человѣческую сторону, развитію которой, по мнѣнію высказываемому въ романѣ «что дѣлать», можетъ послужить особенно женщина, равноправная съ мужчиною (конечно Кирсановы—мужъ и жена разсуждали единодушно, что при

перевѣсѣ мужчины надъ женщиною будетъ всегда имѣть перевѣсъ грубая и насильственная матеріальная сила предъ свободною и разумною, нравственною). Но всмотримся въ сущность дѣла этихъ мастерскихъ. Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ нихъ, это конечно то, что хозяйка мастерской оказывается достойной женщиной или, по выраженію романа «что дѣлать», человѣкомъ такимъ, какъ слѣдуетъ быть человѣку, что и работающія дѣвицы, съ перваго же раза, или съ самаго ихъ помѣщенія въ мастерской, поставлены такъ, чтобы и каждой изъ нихъ быть человѣкомъ, какъ слѣдуетъ; отношенія между хозяйкою и работающими тоже человѣческія; также какъ и взаимныя отношенія работающихъ тоже по человѣчески устроены (чрезъ распредѣленіе заработковъ), что и соревнованію ихъ между собою есть мѣсто и не изгоняется сестринская внимательность однѣхъ къ нуждѣ и помощи другихъ. Вотъ вѣдь что хорошо! Вотъ почему эти мастерскія не дурно придуманы въ образчики, какъ надо устроять для народа способы къ спискапію хлѣба и всего подобнаго. Итакъ скажемъ же теперь упомянутую выше общую мысль «Современника» (дай напередъ хлѣба народу) — въ надлежащей полнотѣ и опредѣленности: прежде или болѣе устройства школъ народныхъ, надо озаботиться доставленіемъ или устроеніемъ для народа, особенно для молодаго его поколѣнія, такихъ способовъ къ списканію средствъ удовлетворенія жизненныхъ потребностей, чтобы и хозяева и работники были въ человѣческихъ между собою отношеніяхъ, чтобы хозяева не однѣхъ мастерскихъ, а еще и семействъ находили для себя расчетъ и выгоду въ добропорядочности и, сколько можно, спокойномъ довольствѣ своихъ подручныхъ, не допуская въ нихъ не только своеволія, но и забитаго, пугливаго духа, чтобы въ роботающихъ и вообще подручныхъ въ какомъ либо дѣлѣ открыть самыми распорядками свободное мѣсто для духа соревнованія и вмѣстѣ вспомоществованія взаимнаго. О, какъ было бы это нужно для современнаго человѣка и народа нашего! Нужно это именно, какъ самый хлѣбъ насущный, который и будетъ такимъ образомъ спискиваться и употребляться человѣкомъ, какъ именно слѣдуетъ человѣку.

Вотъ въ «Современникѣ» же приводили одинъ въ высшей степени грустный фактъ, разказанный сначала въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», — фактъ, въ которомъ имѣющій ухо слышать можетъ разслушать вопль нашего народа о помощи ему въ означенномъ отношеніи, особенно при нынѣшнемъ переходѣ многихъ милліоновъ народа въ новое состояніе: гдѣ-то два мужика (изъ нихъ одинъ зажиточный) вздумали (по «иниціативѣ» именно зажиточнаго) сдѣлать такую сдѣлку, чтобы дѣти одного перешли къ другому, а для этого, — чтобы эти мужики помѣнялись и самыми своими женами; такой сдѣлкѣ не только не противилось, но напротивъ сочувствовало и отчасти помогало и все мѣстное крестьянское общество. «Современникъ» поспѣшилъ сдѣлать изъ этого факта такое заключеніе, что, дескать, просвѣщеніе Россіи христіанствомъ, совершенное чрезъ Св. Владиміра, далеко не вошло въ самый духъ нашего народа. Но если взять во вниманіе, что мужики, вразумленные «мировымъ» оставить подобные замыслы, толковали между собою: «а еще, баютъ, воля дана мужикамъ»; то справедливѣе будетъ то заключеніе, что наши мужички большинствомъ своимъ относились къ своему дорогому православію, имя котораго они внесли даже въ самое любимое свое названіе («православные») — относились до нынѣ, именно какъ дѣти искренніе и чистосердечные, но за то и безотчетливые, и что поставленные новымъ своимъ устройствомъ въ свойственную зрѣлому возрасту самостоятельность, они естественно выражаютъ ее по мѣстамъ иногда разными ребяческими выходками. Въ такое-то время, въ такомъ-то состояніи народа доставлять народу способы къ тому, чтобы онъ снискивалъ насущный хлѣбъ или вообще изыскивалъ средства удовлетворенія жизненныхъ своихъ потребностей именно такъ, какъ слѣдуетъ человѣку, — это дѣйствительно еще дороже и нужнѣе школъ, въ устроеніи которыхъ, для ихъ благоуспѣшности и вмѣстѣ для развитія духовной самостоятельности народа, надо непремѣнно допускать ужъ дѣятельное участіе самаго народа....

Но какъ доставить народу такіе способы? Много ли найдется хозяевъ или хозяекъ, сколько нибудь въ родѣ Вѣры Павловны

(какъ мы ее понимаемъ, отдѣляя лучшее отъ худшаго), для мастерскихъ или хоть даже просто для кружка семейныхъ подручныхъ? Отъ насъ не далеки еще вотъ какіе факты: одинъ сапожный мастеръ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ, живя съ артелью у одного хозяина, навлекалъ на себя и на артель свою яростный гнѣвъ этого хозяина, если до его ушей долго не доходили веселые звуки ударовъ отъ плетокъ и арапниковъ и жалобные вопли рабочихъ мальчугановъ, и какъ этотъ мастеръ, для успокоенія хозяина и даже въ видахъ его благоволенія къ себѣ и артели, прибѣгалъ часто къ такой хитрости: дѣлалъ фальшивый видъ экзекуціи, съ ловкостію ударялъ своею рукой объ другую свою же руку надъ чьей либо головою, которая съ своей стороны должна была, на этотъ разъ, верещать безъ памяти. А то вотъ еще образчики духа взаимнаго соревнованія и вспомоществованія въ рабочемъ простонародьи. Одинъ крестьянинъ—отецъ семейства, состоящаго изъ четырехъ малолѣтныхъ дѣтей, лишившихся уже матери, при своей смерти поручилъ этихъ сиротъ попеченію доброй и набожной вдовы, еще довольно крѣпкой здоровьемъ. Эта женщина поддерживала осиротѣлый домъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, обработывала землю какъ мужчина, успѣла выростить и выдать за мужъ старшую дѣвицу, другихъ учила грамотѣ; я ихъ видѣлъ и свидѣтельствую, что веселый, бодрый видъ двухъ мальчиковъ и еще дѣвочки показывалъ въ нихъ вовсе не сиротъ, а здоровыхъ, довольныхъ дѣтей у лучшихъ родителей. Что же? Нашлись соревнователи добраго дѣла, подвергли эту необыкновенную, хоть и простую, женщину вздорнымъ клеветамъ, возмутили все мѣстное общество и, послѣ разныхъ оскорбленій и даже чуть не тѣлеснаго наказанія вдовы, покончили тѣмъ, что ее выгнали изъ дома, самый домъ сиротъ заперли и запечатали, а сиротъ отдали какому-то дрянному родственнику. И въ обществѣ не нашлось человѣка помѣшать этому беззаконному распоряженію, которое многіе сами же понимали въ его несправедливости; священники боялись отвѣтственности за вмѣшательство въ мірскія дѣла чрезъ выясненіе, какова эта женщина. А общество крестьянское, такъ опозорившее себя, принадле-

житъ къ обществамъ достаточнымъ и обилующимъ грамотѣями. Это не вымышленный и ни мало не подкрашенный фактъ. Вдругъ ли тутъ найдешь что либо похожее, разумѣется въ своемъ родѣ и формѣ, на работающихъ въ мастерской Вѣры Павловны? У насъ еще вотъ что водится, когда бываетъ дѣло не на показъ (нынѣ ужъ и простонародье умѣетъ рисоваться на показъ): одинъ пятилѣтній мальчуганъ Серёжа бросилъ камушекъ въ окошко избы своего отца, сначала не нарочно, а такъ наудачу,—стекло зазвѣнѣло и разбилось,—мальчугану это и понравилось и испугало его; но сидѣвшіе предъ окномъ мужики ободрили его: «Сережка катай еще», кричали взрослые дураки въ одинъ голосъ мальчику, который и давай себѣ бросать камушки въ стекла на удовольствіе мужицкое; нѣсколько стеколъ было разбито, а мужики знали, что каждое стекло обойдется хозяину не менѣе 20 или 25 коп. серебромъ. Въ другихъ только формахъ, а какъ много подобнаго опытный человѣкъ найдетъ всюду! Все подобное съ одной стороны истинно вопіетъ о потребности крѣпкой, искренней заботы о томъ, чтобы простой человѣкъ могъ, *какъ слѣдуетъ человѣку*, снискивать самый свой насущный хлѣбъ, а съ другой возбуждаетъ унылую и безнадежную мысль, что рабочія общества или мастерскія, въ родѣ наприм. тѣхъ, какія изобрѣлъ г. Чернышевскій, остаются пока въ области мечтаній.—Это тѣмъ болѣе, что и въ нашей журналистикѣ и литературѣ, нечего грѣха таить, подобный же духъ взаимнаго соревнованія и вспомоществованія братскимъ вопіющимъ нуждамъ. Какъ тутъ быть?! Откуда взять и для хозяйства и для рабочаго дѣла нужныхъ людей?

Романъ «что дѣлать» этихъ вопросовъ прямо не рѣшаетъ и даже не касается: онъ создалъ свои мастерскія, а тамъ ужъ, какъ хотите, заводите что нибудь въ этомъ родѣ.

Возьмемъ Евангеліе и прочитаемъ въ немъ вотъ это мѣсто: «Господь сказалъ (Своимъ ученикамъ): если бы вы имѣли вѣру въ зерно горчичное и сказали смоковницѣ сей: исторгнись и пересадись въ море; то она послушалась бы васъ» (Лук. XVII, 6). Мы привыкли понимать подобное проявленіе вѣры

только въ отношеніи къ физическому міру, а вѣра истинная не менѣе, если еще не болѣе, могущественна и въ отношеніи къ нравственному міру, да и самое могущество ея надъ физическимъ міромъ направляется къ вліянію ея на міръ нравственный. Вѣра,—но, разумѣется, вѣра не въ духѣ іудействующихъ христіанъ, а вѣра истинная по духу своему свободная, а не рабская, какъ училъ о ней противъ іудействующихъ—именно Апостолъ Павелъ,—такая вѣра Христовыхъ учениковъ можетъ вырывать и изъ земли народныхъ умовъ и сердецъ какое бы ни было, укоренившееся и развившееся на этой землѣ, дерево не человѣческихъ взаимныхъ отношеній между людьми, весьма обыкновенныхъ у народа особенно въ снисканіи способовъ къ удовлетворенію насущныхъ потребностей жизни. И пусть эта вѣра не съужаетъ при этомъ своего взгляда, не ограничивается двумя или тремя мастерскими, но напротивъ пусть обнимаетъ всякія рабочія среды въ народѣ, всѣ мастерскія и сведетъ ихъ въ одну ту мастерскую, гдѣ хозяйкою, готовою войти во все и дѣйствовать во всемъ для изгнанія оттоюду зла, только бы чрезъ вѣру дали ей мѣсто, оказывается сама благодать Божія, которая, ради воплощенія Сына Божія, не чуждается человѣка ни въ какой чернорабочей средѣ тѣлесныхъ трудовъ, а еще съ особенною любовію призываетъ всѣхъ *труждающихся и обремененныхъ* (Матѳ. XI, 28), съ обѣщаніемъ *успокоить* ихъ—не покоемъ праздности, конечно, (какъ понимали Іуден субботу, день покоя), а спокойствіемъ дѣланія или работы съ самимъ Господомъ.

Но рабочіе, наибольшею частію, и понятія объ этомъ не имѣютъ, а слѣдовательно и не принимаютъ такой благодати? Да; и я видалъ, какъ наши рабочія артели, и старъ и малъ, въ ссорахъ и дружбѣ сквернословятся съ какою-то утонченностію разврата: въ другихъ средахъ бываетъ тоже, только съ инаковымъ родомъ осквернснія благороднаго человѣческаго слова. Какое тутъ мѣсто благодати? Но здѣсь-то и требуется отъ вѣрующаго сила вѣры, передвигающая горы и исторгающая деревья, хотя бы она сама была «съ зерно горчичное». Вѣдь вѣра знаетъ, что Господь пришелъ взыскать и спасать именно грѣш-

никовъ погибающихъ или погибшихъ и, какъ Агнецъ Божій, взялъ и понесъ на Себѣ до крестной смерти не что иное, а именно грѣхи міра; вѣра знаетъ, что она и призвана входить въ спасительное общеніе Господнихъ страданій и смерти, или во внутреннее соучастіе этой Господней любви къ міру, по которой за грѣховныя вины міра Господь терпѣлъ, какъ будто Онъ самъ и былъ виноватъ въ этихъ чужихъ винахъ. Что же? Вѣра пусть только, по участію въ человѣколюбіи Господа, не отвергаетъ безпорядочныхъ грѣшниковъ, а напротивъ пусть съ самоотверженіемъ нисходитъ, сколько возможно, до ихъ среды, чтобы предъ Отцемъ небеснымъ стать во Христѣ какъ бы въ уровень съ невѣдущими или заблуждающими и, такимъ образомъ, поддержать и ихъ, на время ихъ невѣдѣнія или заблужденія, въ благодати милующаго снисхожденія Божія. И только бы вѣра не ослабѣла, не оскудѣла на этомъ пути самоотверженія и человѣколюбія Христова, рано или поздо все въ безпорядочныхъ рабочихъ средахъ или мастерскихъ (разумѣть ли работающихъ руками, или умомъ и перомъ)—все непорядочное перебродится, перемѣлется, пройдетъ. Вѣдь любовь Отца небеснаго, не отвращающаяся, а еще терпящая и снисходящая есть такой живительный свѣтъ, отъ котораго само собою убѣгаетъ и разсѣевается мракъ и мгла нашихъ безпорядковъ, заблужденій или невѣдѣнія въ какой бы ни было средѣ. И можетъ придти къ намъ такое время, когда не только находящіеся въ Божіемъ храмѣ за Богослуженіемъ или живущіе достойно въ святыхъ обителяхъ, но и трудящіеся на огородахъ или поляхъ, въ рабочихъ или мастерскихъ, въ кабинетахъ или за ружьемъ, будутъ сознавать себя работающими одному и тому, общему всѣмъ, Отцу и Господу, поддерживая болѣе твердые слабыхъ, болѣе зрѣлые молодыхъ, духовные мірянъ и обратно. Не даромъ же вѣра всѣхъ вѣрующихъ молится Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.* Могутъ и должны (хотя только по-немножку или постепенно это можетъ совершаться), могутъ и должны христіане всякой рабочей среды признавать и принимать свою великую вседѣйствующую хозяйку-благодать Божію, открытую намъ во Христѣ. Вѣра для своего

поощренія и ободренія можетъ примѣчать уже и добрые начатки этого, оказывающіеся въ народной жизни среди самыхъ даже нестроеній. Вотъ простая крестьянка (выше ужъ упомянутая нами вдова), чувствуя въ себѣ бодрость и силы, пришла же къ такой мысли, что благочестивѣе и богоугоднѣе всякаго напр. странничества взяться за поддержку сиротскаго дома, за прокормленіе малолѣтныхъ сиротъ, за соху и косу, за всѣ хлопоты крестьянскаго хозяйства; и нѣсколько лѣтъ выполняла все это съ явнымъ для всѣхъ успѣхомъ. И одна такая чернорабочая въ состояніи удержать на всемъ чернорабочемъ мѣстномъ обществѣ ту милость Божію, что какъ бы и всѣ работали самому Господу, если бы несчастные глупцы сами не отвергали отъ себя такой милости. Но, не возроптавъ на обидчиковъ, напротивъ еще ихъ же жалѣя и, вздыхая предъ Богомъ за нихъ, а не противъ нихъ, она можетъ поддержать и ихъ, какъ глупыхъ ребятъ, въ милости Божіей, которая наведетъ же когда нибудь это дурацкое общество на умъ. Также и у жестокаго хозяина сапожной мастерской (выше также упомянутаго) нашелся такой мастеръ, который не захотѣлъ ни тѣшить, ни раздражать его жестокости. Этотъ мастеръ, въ послѣдствіи, самъ сдѣлался хозяиномъ и его мастерская была уже, въ извѣстной степени и формѣ, нѣчто въ родѣ мастерской Вѣры Павловны. Послѣ онъ уже сдалъ свою мастерскую новому хозяину изъ воспитанныхъ подъ его вліяніемъ мастеровъ, и свое гуманное, опорядочивающее вліяніе имѣетъ въ настоящее время уже на многія мастерскія. Этотъ человѣкъ, какъ и та вдовая солдатка, имѣетъ отличительнымъ характеромъ здравомысленную доброту вѣры, направленной къ обыкновенной практической жизни.

Разсматривая дѣло на такихъ основаніяхъ, въ романѣ «что дѣлать», какъ въ зеркалѣ, можемъ видѣть новыя ступени восхода отъ худшаго къ лучшему для современнаго человѣка и общества. Такъ этотъ раздѣлъ заработковъ въ мастерскихъ, чтобы плату за трудъ получать различно другъ отъ друга, судя по достоинству труда, а избытокъ доходовъ дѣлить всѣмъ поровну, открываетъ въ своемъ основаніи такой законъ, который

долженъ быть исполняемъ всѣми людьми, всѣми работающими Господу въ великой мастерской Его благодати. На сколько кто имѣетъ живой дѣятельной вѣры, на столько онъ и пріобрѣтаетъ себѣ Господа; выраженіемъ или оттѣнкомъ этого служитъ для вѣрующаго рабочаго получаемая имъ плата по мѣрѣ труда (подобно какъ простая одежда, рубашечка или сорочка, получается крещеннымъ, какъ выраженіе одѣянія его въ Господа). Но Господь, дающій себя вѣрующему, есть общій всѣмъ человѣкамъ Спаситель; и даетъ Онъ Себя намъ совсѣмъ не по заслугѣ нашихъ дѣлъ, а собственно по преизбытку Своей благодати даетъ намъ пріобрѣтать Себя за всякимъ дѣломъ, — благодать же есть сокровище для всѣхъ. Поэтому, усвояя себѣ Господа, каждый дѣлись сокровищемъ Его благодати со всѣми; недостойныхъ или немощныхъ не устраняй отъ права на преизбытокъ Христовой благодати, а напротивъ ставь себя предъ Господомъ въ уровень или за-одно со всѣми. Это значитъ, по распорядку вѣры, дѣлить избытокъ заработковъ по-ровну всѣмъ, мастерицамъ и неумѣхамъ, здоровымъ и больнымъ. И чѣмъ болѣе бы ты успѣлъ, за своимъ дѣломъ, пріобрѣсти Господа, тѣмъ болѣе *должнымъ* (должникомъ) предъ другими считай себя, *должнымъ* именно Его благодатію, которою тебѣ надо дѣлиться со всѣми, какъ сокровищемъ всеобщимъ или назначеннымъ для всѣхъ. Дѣйствуя по такому закону или порядку вѣры въ великой мастерской благодати, одни, достигшіе сами Божія дара дѣйствовать, какъ слѣдуетъ человѣку, энергически стали бы такъ или иначе вести къ тому же и другихъ.— Такъ, дѣло выхода отъ худшаго къ лучшему пошло бы все впередъ...

Само собою разумѣется, что и между лучшими этими новыми людьми неизбѣжно различіе. Одни пусть, подобно молодежи, окружающей Лопуховыхъ или Кирсановыхъ, держатся хоть только «въ общемъ» подобнаго настроенія свободнаго и живаго, настроенія собственно по Христу, хотя бы это было почти только въ безотчетныхъ или безсознательныхъ инстинктахъ (надъ чѣмъ еще не возвышается и вся нравственная область, какая представлена въ романѣ «что дѣлать».) Другіе, подобно Лопуховымъ и Кирсановымъ, пусть группируютъ около

себя особенно молодежь, молодежь и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи, служа имъ незамѣтной духовной поддержкою и руководствомъ, занимаясь сами своими дѣлами. А иной, какъ Рахметовъ, пусть всего себя и всю жизнь свою посвятитъ на службу людямъ въ томъ, чтобы имъ быть, какъ слѣдуетъ быть человѣку. Такой человѣкъ прежде всего постарается освободить себя отъ высящагося надъ земнымъ человѣческимъ труженичествомъ идеализма. Не вдаваясь, конечно, въ противоположную тому крайность матеріализма, но помня, что ради насъ самъ Богъ *Слово плоть бысть*, начнетъ онъ именно съ того, чтобы выяснить и выдерживать высшее, должное значеніе матеріальной стороны нашего бытія и жизни.—Вѣдь большинство людей, и именно все гражданское и нравственное простонародье, большею частію своего времени и трудовъ занято матеріальною сторопою бытія и жизни. Какже послужите этому большинству въ томъ, чтобы ему быть, какъ слѣдуетъ быть человѣку, если для себя и другихъ не выясните и не удержите царствія Божія, открытаго и въ матеріальной сторонѣ воплощеніемъ Сына Божія? Рахметовъ чрезвычайными усиліями, достойными строгаго подвижничества, развилъ въ себѣ въ очень замѣчательной степени физическую силу и вмѣстѣ простоту въ жизненныхъ потребностяхъ. Но это—«необыкновенный человѣкъ» въ романѣ г. Чернышевскаго, высказывающемъ высокія надежды о перевѣсѣ (могущемъ произойти по мысли романа именно отъ женской равноправности и вліянія) перевѣсѣ надъ грубою матеріальною силою силы болѣе разумной, въ общественной жизни. Значитъ, по мысли г. Чернышевскаго, необыкновенный его человѣкъ работалъ надъ матеріальною сторопою своего бытія не въ томъ намѣреніи или смыслѣ, чтобы только сдѣлаться «Никитушкой Ломовымъ»; ему надо вліяніе на простой народъ, чтобы помочь простому народу и въ такомъ дѣлѣ, какъ тянуть лямку или гнуться подъ многопудовыми кулями на спинѣ, помочь и въ этомъ дѣлѣ быть какъ слѣдуетъ человѣку. Для подобнаго Рахметову человѣку не низки ни какая среда, ни какой человѣкъ, но ему низко «нѣкогда» заняться чѣмъ либо или кѣмъ либо внѣ Христа, безъ Котораго также никто не

можетъ имѣть добраго и мощнаго вліянія на другихъ, да и ничего добраго дѣлать, какъ нельзя виноградной вѣтви приносить плоды, если она вырвана изъ своего дерева. Онъ не усумнится войти въ какія бы ни было отношенія и вообще рѣшится на что угодно, если только увидитъ, что это «нужно» по дѣлу Христову, по дѣлу службы людямъ въ томъ, чтобы каждому быть какъ слѣдуетъ человѣку. Усмотрѣвъ, какъ наше время бѣдствуетъ отъ того, что каждый или самъ топорщится выйти изъ той мѣры, въ какой онъ есть и долженъ быть самъ по себѣ, или другіе гнутъ и ломаютъ его подъ несвойственную ему мѣрку, нашъ Рахметовъ дорожитъ и въ другихъ особенно тѣмъ, что самобытно, и самъ самобытенъ въ высшей степени. Онъ не затрудняется ни мало отъ того, если бы за это стали смотрѣть на него, какъ на страннѣйшаго оригинала: ему бы только выдержать свою собственную мѣру, назначенную ему отъ Создателя, какъ бы ни была она далеко неподходящею къ другимъ болѣе обыкновеннымъ людямъ. Такой человѣкъ всего для себя ищетъ во Христѣ, но и Христову истину и благодать стремится провести во все; онъ отрицаетъ всякую фальшь, хотя бы она прикрывалась какой либо формой или личиной во имя Христово, за то умѣетъ не только возбудить живый духъ Христовъ въ развитыхъ изъ него прежде формахъ, но и развивать новыя въ томъ же духѣ по требованію новыхъ нуждъ и обстоятельствъ времени. Впрочемъ такой человѣкъ еще странствуетъ для Россіи за границею; подобное направленіе еще не получило у насъ права на гражданство, признаннаго общественнымъ мнѣніемъ.

Какъ бы то ни было, только подобные люди не дадутъ въ жизни застояться никакому даже болоту; они постараются привести въ движеніе болотистую его влажность, спустятъ её куда нибудь. И, въ слѣдствіе этого, изъ грязнаго, болотистаго мѣста сдѣлается въ свое время нива плодоносная, чего никогда не можетъ быть съ застойнымъ болотомъ, какъ хорошо разсуждаетъ объ этомъ о. Мерцаловъ въ романѣ Чернышевскаго.

Мало того, что такіе истинно лучше и новые люди могутъ переработывать разныя болотистыя среды совершенной жизни

въ новыя и лучшія, они возьмутъ все лучшее и изъ всего прошедшаго, на благо и пользу настоящаго и будущаго, хотя это теперь болѣе похоже на сладкій сонъ, чѣмъ на серьезную возможность. Вздумалъ же, въ самомъ дѣлѣ, этотъ Чернышевскій разсказывать эти сны Вѣры Павловны, особенно послѣдній ея сонъ, сводящій богинь древняго Востока и Греціи на одну доску съ «христіанскою невинностію». Что за толкъ въ этомъ вавилонскомъ смѣшеніи? «Какое общеніе свѣта съ тьмою, у Христа съ Веліаромъ?» (2 Кор. VI, 14, 15). Въ этомъ отношеніи сновидѣнія Вѣры Павловны относятся просто къ бреднямъ. Но тотъже Св. Павелъ, которому принадлежатъ послѣднія цитованныя нами слова, сказалъ именно язычникамъ древняго міра, что онъ проповѣдуетъ имъ того истиннаго Бога, Котораго они чтили, только какъ *невѣдомаго* ими, и въ своихъ языческихъ чтилищахъ (Дѣян. Апост). Видно, и во тьму языческаго Богочтенія не преставалъ свѣтить, сколько находилъ пріемлемости въ душахъ, самъ Христосъ—свѣтъ истины, для того времени еще грядущій. А если такъ; то въ почитаніи Асторты и Аѳродиты, тѣмъ болѣе въ женскомъ идеалѣ западнаго односторонняго христіанства въ средніе вѣка, можно отыскать, среди всяческаго мусора и пепла, искры и отъ чистаго свѣта. Если все подобное всюду отыскать въ прошедшемъ и употребить на пользу настоящихъ и будущихъ поколѣній, отбросивъ негодное и гадкое (а для этого свѣтъ Христовъ, свѣтъ православія, очевидно, надо понимать не иначе, ккк простирающимся во всевозможныя среды до самыхъ нечистыхъ чтилищъ Асторты и Аѳродиты безъ объемлемости и подавленія этого тьмою): то мудрено теперь и вообразить, какое это будетъ царство всеобъемлющей истины, міра, лучшаго пониманія и употребленія всякихъ благъ, лучшаго пониманія и отраженія всякихъ золъ. Надо всячески приближать къ нашему времени и поколѣнію это духовное царство,—надо это дѣлать всѣмъ, кому дороги—благо человѣчества и свое, единеніе Церквей въ одной вселенской Церкви, торжество истины и правомыслія. И если облагородить и возвысить всякій жизненный трудъ до значенія работы самому Господу и осмыслить общее всѣмъ стремленіе

къ наслажденію, движущее къ самому труду изъ средствъ наслажденія, осмыслить до стремленія насладиться во всемъ дарами и сладостію именно любви къ намъ Отца небеснаго: то и всѣ люди окажутся въ числѣ такихъ дѣлателей вертограда Господня, изъ которыхъ и самые послѣдніе получатъ отъ щедраго Домовладыки свой динарій, свою долю участія въ благахъ духовнаго царства или, по крайней мѣрѣ, приближенія къ нему. Царица—работница и будущая царица наслажденія, какихъ видѣла во снѣ Вѣра Павловна, имѣютъ же свой смыслъ.—Не то, чтобы мы на паутинныхъ нитяхъ сновидѣній нанизывали дорогія жемчужины духовныя; мы только отличаемъ и отдѣляемъ въ безсознательныхъ инстинктахъ сердечныхъ лучшее отъ худшаго, и разъясняемъ это лучшее.

Наконецъ и самая первая ступень къ выходу отъ худшаго къ лучшему и увѣнчаніе самыхъ высшихъ, чуть не мечтательныхъ, надеждъ соединяются въ романѣ «что дѣлать» любимою мыслію г. Чернышевскаго, проводимою имъ сквозь весь романъ. Это—мысль о равноправности женщины съ мужчиною. Эта мысль, правильно понятая, можетъ быть чрезвычайно плодовитою и благодѣтельною для нашего особенно времени.—

Сущность дѣла здѣсь не въ тѣхъ догадкахъ Чернышевскаго, что и организмъ женщины не уступитъ мужскому по жизненности, а, пожалуй, еще перешибетъ его, если взять во вниманіе статистическія данныя и нѣкоторыя другія соображенія; что и умъ женщины не слабже, а, пожалуй, окажется и потверже мужскаго, если тотъ и другой будутъ развиваемы одинаковымъ образованіемъ и трудомъ. Какъ тамъ не хитрилъ бы кто, но различіе половое никакъ не даетъ мѣста безразличію, въ родѣ дѣятельности и общественномъ положеніи, между мужчиною и женщиною. Преимущественная самодѣятельность мужской природы и воспріимчивость женской полагаютъ печать и на органическую и на умственную или духовную стороны мужчины и женщины, такъ что тотъ и другая останутся всегда каждый въ *своемъ* общественномъ и частномъ положеніи, съ *своимъ* родомъ или, по крайней мѣрѣ, характеромъ дѣятельности. Равнымъ образомъ и главенства мужа надъ женою нельзя

уничтожить: самодѣятельность, физически свойственная мужчинѣ по преимуществу предъ женщиною, естественно не можетъ не главенствовать надъ болѣе или менѣе страдательною воспріимчивостію женщины. Самый романъ «что дѣлать» служитъ тому полнымъ доказательствомъ. Вѣдь чего, кажется, не сдѣлано романистомъ для мысли, что женщина можетъ дѣлить съ мужчиною, совсѣмъ не какъ съ главою, каждую работу, каждое разсужденіе и распоряженіе, каждое положеніе въ жизни? Но въ этомъ же самомъ романѣ, если всмотришься, женщина выступаетъ вездѣ только изъ-за мужчины. Вѣра Павловна такъ искренна въ этомъ отношеніи, что ей, для полноты и нормальности ея жизни, мало находить въ мужчинѣ только, всегда готовую для нея, опору; ей нужно неотступное душевное соучастіе мужчины въ ея предпріятіяхъ и дѣлахъ. Это совсѣмъ не то, что женщина неполновозрастна будто бы предъ мужчиною и невольно нуждается въ его грубой или утонченной опекѣ. Женщинѣ недостаетъ мужской самодѣятельности съ свойственною послѣдней твердостію и крѣпостію, за то у мужчинъ нѣтъ женской воспріимчивости съ ея нѣжными, умягчающими свойствами,—одно другаго стоитъ: мужчина и женщина между собою расплатились въ этомъ отношеніи. Иной вопросъ: какъ поставить мужское главенство, чтобы оно не подавляло и даже нисколько не унижало, не оскорбляло женщины? Это главенство должно быть по образу и въ духѣ Христа, Кто, въ отношеніи къ своей невѣстѣ и женѣ—Церкви изъ людей, не *своихъ си* самомнительно ищетъ, но себя умалилъ до степени равенства съ людьми, до принятія человѣческаго естества, еще ниже—до смерти за людей, хотя Онъ Самъ по Себѣ есть Господь Богъ и самъ жизнь. Предъ такимъ первообразомъ мужскаго главенства, всякая властолюбивая притязательность, вознесливость и жосткое или утонченное преобладаніе мужа надъ женой, человѣка простаго надъ другимъ человѣкомъ, является чѣмъ-то дикимъ и безобразнымъ въ высшей степени. Поэтому въ романѣ «что дѣлать» мнѣ видятся болѣе образчики (въ разныхъ отношеніяхъ) падлежащаго мужскаго главенства, чѣмъ отрицаніе его; необыкновенное чутье истины въ г.

Чернышевскомъ болѣе всего подкапывается подъ его же теорію. Такъ поставить свою жену и самому стать въ такое отношеніе къ женѣ, что она сама, упреждая даже мужа, желаетъ и ищетъ того, что составляетъ предметъ стремленій и надеждъ мужа—(а въ случаѣ нужды находитъ благородный расчетъ въ пожертвованіи собою для блага любимой),—это верхъ истиннаго главенства мужа надъ женою. На этомъ именно и законченъ романъ «что дѣлать».

Не колебля такимъ образомъ должнаго главенства мужа надъ женою и не допуская смѣшенія, въ положеніи и занятіяхъ мужчины и женщины, мы однако въ мысли о равноправности женщины съ мужчиною—можемъ выяснить для себя истину, весьма важную для современнаго человѣка и общества. «Нѣтъ ужъ, говоритъ Апостолъ Павелъ съ торжествомъ, іудея ни язычника, нѣтъ раба ни свободнаго, нѣтъ мужчины и женщины; ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ (Галат. III, 28)». Вся сущность всякаго добра, истины и пользы, также какъ и истинной пріятности для всякаго человѣка, для всякой среды, на всякое дѣло и отношеніе, содержится во Христѣ, Который и даетъ Себя, въ существѣ дѣла, равно всѣмъ. Женщина имѣетъ право усвоять Его себѣ не менѣе, нежели мужчина главенствующій надъ нею; подобно какъ язычникъ могъ присвоить Его себѣ на-равнѣ съ іудеемъ, которому одному принадлежали Его обѣщанія, образы и залоги, или, если сказать ближе къ нынѣшнему порядку вещей, подобно какъ и мірянинъ или свѣтскій имѣетъ не меньше права усвоять своему уму и сердцу и дѣлу—Христа, Его духъ и истину, нежели духовный, которому одному особено принадлежитъ благодать іерархическаго служенія. Вотъ эту-то равноправность надо намъ отстаивать и выдерживать, чтобы изъ нашихъ направленій и отношеній изгнанъ былъ совсѣмъ этотъ безблагодатный духъ деспотической жосткости или притязательности, рабскаго упрямства или страшливости. Но взяться за эту великую задачу съ энергическою самодѣятельностію можно не иначе, какъ уже слишкомъ глубоко и свѣтло понимая истину Христову; а у насъ обстоятельства еще таковы, что съ одной

стороны самое простое и мирное указаніе на несообразность съ православнымъ христіанствомъ жосткаго и рабскаго духа принимается нѣкоторыми за униженіе и даже почти за отрицаніе вѣры, а съ другой, для освобожденія отъ подобныхъ убивающихъ началъ во имя вѣры,—хотѣли бы иные разбить въ дребезги, какъ стекло, все небо вѣры. Что дѣлать въ такое время? Какъ обновить во многихъ, многихъ истинный духъ православнаго христіанства, внѣ котораго пропадаетъ человѣкъ, не имѣя и возможности быть такимъ, какимъ слѣдуетъ быть человѣку? Надо именно взяться за женщину, за ея равноправность съ мужчиною по отношенію ко Христу, въ Которомъ все для человѣка и Который одинъ не чуждъ всего человѣческаго, тяжесть худаго человѣческаго принявъ на Себя, а все лучшее человѣческое сосредоточивая и открывая въ Себѣ. Воспріимчивость женщины своими инстинктами и чутьемъ по отношенію ко всему истинному и хорошему, однимъ словомъ, Христову, далеко можетъ опередить отчетливость самодѣятельности.—Поэтому вѣра наша, относясь къ женщинѣ (разумѣется, начиная съ ближайшей къ намъ—къ матери, женѣ, сестрѣ и проч., но не ограничиваясь этимъ; потому что дѣло вѣдь не въ насъ, а въ самомъ, *всѣхъ* объемлющемъ, Господѣ), пусть вѣра наша твердо и живо сознаетъ эту женщину равноправною съ мужчиною соучастницею въ Господѣ нашемъ. Воспріимчивость женская тонко ощутитъ подобное вниманіе къ ней вѣры, привлекающее благоволительное воззрѣніе и вседѣйственной благодати, и на это вниманіе вѣры, подъ этимъ благодатнымъ вліяніемъ, отзовется, по крайней мѣрѣ, инстинктивнымъ сочувствіемъ истинѣ, могущимъ постепенно умягчать во многихъ жосткость или дерзость. И такимъ образомъ женщина можетъ подвинуть и мужчину къ выясненію истины уже болѣе отчетливому и къ примѣненію ея уже самодѣятельному. Вотъ Лопуховъ и Кирсановъ слишкомъ общо, за то искренно и твердо, признали женщину равноправною на все доброе; женщина живо отозвалась на это и сдѣлалась силою, одушевляющею мужчину въ дѣлѣ истины и добра до того, что мужчина оказывается успѣвающимъ вдвое противъ прежняго въ своемъ саморазвитіи и самодѣятельности.

Чутье истины дало г. Чернышевскому схватить, въ своемъ романѣ, много вѣрнаго въ этомъ отношеніи.

Романъ г. Чернышевскаго вообще такъ построенъ, что лучшее въ немъ есть почти только еще намекъ, предощущенія истины, инстинктивное увлеченіе въ пользу истины, въ ущербъ собственной теоріи романиста. За то преобладающій во всемъ романѣ элементъ есть именно женскій, такъ что и самыя идеи или начала жизни и мысли какъ будто невольно или сами собою олицетворяются въ романѣ въ образы женскіе. Романистъ, очевидно, убѣжденъ или глубокимъ чутьемъ постигъ, что переходъ современнаго человѣка и общества отъ худшаго къ лучшему можетъ и долженъ совершаться во многомъ чрезъ женщину. И въ самомъ дѣлѣ, если женщина будетъ становиться въ сообразность, по вѣрѣ нашей, не съ Еввою—вождемъ грѣховности человѣческой, а съ своимъ въ добрѣ первообразомъ, съ Матерію Бога нашего—взбранною воеводою благодатнаго добра, образомъ Которой, по всему своему лучшему, служила и Ева: то сама Матерь Божію, родившая и возрастившая для міра Спасителя міра, имѣетъ столько благодати, чтобы, чрезъ Свой живой образъ—женщину, обновить и воспитать, поддержать и возрастить въ людяхъ живой и животворный духъ Сына Своего, духъ человѣколюбиваго Его снисхожденія на землю подъ всѣ условія человѣческой жизни, духъ Его превознесенія уже съ земною человѣческою природою. И тогда самые высшіе даже догматы истины Христовой будутъ проводиться и раскрываться и въ самыхъ низменностяхъ нашей жизни. У г. Чернышевскаго удивительное на это чутье. Вотъ Господь нашъ столько возлюбилъ человѣчество, что ради человѣковъ принялъ въ единство Своего лица человѣческую природу и такимъ образомъ «Я», такъ сказать, стоитъ за каждое человѣческое «я», только бы не отвергалъ человѣкъ такой благодати. И кто дѣйствительно и совершенно принимаетъ и усвоетъ такую благодать Господа, въ томъ она становится *все*, впрочемъ не поглощая не только его личности, но и національности и возраста и пола, напротивъ сама дивнымъ образомъ входя въ мѣру его личности, національности, пола. Вѣра Павловна у г. Чернышевскаго

ощутила, хоть только въ сновидѣніи, и эту тайну благодати, разнообразно возбуждающей и руководящей человѣка... Но все это, повторимъ, только въ намекахъ, предощущеніяхъ, инстинктахъ. И мысль, стремящаяся къ обнятію самой истины, но видящая, какъ въ этомъ отношеніи у насъ все еще пока молодо, зелено, омрачается довольно грустію среди этихъ молодыхъ и радостныхъ намековъ на истину, какъ «дама въ черномъ», среди веселой молодежи,—предъ концемъ романа. Будемъ терпѣливо ждать, когда эта «*дама въ черномъ*» явится уже въ веселомъ цвѣтномъ нарядѣ.

На этомъ и покончимъ нашъ разборъ романа «что дѣлать». Романистъ, служа истинѣ, стремился распутывать «дикую путаницу понятій» нынѣшняго общества и человѣка. Мнѣ, тоже въ интересѣ истины, хотѣлось точнѣе выяснить все лучшее, выраженное въ романѣ и могущее послужить дѣлу истины. Безъ точнаго выясненія, и лучшее затеряется въ дикой путаницѣ понятій. Съ другой стороны мнѣ хотѣлось показать, какъ надо быть осторожнымъ въ полемическомъ дѣлѣ. Въ романѣ «что дѣлать» скорѣе бросаются въ глаза несообразности съ принятыми понятіями объ истинѣ, нежели то или другое, подходящее къ истинѣ. Тѣмъ не менѣе въ романистѣ необыкновенное чутье истины. Какъ поэтому легко можно, ратуя за истину противъ лжи, оскорбить и отринуть многое, принадлежащее истинѣ, а не лжи! Поэтому я и предположилъ себѣ, по отношенію къ роману «что дѣлать», задачу раскрыть все, на что только ни наводило бы или ни намекало бы живое чутье истины романиста; затѣмъ все ложное въ романѣ, относящееся тоже къ дикой путаницѣ понятій, само собою подастъ, опровергаемое самимъ авторомъ—собственнымъ его чутьемъ истины.

Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія романъ г. Чернышевскаго я не могу не видѣть въ немъ замѣчательнаго выраженія русской мысли, неудержимо рвущейся къ свѣту истины, какъ ни задерживается она предзапятыми теоріями и литературными предразсудками, самолюбіями или даже иногда просто сплетнями. Кажется, безошибочно можно усмотрѣть изъ самого же романа «что дѣлать» намѣреніе его автора оправдать и от-

стоять свою школу противъ обличеній ея лживости, встрѣчавшихся въ литературѣ, и особенно противъ направленнаго, какъ показалось «Современнику» къ ниспроверженію его школы романа г. Тургенева «отцы и дѣти». Читавшему романъ г. Тургенева и потомъ взявшемуся за разборъ романа г. Чернышевскаго сами собою слышатся въ послѣднемъ подобныя подразумѣванія: «въ лицѣ Базарова, который чуть не задушилъ своего пріятеля и, при самомъ сочувствіи къ простому народу, ненавидитъ этотъ народъ за собственную безнадежную судьбу, за то, что только *лопухи* будетъ расти на собственной его могилѣ, несправедливо опозорена цѣлая школа. Не угодно ли посмотрѣть на дѣйствительныхъ представителей этой школы? Вотъ изучайте *Лопухова*, — смотрите *на Кирсанова*, не на Тургеневскаго *Кирсанова*, а на созданіе Чернышевскаго». Подобное стремленіе могло бы увлечь г. Чернышевскаго слишкомъ далеко по фальшивому пути софистической борьбы между литературными самолюбіями. Къ счастію любовь къ истинѣ и живое ея чутье, на этотъ разъ имъ не перетолкованное, не дали г. Чернышевскому поддаться искушенію отличиться только ловкою софистикою, которой, къ несчастію, слишкомъ отдаются нѣкоторые молодые его союзники. И вотъ въ романѣ «что дѣлать» русская мысль успѣла высказаться, по крайней мѣрѣ, чутьемъ истины. Слава Богу и за такое добро для русскаго человѣка и общества. Въ слѣдующей статьѣ посмотримъ и романъ г. Тургенева, «отцы и дѣти», имѣя въ виду особенно то, что̀ хотѣла бы сдѣлать изъ этого произведенія ловкая софистика.

В.

О РОМАНѢ Г. ТУРГЕНЕВА: «ОТЦЫ И ДѢТИ». РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ 1862 Г.

«Современникъ» (*) въ своей критической статьѣ объ этомъ романѣ г. Тургенева говоритъ: «если бы герой (именно База-

(*) Этотъ журналъ и до нынѣ не оставляетъ своихъ походовъ противъ г. Тургенева, напоминающихъ подобные же походы прежней "Библіотеки для чтенія„ противъ Гоголя. По моему мнѣнію, это дѣло "Современника„ есть очень

«ровъ) былъ живое лицо, если бы онъ могъ освободиться отъ «безмолвія и заговорить самостоятельно отъ себя, то онъ на«повалъ сразилъ бы г. Тургенева, посмѣялся бы надъ нимъ «гораздо остроумнѣе и основательнѣе (нежели какъ будто бы «г. Тургеневъ «острилъ и издѣвался надъ своимъ героемъ»), «такъ что самому г. Тургеневу пришлось бы тогда играть «жалкую роль безмолвія и безотвѣтности». При чтеніи этой самой статьи, «Современника», дѣйствительно, кажется, что Тургеневскій Базаровъ, какъ представляетъ его себѣ «Современникъ», является просто живымъ лицемъ, что онъ освободился отъ безмолвія и заговорилъ самостоятельно отъ себя, въ полной увѣренности или претензіи сразить г. Тургенева, посмѣяться надъ нимъ со всѣмъ превосходствомъ своего остроумія и основательности, дать ему жалкую роль безмолвія и безотвѣтности. — Посмотрите, какъ безпощадно сражаютъ г. Тургенева въ «Современникѣ»: «все прекрасно и поэтично, и старички, и елки, и невинные взгляды цвѣтовъ; но все это мишура и фразы, даже нестерпимыя.... Вотъ такую поэзію стоитъ и отрицать и порицать; на словахъ они умилительно поютъ о любви и мирѣ, а на дѣлѣ оказываются злостными и непримиримыми». Конечно, сказано это въ «Современникѣ» относительно частнаго мѣста романа; но въ этихъ словахъ выражается вся сила взгляда «Современника» и на весь романъ, въ которомъ проницательному нашему журналу померещился «асмодей нашего времени» г. Аскоченскаго. «Г. Аскоченскій, говоритъ «Современникъ», предвосхитилъ новый романъ г. Тургенева». Но и этого мало призраку Базарова (какъ понимаетъ послѣдняго «Современникъ») освободившемуся отъ безмолвія и рѣшившемуся довести самого г. Тургенева до жалкой роли безмолвія и безотвѣтности. Ему надо сразить г. Тургенева и въ другихъ его произведеніяхъ, въ «истинномъ смыслѣ» всей его литературно-художественной дѣятельности. Видите, дѣло какое открывается романомъ

опасный рискъ въ отношеніи къ собственному достоинству этого журнала. Вотъ почему издаю мою статью, писанную еще 1862 года. Я считаю нечестнымъ не помогать собратамъ въ выясненіи истины.

«отцы и дѣти»: «въ немъ г. Тургеневъ обнаружилъ себя «ясно и вполнѣ, и тѣмъ раскрылъ намъ истинный смыслъ «своихъ прежнихъ произведеній, сказалъ безъ околичностей и «напрямки свое послѣднее слово, которое въ прежнихъ его «произведеніяхъ было смягчено и затушевано разными поэти- «ческими прикрасами и эффектами, скрывавшими истинное его «значеніе». Наша добродушная или довѣрчивая критика хвалила въ Тургеневскихъ твореніяхъ собственно то, что̀ принадлежало ей самой, довѣрчивой критикѣ, а не Тургеневскимъ твореніямъ. Она вообразила, что г. Тургеневъ относился къ своимъ героямъ съ трогательнымъ участіемъ, съ сочувствіемъ, симпатизировалъ ихъ стремленіямъ всею силою своей художественно творческой любви. «Но теперь, провозглашаетъ «Современникъ», намъ понятна эта любовь, и на основаніи по- «слѣдняго романа г. Тургенева можно положительно сказать, «что критика ошибалась въ объясненіи прежнихъ его про- «изведеній, вносила въ нихъ свои собственныя мысли, нахо- «дила смыслъ и значеніе, не принадлежавшія самому автору»....

Признаюсь, что такіе приговоры «Современника» на г. Тургенева, относительно не только послѣдняго его романа, но и другихъ его произведеній, озадачили меня до огорченія. Я довольно близко ознакомился съ дѣломъ г. Тургенева, съ литературно-художественнымъ его поприщемъ. Въ твореніяхъ его, не исключая и самыхъ мелкихъ, ясно видѣлась мнѣ не копія только съ дѣйствительнаго міра (что обыкновенно бываетъ у неимѣющихъ истинно-творческаго художественнаго таланта), но такое воспроизведеніе дѣйствительной жизни, которое даетъ примѣтить и ощутить, что мы здѣсь въ жизни не заброшены, не забыты всеблагостнымъ нашимъ Отцемъ, что и въ нашихъ бореніяхъ и увлеченіяхъ слѣдитъ за нами всетворческая Его любовь, приводя насъ, по крайней мѣрѣ, страданіями въ свое соучастіе или только предощущеніе. Послѣдній романъ «отцы и дѣти» случилось мнѣ читать въ свѣтлую или пасхальную недѣлю; и это чтеніе не возмутило, а возвышало для меня свѣтлость духовнаго праздника. И мнѣ, какъ «Современнику», слышалось въ этомъ Тургеневскомъ

произведенія послѣднее слово по отношенію къ прежнимъ его произведеніямъ,—но слово именно объ ощущаемой художественно творческимъ талантомъ благодати Высшаго отчества и сыновства, выявляющейся и дѣйствующей въ человѣческихъ отношеніяхъ между «отцами и дѣтьми» міра христіанскаго, при всѣхъ духовныхъ недугахъ и невѣрностяхъ послѣдняго предъ такою благодатію. Можно представить, какими гостинцами подарилъ меня Базаровскій призракъ въ «Современникѣ».

Поэтому самое дѣло истины, самое уваженіе не только къ дѣлу г. Тургенева, но и къ дѣлу «Современника» неотступно требуетъ (думается мнѣ) нѣкотораго труда какъ испытанія тѣхъ основаній, по которымъ «Современникъ» относитъ г. Тургенева подъ знакомое мнѣ знамя г. Аскоченскаго, такъ и отчета въ діаметрально-противоположномъ моемъ понятіи о послѣднемъ романѣ г. Тургенева, съ которымъ связано достоинство и прежнихъ его произведеній. Надоже намъ всѣмъ по-немножку выяснять для себя и для другихъ, кто именно мечтатель,—тотъ ли, кто есть истина для всего (значитъ и для литературы, не исключая и романовъ), или ктобы ни было изъ нехотящихъ видѣть Его самого или человѣколюбиваго Его духа. Желаю особенно того, чтобы само сердце и логика удостовѣрили дѣльцовъ «Современника», что хочу вести дѣло съ ними въ интересѣ не школы, а истины.

I.

«Современнику» показалось, что г. Тургеневъ въ романѣ «отцы и дѣти» увлекся тенденціями дѣйствовать за одну школу противъ другой, враждующей съ первою, что поэтому романъ его тоже, что́ философскій трактатъ въ лицахъ. Въ этомъ трактатѣ г. Тургеневъ пристрастно отстаиваетъ будто бы «отцевъ» или старое поколѣніе и несправедливо идетъ противъ «дѣтей» или молодаго поколѣнія, выставляя первое въ добромъ свѣтѣ, а другое подводя подъ обидную для нихъ тѣнь и даже явно будто бы ненавидя главнаго со стороны «дѣтей» героя (упомянутаго уже у насъ Базарова). И въ особенности «подъ категорію дѣтей», такъ увѣряетъ «Современникъ», г. Тургеневъ

«подвелъ значительную часть современной литературы, такъ «называемое отрицательное ея направленіе, которое онъ олице- «творилъ въ одномъ изъ всѣхъ героевъ (все въ томъ же Ба- «заровѣ) и вложилъ ему въ уста слова и фразы, часто встрѣ- «чающіяся въ печати и выражающія мысли, одобряемыя моло- «дымъ поколѣніемъ и не возбуждающія непріязненныхъ чувствъ «въ людяхъ средняго поколѣнія, а можетъ быть даже и ста- «раго». А такъ какъ въ нашей литературѣ главнымъ представителемъ и выразителемъ этого отрицательнаго направленія служитъ именно «Современникъ», то онъ и взялся опровергать направленный противъ него трактатъ, который вообразился ему въ романѣ «отцы и дѣти». Естественно, что въ романѣ, какъ въ философскомъ трактатѣ, оказалось много лишняго, нейдущаго къ развитію доказываемыхъ мыслей, и все явилось поставленнымъ вверхъ дномъ; но это только предъ судомъ тѣхъ, которые вообразили романъ полемическимъ противъ нихъ трактатомъ и главнаго героя романа карикатурнымъ олицетвореніемъ направленія ихъ школы, для которой готовы они всѣмъ жертвовать, Но дѣло въ томъ, что г. Тургеневъ и не думалъ въ своемъ романѣ возвышать отцевъ надъ дѣтьми по отношенію тѣхъ и другихъ къ добру и истинѣ, что особенно главный со стороны дѣтей «герой» представленъ совсѣмъ не похоже на что-либо карриктурное, ненавидимое и осмѣиваемое самимъ авторомъ, и что очевидно уже по этому одному «Современнику» только померещился въ романѣ полемическій противъ направленія этого журнала (или его школы) трактатъ. Все это, конечно, надо еще доказать.

Прослѣдимъ въ романѣ взаимныя отношенія, умственныя и нравственныя встрѣчи и столкновенія отцевъ и дѣтей, чтобы видѣть, есть ли у автора пристрастіе въ пользу первыхъ противъ послѣднихъ. Начнемъ съ первой такой встрѣчи. Является къ отцу окончившій курсъ въ университетѣ сынъ его. Вотъ они, именно Николай Петровичъ и Аркадій Николаевичъ, ѣдутъ вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ; истинно отечески радъ сыну Николай Петровичъ, равно и Аркадій Николаевичъ чувствуетъ искреннюю не только просто сыновнюю, но и почти наивно дѣтскую (какъ

въ былые дѣтскіе годы), радость, его наполнявшую. Между ними идетъ разговоръ; между прочимъ отецъ признается сыну въ своихъ грѣшкахъ, такъ слабодушно (а не подвиженію искренняго и разумнаго раскаянія) краснѣя и вмѣстѣ такъ лукавя предъ своею совѣстію, что у сына невольно возбудилось ощущеніе какого-то тайнаго превосходства предъ отцемъ и нѣжность къ доброму и мягкому отцу переходила безсознательно въ тонъ какой-то уже снисходительности къ нему. Въ послѣдствіи потворилась подобная нравственная встрѣча отца съ сыномъ, и опять со стороны отца повторилось унизительное слабодушіе, по которому сыновней нѣжности опять пришлось поневолѣ великодушничать. Сынъ является, очевидно, достойнѣе отца; и самимъ отцемъ вызывались въ сынѣ невольныя чувства превосходства своего предъ отцемъ, а потому вина оскорбленія нравственныхъ отношеній между отцемъ и сыномъ, если только кому угодно видѣть здѣсь это оскорбленіе, падаетъ на самаго отца. Поставляя все это на видъ, г. Тургеневъ не слишкомъ ли ужъ пристрастенъ къ. . . не къ отцамъ, а ужъ къ молодому поколѣнію? Но погодите,—дѣло пойдетъ сейчасъ на оборотъ. Вѣдь «Современникъ» замѣтилъ, что этотъ самый сынъ, о которомъ говоримъ, дозволилъ своему пріятелю Базарову вырвать изъ своего сердца добрыя сыновнія чувства и расположенія, сдѣлавшись олицетвореніемъ порока непочтительности къ родителямъ (*). Но въ чемъ же это замѣтилъ «Современникъ»? Неужели серьезно въ томъ, что Аркадій согласился съ представленіями своего друга о превосходствѣ для его отца серьезнаго чтенія, могущаго ввести умъ его въ работу, въ подвигъ, предъ легкимъ чтеніемъ Пушкина? Или въ томъ, что Николаю Петровичу было неловко отъ того, что самъ же онъ поставилъ своего сына, въ отношеніи къ себѣ, въ какое-то настроеніе снисходительности и великодушія, въ которыхъ впрочемъ выражалась все-таки сыновняя нѣжность? Или въ томъ, что этотъ самый сынъ, Аркадій Николаевичъ, по

(*) Вотъ буквально что читается въ „Современникѣ“: „есть на свѣтѣ порокъ, „который зовется непочтительностію къ родителямъ и выражается извѣстными „поступками и словами. Г. Тургеневъ и назвалъ его Аркадіемъ Николаевичемъ“.

пословицѣ на чужой ротокъ не полагалъ платокъ, когда Базаровъ поставлялъ на видъ, дѣйствительныя или мнимыя, слабыя стороны его отца? Но и въ этомъ отношеніи Аркадій Николаевичъ (какъ изображаетъ его г. Тургеневъ), въ случаѣ насмѣшливыхъ надъ его отцемъ выходокъ Базарова какъ ни благоговѣлъ предъ своимъ учителемъ, не позволялъ себѣ даже улыбаться; вспомните, какъ принялъ Аркадій Николаевичъ Базаровскую насмѣшку, что «въ сорокъ четыре года человѣкъ, paterfamilias, въ...мъ уѣздѣ играетъ на віолончели». Онъ и своего дядю не выдавалъ предъ Базаровымъ до готовности къ серьезному съ нимъ разрыву, сколько ни подчинялся его вліянію. Онъ и за старичковъ—родителей своего друга говорилъ предъ этимъ самымъ другомъ съ достойнымъ сына уваженіемъ и участіемъ, давая чувствовать своему учителю недостатокъ его любви сравнительно съ родительскою. И именемъ этого сына, деликатно-благороднаго въ отношеніи къ старому поколѣнію, какимъ онъ представляется въ романѣ, г. Тургеневъ будтобы назвалъ порокъ непочтительности къ родителямъ!! Посмотрю, нѣтъ ли хоть мнимаго къ такой дикой мысли основанія въ романѣ. «Современнику» не показалось ли порокомъ непочтительности къ родителямъ то, что Аркадій Николаевичъ поддерживалъ своего друга въ спорѣ съ дядей, съ которымъ согласенъ былъ въ душѣ и отецъ его? Но не думается, чтобы у «Современника» такъ болѣзненно было нравственное чувство, что оскорблялось за старое поколѣніе, если молодые предъ стариками искренно отстаивали свои взгляды и убѣжденія. Не видно изъ романа, чтобы родительское чувство Николая Петровича, тонко ощущающее въ сынѣ самыя тайныя обидныя для него движенія, вызываемыя имъ же самимъ, оскорбилось, въ этомъ случаѣ, сыномъ. Не думаю также, чтобы «Современникъ» вмѣнилъ въ непочтительность къ отцу ту неловкость въ Аркадіѣ Николаевичѣ, которая обыкновенно овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ только что пересталъ быть ребенкомъ и возвратился въ мѣсто, гдѣ привыкли видѣть и считать его ребенкомъ, хотя въ этой неловкости Аркадій безъ нужды растягивалъ рѣчь свою, избѣгалъ слова «папаша» и даже разъ замѣнилъ его словомъ «отецъ»,

произнесеннымъ, правда, сквозь зубы, пилъ вина больше, чѣмъ самому хотѣлось. Ну, и довольно о нравственной встрѣчѣ между «отцами и дѣтьми» въ лицѣ Николая Петровича (и съ нимъ другихъ изъ стараго поколѣнія) съ одной стороны, и Аркадія Николаевича съ другой! Изъ того, какъ изображается эта встрѣча въ романѣ, очевидно, что только тогда можно выдумать, будто здѣсь авторъ держитъ сторону отцевъ противъ дѣтей, когда, бездоказательно, на вѣру принять клевету, будто сынъ здѣсь— живое олицетвореніе гадкаго порока непочтительности къ родителямъ. Не могу представить себѣ безъ улыбки, что олицетворенный порокъ непочтительности къ родителямъ (а значитъ и ко всякимъ ихъ представителямъ), когда угощали его у добрыхъ старичковъ вареньемъ, именно этотъ самый, Аркадій, нетерпѣвшій ничего сладкаго, почелъ однако своею обязанностію отвѣдать отъ четырехъ различныхъ «только что сваренныхъ сортовъ»; и свое дѣло въ романѣ онъ покончилъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ отцемъ поселился въ деревнѣ, сдѣлался, помогая отцу же, рьянымъ хозяиномъ и ферма ихъ приноситъ уже довольно значительный доходъ. Видно, г. Тургеневъ все таки хоть затаенное имѣлъ пристрастіе къ этому представителю «дѣтей», не меньше покрайней мѣрѣ, чѣмъ къ «отцамъ», хотя, по замѣчанію Современника, назвалъ его именемъ порокъ дурныхъ сыновнихъ отношеній къ родителямъ.

Перейдемъ къ другой встрѣчѣ или къ взаимнымъ столкновеніямъ между «отцами и дѣтьми» въ лицѣ Базарова съ одной стороны и всѣхъ соприкосновенныхъ къ нему въ романѣ старичковъ, начиная отъ Николая Петровича и особенно брата его Павла Петровича и кончая собственными родителями Базарова. Ну, вотъ ужъ тутъ непремѣнно должно быть у г. Тургенева пристрастіе къ «отцамъ» противъ ненавистнаго ему Базарова. Посмотримъ въ самомъ романѣ, а не въ статьѣ «Современника», какъ сопоставляетъ г. Тургеневъ этого новаго представителя «дѣтей» съ «отцами».

Не смотря на горячее радушіе Николая Петровича къ другу своего сына, Базаровъ не съ разу подалъ ему руку, по предубѣжденію, какъ открывается изъ дальнѣйшаго хода романа, про-

тивъ надутаго пустаго барства или противъ, какъ онъ по своему выражается, «барчуковъ проклятыхъ». И, какъ бы въ оправданіе или объясненіе этого, изъ поколѣнія «отцевъ» Павелъ Петровичъ, когда ему представляли Базарова, только «слегка «наклонилъ свой гибкій станъ и слегка улыбнулся, но руки не «подалъ и даже обратно положилъ ее въ карманъ». Значитъ, на первый разъ г. Тургеневъ пока еще не ставитъ «отцевъ» на высоту нравственнаго превосходства предъ ненавистнымъ будто бы ему Базаровымъ. Правда, этотъ представитель молодаго поколѣнія, въ интимныхъ бесѣдахъ съ своимъ пріятелемъ, не церемонится давать жосткіе, но большею частію мѣткіе, приговоры объ его отцѣ и дядѣ; но въ отцѣ своего пріятеля все таки онъ видѣлъ и искренно признавалъ «добряка» и въ послѣдствіи съ примѣтною любовію ставилъ его на ряду съ «такимъ же чудакомъ»—своимъ роднымъ отцемъ. Дядю своего друга, Павла Петровича, конечно, Базаровъ очень не жаловалъ за его барство, тщеславіе, за нравственное фонфаронство, за странное по изысканности и мѣсту щегольство; но и Павелъ Петровичъ приписывалъ Базарову, даже прямо въ глаза, сатанинскую гордость, глумленіе, распространеніе заразы между мальчишками. Въ схваткахъ, отъ которыхъ Базаровъ отдѣлывался по своему до послѣдней крайности, но въ которыя завлекали его придирками, Базаровъ вообще былъ гораздо сдержаннѣе относительно личностей, нежели противоборецъ его Павелъ Петровичъ. Онъ самою рѣзкостію своихъ сужденій и рѣчи о спорномъ предметѣ, повидимому, старался поскорѣе положить конецъ этимъ схваткамъ, безполезность которыхъ онъ видѣлъ такъ ясно и съ такимъ негодованіемъ.

«Современникъ» представляетъ себѣ и другимъ, что г. Тургеневъ, по ненависти къ своему герою, явно выдастъ его въ спорахъ съ Павломъ Петровичемъ. По мнѣнію «Современника» надо бы Базарову, если бы романистъ не поступилъ предательски въ отношеніи къ этому лицу, отвѣчать на слова своего оппонента совсѣмъ иначе. Вотъ напр. очень важное мѣсто въ спорѣ двухъ борцевъ изъ стараго и новаго поколѣнія. «Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе, говоритъ Базаровъ

отъ лица всѣхъ того же направленія,—мы отрицаемъ».—«Все?» спрашиваетъ Павелъ Петровичъ.—Все, отвѣчаетъ Базаровъ, желая съ разу отдѣлаться отъ нехитрыхъ нападеній на него съ этой стороны.—«Какъ, подхватилъ Павелъ Петровичъ,—не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить..»?—Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.—«Современнику» кажется, что г. Тургеневу надо бы, по художественной совѣсти, вложить въ уста своего героя такой отвѣтъ: «нѣтъ, мы отрицаемъ только *ваше* искусство, *вашу* поэзію, *ваше* «и», но не отрицаемъ и даже требуемъ другаго искусства, и поэзіи, другаго «и», какое представлялъ себѣ напр. Гете» и проч. Но, не касаясь еще того (о чемъ у насъ рѣчь впереди), согласно ли это съ истиннымъ Базаровскимъ настроеніемъ и взглядомъ на вещи ,подобный отвѣтъ Базарова начиналъ бы, очевидно, уже такія же личныя оскорбленія своего оппонента, какія позволилъ себѣ «Современникъ» въ отношеніи къ г. Тургеневу, представляя споръ Базарова прямо и лично съ самимъ г. Тургеневымъ («мы отрицаемъ только ваше искусство, «вашу поэзію, г. Тургеневъ»,—вотъ какъ отъ лица Базарова карикатурилъ «Современникъ» это мѣсто романа). Вотъ это и значило бы, со стороны г. Тургенева, выдать своего героя униженію до лично-оскорбительныхъ выходокъ, надъ которымъ Базаровъ, при всей жосткости и рѣзкости своего слова о предметѣ спора, благородно возвышается; онъ развѣ только мимоходомъ и въ отвѣтъ на выраженное уже ему оскорбленіе ущипнетъ иногда самого своего противника—такимъ напр. словцомъ: «что это, допросъ«? или: «спросите любаго изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ, въ васъ или во мнѣ, онъ скорѣе признаетъ соотечественника»; или: «вы вотъ уважаете себя и сидите сложа руки» и том. под. Но въ другихъ случаяхъ Базаровъ не дозволялъ себѣ говорить старичкамъ: «куда съ *вашимъ* искусствомъ, съ вашимъ знаніемъ»; напротивъ жосткую правду онъ относилъ и къ себѣ самому: «куда *намъ* «до Либиха! сперва надо азбукѣ выучиться и потомъ уже «взяться за книгу. а *мы* еще аза въ глаза не видали». Такая сдержанность такой головы, въ придирчивомъ къ нему спорѣ,

сообщаетъ Базарову въ Тургеневскомъ романѣ такое достоинство, въ которомъ, на мой взглядъ, много уступаетъ ему антагонистъ, представляющій сторону «отцевъ». Сами «отцы» это чувствуютъ и откровенно наконецъ признаются, въ лицѣ Николая Петровича, въ томъ, что точно, при всѣхъ ихъ претензіяхъ идти за вѣкомъ, «пѣсенка ихъ спѣта» а, въ лицѣ Павла Петровича, въ томъ, что не только пустое барство, но и высящееся надъ другими самоуваженіе и чувство аристократизма еще не составляютъ достоинства. Тургеневскіе «отцы», на сколько ихъ представляетъ въ романѣ Павелъ Петровичъ, самый споръ ведутъ уже, примѣтно, какъ люди «отставные», думая поразить своихъ противниковъ такими ударами, которые для нихъ уже получили значеніе ударовъ мечемъ картоннымъ. И г. Тургеневъ, изображающій все это въ живой дѣйствительности,—вотъ какъ и прямо беретъ сторону этихъ «отцевъ» противъ такихъ «дѣтей»: «онъ (Павелъ Петровичъ) начиналъ чувствовать тайное «раздраженіе. Его аристократическую натуру возмущала совер«шенная развязность Базарова. Этотъ *лакарскій сынъ не только «не робѣлъ,* онъ даже отвѣчалъ отрывисто и неохотно»... Мудрено ли, что и Базаровымъ овладѣвало нетерпѣніе, зачѣмъ онъ связывался съ такими спорщиками? Такимъ образомъ и въ отношеніи къ этимъ схваткамъ стараго поколѣнія съ новымъ ясно, кажется, оказывается, что г. Тургеневъ пристрастенъ развѣ къ новому въ лицѣ самаго даже такого его представителя, каковъ Базаровъ,—покрайней мѣрѣ, ужъ никакъ не къ старому.

Взглянемъ поближе и на отношенія Базарова къ роднымъ своимъ отцу и матери. Здѣсь ужъ, кажется, до наглядности явно пристрастіе къ послѣднимъ г. Тургенева, и ненависть его къ Базарову, дозволявшему себѣ злыя, впрочемъ «часто тупыя или безсмысленныя, выходки» насмѣшки и надъ тѣми медицинскими средствами, которыя самъ же совѣтовалъ отцу своему, и надъ самимъ отцемъ, который тотчасъ же пускалъ ихъ въ ходъ. Въ настоящемъ случаѣ не стану указывать на искреннюю тѣмъ не менѣе любовь Базарова къ своимъ родителямъ, въ которой онъ такъ просто завѣрялъ своего пріятеля и которую нельзя не примѣтить и при началѣ свиданія его съ родителями, когда

онъ, Базаровъ, безъ всякихъ эффектовъ отдавался ласкамъ своей матери, и въ самыхъ его *базаровскихъ* отзывахъ о нихъ или рѣчахъ съ ними, и въ томъ, что онъ не выдавалъ ихъ предъ гостемъ даже относительно случайнаго недостатка, «говядинки», и въ томъ, что цѣлый день не могъ онъ собраться съ силами и рѣшимостію сказать наконецъ дождавшимся его родителямъ о своемъ намѣреніи снова разстаться съ ними, и проч. Не остановлюсь на вопросѣ, на сколько этотъ Базаровъ, какъ его живописалъ г. Тургеневъ, лучше и искреннѣе съ родителями, нежели эти благопріглаженные сыновья и дочери, цѣлующіе у папаши и мамаши ручки, а сердце ихъ далеко, далеко отстоитъ. Но вотъ на что желалъ бы я обратить вниманіе разсуждающихъ. Этотъ добрый отецъ Базарова, «боготворящій своего сына» неотстающій тоже и отъ вѣка, такъ что, рисуясь предъ сыномъ, относитъ къ предразсудкамъ служеніе молебна, (чего однако самъже онъ и пожелалъ, какъ искренно-набожный человѣкъ), онъ-то первый, чрезъ такое свое умственное и нравственное настроеніе, и бросилъ въ душу своего сына духовныя, безсознательныя и инстинктивныя — конечно, сѣмена этого страшнаго какого-то самообожанія, соединеннаго съ энергическимъ отвращеніемъ не столько отъ предразсудковъ, сколько отъ фальшивости двоедушія и нравственнаго фонфаронства, въ какихъ бы благовидностяхъ ни являлось все подобное. Вѣдь не обманешь внутренняго ощущенія души, которымъ она соприкасается или, по нашей пословицѣ, «вѣсть подаетъ» другой душѣ; это не мистицизмъ какой, а простой опытъ, что, напр., къ иному человѣку такъ тебя и тянетъ, а къ другому никакъ не лежитъ у тебя сердце, иногда съ перваго же взгляда на того и другаго человѣка,—или вотъ и еще тоже простой опытъ, что иной учитель болѣе передастъ своимъ воспитанникамъ своимъ свѣтлымъ или жосткимъ настроеніемъ, чѣмъ самыми уроками. Ну, и добрѣйшая, рѣдкая матушка Базарова, безконечно любящая и боящаяся своего сына, выражающая свою любовь особенно возможными заботами о насыщеніи и покойномъ помѣщеніи сына, не возвысившаяся еще вполнѣ надъ такою любовію къ родному сыну, которая соединяется уже съ не-

любовію или хоть невнимательностію ко всему, что не сынъ («Арина Власьевна, говоритъ г. Тургеневъ, «не замѣчала Аркадія, не подчивала его; подпершн кулачкомъ свое круглое лицо... она не сводила глазъ съ сына»),—старушка, очевидно и какъ мать, была такой, которой, по словамъ о ней г. Тургенева, «слѣдовало бы жить лѣтъ за двѣсти, въ старомосковскія времена». Такая среда «отцевъ», представленная именно г. Тургеневымъ, была ли *своею*, живою и родною, старонушкою для Базарова?! Очень потому естественно, если онъ ѣхалъ къ своимъ родителямъ, какъ бы отправляясь на тотъ свѣтъ «къ отцамъ», какъ онъ выразился однажды; въ такомъже настроеніи духа онъ и жилъ у нихъ, и какъ ему, Базарову, быть иначе? А притомъ еще онъ очень ясно видѣлъ что, сравнительно съ его духовно-одинокимъ, истинно-сиротскимъ положеніемъ, о которомъ у насъ рѣчь еще впереди,—«хорошо его родителямъ жить на свѣтѣ»! Отецъ въ шестьдесятъ лѣтъ, такъ онъ говоритъ своему другу, «хлопочетъ, толкуетъ о полліатив«ныхъ средствахъ, лечитъ людей, великодушничаетъ съ крестья«нами, кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо, «день ея до того напичканъ всякими занятіями, охами до охами, что ей и опомниться нѣкогда, а я....». А онъ, Базаровъ, въ такомъ одиночествѣ духа, которому вся безмѣрная любовь родительская не только не помогаетъ не сочувствуетъ, но которое, увы, онаже родительская безмѣрная любовь и посѣяла въ немъ, и не перестаетъ поддерживать и усиливать своимъ благоговѣніемъ и страхомъ къ сыну. И тѣмъ не менѣе онъ, сколько можетъ и умѣетъ, не дозволяетъ себѣ дѣйствительныхъ оскорбленій своихъ стариковъ,—онъ только не въ состояніи потакать фальшивости, съ какою ктобы ни рисовался предъ нимъ,—таковъ уже этотъ человѣкъ. Но и тутъ насмѣшливыя его выходки выставляются г. Тургеневымъ выпукло на видъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что они восхищали его отца. Но и въ этихъ насмѣшкахъ Базаровъ Тургеневскій не дозволяетъ себѣ касаться той стороны въ «отцахъ», что они (или собственно только его отецъ, а не мать) на словахъ считаютъ молебны за предразсудокъ, однако усердно служатъ ихъ и не оставляютъ набожно ходить къ заутрени;

на этотъ счетъ, когда и набожные двоедушно стыдятся Христа Сына человѣческаго и вмѣстѣ Бога, у Базарова и вырвалось только развѣ одно это загадочное или, пожалуй пустое слово: «Ну, это девятое дѣло»! Сюда же, пожалуй, можетъ быть отнесено и названіе священника «попомъ», употребленное Базаровымъ въ то время, какъ батюшка его, по своему двоедушію, забавно затруднялся высказать хорошенько сыну, что за обѣдомъ будетъ у нихъ отецъ Алексѣй; этимъ названіемъ впрочемъ Базаровъ, по ходу дѣла въ романѣ, хотѣлъ выразить предъ отцемъ только то, что лучше бы дѣло вести просто и прямо, а не двоедушничать, что несравненно оскорбительнѣе для священнаго чина, нежели это простонародное названіе «попъ». Какъ бы то ни было, все таки можно видѣть, что г. Тургеневъ, и въ лицѣ Базарова въ отношеніяхъ его къ родителямъ, не выдалъ; «дѣтей» предъ «отцами»; въ существѣ дѣла положеніе первыхъ, по роману, едва ли не выше, а ужъ никакъ не ниже положенія послѣднихъ.

Брать ли намъ во вниманіе другія соотношенія между «отцами» и «дѣтьми», какъ они раскрываются въ романѣ г. Тургенева? Анна Сергѣевна является въ отношеніи къ сестрѣ своей Катѣ, какъ ея мать или педагогъ; оказывается, что она, и сама того не замѣчая, нравственно деспотствовала надъ молодымъ поколѣніемъ въ лицѣ своей младшей сестры. Такимъ образомъ на сторонѣ «отцевъ» не поощрена г. Тургеневымъ и такая прекрасная и свѣтлая личность, какъ Анна Сергѣевна, на сколько она попала на сторону отцевъ. За то впрочемъ Прокофьичъ, человѣкъ стараго лакейскаго закала, является въ романѣ почтеннѣе современнаго лакея Петра, который, къ концу романа, «совсѣмъ окоченѣлъ отъ глупости и важности». Ситниковъ является глупымъ, но добрымъ малымъ столько же и въ отношеніи къ «отцамъ», сколько въ отношеніи къ своимъ ровесникамъ: «отецъ помыкаетъ имъ по прежнему», говоритъ г. Тургеневъ на концѣ своего романа. Что еще? Есть въ романѣ еще такіе «дѣти», которые скорехонько знакомятся съ «дохтуромъ и начинаютъ съ нимъ философствовать, готовые войти и въ диспутъ съ этимъ «бариномъ»; есть и такіе «отцы» подобныхъ

дѣтей, которые скажутъ барину или взрослому его сыну; «чѣмъ строже баринъ взыщетъ, тѣмъ милѣе мужику», и потомъ сейчасъ же разсудятъ между собою, что баринъ «болталъ кое-что,—языкъ почесать захотѣлось; извѣстно, баринъ,—развѣ онъ что понимаетъ»? Наконецъ и старая княжна Х.....я, тетка Анны Сергѣевны и Кати, худенькая и маленькая женщина съ сжатымъ въ кулачокъ лицомъ и неподвижными, злыми глазами, которая терпѣть не могла особенно этихъ «новыхъ оголтѣлыхъ» молодыхъ людей, тоже принадлежитъ къ Тургеневскимъ типамъ изъ стороны «отцевъ».

Или г. Тургеневъ не чернитъ ли «дѣтей» предъ «отцами» и превозноситъ послѣднихъ предъ первыми, внѣ взаимныхъ отношеній? Характеристику родителей Базарова знаемъ ужъ достаточно. Павлу Петровичу г. Тургеневъ приписываетъ прямо «погибшую жизнь» и, среди лучшихъ его движеній, видитъ въ немъ не болѣе, какъ уже «мертвеца», т. е. не подающаго уже никакихъ живыхъ задатковъ и надеждъ для жизни. Николая Петровича вотъ какъ характеризуетъ г. Тургеневъ: «Николай «Петровичъ попалъ въ мировые посредники и трудится изо всѣхъ «силъ; онъ безпрестанно разъѣзжаетъ по своему участку, про«износитъ длинныя рѣчи (онъ придерживается того мнѣнія, что «мужичковъ надо «вразумлять», т. е. частымъ повтореніемъ «однихъ и тѣхъ же словъ доводить ихъ до истомы), и все «таки, говоря правду, не удовлетворяетъ вполнѣ ни дворянъ «образованныхъ, говорящихъ то съ шикомъ, то съ меланхоліей «о *манципаціи* (произнося *ан* въ носъ), ни необразованныхъ «дворянъ, безцеремонно бранящихъ «эвту муципацію». Кажется, ясно, что̀ за птица этотъ человѣкъ, и безъ выдумки «Современникомъ» цинически-грязной, совсѣмъ нейдущей къ его характеру, сцены съ Ѳеничкой. Удивительно, что за фавориты у г. Тургенева—эти «отцы». Но и со стороны молодаго поколѣнія какова эманципированная напивающаяся Кукшина?! За то въ романѣ довольно противовѣсна ей, кажется, взятая не въ значеніи педагога, а молодой женщины, не церемонящаяся приглашать молодыхъ людей гостить у себя въ деревнѣ, Анна Сергѣевна, въ которой есть все лучшее независимой

женщины, безъ уродливыхъ излишествъ Кукшиной. А Катя? А Аркадій, эта благородная и деликатная душа, какъ будто и немогущая уступать правды, на сколько онъ видитъ ее, не только «отцамъ», нѣжно впрочемъ чтимымъ отъ него, но и своему другу—учителю, предъ которымъ онъ просто благоговѣлъ сначала? Выяснить себѣ ничѣмъ правдоподобнымъ не могу, съ чего это взялъ «Современникъ» видѣть въ этомъ прекрасномъ типѣ олицетвореніе порока непочтительности къ родителямъ. Развѣ избытокъ мягкихъ, нѣжныхъ сторонъ можно бы вмѣнить, и то не совсѣмъ справедливо, въ нѣкоторую слабость Аркадія Николаевича. Говорю: не совсѣмъ справедливо; потому что, при всемъ властительномъ на него вліяніи Базарова, онъ умѣлъ сохранить свою независимость отъ него, не только касательно своего отца и дяди, но и въ отношеніи къ Базаровскому самообожанію, къ непоколебимости понятій о справедливости. За то самъ Базаровъ, этотъ, по Современнику «Асмодей нашего времени», какимъ съ ненавистью къ нему представляетъ будто бы его г. Тургеневъ? Перейдемъ къ обсужденію дѣла, по вопросу о Базаровѣ, имѣющему существенную важность для истиннаго пониманія послѣдняго романа Тургеневскаго.

Какъ угодно «Современнику», но Базаровъ у Тургенева никакъ не похожъ на какую либо ненавистную для него, доведенную имъ до сатанинскаго извращенія, каррикатуру. Вся ошибка «Современника» произошла, думается мнѣ, отъ того, что онъ вообразилъ, будто Базаровъ также, какъ и самъ онъ, «Современникъ», держится отрицательнаго направленія. Нѣтъ; Базаровъ въ этомъ отношеніи далеко выше (да не погнѣвается «Современникъ»,) «Современника». Базаровъ напр. не въ состояніи подобно «Современнику», пробавляться, если нѣтъ еще въ рукахъ хлѣба истины полной, настоящей,—этой единственной здоровой пищи, для духа, пробавляться только сравнительно болѣе другихъ вѣроятною (какъ притомъ кажется оно тому или другому) истиною, т. е. не истиною, въ строгомъ смыслѣ, а тѣмъ, что̀ въ данную минуту представляется болѣе похожимъ на истину.

Чтобы вполнѣ понять Тургеневскаго Базарова, надо предста-

вить себѣ положеніе человѣка, который столько честенъ по дѣлу истины, мысли и жизни, какъ сейчасъ сказано о Базаровѣ, но съ достаточною для него убѣдительностію не дозналъ нисколько того, что нѣтъ истины внѣ Того, Кто сказалъ: «Я истина», а напротивъ во всемъ, что приходилось ему слышать и видѣть у людей принадлежащаго или соприкосновеннаго къ этой великой истинѣ, сознаетъ и ощущаетъ много человѣческой фальшивости. Это положеніе и дѣло Базарова. Вѣдь внѣ Того, Кто есть всеобъемлющая истина, нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ истины и правды, нѣтъ ничего, истинно прочнаго и твердаго для мысли и жизни человѣка, если послѣдній будетъ добросовѣстенъ и честенъ въ своихъ воззрѣніяхъ и правилахъ, не удовлетворяясь, вмѣсто здороваго хлѣба, гнилью мнимой, въ извѣстное только время, истины и правды. Имѣть великое несчастіе не узнать самой истины и вмѣсто здороваго ея хлѣба уже не хотѣть ни гнили мнимой истины, ни даже пряниковъ безотчетныхъ инстинктовъ къ истинѣ, которые многихъ не ведутъ ни къ чему прочному, а только тѣшатъ и усыпляютъ, какъ маленькихъ ребятъ,— вотъ положеніе и вмѣстѣ направленіе и характеръ Тургеневскаго Базарова. Немного такихъ людей, честно и твердо проводящихъ въ своемъ образѣ мыслей и жизни, покрайней мѣрѣ отрицательную сторону истины; эти люди, исчерпывая эту сторону до самаго дна страшной ея горечи, скорѣе помогутъ добраться до самой истины, чѣмъ къ обольщенію и усыпленію себя и другихъ пробавляться временно-мнимыми истинами (какъ напр. древніе язычники своимъ культомъ) или только мерцаніями истины, колеблющимися въ безотчетности (что было также и у язычниковъ). Базаровъ нимало не похожъ на этихъ послѣднихъ. Ему скажутъ, что надо быть справедливымъ; онъ, не видя въ себѣ и въ другихъ не зная самаго существа справедливости, не признаетъ и вѣрности ея примѣненія и не усумнится на слово справедливости отвѣтить вопросомъ: «изъ чего это слѣдуетъ?!» Ему укажутъ на искусство, на науку; но въ самой горделивой выси искусства надъ прямыми или положительными пользами онъ уже видитъ мечтательную безплодность, не свойственную истинѣ, которая, и въ самомъ дѣлѣ, должна завѣдывать всѣмъ. Въ са-

момъ возношеніи науки надъ ремеслами, надъ прозою жизни, онъ видитъ, что и ея, какъ изученія истины, не существуетъ, а что и она, пожалуй, существуетъ только какъ ремесло или званіе, дающее хлѣбъ или права. Укажутъ на авторитеты; но онъ знаетъ, что изъ за неосмысленнаго признанія авторитетовъ человѣкъ, пожалуй, поставитъ себя въ самую невозможность добраться до самой истины; и потомъ онъ рѣзко выскажетъ, что авторитеты Рафаелей или Гегелей для него гроша мѣднаго не стоятъ, какъ и ихъ послѣдователи, не выяснившіе въ нихъ самаго существа ихъ дѣла или все той же *истины*. Аристократизмъ, либерализмъ, принципы, погрессъ, философія и какія бы ни было мнимыя, въ настоящую только минуту или эпоху, свѣтлыя идеи—все это для него вздоръ, мечтательность романтизма или безполезная суетность, иностранныя слова, которыя русскому человѣку даромъ не нужны; все это мнимою своею свѣтлостію и истинностію, дѣйствительно, многихъ только останавливаетъ на себѣ вдали отъ самой истины и правды, которая одна могла бы дать всему этому силу и жизнь. Ему и всякія безполезныя отвлеченности (а не основательность) логики не нужны. Онъ смѣется и надъ медициною, составляющею его спеціальность; потому что не можетъ разныя отрывочныя физіологическія и медицинскія открытія признать за выясненіе тайны жизни и природы нашей, которое дало бы твердое основаніе къ поддержкѣ первой, къ благоустройству другой. Смѣется онъ и надъ патріатизмомъ, соглашающимся съ родными предразсудками, а не благоволящимъ къ нѣмецкому полезному за то, что оно принадлежитъ Германіи. Онъ идетъ далѣе,— онъ и въ святыню брака не вѣритъ какъ представляютъ его себѣ явно непонимающіе его силы и святыни. Онъ не видитъ никакихъ твердыхъ опоръ и для признанія человѣческаго достоинства, какъ его нынѣ возвышаютъ. Базаровъ, пока онъ будетъ Тургеневскимъ Базаровымъ, а не кѣмъ нибудь изъ школы Современника, не можетъ признать и Гётевскаго «и» (*), какъ

(*) Выше мы уже касались этихъ словъ къ Базарову: „(вы отрицаете) не только искусство, поэзію, но и... страшно вымолвить".

хотѣлъ бы Современникъ, а или дойдетъ до истиннаго «я», или навсегда останется въ своемъ одиночествѣ самообожанія, которое впрочемъ есть не что иное у него, какъ вѣра только себѣ самому, пока онъ не нашелъ истины. Ему, чтобы не положить на себя руку, остается, за истину, только собственное *ощущеніе* и *положительная полезность;* потому что, пока есть въ человѣкѣ ощущеніе, человѣкъ не можетъ сказать о себѣ, что онъ не живетъ, а пока есть у него положительныя средства жизни, можно еще жить на землѣ. Внѣ ощущенія, какъ начала для жизни и отсюда для мысли, и внѣ положительной полезности, какъ круга дѣйствительной жизни и немечтательной мысли, отрицаніе всему, всему! Отрицаніе дотолѣ, пока не откроется или не дознается сама истина и правда, которая давала бы намъ и хлѣбъ насущный, и освобождала отъ всякихъ видовъ лжи и лживости, и упрочила бы для насъ все доброе въ жизни и обществѣ. «Мы увидали, «говоритъ Базаровъ, что и умники наши, такъ называемые «передовые люди и обличители никуда не годятся, что мы «занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, без-«сознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ «и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, «когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціо-«нерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказы-«вается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, «о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ «въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самаго себя обокрасть, «чтобы только напиться дурману въ кабакѣ».

Базаровъ очень хорошо понимаетъ, что такъ жить всегда нельзя, что отрицаніе есть сила, и самая непобѣдимая сила, только на то время, пока она не сломаетъ зданіе всякихъ фальшей, всякихъ фальшивыхъ отношеній къ правдѣ, обуявшихъ людей до нельзя. «Вы все отрицаете, или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете, говорятъ Базарову. Да вѣдь надо же и строить». Онъ отвѣчаетъ: «это уже не наше дѣло.... Сперва нужно мѣсто расчистить».—Базаровъ во всей глубинѣ сознаетъ и чувствуетъ и всю эту безотрадную бездну одино-

чества въ отрицаніяхъ, съ прибавками къ нимъ *ощущенія* и *положительности*, которыя тоже висятъ ни на чемъ. Вотъ что говоритъ онъ своему пріятелю: «я вотъ лежу здѣсь подъ «столомъ.... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того «крохотно съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и «гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ «удается прожить, такъ ничтожна предъ тою вѣчностію, гдѣ «меня не было и не будетъ.... А въ этомъ атомѣ, въ этой «математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, «чего-то хочетъ тоже.... Что за безобразіе! Что за пустяки»! Какъ будто прямо по слову одного великаго отца: «если бы я не былъ Твоимъ, Христосъ, мнѣ было бы это обидно»,— Базаровъ явно обижается на свое существованіе, не добравшись до Христа, но не могущій, по самой честности своей въ отношеніи къ истинѣ, уже ни на чемъ успокоиться. Его беретъ злость, когда другимъ, не прямѣе его стоящимъ въ отношеніи къ истинѣ, а имѣющимъ, можетъ быть, и добраться до чистаго и всеоживляющаго ея свѣта по пути, разчищенному тяжолыми его отрицаніями, — ничего, хорошо, или будетъ хорошо, а онъ пропадай....» Ненавидѣть! Такъ говоритъ онъ своему другу.—Да вотъ, напр., ты сегодня сказалъ, проходя «мимо избы старосты Филиппа—она такая славная, бѣлая—вотъ, «сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у «послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ «насъ долженъ этому способствовать.... А я и возненавидѣлъ «этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго «я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не «скажетъ.... Да и на что мнѣ его спасибо?—Ну, будетъ онъ «жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ....» Такое настроеніе овладѣло было имъ и въ отношеніи къ пріятелю, который, во имя безотчетнаго для него чувства справедливости, не соглашался съ Базаровымъ во взглядѣ на близкихъ своихъ и, очевидно, отдалялся отъ основы базаровскаго возрѣнія, какъ скоро послѣднее выяснилось хорошенько предъ нимъ; духовное одиночество мучило Базарова до злости. Но ужъ это таковъ былъ человѣкъ, какъ самъ онъ объясняетъ о

себѣ: «странное существо человѣкъ. Какъ посмотришь эдакъ съ боку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь «отцы», кажется: чего лучше? ѣшь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ самымъ разумнымъ образомъ. Анъ нѣтъ, тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними». Будь онъ инаковъ: это значило бы, что и онъ, какъ «Современникъ», не добравшись до самой и единственной истины, успокоился бы и потомъ упорно бы утверждался на чемъ либо, мнимо истинномъ или временно кажущемся истинным, какъ на самой истинѣ. Такого гнилаго хлѣба онъ не хотѣлъ; но все таки чувствовалъ, что наиболѣе зрѣлыя и свѣтлыя души, какъ напр. Анна Сергѣевна, оказались такими отъ того, что сколько нибудь попробовали отъ его хлѣбца страдальческой честности въ отношеніи къ истинѣ.

И вотъ въ чемъ скрывается тайна того, почему Базаровъ влекъ къ себѣ невольно все энергически молодое и свѣжее, и отталкивалъ отъ себя рутинеровъ или мечтательныхъ, по его взгляду, романтиковъ. Видно, одни (не исключая и современнаго лакея Петра) чувствовали, что все же для нихъ болѣе живой надежды въ отрицаніи фальшиваго и мертваго, чѣмъ въ признаніи послѣдняго; а другіе трепетали за подпорки своихъ фальшивыхъ отношеній къ истинѣ, будучи однако не въ силахъ ихъ отстаивать отъ Базарова. Онъ только тогда возбудилъ къ себѣ невольную антипатію со стороны простодушныхъ, когда предъ ними онъ изливалъ свою злость на свое духовное одиночество (тутъ онъ даже оказывался, сверхъ всякаго чаянія неумѣющимъ и говорить съ простыми мужичками), или когда допускалъ, хотя бы неизбѣжное для него, раздвоеніе между своимъ воззрѣніемъ и практикой (тутъ ужъ мужикъ, и самъ не зная отъ чего, не ломалъ предъ этимъ бариномъ шапки,—видно вездѣ сердце сердцу вѣсть подаетъ). «Асмодея нашего времени» пока я не вижу въ Базаровѣ. Все, сказанное о немъ, еще не выводитъ его изъ того круга, который онъ самъ очертилъ для себя: «мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь», и еще: «когда я встрѣчу человѣка, который не спасовалъ бы

предо мною (т. е. предъ которымъ мой путь отрицательный оказался бы явно несостоятельнымъ), тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ». Другими словами сказать тоже: проясните мнѣ истину, чтобы именно я ее видѣлъ, я предался ей всею душою. Съ этимъ человѣкомъ, какъ съ Савломъ, скорѣе что нибудь подѣлаешь для истины, чѣмъ съ почивающими себѣ преспокойно на какихъ либо призракахъ, или буде на мертвыхъ оставахъ истины.

Посмотримъ на Базарова, особенно въ душевномъ отношеніи его къ Аннѣ Сергѣевнѣ, въ которое Базаровъ сталъ совершенно неожиданно для себя и отъ котораго не могъ онъ освободить себя до самой смерти. Базаровъ отрицалъ все высшее (безотчетно дѣйствующее), въ *любви*, какъ мечтательный романтизмъ; какъ человѣкъ *ощущенія* и ощутительно полезной *положительности*, дальше которыхъ онъ ничего еще не успѣлъ прозрѣть, Базаровъ въ дѣлѣ любви останавливался только на тѣлѣ и добивался положительнаго толка. Но вотъ «что-то другое въ немъ вселилось, чего онъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что̀ возмущало его гордость». Въ возбудившейся у него любви къ Аннѣ Сергѣевнѣ слышалось ему что-то высшее тѣла и положительнаго толка, неоставляющее его и при невозможности уже какого нибудь подобнаго толка и при ощущаемой имъ близости собственнаго его тѣла къ разложенію,—слышалось ему ясно что-то таинственное, въ чемъ онъ, не зная еще самой истины, не могъ дать и отчета опредѣленнѣе и умнѣе, какъ развѣ назвавъ это чувство «напускнымъ». (Такъ деревенскія женщины называютъ признаваемое ими за нѣчто таинственное, чего они иначе не умѣютъ и изъяснить, какъ представляя, что это «напущено» злымъ человѣкомъ). Очевидно, что его брала злость (въ смыслѣ горячей нетерпѣливости) отъ этого новаго чувства. Надобно представить себѣ человѣка, отрицающаго все темно-таинственное, все безотчетное и безсознательное для него высшее, но вдругъ ощутившаго себя въ какихъ-то таинственныхъ узахъ, вдругъ оказавшагося подъ неотразимымъ вліяніемъ чего-то высшаго, могучаго, словно это было «напущено» на него какою-то невѣдомою силою. Онъ видѣлъ, что

сомкнутость отрицательнаго его одиночества готова была разорваться, но не отъ объявшаго его свѣта истины, а отъ какого-то «напускнаго чувства». Это была для него болѣзнь, врагъ, котораго сломать онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность. Но напрасно онъ ловилъ себя на всякаго рода «постыдныхъ» мысляхъ, когда «напускное чувство» могло быть успокоено въ немъ соотвѣтствіемъ. Напрасно, за тѣмъ, онъ мечталъ отдѣлаться отъ разрушавшаго все его настроеніе духовнаго движенія: «я ужъ въ клиникѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль, тотъ непремѣнно ее побѣдитъ». Борьба его была противъ несокрушимаго рожна, какъ онъ не рвался въ этой борьбѣ: «по моему—лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть, хоть и кончикомъ пальца.... Мужчинѣ нѣкогда заниматься такими пустяками; мужчина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская погокорка». Вся энергія души его высказывалась въ этихъ словахъ: «самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ. Аминь! Кончено!» Но тѣмъ не менѣе слова только и оставались словами. Увѣрялъ было онъ самоё Анну Сергѣевну, что предъ нею «смертный, который самъ давно опомнился и надѣется, что другіе забыли его глупости»; однако кипѣніе жолчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ, когда говорили ему о молодомъ и свѣжемъ чувствѣ, только не къ нему. Наконецъ подошла къ нему и смерть, которую онъ лучше не могъ обозначить въ отношеніи къ себѣ, какъ такимъ образомъ: «да, поди, попробуй отрицать смерть. Она меня отрицаетъ и баста». Но и въ эти минуты таинственная сила невольно извлекаетъ у него послѣдній призывъ все къ той же Аннѣ Сергѣевнѣ, чувство къ которой, дѣйствительно, отрицаетъ самыя его безпощадныя отрицанія. Но все же онъ остается или силится быть такимъ, какимъ представляетъ свой идеалъ отрицательности въ слѣдующихъ словахъ къ другу, съ которымъ на всегда разставался: «для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости.... Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ.... Намъ другихъ ломать надо!»

И вотъ на одрѣ смерти открывается послѣдняя потрясающая

борьба Базарова съ безотчетно (словно на зло ему) увлекающимъ его чувствомъ. Безотчетность этого чувства не давала ему взглянуть прямо къ просвѣчивающему въ томъ же чувствѣ свѣту живой истины, и въ тьмѣ нашей свѣтящемуся; но умирающій все таки стремился успокоиться подъ живительными вліяніями этого свѣта, хотя, съ другой стороны, и мучился мерцаніями того же свѣта, неподходящими ни подъ земную положительность, ни подъ грубое, осязательное ощущеніе, однакожъ недозволяющими и отрицать ихъ, или отъ нихъ освободиться. Вотъ что совершалось съ Базаровымъ въ послѣднія минуты, какъ они изображены г. Тургеневымъ! Мнѣ даже стыдно повторять здѣсь эту грубую (можно, кажется, безобидно сказать) клевету о «безчеловѣчномъ обращеніи г. Тургенева съ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную будто для того, чтобы видомъ ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть...» Прослѣдимъ это свиданіе Базарова, на смертномъ его одрѣ, съ достойною, безспорно, женщиною, чрезъ которую лучъ небесный нашелъ же возможность проникнуть въ душу, по одному инстинкту ощущенія, отрицающую всякое фальшивое отношеніе наше къ истинѣ, но и саму, оставшуюся безъ истины (честность предъ истиною, видно, все таки не можетъ пропасть).

Смотрите, какъ умирающій Базаровъ встрѣчаетъ, у г. Тургенева, эту женщину, которая чѣмъ-то неразгаданнымъ для него влечетъ его къ себѣ противъ уже всякой своей воли, противъ желаній и всякихъ усилій самого Базарова. Его прежде всего поражаетъ ея доброта и вообще нравственное царственное достоинство, когда она явилась къ заразительно больному по (не прямому впрочемъ) его призыву. «Спасибо, усиленно заговорилъ онъ, я этого не ожидалъ. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы обѣщали.... Ну ,спасибо, повторилъ Базаровъ.— Это по царски. Говорятъ, цари тоже посѣщаютъ умирающихъ». Въ послѣднихъ словахъ, пожалуй, можно слышать уже внутренній протестъ больнаго противъ собственнаго рабства, невыносимаго для души, нетерпящей оковъ всего темнаго и безотчетнаго, или (какъ онъ выражался) романтическаго. На

слова надежды онъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ, дерзкимъ отри-
цаніемъ; но все таки обращается опять къ своей таинствен-
ной любви, отрицая, правда, въ ней всякой смыслъ, однакожъ
и при этомъ, невольно увлекаясь любовію, какъ ни усиливался
подавить мысль о ней обычною безцеремонностію и наружною
«грубостію своего образа представленія. «Эхъ, Анна «Сергѣ-
евна, станемте говорить правду. Со мной кончено...,» И
«послѣ нѣсколькихъ словъ отрицанія, безнадежнаго, но и дерз-
«ко безстрашнаго, продолжалъ: «Чтожъ мнѣ вамъ сказать?...
«Что я любилъ васъ? Это и прежде не имѣло никакого смы-
«сла, а теперь, подавно. Любовь форма, а моя собственная
«форма разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная!
«И теперь вотъ вы стоите такая красивая....» Умирающій не
щекочетъ ли этимъ видомъ прелестей свою, занятую только
тѣломъ, страсть? Напротивъ онъ сейчасъ же прямо выра-
жаетъ свое восхищеніе столько же нравственною красотою и
чистотою, сколько свѣжестію молодости роковой для него жен-
щины. «*Великодушная!* шепнулъ Базаровъ. Охъ, какъ близко,
«и какая молодая, свѣжая, *чистая*.... въ этой гадкой комнатѣ»!
И желая ей жить долго и пользоваться жизнію, пока время
есть, онъ изображаетъ бѣдную, бѣдную обстановку и жестокую
къ его замысламъ насмѣшку своей смерти, чувствуя себя оди-
нокимъ, чужимъ и для этой женщины, съ которою одною
чувствовала душа его какое-то живое родство, но все же же-
лалъ бы хоть умереть прилично, очевидно, предъ нею же.
Вотъ самыя его слова: «Вы посмотрите, что̀ за безобразное
«зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И
«вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! За-
»дача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача гиганта
«какъ бы умереть прилично, хоть никому до этого дѣла нѣтъ.
«Меня вы забудете, началъ онъ опять, мертвый живому не
«товарищъ....» И прибавилъ къ этому еще нѣсколько словъ о
безнадежіи обожавшаго его отца, съ завѣтомъ пощадить ста-
рика въ обманутыхъ его мечтахъ о сынѣ. Наконецъ послѣ
нѣкотораго забытья, въ которомъ представленія умирающаго
начали было мѣшаться съ грезами, онъ приподнялся. «Про-

щайте, проговорилъ онъ съ внезапною силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ. Прощайте.... послушайте.... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда.... Дуньте на умирающую лампу и пусть она погаснетъ.... Анна Сергѣевна приложилась губами къ его лбу. И довольно! промолвилъ онъ, и опустился на подушку.—Теперь.... темнота.... Анна Сергѣевна тихо вышла. Что? спросилъ ее несчастный отецъ умирающаго. Онъ заснулъ, отвѣчала она чуть слышно. Базарову уже не суждено было просыпаться и проч., такъ заключаетъ всю эту картину г. Тургеневъ.—Спасибо художнику, что, по силѣ и глубинѣ своего творческаго таланта, прозрѣлъ онъ нѣчто истинно-живое въ смерти человѣка, проходившаго въ жизни своей страшный путь мертвящаго отрицанія, но непреклоняющагося предъ человѣческими благовидными фальшами и за то, можетъ быть, въ своемъ отчужденіи отъ живой истины и настигнутаго ея свѣтомъ, блеснувшимъ ему, впрочемъ, совсѣмъ безотчетно для него! И пошелъ онъ въ другую жизнь не съ одними сѣменами смерти въ своей душѣ; любовь святая, преданная, словомъ, родительская, умѣетъ, что̀ живаго орошать и возращать въ душѣ сына, какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ его могилѣ. Нужды нѣтъ, что слишкомъ нѣжное чувство нравственной чистоты «Современника» видитъ совсѣмъ другой толкъ въ зрѣлищѣ смерти Базарова и произноситъ злой, безпощадный приговоръ г. Тургеневу за безчеловѣчное будто бы обращеніе съ умирающимъ его героемъ. А я думаю, что художникъ ощутилъ и выразилъ, какъ сама Высшая Творческая Любовь умѣетъ настигать самыя далекія, кажется, отъ нея свои созданія.

Кому нравится діалектическую оборотливость и ловкость употреблять не на честное служеніе истинѣ, а на софистическую службу своей школѣ, тотъ, пожалуй, изъ за одного несогласія моего съ нимъ противъ правды, рукой только махнетъ по поводу моихъ рѣчей и скажетъ: тутъ тоже «невинные взгляды цвѣтовъ». Но кто не любитъ фальшей предъ истиною хоть столько же, какъ Базаровъ, тотъ изъ вышесказаннаго видитъ, что авторъ просто оклеветанъ въ ненави-

сти своей противъ этого, созданнаго имъ, типа, допущенной будто бы изъ за полемики противъ нѣкоторой части (или нѣкоторыхъ журнальныхъ дѣльцовъ) нашей литературы.... Г. Тургеневу, въ художническомъ его отношеніи къ такому лицу въ романѣ, каковъ Базаровъ, могли угрожать двѣ крайности: или онъ могъ бы опустить изъ вида и художественно-творческаго сочувствія своего что нибудь лучшее, достойное въ этомъ типѣ и особенно вывести его изъ подъ простертой и къ такому созданію Всезиждительной Любви (въ какую односторонность напр. впалъ авторъ «Асмодея нашего времени»), или могъ бы онъ покрыть своимъ сочувствіемъ все худшее, мрачное и дикое въ Базаровскомъ характерѣ и оправдать страшныя его крайности, какъ будто онѣ зависѣли не отъ него самого, а отъ самой міроправительной воли или, пожалуй, отъ случайной судьбы (чего, именно, хотѣлъ бы «Современникъ», школа котораго неразрывно связана съ такою односторонностію). Г. Тургеневу, по силѣ и такту истинно-художественнаго таланта, удалось избѣгнуть обѣихъ этихъ крайностей. Онъ съ любовію даетъ видѣть, что эта личность не фальшивитъ и за то, въ продолженіи и особенно на концѣ и по окончаніи земнаго своего пути, не выходитъ рѣшительно изъ области вѣчнаго примиренія и жизни безконечной; но вмѣстѣ поставляетъ авторъ на открытый видъ, что Базаровъ уже и не примѣчаетъ, какъ онъ напр. нарушаетъ права гостепріимства, какъ гордая его самоувѣренность обманывается и въ отношеніи его къ мужикамъ, смотрящимъ иногда на него, какъ на «шута горохова», какъ самая энергія его болѣе похожа на горячку, какъ и вся система его отрицать падаетъ уже отъ одного простаго факта *любви,* въ которой, дѣйствительно, есть и ощущается что-то высшее, таинственное, духовно властительное, сколько бы онъ ни бѣсился противъ этого съ своими отрицаніями. На этотъ фактъ «Современнику» сердиться нечего, хоть ради того, что Базаровъ, и уступивъ этому факту, умеръ въ Тургеневскомъ романѣ все таки вѣрнымъ себѣ въ томъ, чтобы и по страху смерти не фальшивить предъ истиною, которой онъ еще не узналъ.

Въ чемъ же, спрашивается теперь, «Современнику» *померещился* (послѣ всего, что̀ выше раскрыто нами, другое слово не ложится на бумагу) въ романѣ г. Тургенева полемическій трактатъ за «отцевъ» противъ «дѣтей» и особенно противъ отрицательнаго направленія литературы, возбудившаго будто бы ненависть въ г. Тургеневѣ къ Базарову? «Отцы» и «дѣти» въ романѣ представляются, въ своемъ и лучшемъ и худшемъ, по крайней мѣрѣ равными или стоющими другъ друга; а Базаровъ является дѣйствующимъ даже честнѣе предъ истиною, нежели литературные или журнальные у насъ дѣятели отрицательнаго направленія. Можно, конечно, брать изъ романа разные отрывки (какъ напр. и изъ другой книги вырывать частныя мѣста) и обстанавливать ихъ своими разсужденіями, безъ соображенія съ цѣльностію и развитіемъ характера той или другой личности; но это ужъ значитъ перетолковывать вырванныя изъ романа частности по своей предзапятой мысли.

Но въ романѣ, говорите вы, множество разговоровъ, разсужденій, свойственныхъ болѣе трактату, чѣмъ роману.—Но, скажу и я, пишущему журнальныя критики не по случайнымъ поводамъ, а въ качествѣ постояннаго журнальнаго дѣятеля, надо бы знать, что иное дѣло — отвлеченныя разсужденія или ученые разговоры, и совсѣмъ иное дѣло—такіе разговоры и разсужденія, въ которыхъ, какъ въ самыхъ энергическихъ дѣйствіяхъ или какъ въ запутанной и трудной коллизіи событій, возбуждается и раскрывается вся сила характера той или другой личности, поднимается и всплываетъ вверхъ лежавшее дотолѣ на самомъ днѣ глубины душевной. Разговоры и разсужденія послѣдняго рода принадлежатъ уже поэзіи, а не трактату. И въ наше время изъ дѣйствій или коллизій романическихъ героевъ—едвали не самыя поэтическія тѣ, въ которыхъ дѣйствуетъ и затрудняется мысль, разумѣется, всегда по поводу разныхъ событій, столкновеній съ людьми, и въ сопутствіи разнообразныхъ видовъ практики. Базаровскіе споры съ Павломъ Петровичемъ и разсужденія съ Аркадіемъ представляютъ въ себѣ именно энергическія дѣйствія и, по отношенію особенно къ Базарову, раскрываютъ глубокій трагизмъ

внутренняго его положенія. Потому слышать въ разсужденіяхъ Базарова не болѣе, какъ вотъ такую рѣчь: «я—отрицательное направленіе, мои мысли и возрѣнія вотъ такія-то и такія»,— значитъ также точно лгать предъ художественностію романа, какъ указывать въ Аркадіѣ Николаевичѣ олицетвореніе порока непочтительности къ родителямъ, значитъ просто клеветать на эту личность въ романѣ.

Но почему бы г. Тургеневу не представить «отцевъ» просто дряннымъ, напр. рутинерами, деспотами и т. д.? Почему бы въ «дѣтяхъ» не выставить только свѣжаго, молодаго, растущаго? Подите, въ самомъ дѣлѣ, заставьте г. Тургенева или кого вамъ угодно плясать подъ вашу дудочку вмѣсто того, чтобы ему быть самостоятельнымъ, свободнымъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. А иной, пожалуй, пусть потребуетъ отъ Тургенева и того, чтобы онъ ужъ получше бы отдѣлывалъ «дѣтей», выставивъ ихъ дѣйствительно такими, какими напр., воображаются они «Современнику». Ну, а г. Тургеневъ пусть удовлетворяетъ почтеннѣйшую публику или журналистику, какъ знаетъ. Нѣтъ; по моему лучше бы хорошенько высмотрѣть или изучить то, что самъ отъ себя предлагаетъ намъ авторъ. Это было бы и справедливѣе и, вмѣсто всякихъ нашихъ выдумокъ противъ автора, помогло бы намъ найти у него что нибудь гораздо получше и поважнѣе того, чего отъ него самоправно требуемъ. Съ совершенно дряннымъ родомъ какъ «отцевъ», такъ и «дѣтей», ничего ужъ не подѣлаешь; тутъ вся надежда только на то, скоро ли, долго ли пройдетъ этотъ дрянный родъ (покойный Панаевъ, кажется, гдѣ-то въ «Современникѣ» развивалъ такую мысль о нравственныхъ фатахъ, что ихъ ужъ не исправишь, а пусть они живутъ и когда нибудь доживутъ свой вѣкъ; мысль вполнѣ вѣрная). Но вотъ въ чемъ трудность и задача времени: есть «отцы», имѣющіе между слабыми своими сторонами много достойнаго, лучшаго,— есть «дѣти», непринадлежащіе къ разряду нравственныхъ фатовъ; но и между такими «отцами» и такими «дѣтьми», т. е., между самыми непустыми представителями и стараго и новаго поколѣнія, дѣло все таки не клеится или клеится какъ-

то худо. Что тутъ дѣлать? Какъ этому горю пособить? Или что, въ такомъ нашемъ горѣ, дѣлается Всезиждительною Любовію, еще небросающею, неотвергающею своихъ созданій? Истинно-творческій талантъ, въ своемъ произведеніи, рѣшаетъ подобные вопросы не трактатами, а по своему, художественнымъ образомъ. Покончу здѣсь съ «Современникомъ» желаніемъ ему поболѣе любить истину и уважать правду, нежели свою школу и свое направленіе, и постараюсь дать отчетъ въ томъ, что̀ мнѣ удалось найти въ послѣднемъ произведеніи Тургенева.

II.

Между «отцами» съ одной стороны и «дѣтьми» съ другой, дѣйствительно и въ другія времена, существуетъ болѣе или менѣе такое отношеніе, что первые отходятъ, другіе приходятъ, у тѣхъ то или другое отживаетъ, у другихъ то или другое ростетъ. Но наше время отличается особенною рѣзкостію и рѣшительностію подобнаго отношенія между старымъ и новымъ поколѣніями; одно во многомъ какъ бы уноситъ ветхую жизнь, устарѣлый свѣтъ, другое во многомъ приводитъ съ собою какъ бы новый міръ, новую жизнь. Эти мысли встрѣчаются часто и въ нашихъ журналахъ (какъ напр. въ Современникѣ),—высказываются и въ романѣ «отцы и дѣти». Но для насъ важнѣе и нужнѣе этого выслѣдить въ самомъ содержаніи и ходѣ романа, какъ обширно и на сколько вѣрно раскрывается нынѣшнее время со стороны этихъ отношеній между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между отцами и дѣтьми. Раскрытіе этого есть тоже, для выясненія живой сущности, идеи или задачи романа, разрѣшаемой въ немъ художественно, что̀ изученіе почвы—для отчетливаго пониманія, что́ и какъ ростетъ и развивается на этой почвѣ.

Живое зерно истины, выясняющей «отцевъ и дѣтей» съ ихъ взаимными отношеніями, въ романѣ г. Тургенева, для насъ уже довольно освобождено выше и отъ своей собственной скорлупы и отъ наносной грязи. Потому не трудно уже намъ раскрыть эту сторону романа.

Прежде всего уже само собою разумѣется, или подразумѣвается, что, вѣдь, все дѣло Тургеневскаго романа совершается не только у насъ въ Россіи, въ нашемъ образованномъ обществѣ, но именно (надо ужъ и это напоминать, чтобы иные господа не заносилось въ какую нибудь еще небывалую среду) въ мірѣ христіанскомъ, узнавшемъ и принявшемъ истину со всѣми доказательствами, достаточными для людей и своевольно-языческаго и мертво-іудейскаго направленія, и совершается именно въ тѣхъ сторонахъ этого міра, гдѣ уже, въ дѣйствительномъ, а не формальномъ, движеніи мысли и жизни, ведутъ свои дѣла и дѣлишки уже какъ-то помимо живой-то истины, хотя еще содержимой формально или по навыку, а иногда и искренно, только слишкомъ слѣпо и безотчетно. Это надо имѣть прежде всего въ виду у Тургенева, который, дѣйствительно, въ своемъ романѣ поставляетъ это на видъ неповерхностнаго наблюдателя. Только имѣя это въ виду, мы можемъ понять, какъ необходимо и просто выставляется въ романѣ Базаровъ гораздо выпуклѣе и рѣзче всѣхъ другихъ лицъ; этотъ типъ, со стороны «дѣтей», является главнымъ героемъ романа и по отношенію къ самымъ «отцамъ». Жизнь не обманешь; она найдетъ безпощадныхъ не только для другихъ, но едва ли не болѣе для себя самихъ, обличителей или отрицателей всего въ мірѣ безжизненно-формальнаго, призрачно или мечтательно только истиннаго и добраго, безсмысленно привычнаго, самыхъ искреннихъ и живыхъ, но слѣпыхъ и безотчетныхъ инстинктовъ и движеній духовныхъ. Базаровъ является достойнымъ и, по своей даровитости, энергіи и честности въ отношеніи къ отрицательной сторонѣ истины, необыкновеннымъ представителемъ этихъ отрицателей, вызываемыхъ самою жизнію противъ крайняго преобладанія въ мірѣ фальшивыхъ отношеній къ истинѣ. Онъ отрицаетъ (какъ онъ самъ высказываетъ прямо) «все», чѣмъ однако и невѣрный истинѣ міръ еще дорожитъ то по формѣ, то по навыку, то по искреннему, хоть и слишкомъ слѣпому, движенію, то просто только уже по малодушію и пугливости. Въ отношеніи къ такому міру онъ не можетъ не сознавать въ себѣ страшную «силу», которой, съ своими фальшами, міръ

не можетъ противостоять; одной истинѣ уступитъ сила эта, «разчищающая мѣсто» для ея будущихъ построеній, когда т. е. откроются въ мірѣ уже не фальшивыя, не мечтательныя, не темныя, отношенія людей къ истинѣ. Поэтому и самъ Базаровъ думаетъ о себѣ, что ему назначено въ жизни «обломать дѣлъ много», и другіе какъ-то увѣрены, что онъ далеко пойдетъ и будетъ знаменитъ.—Что̀ представляетъ въ себѣ и раскрываетъ этотъ Базаровъ, со стороны «дѣтей«, это и въ дѣйствительности нынѣшней часто выступаетъ на первый планъ (хоть бы было и въ довольно смиренной долѣ), только рѣдко съ такою типическою силою и цѣльностію.

Но Базаровъ принадлежитъ къ «хищнымъ». Мему «дѣтьми» есть типы и «ручныхъ». Они бываютъ двухъ родовъ. Одни, какъ Аркадій Николаевичъ съ своею краткою деликатностію,— отличаются еще такимъ живымъ и благороднымъ настроеніемъ, что, какъ будто по самой своей природѣ, не могутъ не сочувствовать до увлеченія и благоговѣнія всему истинно дѣльному, до самоотверженія смѣлому и честному, хоть бы оно являлось такимъ только со стороны отрицанія разнообразныхъ мірскихъ фальшей, не видя однако за ними еще почти ничего. Эти «дѣти», оставленные сами себѣ, пойдутъ «съ молодою смѣлостію и молодымъ задоромъ» по направленію базаровскаго духа за одну его самоотверженную смѣлость, дѣльность и честность хоть только предъ одною отрицательною стороною истины; потому что не видятъ они въ своей средѣ другаго, болѣе достойнаго истины, отношенія къ ней людей. Другой родъ «ручныхъ» между «дѣтьми» чувствуетъ и понимаетъ, что «ручная» ихъ самостоятельность не сродна «хищному» базаровскому духу, что послѣдній не даетъ первой мѣста къ свободному ея раскрытію; и, по естественному чувству самосохраненія, становится въ оборонительное положеніе противъ базаровскаго вліянія, не имѣя однако еще ничего у себя, кромѣ только инстинктивно свѣтлаго и живаго. Таковъ Тургеневскій типъ Кати, сестры Анны Сергѣевны. Отъ тѣхъ и другихъ «ручныхъ» для положительной стороны истины представляется пока не болѣе того, что̀ и отъ «хищнаго», отрицательнаго Базарова: послѣ-

дній своими отрицаніями не даетъ еще самой истины, также какъ и первые, или слѣдуя ему же, или обороняясь отъ него, ни мало еще не выясняютъ истины, при всей живости, деликатности и благородствѣ своего къ ней отношенія.

Есть за тѣмъ и такіе, которые берутся проводить разныя бойкія молодыя идеи въ своемъ образѣ мыслей и даже въ самой жизни, не взвѣсивъ этихъ идей, не испытавъ ихъ строгой базаровской пробой и даже вовсе не взлюбивъ ихъ съ искренностію напр. Аркадія или Кати. Вотъ вамъ *Евдоксія* (т. е. Авдотья Никитишна) Кукшина, эмансипированная женщина, жаркая поклонница наукъ и искусствъ, открывающая даже, по ея словамъ, новые законы въ архитектурѣ. Она любитъ слишкомъ запросто держать себя со студентами и, кажется, вся—открытое прямодушіе и самая естественная искренность, но, на самомъ дѣлѣ, все у ней выходитъ какъ-то искусственно или, какъ дѣти говорятъ, парочно. Сюда же относятся «дѣти» другаго рода, добрые малые, но неимѣющіе ни особенныхъ дарованій, ни умной энергіи,—рьяные послѣдователи базаровскихъ воззрѣній, давшихъ имъ словно «прозрѣть», но годные только обжигать горшки, по отзыву самаго Базарова; они, мечтая раздѣлять или продолжать «дѣло» Базарова, готовятся тоже въ великіе люди, но ими безцеремонно пренебрегаютъ или помыкаютъ мало-мальски недюжинные люди. Таковъ типъ Ситникова. Къ категоріи такихъ же изъ молодаго поколѣнія, на которыхъ, по дѣлу истины, ровно нечего расчитывать, принадлежатъ тѣ молодые ученые (или еще ученики), которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ философовъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, въ послѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью. Впрочемъ г. Тургеневъ, явно держа сторону «дѣтей», не представляетъ опредѣленныхъ типовъ этого выродившагося или выдохшагося базаровскаго отрицанія и самоуваженія, а только къ слову мимоходомъ указываетъ на подобныхъ дѣльцовъ, которыхъ естественно одолѣть бездѣйствію и лѣни абсолютной, при незнаніи, въ чемъ самая *суть* ихъ дѣла, не пустяки ли все это...

Возможны со стороны молодаго поколѣнія въ той средѣ, какую взялъ для своихъ героевъ г. Тургеневъ и которую мы обозначили выше, еще и особенно стройныя и въ своемъ спокойствіи привлекательныя и успокоительныя явленія. Не успокоиваясь на достойномъ отрицаніи, но и не дозволяя себѣ отрицать того, что еще не вполнѣ дознано, и потому съ пытливостію естественно соединяя равнодушіе, умные люди живутъ себѣ спокойно, но никакъ не въ бездѣйствіи душевныхъ силъ; они ни передъ чѣмъ не отступаютъ, за то, правда, и никуда нейдутъ. Они много ясно видятъ, многое ихъ занимаетъ, и, по примѣси чуть не вездѣ къ дѣлу истины нашихъ человѣческихъ фальшей, ничто не удовлетворяетъ вполнѣ; такъ что они, не имѣя никакихъ предразсудковъ, не имѣютъ уже и никакихъ сильныхъ вѣрованій. Впрочемъ сомнѣнія ихъ, не утихая никогда до забывчивости, никогда не доростаютъ и до опасной тревоги, въ слѣдствіе живаго ихъ инстинкта не принимать рѣшительныхъ выводовъ, пока не видно еще достаточныхъ для нихъ основаній,—или не отрицать еще невѣдомаго; въ этомъ состоитъ и нравственная ихъ независимость и вмѣстѣ уклончивость отъ всего рѣшительнаго, отнимающаго спокойствіе. Таковъ Тургеневскій типъ Анны Сергѣевны. Какъ всѣ эти типы у г. Тургенева вляжутся одинъ къ другому, составляя въ своей совокупности одну цѣльную картину умственнаго и нравственнаго состоянія молодаго поколѣнія въ извѣстной средѣ! И какъ, у непредубѣжденной интересами школы, сильно возбуждается заботливое участіе къ этому положенію дѣла «дѣтей», опредѣляемому у Тургенева отнюдь не легкомысліемъ или пустотою ихъ, а прежде всего отношеніемъ современнаго міра къ истинѣ и потомъ разностію настроеній, дарованій и обстоятельствъ этихъ дѣтей (не исключая отнюдь и Ситникова и Евдоксіи Кукшиной)! Вѣдь надежда для будущаго въ «дѣтяхъ».

Ясно (думается мнѣ) и изъ нашего сжатаго очерка всѣхъ этихъ представительныхъ типовъ молодаго поколѣнія, что они уже совсѣмъ *отстали отъ берега* «отцевъ» или стараго поколѣнія, выдерживая или только имѣя еще въ виду свой собственный *берегъ*. Сама Катя, не только «ручная», сознающая

въ себѣ особую отъ «хищныхъ» отрицателей нравственную породу, но и ловко обороняющая отъ нихъ вліянія себя и родныхъ себѣ «ручныхъ», ужъ никакъ не допуститъ, не признаетъ законности нравственно-рабскаго существованія; она готова даже на тяжолыя для сердца жертвы, чтобы въ своей жизни избѣгнуть опасностей или только вѣроятностей «подчиненнаго существованія» предъ нравственнымъ деспотизмомъ, который столько въѣлся въ духъ «отцевъ», что и нравственно-молодые, очутясь по какимъ нибудь отношеніямъ въ положеніи «отцевъ», уже гнетутъ другихъ болѣе молодыхъ, отъ нихъ зависящихъ, своимъ деспотизмомъ, и сами того не замѣчая. Мы уже говорили это объ Аннѣ Сергѣевнѣ.—Перейдемъ къ очерку нравственнаго положенія «отцевъ» и отношенія ихъ къ «дѣтямъ», какъ это изображено въ Тургеневскомъ романѣ.

У «отцевъ» или въ старомъ поколѣніи, дѣйствительно, на первомъ планѣ стоитъ этотъ *аристократизмъ* (въ самомъ обширномъ смыслѣ слова), по которому дѣйствительно или мнимо лучшіе и высшіе изъ нихъ любятъ развѣ только величаво снисходить къ положенію худшихъ или низшихъ, чуждые на самомъ дѣлѣ христіанскаго снисхожденія (забыли, конечно, Кто, будучи превыше всѣхъ, вошелъ въ положеніе самыхъ худшихъ и низшихъ такъ, какъ бы оно было Его собственное). Спускаясь съ своей аристократической (во внѣшнемъ или духовномъ отношеніи) высоты до юдоли прочихъ смертныхъ, они впрочемъ не замедлятъ слишкомъ въ этой грязной для нихъ юдоли, а поскорѣе заберутся опять на свою высоту, поддерживая ее не только внутреннимъ аристократическимъ настроеніемъ своимъ, но и всѣмъ наружнымъ, своей физіономіей, своими пріемами, даже одежею, или видимо роскошною, или напоминающею старинное нравственное величіе, выражающею личное достоинство. По своему аристократическому самоувѣренному (при самой даже кажущейся скромности) духу они вполнѣ убѣждены, что идутъ рядомъ съ вѣкомъ или даже впереди его. Да это впрочемъ, и дѣйствительно, не какіе нибудь престарѣлые фаты, а люди серьезные, любознательные, готовые входить въ изысканія, и научные опыты молодаго поколѣнія. Но они ужъ не

замѣчаютъ того, что, по самому своему самовозносливому аристократизму въ образѣ мыслей и жизни, они сами находятся уже не въ прямомъ или достойномъ истины, а въ фальшивомъ отношеніи къ дѣлу истины, хотя бы и знали, такъ сказать, самое ея лицо. Вѣдь наша истина, по духу своему, въ себѣ выноситъ и переживаетъ гниль и низкость самыхъ человѣческихъ виновностей и заблужденій, не говоря уже о *кажущихся* только видахъ худшаго и низшаго. Чуждые такому духу истины и потому чувствуя себѣ подлежащими, едва ли не въ первую голову, отрицанію со стороны молодаго поколѣнія, неуживающагося съ фальшивыми отношеніями къ истинѣ, они до глубины души возмущаются и со всею силою вооружаются противъ этого отрицательнаго направленія. Они ужъ знать не хотятъ, и какъ будто уже не могутъ, возможности лучшей стороны и въ этомъ направленіи; они видятъ въ немъ только отрицаніе истины, какъ будто собственныя ихъ фальшивыя отношенія къ истинѣ—такъ себѣ, ничего, или даже принадлежатъ самому дѣлу истины. Поэтому въ столкновеніяхъ съ такими «отцами» молодаго отрицательнаго направленія естественно обнаруживаться всей безпощадности и крайностямъ послѣдняго столько же, какъ и всей его силѣ и достоинству; вѣдь противная этому направленію сторона прикрывается, по видимому, самою истиною... Но не допуская въ себѣ сомнѣнія на счетъ прямоты своихъ отношеній къ истинѣ, фальша которыхъ и даетъ силу отрицательной сторонѣ, эти «отцы» видятъ въ дѣтяхъ отрицательнаго направленія только одно непомѣрно-горделивыя претензіи на достоинство, и «силу» ихъ смѣшиваютъ съ грубою матеріальною силою Монголовъ. Такіе «отцы» порвали въ себѣ, кажется, всѣ живыя внутреннія связи съ «дѣтьми». Они, эти «отцы», забываютъ даже уроки, данные имъ жизнію, что, слишкомъ щадя и ублажая себя, успокоиваясь много, много, какъ только на «романтизмѣ» своей напр. любознательности и движеній внутреннихъ, они во многомъ погубили свою жизнь или сдѣлали себя во многомъ уже вживѣ мертвецами, которымъ отъ жизни и ждать нечего; какъ будто нѣтъ уже имъ и мѣста на угостительномъ ея пиру, — пусть витаютъ только въ выси

своего уединеннаго идеализма или аристократизма. Вотъ каковъ этотъ Тургеневскій типъ—Павелъ Петровичъ.

Есть между «отцами» и такіе, у которыхъ, не чужды и первому типу, *романтизмъ* (разумѣется это слово въ смыслѣ Базарова, который подводитъ подъ это понятіе не только мечтательное, но и все *безотчетно* доброе или *безсознательно* истинное, чуждыя энергіи созерцанія и движенія, хотя бы они были и благородныя) оказывается такою же преобладающею и управляющею стихіею, какъ у предъидущихъ «отцевъ» аристократизмъ. Они уступаютъ другимъ честь быть передовыми, но никакъ не чувствуютъ себя отсталыми; потому что все живое и дѣльное въ современности, что они успѣваютъ узнать, близко ихъ сердцу. Они любятъ читать поэтовъ, разумѣя впрочемъ чтеніе легкое и пріятное, безъ серьезнаго и строгаго изученія; они оживляютъ себя, въ мірскихъ мертвящихъ суетахъ и заботахъ, игрою напр. на віолончели или другими подобными занятіями, пріятно, но безъ труда, возвышающими духъ надъ житейскими дрязгами. Всѣ живыя и кроткія связи съ людьми имъ особенно сродны; тѣмъ болѣе они желали бы быть за одно съ своими «дѣтьми». Но сами же своею, упадающею часто до слабостей, сантиментальностію ставятъ дѣтей въ ложное къ себѣ отношеніе, давая имъ невольно чувствовать въ себѣ превосходство предъ слабыми «отцами». Главное же неудобство такого рода «отцевъ» въ отношеніи къ «дѣтямъ» состоитъ въ томъ, что ихъ «романтизмъ», дѣйствительно, былъ нѣкогда живою силою, движущею особенно молодое поколѣніе, а теперь уже, впрочемъ тихо и сладко, угасаетъ для жизни; всѣмъ, хотящимъ жить не по пустякамъ, хочется заняться *дѣломъ* и не хочется оставаться въ безотчетливости, по отношенію къ дѣлу мысли и жизни. Пѣсня этихъ «отцевъ», очевидно, уже спѣта; они пріятно доживаютъ свое время, какъ «отставные». Они и сами сейчасъ это сознаютъ, какъ скоро только услышатъ мѣткое объ этомъ слово «дѣтей»; они и руки ужъ опустятъ, относительно надежды своей сойтись духомъ съ послѣдними; «романтизмъ» ихъ всегда добросовѣстенъ и благороденъ, такъ что они не могутъ и не захотятъ закрывать для себя видимую

уже правду. Дѣло не въ томъ, чтобы отъ нихъ отходило сердце «дѣтей»; нѣтъ, послѣдніе цѣнятъ всю ихъ доброту къ себѣ; но интересы духовные, по образу мыслей и цѣли стремленій, взаимно расходятся у тѣхъ и другихъ. Это, какъ изволите видѣть, Николай Петровичъ,—отецъ Аркадія Николаевича!

Есть и такіе «отцы», которые живутъ по просту, по здравому смыслу, съ искреннею вѣрностію святымъ преданіямъ, въ мирѣ со всѣми, благодѣтельные къ нуждающимся. Чего бы лучше? И въ отношеніи къ «дѣтямъ» эти «отцы», что называется, души не слышатъ,—обожаютъ ихъ до какого-то страха предъ ними, хотя и не совсѣмъ безтолково, а съ сознаніемъ ихъ достоинства. Это крайность, противоположная аристократизму; эти «отцы» уже не выдерживаютъ нимало собственнаго достоинства, такъ какъ аристократизмъ «отцевъ» слишкомъ ужъ сознаетъ и бережетъ свое достоинство. «Отцы» характера, нами разсматриваемаго, готовы даже къ тому странному лицемѣрію предъ обожаемыми дѣтьми, что и они, старики, не отстаютъ отъ вѣка, считаютъ тоже предразсудками святыню своихъ же искреннихъ вѣрованій; все это жертва любви и угодливости предъ дѣтьми. Слѣдя за развитіемъ характера этихъ отцевъ, или становишься просто въ тупикъ предъ этимъ вмѣстѣ и высокимъ и уродливымъ характеромъ, или остановишься на той, совершенно вѣрной, мысли, что эти «отцы» слышатъ и благоговѣйно признаютъ что-то высшее въ сыновствѣ, но забываютъ и глубоко унижаютъ высшее въ своемъ отчествѣ. «Дѣтямъ» безпощадно отрицательнаго ко всему, что сколько нибудь отзывается несостоятельностію, очевидно—нѣтъ возможности сойтись съ такими отцами. Все лучшее, мирное, незатѣйливо-счастливое въ этихъ «отцахъ» возбуждаетъ въ «дѣтяхъ» запросъ, почему же такъ хорошо живется этимъ людямъ, уживающимся со многими фальшами, а у нихъ—«дѣтей» идетъ такая пытка отъ вопросовъ и особенно отъ отрицаній. Все худшее, все это раболѣпство предъ дѣтьми, излишняя похвальба ими представляется имъ въ родѣ того, чѣмъ *себя дитя тѣшитъ*. Всѣ существенные интересы до того расходятся у такихъ «отцевъ» съ «дѣтьми» собственно отрицательнаго направленія, что по-

слѣдніе, и любя первыхъ, отправляются напр. на свиданіе съ ними, точно какъ на тотъ свѣтъ ad patres. Конечно, «ручные» изъ дѣтей могли бы еще ужиться съ ними, но ужъ для дѣла жизни и истины конечно не выигрывалось бы ровно ничего отъ добродушнаго согласія съ добродушною крайностію.

Не касаюсь ужъ такихъ отцевъ (какъ и Тургеневъ почти ихъ не касается), которые только помыкаютъ добрыми малыми изъ дѣтей, или такихъ изъ стараго поколѣнія, которые безотчетно злятся на «этихъ новыхъ оголтѣлыхъ» и на всякое явленіе ихъ счастія. Трудность задачи нашего времени не въ томъ, почему люди дурные не сходятся съ добрыми или съ дурными же, но въ томъ, отъ чего очень нехудые во многихъ отношеніяхъ «отцы» не сходятся тоже съ очень нехудыми во многихъ отношеніяхъ дѣтьми. Можно выяснить подобныя несчастныя отношенія между старымъ и новымъ поколѣніями, раскрывая то, что «отцы» и «дѣти» и стоятъ другъ къ другу именно такими своими сторонами, которыя рѣшительно расходятся, а не взаимно-сродными сторонами. Это выше нами и выслѣжено въ романѣ г. Тургенева. Но задача остается нерѣшеною въ самомъ главномъ своемъ значеніи, гдѣ корень этого зла, какъ его вырвать или по крайней мѣрѣ подорвать всякую крѣпкую поддержку для этого корня, такъ, чтобы съ продолженіемъ времени онъ высохъ самъ собою? Это остается еще намъ выслѣдить въ романѣ «отцы» и «дѣти». Благопріятное рѣшеніе задачи нашего времени съ этой послѣдней ея стороны, тѣмъ важнѣе и желаннѣе для насъ, что, если отвлекать существо дѣла или духъ отношеній между отцами и дѣтьми, мы найдемъ тоже самое во всѣхъ средахъ, во всѣхъ отношеніяхъ между разными представителями отчества и сыновства, именно: и въ школахъ, и въ гражданствѣ, и въ религіозныхъ обществахъ и такъ далѣе. Вѣдь взаимное внутреннее несогласіе и бореніе такихъ существенныхъ элементовъ всякаго организма общественнаго, каковы сыновство и отчество, имѣетъ страшное значеніе. Чтобы и поднять подобные вопросы въ художественномъ произведеніи, нужно много глубины и силы истинно-творческаго таланта, чующаго, что

именно совершается въ жизни, не на одной ея поверхности. Потому, признаюсь, отворачивающіеся отъ такого творенія и припоминающіе зады, напр., «Записки охотника», мнѣ кажутся похожи на маленькихъ ребятъ, которымъ, въ изученіи грамоты, скоро и весело дались напр. склады, и вотъ они, затрудняясь еще читать по разнымъ шрифтамъ и печати или письма, говорятъ: ну, что это за пустяки такіе? Толи дѣло, бойко и громко—во всю ивановскую, разбирать по складамъ?— Но къ дѣлу. Посмотримъ, также ли чутко и вѣрно Тургеневъ слышитъ и поставляетъ на видъ тайну жизни, совершающуюся въ наше время, въ отношеніи къ выходу изъ чрезвычайныхъ затрудненій и запутанностей нравственныхъ, какъ чувствуетъ и поставляетъ на видъ самыя эти затрудненія и запутанности? Есть ли въ его талантѣ живое и свѣтлое сочувствіе не къ отрицательной только сторонѣ, а и къ самой зиждительности высшаго творчества, сильнаго изводить стройный и прекрасный міръ и изъ хаотическаго первоначальнаго неустройства? Слава Богу, что у насъ есть еще писатели съ нужнымъ для выполненія такой задачи художественно-творческимъ дарованіемъ!

Вся бѣда со стороны «отцевъ» и «дѣтей» во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, состоитъ или въ не совсѣмъ разумныхъ излишкахъ самодѣятельности тѣхъ и другихъ, или въ неразумныхъ же недостаткахъ и слабости этой самодѣятельности. Пусть бы не слишкомъ упирались, каждый по своему, на свою самостоятельность. — Базаровъ или Павелъ Петровичъ, они ближе были бы къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, по немногу, постепенно выяснялись для нихъ и снимались взаимныя недоразумѣнія, составляющія какъ будто совсѣмъ непроходимую, раздѣляющую ихъ другъ отъ друга, бездну. Эти типы, вѣдь, главные антагонисты со стороны отцевъ и дѣтей. Съ другой стороны, пусть бы Базаровскій батюшка или Николай Петровичъ, при всей преданности своей къ дѣтямъ, помнилъ, что изъ любви къ нимъ же надо выдерживать и свою прямоту и достоинство, надо удерживаться отъ разныхъ грѣшковъ малодушной человѣческой увлекаемости; пусть бы и Аркадій Ни-

колаевичъ, съ самаго начала своихъ близкихъ отношеній къ Базарову, сохранялъ бы свою самостоятельность по крайней мѣрѣ на столько, какъ Катя. Первые могли бы неотразимо воздѣйствовать къ незамѣтному укрощенію дикихъ и жосткихъ сторонъ молодаго поколѣнія и особенно къ тому, чтобы оказаться не совсѣмъ «отставными», а Аркадій все же бы не такъ спасовалъ предъ Базаровымъ, (а это къ смягченію и усмиренію его духа и нужнѣе было бы всего), чтобы послѣдній отнесъ его запросто къ «галкамъ». И «отцы» и «дѣти» явно еще не доросли до того, чтобы тѣмъ и другимъ, разумно и твердо выдерживать свое значеніе (или, вѣрнѣе-то сказать, дѣло это у насъ, видно, далеко еще не дошло до того, чтобы «отцы» сознательно сообразовались съ высочайше-первообразнымъ для всякаго отчества Отцемъ, все благоволеніе Котораго—въ Сынѣ, а «дѣти» съ верховно-первообразнымъ для всякаго сыновства Сыномъ, въ Которомъ вполнѣ успокоивается духъ Отеческій. Только развѣ односторонне и глупо «отцы» и «дѣти» слѣдуютъ каждый своему первообразу). Нужна, очевидно, материнская еще поддержка въ насъ правды и добра и въ отношеніяхъ между «отцами» и «дѣтьми», какъ и во всякомъ другомъ у насъ отношеніи, чтобы это добро и правда возрастали въ насъ до свѣтлой отчетливости и твердости, достойной истиннаго добра и правды. И отъ кого же ждать этой материнской поддержки, какъ не отъ матери Того, Кто есть истина и правда наша? Образъ ея былъ отпечатлѣнъ уже и въ ветхозавѣтной, падшей женщинѣ; тѣмъ свѣтлѣе и живѣе должно быть отпечатлѣніе ея въ христіанкахъ, хоть какою нибудь духовною своею стороною (хоть бы одною душевною свѣжестію) идущихъ *во слѣдъ ея*, какъ своего благодатнаго первообраза. Обо всемъ подобномъ еще трудно какъ-то у насъ думается и говорится; но подростемъ,—будемъ умнѣе и таинственность, которой такъ пугались, явится для насъ уже свѣтомъ близкой уму и сердцу нашему истины. Г. Тургеневъ своимъ художественно-творческимъ, духомъ ощутилъ и выразилъ, что, дѣйствительно, женщина свойственною ей живою *воспріимчивостію* столько же, какъ мужчинѣ особенно свойственна *самодѣятель-*

ность,—и безъ своего сознанія и воли то смягчаетъ упрямство мужской самостоятельности, то вызываетъ ее къ достойной твердости; и живое сѣмя добра, правды, истины является и развивается нежданно, негаданно и въ такихъ личностяхъ и ихъ отношеніяхъ, относительно которыхъ, казалось, просто ничего не подѣлаешь

Посмотрите, вотъ и Ѳеничка, неимѣющая у себя ничего кромѣ простодушія, свѣжести и красоты юности, дѣлаетъ очень просто, но дѣйствительно безъ своего вѣдома и воли, дивныя вещи. Подъ ея вліяніемъ, которому, и самъ не понимая—какъ и отъ чего, подчинился Павелъ Петровичъ съ пламеннымъ увлеченіемъ, этотъ аристократъ уступилъ своему врагу Базарову въ томъ, чтобы признать несостоятельность предъ истиною своего самовозносливаго аристократизма; онъ самъ потребовалъ отъ своего брата несовмѣстимой съ аристократизмомъ жертвы—вступить въ освященныя узы брака съ простою и уже увлеченною соблазномъ дворовою дѣвушкою. Вѣдь, чрезъ это поправлялась, въ извѣстной мѣрѣ, не только аристократическая односторонность Павла Петровича, но и романтическая крайность Николая Петровича, доведшая его до нѣкоторыхъ грѣшковъ, явно роняющихъ его предъ сыномъ и поставляющихъ послѣдняго въ фальшивое, именно какое-то оскорбительно-снисходительное, отношеніе къ отцу. Кто это оказалъ такую материнскую помощь недорослямъ «отцамъ», въ прямое благо и для «дѣтей»?!..

Какъ чрезъ женщину же и этотъ, показавшійся кое-кому «Асмодеемъ нашего времени», Базаровъ пойманъ былъ (безъ колеблемости притомъ для лучшей стороны своей) въ несостоятельности самыхъ своихъ отрицаній, доведенныхъ до послѣднихъ крайностей своей односторонности,—выяснять это мы уже имѣли случай. Выпишемъ здѣсь только одно мѣсто изъ романа, сжато выражающее всю сущность этого случая съ Базаровымъ, убійственнаго для его крайностей и живительнаго для его духа. «Настоящею причиною всей этой новизны (которая «неожиданно совершилась съ Базаровымъ), было, говоритъ г. «Тургеневъ, чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство,

«которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ «отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью «(въ слѣдствіе самого существа базаровскаго направленія), «если бы кто нибудь, хоть отдаленно, намекнулъ ему на воз- «можность того, что въ немъ происходило. Базаровъ былъ «великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но «любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, роман- «тическомъ, называлъ белибердой, непростительной дурью, счи- «талъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или бо- «лѣзни..... «Нравится тебѣ женщина, говаривалъ онъ, ста- «райся добиться толку; а нельзя - ну, не надо, отверпись— «земля не клиномъ сошлась». Одинцова ему нравилась... но «онъ скоро понялъ, что съ ней не добьешся толку, а отвер- «нуться отъ нея, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь «его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; *онъ легко «сладилъ бы со своею кровью, но что-то другое въ него «вселялось, чего онъ никакъ не допускалъ*.... Въ разговорахъ «съ Анной Сергѣевной онъ еще больше прежняго высказывалъ «свое равнодушіе ко всему романтическому; а оставшись на- «единѣ, онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ». Какъ онъ не хвастовался, будто онъ вырвалъ себя какъ рѣдьку изъ гряды, гдѣ онъ сидѣлъ; онъ духовно оставался въ этой грядѣ до самой смерти. «Таинственныя отношенія», съ яростію отрицаемыя имъ, *ощущалъ* онъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ до послѣдней минуты самосознанія своего духа на землѣ. Живое сѣмя, противоположное мертвящимъ крайностямъ базаровскаго направленія, внѣдрилось, видно, до неисторгаемости въ глуби- нахъ его духа, и пошло въ иную жизнь. Повторю сказанное мною прежде, что безъ всякихъ внутреннихъ въ самомъ духѣ Базарова, хотя и безсознательныхъ, задатковъ примиренія и жизни безконечной—не къ чему было бы привиться и живи- тельнымъ вліяніямъ святой, преданной любви родительской. И такимъ образомъ, подъ вліяніемъ женщины, и этотъ предста- витель «дѣтей», въ самомъ страшномъ направленіи, постав- ленъ въ прямыя отношенія къ своимъ родителямъ на цѣлую жизнь безконечную.

Катя. «ручная» Катя, сосредоточенная въ себѣ, цвѣтущая молодостію и красотою, съ свѣжею душою и мыслію, своимъ вліяніемъ дала почувствовать и понять Аркадію, что онъ духовно не очень сроденъ съ Базаровымъ, что надо ему сберечь свою духовную самостоятельность отъ подавляющаго ее базаровскаго вліянія. Она не только укрѣпила Аркадія въ живой семейной связи съ отцемъ, но и помогла найти общіе съ послѣднимъ интересы жизни; женясь на ней, Аркадій отдался жизни хозяйственной, какъ и его отецъ. Она же наконецъ не прочь была и отъ того, чтобы поддерживать въ своемъ мужѣ добрую память о Базаровѣ, а слѣдовательно и всю лучшую сторону его направленія; вспомните, какъ она предложила мужу тостъ «въ память Базарова», принятый Аркадіемъ съ такимъ живымъ чувствомъ.

Наконецъ вотъ старикъ, отъ котораго неожиданно уѣхалъ обожаемый сынъ, пробывъ у родителей, послѣ трехлѣтней разлуки, не болѣе трехъ дней, совсѣмъ было опустился и уронилъ голову на грудь. «Бросилъ, бросилъ насъ, залепеталъ онъ, бросилъ; скучно ему стало съ нами. Одинъ, какъ перстъ теперь, одинъ». Кто подниметъ и оживитъ упавшій, обманутый и оскорбленный сыномъ старческій его духъ?—«Тогда, гово«ритъ Тургеневъ въ романѣ, Арина Власьевна (жена этого «добраго старичка Василья Ивановича) приблизилась къ нему, «и, прислонивъ свою сѣдую голову къ его сѣдой головѣ, «сказала: что дѣлать, Вася? Сынъ отрѣзанный ломоть. Онъ «что соколъ: захотѣлъ, прилетѣлъ; захотѣлъ, улетѣлъ.... «Только я останусь непзмѣнна для тебя, какъ и ты для ме«ня. — Василій Ивановичъ принялъ отъ лица руки и обнялъ «свою жену, свою подругу, такъ крѣпко, какъ и въ молодости и не обнималъ; она утѣшила его въ его печали.

И вотъ такимъ образомъ дѣло «отцевъ» и «дѣтей» и взаимныхъ ихъ отношеній, подъ какимъ-то таинственнымъ вліяніемъ женщины, въ существѣ дѣла явно не принадлежавшемъ ни одной изъ выведенныхъ здѣсь женскихъ личностей, (потому что ни одна изъ нихъ не обнаружила даже самоотверженія своей любви и всѣ почти онѣ дѣйствовали какъ-то безъ

собственнаго, что называется, вѣдома и намѣренія,—вѣдь не вырвешься изъ общаго недорослаго состоянія),—дѣло, представлявшее въ себѣ столько глубокихъ нестроеній и внутренняго разведенія и разладицы, улаживается и благоустроивается въ романѣ на столько, что «отцы» и «дѣти» являются, въ лицѣ главныхъ своихъ типовъ и представителей, составными элементами общественнаго организма, освѣженными и каждый самъ въ себѣ и входящими въ живую взаимную между собою связь. Такъ вотъ гдѣ русскій поэтъ чуетъ и указываетъ эманципацію женщины, по силѣ которой оказывается, что, въ отношеніи къ существенной задачѣ и назначенію человѣчества, дѣйствительно «нѣтъ полъ мужескій и женскій», что и женщина на-равнѣ съ мужчиной, а иногда въ извѣстномъ состояніи общества еще болѣе, чѣмъ мужчина, можетъ послужить оживленію и поправленію общественнаго, или вообще человѣческаго, дѣла. Это, конечно, можетъ имѣть свое мѣсто и по отношенію къ наукѣ, службѣ, также какъ и вообще въ дѣлѣ истины и жизни. Но само собою разумѣется, что для этого необходимо существенное условіе со стороны женщины, чтобы она какъ нибудь не изуродовала въ себѣ и этой идеи эманципаціи односторонностію и глупостію, въ которыя такъ легко впасть непонимающимъ еще сущности дѣла въ этой идеѣ, останавливающимся только на блестящей ея внѣшности. И вотъ эманципированная Кукшина, вышедшая въ романѣ на открытое поприще дѣйствія такъ случайно и просто, является необходимымъ въ цѣломъ звѣномъ.

Художникъ ощутилъ въ тайнѣ жизни, совершающейся въ наше время, и художественно воспроизвелъ, вывелъ на открытый наблюдателю видъ—еще болѣе. Вѣдь необходимо, чтобы земля, принимающая живое сѣмя, была воздѣланная, обработанная разрывающимъ и утучняющимъ ея глыбы земледѣліемъ. Женское живительное вліяніе, идущее съ какой-то высоты таинственной, особенно невѣдомой для привычной безотчетной живости, требуетъ для прочнаго своего дѣйствія воздѣланной и умягченной почвы. Что же могло бы служить къ воздѣланію и умягченію нравственной земли ума и сердца человѣческаго?

Разумѣется, всего бы лучше и животворнѣе для этого былъ бы весь составленный изъ любви крестъ страдальческаго самопожертвованія и самоотверженія во благо любимаго. Но и здѣсь требуется свѣтлое уже сознаніе основной животворной силы креста; иначе самопожертвованіе напр. женщины для любимаго невѣрующаго человѣка не рѣдко ведетъ ее къ тому, что она, въ мнимомъ уже самопожертвованіи, раздѣляетъ и несчастныя его убѣжденія и такимъ образомъ выдаетъ предательски не только себя самоё, но и любимаго ею человѣка, оставляя его безъ помощи именно въ томъ, въ чемъ онъ болѣе всего требуетъ и молча вопіетъ—подать ему помощь. Ну, если не хотимъ мы волею и съ сознаніемъ по дѣтской еще нашей глупости, такъ да подастъ намъ Богъ,—хоть бы *безсознательно* и непамѣренно съ нашей стороны,—сообщиться чаши страданій, испитой за насъ вполнѣ Всемірною Жертвою и раздѣляемой съ нами, между прочимъ, чрезъ соучастіе наше въ животворныхъ ея страданіяхъ; это соучастіе возможно и доступно, вѣдь, даже и для дѣтской безотчетности или безсознательности—по тому порядку и закону, по которому пріобщаются же у насъ святой и животворной чаши самые младенцы.... Поэтъ услышалъ и намъ даетъ слышать, что такая невыразимая милость, дѣйствительно, совершается съ нынѣшнимъ христіанскимъ міромъ, (до котораго во многихъ его сторонахъ, какъ бы иначе и добраться?!)

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на воздѣлывательную и живительную для умовъ и сердецъ силу страданій, которыя сами по себѣ только бы подавляли или даже ожесточали бы людей, но которыя, хоть бы въ самомъ затаенномъ и безсознательномъ соучастіи съ высшими страданіями закланной за грѣхи всего міра Жертвы, поднимаютъ и оживляютъ человѣческій духъ. Вотъ бѣдный отецъ, душа котораго такъ стремилась бы какъ можно ближе, дружески сойтись съ сыномъ, услышалъ неожиданно одно горькое слово, (и, взвѣсивъ, нашелъ вѣрнымъ это слово), что сынъ его ушелъ впередъ.... «И понять мы другъ друга», не можемъ такъ говорилъ этотъ отецъ. На него нашли грустныя думы.... Онъ ясно созналъ свое разъединеніе

съ сыномъ не по недостатку или отсутствію любви, а по разошедшимся духовнымъ интересамъ; онъ предчувствовалъ, что это разъединеніе съ каждымъ днемъ будетъ все больше и больше. Сознавая правдиво преимущество предъ собою юности съ нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ, отецъ тѣмъ не менѣе тяжело страдалъ о разъединеніи съ сыномъ въ самыхъ основахъ образа мыслей и жизни. Онъ вспомнилъ дни прежняго своего счастія.... Куда все это умчалось?... «Тѣ сладостныя мгновенія, думалъ онъ, отъ чего бы не жить имъ вѣчною неумирающею жизнію....» Размягченное сердце не только успокоивалось въ его груди, но у него, у сорокачетырехлѣтняго человѣка и агронома, и хозяина, навертывались слезы, безпричинныя слезы. .. Очевидно, что въ эти минуты душевнаго страданія этотъ человѣкъ былъ живымъ, достойнымъ человѣкомъ; и освѣженная его душа, очевидно же, бодрѣе и прямѣе могла за тѣмъ проходить свое жизненное на землѣ поприще. Такимъ является въ романѣ Николай Петровичъ.

«Погибшая жизнь» его брата тоже какъ будто выкупалась и оживлялась чрезъ свой страдальческій жребій, выпавшій ему въ особенно тяжеломъ для него несчастьи — самоотверженно «любить и не быть любимымъ» («подумайте, говорилъ онъ объ этомъ въ минуту самой прямой откровенности душевной, что можетъ быть ужаснѣе любить и не быть любимымъ»). Этого человѣка стало на то, чтобы вопреки своимъ аристократическимъ «принципамъ» привести брата къ исполненію святаго долга законнаго союза съ тою самою, къ которой такъ безотчетно и безмѣрно и безнадежно привязался этотъ страдающій человѣкъ, и чтобы отказать себѣ въ послѣднемъ утѣшеніи— видѣть и слышать любимаго. Такой человѣкъ, именно Павелъ Петровичъ, точно сказывается уже мертвецомъ, которому отъ жизни ждать нечего, но который, тѣмъ не менѣе, живѣе еще многихъ живущихъ такою широкою жизнію. Видно, чаша страданія, ему доставшаяся, сообщила какой-то таинственной живительной силѣ. Въ чемъ самое основаніе и существо этой силы?....

И Аркадій едва нѣсколько времени потомился до глубины своей молодой души въ борьбѣ своихъ движеній, соотвѣтствія

которымъ онъ не видѣлъ; и онъ уже могъ съ твердостію и открыто возражать Базарову, предъ которымъ прежде съ глупымъ благоговѣніемъ преклонялся до безмолвія, хотя бы дѣло шло о дорогихъ его сердцу отношеніяхъ любви и уваженія къ отцу, хотя бы изъ-за этого угрожалъ ему скороспѣлый приговоръ объ олицетвореніи въ немъ порока непочтительности къ родителямъ. Мало этого, онъ скоро нашелся, чтобы вступить на болѣе прямую и сродную ему дорогу, чтобы узнать и получить, прямо на его духовныя нужды данную ему, помощницу.

И тѣ два старичка, дошедшіе до крайности обоготворенія сына, убійственной для этого же самого сына, въ ужасномъ испытаніи лишиться вдругъ этого же самого сына—гордой ихъ надежды являются освобожденными отъ портившей все ихъ родительское дѣло крайности. «Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи... Овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ.... но между ними, этими могилами, есть одна, до которой не касался человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя ёлки посажены по обѣимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ съ женою; поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшей походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются коротким словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку ёлки поправятъ, и снова молятся и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ.... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна»?.. Отвѣтъ высшей Отеческой и Материнской любви сіяетъ въ этихъ старичкахъ въ своей, невозмущенной уже поднятымъ изъ душевной глубины грязнымъ иломъ, ясности и чистотѣ.

И самъ наконецъ Базаровъ съ своимъ (положимъ), «страстнымъ, грѣшнымъ, бунтующимъ сердцемъ», оказавшійся впрочемъ такимъ не просто по растлѣнію нравственному, но и по честной неуживчивости съ фальшивыми человѣческими отношеніями къ истинѣ, увлекшей только его до отрицанія вмѣстѣ съ этими фальшами и самой истины, отрицанія все таки не рѣшительнаго (вспомнимъ его слово, что «строить уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить), отрицанія, повергавшаго его въ невѣдомыя другимъ муки духовныя,—Базаровъ, поставленный во внутреннюю тяжолую борьбу случившимся съ нимъ фактомъ, просто и рѣшительно протестующимъ противъ его отрицаній, въ самой ихъ основѣ,—этотъ Базаровъ не носитъ ли на себѣ явной печати жертвы? Да, и жертвы неотвергаемой; потому что не только въ жизни, но и среди обстоятельствъ самой его смерти отозвалось въ немъ нѣчто таинственно-живое, какъ онъ ни возставалъ противъ безотчетности для него этого живаго, да и по смерти надъ нимъ вѣетъ дыханіе любви, явно очищенной уже отъ примѣсовъ ко всему у насъ земной нашей грязи... Да, и мнѣ, какъ Тургеневу, видится на могилѣ Базарова, что «цвѣты растущіе на ней, «безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не «объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ они, о томъ вели«комъ спокойствіи равнодушной природы, они говорятъ также «о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной».

Животворяща сила страдальческаго Креста!.. И я съ радостію вижу, что и помыкаемый отцемъ Ситниковъ, и Кукшина, страдающая отъ неестественности своего положенія, какъ и эта странная княгиня Р..., всѣ несутъ или несли свой крестъ, который къ чему нибудь живому приведетъ же ихъ въ жизни или по смерти. Не даромъ эта княгиня Р..., первая любовь Павла Петровича, завѣщала ему послѣ себя подаренное ей отъ него же кольцо съ сфинксомъ на которомъ она провела крестообразную черту и велѣла ему сказать, что крестъ—вотъ разгадка.

Здѣсь бы и конецъ моему слову. Но вѣдь вотъ г. Колязинъ кричитъ изъ романа, что онъ оказывается просто лишнимъ въ

романѣ,—онъ, умѣющій такъ ловко и кстати быть вмѣстѣ и величавымъ и мягкимъ, принадлежащій тоже къ «молодымъ», но молодыхъ своихъ подчиненныхъ могущій привести въ страхъ и трепетъ однимъ, ни къ селу, ни къ городу не относящимся, словомъ своимъ. «Чего»?! Нѣтъ, не лишній, а необходимый человѣкъ и онъ: пусть онъ и молодымъ и отцамъ—благодѣтелямъ молодыхъ скажетъ собою, какъ можетъ человѣкъ поставить себѣ, какъ будто внѣ совершающейся въ мірѣ жизненной задачи, какъ онъ умѣетъ иногда сдѣлать себя недоступнымъ ни для какого живительнаго вліянія, если онъ въ душѣ не дѣлу истины и добра служитъ, а только рисуется предъ людьми, если онъ въ качествѣ только мнимаго «прогрессиста» или передоваго между молодыми, возстаетъ напр противъ розги въ школѣ, а самъ даетъ такіе безпощадные пинки своимъ собратьямъ, что и Колязину можно поучиться... Это, необходимая для развивающагося въ мірѣ зерна жизни, скорлупа...

И вся эта раскрывающаяся въ поэзіи романа тайна жизни, совершающаяся именно въ наше время, объемлетъ и проникаетъ такую простую малосложность событій и дѣйствій, развиваемыхъ въ романѣ. По видимому вовсе нѣтъ, такъ называемыхъ, романическихъ завязокъ и развязокъ; дѣло Батарова съ Одинцовой, лишь только началось, какъ уже и окончилось съ своей чисто-романической стороны. Новыя, болѣе углубленныя въ насъ, пружины дѣйствія выводятся въ романѣ. И рѣчь, большею частію, безхитростная, всегда благородная. Сказать вообще и коротко: дѣло художественно-творческаго таланта идетъ впередъ къ болѣе глубокой значимости и къ болѣе прочной славѣ, разъясняя вмѣстѣ и то, что и жизненное у насъ дѣло, дѣло добра и истины, тоже не останавливается въ Божіемъ мірѣ,—а движется также впередъ направляющимъ его Духомъ жизни и истины,—какъ ни тормозятъ это дѣло многіе, вызывающіеся служить разъясненію истины и распространенію добра своимъ словомъ и мыслію.

XIV.

Важный урокъ, подаваемый современной мыслительности юродствомъ Христа.

Въ Петербургѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ необыкновенной чести, воздавной памяти Мартынова при его похоронахъ, года три или четыре тому назадъ. Помню и то, какъ оскорбилась этимъ жосткая ревность нѣкоторыхъ по благочестію. Признающимъ въ честномъ и добросовѣстномъ дѣлѣ всякаго христіанина служеніе благодатному добру Христову, безъ сомнѣнія, горько было слышать или читать, какъ честь, отданную честному на своемъ поприщѣ дѣятелю, относили запросто къ язычеству. Но точно такой же жосткой, не по разуму ревнующій противъ нравственнаго язычества, духъ проявляется у насъ и съ совсѣмъ другой стороны. Въ Москвѣ были тоже похороны — только не артиста, а одного юродиваго. Память покойнаго была почтена также многочисленнымъ стеченіемъ народа; гробъ съ тѣломъ усопшаго несли на головахъ, и проч. Это, изволите видѣть, по суду нѣкоторыхъ мыслящихъ людей, относится будто бы также къ языческому идолослуженію.

Эдакая страшная охота у людей на жестокія осужденія своихъ братьевъ! Язычество, идолослуженіе—это, вѣдь, ужасное преступленіе для христіанъ. Но когда, или въ чемъ и какъ совершается это преступленіе? Въ чемъ именно состоитъ, встрѣчающееся и у христіанъ иногда, духовное язычество? Въ развитіи тѣхъ или другихъ идей и въ совершеніи такихъ или другихъ дѣлъ—*помимо Христа*, нашего Господа и Спасителя, подъ чуждыми Ему началами и правилами. Вотъ язычество, обличаемое Божіими заповѣдями и въ христіанахъ! Чтоже такого нашли жестокіе судьи въ чествованіи памяти юродиваго? Не лучше ли, не справедливѣе ли было бы имъ осмотрѣться на свой образъ мыслей и дѣйствій?....

Въ отношеніи многихъ православныхъ къ юродивымъ не хорошо бываетъ то, что, по большой части, какъ-то слѣпо и,

безотчетно (подобно какъ напр. взводятъ одни на другихъ вину нравственнаго язычества), безъ всякой духовной мысли объ угожденіи Богу и о просвѣщеніи Христовою благодатію, прибѣгаютъ къ юродивымъ. Не разсуждая, что истинно Божій человѣкъ и занимается собственно *Божіимъ*, обыкновенно или чаще всего валятъ на юроднваго всякій хламъ человѣческихъ дрязговъ и пустяковъ. Этимъ, разумѣется, только мучатъ и терзаютъ добрыхъ, проходящихъ страшнотяжкій подвигъ *истиннаго ради Христа юродства*, а дурныхъ тѣмже самымъ вызываютъ обманывать легковѣрныхъ только одною личиною юродства, принимаемою отъ лѣности ради корысти. Это и надо подвергать справедливому обличенію и порицанію, отдѣляя съ должною разборчивостію отъ этого худшаго лучшее, т. е. не касаясь оскорбительно ни подвига юродства, какъ будто только дармоѣдства, ни простоты вѣры, какъ будто какого-то идолослуженія. А то изъ-за худшаго плюютъ и на лучшее, достойное всякаго уваженія, изъ-за злоупотребленій отвергаютъ и самое добро, которымъ неразуміе злоупотребляетъ. Такъ у насъ дѣлается едва ли не во всѣхъ случаяхъ обличенія, отъ чего дѣло истины, вмѣсто выясненія, только болѣе и болѣе запутывается. Прилично ли это разумности и образованности? Вѣдь драгоцѣнная вещь, которую вы смѣшиваете съ грязью, все же останется и когда нибудь предъ всѣми откроется драгоцѣнностію; а вашъ судъ надъ нею окажется не только не проницательнымъ, но, пожалуй, еще и нечестнымъ или намѣренно слѣпымъ. Какъ же иначе понимать, напримѣръ, то сужденіе о покойномъ *Иванѣ Яковлевичѣ*, по которому имя его поставляли обыкновенно въ-головѣ «дармоѣдовъ» юродивыхъ, тогда какъ люди духовнообразованные и удостоенные благодати священства, не случайно и единовременно посѣтивъ покойнаго Корейша, а въ продолженіи многихъ лѣтъ и многократно посѣщавшіе его, фактами свидѣтельствуютъ (*) и о свѣтлой чистотѣ его вѣры и о благодати Божіей, дѣйствующей чрезъ него даже чудодѣйственно? Ни одно честное направленіе мысли не

(*) См. "Странникъ„, іюньскую книжку за 1862 г.

станетъ пренебрегать фактами и достовѣрными свидѣтельствами; добросовѣстная любовь къ истинѣ не допуститъ того, чѣмъ можетъ отличаться только ребячество, и то надутое гордою презрительностію къ другимъ.

Но вы не понимаете, какъ можно разумно отказаться отъ открытаго предъ всѣми дѣйствія обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, что̀ дѣлаютъ юродивые?—Истинно Христа ради юродивые слѣдуютъ въ своемъ дѣлѣ, какъ обозначается въ одной церковной пѣсни (*), такому слову Божію, изреченному чрезъ Апост. Павла: «*мы буи* (юроды) *Христа ради*». Вотъ это Апостольское изреченіе въ связи рѣчи: «мы сдѣлались *позоромъ* зрѣли«щемъ для міра и Ангеловъ и человѣковъ *мы буи*, безумны «для Христа, а вы мудры во Христѣ; мы немощны, а вы «крѣпки; вы въ славѣ, а мы въ безчестіи» (1 Кор. IV, 9. 10). Сюда же относится и слѣдующее мѣсто: «смерть дѣйствуетъ «въ насъ, а жизнь въ васъ» (2 Кор. IV, 12). Дѣло здѣсь въ томъ, что живущіе Христомъ люди одушевляются и тою Его любовію къ грѣшнымъ и заблуждающимъ, по которой Онъ на Себя взялъ и на Себѣ, собственными страданіями и смертію, вынесъ вину всемірныхъ грѣховъ и заблужденій, открывъ чрезъ это для гибнущаго міра Свою правду и жизнь; въ соучастіи этого самого Христова человѣколюбиваго духа и святые Божіи человѣки выносятъ Христовою благодатію людское неразуміе, людскія грѣховныя немощи и униженія, какъ будто они сами подвержены этому безумію и безславію духовному; по такому подвигу ихъ вѣры и любви, благодать Божія и не оставляетъ людей, (*свободно*) предающихся безчестнымъ немощамъ и неразумію, а долготерпѣливо и кротко наводитъ ихъ на путь истины и свѣтлаго разумѣнія. И вотъ, такимъ образомъ, одни понемногу выходятъ изъ своего ребяческаго неразумія въ *жизнь* здравой разумности въ слѣдствіе того, что другіе, изъ благодатной любви къ первымъ, отдаютъ себя на тяжолую *смерть* открытаго предъ людьми безумія или юродства. Такова тайна или значеніе *юродства Христа ради!* Есть и обманщики.

(*) Въ общемъ „тропарѣ“ Христа ради юродивому Святому.

Но горько для истинной разумности и просвѣщенія, если изъ-за десятка, положимъ, обманщиковъ неблагодарно и низко обругается нами хоть одинъ такой, по вѣрѣ котораго, можетъ быть, Господь еще и не предаетъ многихъ, многихъ изъ насъ совсѣмъ «превратному уму дѣлать не потребства» (Рим. I, 28), а кротко вразумляетъ на истину...

Или мы ужъ такъ разумны, что можемъ и сами вразумлять другихъ, неся на себѣ бремя ихъ неразумія? Пора бы этому быть; потому что живемъ своею опредѣленною народностію ужъ тысячу лѣтъ. Но на дѣлѣ-то совершаются у насъ многія явленія вовсе неразумныя. Не буду ужъ касаться явнаго для всѣхъ безумія и неразумнаго легкомыслія; а укажу только на явленія такой неразумности, которую признаютъ разумностію. Одни у насъ, по поводу продолжительной борьбы вѣры противъ беззаконнаго своеволія разума, хотѣли бы совсѣмъ связать самый разумъ, какъ будто уже не свѣтитъ ему *Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго во міръ, свѣтящійся и во тьмѣ и тьмою необъемлемый*, или, что́ еще хуже, какъ будто Господь, введя человѣка въ Свою благодатную духовную свободу, «владычественный» въ немъ умъ оставилъ въ рабскихъ узахъ. Это неразуміе такъ у насъ закоснѣло, что прямое противъ него слово у насъ нѣкоторыми трактуется ни болѣе ни менѣе, какъ вѣроотступничество. Другіе, стоящіе за живую мысль и права разума, уже знать не хотятъ Того, въ Комъ одномъ заключается основаніе и правда самыхъ законовъ и требованій разума. Они хотятъ лучше оставаться и блуждать въ темной безвѣстности о томъ, на чемъ основывается достовѣрность законовъ и согласныхъ съ ними пріемомъ живой мысли — начиная съ ощущенія впечатлѣній, и однако безусловно вѣрить этимъ законамъ и пріемамъ своей мысли (т. е. хотятъ лучше вѣровать же въ *Невѣдомаго*), нежели войти въ свѣтъ отчетливой вѣры въ Того, Кто открылся, съ достаточными удостовѣреніями для міра, вседержавнымъ основаніемъ мысли и бытія и къ Кому (хотя большею частію какъ только къ *Невѣдомому*) устремлялись мыслители всѣхъ временъ. Такое неразуміе, низвергающее христіанскую мысль до невѣденія и мрака древнихъ

языческихъ временъ, имѣетъ въ наше время самую дерзкую претензію на то, что оно будто одно и есть вполнѣ и безъ стѣсненія разумное. Третьи, вѣруя во Христа, рѣшительно отдѣляютъ дѣло мысли и знанія отъ дѣла вѣры, какъ будто самое начало и основаніе того и другаго дѣла содержится не въ единомъ верховномъ началѣ для всего — Христѣ Богѣ Словѣ, или какъ будто Онъ, въ Своемъ вочеловѣченіи, не усвоилъ уже Себѣ самому всѣхъ законовъ и пріемовъ человѣческой мысли и не сохранилъ въ Себѣ дѣйствія человѣческой мысли Своего человѣческаго естества вмѣстѣ съ дѣйствіемъ Своего Божества. Отдѣлять намъ дѣло мысли и знанія отъ дѣла вѣры во Христа значитъ не усвоять своему уму благодати Христова вочеловѣченія. Но не вдругъ можно растолковать нашему времени, какъ нелѣпо и вредно подобное неразуміе, заразъ обижающее и вѣру и мысль нашу, отнимающее у первой жизненность, а у другой благодатную правоту. Четвертые, отдѣляя дѣло знанія отъ дѣла вѣры, признаютъ однако правозаконность и того и другаго для христіанина;—пусть, говорятъ, то и другое идетъ своимъ путемъ;—знаніе дойдетъ будто бы до результатовъ общихъ съ вѣрою. Такимъ людямъ дѣла нѣтъ до того, что двумъ разнымъ господамъ не работаютъ; они не примѣчаютъ логической невозможности для чуждой Христа мысли дойти когда нибудь до идеи о Христѣ и Его крестѣ, составляющей средоточіе и сущность умозрительной и нравственной стороны христіанства, въ которомъ все дѣло состоитъ въ уразумѣніи и усвоеніи себѣ Христа и человѣколюбиваго всесвятаго Его духа. Какимъ же образомъ у мысли и знанія, неправо отдѣляющихся у христіанъ отъ вѣры въ Христа, могутъ быть когда нибудь общіе результаты съ вѣрою?! Но какъ же, говорятъ, соединить несоединимое? Нѣтъ; когда правота и достовѣрность законовъ и требованій нашей мысли основываются и утверждаются именно въ Томъ, Кто со всѣми достаточными доказательствами явилъ Себя Вседержителемъ Богомъ, воспріявшимъ ради насъ и человѣческое естество, то дѣло вѣры въ Него и дѣло мысли оказываются уже въ существенномъ взаимномъ единеніи. Неразумно представлять то и другое несоединимыми. Но скоро ли

пройдутъ всѣ эти виды нашего неразумія? И сами ли собою они пройдутъ въ мірѣ нравственномъ, въ мірѣ свободы? Надо, непремѣнно надо, избраннымъ Божіимъ свободно выносить во Христѣ всѣ подобные виды неразумія, чтобы Христова благодать не оставляла неразумныхъ, а постепенно вводила ихъ въ чистое и всестороннее разумѣніе истины, которымъ бы раскрылся для міра и свѣтъ истиннаго христіанства или православія, и вмѣстѣ довершалось бы и увѣнчивалось дѣло мысли человѣческой.

Богъ вѣсть, говорите, кѣмъ и чѣмъ поддерживается юродство Христа ради, или усердіе къ юродивымъ? Это поддерживается вотъ чѣмъ:—разными видами нашего неразумія, выдаваемаго однако за разумность и чрезъ это вызывающаго вѣру истинныхъ рабовъ Божіихъ къ подвигу принимать на себя безуміе или *юродство Христа ради*, чтобы и намъ далъ Господь хоть понемногу дѣлаться *мудрыми во Христѣ;* а простота вѣры по духовному инстинкту слышитъ или ощущаетъ это и спѣшитъ съ своимъ усердіемъ къ юродивымъ Христа ради. Пойдемъ нелицемѣрно и честно путемъ любви къ истинѣ и мудрости, къ этому именно и зоветъ насъ юродство Христа ради. Бросимъ нечестное и противологичное раздвоеніе нашихъ началъ и правилъ, внимая великому пророку: *доколѣ вы храмлете на обѣ плесни ваши? Аще есть Господь Богъ, идите во слѣдъ его; аще же Ваалъ есть, то идите за нимъ* (3 цар. XVIII, 21).

XV.

Отзывъ на заграничныя письма отца протоіерея Васильева.

О. Протоіерею Васильеву дано отъ Бога великое счастіе поставлять свѣтильникъ православія на открытый видъ для западныхъ христіанъ, для ихъ іерархіи и вмѣстѣ учености, у которыхъ этотъ благодатный свѣтильникъ совсѣмъ почти закрытъ подъ «спудомъ» невѣдѣнія, вѣковыхъ предубѣжденій и всякихъ

неправославныхъ толковъ (*). Такое дѣло о. протоіерея, по всей справедливости, должно вызывать въ насъ живое сочувствіе и даже, по возможности, содѣйствіе. Надо намъ содѣйствовать особенно тому, чтобы свѣтильникъ православія, на сколько и какъ о. протоіерей поставляетъ его на видъ запада, свѣтилъ не тускло и не имѣлъ никакого нагара.

Въ воззрѣніяхъ о. протоіерея Васильева, основательныхъ и чистыхъ по православному ихъ содержанію, благородныхъ и прямодушныхъ по характеру и тону ихъ выраженія, есть однако нѣчто похожее именно на какой-то нагаръ горящаго свѣтильника. И примѣтно, что это остается незамѣченнымъ самимъ о. Васильевымъ, потому что нѣчто, похожее на отускняющій самое свѣтѣніе нагаръ, можно находить у о. протоіерея не только въ письмахъ къ нантскому епископу Александру, но и въ недавнемъ письмѣ къ ученому Гизо. Можетъ быть, эти строки какъ-нибудь попадутъ на глаза досточтимаго предстоятеля парижской православной церкви; онъ самъ тогда усмотритъ, что онѣ составляютъ плодъ уважительнаго къ нему участія въ его важномъ и, безъ всякаго сомнѣнія, многотрудномъ дѣлѣ. А такъ какъ заграничныя письма о. протоіерея извѣстны уже и у насъ въ Россіи, гдѣ они читались и читаются съ живымъ интересомъ, то мои строки не лишни и для этихъ читателей въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, кому нибудь помогутъ воспользоваться, въ письмахъ о. протоіерея Васильева, однимъ чистымъ свѣтомъ, не относя къ свѣту же и случайнаго на свѣтильникѣ нагара.

Основная у о. Васильева для нѣкоторыхъ тусклыхъ или нагорѣлыхъ его понятій мысль высказалась вполнѣ въ письмѣ именно къ Гизо. О. протоіерей разсуждаетъ о существенномъ различіи папскаго авторитета отъ православно-церковнаго. Суж-

(*) О. протоіерей Іосифъ Васильевъ, настоятель недавно освященной въ Парижѣ православной церкви во имя Св. Александра Невскаго, издаетъ на мѣстѣ своего служенія журналъ: „L'union chretienne“ („Единеіе Христіанское“). Въ настоящей статьѣ имѣются въ виду именно два письма о. протоіерея къ римско-католическому нантскому епископу Александру и письмо къ ученому, съ протестантскими воззрѣніями, Гизо. Первыя два письма напечатаны у насъ въ нѣсколькихъ духовныхъ журналахъ; послѣднее печатается въ „Странникѣ“.

деніе объ этомъ великомъ предметѣ о. Васильевъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ. —Спаситель, основавъ Свою Церковь, «передалъ Свой авторитетъ ученикамъ» или Св. Апостоламъ, а чрезъ нихъ и ихъ преемникамъ, въ живой ихъ связи съ Церковію. Этотъ «Божественный авторитетъ» въ іерархіи Церковной и долженъ навсегда оставаться «собирательнымъ» или, какъ изъясняетъ это понятіе самъ о. протоіерей, «приводимымъ въ дѣйствіе собирательно (collectivement) всѣми вождями Церкви при содѣйствіи и во имя Церкви». «Но римскій папа захотѣлъ» воплотить въ одномъ себѣ «этотъ Христовъ авторитетъ и отвергъ собирательный авторитетъ Церкви». Въ этомъ будто бы и вся бѣда, вся сущность папскихъ лживыхъ притязаній, отдѣлившихъ папство отъ православія.

Никакъ не дозволю себѣ и тѣни такого понятія о вышеприведенномъ разсужденіи, что оно не совсѣмъ православно. Но скажу, не обинуясь, что въ православномъ сужденіи относительно папства надо глубже и точнѣе раскрывать существенное различіе папскаго авторитета отъ православно-церковнаго. Дѣло здѣсь, съ одной стороны, не просто только въ *собирательности* или множественности вождей Церкви, дѣйствующихъ авторитетомъ Христовымъ во имя и съ содѣйствіемъ Церкви и, съ другой стороны, тоже не въ одной единичности мнимаго верховнаго намѣстника Христова. Никто не станетъ отвергать возможности того, что и множественность (или, если выразиться ближе къ французской рѣчи о. Васильева,—цѣлая коллекція) такихъ же мнимыхъ вождей Церкви, какъ и папа, можетъ говорить и дѣйствовать именно во имя Христова авторитета въ Церкви, имѣя однако въ виду и даже вмѣняя себѣ въ долгъ возвысить или утвердить только свое собственное значеніе и властительное вліяніе на другихъ,—и зависящіе отъ нихъ простые члены Церкви будутъ, пожалуй, слушать такихъ вождей, какъ Самаго Христа, и содѣйствовать имъ со всѣмъ усердіемъ. Это, очевидно, было бы тоже папство, только коллективное или собирательное, а не возглавленное въ единичности римскаго первосвященника. И вотъ такимъ образомъ *собирательность* церковнаго авторитета, сама по себѣ, еще не

ограждаетъ этотъ авторитетъ или дѣйствующихъ имъ «отъ всякаго духа частнаго интереса, несправедливости преобладанія», вопреки выводамъ о. Васильева. И зачѣмъ Христу, Спасителю нашему, «передавать» кому-бы то ни было, одному или многимъ, Свой авторитетъ (*). Правда, Онъ сказалъ Своимъ ученикамъ: *якоже посла Мя Отецъ и Азъ посылаю вы* (Іоан. XX, 31): но Онъ же Самъ увѣряетъ вотъ въ чемъ: *Се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка* (Мат. XXVIII, 20). Онъ говоритъ: *никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоан. XIV, 6), значитъ, безъ Него Самаго, ни съ какою передачею Имъ Своего авторитета, намъ нельзя ни придти, ни тѣмъ болѣе привести кого къ Отцу небесному. И дѣйствительно, Онъ Самъ есть единственная глава Церкви, «глава невидимая,—это правда, но всегда присущая и дѣйствующая», какъ выражается самъ о. протоіерей (**); Самъ оживляетъ благодатію Св. Духа все тѣло Своей Церкви, Самъ движетъ всѣ живые ея члены. Иное дѣло для «вождей Церкви» представлять себѣ, что имъ «переданъ» или «сообщенъ» Христомъ собственный Его авторитетъ, что, значитъ, они и представители и обладатели или, покрайней мѣрѣ, блюстители для Церкви такого Божественнаго авторитета; иное дѣло для нихъ утверждаться собственно въ той мысли и въ томъ чувствѣ вѣры, что Онъ Самъ есть дѣйствующій (а не носящій только названіе) глава Церкви, а они избраны и взяты Его благодатію только

(*) Сюда же относится и то представленіе, высказываемое также благомыслящими и знающими свое дѣло, что Господь, „передавъ Свою власть“ апостоламъ, а чрезъ нихъ и ихъ преемникамъ,—уполномочилъ ихъ „продолжать дѣло искупленія“. Тотъ, кто уже „единожды пріобрѣлъ вѣчное искупленіе“ (Евр. IX 12), не можетъ нуждаться въ продолжателяхъ принадлежащаго Ему Одному дѣла искупленія нашего. Онъ Самъ, всегда живъ сый во еже ходатайствовати предъ Отцемъ за искупленныхъ, всегда-же благодатію Св. Духа Самъ пребываетъ и дѣйствуетъ въ Своей Церкви таинственнымъ уставленнымъ отъ Него же порядкомъ, употребляя избранныя и освященныя Имъ же орудія изъ членовъ благодатнаго Своего тѣла—Церкви. Отъ этого-то благодатнаго во Святомъ Духѣ присутствія и таинственнаго дѣйствія Самаго Христа искупителя нашего въ святой Церкви—и происходитъ то, что, напр., связанное и разрѣшенное на землѣ благодатію священства, связано и разрѣшено и на небесѣ. Что-же тутъ за передача власти Христовой? Онъ Самъ дѣйствуетъ Своею властію.

(**) Во второмъ письмѣ къ пантскому епископу.

въ сосуды и орудія *собственныя Его* дѣйствій въ Церкви, какъ они сами молитвенно и исповѣдуютъ это предъ Нимъ, напримѣръ, въ таинственномъ жертвоприношеніи: «*Ты еси приносяй и приносимый, пріемляй и раздаваемый*». Первое представленіе можетъ открывать мѣсто искушенію «вождей Церкви» къ духовному преобладанію надъ наслѣдіемъ Божіимъ, къ самовозносливому обособленію отъ простыхъ членовъ Церкви, отсюда же къ перевѣсу, въ церковной дисциплинѣ, внѣшне-духовнаго формализма надъ жизненностію внутренней благодатной связи всѣхъ членовъ церковнаго тѣла, и такъ далѣе (*). По другому же представленію вѣры, «вожди Церкви», въ священнодѣйствіи таинствъ и слова Божія, въ дѣйствіяхъ церковнаго благочинія и управленія, въ отношеніяхъ своихъ къ простымъ членамъ Церкви,—направляются къ тому, чтобы и самимъ взирать духомъ и поднимать воззрѣнія пасомыхъ къ Самому, присущему и дѣйствующему и въ пастырствѣ и во всѣхъ членахъ церковнаго тѣла, Господу;—направляются къ тому, чтобы и въ себѣ и въ другихъ возгрѣвать благодать Его или приводить въ живое движеніе духъ Христовъ, духъ Его любви къ человѣку, самопожертвованія Его за людей, Его смиренія, святости, истины, этотъ благодатный духъ, проявляющійся въ силѣ самого Св. Духа. По представленію объ обладаніи или блюстительствѣ Христова авторитета, пастырство сознательно или безсознательно будетъ идти или направляться къ заботамъ именно о томъ, чтобы пасомые внимали самимъ пастырямъ, какъ Христу; а по мысли о дѣйствующемъ благодатію Св. Духа «*вся во всѣхъ*» Самомъ Господѣ и въ Немъ Отцѣ Его небесномъ, пастырство будетъ и само живо помнить, что единъ учитель умовъ и сердецъ—Самъ Христосъ, и внушать пасомымъ, чтобы они, поучаясь у пастырей, внимали своею мыслію и сердцемъ прямо Самому и Единому Христу Спасителю, а чрезъ это оказывали и пастырямъ безцѣнное содѣйствіе, именно

(*) Сказать, что любовь и самоотверженіе составляютъ „основу Божественнаго авторитета“, конечно—еще не значитъ сдѣлать любовь и самоотверженіе непремѣнною или необходимою принадлежностію блюстителей этого авторитета...

поддерживая и ихъ въ духѣ Христовомъ (*). Вотъ чрезъ это-то, очевидно, вѣрнѣе, чѣмъ чрезъ «собирательность» авторитета, изгоняется изъ Церкви «духъ частнаго интереса, несправедливости, преобладанія». Скажемъ вообще: дѣйствуя во имя только авторитета Христова, въ самомъ дѣлѣ можно кому бы то ни было и не возглавлять себя и другихъ въ Самомъ Христѣ, а обращаться и внимать во всемъ къ Самому Христу и другихъ направлять прямо къ Нему Самому, понуждающемуся въ передачѣ намъ Своего авторитета для Своихъ дѣйствій въ Церкви, значитъ устроять и въ себѣ и въ другихъ истинно-небесное жительство въ Самомъ Христѣ, утверждая и возращая *всяческая* въ Немъ, какъ въ такой главѣ, «отъ которой все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякаго вспомоществующаго соприкосновенія, при соразмѣрномъ дѣйствіи каждаго члена, получаетъ приращеніе для своего назиданія въ любви». (Еф. IV, 15, 16). Православно-церковнымъ авторитетомъ учителей и пастырей, славою ихъ и всей Церкви служитъ то, что Господь, избирая и употребляя орудія Своей благодати по іерархическому порядку тойже благодати, Самъ дѣйствуетъ ими и не нуждается въ передачѣ кому бы то ни было Своего авторитета. Пусть одинъ папа и слѣдующіе ему мечтаютъ о блюстительствѣ или владѣніи Христовымъ авторитетомъ, впадая чрезъ это и другихъ увлекая къ впаденію отъ Самаго Христа и отъ небеснаго въ Немъ жительства.

Такимъ-то образомъ, авторитету папскому надобно противопоставлять Самаго Христа, пребывающаго и дѣйствующаго въ своей Церкви, признавая Его единственнымъ ея главою, Которому нѣтъ нужды передавать одному или многимъ Свой авторитетъ (признавая впрочемъ не такъ, что это-де *само собою разумѣется* или, *конечно это такъ*, но и обращая живую, сколько кому можно, мысль и чувство къ Самому Ему; такъ чтобы Божественная глава не *толщала* только у внутреннихъ дверей того или другаго вождя или простаго члена Церкви, но и оживлялъ и двигалъ насъ, преданныхъ Ему сознательно, какъ

(*) И Апостолы просили у прочихъ христіанъ духовной для себя поддержки. Еф. VI, 18, 19.

единственному Владыкѣ и Царю нашего Духа и всего нашего существа,—преданныхъ Ему съ неуклоннымъ отъ Него вниманіемъ, съ стремленіемъ войдти вѣрою, упованіемъ и любовію въ соучастіе Христова праваго, человѣколюбиваго и самоотверженнаго духа). Поставляя это на видъ папистамъ, признающимъ за папою авторитетъ Христовъ и потому-связаннымъ неправымъ долгомъ слушать папу, какъ Самаго Христа, скорѣе можно привесть ихъ къ истинѣ православія или, если употребить апостольскій образъ представленія, привить и *возрастить* ихъ въ Христово тѣло православной Церкви: потому что чрезъ это дѣло православія въ отношеніи къ папству пошло бы прямо подъ дѣйствующимъ главенствомъ Самаго Христа, возвысясь надъ (могущимъ такъ легко упасть до духовнаго своекорыстія и потому крайне невыгоднымъ для истины) споромъ объ обладаніи Христовымъ авторитетомъ. Но, съ другой стороны, изъ той же мысли о дѣйствующемъ въ Церкви единственномъ главенствѣ Самаго Спасителя, ненуждающагося въ передачѣ Своего авторитета—ни одному кому, ни многимъ, но благоволящаго самовластительно и самодѣйственно раскрывать благодать собственнаго пастырства и святительства въ избранныхъ этою же Его благодатію сосудахъ или орудіяхъ для служенія тому, чтобы Ему же Самому пребывать и дѣйствовать и въ простыхъ членахъ Церкви,—изъ такой мысли сама собою слѣдуетъ и «собирательность» или равноправная во Христѣ множественность церковныхъ вождей, съ отнятіемъ впрочемъ у нихъ, все равно —у одного ли изъ нихъ, или у многихъ, самовозносливаго надъ Церковію притязанія на обладаніе или блюстительство Божественнаго Христова авторитета

Скажетъ ли кто, что у меня только другой путь, чѣмъ у о. Васильева, но путь, ведущій къ общему съ о. протоіереемъ результату?—Не совсѣмъ такъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ и величайшихъ святыхъ подвижниковъ (именно преподобный Варсонофій (*) разъяснялъ своимъ ученикамъ, что даже и сами святые Божіи, самые прославленные Богомъ учители, остана-

(*) См. книгу: препод. отцевъ Варсонофія и Іоанна руководство къ духовн. жизни. Изданіе Оптиной пустыни, 1852 г. стр. 416—420.

вливаясь духомъ главнымъ образомъ только на довѣріи къ прежнимъ руководителямъ и наставникамъ, какъ досточтимымъ для нихъ авторитетамъ, но не обращаясь къ Самому Господу за извѣщеніемъ, все-ли говоренное тѣми было говорено по Духу Святому, подпадали опасности допускать между своими духовными и чистыми, по дару Божія Духа, мыслями и произвольныя, ложныя мнѣнія своихъ учителей. Не менѣе этого, а пожалуй—еще болѣе, будетъ оставаться такая же опасность и для православныхъ (если они остановятся мыслію на переданномъ отъ Христа «вождямъ Церкви» собственномъ Его авторитетѣ, и потому будутъ слушать ихъ, какъ Христа, а не прямо Ему Самому внимать и слѣдовать въ ихъ пастырствѣ), опасность допустить смѣшеніе человѣческаго руководства, не свободнаго отъ возможности заблужденія, съ *единственно* непогрѣшимою истиною и благодатію Самаго Христа. Эта опасность, очевидно, не ослабляется тѣмъ, что иныхъ православныхъ можетъ, какъ говоритъ о. Васильевъ, «не обижать и не оскорблять человѣческая сторона», которая съ своею немощію и удобопреткновенностію неизбѣжно остается у всякихъ обладателей и блюстителей Христова авторитета; между тѣмъ, какъ вѣруя и внимая Самому Господу, а не человѣкамъ, можно не только не смущаться ихъ немощами и преткновеніями, но получить отъ Самаго же Господа и охраненіе отъ увлеченія послѣдними.

Основная противъ папства, выше разсмотрѣнная нами, мысль досточтимаго о. протоіерея Васильева, нѣсколько тусклая словно отъ какого-то нагара, отразилась не совсѣмъ тоже благопріятно для истины и на другихъ его мысляхъ, развиваемыхъ противъ папства. Возьмемъ во вниманіе мысль его о *преданіи*. Онъ разсуждаетъ, что Господь нашъ положилъ преданіе именно «въ основаніе» Своего, переданнаго Имъ Своимъ ученикамъ, авторитета; и «такимъ образомъ авторитетъ, проистекающій изъ преданія и чрезъ него восходящій къ своему Божественному Источнику, принимаетъ величественный и непогрѣшимый характеръ». Я понимаю это разсужденіе такъ, что авторитетъ, переданный (по словамъ о. Васильева) Господомъ ученикамъ, переходитъ съ своими принадлежностями въ послѣдовательной жизни цер-

ковной, отъ однихъ къ другимъ, отъ предшественниковъ къ ихъ преемникамъ не иначе, какъ чрезъ *преданіе*, чрезъ которое и обратно этотъ авторитетъ восходитъ—къ Господу; *преданіе* такимъ образомъ есть необходимое основаніе для убѣжденія въ Божественности и непогрѣшимости этого авторитета. Это, положимъ, такъ и есть. Только опять дѣло въ томъ, что Господь Самъ дѣйствующій въ Церкви въ послѣдовательной непрерывной ея жизни, также какъ и въ каждый моментъ этой жизни, является, по представленію о. протоіерея о преданіи, въ какой-то отдаленности, а не непосредственно дѣйствующимъ въ послѣдовательномъ, при помощи преданія, теченіи жизни церковной. Къ Нему, какъ къ Источнику Божественнаго авторитета, позднѣйшимъ Его послѣдователямъ нѣтъ доступа прямаго и непосредственнаго, а надо восходить не иначе, какъ посредствующими ступенями преданія. Чрезъ это и преданіе оказывается построеніемъ, сколько съ одной стороны соединяющимъ вѣрующихъ съ Христомъ, къ Которому оно возводитъ церковный авторитетъ, столько же съ другой—составляющимъ нѣкоторую раздѣляющую среду, находящуюся между Господомъ и позднѣйшими Его послѣдователями Ясно, какъ разсужденіе о. Васильева о *преданіи* неудобно въ раскрытіи истины противъ притязанія папы на самовластное «обладаніе преданіемъ». Не лучше ли, не вѣрнѣе ли и *преданіе* понимать и раскрывать, противъ лжи папства, слѣдуя выше разъясненному воззрѣнію къ Самому Господу, какъ неотступно пребывающему и дѣйствующему въ Церкви Своей и потому непуждающемуся въ передачѣ или сообщеніи кому бы то ни было Своего авторитета? По этому воззрѣнію путь преданія оказывается живымъ въ Церкви протокомъ самой жизни въ Господѣ со всѣми способами и органами этой жизни, какъ это Имъ Самимъ основано и законоположено при совершеніи дѣла нашего спасенія, какъ устроено и открыто Имъ же чрезъ Св. Апостоловъ, какъ все Имъ же Самимъ благодатно утверждено и разъяснено чрезъ св. отцевъ. Поэтому нельзя истинно держаться Господа, не держась. св. преданія; такъ какъ, и на оборотъ, истинно держаться св. преданія—значитъ держаться, въ самой силѣ и жизни, именно

Самого Господа и въ Немъ входить во внутреннюю связь духа, мысли и жизни со всѣмъ благодатно живымъ составомъ Церкви вселенской всѣхъ временъ и вѣка апостольскаго, и періода гоненій, и періода вселенскихъ соборовъ и т. д. Подчиненіе себѣ такого преданія, все равно одними или многими, есть столь же очевидная нелѣпость: мы крѣпко вѣримъ, что Св. Церковь, идя путемъ преданія, *не ктому себѣ живетъ, но живетъ въ ней Христосъ*. Но, съ другой стороны, очевидно и то, что останавливаться на одной мертвой формѣ или буквѣ преданія и только рабски подчинять ей жизнь своей вѣры значитъ непонимать еще св. преданія въ истинной его сущности и дѣйствовать прямо противъ благодатнаго духа и силы преданія. Въ отношеніи къ папству особенно нужно и полезно поставлять на видъ ту и другую сторону фальшиваго отношенія къ преданію, раскрывая должное и прямое отношеніе вѣры къ благодати *преданія*, потому что въ папствѣ есть и деспотическое подчиненіе преданія простому человѣку—папѣ и плѣнническое порабощеніе преданію вѣрующихъ.

Далѣе, и особенно свѣтлая мысль о. протоіерея о *соборахъ* допускаетъ въ себѣ тоже нѣкоторую тусклость въ важныхъ отношеніяхъ. Мысль о соборахъ признаю въ о. протоіереѣ Васильевѣ особенно свѣтлою потому, что онъ, вопреки притязаніямъ папы и вообще преобладанію папской іерархіи надъ наслѣдіемъ Божіимъ, видитъ и указываетъ въ правыхъ соборахъ дѣйствіе авторитета не однихъ предстоятелей Церкви, но и всей Церкви. Это выясняетъ онъ и въ самомъ *апостольскомъ* соборѣ, послужившемъ образцемъ для всѣхъ, и самыхъ вселенскихъ соборовъ. И на этомъ соборѣ, «авторитетъ одного Апостола, говоритъ о. Васильевъ, не далъ вопросу окончательнаго рѣшенія. Тогда былъ призванъ авторитетъ всей Церкви, хотя само собою разумѣется, что не всѣ члены этого собранія присутствовали на немъ на «правахъ равныхъ», а напротивъ одни только «ожидаютъ рѣшенія,—это большинство вѣрующихъ»,—другіе могли «представлять свѣдѣнія и мнѣнія для уясненія вопроса,—это сотрудники Апостоловъ, старцы или священники, и конечно также простые вѣрующіе», отличающіеся особенно

высокимъ духовно-нравственнымъ достоинствомъ,—«третьи, наконецъ, постановляютъ рѣшенія и произносятъ приговоръ» и проч. Все это прекрасно! Но выясняя во всемъ этомъ дѣйствіе «собирательнаго авторитета Церкви», который представлялся соборомъ, о. протоіерей едва наконецъ замѣчаетъ «явленіе новаго элемента, сверхъ-естественнаго авторитета»: онъ говоритъ, что «надъ всѣми этими видимыми элементами (о которыхъ выше имъ говорено) носится невидимая сила, Духъ Святый, отмѣчающій новое постановленіе печатію свѣта, силы, порядка, единства и мира». А «за этою Божественною силою, продолжаетъ о. протоіерей, или рядомъ съ нею видны дѣйствія и авторитетъ Христа, Который пріобрѣлъ Церкви Святаго Духа и сообщилъ Апостоламъ Свой собственный авторитетъ, какъ слѣдствіе искупленія».

Мнѣ думается,—и на одно простое, только чистое, чувство вѣры непріятно должно дѣйствовать то обстоятельство, что въ къ отношеніи къ церковнымъ соборамъ (не исключая и апостольскаго) вспомнили о Святомъ Духѣ и Христѣ Господѣ только къ концу раскрытія дѣйствій соборныхъ, и то въ какомъ-то странномъ, какъ будто раздѣляющемъ, сопоставленіи Христа съ Духомъ Святымъ: «*за* этою Божественною силою (Св. Духа), или *рядомъ* съ нею, видны дѣйствія и авторитетъ Христа». Разсматривая дѣйствія соборныя отдѣльно отъ дѣйствій Христа Господа, дѣйствующаго благодатію Св. Духа и существенно проявляющаго въ Себѣ Своего Отца, въ самой правильности или добропорядочности соборныхъ дѣйствій можно усмотрѣть не болѣе еще одной только стройной формальности, а въ предубѣжденіяхъ, страстяхъ и кличахъ неправомыслія и въ спорахъ его съ правомыслящими, имѣющихъ мѣсто на соборахъ, можно открыть не болѣе нравственнаго хаоса. Нѣтъ; такъ неудобно и неловко разсуждать о святыхъ соборахъ. Вотъ Христово законоположеніе о соборахъ и самыхъ большихъ и самыхъ малыхъ: «*идѣ-же еста два или тріе собрани во имя Мое* (очевидно, собраны не формально только во имя Христово, но съ дѣйствительнымъ обращеніемъ ума и сердца ко Христу Господу, съ преданностію вѣры, упованія и любви

Его Духу, Его истинѣ и благодати), *ту есмь посредь их* (Матѳ. XVIII, 20). Итакъ главное управляющее начало для правыхъ соборовъ, какъ въ отношеніи къ составу ихъ, такъ и въ отношеніи къ предмету и ходу разныхъ ихъ изслѣдованій, отъ начала и во все продолженіе и до конца соборныхъ дѣйствій, есть Самъ Христосъ Господь (являющій въ Себѣ и Своего Отца и дѣйствующій въ Своей Церкви именно Духомъ Святымъ), требующій для этого со стороны *собранныхъ* обращенія и направленія вѣры прямо къ Нему Самому, къ Его *имени*. Поэтому и надо, разбирая дѣло праваго собора, имѣть въ виду или слѣдить главнымъ образомъ слѣдующее: съ одной стороны, глубокія въ однихъ, искреннія по крайней мѣрѣ въ другихъ, инстинктивныя и поддерживаемыя первыми и другими въ прочихъ, вниманіе и преданность вѣры собора Самому Господу и въ Немъ Отцу небесному, вѣчную обитель Себѣ сотворившимъ въ Церкви благодатію Святаго Духа (Іоан. XIV, 23), а съ другой—вседѣйственныя въ силѣ Святаго Духа, побѣдоносныя надъ козпями и упорствомъ неправомыслія, мановенія и дѣйствія Христа Сына Божія и въ Немъ Самого Отца небеснаго. Это самое должно быть и самою главною и существенною, испытательною, пробою правоты того или другаго собора. Если въ дѣйствіяхъ, намѣреніи и направленіи собора видна преобладающая надъ преданностію Самому Господу, ищущею Его истины, другая управляющая мысль и цѣль; то, какъ бы ни велика была численность собора или «собирательная» представительность его членовъ, этотъ соборъ есть воспроизведеніе или повтореніе христоборнаго Сунедріона іудейскаго, на которомъ можетъ быть мѣсто только развѣ для посрамляющаго и отвергающаго соборъ дѣйствія Св. Духа, духа благодати и истины Христовой (какое дѣйствіе благодати архіерейства и открылось на подобномъ соборищѣ въ приговорѣ на Христа Каіафы, Іоан. XI, 51). Но пусть будетъ и на такомъ соборѣ хоть одинъ его членъ, имѣющій въ виду своей вѣры собственно Самого Господа и Его истину: то Господь съ Своею истиною и благодатію будетъ принадлежать этому одному, а не «собирательному авторитету» всего прочаго сонмища, какъ именно это было

на Флорентійскомъ соборѣ, на которомъ не увлекался сторонними отъ Самого Господа и Его истины цѣлями изъ главнопредставительныхъ членовъ собора только одинъ истинно-блаженный Маркъ Ефесскій (*). Нѣтъ нужды объяснять, какъ развитое здѣсь воззрѣніе на соборы полезно и даже необходимо противопоставлять папизму, удовлетворяющемуся, въ отношеніи къ соборамъ, формальнымъ его порядкомъ подъ господствомъ идеи о намѣстникѣ Христовомъ, а не о Самомъ Христѣ, единственномъ Главѣ Церкви.

Можетъ быть, кому нибудь вздумается возразить мнѣ, что то ужъ само собою разумѣется, особенно относительно соборовъ (и у о. протоіерея Васильева прямо сказано), что «Духъ Святый, одушевляющій Церковь, поддерживаетъ пастырей, которые не могутъ (?) имѣть другаго притязанія, кромѣ того, чтобы быть Его органами, Его служителями». На это и я замѣчу: безъ обращенія и направленія вѣры или неуклоннаго благоговѣйнаго вниманія пастырей и пасомыхъ къ Самому Господу, какъ вообще въ Церкви, такъ и особенно на соборахъ, возможно (какъ само собою разумѣется и тоже прямо сказано у самого о. Васильева, относительно, впрочемъ, римскаго только епископа) возможно развѣ «фаталистическое вдохновеніе», въ родѣ непогрѣшимаго «рѣшенія ex cathedra« (по достоинству пастырскаго посвященія).

Вотъ еще разсужденіе о. протоіерея о безмѣрномъ различіи по происхожденію, и отсюда по важности и судьбѣ, началъ *устройства Церкви* и принадлежностей *церковной дисциплины:* «вы смѣшиваете, пишетъ о. протоіерей епископу нант-

(*) Не можемъ не замѣтить здѣсь, что для разсуждающихъ не можетъ не показаться страннымъ указаніе о. протоіерея Васильева (во второмъ письмѣ его нантскому епископу) на Флорентійскій соборъ въ примѣръ того, какъ соборъ спасалъ независимость Церкви. Маркъ Ефесскій, „съ нѣкоторыми доблестными епископами“, невыдавшій Христовой истины на соборѣ, не подписался къ соборнымъ рѣшеніямъ и потому отдѣлилъ уже себя отъ неправаго собора. Зачѣмъ же честь отстоять независимость Церкви, принадлежащая Марку сколько онъ именно не принадлежалъ собору, приписывать самому этому собору? Излишняя или, лучше, не возведенная къ болѣе свѣтлому воззрѣнію привязанность къ „собирательности“ церковнаго авторитета, очевидно, сдѣлала нѣсколько тусклымъ взглядъ досточтимаго о. протоіерея и на Флорентійскій соборъ.

скому, начала устройства Церкви съ принадежностями церковной дисциплины. Между тѣми и другими такое-же различіе, какое между Божескимъ и человѣческимъ. Существенное устройство Церкви происходитъ отъ Бога; церковная дисциплина—отъ людей». И мало этого: въ самой дисциплинѣ есть разныя стороны, въ которыхъ и самое человѣческое можетъ столькоже и упадать, сколько возвышаться по достоинству: «въ дисциплинѣ притомъ, говоритъ о. протоіерей, нужно различать правила вселенскихъ соборовъ, вполнѣ сообразныя съ Божественными законами, и принадлежностями частныхъ дисциплинъ, которыя разнообразятся примѣнительно къ мѣсту и времени».

Вникая въ такое разсужденіе, направленное противъ папизма, мысль вѣры прежде всего непріятно поражается тѣмъ, что папистъ, признающій земнаго Христова намѣстника и видимаго въ Церкви главу, можетъ похвалиться происхожденіемъ въ его Церкви и самой дисциплины, въ существѣ и порядкѣ ея развитія и развѣтвленія, отъ верховнаго церковнаго главенства, а православные, имѣющіе и знающіе вседѣйственнаго у себя Главу—Самого Христа Господа, сами же далеко не все въ Церкви приписываютъ небесному Его главенству, не все церковное производятъ отъ Божественнаго Источника. Вотъ, самые защитники и провозвѣстники православія признаютъ, что церковная дисциплина, проникающая отношенія и цѣлыхъ частныхъ Церквей и всѣхъ личныхъ членовъ церковнаго тѣла, составляющая потому необходимую принадлежность церковной жизни, исходитъ не отъ Бога, а отъ людей.

Раскрываемъ книгу коренныхъ правилъ православно-церковныхъ. И что-же находимъ? Находимъ (не совсѣмъ согласно разсужденію о. протоіерея Васильева), что св. вселенскій седьмый соборъ относительно православныхъ «правилъ и постановленій», не различая правилъ существеннаго церковнаго устройства отъ правилъ дисциплины церковной, съ торжествомъ «воспѣваетъ» слѣдующія псаломскія пѣснопѣнія: *на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко о всякомъ богатствѣ* (Псал. CXVIII, 14), *заповѣдалъ еси правду, свидѣнія твоя въ вѣки*

(ст. 138); и потому къ этимъ церковнымъ «правиламъ и постановленіямъ» относитъ и слѣдующія изрѣченія: *къ симъ не подобаетъ приложити и отъ сихъ не подобаетъ отняти* (Второз. XII, 32), *въ няже ангели желаютъ приникнути* (1 Пет. I, 12); *аще мы, или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8). «Понеже сіе вѣрно, и засвидѣтельствовано намъ, то, радуяся о семъ, подобно какъ кто обрѣлъ корысть многу»,—продолжаетъ вселенскій соборъ въ своемъ привилѣ (именно 1-мъ),—«*Божественныя* правила со услажденіемъ пріемлемъ, и непоколебимое содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенное отъ всехвальныхъ Апостолъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ шести вселенскихъ соборовъ, и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей, и отъ святыхъ отецъ нашихъ. Ибо всѣ они, отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили». И чтобы кому не показалось, не отъ преимущественной ли важности только нѣкоторыхъ постановленій и правилъ такой высокій отзывъ данъ и о нихъ всѣхъ (по извѣстному образу нашей рѣчи о *цѣломъ* вмѣсто *части)*, то отцы того же вселенскаго собора отнесли прямо къ *Божественнымъ* неизмѣннымъ правиламъ и такое правило, которое по мѣстамъ, примѣнительно къ нуждамъ этихъ мѣстъ, остается безъ строгаго исполненія. Вотъ это правило: «будучи обязаны хранить всѣ *Божественныя* правила, мы должны такожде охраняти всеконечно неизмѣннымъ и то, которое повелѣваетъ быти іконому въ каждой Церкви... Тоже самое наблюдати и по монастырямъ (см. XI прав.)». Извѣстно, что по монастырямъ у насъ, большею частію, нѣтъ іконома по отсутствію потребностей въ особомъ лицѣ для этой должности и по удобству раздѣлять ее самому, напр., настоятелю съ другими должностными лицами.

Какъ же однако вѣрѣ нашей представлять себѣ эту «Божественность» правилъ и постановленій церковныхъ, даже и далеко не существенныхъ? Вотъ есть у насъ *слово Божіе*. Неужели къ его же составу относятся и церковныя постановле-

нія и правила, къ которымъ относятся Церковію изреченія св. писанія, выражающія собственно достоинство *свидѣній* и заповѣдей слова Божія (какъ выше мы видѣли)? Нѣтъ! Сама же Церковь строго отличаетъ слово Божіе отъ всего прочаго, ставимаго ею же однако выше человѣческаго. Надобно выяснить себѣ это православно-церковное воззрѣніе, чтобы не признавать и человѣческаго тамъ, гдѣ Церковь видитъ «Божественное», и не допускать какого нибудь страннаго смѣшенія съ словомъ Божіимъ чего нибудь, непринадлежащаго къ его составу. Основаніемъ для раскрытія здѣсь силы дѣла служитъ именно то, что Самъ Господь есть глава, вседѣйствующій благодатію Св. Духа въ Своей святой Церкви, которая и сама, съ своей стороны, со всею преданностію вѣры, любви и упованія внимаетъ и слѣдуетъ Ему, живя для Него и Имъ Самимъ. Но дѣйствія Господа въ Церкви многоразличны и многообразны. Иное-то дѣло Его, что Онъ въ Своемъ словѣ открывалъ въ Церкви *сокровенная и тайная* въ вѣчное для нея руководство, когда воспитывалъ еще дѣтскую ея вѣру въ ветхомъ завѣтѣ и велъ ее путемъ образовъ къ уразумѣнію и принятію истины и благодати во всемъ ихъ существѣ, когда, потомъ, и раскрылъ всю силу и существо Своей истины и благодати въ новомъ завѣтѣ (уяснивъ послѣднимъ и ветхій) и чрезъ это ввелъ вѣру въ духовную зрѣлость, способную сыновне-свободно пользоваться этимъ великимъ отеческимъ наслѣдіемъ для самодѣятельнаго уразумѣнія и употребленія всего въ немъ, по мѣрѣ самой вѣры и Божіей благодати. Вотъ слово Божіе! Иное же дѣло, когда тотъ же Господь нашъ и Самъ же, исполнивъ Свои обѣтованія и церковныя таинія домостроительствомъ Своего воплощенія, неотступно ведетъ Свою Церковь дальнѣйшимъ путемъ, вводя ее въ разныя потребности и обстоятельства временъ, давая вѣрѣ ея мыслію и жизнію входить въ Свою истину и благодать, раскрывая для нея и чрезъ нее же Своею благодатію свѣтъ и силу Своего слова сообразно обстоятельствамъ и потребностямъ времени. Къ этой-то чрезвычайно обширной области благодатныхъ дѣйствій и проявленій въ Церкви нашего Господа относятся и церковныя «правила и постановленія», рас-

крывающія въ себѣ силу слова Божія, духъ Христовой благодати, истинную Господню дѣйственность въ предающейся Ему Церкви, по неотступно внимающей и слѣдующей Ему вѣрѣ святыхъ отцевъ и правыхъ соборовъ. И потому эти «правила и постановленія» по всей справедливости называются «Божественными»; и странно, какую бы ни было ихъ сторону противополагать Божественному, какъ просто человѣческое. Существо истины и благодати Христовой, по отношенію и къ ученію и къ устройству церковному и къ церковной дисциплинѣ, неизмѣнно до скончанія міра и до самой вѣчности. Но тѣмъ не менѣе и въ ученіи и въ устройствѣ церковномъ и въ дисциплинѣ церковной неизмѣнная въ своемъ существѣ истина и благодать раскрываются, подъ неотступнымъ распоряженіемъ во всемъ Самого Всевысочайшаго Главы Церкви, не иначе, какъ сообразно съ обстоятельствами и нуждами Церкви въ разныя времена. Самыя книги слова Божія (и, яснѣй другихъ для всякаго вѣрующаго, посланія апостольскія) носятъ открытую печать современныхъ ихъ происхожденію обстоятельствъ и нуждъ церковныхъ; не говоримъ уже о сообразующемся съ нуждами временъ дальнѣйшемъ ходѣ церковнаго ученія по силѣ и духу слова Божія. Устройство церковное, во времена напримѣръ гоненій, не имѣло удобства и среды такъ развиться или такъ полно открыться, какъ въ послѣдующія времена. Тоже или подобное надо разумѣть и о порядкѣ церковной дисциплины, разнообразящемся примѣнительно къ мѣсту и времени. И такимъ образомъ нѣтъ нужды прибѣгать къ теоріи раздѣленія между началами устройства Церкви и принадлежностями церковной дисциплины, какъ между *Божественнымъ* и *человѣческимъ*, чтобы только изъяснить этою теоріею извѣстныя перемѣны отношеній нашей русской Церкви къ константинопольскимъ патріархамъ, при учрежденіи и у насъ патріаршества и потомъ при замѣненіи послѣдняго Св. Сунодомъ. Эти перемѣны объясняются проще и прямѣе. Неизмѣненъ и въ великомъ и въ маломъ, въ Святой Церкви, духъ того благодатнаго порядка, по которому «дѣла церковныя», по приводящему всѣхъ въ живое единство человѣколюбію и дѣйствію Христова главенства, должны соображаться съ «гражданскими и земскими

распредѣленіями» (*) и видоизмѣненіями, и по которому, дѣйствительно, соображались они съ послѣдними не въ доходахъ только церковныхъ, но и въ распредѣленіи высшихъ іерархическихъ степеней по ихъ правамъ и достоинству (въ признаніи, напримѣръ, «преимуществъ» престола ветхаго Рима на томъ основаніи, что то «былъ царствующій городъ», и въ утвержденіи «равныхъ-же преимуществъ» іерархическаго престола въ Константинополѣ, какъ «градѣ, получившемъ честь быть градомъ царя и сунклита» (**). По благодатному духу этого самого порядка въ Св. Церкви, соблюдаемому и дѣйствующему въ ней Св. Духомъ, примѣняемому такимъ или другимъ образомъ по распоряженію Самого, главенствующаго надъ Церковію, Христа, раскрывающему въ Себѣ именно благоволеніе Отца небеснаго, и совершилось то, что великая Церковь русская, въ особенномъ вниманіи іерархіи православнаго востока къ великой русской державѣ и великимъ нашимъ царямъ, получала сначала равнаго съ другими патріарха и потомъ замѣнившій патріарха, но наслѣдовавшій тѣже права, Св. Сунодъ. Такимъ-же въ существѣ дѣла образомъ, а не изъ дисциплины человѣческаго происхожденія, объясняется происхожденіе патріарха, и Св. Сунода въ посланіяхъ восточныхъ патріарховъ. Иначе и нельзя изъяснять, если только свѣтло сознаемъ и твердо содержимъ истину, что Самъ Господь, носящій въ Себѣ все благоволеніе Своего Отца и дѣйствующій благодатію Св. Духа, главенствуетъ надъ всѣмъ въ Церкви, такъ что ей и повода нѣтъ нуждаться въ какихъ-либо земныхъ головахъ, одномъ или многихъ, а напротивъ, ея чадамъ и пастырямъ есть и живое побужденіе и святой долгъ во всемъ, и важномъ и маловажномъ, обращаться и направляться вѣрою къ Самому Господу. Особенно, можетъ быть, *церковная дисциплина* у насъ и нуждается въ неотступномъ вниманіи нашемъ къ Самому Господу, дѣйствующему въ различныхъ ея порядкахъ, чтобы послѣдніе не были внѣшне

(*) Выраженія, отличенныя знаками, принадлежатъ 38 прав. шестаго вселенскаго собора.

(**) Слова, отмѣченныя знаками, взяты изъ 28 правила четвертаго вселенскаго собора.

формальными, а раскрывали въ себѣ истинно жизненныя, благодатныя отношенія между частными Церквами, между пастырями, между послѣдними и ихъ подчиненными и т. д. Отъ одной изъ низшихъ степеней дисциплинарныхъ отношеній между іерархами и ихъ подчиненными сколько бы раскрылось благодатнаго свѣта и жизни, если бы и послѣдніе, въ отношеніи къ первымъ, благоговѣйно имѣли въ виду самого *пастыря добраго*, располагающаго сосудами его благодати, и первые не теряли изъ вида благодатныхъ отпечатлѣній и присутствія (ради св. таинствъ) Самого Сына Божія въ своихъ подчиненныхъ и и пасомыхъ!... Сохрани Богъ отъ того, чтобы дисциплину церковную низводить до области *человѣческаго;* тутъ неизбѣжно дойдешь до духа папскаго, который изъ дисциплинарныхъ отношеній и сдѣлалъ главное орудіе для своего преобладанія надъ вѣрующими личностями, церквами и народами, главную форму этого преобладанія. Папству, какъ для защиты отъ него православія, такъ и для вразумленія и убѣжденія папистовъ въ истинѣ, надо противопоставлять именно благодатную дисциплину, движимую во всемъ Господомъ и всегда имѣющую Его въ благоговѣйномъ виду своей вѣры.

Наконецъ остановимся и на *отношеніи между свѣтскою и духовною властію*, по разумѣнію о. протоіерея Васильева. Сюда относятся слѣдующія слова его изъ перваго его письма къ епископу нантскому: «что касается Императора, то русская Церковь чтитъ его власть, *которая происходитъ отъ Бога*, какъ всякая законноположенная власть; она ему повинуется во всѣхъ дѣлахъ, касающихся области свѣтской; она пользуется его покровительствомъ, но она не признаетъ въ немъ никакой духовной власти. Русскіе епископы, единственные руководители ввѣренной ихъ попеченію паствы, не злоупотребляютъ своею властію и не вступаютъ въ борьбу съ Императоромъ, котораго они вѣрные подданные; и Императоръ, преданный и почтительный сынъ Церкви, уважаетъ духовную власть епископовъ, не нарушая правъ главы государства. Взаимное уваженіе этихъ двухъ властей, одной другою, образуетъ въ Россіи полную гармонію». (Изъ перваго письма къ епископу нантскому). И еще:

«Пастыри Церкви—люди Божіи, говоритъ о. Васильевъ относительно обстоятельствъ учрежденія Св. Синода, но они въ тоже время облечены плотію, подвержены страстямъ; ихъ дѣйствія могутъ быть притязательны. Поэтому государство имѣетъ полное право, даже обязанность принимать мѣры къ прекращенію подобныхъ притязаній. Пастыри Церкви принимаютъ мудрыя предостереженія со стороны мірянъ» (изъ втораго или отвѣтнаго письма къ тому-же епископу). Все это очень хорошо и справедливо! Но все подобное разсужденіе (какъ, думается мнѣ, согласится съ этимъ и досточтимый отецъ настоятель русской въ Парижѣ Церкви, если дойдутъ до него мои слова) не очень прочно утверждаетъ насъ въ томъ положеніи, чтобы о такихъ вещахъ, какъ взаимное отношеніе въ православномъ царствѣ между властями духовною и гражданскою *мыслить яже суть Божія, а не яже суть человѣческая*. Вѣдь «взаимное уваженіе двухъ властей одной другою», если оно обоснуется съ той и другой стороны прямо въ Самомъ Господѣ, можетъ когда нибудь подвергнуться искушенію своекорыстныхъ видовъ, чтобы только властямъ взаимно не мѣшать другъ-другу: надо не только предотвращать подобное искушеніе, но и не давать мѣста или повода и самой, слышной иногда, клеветѣ въ чемъ-ли подобномъ на властей церковную и гражданскую. Равно и огражденіе «людей Божіихъ», именно пастырей, отъ излишнихъ притязаній «мудрыми предостереженіями со стороны мірянъ» можетъ показаться оскорбительнымъ для здраваго чувства вѣры, если подобное огражденіе будетъ идти не отъ Самого и единственнаго Главы Церкви—Господа.

Слово Божіе свидѣтельствуетъ (Еф. IV, 11—13), что Господь далъ Церкви своей пастырей и учителей для такого созиданія этого Христова тѣла, чтобы «намъ всѣмъ придти въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ зрѣлость мужа, въ мѣру полнаго возраста Христова»,—чтобы, значитъ, и во всѣхъ мірянахъ былъ Христосъ Своею благодатію. Если такое намѣреніе нашего Господа достигается и такая благодать Его въ насъ дѣйствуетъ (что несомнѣнно уже и по силѣ самого перваго, вводящаго насъ въ Церковь, таинства — Св. Крещенія,

въ которомъ мы «облекаемся въ Христа»): то и вообще въ мірянахъ и въ частности въ гражданскихъ властяхъ православнаго царства и народа открыта область для проявленій власти и благодати Самого Господа нашего, Которому и по самому Его человѣчеству, для благодатнаго Его вседержавія надъ нами, *дадеся,* составляющая вѣчную собственность Его Божества, *всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. XXVIII, 18). Православный государь, движущій и всѣмъ своимъ правительствомъ, имѣетъ за собою не только то, общее ему и съ языческими или невѣрными царями и правительствами, преимущество, что *нѣсть власть, аще не отъ Бога,* но еще и тотъ великій благодатный даръ, что онъ есть членъ Христова тѣла Церкви, причастный Христовой жизни въ силѣ Святаго Духа,—жизни, притоки которой въ немъ, какъ въ государѣ, еще усугублены особеннымъ таинственнымъ помазаніемъ. Равнымъ образомъ слово Божіе свидѣтельствуетъ, что въ новомъ завѣтѣ существенный архіерей и іерей есть вѣчно единъ, именно Самъ Господь, Сынъ Божій, совершившій на вѣки наше искупленіе (см. въ посл. къ Евр.), Который въ іерархически избранныхъ и освященныхъ сосудахъ или орудіяхъ Своихъ и проявляетъ благодать Своего вѣчнаго архіерейства и священства, возводящаго насъ въ любовь Отца небеснаго и низводящаго для насъ всѣ Божественныя Его сокровища, изливающаго любовь Его въ насъ Духомъ Святымъ.

Изъ сказаннаго сами собою и раскрываются слѣдующія, истинно-благодатныя и живыя, отношенія между православными властями—свѣтскою и духовною. Духовная власть, или православная іерархія, не вмѣшивается (безъ призванія или приглашенія) въ дѣла и распоряженія царя и правительства его, чтобы самозванно и мятежнически не посягнуть на располагающую ими власть Самого Христа Господа нашего; повинуясь царю въ гражданскомъ порядкѣ, пастырство и въ этомъ служитъ благодатной державѣ Самого Господа. Равнымъ образомъ и православный государь, съ своимъ правительствомъ, чуждъ всякаго притязанія на присвоеніе себѣ собственно духовной власти; слѣдуя духовному руководству пастырей и предаваясь «тайно-

водственной» въ нихъ (совершающей Божественныя таинства) благодати, государь чрезъ это также предается Самому своему Спасителю и Господу Іисусу Христу. Такъ точно, Самъ Господь, главенствуя надъ Своею Святою Церковію, движетъ ея пастырство къ благодатному долгу подвизаться, до готовности даже душу свою положить, въ томъ служеніи Его истинѣ и благодати, чтобы въ православномъ царствѣ и народѣ или не допускать или останавливать движеніе въ чемъ бы то ни было противо-христіанскаго и противо-благодатнаго духа и направленія. Равно Самъ же Онъ движетъ и *власть предержащую* или къ тому, чтобы открыть полное удобство къ самымъ обширнымъ и чрезвычайнымъ пастырскимъ въ Церкви дѣйствіямъ, какъ то было особенно при созываніи вселенскихъ соборовъ, или къ тому, чтобы предотвратить въ пастырствѣ, могущія быть въ извѣстное время особенно искусительными и вмѣстѣ вредными, какія-либо мірскія притязанія, какъ такое намѣреніе выслѣжено о. протоіереемъ въ обстоятельствахъ учрежденія Св. Сунода (*).

Впрочемъ, и о. протоіерей Васильевъ вотъ что говоритъ о президентѣ Св. Сунода: «кто-же президентъ Св. Сунода? — Прежде всего—Іисусъ Христосъ, Глава Церкви, нашъ Президентъ и Верховный Господь. Онъ присутствуетъ при засѣданіяхъ въ Своемъ словѣ и Евангеліе занимаетъ здѣсь почетное мѣсто». Да! дѣло православной Церкви, особенно противъ папства, такъ надо раскрывать, чтобы ясно было, что въ Святой Церкви у насъ предсѣдательствуетъ, дѣйствительно, Самъ Господь и Глава Церкви,—предсѣдательствуетъ въ самыхъ умахъ

(*) Здѣсь, при раскрытіи отношеній между властями гражданскою и духовною, кстати замѣтить, что русская Церковь, предвидя возможность злоупотребленія власти не со стороны только гражданскаго правительства, какъ думаетъ о. Васильевъ, но начальниками вообще всякими, и гражданскими и духовными и даже домашними или семейными, выразила слѣдующее правило въ православномъ Катихизисѣ, ссылаясь на дѣйствія Апостоловъ въ отношеніи къ злоупотребившимъ своею властію духовнымъ начальникамъ іудейства: „Какъ должно поступать, если бы случилось, что родители или начальники потребовали чего-либо противнаго вѣрѣ или закону Божію? Тогда должно сказать имъ, какъ сказали Апостолы начальникамъ іудейскимъ: *аще праведно есть васъ послушати паче Бога*“ и проч.

и сердцахъ, къ Нему неотступно взирающихъ и въ Его духѣ подвизающихся, да управляетъ Онъ умами и сердцами всѣхъ— чего живымъ и свѣтлымъ выраженіемъ и служитъ присутствіе Св. Евангелія на «почетномъ мѣстѣ» среди Св. Сунода Самозванное земное главенство папы уступитъ не формальности, а самому дѣйствію и силѣ Христова главенства надъ Церковію, нами отъ всей души признаваемаго и исповѣдуемаго.

О. протоіерей Іосифъ Васильевъ, къ сожалѣнію, изложенныя здѣсь мысли нашелъ недостойными своего сочувствія. Онъ, во первыхъ, нашелъ ихъ мечтательно-мистическими. Но онъ, кажется, опустилъ изъ виду, что и Самъ Христосъ есть тайна, что мечтательно-мистическое направленіе состоитъ не въ направленіи къ Самому Христу, а въ пренебреженіи церковнаго и дѣйствительнаго порядка вещей. Въ моихъ же мысляхъ напротивъ истинность и сила церковнаго и дѣйствительнаго порядка вещей именно и утверждается чрезъ воззрѣніе и направленіе къ Самому Христу, главенствующему надъ Церковію и дѣйствительно сходившему въ нашъ міръ. Во вторыхъ, о. протоіерей Васильевъ опасается, что мнящіеся держаться Самого Христа и станутъ объявлять притязаніе на направленіе другими и самою Церковію. Нѣтъ! когда во всѣхъ церковныхъ лицахъ, учрежденіяхъ и отношеніяхъ будемъ смотрѣть къ Самому Христу, то и будемъ держаться послушанія Ему во всемъ, а не преобладать надъ другими высокомѣрно. Направляясь къ Самому Христу, будемъ развѣ только тѣмъ дѣйствовать на другихъ къ оживленію въ нихъ всего церковнаго, чтобы, сообщаясь Христу, вземлющему грѣхи міра, выносить на себѣ и вины чужихъ невѣрностей Христу и Его Церкви.

Такъ-то, видно, еще рано намъ съ силою и дѣйственностію поднимать знамя православія предъ неправославными, когда сами такъ недостаточно разумѣемъ силу православія и склонны къ ея перетолкованію.

XVI.

По поводу книги „о новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа".

По поводу книги: «о новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа», автору ея приходилось отчасти вычитать въ журналахъ, отчасти выслушивать непосредственно разныя замѣчанія. Разобрать эти замѣчанія авторъ находитъ нужнымъ не только по отношенію къ своей книгѣ, но и вообще для дѣла разъясненія истины Христовой.

О самомъ изложеніи книги, одни говорятъ: «имѣя цѣлію дать въ своемъ трудѣ руководство къ чтенію издаваемаго на русскомъ языкѣ новаго завѣта, автору слѣдовало бы позаботиться о простотѣ изложенія». За то случалось автору слышать совсѣмъ противоположные отзывы другихъ, что мудрено было бы проще раскрывать такой предметъ, какъ въ книгѣ «о новомъ завѣтѣ». Такое рѣшительное до прямой противоположности различіе отзывовъ объ одной и тойже книгѣ показываетъ, что здѣсь одними признается, а другими отрицается болѣе, нежели просто только авторскій или литературный недостатокъ. Съ своей стороны авторъ такъ разсуждаетъ объ этомъ:—первая и главная моя забота, при раскрытіи того или другаго предмета въ сочиненіи, выяснить, по возможности, самое существо этого предмета, и какъ при этомъ приходилось нерѣдко самому же и прокладывать себѣ дорогу въ порядочной иногда и слишкомъ мало у насъ тронутой лѣсной чащѣ, то мысли моей столько бывало работы для открытія себѣ пути впередъ, что она уже и не останавливалась слишкомъ много и долго на очищеніи этого пути отъ неровностей. Если мое дѣло, разсуждалъ я, *дѣльно,* то оно будетъ и стоить того, чтобы любовь къ истинѣ, рано или поздно, разобрала его и отдала ему справедливость. И дѣйствительно, для сочувственно-внимательныхъ и разсуждающихъ мой трудъ не недоступенъ, какъ знаю изъ опытовъ и вышеуказанныхъ отзывовъ не только ученыхъ, но и простыхъ людей—моихъ читателей или слушателей. Непривычнымъ къ умственной работѣ, но любящимъ и ищущимъ истину, мое дѣло можетъ

давать поводъ хоть къ нѣкоторому упражненію себя (а отсюда и къ навыку) въ серьезной мысленной внимательности и разсужденіи; а маловнимательнымъ и нехотящимъ знать духовнаго разсужденія объ истинѣ—такимъ все равно оставаться ни съ чѣмъ, въ нагой ли простотѣ поставите имъ евангельскую истину или прикроете ее нѣкоторою неудободоступностію—въ родѣ, напримѣръ, Евангельскихъ притчей. Вѣдь отъ недостатка охоты разсуждать и отчетливо вникать въ духовные предметы у насъ и происходитъ та бѣда, что Христову истину мало знаютъ не только простолюдины, но не довольно хотятъ знать и многіе образованные. Въ этомъ маловниманіи къ Христовой истинѣ иные думаютъ оправдаться именно недостаткомъ будтобы общедоступности во многихъ духовныхъ сочиненіяхъ, и по этому поводу другіе считаютъ эту общедоступную простоту такимъ существеннымъ достоинствомъ сочиненія, что, сколько отъ нихъ зависитъ, не даютъ и хода сочиненію не претендующему на безостановочную гладь простоты. Но какія отъ этого слѣдствія? Я знаю цѣлое общество, находящееся именно подъ такими условіями или требованіями въ отношеніи простоты ученыхъ дѣлъ; и въ открытыхъ дѣлахъ этого общества, дѣйствительно, большею частію такая гладь, что хоть шаромъ покати; только бѣда здѣсь въ томъ, что дѣла, проникнутыя наиболѣе живою мыслію и сочувствіемъ къ нуждамъ времени (но еще не поставленныя на степень наглядной простоты, недопускающей чего-либо труднаго къ уразумѣнію) сокрываются большею частью и гибнутъ большею-же частью подъ спудомъ—внѣ возможности выясняться, выравниваться и возрастать подъ открытымъ небомъ, на свѣжемъ воздухѣ. .. Прежде общевразумительности, думалось мнѣ, надо кому бы то ни было достигнуть самого еще разумѣнія предмета, хотя бы доступнаго въ началѣ только особенно внимательнымъ и разсуждающимъ, которые, уже, испытавъ истинность этого разумѣнія и вмѣстѣ обширность примѣненія его, могутъ сдѣлать его и общедоступнымъ (хотя все же не всегда для всѣхъ удобовразумительнымъ). Развѣ не такимъ порядкомъ шло и основное, верховно-образцовое для всякаго разумѣнія истины, раскрытіе Христовой

истины въ новомъ завѣтѣ? У Самого Спасителя были, такъ называемые въ Евангеліи, *внѣшніе* слушатели, которые слышали Его ученіе, но *не разумѣли* (Мар. IV, 11, 12); и только немногимъ избраннымъ ученикамъ Своимъ Онъ «наединѣ изъяснялъ все» (ст. 34). Мнѣ кажется, что какая бы ни была идея, новая въ какомъ нибудь отношеніи,—не будетъ она простою и общедоступною дотолѣ, пока сколько нибудь не освоится съ нею общее сознаніе.

Совсѣмъ другой вопросъ: скоро ли у насъ освоится общее сознаніе съ мыслію—раскрывать внутренній порядокъ, въ какомъ сообщены Церкви и вообще Божественное откровеніе и особенно новый завѣтъ? Образованные и ученые у насъ съ горячимъ участіемъ слѣдятъ разъясненія законовъ и условій, по какимъ происходятъ всякія явленія и факты; нѣтъ у нихъ живаго вниманія только къ тѣмъ законамъ, по какимъ шло Божественное откровеніе—этотъ свѣтъ къ выясненію всего для насъ. А необразованные и полуобразованные просто-запросто толкуютъ о томъ, что, когда самыя книги *новаго завѣта* такъ у насъ теперь дешевы, то какая охота покупать еще книгу «о новомъ завѣтѣ» за болѣе дорогую цѣну?! Бѣдные, знать не хотятъ, что дешевизна книгъ новаго завѣта, безъ разумѣнія безцѣннаго значенія слова Божія, безполезна для вѣры и можетъ, обратиться въ осужденіе наше.—Вотъ главнымъ образомъ отъ чего, а не отъ недостатка внѣшней простоты, бываютъ многимъ не довольно понятны книги въ родѣ труда «о новомъ завѣтѣ». Особенно важно замѣчаніе, дѣлаемое на книгу «о новомъ завѣтѣ», слѣдующее: «зачѣмъ изъ разсмотрѣнія перехода Церкви изъ одного завѣта въ другій авторъ не вывелъ никакихъ положительныхъ примѣненій къ нашему времени, какъ переходному, хотя и предположилъ себѣ это какъ цѣль изданія книги?»—Прежде всего на это скажу, что главная и существенная цѣль написанія и изданія книги «о новомъ завѣтѣ»—разъяснить для вѣры дѣло Христово въ устроеніи новозавѣтной Его Церкви, чтобы внутренняя стройность и неразрывная цѣльность этого дѣла служила къ утвержденію вѣры и къ опроверженію новѣйшихъ перетолковъ о жизни Христовой и вообще о новомъ

завѣтѣ. Что же касается до особенныхъ примѣненій къ нашему переходному времени,—тутъ рѣшительно ничего нельзя сдѣлать безъ собственнаго вниманія и размышленія каждаго. Господь въ новомъ завѣтѣ, съ Своей стороны, дѣйствительно, воспріялъ въ собственное лице все человѣческое естество для спасенія отъ грѣховнаго зла и заблужденія всѣхъ человѣковъ и всего человѣческаго; понесъ Онъ Самъ на Себѣ, въ крестоносной Своей жизни до смерти на крестѣ, бремя грѣховныхъ повинностей и заблужденій, дѣйствительно, всего міра, всего человѣчества, и такую благодать, такой духъ Своей любви къ человѣку Онъ открылъ, дѣйствительно, всѣмъ и каждому изъ насъ для нашего соучастія, для нашего исполненія «всею полнотою Божіею», обитающею въ Немъ даже *тѣлесно* (Кол. II, 9, 10. Еф. III, 19). Но принять или не принимать вѣрою такую благодать зависитъ уже отъ доброй воли каждаго, и, значитъ, отъ собственнаго его усмотрѣнія и разсужденія. Исключеніе имѣетъ мѣсто единственно въ отношеніи только къ немогущимъ еще разсуждать и разумно располагать собою, именно—къ младенцамъ, которыхъ Церковь матерински принимаетъ въ соучастіе благодатной жизни и свѣта, впрочемъ и то если находятся между вѣрующими готовые и способные своею дѣятельною мыслію и любовію представить какъ бы замѣну и поруку за дѣтей, въ которыхъ и обязаны они, при первой возможности, раскрывать живую и отчетливую мысль вѣры (т. е. воспріемники). Да умственная работа, говорите вы, тяжела и почти недоступна, непонятна многимъ? Чтожъ—и пусть остаются въ дѣтскомъ неразуміи эти духовные недоросли? Нѣтъ, это не такъ должно быть у христіанъ. Пусть всѣ учатся разсуждать, чтобы умѣть усвоять и упрочивать за собою истину и благодать новаго завѣта, безъ которыхъ—одно заблужденіе и рано или поздно гибель еще и на землѣ.... Развѣ трудно православному христіанину разсудить о той основной въ новомъ завѣтѣ истинѣ, что все, поставляемое рѣшительно внѣ Христа Сына Божія, въ Которомъ почиваетъ любовь и благоволеніе Отца всею своею полнотою, въ Которомъ почиваетъ и вся безмѣрная полнота силъ Духа истины и жизни,—все такое становится уже и внѣ любви и благоволенія Божія,

внѣ всего истинно жизненнаго и праваго, и слѣдовательно неизбѣжно дѣлается добычею отверженія и пагубы? А установивъ свою мысль на этой точкѣ воззрѣнія, всякій *искренно вѣрующій* не можетъ, кажется, не подвигнуться всею глубиною своей души къ тому, чтобы свое дѣло и положеніе, свою среду и вообще все, что ему можно, возводить (разумѣется, безъ принужденія и насилія, разумно, съ благодатною свободою) или только крѣпче упрочивать и глубже водружать въ новозавѣтную почву: благоволенія и любви Отца небеснаго, разумѣнія и исполненія истины и правды Христовой, словомъ—усвоенія животворной Божіей благодати. *Въ этомъ только смыслѣ и намѣреніи* представлю, если угодно, теперь же и самые примѣры примѣненія къ намъ того порядка, въ какомъ Спаситель открывалъ Свой новый завѣтъ или вводилъ людей въ любовь Своего Отца и въ Свою истину и благодать. Не то, чтобы нужно насъ снова переводить изъ ветхаго завѣта въ новый: сохрани насъ Богъ отъ такой мысли, не только странной, но и совсѣмъ противной вѣрѣ нашей въ единственный и вѣчный новый завѣтъ нашего Господа, въ который Церковь введена уже болѣе 18-ти столѣтій тому назадъ. Но дѣло въ томъ, что для перехода времени или общества или отдѣльнаго человѣка отъ всего худшаго и недостойнаго въ немъ и въ средѣ его, отъ всего лживаго или духовно темнаго (происходящаго, разумѣется, отъ ветхаго Адама, отъ нашей грѣховности, а не отъ завѣта ветхаго),—для перехода къ лучшему, духовно-свѣтлому и истинному, рѣшительно нельзя найдти другаго глубочайшаго основанія и вмѣстѣ высочайшаго Первообраза, кромѣ изведенія человѣчества Самимъ Спасителемъ отъ всего худшаго ко всему лучшему и отъ изветшавшаго чрезъ человѣческую грѣховность (Рим. VII, 9 и сл.) завѣта ветхаго въ новый завѣтъ вѣчной благодати и истины. Это точно такъ, какъ, кромѣ имени Господа Іисуса Христа, съ Его истиною и благодатію, *нѣтъ иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12). Въ этомъ только смыслѣ дѣлаю свои дальнѣйшія примѣненія. (*)

(*) Если-бы эти примѣненія кѣмъ либо сочтены были за сомнительныя и въ томъ смыслѣ, что именно Христосъ и Его дѣло составляютъ основаніе для

Начну съ того, что̀ у насъ въ Церкви и отечествѣ пользуется особенно важнымъ значеніемъ и сильнымъ вліяніемъ,— съ званія монашескаго. Ставъ на истинно-новозавѣтную точку воззрѣнія, монахъ, напримѣръ, безъ большаго труда можетъ догадаться, что, принимая и исполняя дѣло своего монашескаго послушанія, состоящее въ тѣлесной или особенно въ умственной работѣ, долженъ онъ въ своей мысли и сердцѣ совершать послушаніе во Христѣ прямо Самому Ему и въ Немъ пашему Отцу небесному, что только въ такомъ послушникѣ будутъ раскрываться Христово *мудрствованіе* и человѣколюбивыя Его расположенія (Фил. II 6); а въ противномъ случаѣ послушаніе монашеское, и при скромности и искренности своей, не будетъ возвышаться вполнѣ къ живому благодатному духу древнихъ богоносныхъ послушниковъ, а, при неискренности, можетъ обращаться не только въ рабское, но и въ лицемѣрно-фарисейское, жосткое униженіе духа. Къ выходу или только еще въ предосторожность отъ такого жалкаго положенія, и можетъ послужить разсуждающему монаху слѣдимый въ моей книгѣ порядокъ открытія новаго завѣта Самимъ Господомъ, при противленіи Ему особенно фарисейства. Господь именно такъ открывалъ, на мѣсто завѣта ветхаго, Свой новый завѣтъ, что, ставъ въ древле-церковный порядокъ, раскрывалъ истинный его духъ и живую силу, отвергая фарисейство или вообще мертвое іудейство, которое остановилось только на буквѣ древняго порядка, вопреки духу вѣры всѣхъ древнихъ праведниковъ. Въ избѣжаніе того же мертвящаго іудейскаго или фарисейскаго духа, который (какъ и всякое духовное зло) можетъ приразиться и къ православному монаху, будетъ этотъ монахъ вникать въ самый духъ и живую силу благодатныхъ примѣровъ и правилъ монашества. Вотъ, напримѣръ, какъ учитъ монаховъ послушливому терпѣнію одинъ древній послушникъ, у котораго былъ весьма жестокій и грубый авва: этотъ послушникъ признавалъ потерянным безъ духовной прибыли тотъ день, въ который

спасенія нашего отъ всего худшаго и для утвержденія въ насъ всего лучшаго, представляя въ Себѣ и самый Первообразъ всего лучшаго: то что-же для насъ будетъ истина?..

онъ не получалъ синяковъ или ушибовъ до крови отъ своего аввы. Можно быть, по внѣшности или нравственно, жертвою и подобной жестокости, однако далеко не достигать благодатнаго плода, созрѣвшаго у помянутаго послушника, который послужилъ и спасенію старца своего, и самъ засвидѣтельствованъ былъ, уже и по смерти, какъ живой.... Надо только понять самую силу благодатнаго терпѣнія этого праведника. Истинно праведные, во всякой добродѣтели, усвояли себѣ духъ и настроеніе Христовыхъ добродѣтелей; потому и праведный послушникъ терпѣлъ не иначе, какъ въ духѣ Христова терпѣнія; а духъ Христова терпѣнія—любовь, по которой Всесвятый восхотѣлъ терпѣть какъ бы Самъ виноватый предъ Своимъ Отцемъ за грѣховныя вины міра и Который, принимая безчестіе и раны и наконецъ приговоръ на поносную смерть, слушался во всемъ этомъ Самого Своего Отца, съ Божественно сыновнею любовію. Такъ, видно, и тотъ древній послушникъ, принимая удары отъ своего старца, въ духѣ терпѣнія Христова предъ Отцемъ небеснымъ винилъ не авву, а только себя самого за его жестокости, и велъ это свое дѣло въ своемъ умѣ и сердцѣ прямо предъ Самимъ Господомъ, а не предъ людьми. Такое-то послушливое терпѣніе будетъ возвышать и облагороживать духъ монаха на пользу и другихъ, а не подвергать низкому и жесткому духовному рабству. Этотъ духъ истиннаго монашества можетъ разноситься и раскрываться свободно и въ другихъ формахъ жизни.

Но монашество есть доля немногихъ. Возьмемъ это великое, наглядное для всѣхъ дѣло нашего времени и отечества,—такъ называемый вопросъ крестьянскій. Всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ не трудно тоже разсудить, если они христіане православные, что не освѣщать этого вопроса прямо Христовымъ свѣтомъ значило бы не приближать къ себѣ, по этому великому и трудному дѣлу, благодать Христову, безъ которой невозможно сдѣлать ничего, истинно и прочно добраго. Зачѣмъ же православнымъ останавливаться на этомъ худшемъ, когда предъ ними открыто лучшее, благодатное? Но тѣмъ не менѣе, многіе изъ крестьянъ и помѣщиковъ и донынѣ не думаютъ испол-

нять и разумѣть прямо во Христѣ этого великаго дѣла (устройства быта крестьянъ по уничтоженіи крѣпостной зависимости), неизбѣжно впадая за то въ разныя тяжелыя взаимныя недоразумѣнія и даже безпорядки. Надо православнымъ русскимъ выходить изъ этого худшаго, недостойнаго чадъ новаго завѣта, къ лучшему, благодатному, которое уже давно открыто міру въ новомъ завѣтѣ. Сущность благодатнаго, касательно крестьянскаго вопроса, въ томъ, чтобы православнымъ во всемъ, относящемся къ разбирательствамъ или распоряженіямъ по этому вопросу, благоговѣйно имѣть въ виду и вѣрою «пріобрѣтать» себѣ (Фил. III, 8) Самого Сына человѣческаго, какимъ содѣлался Единосущный Сынъ Божій для усвоенія Самому Себѣ какъ совершенія и устроенія всякаго истиннаго блага человѣческаго, такъ и всякаго благодѣянія, какое бы ни дѣлали мы съ Нимъ и ради Него нашимъ ближнимъ меньшимъ Его братіямъ. И неужели весьма трудно *одним* (помѣщикамъ), даруя или уступая что меньшимъ Христовымъ братіямъ,— это пожертвованіе вручать своею вѣрою Самому столько возлюбившему человѣковъ Христу Господу, у Кого оно не только сохранится въ безопасности отъ злоупотребленій, но принесетъ свой плодъ и для самихъ пожертвовавшихъ? Неужели трудно до крайности и *другим* (крестьянамъ все,) даруемое или уступаемое имъ, принимать вѣрою тоже какъ изъ рукъ Самого Господа, Котораго человѣколюбивый духъ именно и воздѣйствовалъ, по этому дѣлу, въ правительствѣ и помѣщикахъ? Но имѣть и выдерживать такую мысль и расположеніе вѣры, при чтеніи или слушаніи, а тѣмъ болѣе при самомъ предначертаніи или исполненіи того или другаго распоряженія и учрежденія, значило бы уже развивать въ этихъ распоряженіяхъ достойный новаго завѣта порядокъ въ духѣ любви Самого Отца небеснаго, обнимающей и дарующей міру ради Своего Сына Богочеловѣка всякое истинное человѣческое благо и благосостояніе. И при этомъ всемощной Божіей любви, безъ сомнѣнія, легко своимъ благодатнымъ осѣненіемъ какъ оберечь простодушныхъ отъ злонамѣренныхъ внушеній и разрушительныхъ безпорядковъ, такъ вмѣстѣ и подвигнуть весь народный духъ къ истин-

ному здравомыслію въ жизни и просвѣщеніи. Такимъ образомъ дѣло земнаго гражданства, исполняя и выдерживая его въ духѣ Христовой истины и благодати, православные и могутъ перевести отъ всего худшаго и духовно безсознательнаго въ высшую и свѣтоносную область благоволенія во Христѣ Отца нашего небеснаго. Это можетъ и должно совершиться именно на основаніи и по первообразу того спасительнаго и руководительнаго для насъ порядка, въ какомъ Самъ Господь возводитъ вѣру изъ ветхаго завѣта въ новый, когда, явясь среди плотскаго израиля, крайне уже мало сознававшаго свое истинное духовное значеніе, Онъ раскрывалъ это значеніе и преимущества израиля въ живомъ духѣ и силѣ самой благодати, и такимъ образомъ открывалъ мѣсто и устройство уже новому израилю благодатныхъ чадъ во Христѣ Самого Отца небеснаго, свѣтлыхъ чадъ истины и премудрости.—Да, скажете, вопросъ крестьянскій—вовсе не вопросъ вѣры? Но въ новомъ завѣтѣ выяснено, особенно чрезъ Апостола Павла, что человѣкъ, не только воспитанный ѳеократическимъ руководствомъ, но и ходившій самовольными путями язычества, и слѣдовательно все человѣческое, не только прямо духовное или церковное, но и мірское, самостоятельно (хотя бы даже долгое время и самовольно) развиваемое,—получаетъ одинаковый доступъ и право обращаться ко Христу и просвѣщаться чрезъ вѣру Христовою истиною и оживляться Христовою благодатію.

Также и мыслителю, прочитавшему со вниманіемъ и размышленіемъ книжку «о новомъ завѣтѣ» и слѣдившему порядокъ открытія Господомъ новаго завѣта именно по отношенію къ дѣлу мысли, можно было бы остановиться на томъ, что Господь вообще пришелъ *не разорити, а исполнити* законъ Богоданный; но такъ какъ Онъ *исполнялъ* и разъяснялъ этотъ законъ не въ бездушной его буквѣ, чѣмъ іуден именно и *разоряли* законъ, а въ самой благодатной его силѣ и животворномъ духѣ, то чрезъ это и раскрывалъ уже новый завѣтъ благодати и истины. Развѣ при этомъ трудно уже, особенно мыслителю, доразумѣвать самому, что и законъ разума и мысли есть тоже Богоданный законъ? *Не разорить, а исполнить*

пришелъ Господь и этотъ законъ, Богоданный законъ мысли и разума,—какъ и дѣйствительно Онъ, сохраняя въ цѣлости воспринятую человѣческую природу и съ человѣческою дѣятельностію, слѣдовательно и съ человѣческою мыслью, уже поэтому соблюдалъ и законы нашей мысли. Но соблюдалъ и исполнялъ законы мысли Господь нашъ тоже не въ мертвой и бездушной формѣ (чѣмъ собственно *разоряется* жизненный законъ мысли), но въ самой жизненной ихъ силѣ, — именно: Онъ и въ естественныхъ законахъ человѣческой мысли слышалъ и исполнялъ Творческую мысль и волю Своего Всевышняго Отца, какъ представитель предъ Нимъ или ходатай всего человѣчества. Пусть же и мыслитель, ежели онъ христіанинъ православный, въ дѣлѣ своей мысли, идущемъ по внутреннему самозаконію разума, слышитъ и исполняетъ во Христѣ также мысль и волю Отца небеснаго, пусть въ своей мыслительности входитъ въ духъ Христова человѣколюбиваго ходатайства предъ Отцемъ и за разумъ человѣческій, за дѣло мысли человѣческой. Или если мыслитель еще не утвердился во Христѣ, а былъ бы только не прочь отъ принятія Христовой истины, когда бы удостовѣрился въ томъ, что это — дѣйствительно истина, то пусть онъ—дѣло своей мыслительности съ ея самозаконіемъ ведетъ не въ духѣ самонравія или произвольности беззаконной, но въ послушной вѣрности законамъ мысли, какъ высшей или строжайше-обязательной для него правдѣ (*); пусть въ сознаніи, что и у другихъ людей тѣ-же законы мысли, какіе и у него, мыслитель пускается въ разныя попытки своей мысли не иначе, какъ въ человѣколюбивомъ духѣ серьезной и крѣпкой озабоченности, по дѣлу и судьбѣ мысли, и за другихъ людей. И такимъ образомъ мыслитель, и съ этимъ однимъ предначертаніемъ духа здравой мыслительности, вступитъ уже своею мыслію на стезю несомнѣнно вѣрнаго перехода—какъ изъ рабскаго и мертваго застоя, такъ и изъ столь-

(*) Но и самые законы мысли понимаются различными различно.—Чтожъ? Тѣмъ добросовѣстнѣе и спасительнѣе предъ правдою мысли должны держать себя мыслители, не запутывая и не задерживая другъ-друга, по крайней мѣрѣ, намѣренно.

ко подвижной влаемости отъ разныхъ вѣтровъ и броженій мысли,—перехода въ область живой и вмѣстѣ незыблемой, всесовершенной и всепросвѣтительной истины Божіей и вмѣстѣ вселенской или общечеловѣческой. Это—переходъ несомнѣнновѣрный, потому что онъ внутренно сообразенъ съ совершеннымъ отъ Самого Господа переходомъ вѣры и спасаемаго человѣчества изъ ветхаго завѣта въ новый, да и обоснованъ на этомъ, Божественно-руководительномъ для людей всѣхъ временъ, переходѣ.

Возьмемъ во вниманіе еще дѣло хоть нашей журналистики, особенно свѣтской. Если наше время точно во многихъ отношеніяхъ есть переходное время, а журналы служатъ органами своего времени, то ясно, что и журналы неизбѣжно, волею или неволею, раздѣляютъ съ нашимъ временемъ переходное его состояніе. И журналистикѣ тѣмъ болѣе нужно и должно разумно и вѣрно устроять и направлять эту переходность, что журналы непремѣнно болѣе или менѣе влекутъ или движутъ за собой современность и, значитъ, находятся въ великой отвѣтственности за такое или другое направленіе переходнаго своего времени. Но здѣсь есть нужда для насъ еще въ предварительномъ объясненіи; журналы вѣдь любятъ учить сами, а не учиться.... Что-же? Своимъ молчаніемъ о журналахъ и станемъ мы, въ обиду не только истинѣ, но и самимъ журналамъ, изъявлять какъ будто согласіе и съ такою *мечтою* нѣкоторыхъ изъ нихъ, что истины и добра можно искать и находить—и помимо Христа?! Вѣдь это значило бы нѣкоторымъ образомъ извинять и даже оправдывать подобную мечту; а между тѣмъ и самое происхожденіе ея, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мыслителяхъ и литераторахъ, объясняется изъ ихъ первоначальныхъ ребячески-глупыхъ представленій о христіанствѣ, отъ которыхъ, потомъ, стремясь освободиться молодой умъ, безъ живаго соучастія къ нему болѣе опытной вѣры, терялъ, вмѣстѣ съ ребячески-мечтательными представленіями о вѣрѣ, самую вѣру... Не продолжать ли, не поддерживать ли намъ такое положеніе вещей въ умственномъ дѣлѣ, стоившее для нашего отечества уже слишкомъ многихъ жертвъ? Нѣтъ, скажемъ журна-

листикѣ слово Христовой человѣколюбивой правды: если дѣятели журналовъ любятъ человѣка и свое отечество, то надо имъ вдумываться въ свое дѣло съ строгимъ и добросовѣстнымъ испытаніемъ, вѣрнымъ ли путемъ къ истинѣ и добру они идутъ и другихъ ведутъ, и куда помимо Христа, или не въ истинномъ духѣ Его человѣколюбія, можетъ тотъ или другой изъ нихъ зайти и другихъ завести. Хотятъ или не хотятъ насъ слушать, но мы должны говорить истину вѣры, что внѣ Христа Единосущнаго Сына Божія, ставшаго ради насъ, человѣковъ, сыномъ человѣческимъ и просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, нѣтъ мѣста въ человѣчествѣ ничему истинно жизненному и благоволительному. До сознанія этой истины, сознанія отчетливаго и твердаго, когда нибудь дойдетъ же или будетъ доведенъ и міръ новый (какъ былъ нѣкогда доведенъ міръ древній), по прямому молитвенному предъ Отцемъ слову Христову: *да и мірѣ вѣру имать, яко Ты Мя послалъ еси... да разумѣетъ мірѣ, яко Ты Мя послалъ еси.* (Іоан. XVII, 21, 23). Хотятъ или не хотятъ наши журнальные мыслители понимать и направлять переходность нашего времени именно по духу того перехода отъ всего худшаго ко всему лучшему, который открытъ человѣчеству Самимъ Спасителемъ;—изъ порядка, въ какомъ Господь устроивалъ на всѣ времена и для всѣхъ людей этотъ благодатный переходъ, я хочу по крайней мѣрѣ самъ, какъ читатель журналовъ, вразумиться и другимъ ихъ читателямъ (если кто изъ нихъ захочетъ принять братскую помощь), показать, какъ намъ пользоваться журналами для того, чтобы наше переходное время шло отъ худшаго къ лучшему. Но здѣсь открывается необходимость сказать нѣсколько словъ и для другой стороны, для стороны боящихся соблазна и вреда для вѣры отъ самого вниманія къ движенію міра журнальнаго (разумѣется, свѣтскаго). При нынѣшнемъ разливѣ журналистики неужели чья-либо вѣра и любовь къ Господу и Церкви не примѣчаетъ еще крайней нужды въ посильныхъ указаніяхъ, какъ читателю не только избѣгать опасности заблудиться или сбиться съ пути, но даже съ истинною пользою пускаться плавать по этому журнальному разливу? Это горькая правда, что иной

человѣкъ, нахватавшись въ разныхъ журналахъ многаго неполезнаго и неистиннаго, это самое и готовъ считать за самое лучшее и вѣрное, незамѣтно притомъ и понемногу доходя до такого обольщенія. Въ заботливомъ вниманіи именно къ подобнымъ (многимъ,—о, какъ многимъ!) случаямъ и надо всевозможно стараться выяснить и то, *что именно и дѣйствительно—лучшее и что—худшее*, кто, *какъ наивѣрное устраивать для себя и другихъ переходъ отъ худшаго къ лучшему*. А другаго основанія и первообраза для такого перехода, также какъ и другаго свѣта къ вѣрному различенію лучшаго отъ худшаго, нѣтъ кромѣ Христа и Его дѣла.

Вотъ что для этой цѣли, по отношенію къ чтенію журналовъ, можетъ послужить намъ изъ порядка дѣла Христова. Способомъ къ переходу вѣры изъ ветхозавѣтной чувственно-образной видимости, доведенной уже человѣческою грѣховностію и ложью до пустоты и безполезности мертвыхъ формъ, къ новозавѣтной духовной существенности и истинѣ служили у Господа, между прочимъ, *притчи* (*). Въ этихъ притчахъ, съ одной стороны, предлагалась вѣрѣ отчасти еще ветхозавѣтная пища—приточный *образъ*, а съ другой указывалась въ этомъ образѣ та или другая благодатная *истина*.

«Когда Господь говорилъ о сѣятелѣ, неводѣ, о закваскѣ и т. под. (такъ сказано и разъяснено въ моей книгѣ «о новомъ завѣтѣ»), то здѣсь на первомъ планѣ является образъ, иносказаніе: это—пища вѣры съ ветхозавѣтнымъ настроеніемъ. Но всякому было ясно, что остановиться мыслію на буквѣ этого образа значило ничего не понять въ приточной рѣчи Спасителя,—надо было слѣдить въ образѣ и уже отвлекать отъ него мысль Спасителя о той или другой истинѣ: это свойственно уже новозавѣтной вѣрѣ, отдѣляющей истину отъ образовъ и тѣней. И такимъ образомъ въ приточномъ ученіи Христовомъ вѣрѣ сколько удобно и просто было стать подъ привычную ей въ ветхомъ завѣтѣ образность, столько же потомъ естественно и даже необходимо было возвышаться отъ образа прямо къ разу-

(*) См. объ этомъ и слѣд. въ кн. „о новомъ завѣтѣ“ стр. 75—84.

мѣнію спасительной истины, или, что тоже, оказываться и утверждаться въ духовной области новаго завѣта». По духу этого самого Христова порядка можно (*) и вѣрующему во Христа, вземлющаго грѣхи міра, такъ пользоваться какимъ бы то ни было родомъ самой свѣтской журналистики, чтобы она послужила для мысли и дѣла читателя переходомъ отъ многаго не истиннаго и не полезнаго къ лучшему. Вѣдь есть много притчей Христовыхъ такихъ, которыя берутъ образъ именно изъ природы и внѣшняго міра: по духу и значенію этого рода притчей вся природа и внѣшній міръ являются точно Эдемомъ, въ которомъ все видимое говоритъ о духовномъ и благодатномъ. Есть притчи, представляющія человѣка въ разныхъ отношеніяхъ—семейномъ, гражданскомъ и прямо—духовно-нравственномъ; есть притчи, въ которыхъ образъ взятъ даже изъ крайне низменной житейской области и однако примѣненъ къ благодатнымъ предметамъ, какъ, напр., притчи о судіи неправедномъ, однако защитившемъ неотступную вдову отъ обидчиковъ, но за смѣтливость похваленномъ отъ Господа.

Но вѣдь, скажетъ кто-либо,—въ иномъ родѣ журнальнаго содержанія только почти и есть одно легкомысліе и суетность, перемѣшанныя съ открытымъ растлѣніемъ. Все же подобное, отвѣчаю я, не выходитъ изъ очертанія напр. этого приточнаго образа: «въ одномъ городѣ былъ нѣкоторый судья, который Бога не боялся и людей не стыдился» (Лук. XVIII, 2, 4). Но посмотрите, съ кѣмъ приточно сопоставляется этотъ образъ Самимъ Господомъ (там. ст. 6 и 7)? Съ Всевышнимъ Судіею. Главное дѣло не въ томъ или другомъ родѣ содержанія журнальнаго, а въ томъ, чтобы вы сами, вѣрующій читатель, читали журналы съ неотступною вѣрою въ Сына Божія, Который сталъ ради насъ и сыномъ человѣческимъ и на Себѣ понесъ страшные грѣхи нашего безстрашія предъ Богомъ и безстыдства предъ людьми; отъ васъ самихъ зависитъ, во всякомъ вашемъ дѣлѣ (слѣд. и въ чтеніи журналовъ), держаться или не держаться благодати Спасителя и спасенія. Или еще вы по-

(*) Говоримъ это не въ томъ категорическомъ, и отнюдь—не въ видахъ извиненія, или оправданія свѣтской литературы.

думаете, быть можетъ, не хочу ли я свѣтской журналистикѣ съ ея разнороднымъ содержаніемъ дать значеніе духовно-иносказательное? Не торопитесь этою догадкою. У Господа есть и такія притчи, въ которыхъ истина сливается съ приточнымъ образомъ, какъ съ своимъ собственнымъ явленіемъ и осуществленіемъ (таковы, напр., притчи о впадшемъ въ разбойники, о Лазарѣ и богачѣ); я вотъ это самое воззрѣніе преимущественно стараюсь выдерживать самъ и другимъ рекомендую при чтеніи журналовъ свѣтскихъ. Если, напр., православный читатель имѣетъ дѣло съ такими журнальными статьями, въ которыхъ выводится на видъ человѣкъ съ своими страстями, испытаніями, радостями и скорбями (какъ это бываетъ въ повѣстяхъ), то пусть при этомъ онъ не опускаетъ изъ вида, что именно для человѣка, какой только есть и возможенъ во всѣ времена, сталъ сыномъ человѣческомъ Самъ единородный Сынъ Божій, понеся на Себѣ бремя всѣхъ его недуговъ и заблужденій, всего худшаго и недостойнаго у насъ. Пусть помнитъ читатель и то, что все лучшее въ каждомъ человѣкѣ есть отсвѣтъ или отображеніе того-же *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка*, хотя этотъ отсвѣтъ или отраженіе Солнца правды проходили бы столько и такихъ средъ, сколько и какія среды проходитъ отсвѣтъ видимаго солнца, отражающійся, напр., въ рѣкѣ, а отъ нея въ стеклѣ раскрытаго окна, а отсюда въ зеркалѣ, а отъ зеркала падающій на случившуюся металлическую полированную дощечку и уже отсюда на чье-либо лице.... И тогда простая повѣсть, сколько нибудь дѣльно и вѣрно выразившая какую либо сторону современности, будетъ раскрывать предъ читателемъ, какъ Творческой любви и истинѣ можно настигнуть современнаго человѣка въ разныхъ его трущобахъ, и какія его стороны наиболѣе открыты и воспріимчивы къ всюду ищущей его благодати. Говорю это не просто по умозрѣнію вѣры, а изъ неизчислимыхъ собственныхъ опытовъ. Или для убѣжденія въ истинѣ вамъ нуженъ еще высшій и достойный авторитетъ? Вотъ самого язычника Гомера умѣли же такъ точно читать древніе отцы (какъ, напр., Св. Григорій Богословъ), руководительству которыхъ мы должны слѣдовать.

Такъ точно читая и разслѣдованіе тѣхъ или другихъ порядковъ нашего земнаго быта, природы, науки и проч., пусть православный не забываетъ о Носящемъ всяческая Своею вседержавною мыслію и волею Богѣ Словѣ, Кѣмъ однимъ *вся быша* и безъ Кого *ничтоже бысть, еже бысть*, Кто осуществляетъ Свои мысли и въ законахъ природы, и порядкахъ нравственнаго міроправленія, и въ законахъ нашего разума, и т. д. И тогда всякая основательная и дѣльная, послѣдовательная статья поведетъ и будетъ болѣе и болѣе приближать читателя къ разумѣнію зиждительныхъ и міроправительныхъ мыслей Христа Бога Слова, къ изученію ума Христова, близкаго уже и доступнаго намъ ради Его вочеловѣченія, совершившагося для грѣшныхъ человѣковъ. Читателю при этомъ можетъ быть видно и то, чего дѣльнаго, и въ самомъ увлеченіи и односторонникъ сужденіяхъ, искалъ и желалъ добросовѣстный писатель, къ чему доброму, слѣд. Христову, стремился онъ, хоть бы только инстинктивно. Ну, и всякая фальшь журнальная ни за какой маской не скроется предъ свѣтомъ Христовымъ, если вы въ этомъ свѣтѣ будете читать журналы: вы, напр., не повѣрите если не искренности, то, по крайней мѣрѣ, прочности той гуманности, съ какою иногда вооружаются противъ розги, а сами чуть не дубьемъ бьютъ своихъ противниковъ,—равно и нравственное генеральство нѣкоторыхъ журнальныхъ авторитетовъ, уважающихъ только себя, ужъ никакъ не возбудитъ въ васъ уваженія и еще менѣе сочувствія, какъ бы ни было это генеральство скрытно или утонченно, хотя бы оно опиралось на нужду для переходнаго времени въ суровомъ голосѣ. Изъ всего сказаннаго, кажется, ясно, какъ читатель, при помощи самой свѣтской журналистики (не задерживаясь фальшами, хотя бы запутывающими не только многихъ, но и *достойныхъ* литературныхъ дѣятелей), можетъ выходить изъ этихъ двухъ современныхъ несчастныхъ односторонностей, по которымъ или заняты бываютъ земною дѣйствительностію, но безъ Христа и, значитъ, безъ благоволенія Всеблагостнаго Отца, или ревнуютъ по благочестію и по Христу, но въ духѣ Его человѣколюбія, низведшемъ Его съ неба на землю для труждающагося и обремененнаго здѣсь человѣчества,—можетъ всту-

пать именно въ ту силу Христовой истины и благодати, чтобы и разумно сознавать эту истину и благодать и проводить свѣтъ ихъ во все въ жизни и наукѣ, какъ можно ближе къ требованіямъ и характеру современности.—Не останавливаясь уже на томъ, какъ чтеніе журналовъ съ вниманіемъ къ единственному нашему Учителю Христу, свѣтящемуся своею истиною и во тьмѣ нашей, будетъ, съ отрицаніемъ и обличеніемъ худшаго и недостойнаго въ журналахъ, черезъ это помогать имъ выходить хоть понемногу изъ ихъ нестроеній и кличей и болѣе и болѣе сводиться въ одинъ хоръ, который не терялъ бы своей стройности и въ самыхъ своихъ разнорѣчіяхъ и полемикѣ.

Безъ сомнѣнія, такому читателю журналовъ будетъ глубокогорько, жалко и досадно, отчего эти органы русской мысли, взявшись за дѣло разъясненія и раскрытія истины (принадлежащей существенно одному Христу Спасителю нашему), иные молодушно чуждаются и какъ будто стыдятся Христа, а другіе, по видимому, совсѣмъ бѣгутъ отъ Него. Но, тѣмъ не менѣе, самъ же такой читатель, видя и чувствуя, что предваряющею благодатію своею *Духъ Божій носится надъ* мысленною и словесною *водою* и прежде появленія *свѣта* прямаго и отчетливаго возрѣнія ко Христу, какъ единственной для всѣхъ истинѣ (Быт. 1, 2 и д.), въ томительномъ ожиданіи этого духовно-живаго и свободнаго свѣта — пожелаетъ лучше терпѣть, нежели склонится къ чему либо рабскому и мертвому, какъ совсѣмъ безнадежному для истины. Этому духовно-рабскому и мертвому направленію онъ также не можетъ подать руки, какъ и безнравственности и несчастію, хотя и вѣруетъ Христову свѣту, свѣтящемуся и во тьмѣ и тьмою необъемлемому (Іоан. I, 5). Съ живымъ убѣжденіемъ вѣры и истиннымъ достоинствомъ православнаго христіанина равно несовмѣстны и разнуздапность невѣрія и мертвое духовно-рабское направленіе самомнящейся вѣры; то и другое зло и можетъ вести только къ злу же, такъ что нѣтъ мѣста извѣстной хулѣ нѣкоторыхъ противъ апостольскаго ученія о правдѣ Божіей, торжествующей во Христѣ надъ человѣческими неправ-

дами,—именно этой хулѣ: *сотворимъ злая, да придутъ благая* (Рим. III, 8).

Теперь и перейдемъ къ этому главному и всѣмъ намъ общему дѣлу — живому и сыновне-свободному разумѣнію и раскрытію къ насъ православія, чтобы и это дѣло въ насъ вѣрно и неуклонно шло на основаніи совершеннаго Самимъ Господомъ перехода вѣры и Церкви изъ ветхаго завѣта въ новый.— Есть у насъ въ воззрѣніяхъ вѣры какое-то духовно-рабское направленіе, отчасти вызываемое и поддерживаемое противоположнымъ ему направленіемъ вольномыслія, въ противоборствѣ которому и фальшивая односторонность можетъ казаться себѣ и другимъ подвигающеюся за вѣру православную. Разумѣю то именно направленіе, которое съ самовозношеніемъ признаетъ себя стоящимъ за православіе, но нерѣдко, съ слѣпою ревностію, останавливается только на буквѣ и формѣ православія, не разумѣя его духа и силы, и особенно ратуя противъ настроенія и мыслей въ духѣ Агнца Божія, въ духѣ человѣколюбиваго его самопожертвованія. Разумѣю притомъ ни ту, ни другую личность, отличающуюся этимъ направленіемъ, ни даже извѣстный его органъ, но беру во вниманіе только прямо самое это направленіе, на сколько оно прираженается къ нѣкоторымъ православнымъ личностямъ и выражается, хоть бы только мимоходомъ, въ какомъ бы ни было органѣ русскихъ воззрѣній (*).

Припоминаю эти горькія для истинной любви къ православію явленія съ тою цѣлію, чтобы яснѣе видна была настоятельная

(*) „Домашняя Бесѣда" имѣетъ только ту заслугу, что безъ оглядки пошла по этому односторонному направленію и потому постаралась выставить его на видъ предъ всѣми. За это скажутъ когда-нибудь и ей искреннее спасибо. Но если „Современникъ" (въ статьѣ „Національная безтактность") или „Странникъ" (въ Библіографическомъ отдѣлѣ за Октябрь) стали бы въ странномъ единодушіи утверждать, что духовному лицу будто не слѣдуетъ входить въ дѣла міра сего и въ томъ отношеніи, чтобы дѣйствовать на направленіе мысли въ общественной жизни, въ искусствахъ и т. п., то въ этомъ случаѣ тотъ и другой журналъ, каждый по своему или по своимъ началамъ и для своихъ особыхъ цѣлей пользуется воззрѣніями того-же односторонняго направленія, которому служитъ и „Домашняя Бесѣда". То правда, что каждый человѣкъ самъ для своего дѣла и каждое общество само для себя должны разумѣть требованіе правды и истины; но духу правды и истины все-же лицо духовное должно служить для всѣхъ людей и для каждаго дѣла.

потребность для всѣхъ разъяснять себѣ православное христіанство въ истинномъ живомъ его значеніи, отрѣшаясь отъ разнообразныхъ, иногда грубыхъ, иногда и тонкихъ, сплетеній этого направленія, ведущаго свое начало, конечно, не отъ ветхаго завѣта, а отъ ветхаго нашего ячеловѣка, останавливающагося подобно древнему іудейству а буквѣ Божіей истины и, подобно тому-же іудейству, доходящаго до отрицанія самой Божіей истины. Ужели не видно, сколько это духовнорабское направленіе сильно у насъ, увлекая однихъ къ сочувствію и участію въ своей вредной осторожности, а другихъ, чрезъ закрытіе живаго свѣта истины Божіей, оставляя на всей гибельной вольности воззрѣній на истину не только помимо православія, но и почти съ увѣренностію, что въ немъ «нѣтъ никакихъ для насъ живыхъ задатковъ» на лучшее?! Вѣдь это мертвящее направленіе столько отталкиваетъ отъ себя живую искреннюю мысль, что она за одно кажущееся въ чемъ либо согласіе съ нимъ изъявляла готовность къ публичному въ этомъ покаянію (*) Вѣдь это превратное направленіе такую оскорбительную тѣнь бросаетъ на самыя высокія и свѣтлыя стороны православно-христіанскаго духа, что эти послѣднія, представляемыя по узкимъ воззрѣніямъ такого направленія, кажутся нѣкоторымъ, Богъ вѣсть, чѣмъ (**). Но между тѣмъ когда

(*) Случилось, въ самомъ дѣлѣ, что „Домашняя Бесѣда“ похвалила по своему за что-то извѣстнаго писателя философскихъ статей г. Лаврова. Этотъ послѣдній въ „Отечественныхъ Запискахъ“ высказалъ, что онъ эту вину, мнимаго впрочемъ, согласія своего съ „Домашней Бесѣдой“ очищаетъ публичнымъ покаяніемъ, не желая даже казаться соучастникомъ въ чемъ либо.

(**) Такъ и эта высокая добродѣтель „прощенія виновныхъ“, трактуемая какъ дѣло собственной человѣческой правды, „Современникомъ“ признавалась прямо аліятскою. Прощать виновныхъ—это дѣло Божіе, говоритъ онъ, дѣло Искупителя, взявшаго на Себя вины виноватыхъ. Такъ! Но дѣло въ томъ, что намъ и не слѣдуетъ съ іудеями поставлять въ добродѣтеляхъ *собственную нашу* правду, а надо принимать и усвоять правду *Божію, Христову*. Духъ и сила Божественнаго прощенія виновныхъ и открыты намъ для усвоенія нашимъ душамъ и сердцамъ въ отношеніи къ нашимъ духовнымъ должникамъ. Итакъ и въ этомъ случаѣ „Современникъ“ судитъ о добродѣтели прощенія виновныхъ, держась воззрѣній односторонняго направленія. Такъ точно иные господа, говоря, напримѣръ, объ обязанностяхъ жены къ мужу, развиваемыхъ изъ отображенія въ супружескомъ союзѣ союза Христа съ Церковію, односторонне останавливаются только на повиновеніи или страхѣ жены предъ мужемъ и видятъ въ этомъ тоже аліятчину (такія мысли развивались, помнится,

такому истинно-несчастному направленію, повторяющему въ себѣ духъ не ветхаго завѣта, а извращеннаго іудейства, удалось (не по хитрости, впрочемъ, его, а только по жосткому или противогуманному его характеру) вывести вопросъ о духовномъ іудействѣ изъ ряда вопросовъ объ истинѣ въ отвратительную для всякаго область личныхъ оскорбленій; то у насъ, въ обществѣ самыхъ мыслящихъ людей, нѣтъ уже и дѣла и заботы почти ни у кого, что, вѣдь, тѣмъ не менѣе истина осталась безъ удовлетворенія и разъясненія въ существеннѣйшихъ и самыхъ живыхъ ея сторонахъ, въ самомъ ея существѣ и силѣ. Видно, говорю, слишкомъ окрѣпло у насъ это направленіе, служащее по своей явной мертвости къ ободренію и усиленію и противоположнаго ему направленія — духовно язычествующихъ, служащихъ тѣмъ или другимъ идеямъ внѣ Христа. И такимъ образомъ до дѣла живой Божіей истины многимъ у насъ какое дѣло?!.... Надо, необходимо, крайне необходимо православнымъ выходить изъ мертваго направленія и образа воззрѣній на вѣру православную (замѣтьте — не изъ ветхозавѣтнаго состоянія, а изъ свойственнаго ветхому человѣку на-

---

когда-то въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ"). Но есть и страхъ любви, свойственный и вожделѣнный любящей душѣ по самой ея любви,—таковъ страхъ Христовой невѣсты, Церкви, ко Христу, любовію Котораго она живетъ; обращать этотъ небесный страхъ любви, и самъ по себѣ и въ его отображеніяхъ, въ рабскій страхъ противно самому духу и существу христіанства. И кромѣ того, при раскрытіи истиннаго христіанскаго понятія объ обязанностяхъ супруговъ слѣдуетъ имѣть въ неопустительномъ виду еще то, что въ брачномъ союзѣ должна отображаться и та сторона Христова союза съ Церковію, что Христосъ чрезъ вочеловѣченіе какъ Самъ пожертвовалъ Собою до нѣкотораго *приравненія съ Церковію и изъ человѣчества*, (Филип. II, ч. 1,) такъ и ее возвысилъ до открытія для нея всей Божественной своей полноты (Ефес. I, 23, III, 19). Отсюда обязанности мужа къ женѣ и права этой послѣдней развиваются уже такія, что ихъ же собственно слышатъ какъ-бы по инстинкту и тѣ люди, которые недовольны дикимъ деспотизмомъ мужа. Такъ съ какими-бы ни было воззрѣніями небречь о разъясненіи Христовой истины, въ живомъ ея значеніи, значитъ обрекать себя и другихъ именно на то, чтобы путаться или въ недоразумѣніяхъ объ истинѣ, или въ борьбѣ противъ собственныхъ призраковъ, или въ чемъ иномъ самомъ нелѣпомъ. Страшно, напримѣръ, бываетъ, когда съ дикою открытостію печатно хулятъ высочайшую святыню. Это именно гнѣвъ Божій на разнузданное безуміе; но не менѣе этого выражается гнѣвъ Божій и въ томъ, если какъ-нибудь и къ христіанскому израилю отнесется это обличительное Божіе слово къ ветхозавѣтному израилю: *васъ ради присно хулится имя Мое во языцѣхъ* (Ис. LII, 5).

правленія и образа воззрѣнія) въ живую духовную отчетливость, свойственную истинному духу и силѣ новаго завѣта.

Обращаюсь теперь къ моей книгѣ: «о новомъ завѣтѣ». Какъ ни умалчиваетъ она о частныхъ примѣненіяхъ выхода вѣры изъ ветхаго въ новый завѣтъ къ нашему переходному времени, но она, въ отношеніи къ воззрѣніямъ вѣры, писана вся отъ начала до конца въ непрерывномъ заботливомъ вниманіи къ тому, что дѣлается относительно воззрѣній вѣры именно въ наше время. Покрайней мѣрѣ, ужъ того не слѣдуетъ оспаривать или ослаблять, что Христово дѣло, порядокъ котораго въ совершеніи и открытіи новаго завѣта раскрывается моею книгою, есть основаніе и первообразъ для всякаго спасительнаго дѣла, для всякаго дѣла вѣры во всѣ времена,— разумѣется, согласно съ особымъ характеромъ каждаго времени.

Въ книгѣ моей посильно разъясняется, что Господь вотъ какъ совершилъ единственный на всѣ времена и Божественно руководительный для всѣхъ временъ переходъ изъ ветхаго завѣта въ новый. Онъ вошелъ въ ветхозавѣтный порядокъ, но въ жизни и ученіи выдерживалъ его не по мертвой буквѣ, а въ самомъ духѣ и силѣ, какъ Самъ исполненный той благодати и истины, которыя пророкались и предъизображались въ ветхомъ завѣтѣ; и чрезъ это самое и раскрывалъ въ ученіи и жизни Свой новый завѣтъ. Другаго нѣтъ порядка къ выходу и для воззрѣній и правилъ вѣры, въ комъ бы ни было изъ насъ, изъ духовно рабскаго направленія въ живый и сыновне свободный духъ благодати; это также точно, какъ нѣтъ другаго имени и порядка спасенія, кромѣ имени Господа Іисуса и Его воплощенія. Пусть же каждый догматъ, каждая истина и учрежденіе православія изучаются и соблюдаются нами не въ своей только буквѣ или формѣ, но непремѣнно и въ самомъ Христовомъ духѣ, въ духѣ именно Его снисхожденія съ неба на землю и на землѣ подъ условія не только прямо-церковныя, но и семейныя и гражданскія,—въ духѣ той Его любви, что за виновный міръ Онъ Самъ явился вземлющимъ его вины Агнцемъ Божіимъ. И тогда все въ области православія окажется въ насъ, (каково оно всегда и есть само по себѣ), свѣ-

тоносным, близким и отрадным для *труждающихся и обремененных* въ какихъ бы ни было средахъ земныхъ; и если бы новое духовное іудейство воспротивилось этому рѣшительно, то такое противленіе, опять прямо по порядку открытія и усвоенія новаго завѣта именно новому израилю изъ языковъ на мѣсто непокорнаго плотскаго израиля, дастъ только поводъ къ раскрытію свѣта православія въ области, подчиняемой доселѣ разнымъ идеямъ, большею частію (по язычески) внѣ Христа,—области знаній, искусствъ, земныхъ распорядковъ гражданства, политики и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что раскрытіе этого можетъ идти не иначе, какъ, если Богъ потерпитъ еще міру, въ вѣка и поколѣнія грядущія. Но чтобы намъ, русскимъ, предостеречься отъ преткновенія о камень Христа, нелицепріятнаго ни для какого народа, пусть у насъ, при раскрытіи силы православія, имѣются въ живомъ вниманіи духовныя особенности какъ восточной древности, такъ и нашей русской старины, пусть сличаются эти особенности прежнихъ временъ съ духовными особенностями нашего времени, какъ у Господа нашего была въ открытомъ виду духовная разность современности Его отъ прежнихъ ветхозавѣтныхъ временъ. Это непремѣнно нужно и прежде всего! И вслѣдствіе этого, ни древлевосточное или старинно-русское не будетъ превращаемо по раскольничьи въ мертвыя внѣшне-стѣснительныя и несовмѣстныя съ современными потребностями формы, ни современность, самая неугомонная, не станетъ указывать, да и не будетъ имѣть никакого дѣльнаго повода видѣть—въ старинно-русскомъ только «темный омутъ», или въ древлевосточномъ отжившій «византизмъ». Вотъ, напримѣръ, у насъ иные, по поводу, можетъ быть, рабскаго духа нѣкоторыхъ ревнителей вѣры—не находятъ въ христіанствѣ, какъ передалъ его намъ Востокъ и какъ соблюдала его древняя Русь, живыхъ задатковъ къ самодѣятельности духовной. Пусть же раскрывается предъ такими умствователями-мечтателями та сила и духъ истиннаго христіанства, что Самъ Господь благоволилъ содѣлаться за человѣковъ жертвою и рабомъ, чтобы они стали причастны сыновне-свободнаго и самодѣятельнаго Его духа.

Православный Востокъ выяснилъ, что у Господа, въ этомъ Его искупительномъ самопожертвованіи и истощаніи за людей, не поглощалась Божествомъ Его, но выдерживалась во всей неприкосновенной цѣлости и человѣческая Его природа съ человѣческою дѣятельностію; и потому сыновне-самодѣятельный Христовъ духъ, открытый намъ ради Христова же самопожертвованія за насъ, неотъемлемо принадлежитъ намъ въ отношеніи ко всѣмъ сторонамъ и силамъ человѣческаго нашего существа, и долженъ раскрываться во всѣхъ родахъ нашей дѣятельности. Наша старинная Русь православная имѣла эту самодѣятельность, только въ большинствѣ болѣе или менѣе безотчетную; это видно уже изъ того, что она не была въ рабской зависимости, по дѣламъ вѣры, отъ Востока и вообще была въ своей народной жизни своеобразна въ высшей степени (*). Поймемъ и усвоимъ себѣ самодѣятельный и сыновне-свободный Христовъ духъ, открытый намъ во Христѣ чрезъ крайнее его самопожертвованіе для насъ, и мы сами увидимъ въ православномъ Востокѣ и въ старой нашей Руси живыхъ проводниковъ этого самодѣятельнаго духа, именно увидимъ, что Востокъ разъяснялъ основанія этого Христова самодѣятельнаго духа, а наша Русь по дѣтски, безотчетно слѣдовала этому духу, и что тотъ и другая оставляли отчетливое раскрытіе или всесторонніе примѣненія самодѣятельности во Христѣ— именно намъ, нашему времени, если сами захотимъ исполнить это самодѣятельно. Таково вообще благоволеніе въ Христѣ Отца нашего небеснаго, чтобы самые великіе предшественники *не безъ* позднѣйшихъ *совершенство приняли* (Евр. XI, 40), а съ другой стороны, чтобы и пришедшіе только къ послѣд-

(*) Укажу на одинъ очень знаменательный фактъ православной самодѣятельности старой нашей Руси, въ сличеніи съ самодѣятельностію православнаго Востока. Св. Василій великій, въ принадлежащихъ ему церковныхъ правилахъ, выражаетъ собственное мнѣніе о возложеніи епитиміи на воиновъ, наносящихъ смерть другимъ на войнѣ; а у насъ препод. Сергій посылаетъ изъ монашествующей своей братіи на войну, какъ на добропобѣдный подвигъ передъ Христомъ. Такъ самодѣятельный Христовъ духъ, при своемъ неизмѣнномъ единствѣ въ святыхъ, на древнемъ Востокѣ еще ощущалъ и подрывалъ, въ гражданствѣ и воинахъ государственныхъ, остатки древле-языческаго духа, а въ Руси уже прозрѣвалъ и утверждалъ и въ брашоносной области гражданства святую среду служенія Самому же Христу.

нему часу дневной работы получили не менѣе трудившихся съ самаго начала дня (Мѳ. XX, 9—15).

Въ избѣжаніе преткновенія въ направленіи вѣры, намъ, православно русскимъ, надо имѣть въ виду и тѣ обстоятельства при открытіи новаго завѣта, что древній Божій народъ самовольно и презрительно отчуждался отъ чужихъ (именно языческихъ) народностей и не терпѣлъ слышать о доступности для нихъ, наравнѣ съ израилемъ, царства Божія (Дѣян. XXII, 21—23), но за то самъ, въ своемъ большинствѣ, и потерялъ свою долю участія въ этомъ благодатномъ царствѣ, хотя именно ему и было оно обѣщано въ древности св. въ лицѣ Праотцевъ и Отцевъ. Боже мой, Боже мой! Что и у насъ дѣлается или только говорится иногда по той же части? Слышимъ внушенія намъ новаго завѣта, что, въ царствѣ духа и истины, *имѣть уже наша брань кѣ плоти и крови*, къ тому или другому человѣку и народу, за которыхъ всѣхъ умеръ Христосъ, *но кѣ началамъ* зла и лжи (Еф. VI, 12); однако бросаемъ каменья собственно, напр., на жидовъ, не думая даже о духовныхъ началахъ жидовства (т. е. губительномъ духѣ іудейства, на сколько въ немъ есть ложь и самый духъ лжи) или и сами отчасти запутываясь въ тѣхъ-же мертвыхъ началахъ. Или кричимъ противъ западнаго человѣка, по самой силы западной лжи (или неправославія) себѣ не выясняемъ; мечтаемъ, пожалуй, и послужить спасенію западнаго человѣка, но съ гордымъ самодовольствомъ, какъ будто хотѣли бы мы сдѣлать этого человѣка только *своимъ прозелитомъ*, безъ разъясненія себѣ, а съ подавленіемъ, и самого лучшаго у западнаго человѣка, не разбирая хорошенько, какъ первые служители новаго завѣта обращали разностихійный міръ.

Но, дѣйствительно, трудно говорить обо всемъ этомъ, пока не пробудилась отчетливая и живая внимательность къ этому современной мысли, и надо еще будить, будить къ всему этому современную русскую мысль. Внимательнымъ и разсуждающимъ ничего бы не стоило сдѣлать, по крайней мѣрѣ въ общемъ, руководительное (слегка намѣченное здѣсь нами) примѣненіе открытія Господомъ новаго завѣта къ нашему переходному вре-

мени. Когда же почти не хотятъ еще даже испытательно внимать и разсуждать, то, какія бы примѣненія перехода изъ ветхаго завѣта въ новый ни сдѣлали мы здѣсь относительно нашего времени и его особенностей,—остается такъ говорить: *Господи! кто вѣрова слуху нашему*, и терпѣливо продолжать посильное служеніе дѣлу истины, съ готовностію къ возможнымъ оскорбленіямъ, перетолкамъ, обидамъ и пренебреженіямъ.

Перехожу къ философскимъ замѣчаніямъ на мою книгу «о новомъ завѣтѣ».

Такъ замѣчаютъ мнѣ, за чѣмъ я въ своей книгѣ не хотѣлъ разъяснять, можно ли или нельзя нашему разуму утверждать, будто онъ, вслѣдствіе непрерывнаго своего движенія впередъ, и самъ собою могъ выработать тѣ истины, какія даны ему откровеніемъ?—Но я и теперь отказываюсь отъ подобнаго вопроса,—отказываюсь не потому, что затруднительно было бы вывести рѣшеніе его изъ круга болѣе или менѣе общихъ мѣстъ, никого уже не убѣждающихъ нынѣ. Нѣтъ, для меня, по моимъ воззрѣніямъ и понятіямъ, самый вопросъ о томъ, могъ или не могъ разумъ самъ собою дойти до открытаго ему въ новомъ завѣтѣ свѣта,—совершенно похожъ на вопросъ, не можетъ ли наше зрѣніе достигнуть до видѣнія свѣта безъ свѣта? Какъ и взяться за подобные вопросы?! Иное дѣло требовать доказательствъ на то, что, дѣйствительно, въ новомъ завѣтѣ открытъ намъ свѣтъ истины; т. е. иное дѣло только еще убѣждать въ вѣрѣ или вести чью либо мысль ко Христу (да и для этого все же болѣе всего нужно выяснить, что именно во Христѣ открывается намъ, вести же ко Христу безъ знанія или даже съ превратными во многомъ понятіями о Христѣ, значитъ не вести къ Нему, а только отводить отъ Него умы). Но какъ скоро вы уже вѣруете въ истинность новаго завѣта Господа нашего, то вѣра ваша должна ужъ знать или пусть озаботится во свѣтѣ новозавѣтной истины усмотрѣть и дознать, что сама наша разумная природа, взятая внѣ всякой своей болѣзни и порчи, такова, чтобы ей живиться и просвѣщаться Св. Духомъ, именно Духомъ любви Отца нашего небеснаго, почивающей и открытой въ единосущномъ Его Сынѣ. Въ самомъ болѣзненномъ

разстройствѣ и потемненіи нашей разумной природы, сколько есть еще въ ней свѣта и жизни, къ которымъ относятся, напр. законы нашей мысли и согласныя съ ними ея потребности,— все это есть свѣтеніе отъ той-же Отчей любви, сіяющей въ Единородномъ, какъ *свѣтъ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, грядущаго во міръ*. Итакъ всякое движеніе мысли, истинно согласное съ ея законами и требованіями, и слѣдовательно весь ходъ разума, поступающій дѣйствительно впередъ, есть уже (и иначе быть не можетъ), ни что иное, какъ раскрытіе въ немъ свѣта собственно Христова, на сколько есть пріемлемости къ тому въ разумной нашей природѣ. Какъ же теперь прикажете разъяснять, можетъ ли или не можетъ нашъ разумъ внѣ свѣта Христова, который именно и открытъ во всей полнотѣ въ новомъ завѣтѣ, достигать самъ собою разумѣнія того-же самого свѣта? Вѣдь разумъ не иначе и можетъ дѣйствовать съ вѣрностію законамъ и требованіямъ своимъ, какъ воспринимая въ этомъ самомъ лучи или мерцанія Христова же свѣта. Скажете: не можетъ ли онъ, на сколько еще природѣ его доступенъ свѣтъ Христовъ, постигнуть то самое, что положительно и вполнѣ открыто въ новомъ завѣтѣ? Но это все равно, что доискиваться: не можетъ ли подслѣповатый, чуть видящій мерцаніе свѣта, въ этомъ самомъ своемъ видѣніи или ощущеніи мерцаній свѣта сознать и получить наконецъ наслажденіе полнымъ или открытымъ видѣніемъ свѣта? Самый подобный вопросъ носитъ внутреннее въ себѣ противорѣчіе: наслаждающійся полнымъ видѣніемъ свѣта Христова видитъ уже не одинъ его мерцанія, но наслаждается полныхъ новозавѣтнымъ свѣтомъ прямо въ самомъ лицѣ Христовомъ и въ открытой имъ свѣтоносной полнотѣ истины и благодати. Но дѣло не въ этомъ одномъ. Вотъ еще что особенно важно для насъ въ отношеніи къ разумѣнію Христова свѣта или вообще къ познанію истины. Свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго человѣка въ самыхъ законахъ его мысли, просвѣщающій не только въ высшихъ какихъ-либо идеяхъ или стремленіяхъ разума, но и въ самыхъ, такъ сказать, начаткахъ мысли—въ законахъ воспріятія впѣшнихъ впечатлѣній, напр. отъ чувственнаго свѣта и

т. п.,—не даетъ прямо идеи о самомъ Христѣ; и слѣдовательно, Онъ свѣтитъ нашей разумной природѣ, дѣйствительно, уже не открыто и прямо, а, видно, точно какими-то преломленными лучами или мерцаніями. Но, тѣмъ не менѣе, внутренняя сила этого свѣтенія Христова, простертаго на самую природу нашу и въ ея болѣзненной порчѣ, есть не иное, какъ сила и духъ той самой любви Отца небеснаго, которая почиваетъ и открыта въ Единородномъ его Сынѣ, простираясь и на грѣшныхъ людей въ Немъ же, какъ Агнцѣ, Который, въ мысли Божіей, уже *отъ сложенія міра* заколенъ за грѣхи и и всегда, какъ *очами*, озираетъ весь міръ *духомъ* такого Своего человѣколюбія (Апок. V, 6). Отсюда выходитъ, что свѣтъ Христовъ, свѣтящійся для разумной человѣческой природы и *во тьмѣ* ея болѣзненныхъ нестроеній, въ этомъ самомъ свѣтеніи даетъ ей болѣе или менѣе ощущать силу именно Христовой же тайны, Его Боговоплощенія и вочеловѣченія. И потому, хотя глухо и смутно, все же слышатся въ движеніяхъ человѣческой разумности, даже и не поднимающей своихъ очей прямо ко Христу, намеки или инстинктивныя ощущенія той или другой стороны тайны Христовой,—ощущенія иногда чрезвычайно глубокія и живыя (*). Что же теперь вышло бы, если-

(*) Поэтому надо осторожно разсуждать не только о человѣческомъ разумѣ вообще, но и о самыхъ его заблужденіяхъ. Надо остерегаться намъ именно того, чтобы, ратуя противъ тьмы заблужденій, какъ бы не отринуть свѣтящагося иногда и въ самой этой тьмѣ нѣкотораго свѣта Христова, которому мы сами не совсѣмъ вѣрны. Дѣло яснѣе изъ примѣра. Въ прибавленіяхъ къ „Твореніямъ св. отцевъ“ за нынѣшній годъ помѣщена большая статья противъ Ренана, извратившаго *Жизнь Христову* въ своей книгѣ... Статья превосходная! Но тѣмъ не менѣе авторъ этой статьи отъ тьмы заблужденій не хотѣлъ или не умѣлъ разграничить того свѣта истины, что заблуждающая мысль смутно и односторонно все же ощущаетъ осѣненіе Божественнымъ духомъ и силою Христовой тайны всего міра и особенно человѣка (чего и мы не довольно имѣемъ въ виду) и что въ Христовой жизни, дѣйствительно раскрывается самая живая гуманная симпатичность къ обыкновенному человѣческому быту и состоянію. Упрекъ Господа Іудѣ, лобзаніемъ предающему Сына человѣческаго, падаетъ не только на чтителей Христа, непризнающихъ однако Его Божественности, но и на такихъ поклонниковъ Его Божества, которые опускаютъ изъ своего живаго вниманія самую Его человѣчность. Въ первомъ виновата философская мысль многихъ, а въ послѣднемъ не безвинна у нѣкоторыхъ самая мысль вѣры. Вѣдь одна крайность обыкновенно вызываетъ и поддерживаетъ другую.

бы, ратуя за христіанство, вздумалъ я настаивать вообще и безусловно на несостоятельность разума нашего? Вѣдь, въ такой войнѣ противъ разума, я пошелъ бы вмѣстѣ и противъ свѣта въ немъ Христова, противъ предощущаемыхъ (или инстинктивно, такъ сказать, ощущаемыхъ) разумомъ тѣхъ или другихъ, иногда слишкомъ мало сознаваемыхъ многими изъ самыхъ вѣрующихъ, сторонъ именно Христовой тайны и истины. Хорошъ былъ бы я ратоборецъ за Христа, не признавая и оскорбляя Его же свѣтеніе и въ человѣческой мыслительности, необъемлемое никакою тьмою или сумраками послѣдней, и чрезъ это отталкивая мыслительность отъ защищаемаго мною христіанства! Итакъ въ моей книгѣ «о новомъ завѣтѣ» совсѣмъ не кстати было касаться мнѣ мысли о прогрессѣ ума человѣческаго, о возможности или невозможности его достигнуть самому по себѣ истинъ христіанскихъ; въ ратоборствѣ собственно противъ ума человѣческаго мыслителю христіанскому не избѣжать, по моему мнѣнію, въ томъ или другомъ отношеніи, ратованія и противъ свѣта Христова.

Мнѣ довольно было показать, что міръ древній и въ той своей части, которая оставалась въ оградѣ положительнаго Божія закона (разумѣю избранный народъ), и въ остальномъ своемъ составѣ (ходившихъ самовольными путями язычниковъ), уже не былъ въ состояніи пробавляться тѣмъ, ветхозавѣтному времени принадлежащимъ, свѣтеніемъ Христовымъ, которое держалось на останкахъ въ человѣкѣ первобытной естественной жизненности. Языческій міръ, нѣкогда ощущавшій съ чрезвычайною живостію выражающуюся въ мірѣ и человѣкѣ присносущную силу Божества, такъ что, идя самовольными своими путями, доходилъ до самообольщеннаго обоготворенія тварей,— уже сталъ сознавать это свое обольщеніе, и въ усиліяхъ своей мудрости постичь тайну Божественнаго, сіяющаго въ природѣ внѣшней и человѣческой, не успѣлъ дойти ни до чего вполнѣ успокоительнаго и ясно вѣрнаго, и ощутительно для самыхъ язычниковъ начиналъ пустѣть и мертвѣть. Избранный же народъ въ самыхъ *стихіяхъ* или вещественныхъ началахъ *міра*, въ которыхъ была образно предъявляема ему грядущая Хри-

стова благодать, сталъ уже полагать всю спасительную силу и важность, и потому оставался также съ одними мертвѣющими внѣшними формами. Предлежало или погибать міру съ закрытіемъ ему свѣта духовнаго, усиливающимся болѣе и болѣе, или Самому этому Свѣту, просвѣщающему всякаго человѣка, явиться въ своей существенности. И вотъ явился Христосъ — свѣтившій іудеямъ въ прежнія времена только болѣе или менѣе въ образахъ изъ области стихій міра, свѣтившій и язычникамъ—только какъ *невѣдомый имъ* (Дѣян. XVIII, 23). И такъ какъ во Христѣ и открывалось іудеямъ то, что составляло духъ и силу принадлежавшаго имъ ветхаго завѣта, или истину, существенный предметъ этого завѣта, а язычникамъ то, къ чему, только какъ къ *невѣдомому*, во всемъ своемъ лучшемъ, они направлялись и стремились (*): то любящіе свѣтъ истины и правды изъ іудеевъ и язычниковъ удобно могли примѣчать темноту своихъ, іудейскихъ или языческихъ, односторонностей, и охотно шли къ явившемуся имъ Свѣту, только одинъ мракъ зла и лжи въ людяхъ упраздняющему, а все лучшее и свѣтлое раскрывающему во всей силѣ собственною свѣтоносною полнотою. Вотъ какимъ образомъ (думается мнѣ) и намъ надо опровергать ту или другую школу, путающуюся въ односторонностяхъ духовнаго язычества или іудейства! Надо такъ раскрывать свѣтъ Христовой истины и благодати, чтобы лучшее и сколько нибудь свѣтлое въ чтителяхъ ли разума и прогресса, или въ ревнителяхъ *буквы* писанія, — удерживалось въ области истины и чтобы, во свѣтѣ послѣдней, сами ревнители *буквы* или поборники разума и прогресса,

(*) У св. отцевъ есть такая мысль противъ невѣрующихъ Христу іудеевъ и язычниковъ, что первые признаютъ единство и духовность Божества, но не хотятъ знать воплотившагося и вочеловѣчившагося ради насъ—человѣковъ, Сына Божія и поэтому не знаютъ разныхъ лицъ Божества, не знаютъ Отца, открывающагося въ Сынѣ въ силѣ Св. Духа; а другіе признаютъ Божество по многоличію и притомъ не находятъ неприличнымъ Божеству плотскаго и человѣческаго вида, но отвергаютъ единство и духовность истиннаго Бога. Итакъ, по мысли святоотеческой, іудей и язычникъ слѣпцы — каждый одну сторону истины, но отъ своихъ односторонностей, доведенныхъ до крайностей, заблуждаются (см. пространный катихизисъ св. Григорія Нисс. и огласительныя и тайноводственныя поученія св. Кирилла Іерусалимскаго). Христосъ же тому и другому открылъ полную и всестороннюю истину.

при своей добросовѣстности и любви къ истинѣ, могли примѣчать несостоятельность своихъ односторонностей.

Далѣе замѣчаютъ на мою книгу «о новомъ завѣтѣ» вотъ еще въ какомъ смыслѣ: «ограниченному уму человѣческому, по полученіи въ новомъ завѣтѣ всесовершеннаго откровенія высочайшей истины, нечего было бы и дѣлать въ послѣдующія времена по отношенію къ разумѣнію этой истины. Зачѣмъ же подавляется такимъ откровеніемъ дальнѣйшая умственная самодѣятельность человѣка? И что это за чудо, что умственная дѣятельность человѣка вдругъ раскрылась къ принятію всесовершеннаго откровенія, чтобы уму человѣческому затѣмъ уже только почивать на этомъ откровеніи»?

Вотъ мой на это отвѣтъ.—Если бы было замѣчено въ моемъ сочиненіи «о новомъ завѣтѣ» что-нибудь похожее на то, какъ, напр., іудеи смотрѣли на Божій законъ, представляя его совершеннымъ и вмѣстѣ чѣмъ-то рѣшительно внѣшнимъ для духа человѣческаго и потому составляющимъ тяжкое и стѣснительное для человѣческой немощи ярмо, то вполнѣ умѣстно и справедливо было бы требовать отъ меня объясненій, какъ согласить вѣчно совершенное откровеніе съ тѣмъ свойствомъ ограниченнаго ума человѣческаго, что на каждое время нужна и свойственна ему, соотвѣтственная этому времени, дѣятельность. Но развѣ я по іудейски смотрю на Христовъ завѣтъ? Есть ли что подобное воззрѣніямъ почивающихъ на Божіемъ законѣ іудеевъ въ моемъ разумѣніи новаго завѣта?... Мои воззрѣнія на этотъ предметъ, какъ они выражены и въ моей книгѣ, таковы: — Уму и всему духу человѣческому нельзя жить безъ свѣта Христова; да и самые его законы и требованія относятся уже къ свѣту Христову. Первоначально Богъ Слово былъ непосредственно открывавшимся человѣку жизненнымъ его Свѣтомъ (Іоан. I, 1—4); такъ и создана была человѣческая природа, чтобы ему живиться Духомъ Божіимъ. Но какъ умъ нашъ въ настоящемъ состояніи своемъ (не по самой впрочемъ природѣ своей, а по болѣзни и порчѣ своей природы) находился уже не въ прямомъ и непосредственно-открытомъ отношеніи къ Свѣту Христову, такъ чтобы свойственно было всѣмъ

намъ видѣть и познавать все благодатное—Христово; то и оказалось необходимымъ Христову свѣту сообщаться и раскрываться большинству людей чрезъ тѣхъ избранниковъ, которые несравненно ближе другихъ подходили къ первобытному и нормальному человѣческому состоянію. И какъ ни одного ужъ простаго человѣка не возможно найти въ совершенно нормальномъ состояніи, то полный свѣтъ Христовъ открылся только уже въ явленіи міру Самого Христа, воплощеннаго Бога Слова. Пока отъ первобытной, здравой жизненности духовной столько еще оставалось въ человѣкѣ, что ему довольно ощутителенъ былъ свѣтъ Христовъ, свѣтящійся ему и въ его природѣ и внѣшнемъ мірѣ, дотолѣ, на основаніи этихъ остатковъ жизненныхъ, человѣку и сообщались откровенія Христова свѣта, на столько раскрывая его въ себѣ, на сколько тѣ или другія стороны его закрывались въ духовной природѣ человѣческой. Это былъ ветхій завѣтъ. Когда остатки первобытной жизненности до того оскудѣли въ человѣкѣ, что и самыя, данныя на ихъ основаніи, положительныя откровенія имъ уже понимаемы были почти въ мертвой буквѣ, а не въ живомъ ихъ свѣтѣ: тогда и открылся свѣтъ Христовъ вполнѣ, и прямо въ Самомъ Лицѣ Христовомъ. Это составляетъ уже новый завѣтъ. Начертывалсь собственно *на скрижаляхъ сердца* и всего духа человѣческаго *Духомъ Святымъ* (2 Кор. III, 3—6), (въ способы къ чему и даны новозавѣтныя св. книги) и чрезъ это вселяя Самого Христа въ человѣка (Ефес. III, 17),—новый завѣтъ поставляетъ уже самого человѣка, безъ нужды въ новыхъ откровеніяхъ, въ полную возможность освѣщать Христовымъ свѣтомъ каждое послѣдующее время, соотвѣтственно нуждамъ и обстоятельствамъ этого времени, и такимъ образомъ съ продолженіемъ временъ болѣе и болѣе раскрывать въ мірѣ безпредѣльное обиліе Христова свѣта. Такъ произошло, что новый завѣтъ сколько не превысилъ пріемлемости ограниченнаго ума человѣческаго во время первоначальнаго своего открытія, подчиненнаго общему съ другими временами внутреннему порядку принятія отъровеній Божественныхъ, столько не исключаетъ и не подавляетъ, а напротивъ требуетъ именно самодѣятель-

ности ума и всего духа человѣческаго во весь рядъ дальнѣйшихъ временъ, соотвѣтственно характеру и нуждамъ каждаго времени. Время открытія новаго завѣта, чрезвычайное и единственное въ отношеніи къ тому, что сдѣлано въ это время Самимъ Господомъ, не имѣетъ существенной разности отъ другихъ временъ относительно условій пріемлемости человѣческаго духа и ума къ свѣту Христову: вѣра открывала умъ и сердце къ уразумѣнію и усвоенію свѣта Христова, а невѣріе, и при всей полнотѣ сего свѣта, не давало усматривать и и воспринимать этотъ свѣтъ нисколько. Съ другой стороны вотъ и наше позднее время, имѣя столь давно уже открытый вѣчно совершенный для всѣхъ временъ новый завѣтъ съ разъясненіемъ его святыми отцами предшествующихъ временъ, не свободно отъ приражений и искушеній Христоборнаго іудейскаго духа и язычества духовнаго, какіе ратовали и первоначально противъ Христовой истины; и потому время наше противъ этихъ духовныхъ своихъ враговъ и опасностей, требуетъ усиленныхъ подвиговъ вѣры. Такимъ образомъ въ новомъ завѣтѣ истина и благодать открыта окончательно и вполнѣ въ своей сущности, не въ такомъ смыслѣ, чтобы человѣческому духу и уму оставалось только почивать, храня это Божественное, врученное ему, сокровище, но вотъ въ какомъ смыслѣ; спасаемый человѣкъ въ ветхомъ завѣтѣ не прямо и не вполнѣ зная самое существо дѣла спасенія и самое значеніе и назначеніе человѣка и по этому неполновозрастію духовному *бывшій подъ повелителями и приставниками*, теперь въ новомъ завѣтѣ, какъ окончивший свое воспитаніе и достигшій зрѣлаго возраста, введенъ въ дѣло жизни, вполнѣ и прямо открытое ему во Христѣ, чтобы всѣми сторонами своего существа, во всякой сферѣ жизни, по требованіямъ разныхъ временъ, работать въ Христовомъ сыновне-свободномъ духѣ полнаго самосознанія и зрѣлой самодѣятельности (Гал. IV, 1—7). Очевидно, что сонному покою ума нѣтъ мѣста въ новомъ завѣтѣ. Равно и ограниченность человѣческаго духа и ума, какъ во время открытія новаго завѣта, такъ и во всѣ послѣдующія (также какъ и въ предшествующія) времена—находится въ одинаковомъ отношеніи къ

Христовой истинѣ и благодати. Вѣдь въ разныхъ возрастахъ своихъ человѣкъ никакъ не выходитъ изъ своей ограниченности и она ни въ одномъ возрастѣ не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ, соотвѣтственно этому самому возрасту, по каждому возрасту его принадлежитъ *свое*, чуждое другимъ возрастамъ. Точно такъ и въ возрастахъ духовныхъ—человѣкъ, при всей ограниченности своей, могъ всегда входить въ спасительное соучастіе (образно или въ открытой истинѣ) со Христомъ, но былъ въ состояніи принять только въ извѣстное время новый завѣтъ, который въ предшествующія времена онъ не могъ еще принять собственно не по ограниченности своей, а по особенностямъ своего состоянія въ эти времена; равно и въ дальнѣйшія времена можетъ и долженъ, по духовнымъ нуждамъ временъ, въ прежде принятомъ и неизмѣнномъ завѣтѣ Божіемъ болѣе и болѣе уразумѣвать и усвоять себѣ то, что всегда въ немъ было и есть, но чего прежде не требовалось настоятельно выводить, такъ сказать, на видный всѣмъ свѣтъ отчетливаго, вполнѣ точнаго, сознанія и разносторонняго употребленія. Такъ нѣкогда съ точностію опредѣлялись постепенно, съ великими подвигами мысли и жизни, святые догматы нашей вѣры, заключенные и открытые уже въ новомъ завѣтѣ: такъ сознается же когда нибудь нужда разъяснить примѣненіе этихъ догматовъ ко всему дѣйствительному и мыслимому, и раскроется ихъ свѣтъ для всякой области жизни и мыслительности. Вообще, мнѣ думается, что только бы намъ не по іудейски представлять законченную цѣлость новаго завѣта, и не опускать изъ виду свойственнаго самому существу его начертанія на живыхъ скрижаляхъ сердца и всего духа нашего, и чрезъ это открытіе для насъ новымъ завѣтомъ поприща духовной сыновней самодѣятельности, а не бездѣйственнаго покоя для мысли также, какъ для другихъ сторонъ нашего существа; и тогда не будутъ уже имѣть мѣста, а перейдутъ въ исторію на память прожитаго умомъ времени всѣ подобные вопросы: «какъ ограниченный умъ и духъ человѣческій могъ однажды навсегда принять всецѣло—совершенное и потому неизмѣнное откровеніе? И что же, за тѣмъ, остается дѣлать человѣческому духу и особенно уму въ области вѣры

въ послѣдующія времена? и т. д. Мнѣ казалось, что моя книжка хоть сколько нибудь могла бы послужить къ такому разумѣнію новаго завѣта, чтобы не имѣли уже мѣста подобные вопросы. И въ самомъ дѣлѣ, одна мысль моя о законченной цѣлости новаго завѣта, обозначившейся именно выходомъ Апокалипсиса, который составляетъ и до нынѣ великій вопросъ, требующій для своего разрѣшенія самодѣятельныхъ усилій вѣры, обнимающей и ветхій и новый завѣтъ,—одна эта мысль могла бы завѣрить въ моемъ пониманіи новаго завѣта, далекомъ отъ бездѣйственнаго успокоенія на немъ подъ предлогомъ законченности его однажды на всегда.

Но и мысли мои объ Апокалипсисѣ подверглись замѣчаніямъ: «авторъ (сочиненія «о новомъ завѣтѣ») признаетъ Апокалипсисъ книгой того пути, какимъ должна идти новозавѣтная Церковь,—но въ такомъ случаѣ какая же цѣль указывать этотъ путь такъ темно и неясно, что онъ неясенъ никому и до сихъ поръ?—Все это понятно еще, если смотрѣть на эту книгу, какъ на изображеніе событій будущихъ,—но все это непонятно, если смотрѣть на нее, какъ на изображеніе пути, которымъ мы идемъ и теперь».—Это замѣчаніе направлено, очевидно, противъ моего понятія объ Апокалипсисѣ, какъ изображеніи пути, которымъ Церковь христіанская пошла съ самаго начала своихъ судебъ, которымъ мы идемъ и теперь. Такое замѣчаніе происходитъ отъ того мнѣнія нѣкоторыхъ объ Апокалипсисѣ, что онъ изображаетъ собственно послѣднія судьбы міра и Церкви, до котораго времени эта св. книга и можетъ остаться въ покоѣ или внѣ живаго употребленія вѣры, чему способствуетъ уже и самая ея темнота. Но въ самомъ Апокалипсисѣ ясно обозначено то его значеніе, что онъ изображаетъ такой путь судебъ Церкви, на который она вступила уже и во время самого Апостола—тайновидца: *напиши*, сказано было ему, *яже видѣлъ еси, и яже суть, и имже подобаетъ быти по семъ* (1, 19). Само собою разумѣется, что книга въ значеніи изображенія пути, которымъ идетъ Церковь и міръ, начиная съ открытія въ мірѣ христіанства, раскроется только съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ книги и что символическая ея темнота,

начинающая уже вызывать и у благомысленныхъ людей недоумѣнія относительно этой книги, требуетъ отъ насъ такого раскрытія книги, которымъ разсѣялись бы недоумѣнія о ней. Но и безъ того, кажется, напрасно затрудняются, какъ будто вовсе непонятнымъ, тѣмъ значеніемъ книги, что она изображаетъ путь, которымъ идемъ мы уже и теперь и будемъ идти до открытія царства славы. Вотъ и въ простыхъ человѣческихъ изображеніяхъ нашего времени случается находить, что въ разныхъ (каррикатурныхъ) образахъ выражается весьма серьезная истина, какъ обыкновенно у насъ, по разнымъ вопросамъ знанія и жизни, человѣчество падаетъ до скотоподобія и звѣровидности, и какъ это униженіе или даже извращеніе человѣчества скрывается обыкновенно подъ личиною разныхъ высокихъ идей современной образованности. Въ Апокалипсисѣ же Св. Іоанна Богослова есть (въ XIII гл) цѣлое видѣніе, въ которомъ является также скотовидный или звѣровидный образъ, имѣющій въ своемъ составѣ разныя принадлежности многихъ изъ животнаго царства и отъ чего-то связуемый, по своему значенію, тайновидцемъ съ идеею мудрости: *зде мудрость есть*, такъ заключено въ Апокалипсисѣ описаніе этого видѣнія. И какъ это видѣніе далеко еще не соединяется съ видѣніемъ открытія царства славы, то понятно для вѣры, что звѣровиднымъ образомъ означенъ въ видѣніи еще не послѣдній врагъ Церкви, или антихристъ, преобладаніе котораго должно быть упразднено уже явленіемъ втораго пришествія Христова, по слову Божію (2 Сол. II гл.). Мудрено ли примѣтить, что въ этомъ апокалипсическомъ означенномъ видѣніи имѣется въ виду, а только подъ символами представлено, какое-то время, когда, особенно предъ другими временами, унижается или извращается человѣчество именно подъ личиною такихъ возвышенныхъ идей, какими любитъ гордиться *мудрость* или образованность современная. Какое же это время? Запечатлѣнное такимъ характеромъ униженіе человѣчества по сознанію и свидѣтельству самихъ нашихъ современниковъ, относится и къ нашему времени. Итакъ, видно, въ Апокалипсисѣ дѣйствительно обозначается «путь, которыхъ идемъ мы и теперь». Да какая, говорите, цѣль по-

добныхъ представленій? Отвѣчаю: для ободренія и просвѣщенія вѣры, затрудняемой и озлобляемой разными явленіями униженія и развращенія человѣчества подъ личиною высокихъ идей современной образованности, важно уже и то, что такой затруднительный и скорбный для вѣры путь уже заранѣе предуказанъ и слѣд. нечего смущаться и недоумѣвать, проходя такимъ путемъ. Кромѣ того, вѣра можетъ въ самомъ Апокалипсисѣ усмотрѣть и выходъ изъ этой примрачной части или стороны предлежащаго ей пути,—выходъ такой, въ духѣ и силѣ котораго принять участіе, самое живое и дѣятельное, зависитъ отъ самой вѣры нашей. Скотообразные или даже звѣровидные враги, представленные въ указанномъ выше апокалипсическомъ видѣніи (въ XIII гл.), должны быть низложены и упразднены, по Апокалипсису, такимъ образомъ. Тайнозритель видѣлъ, что, когда эти враги, со всѣми увлеченными отъ нихъ, собрались сразиться съ *Царемъ царей*, именно съ *облеченнымъ въ обагренную кровію одежду Словомъ Божіимъ*, то самые звѣровидные враги и были вживѣ схвачены и брошены въ вѣчную пагубу, а увлеченные ими перебиты мечемъ этого царственнаго и воинственнаго Слова Божія (XIX, 11—21). Изъ дальнѣйшихъ видѣній апокалипсическихъ видно, что и это торжество Христово надъ врагами еще не самое послѣднее, имѣющее открыться со вторымъ Его явленіемъ для всемірнаго суда (XX, 11 и сл.). Значитъ, Царь царей или облеченное въ кровавую одежду Слово Божіе не иначе имѣетъ воздѣйствовать къ низложенію унижающихъ и извращающихъ человѣчество (скрывающихъ свою звѣрскую губительность подъ личинами разныхъ высокихъ идей образованности и мудрости), какъ еще духомъ Своей благодати и истины, раскрывающимся и дѣйствующимъ въ вѣрующихъ. Каковъ же этотъ духъ, скрывающійся безъ сомнѣнія въ силѣ Св. Духа? Это, по видѣнію Іоанна Богослова, духъ *облеченнаго въ обагренную кровію одежду Царя царей—Слова Божія*,—духъ той любви Христовой, по которой Онъ низложилъ и упразднилъ все враждебное зло чрезъ принятіе и понесеніе бремени его на Себѣ Самомъ—до *обагренія кровію*, въ предсмертныхъ гефсиманскихъ страданіяхъ и въ самой крестной смерти,

какъ будто Онъ, Агнецъ Божій, и былъ одинъ виновенъ въ грѣхахъ міра. «Сообщайся вѣра,—такой урокъ преподается ей апокалипсическимъ видѣніемъ торжества Христова надъ зверовидною боговраждебностію,—сообщайся вѣра человѣколюбиваго, на Себѣ взимающаго грѣхи и заблужденія міра, духа Христовыхъ страданій, и именно въ этомъ духѣ дѣйствій мечемъ Слова Божія, или въ раскрытіи Христовыхъ истины и благодати, противъ всего извращающаго человѣчество подъ личиною высокихъ и прекрасныхъ идей образованія и мудрости, и все это звѣровидное направленіе мысли и жизни вживѣ схвачено будетъ въ адской своей лживости и нелѣпости». Вотъ вамъ г. рецензентъ, нѣчто немногое къ выясненію цѣли апокалипсическихъ видѣній.

Но зачѣмъ, говорите, указывать это не прямо и ясно, а въ символахъ? Но знаете вы магометанское представленіе о *судьбѣ*, подчинившей своей роковой необходимости всякія судьбы и дѣла человѣческія и потому дѣлающей изъ всего человѣчества рабскую жертву какой-то деспотической воли міроправителя? Не таково, выясненное именно христіанствомъ, истинное или дѣйствительно Божественное міроправленіе. Въ міроправленіи Бога нашего, дѣйствительно,—все предуведено и предначертано, но именно на основаніи тайны заколеннаго отъ сложенія міра—Самого Вседержительнаго Агнца Божія, не человѣческій родъ дѣлающаго жертвою Своей воли, но благоволившаго чрезъ собственное неизслѣдимое самопожертвованіе поднять и содержать и двигать всѣ судьбы міра. Такой характеръ и духъ Божественнаго міроправленія выражается и во всѣхъ Божественныхъ откровеніяхъ о будущихъ судьбахъ и событіяхъ: эти откровенія или пророчества таковы, что во всей ясности и точности смыслъ ихъ раскрывается уже по ихъ исполненіи и чрезъ самое это ихъ исполненіе, такъ что и малѣйшаго повода неподается думать о стѣсненіи человѣческой свободы Божественнымъ, все заранѣе предувѣдѣвшимъ и предначертавшимъ, міроправленіемъ. Итакъ апокалипсическая прикровенность откровенія о грядущихъ судьбахъ Церкви и міра соотвѣтствуетъ самому духу Божескаго міроправленія, отечески-благоволительному къ

людямъ соблюдающему неприкосновенною ихъ свободу въ послѣдованіи Его волѣ.

Тоже соотвѣтствуетъ и нашей человѣческой пріемлемости въ отношеніи къ истинѣ Божіей. Дѣйствіе и силу Христовой истины, касающейся особенно судьбы людей, ослабляемъ мы въ себѣ особенно двоякимъ образомъ: съ одной стороны чрезъ любопытство относительно этой истины но любопытство праздное и ни мало не занятое дѣломъ нашего спасенія, а съ другой—чрезъ соблюденіе истины, но безплодное и бездѣйственное со стороны нашей мысли и жизни, подобное сохраненію таланта чрезъ сокрытіе его въ землю Если бы путь, которымъ Христовой Церкви принадлежало идти отъ самого открытія ея до вступленія ея въ славу вѣчной жизни, открытъ былъ со всею точностію ясно и прямо, то и пустому любопытству была бы въ этомъ обильная пища равно и привыкнувшая къ такому откровенію вѣра стала бы хранить его только съ бездѣйственною праздностію. Теперь же глубокая (символическая) сокровенность Апокалипсиса ничего не даетъ и не открываетъ пустому любопытству пустыхъ слушателей, а истинной вѣрѣ даже прикровенность представляетъ поприще и вмѣстѣ сильное побужденіе узнавать содержащуюся въ Апокалипсисѣ волю Божію и премудрость. И когда эта св. книга разъяснится съ возбужденіемъ въ вѣрующихъ живаго духовнаго вниманія и серьезной мысли, то это будетъ такимъ торжествомъ Христовой истины, какое возглашается напр. Исаіею по поводу многихъ его откровеній о будущемъ.

Остановимся, наконецъ, еще на одномъ замѣчаніи на мою книгу,—тѣмъ болѣе, что въ основаніи и этого замѣчанія лежитъ воззрѣніе слишкомъ обычное у насъ и неправо признаваемое правымъ. Вотъ каково послѣднее замѣчаніе автору книги «о новомъ завѣтѣ»: «мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ и въ его изъясненіи древняго закона: *око за око, зубъ за зубъ*. Объясняя этотъ законъ, онъ говоритъ: было время, когда естественное чувство Божіей правды и человѣческаго Богоподобнаго достоинства было такъ сильно и дѣйственно, что снести или оставить безъ наказанія оскорбленіе или обиду, наносимыя

человѣку, значило нарушить Божію правду, оставить на безнаказанное поруганіе и попраніе образъ въ человѣкѣ Божій (здѣсь рецензентъ почему-то опускаетъ цитату такого библейскаго мѣста, которое свидѣтельствуетъ, что въ ветхомъ завѣтѣ даже безсловеснымъ или звѣрямъ земнымъ, посягающимъ на безопасность или жизнь человѣка, не спускалась эта вина, какъ именно вина оскорбленія образа Божія въ человѣкѣ. Это мѣсто Быт. IX, 6). Отсюда законъ: *око за око*. Такое объясненіе, продолжаютъ, намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Ему противорѣчатъ многія мѣста ветхаго завѣта, гдѣ прямо заповѣдуется любовь къ ближнему самая сильная (и здѣсь опускается почему-то изъ вида мое прямое объясненіе этого въ книгѣ: когда тотъ же врагъ, общественный или личный, берется не въ смыслѣ разорителя правды, напримѣръ, когда кто увидитъ осла своего врага попавшаго въ яму; то законъ указываетъ во врагѣ уже не предметъ отмщенія за оскорбленіе образа Божія, а брата, нуждающагося въ помощи и имѣющаго право на помощь собрата, именно велитъ вынуть изъ ямы животное, принадлажащее врагу. Это уже любовь къ врагу—высшая степень любви къ ближнему!). Вѣрнѣе, какъ кажется,—такъ заключаютъ,—то объясненіе, по которому этотъ законъ относятъ не къ нравственнымъ законамъ Моусеевымъ, а къ гражданскимъ» и проч Но дѣло въ томъ, что въ ветхомъ завѣтѣ духовно-благодатное или благодатно-нравственное -и раскрылось образно именно въ сферѣ земнаго, какъ-то—семейнаго, народнаго и гражданскаго быта; вѣдь гражданство Израиля и была именно *Теократія*, сущность которой, со стороны державы Божественной, была предъизображаемая и предрекаемая благодать, а со стороны людей—послушная и преданная вѣра, этотъ корень и сила нравственной жизни. Самъ рецензентъ мой, кажется, съ полнымъ сочувствіемъ и согласіемъ развивалъ въ своей статьѣ мои мысли объ этомъ предметѣ, по которымъ, такъ называемые (смотрящіе на законъ Моусеевъ съ точки зрѣнія нынѣшнихъ порядковъ, а не самого Моусеева законодательства) *обрядовые* или *гражданскіе* законы суть (только не прямые, а образные, не полные, а предначитательные)—законы именно вѣры, или требованія обѣтованной и предрекаемой тогда благо-

дати. Къ такимъ законамъ и требованіямъ прямыя нравственныя внушенія и требованія въ ветхомъ завѣтѣ относились точно также, какъ прямыя, почти евангельскія пророчества о Христѣ къ его прообразованіямъ:—сущность дѣла въ тѣхъ и другихъ одна и таже. Потому и нѣтъ возможности отнять духовно-нравственную силу у закона: *око за око, зубъ за зубъ*. Съ ветхозавѣтной точки зрѣнія враги и обидчики общественные и личные, какъ оскорбители и разорители порядка правды Божіей и образа Божія въ озлобляемомъ ими человѣкѣ, имѣли для благочестія значеніе представителей или образа самыхъ подлинныхъ или духовныхъ враговъ Божіихъ и человѣческихъ. Въ новомъ завѣтѣ эти послѣдніе, которые и суть одни истинно враги наши, обличены или прямо *выведены на позоръ* (Кол. II, 15)—въ началахъ и силахъ тьмы, въ духахъ злобы, противъ которыхъ собственно у насъ и должна быть брань; а слѣдовательно люди, хотябы и враждебные намъ, оказываются уже только нашими братіями, которыхъ и надо любить.

Но, покончивъ разборъ самого замѣчанія, все же можно еще задуматься: отъ чего произошло такое недоразумѣніе? Этому причиной и есть именно то воззрѣніе, которымъ признается рѣшительное раздѣленіе между гражданскимъ и духовнымъ. Въ ветхомъ завѣтѣ, въ которомъ духовно-благодатное неразрывно связано было съ земнымъ и гражданскимъ, образно выражаясь въ семъ послѣднемъ,—нѣкогда дѣло дошло до того, что народъ Божій, находясь въ подданствѣ у язычниковъ, не зналъ, какъ совмѣстить вѣрность Богу съ податями и повинностями языческому правительству. Во свѣтѣ новаго завѣта выяснилось, какъ, уплачивая дань Кесарю запечатлѣнною его образомъ и начертаніемъ монетою, удобно и просто человѣку выполнять вѣрность предъ Богомъ, чрезъ воздаяніе Ему того, что запечатлѣно Его образомъ и начертаніемъ, т. е всего себя. Но это разграниченіе между духовнымъ и гражданскимъ, сдѣланное собственно для раскрытія, какъ то и другое можно и должно соединяться въ какихъ бы ни было гражданскихъ обстоятельствахъ Церкви и вѣры,—доводятъ нынѣ до другой крайности, именно—земное и гражданское въ его началахъ и развитіи часто со-

всѣмъ отдѣляютъ отъ духовнаго. «Это, говорятъ, духовное или нравственное, а то гражданское: то и другое пусть идетъ отдѣльно каждое само по себѣ»... Такъ бываетъ въ понятіяхъ, такъ и въ жизни многихъ: съ духовнымъ настроеніемъ не хотятъ имѣть заботливаго вниманія къ земному, гражданскому, или, занимаясь этимъ послѣднимъ, уже знать не хотятъ духовнаго; случается даже, что и одинъ человѣкъ, имѣя въ виду нравственный законъ, прямо противополагаетъ его гражданскому и потому дѣйствуетъ въ областяхъ духовной и гражданской, какъ будто дѣлясь и самъ на два человѣка—духовно-нравственнаго и земно гражданскаго. Отъ этого неминуемо должны терпѣть и нравственность и гражданство много нестроеній и понятія о той и другомъ неминуемо дѣлаются односторонними. Каково будетъ гражданству, отъ котораго отдѣляютъ духовныя, нравственныя начала? И не чахоточная ли будетъ нравственность и добродѣтель безучастная и равнодушная къ общественному, гражданскому благу и порядку?! Вѣдь, кажется, намъ, православнымъ, русскимъ, можно бы въ воззрѣніяхъ на гражданство и нравственность или духовность возвыситься и надъ папистическими притязаніями, и надъ мнимо-раціональными кличами. Относительно этихъ предметовъ не тѣмъ различается новый завѣтъ отъ ветхаго, что въ этомъ послѣднемъ духовное и гражданское неразрывно связывалось одно съ другимъ въ теократическомъ порядкѣ, а по силѣ новаго завѣта то и другое будто должно идти уже во взаимной раздѣльности. Господь и разграничивалъ духовное отъ гражданскаго именно для выясненія, какъ совмѣщать и соединять, а не раздѣлять воздаяніе Божія Богови и воздаяніе Кесарева Кесарю. Различіе между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, относительно этого предмета, какъ и относительно всѣхъ другихъ, состоитъ только въ томъ, что въ ветхомъ шло дѣло *подъ повелителями и приставниками*, а въ новомъ тоже должно идти съ сыновнею духовною свободою и отчетливымъ разумѣніемъ дѣла. Да! Въ ветхомъ завѣтѣ духовное и гражданское поставлено въ какую-то необходимую, неразрывную между собою связь, въ которой только предъизображалась и предощущалась щедродаровитая для всего человѣческаго благодать: въ новомъ

же завѣтѣ благодать предоставляетъ гражданству, какъ и всему человѣческому, свободно содѣловаться и устрояться наслѣдіемъ Христа Сына Божія, и ради Него областію любви Отца небеснаго, простирающейся на вѣрующихъ въ силѣ Св. Духа. Хотимъ или не хотимъ согласиться на такое благодатное служеніе въ гражданствѣ Самому Христу, Царю истины и благодати, которымъ *царіе царствуютъ*,—это зависитъ отъ нашей доброй воли. Но ни гражданство не можетъ истинно благоустроиться безъ благодатно-духовнаго вліянія, ни служеніе Духу благодати не можетъ освободить себя отъ отвѣтственности, когда небрежетъ раскрывать съ должною прямотою и силою, что мы станемъ обижать себя самихъ, если въ чемъ бы то ни было въ гражданствѣ станемъ допускать разобщеніе съ благодатію и истиною Христа Богочеловѣка: *не хощемъ Сему, да царствуетъ надъ нами!!* Вотъ, напримѣръ, возьмемъ во вниманіе часть гражданскаго законодательства, опредѣляющую судъ и наказаніе виновнымъ, болѣе или менѣе подходящую къ закону Моисееву: *око за око, зубъ за зубъ*. Эти законы, взятые въ совершенной отдѣльности отъ духовно-нравственнаго благодатнаго закона, составляютъ не болѣе, какъ грозную, убивающую законную букву, которая много, много развѣ будетъ ограждать гражданскій порядокъ рабскимъ страхомъ и грозящимъ мечемъ; живаго, плодотворнаго въ этомъ, очевидно, немного для гражданства. Но пусть тѣже законы будутъ понимаемы, примѣняемы и исполняемы (сначала же, разумѣется, и начертываемы) православнымъ гражданствомъ въ томъ благодатно-нравственномъ духѣ, что вѣрующіе во Христа, взявшаго и вынесшаго на Себѣ всѣ человѣческія вины, всевозможными законными взысками и наказаніями вводятся собственно уже въ соучастіе искупительныхъ, за вины наши, страданій Христовыхъ, въ соучастіе человѣколюбиваго, безмѣрно тяжелаго, Христова самопожертвованія за всѣхъ насъ виноватыхъ, соучастіе тоже болѣе или менѣе скорбное и тяжкое, но благодатно-живительное. Вѣдь, такимъ образомъ и самая, только поражающая и убивающая, буква законная превратится въ благодатный животворный для гражданства духъ, и служители (гражданской) наказующей правды

будутъ служить самой благодати, чудно милующей виновныхъ и въ самыхъ законныхъ неумытныхъ взыскахъ и наказаніяхъ. И поэтому вмѣсто того, чтобы въ теократическихъ законахъ ветхаго завѣта отдѣлять насильственнымъ образомъ гражданское отъ духовно-нравственнаго, лучше и вѣрнѣе будетъ оставить или исправить самое это воззрѣніе, которымъ полагается совершенное раздѣленіе между гражданскимъ и духовнымъ. Надо православнымъ и собственную гражданственность понимать, развивать и содержать прямо въ христіански-нравственномъ и благодатномъ духѣ (*).

Въ заключеніе всего скажу, что всѣ мои мысли, здѣсь изложенныя, представляются къ свѣденію и обсужденію любящихъ истину. Вѣдь дѣло здѣсь идетъ *о духѣ и силѣ* новаго завѣта Христова.

XVII.

Объясненія автора о своемъ образѣ мыслей.

Благодарю васъ за присылку мнѣ брошюрки и другихъ статей, направленныхъ противъ моего образа мыслей, выраженнаго въ книгѣ «о православіи» и въ разныхъ журнальныхъ статьяхъ. Прочитавъ все вами присланное, посылаю вамъ все это обратно, съ прибавленіемъ моего отвѣта на сдѣланный мнѣ вами запросъ.

Вы запрашиваете моего совѣта, не взяться ли вамъ за отраженіе порицаній моего образа мыслей. Нѣтъ вамъ моего на

(*) Само собою, впрочемъ, разумѣется, что, держась этой мысли (какъ и всякой другой, самой даже чистой и святой) на началахъ, напримѣръ, „Домашней Бесѣды“, можно доходить до разныхъ крайностей, на которыя, помнится, указывалъ „Разсвѣтъ“ въ разборѣ моихъ сочиненій: станемъ въ обществѣ и гражданствѣ, пожалуй, презирать, осуждать и отвращаться людей иновѣрныхъ. Но таже самая мысль, взятая въ началахъ и духѣ человѣколюбія Агнца Божія, вземлющаго грѣховныя человѣческія вины и заблужденія, будетъ вести только къ тому, чтобы въ общественной жизни и гражданствѣ православнымъ мы смотрѣли и на иновѣрныхъ согражданъ какъ на соучастниковъ Божіей къ намъ милости въ гражданствѣ и такою своею вѣрою и любовію мы всячески старались привлекать къ иновѣрнымъ или невѣрнымъ, покрайней мѣрѣ, предваряющую благодать Христову, которая хотя мало-по-малу приводила-бы всѣхъ людей къ Одному Пастырю—Христу и къ Одному Отцу нашему небесному.

это совѣта Опытъ мнѣ достаточно показалъ, что мнѣ ли, другому ли кому взяться за отраженіе направленныхъ противъ меня порицаній со стороны извѣстной партіи значитъ только разжигать напрасныя словопренія и усплнвать оскорбительныя порицанія. Ваше заступничество прежде всего отнесутъ къ «кумовству», хотя бы вы озаботились выставить на видъ прежде всего мои недостатки, и притомъ выставили бы ихъ такъ, что противники мои сами замѣтили бы въ вашихъ словахъ слишкомъ неблагопріятную или непотакающую мнѣ рекомендацію моихъ сочиненій. Потомъ, стали бы серьезно возставать противъ того, что вамъ пришлось, наприм., употребить слово «*Божество*»: въ этомъ найдутъ, извольте видѣть, сочувствіе извѣстному философскому представленію о безличномъ Богѣ, и проч. и проч. Тутъ вы ничего болѣе не подѣлаете, а только подвергнетесь возмущающимъ душу оскорбленіямъ вашего и моего образа мыслей.

Сказанное мною, впрочемъ, относится не ко всему присланному вами. Отрадное исключеніе составляетъ статья, авторъ которой назвалъ себя «Собесѣдникомъ». Мнѣ эта статья доставила отраду особенно по спокойному и благородному духу и тону, хотя авторъ споритъ со мною, и споритъ такъ, что извиняется предо мною справедливо опасаясь, не покажется ли мнѣ что нибудь въ его словахъ жестокимъ. Съ такимъ «Собесѣдникомъ» можно бы вести рѣчь съ пользою для дѣла истины. Но обязанность дать ему нужныя по дѣлу истины объясненія лежитъ собственно на мнѣ, чтобы стороннее вмѣшательство не запутало только дѣла. Бесѣдой съ вами я и хочу воспользоваться, чтобы высказать требующіяся съ моей стороны объясненія въ отношеніи къ «Собесѣднику». Мнѣ хочется раздѣлить именно *со вами* отраду, которую доставляетъ мнѣ эта статья: это, на мой взглядъ, едва ли еще не первая благородная статья со стороны извѣстной партіи моихъ антагонистовъ.

Посмотрите, какъ миролюбиво и правдиво обозначаются «Собесѣдникомъ» главные пункты, около которыхъ вращалась доселѣ полемика противъ меня. «Конечно, говоритъ г. «Собесѣдникъ», на основаніи общаго понятія о крестной смерти Хри-

ста Спасителя нашего, можно связать въ мысли въ одно и любимаго ученика Христова Іоанна Богослова и—не только Гегелей и Штраусовъ, но и самаго Іуду, предателя Христова: Христосъ принесъ Себя въ жертву на крестъ дѣйствительно за всѣхъ людей, начиная отъ Адама и кончая антихристомъ». Признавая это, «Собесѣдникъ» не сомнѣвается и во мнѣ, что я также признаю слѣдующую, внушаемую православнымъ катихизисомъ, истину: «Іисусъ Христосъ съ Своей стороны принесъ Себя въ жертву точно за всѣхъ, и всѣмъ пріобрѣлъ благодать и спасеніе, но пользуются симъ тѣ изъ насъ, которые съ своей стороны добровольно пріемлютъ участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его.... посредствомъ живой сердечной вѣры, посредствомъ таинствъ ... и наконецъ посредствомъ распинанія плоти своей съ ея страстями и похотями». Въ чемъ же, спрошу теперь, такъ нагло обвиняли меня эти люди, когда сами теперь сознаются, что я не колебалъ тѣхъ сторонъ истины Христовой, за извращеніе которыхъ они меня порицали? Но обращусь собственно къ г. «Собесѣднику». Ему кажется, что будто бы я стараюсь «вездѣ и во всемъ находить только добро, отсвѣтъ истины Христовой, а встрѣчающееся при этомъ зло прикрыть, стушевать, загладить идеею о всемірной жертвѣ Господа Іисуса Христа и мыслію о духѣ любви христіанской». Но Собесѣднику «Домашней Бесѣды» надо бы помнить, какъ послѣдняя вопила, будто бы я цѣлый міръ раздѣляю на два взаимно враждебные, но одинаково преступные и заблуждающіе, лагеря—духовно іудействующихъ и духовно-язычествующихъ. Вотъ какъ я, по свидѣтельству предъ г. «Собесѣдникомъ» его же партіи, вездѣ и во всемъ нахожу только добро и стушевываю зло! Помнится еще, что изъ моей книги «о православіи» одинъ изъ духовныхъ журналовъ (именно «Странникъ») извлекъ такое мрачное очертаніе зла въ нашей современности, которое смутило и меня самого. Поэтому смѣло могу сказать, что въ моихъ сочиненіяхъ, какъ и вообще въ моемъ образѣ мыслей, я ни въ чемъ не хотѣлъ и не хочу мириться съ духовнымъ зломъ и потакать лжи, на какихъ бы то ни было основаніяхъ, относятся ли это зло и ложь къ ду-

ховному язычеству или іудейству. Изъ-за чего же показалось «Собесѣднику», будто я стараюсь зло прикрыть, стушевать, загладить? Это странное недоразумѣніе требуетъ съ моей стороны надлежащаго объясненія.

Я стараюсь (это вамъ извѣстно) не зло прикрыть или стушевать, а показать, какъ намъ, особенно съ словомъ истины, относиться къ заблуждающимъ или запутавшимся уже во злѣ, чтобы не поражать только ихъ мечемъ слова или, по пословицѣ, не бить лежачихъ, но распутывать, поднимать ихъ отъ зла. Я утверждаю, что для этого намъ должно поступать по первообразу и духу нашего Господа и Спасителя. Онъ, при всей Своей благости и милосердіи, зла духовнаго не терпѣлъ, а грозно обличалъ его (Мато. XXIII). Но, не терпя зла и обличая его въ людяхъ, Господь нашъ въ тоже время, какъ *вземляй грѣхи міра* Агнецъ Божій, бралъ на Себя вину человѣческаго зла и отвѣтственность за него предъ Своимъ Отцемъ. Сколько зависѣло отъ любви къ человѣкамъ Самого Господа, Онъ принесъ Себя въ жертву на крестѣ за всѣхъ людей, «начиная Адамомъ и кончая антихристомъ.» Вотъ въ этомъ самомъ настроеніи любви Господней къ человѣку или, по слову писанія, *сіе мудрствуя, еже во Христѣ Іисусѣ* (Филип. II, 6), мы и должны вразумлять заблуждающихъ; и тогда наши обличенія и внушенія, одушевляемыя духомъ животворной любви Господа, будутъ живительны для заблуждающихъ въ умозрѣніяхъ ли или въ практической жизни. Если же кто, въ ученіи о Евангельской истинѣ и въ обличеніяхъ лжи, станетъ отчуждать и отрѣвать отъ себя (не говорю уже порицать и перетолковывать) духъ того Христова человѣколюбія, съ которымъ Христосъ бралъ на Себя и вполнѣ вынесъ на Себѣ отвѣтственность за грѣхи и заблужденія человѣческія; то ученіе такого учителя будетъ уже *иное* отъ истиннаго Евангельскаго ученія,— по буквѣ-то оно, пожалуй, и *не иное*, а только *превратное*, не христіанско-жестокое по духу (Гал. I, 6, 7). Суть дѣло, какъ изволите видѣть, не о пріемахъ или тонѣ, но о самой сплѣ Евангельскаго ученія; тѣмъ болѣе здѣсь дѣло—не въ прикрытіи или стушеваніи зла. Вотъ на что слѣдовало бы

«Собесѣднику» обратить свое вниманіе! Обнажайте и поражайте зло и ложь, сколько угодно, но только непремѣнно въ духѣ человѣколюбія Агнца Божія, на Себя же вземлющаго отвѣтственность предъ Отцемъ за вину мірскаго зла и лжи. Господь, Іисусъ, сдѣлавъ «бичъ изъ веревокъ», выгналъ изъ храма всѣхъ беззаконныхъ оскорбителей святыни Божій, и утверждалъ власть Свою такъ поступать именно на одушевлявшей Его готовности отдать храмъ собственнаго тѣла на разрушеніе за беззаконниковъ (Іоан. II, 18—21). Чтобы, и затѣмъ, не перетолковали меня, будто я хлопочу только о тонѣ и пріемахъ ученія или стараюсь относиться только къ добрымъ сторонамъ жизни и журналистики, скажу еще вотъ что: строгіе ли, кроткіе ли пріемы увѣщаній и обличеній будутъ все равно невѣрны предъ Христовою истиною, если они не будутъ одушевляться духомъ Агнца Божія, не терпящаго заблужденій и грѣховъ, но на Себя же взявшаго и на Себѣ вынесшаго бремя ихъ виновности.

Поэтому-то для васъ и для всякаго, кто захотѣлъ бы предаться, а не противиться духу святаго Христова человѣколюбія,—должно быть ясно, что не *сильнота*, какъ показалось «Собесѣднику», а напротивъ истина не дозволяетъ признавать несогласующагося съ духомъ Агнца Божія направленія мыслей нѣкоторыхъ людей за здравыя, хотя бы они и опирались на нѣкоторыхъ такихъ понятіяхъ, которыя «и училищные мальчики знаютъ». Пусть эти люди, согласно съ училищными мальчиками, твердо знаютъ, что «безъ Христа мы ничего не значимъ, что собственно сами отъ себя мы и помыслить добраго не можемъ»; но вѣдь изъ этой общей мысли еще не видно, какъ же мыслить именно со Христомъ, чтобы наши мудрствованія и расположенія были по духу своему тѣже, какія и во Христѣ Іисусѣ. Если эти люди соблазняются и возмущаются внушеніями входить въ человѣколюбивый духъ и расположенія Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, глумливо относя эти внушенія къ какому-то «принципу» въ родѣ частнаго произвольнаго мнѣнія; то это ихъ мудрствованіе уже не Христово, а отзывается духомъ именно іудеевъ, соблазняющихся крестомъ Христовымъ

Пусть даже подобные люди, какъ и училищные мальчики, знаютъ, что «и самыя великія добрыя дѣла,... если дѣлаются только по гордому сознанію долга и на показъ Богу и людямъ, не изъ желанія угодить ими Христу... и сдѣлать добро тѣмъ, за кого Христосъ умеръ,—суть дѣла не христіански-добрыя»; но и это еще не представляетъ достаточнаго руководства къ тому, чтобы и самимъ намъ идти и другихъ вести по истинному пути правды Христовой, не поставляя по самой ревности о Богѣ *своей* правды, вмѣсто Божіей (Рим. X, 2, 3). Если эти люди ужъ допустили приразиться къ себѣ духу іудейства, унижающаго и оскорбляющаго «принципъ» о соучастіи въ человѣколюбивомъ духѣ Господа, пожертвовавшаго Собою «за всѣхъ людей, начиная отъ Адама и кончая антихристомъ»; то они могутъ по инквизиторски (только *духовно*) убивать людей, *мняся* тѣмъ *службу приносити* Христу Богу,—также могутъ распространять и укрѣплять въ обществѣ вредную односторонность своего направленія вѣры, думая чрезъ это дѣлать добро тѣмъ, за кого Христосъ умеръ.—Нѣтъ; ужъ какъ угодно «Собесѣднику», а и училищнымъ мальчикамъ и взрослымъ, вообще всѣмъ намъ надо учиться такъ дѣлать каждое и малое и великое дѣло, дѣло мысли и сердечнаго расположенія или внѣшне практической жизни, чтобы въ этомъ самомъ дѣлѣ воспринимать и усвоять или, по апостольскому выраженію (Фил. III, 8), *пріобрѣтать* себѣ Самого Христа—нашу премудрость и правду, воспринимать Его именно какъ такого человѣколюбца, который ради насъ человѣковъ принялъ всю человѣческую природу, и душу и тѣло, и притомъ самыя грѣховныя вины наши и всего міра понесъ на Себѣ, какъ бы Самъ былъ въ нихъ виноватъ. Противники этого духовнаго начала испугались, чтобы, по этому началу, не оказать сочувствія любви къ какому нибудь недовѣру или невѣру; но не пугаются отказать въ сочувствіи и соотвѣтствіи человѣколюбію Христову, а съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидно, и Самому Христу. Вѣдь и на страшномъ судѣ Господь оправдаетъ или осудитъ насъ, судя именно потому, будемъ ли мы въ настоящей жизни воспринимать или отвергать Его въ духѣ того Его человѣколюбія, по которому Онъ понесъ бремя человѣче-

скихъ недуговъ нуждъ и бѣдъ и потому есть истинный представитель недугующихъ, нуждающихся и бѣдствующихъ (разумѣется, бѣдствующихъ не внѣшне только, но и духовно): *пріидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо и дасте Ми ясти; возждахся и напоисте Мя; странень бѣхъ и введосте Мене; нагъ и одѣясте Мя; боленъ и посѣтисте Мене; въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ.. Идите отъ Мене проклятіи... странень бѣхъ и не введосте Мене... боленъ, и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене* (Матѳ. XXV, 34—46).

Вы знаете, что высказанныя сейчасъ мои мысли о томъ, *да Христа пріобрящемъ* дѣломъ ли мысли или внѣшней практики и именно *да пріобрящемъ* или усвоимъ Его себѣ въ самомъ духѣ Его человѣколюбія явленнаго въ вочеловѣченіи, жизни и смерти Его ради грѣшныхъ погибающихъ человѣковъ, — эти мысли проводятся и раскрываются во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ то какъ основанія, то какъ выводы и результаты, и вообще какъ внутренняя сила и начало всего моего образа мыслей. Излагать и развивать какія бы ни было христіанскія истины, раскрывать церковныя учрежденія и правила, но не имѣть въ живомъ вниманіи одушевляющаго все это духа любви Божіей, открытой Христомъ для спасенія гибнущаго въ заблужденіяхъ человѣчества, значитъ, по моему разумѣнію не коснуться еще сердцевины или жизненной силы христіанскихъ истинъ, церковныхъ правилъ и жизни. Вы замѣчали, что я уже слишкомъ часто повторяю подобныя мысли. Но вотъ и г. «Собесѣдникъ», съ мыслью кажется—ясною и притомъ еще съ стремленіемъ распутывать «путаницу недоумѣній въ пониманіи меня другими и другихъ мною», не замѣтилъ главныхъ моихъ мыслей. Примѣчательно, что ему и показались у меня непонятными такія мѣста, въ которыхъ объясняются главныя мои мысли; а книги, которая представляетъ въ самомъ словѣ Божіемъ основаніе и разъясненіе этихъ мыслей, именно книги объ Ап. Павлѣ г. «Собесѣдникъ» не могъ, какъ говоритъ, «одолѣть до конца», хотя для чтенія ея собрался со всѣми

своими силами. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, особенно трудно и темно я излагаю главныя мои мысли,—трудно и темно до того, что и такой человѣкъ, который въ небольшой статьѣ могъ осмыслить дѣло моихъ антагонистовъ, не могъ замѣтить этихъ самыхъ моихъ главныхъ мыслей?! Но о темнотѣ моихъ книгъ и статей рѣчь у меня будетъ и впереди. А теперь я говорю это только вотъ для чего: если бы г. «Собесѣдникъ» замѣтилъ и взялъ во вниманіе главныя мои мысли, мой, пожалуй, «принципъ», то ему совсѣмъ не пришлось бы принимать трудъ развивать «теорію истины для истины», будто бы я держусь этой безплодной для жизни теоріи. Онъ заподозрилъ или даже положительно обвинилъ меня въ этой теоріи изъ-за того, что въ одной статьѣ я относился къ нѣкоторымъ журнальнымъ дѣятелямъ не въ такомъ смыслѣ и тонѣ: вы, молъ, горды, вы—недовѣры или полные невѣры и отступники, и именно поэтому вы не любите и не уважаете, какъ слѣдуетъ, истину, а «подчиняетесь, нерѣдко вопреки личнымъ убѣжденіямъ, журнальной, такъ сказать, модѣ» (*) и т. д. Вмѣсто того я указалъ этимъ дѣятелямъ только на одно то, что они нечестно кривятъ предъ истиною одни, особенно духовные, чрезъ излишнюю свою пугливость и опасливость, другіе чрезъ пристрастіе къ своей школѣ или даже просто чрезъ свою невѣрность логикѣ, допускаемую ими вовсе не по умственной слабости; мнѣ хотѣлось, чтобы эти люди, во внутреннемъ судѣ собственной совѣсти, услышали обличеніе въ томъ, почему они не довольно любятъ истину. Я, изволите видѣть, смотрю на дѣло мысли и слова, хотя бы и журнальнаго, тоже какъ на дѣло жизни, подобное и другимъ жизненнымъ дѣламъ; въ достаточное для этого оправданіе мое, въ глазахъ г. «Собесѣдника», могло бы служить уже то одно, что у нѣкоторыхъ журнальныхъ дѣятелей дѣло слова и мысли и составляетъ главное и существенное дѣло ихъ жизни. Все дѣло не въ томъ,

(*) Мнѣ и теперь жалко, что пришлось разсуждать о какихъ бы то ни было журнальныхъ дѣятеляхъ въ такомъ тонѣ, какъ будто о людяхъ грѣшнѣйшихъ меня. Нарочно дѣлаю эту оговорку, не желая не только говорить, но и казаться говорящимъ въ подобномъ дурномъ тонѣ и духѣ. *Авторъ.*

подумалъ «Собесѣдникъ, а въ «теоріи истины для истины». Повторяю: взялъ бы г. «Собесѣдникъ» во вниманіе главныя мои мысли, тогда онъ самъ увидѣлъ бы, какъ неумѣстно приписывать мнѣ эту бездѣятельную теорію.

Въ самомъ дѣлѣ, не въ усвоеніи ли себѣ Христа въ Его духѣ, свойствахъ и расположеніяхъ состоитъ дѣло христіанской жизни, не исключая и высшаго духовнаго совершенства? Безъ сомнѣнія, такъ. Это во первыхъ! А во вторыхъ, только бы намъ сознательно и твердо взяться за направленіе во всемъ держаться Господа въ духѣ Его человѣколюбія, направленіе усвоять себѣ ту Его любовь къ міру, которая свела Его на землю до принятія всего человѣческаго естества кромѣ грѣха, до подчиненія въ немъ (естествѣ человѣческомъ) условіямъ не только церковнымъ, но и физическимъ, гражданскимъ, условіямъ вообще земнаго нашего быта, до крестной смерти наряду съ нетерпимыми обществомъ преступниками, и все это не ради праведныхъ и здравыхъ духовно, каковы, напр., святые Ангелы, но за насъ грѣшныхъ, смертельно поврежденныхъ грѣхомъ, людей «начиная Адамомъ и кончая антихристомъ». Тогда, вмѣсто безплоднаго и самодовольнаго успокоенія многихъ на своемъ христіанствѣ или православіи, соединеннаго развѣ съ заботою ограждать или остерегать себя и другихъ отъ нехристіанскихъ идей и правилъ, всюду вторгающихся, заботою впрочемъ неодушевляемою и даже нехотящею одушевляться духомъ Агнца Божія, пожертвовавшаго Собою за виноватыхъ и заблуждающихъ, заботою перетолковывающею напоминанія объ этомъ духѣ Агнца Божія, якобы неправославныя и даже отступническія,— вмѣсто этого устремились бы мы съ Христовымъ самопожертвованіемъ проводить Христову истину и благодать во всякія среды земнаго быта, во всѣ среды не только церковно-духовныя, но и гражданскія, не затрудняясь или не воспящаясь вторгающимися во всякія среды заблужденіями или ложными направленіями. Воскресъ бы тогда въ насъ духъ Павла, проносящаго Евангельскій Свѣтъ особенно въ тѣ среды, гдѣ и не говорили дотолѣ о Христѣ. Мученическое самопожертвованіе, святоотеческое углубленіе въ Христову истину, подвижническія стремленія возвести

всю природу и жизнь свою въ Христову жизнь и свѣтъ, могли бы раскрываться и въ такихъ людяхъ, которые доселѣ такъ ужъ и приговариваютъ себя заниматься грѣшною мірскою мыслію, грѣшнымъ мірскимъ дѣломъ. Это было бы точно, какъ новый міръ, въ которомъ однако духъ святыхъ Апостоловъ, святыхъ мучениковъ и мученицъ, святыхъ отцевъ, святыхъ подвижниковъ и подвижницъ найдетъ своего истиннаго и прямаго наслѣдника; также какъ съ восторгомъ увидѣли бы и ветхозавѣтные патріархи и другіе праведники новозавѣтную благодать въ средахъ земнаго и мірскаго, въ которыхъ они еще издали своего ветхаго завѣта, въ образахъ, и разныхъ начаткахъ, прозрѣвали и предусвояли себѣ эту же благодать. Это, пожалуй, и новыя возрѣнія, но новыя единственно по новости примѣненія вѣчной Христовой истины (Іоан. VIII, 12), открываемой и въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, съ неизмѣнною вѣрностію, соблюдаемой вселенскою православною Церковію; да и самая эта новость примѣненія оправдывается древними же святыми, какъ это я объяснялъ уже въ книгѣ «о православіи».—Итакъ самъ г. «Собесѣдникъ» можетъ, если захочетъ, усмотрѣть, какъ нейдетъ къ моему образу мыслей, безплодная для практической жизни, «теорія истины для истины».

«Чтобы излечить опасную болѣзнь, говоритъ «Собесѣдникъ», недостаточно ограничиваться леченіемъ одной какой нибудь наружной раны въ больномъ,—надо добраться до корня болѣзни». Вотъ именно для этого и слѣдуетъ входить въ духъ человѣколюбія Христова, по которому Господь пожертвовалъ Собою за грѣхи міра. Онъ, пріемля на Себя и вполнѣ вынесши на Себѣ отвѣтственность за вины человѣковъ», чрезъ это, во первыхъ, открылъ самый корень мірскаго зла и растлѣнности, по которому оказалось, что *нѣсть наша брань къ плоти и крови* или къ простымъ плотянымъ людямъ, *но къ началомъ и властемъ и міродержителемъ тьмы* (Еф. VI, 12); а, во вторыхъ, Онъ чрезъ тоже самое «отнялъ силу у этихъ темныхъ начальства и власти, явно посрамилъ ихъ, восторжествовавъ надъ ними въ Себѣ» (Колос. II, 15). Такъ и вѣра наша, входя въ расположенія и духъ любви Господней, низведшей Его въ

нашъ грѣшный міръ и здѣсь доведшей до крестной смерти за грѣхи всего міра, будетъ умѣть сколько открывать самый корень той или другой болѣзни духовной, тонко примѣчая, въ чемъ именно указывается и гнѣздится самая сила болѣзнетворной лжи и зла, столько вмѣстѣ подрывать и посрамлять эту губительную для человѣка силу лжи и зла. Вотъ, напр., возьмемъ во вниманіе ту болѣзнь нашего общества, что многіе мірскіе или свѣтскіе съ недовѣріемъ или презрѣніемъ относятся къ духовнымъ, а многіе изъ этихъ послѣднихъ съ осужденіемъ и подозрительностію смотрятъ на первыхъ. Тѣ и другіе обыкновенно опираются на недостаткахъ и слабостяхъ другъ друга въ разныхъ отношеніяхъ; недостатки и слабости тѣхъ и другихъ, чрезъ взаимное недовольство той и другой стороны, не врачуются, а взаимное умственное и нравственное раздѣленіе между обѣими сторонами чрезъ такое несогласіе можетъ только болѣе усиливаться. То ли было бы дѣло, еслибы та и другая сторона, и притомъ *прежде* духовная (потому что она именно духовная), а *потомъ* и свѣтская, въ общеніи Христова человѣколюбія вмѣняли бы—каждая и себѣ самой вины и недостатки противной стороны? Вѣдь, по откровенію Божественному, и Церкви и ихъ Ангелы или пастыри судятся *за одно* или безраздѣльно, такъ что и добро и худо тѣхъ и другихъ оказывается общимъ той и другой сторонѣ (Апок. II и III). Да и въ дѣйствительности, по глубокому взаимнодѣйствію обѣихъ сторонъ, ту и другую изъ нихъ нельзя отдѣлять одну отъ другой по отношенію къ ихъ добру и худу; и это надо твердо держать въ мысляхъ той и другой сторонѣ, хотя бы только одинъ Сердцевѣдецъ могъ на страшномъ Своемъ судѣ разобрать всѣ подробности и глубины этого взаимнодѣйствія разныхъ сторонъ въ добрѣ и злѣ, и хотябы, потому, г. «Собесѣднику» и казалась подобная мысль «разсужденіемъ о томъ, чего никто не понимаетъ... «Такъ, говорю, пусть духовная и свѣтская сторона, имѣя въ виду взаимные недостатки, трактуетъ ихъ какъ общую свою вину и бѣду. Тогда духъ вражды и раздѣленія не укрылся бы ни подъ какою благовидною личиною и съ самымъ корнемъ исчезъ бы отъ этой силы креста Господня—отъ духа Христова

человѣколюбія, вземлющаго на себя наши вины и прегрѣшенія. И общественный организмъ явился бы благодатно обновленнымъ, дружно дѣйствующимъ и развивающимся въ своихъ различныхъ сторонахъ и силахъ.

Но внѣ направленія и духа любви къ человѣчеству Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, неизбѣжно приходится останавливаться болѣе или менѣе на внѣшнихъ ранахъ нашего времени, не проникая въ самый корень той или другой болѣзни. Примѣра искать не далеко. Тотъже г. «Собесѣдникъ», который далъ поводъ къ настоящей нашей бесѣдѣ, указываетъ въ своей статьѣ на извѣстное мнѣніе г. Пирогова, что каѳедра богословская въ университетахъ даетъ большинству только поводъ и пищу къ запросамъ невѣрія, къ развитію духа дерзко-критическаго и что, потому, не лучше ли закрыть ее, чтобы, по крайней мѣрѣ, оставались въ молодыхъ людяхъ нетронутыми сердечныя религіозныя расположенія и впечатлѣнія, полученныя съ дѣтства въ родномъ вѣрующемъ семействѣ. Ничего, конечно, не стоитъ отнести къ противоцерковному мудрованію эту мысль о закрытіи въ университетахъ преподаванія богословія. Но, вѣдь, это обличеніе только наружной раны, не слишкомъ далекое притомъ отъ простой придирки, когда мысль г. Пирогова берутъ отрывочно, не въ полномъ ея развитіи, и безъ вниманія къ извѣстной педагогической опытности и христіанской гуманности и добросовѣстности г. Пирогова. А между тѣмъ стоитъ подумать, отъ чего у насъ происходитъ и какъ можетъ быть исправлено такое несчастное отношеніе между вѣрой и наукой, что и очень достойному человѣку могло прійти на мысль, не лучше ли ужъ въ университетѣ, для сохраненія въ воспитанникахъ чувства вѣры, вовсе не касаться вѣры научнымъ образомъ?! Вотъ эту-то ужасную болѣзнь, гнѣздящуюся въ самыхъ внутреннихъ отношеніяхъ между наукою и вѣрою, слѣдовало бы намъ разъяснять и врачевать; а мы вооружаемся только на мнѣніе г. Пирогова, выражающее въ себѣ не болѣе того, что этотъ педагогъ просто теряется въ недоумѣніи, какъ и взяться за такую страшную болѣзнь. Вмѣсто этого было бы лучше и благонадежнѣе для дознанія и увраченія этой болѣзни,

если бы стоящіе за вѣру и за богословіе озабочивались такъ понимать вѣру и богословіе, чтобы во Христѣ раскрывалось основаніе для всего зданія науки, только не деспотически—по средневѣковому, а въ духѣ отеческаго Божія благоволенія къ человѣку и Агнчаго за человѣка самопожертвованія. Когда наука приняла направленіе успокоиваться только на томъ, въ чемъ осязательно удостовѣряется, и въ особенности когда она, изъ возбужденной въ ней исторіею опасливости, чтобы вѣра не отняла у ней—науки—самостоятельности ея или свободы, становится то въ оборонительное, то какъ бы въ наступательное положеніе къ вѣрѣ: въ такое время вѣрѣ и можно взять *свое* (и она возьметъ это *свое*) только Христовымъ самопожертвованіемъ и за эти неправости мысли человѣческой, какъ и за все (грѣховное) человѣческое для очищенія всего этого отъ скверны лжи и грѣха. Настанетъ пора, и наука наша повторитъ когда нибудь воззваніе св. Ѳомы къ Господу, явившемуся ему съ язвами крестными: *Господь мой и Богъ мой!* Другаго способа отражать или уврачевать духъ невѣрія, проникшій въ науку, мы не найдемъ, сколько бы ни ратовали мы противъ разныхъ наружныхъ его обнаруженій, не соглашаясь съ духомъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра.

«Сорная трава, говоритъ г. «Собесѣдникъ» сама собою ростетъ, а чтобы выросло доброе сѣмя, надобно не только вспахать и удобрить почву, но главнымъ образомъ вырвать, выполоть дурную траву, иначе и доброе сѣмя заглохнетъ.»— Хорошо; но надо же при этомъ имѣть внушаемую Самимъ Господомъ осторожность, *да не когда, восторгающе плевелы* или дурную траву, *восторгнете купно съ ними и пшеницу*— произрастеніе отъ добраго сѣмени (Мат. XIII, 29). Христосъ Спаситель міра, *восторгая* или упраздняя *плевелы* грѣховъ и заблужденій міра, благоволилъ для этого подвергнуть Себя Самого *восторженію* отъ среды живыхъ, «не погубляя никого изъ тѣхъ, кого далъ Ему Отецъ» (Іоан. XVIII, 9). Въ этомъ же духѣ Христовой любви къ человѣчеству, вырывайте дурную траву заблужденій и зла мірскаго; и тогда вы и въ этомъ дѣлѣ успѣете, и не затронете, не повредите добраго сѣмени,

которое бываетъ иногда, какъ зерно горчичное, менѣе и помалости своей незамѣтнѣе всѣхъ сѣмянъ земныхъ (Марк. IV, 31). Страшно пренебречь и не пощадить и «горушечное зерно добра» (какъ выражается «Духовный Вѣстникъ», по цитировкѣ г. «Собесѣдника»),—страшно это по отношенію и къ самому существу добра и къ состоянію тѣхъ людей, въ которыхъ есть это горушечное зерно добра.

Существо добра, какъ ни раздѣляйте съ «Собесѣдникомъ» свѣтъ добра, по *созданію, промышленію* и *возсозданію,* всеже относится къ полнотѣ благодати и истины Христа Бога Слова, Кто одинъ есть жизнь и свѣтъ человѣкамъ. «Все Имъ получило бытіе и безъ Него не получило бытія ничто, что̀ ни получило бытіе» (Іоан. I, 3); Онъ же есть, по промышленію, *посылай всяческая глаголомъ силы Своея,* также, какъ, по искупленію, «очистилъ Собою грѣхи наши» (Евр. I, 3). Да еще кромѣ этого,—сокровенный духъ и сила тайны какъ созданія, такъ и промышленія раскрываются именно въ тайнѣ *Агнца Божія, заколеннаго* въ мысли Божіей уже *отъ сложенія міра* (Ап. XIII 8)—въ основаніе всего состава и всѣхъ судебъ міра. Поэтому-то истинную вѣру въ тайну творенія Апостолъ Павелъ относитъ къ вѣрѣ, оправдательной для души (Евр. XI, 3: слич. X, 39),—къ вѣрѣ, начальникъ и совершитель которой есть Іисусъ (XII, 2). Потому же и Пророкъ Даніилъ, въ видѣніи устрояемыхъ Промысломъ Божіимъ судебъ различныхъ царствъ, еще въ ветхомъ завѣтѣ созерцалъ главу и рѣшителя этихъ судебъ въ *Сынѣ человѣческомъ,* Который *идый бяше и даже до Ветхаго деньми дойде* (Дан. VII). Такимъ образомъ по нашему мнѣнію, хотя и, надобно различать, отнюдь не смѣшивая, троякаго рода свѣтеніе Христово въ человѣческихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ — свѣтскіе по созданію человѣка, по его возсѣданію и по промышленію Божію о немъ» (какъ говоритъ г. «Собесѣдникъ»), но не должно разъединять благодать этого свѣтенія, единую въ своемъ источникѣ и существенномъ своемъ духѣ. Тутъ дѣло опять въ самой истинѣ, а не въ «діалектическомъ способѣ обобщенія«, который г.«Собесѣдникъ« приписываетъ мнѣ въ отношеніи именно

къ этому самому предмету.—Чтоже теперь слѣдуетъ изъ сказаннаго? То, что, какого рода свѣтеніе Христово въ человѣкѣ ни пренебрегъ бы кто легкомысленно, онъ пренебрегъ бы и отринулъ все же саму Христову благодать.

Обратите теперь вниманіе на состояніе тѣхъ людей, въ которыхъ оказалось бы пренебреженное и отринутое другими «горушечное сѣмя добра». Пусть эти люди очень и очень больны духомъ: отъ этого-то именно и страшно пренебречь въ этихъ людяхъ и самою малою капелькою или росинкою (или, по другому уподобленію, зернышкомъ) жизненнаго добра. *Есть грѣхъ къ смерти*, говоритъ особенно любвеобильный Апостолъ, *не о томъ глаголю, да молится* (1 Іоан. V, 16); а другой Апостолъ указываетъ, въ объясненіе того же, такія болѣзни духовныя, больныхъ которыми даже *невозможно паки обновляти въ покаяніе* (Евр. VI, 4—6). Представьте же себѣ такихъ людей изъ христіанъ и даже изъ православныхъ, которые, съ нѣкоторыхъ сторонъ своего духа, заболѣли *грѣхомъ* или заблужденіемъ уже *къ смерти*,—но въ которыхъ, съ другихъ сторонъ ихъ духа, обозначалось бы горушечное зерно добра Христова, могущее еще раскрыться въ жизнь и спасеніе, съ отдѣленіемъ мертваго или пораженнаго на смерть (*). Ну, если вы, по недостатку человѣколюбія, не замѣчая или пренебрегая это зерно Христова добра въ такихъ больныхъ, стали бы обличеніемъ и осужденіемъ дѣйствовать только на тѣ стороны ихъ духа, въ которыхъ уже развивается болѣзнь *грѣхи къ смерти*, то что вы дѣлали бы? — Только прикалывали бы или закалали до смерти больныхъ, и безъ того *еле живыхъ*. Какъ хотите, это духовное безчеловѣчіе страшно!

Не знаю, пойметъ ли г. «Собесѣдникъ» меня и въ этомъ моемъ письмѣ къ вамъ. Вѣдь моя рѣчь тежела и трудна для уразумѣнія, въ чемъ я и самъ признаюсь, объясняя впрочемъ и

(*) Образчикъ или наглядный примѣръ того, какъ погибающій можетъ быть спасенъ, съ отдѣленіемъ мертваго въ немъ,—представляетъ одно изъ сказаній святой Аѳонской горы. Одинъ монахъ по какому-то случаю похулилъ Пресв. Богородицу и даже ударилъ въ ея икону. Онъ былъ прощенъ, и умеръ въ мирѣ, но дерзкая рука остается и донынѣ въ окаменѣніи, блюдомая на судъ Господень.

теперь часть этой неудобопонятности тѣмъ, что она естественна по нѣкоторой новости моего воззрѣнія на предметъ настоящей бесѣды съ вами. Но пусть и г. «Собесѣдникъ» подумаетъ, отъ чего мои антагонисты затрудняются и путаются именно моимъ «принципомъ» о вхожденіи нашей вѣры въ духъ любви Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, какъ будто Онъ всесвятый и былъ виноватъ въ грѣхахъ всѣхъ людей «начиная отъ Адама и кончая антихристомъ»,—отъ чего и самъ онъ, г. «Собесѣдникъ», изъ моихъ книгъ и статей, которыя онъ, по его словамъ, *почти всѣ* прочиталъ, не примѣтилъ того же главнаго моего «принципа» (не примѣтилъ до того, что даже не увидѣлъ, зачѣмъ это такъ нужно мнѣ говорить о смерти или вообще самопожертвованіи Господнемъ за всѣхъ людей). Изъ одной литературной темноты моей рѣчи, какова бы она ни была, не объясните этой странной непонятливости. Нѣтъ! Видно, что, когда къ какому человѣку станетъ кто задомъ, а не лицемъ,—такъ ему нельзя ужъ никакъ разглядѣть этого человѣка. Разность въ самыхъ началахъ и направленіи воззрѣнія—вотъ, по моему убѣжденію, коренная причина непониманія моего образа мыслей. Любовію къ истинѣ Христовой, въ которой содержится сила жизни вѣчной для всѣхъ насъ, убѣждаю и даже умоляю г. «Собесѣдника» и подобныхъ ему потрудиться надъ надлежащимъ уразумѣніемъ моего «принципа» и терпѣливо «одолѣть» особенно мою книгу объ Ап. Павлѣ, который словомъ Божіимъ утверждаетъ и внушаетъ нашей вѣрѣ этотъ самый принципъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. По поводу преобразованія русскаго судопроизводства . . 7

II. О проведеніи въ разныя мірскія или бытовыя, житейскія среды благодатныхъ началъ. 41

III. О затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ въ примѣненіи къ мірскому благодатныхъ началъ 81

IV. О томъ, какъ совершается Божіе въ дѣлахъ и судьбахъ человѣческихъ (по поводу польскаго вопроса). 137

V. О важнѣйшихъ вопросахъ нашего времени, затронутыхъ въ дѣлѣ польскаго возстанія 173

VI. О вѣрѣ и знаніи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. . . . 218

VII. Разговоры по крестьянскому вопросу. 275

VIII. Путевые разговоры, касающіеся духа народнаго. 319

IX. О журналахъ нашихъ свѣтскихъ и духовныхъ. 346

X. О дѣлѣ духовной критики и науки. 386

XI. О двухъ, борющихся между собою, направленіяхъ современной мыслительности въ Россіи 407

XII. Объ образованіи духовныхъ и объ отношеніи ихъ къ прочему составу церкви. 444

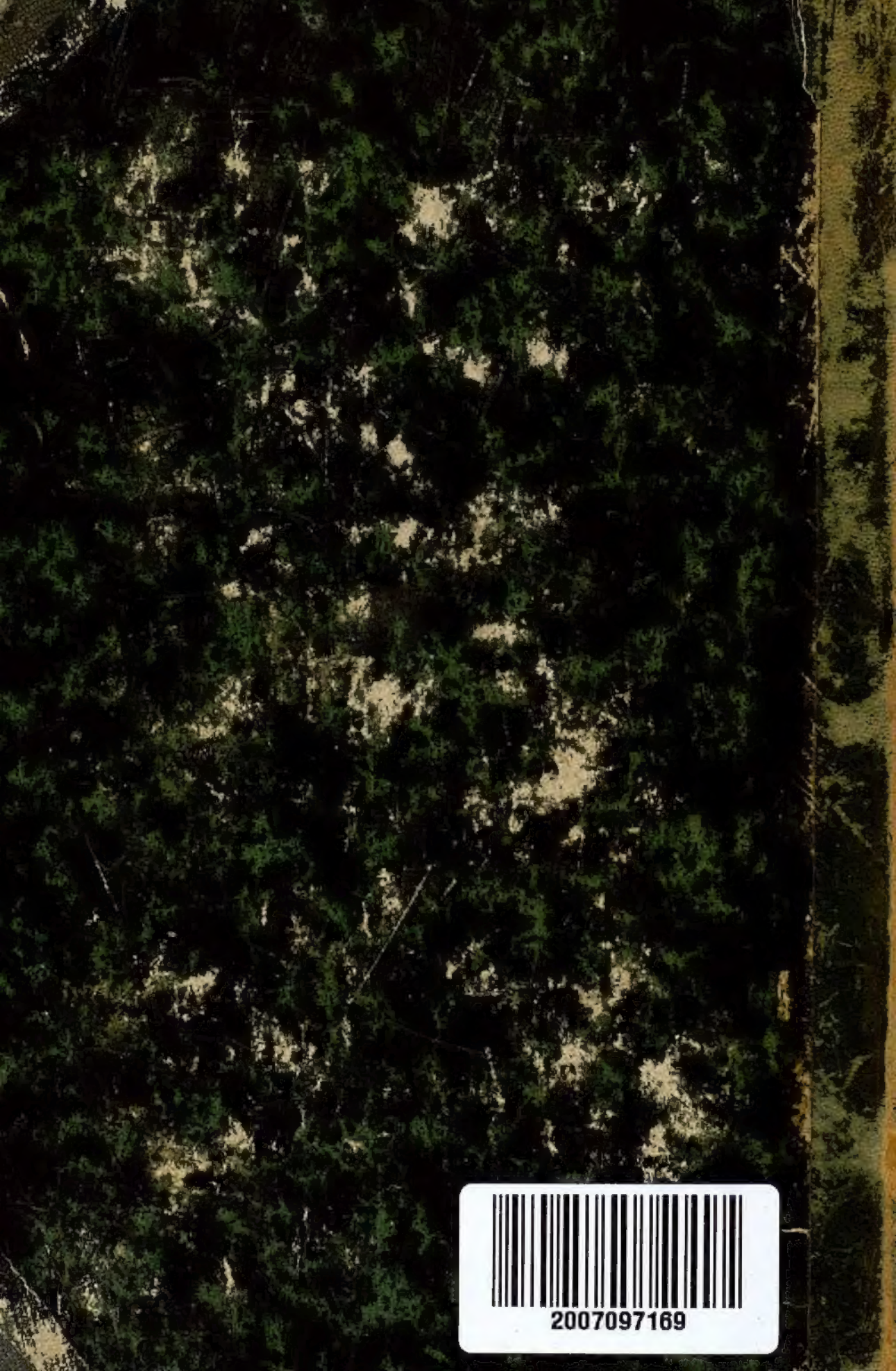
XIII. Разборъ двухъ романовъ, касающихся важныхъ затрудненій и вопросовъ современной мысли и жизни: 1, «Что дѣлать» г. Чернышевскаго, и 2, «Отцы и дѣти» г. Тургенева. 452

XIV. Важный урокъ, преподаваемый современной мыслительности юродствомъ Христа ради 548

XV. Отзывъ на заграничныя письма о. протоіерея Васильева о сущности православія въ отношеніи къ римскому католичеству. 553

XVI. По поводу книги «о новомъ завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа» 576

XVII. Объясненія автора о своемъ образѣ мыслей 618



2007097169